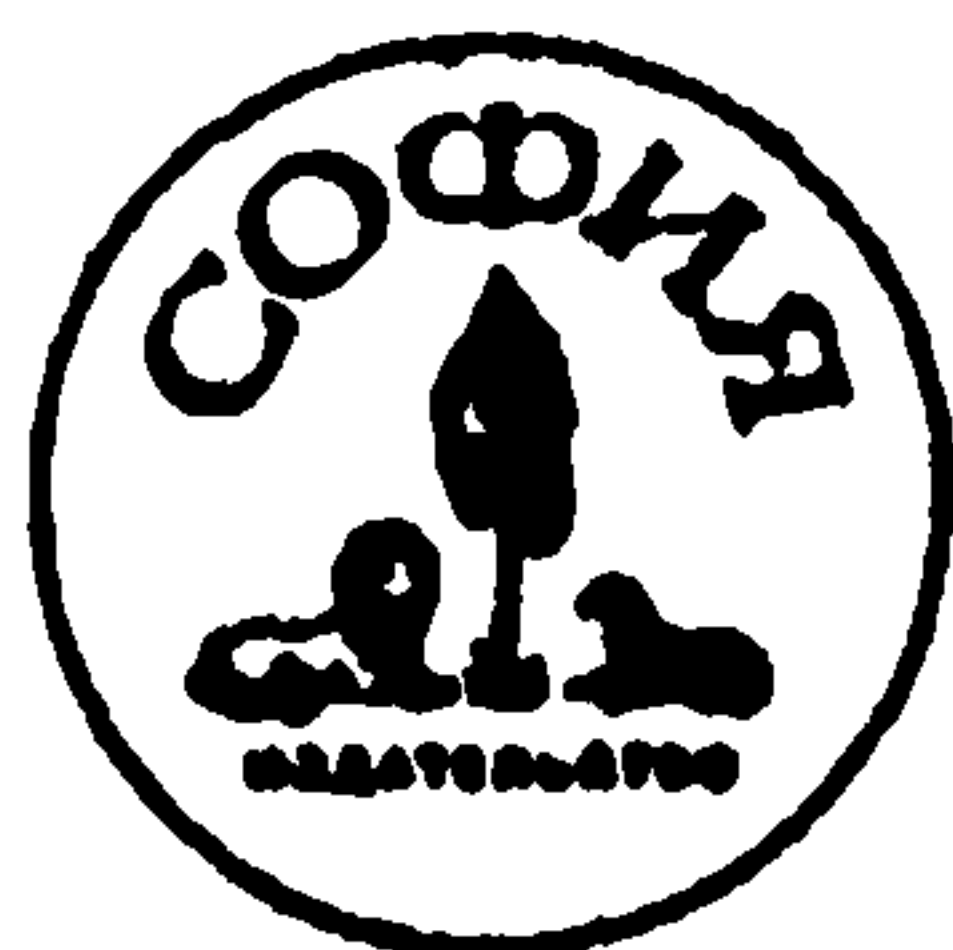

ТАЙНА ИЗРАИЛЯ

« Еврейский вопрос »
в русской религиозной
мысли конца XIX–первой
половины XX в.в.

«София»
Санкт - Петербург
1993

Тайна Израиля

(«Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX вв.). — СПб., София, 1993.

В сборник входят произведения Ф.Достоевского, Вл.Соловьева, Дм. Мережковского, Вяч. Иванова, Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Розанова, Л. Карсавина, В. Зеньковского, Г. Федотова, объединенные одной темой судьбы и назначения еврейского народа во всемирной истории.

Книга впервые объективно и всесторонне показывает, как ставился и решался с религиозных, философских и публицистических позиций «еврейский вопрос» русскими мыслителями на основе христианского мировоззрения в самые трудные периоды истории России.

Глава вторая

I. «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

О, не думайте, что я действительно затеваю поднять «еврейский вопрос»! Я написал это заглавие в шутку. Поднять такой величины вопрос, как положение еврея в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев, — я не в силах. Вопрос этот не в моих размерах. Но некоторое суждение мое я все же могу иметь, и вот выходит, что суждением моим некоторые из евреев стали вдруг интересоваться. С некоторого времени я стал получать от них письма, и они серьезно и с горечью упрекают меня за то, что я на них «нападаю», что я «ненавижу жида», ненавижу не за пороки его, «не как эксплуататора», а именно как племя, то есть вроде того, что: «Иуда, дескать, Христа продал». Пишут это «образованные» евреи, то есть из таких, которые (я заметил это, но отнюдь не обобщаю мою заметку, оговариваюсь заранее) — которые всегда как бы постараются дать вам знать, что они, при своем образовании, давно уже не разделяют «предрассудков» своей нации, своих религиозных обрядов не исполняют, как прочие мелкие евреи, считают это ниже своего просвещения, да и в бога, дескать, не веруем. Замечу в скобках и кстати, что всем этим господам из «высших евреев», которые так стоят за свою нацию, слишком даже грешно забывать своего сорокавекового Иегову и отступать от него. И это далеко не из одного только чувства национальности грешно, а и из других, весьма высокого размера причин. Да и странное дело: еврей без бога как-то немыслим; еврея без бога и представить нельзя. Но тема эта из обширных, мы ее пока оставим. Всего удивительнее мне то: как это и откуда я попал в ненавистники еврея как народа, как нации? Как эксплуататора и за некоторые пороки мне осуждать еврея отчасти дозволяется самими же этими господами, но — но лишь на словах: на деле трудно

найти что-нибудь раздражительнее и щепетильнее образованного еврея и обидчивее его, как еврея. Но опять-таки: когда и чем заявил я ненависть к еврею как к народу? Так как в сердце моем этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я, с самого начала и прежде всякого слова, с себя это обвинение снимаю, раз навсегда, с тем, чтобы уж потом об этом и не упоминать особенно. Уж не потому ли обвиняют меня в «ненависти», что я называю иногда еврея «жидом»? Но, во-первых, я не думал, чтоб это было так обидно, а во-вторых, слово «жид», сколько помню, я упоминал всегда для обозначения известной идеи: «жид, жидовщина, жидовское царство» и проч. Тут обозначалось известное понятие, направление, характеристика века. Можно спорить об этой идее, не соглашаться с нею, но не обижаться словом. Выпишу одно место из письма одного весьма образованного еврея, написавшего мне длинное и прекрасное во многих отношениях письмо, весьма меня заинтересовавшее. Это одно из самых характерных обвинений меня в ненависти к еврею как к народу. Само собою разумеется, что имя г-на NN, мне писавшего это письмо, останется под самым строгим анонимом.

...но я намерен затронуть один предмет, который я решительно не могу себе объяснить. Это ваша ненависть к «жиду», которая проявляется почти в каждом выпуске вашего «Дневника».

Я бы хотел знать, почему вы восстаете против жида, а не против эксплуататора вообще; я не меньше вашего терпеть не могу предрассудков моей нации — я немало от них страдал, — но никогда не соглашусь, что в крови этой нации живет бессовестная эксплуатация.

Неужели вы не можете подняться до основного закона всякой социальной жизни, что *все* без исключения граждане одного государства, если они только несут на себе все повинности, необходимые для существования государства, должны пользоваться *всеми* правами и выгодами его существования и что для отступников от закона, для вредных членов общества должна существовать одна и та же мера взыскания, общая для всех?.. Почему же все евреи должны быть ограничены в правах и почему для них должны существовать специальные карательные законы? Чем эксплуатация чужестранцев (евреи ведь все-таки русские подданные): немцев, англичан, греков, которых в России такая пропасть, лучше жидовской эксплуатации? Чем русский православный кулак, мироед, целовальник, кровопийца, которых так много расплодилось во *всей* России, лучше тако-

вых из жидов, которые все-таки действуют в ограниченном кругу? Чем такой-то лучше такого-то...

(Здесь почтенный корреспондент сопоставляет несколько известных русских кулаков с еврейскими в том смысле, что русские не уступят. Но что же это доказывает? Ведь мы нашими кулаками не хвалимся, не выставляем их как примеры подражания и, напротив, в высшей степени соглашаемся, что и те и другие нехороши.)

Таких вопросов я бы мог вам задавать тысячами.

Между тем вы, говоря о «жиде», включаете в это понятие всю страшно нищую массу трехмиллионного еврейского населения в России, из которых два миллиона 900 000, по крайней мере, ведут отчаянную борьбу за жалкое существование, нравственно чище не только других народностей, но и обоготворяемого вами русского народа. В это название вы включаете и ту почтенную цифру евреев, получивших высшее образование, отличающихся на всех поприщах государственной жизни, берите хоть...

Тут опять несколько имен, которых я, кроме Гольдштейнова, считаю не вправе напечатать, потому что некоторым из них, может быть, неприятно будет прочесть, что они происходят из евреев.)

...Гольдштейна (геройски умершего в Сербии за славянскую идею) и работающих на пользу общества и человечества? Ваша ненависть к «жиду» простирается даже на Дизраэли... который, вероятно, сам не знает, что его предки были когда-то испанскими евреями, и который, уж конечно, не руководит английской консервативной политикой с точки зрения «жида» (?)...

Нет, к сожалению, вы не знаете ни еврейского народа, ни его жизни, ни его духа, ни его сорокавековой истории, наконец. К сожалению, потому, что вы, во всяком случае человек искренний, абсолютно честный, а наносите бессознательно вред громадной массе нищенствующего народа, — сильные же «жиды», принимая сильных мира сего в своих салонах, конечно, не боятся ни печати, ни даже бессильного гнева эксплуатируемых. Но довольно об этом предмете! Вряд ли я вас убежу в моем взгляде, — но мне крайне желательно было бы, чтобы вы убедили меня.

Вот этот отрывок. Прежде чем отвечу что-нибудь (ибо не хочу нести на себе такое тяжелое обвинение), — обращаю внимание на ярость нападения и на степень обидчивости. Положительно у меня, во весь год издания «Дневника», не было таких размеров статьи против «жида», которая бы могла вызвать такой силы нападение. Во-вторых, нельзя не заметить, что почтенный корреспондент, коснувшись в этих немногих строках своих и до русского народа, не утерпел и не выдержал и отнесся к бедному русскому народу несколько слишком уж свысока. Правда, в России и от русских-то не осталось ни одного непроплеванного места (словечко Щедрина), а еврею тем «простительнее». Но во всяком случае, ожесточение это свидетельствует ярко о том, как сами евреи смотрят на русских. Писал это действительно человек образованный и талантливый (не думаю только, чтоб без предрассудков); чего же ждать, после того, от необразованного еврея, которых так много, каких чувств к русскому? Я не в обвинение это говорю: все это естественно, я только хочу указать, что в мотивах нашего разъединения с евреем виновен, может быть, и не один русский народ и что скопились эти мотивы, конечно, с обеих сторон, и еще неизвестно, на какой стороне в большей степени. Отметив это, выскажу несколько слов в мое оправдание и вообще как я смотрю на это дело. И хоть вопрос этот, повторяю, мне и не по силам, но что-же-нибудь ведь и я могу выразить.

II. PRO И CONTRA

Положим, очень трудно узнать сорокавековую историю такого народа, как евреи; но на первый случай я уже то одно знаю, что наверно нет в целом мире другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждым шагом и словом своим, на свое принижение, на свое страдание, на свое мученичество. Подумаешь, не они царят в Европе, не они управляют там биржами хотя бы только, а стало быть, политикой, внутренними делами, нравственностью государств. Пусть благородный Гольдштейн умирает за славянскую идею. Но все-таки, не будь так сильна еврейская идея в мире, и, может быть, тот же самый «славянский» (прошлогодний) вопрос давно бы уже решен был в пользу славян, а не турок. Я готов поверить,

что лорд Биконсфильд сам, может быть, забыл о своем происхождении когда-то от испанских жидов (наверно, однако, не забыл); но что он «руководил английской консервативной политикой» за последний год, *отчасти* с точки зрения жида, в этом, по-моему, нельзя сомневаться. «Отчасти-то» уж нельзя не допустить.

Но пусть все это с моей стороны голословие, легкий тон и легкие слова. Уступаю. Но все-таки не могу вполне поверить крикам евреев, что уж так они забиты, замучены и унижены. На мой взгляд, русский мужик, да и вообще русский простолюдин, несет тягостей чуть ли не больше еврея. Мой корреспондент пишет мне в другом уже письме:

«Прежде всего *необходимо* предоставить им (евреям) все гражданские права (подумайте, что они лишены до сих пор самого коренного права свободного выбора местожительства, из чего вытекает множество страшных стеснений для всей еврейской массы), как и всем другим чужим народностям в России, а потом уже требовать от них исполнения своих обязанностей к государству и к коренному населению».

Но подумайте и вы, г-н корреспондент, который сами пишете мне, в том же письме, на другой странице, что вы «не в пример больше любите и жалеете трудящуюся массу русского народа, чем еврейскую» (что уже слишком для еврея сильно сказано), — подумайте только о том, что когда еврей «терпел в свободном выборе местожительства», тогда двадцать три миллиона «русской трудящейся массы» терпели от крепостного состояния, что уж конечно было потяжелее «выбора местожительства». И что же, пожалели их тогда еврей? Не думаю; в западной окраине России и на юге вам на это ответят обстоятельно. Нет, они и тогда точно так же кричали о правах, которых не имел сам русский народ, кричали и жалобились, что они забиты и мученики и что, когда им дадут больше прав, «тогда и спрашивайте с нас исполнения обязанностей к государству и коренному населению». Но вот пришел освободитель и освободил коренной народ, и что же, кто первый бросился на него, как на жертву, кто воспользовался его пороками преимущественно, кто оплел его вековечным золотым своим промыслом, кто тотчас же заместил, где только мог и поспел, упраздненных помещиков с тою разницею, что помещики хоть и сильно эксплуатировали людей, но все

же старались не разорять своих крестьян, пожалуй, для себя же, чтоб не истощить рабочей силы, а еврею до истощения русской силы дела нет, взял свое и ушел. Я знаю, что евреи, прочтя это, тотчас же закричат, что это неправда, что это клевета, что я лгу, что я потому верю всем этим глупостям, что «не знаю сорокавековой истории» этих чистых ангелов, которые несравненно «нравственно чище не только других народностей, но обоготворяемого мною русского народа» (по словам корреспондента, см. выше). Но пусть, пусть они нравственно чище всех народов в мире, а русского уж разумеется, а между тем я только что прочел в мартовской книжке «Вестника Европы» известие о том, что евреи в Америке, Южных Штатах, уже набросились всей массой на многомиллионную массу освобожденных негров и уже прибрали ее к рукам по-своему, известным и вековечным своим «золотым промыслом» и пользуясь неопытностью и пороками эксплуатируемого племени. Представьте же себе, когда я прочел это, мне тотчас же вспомнилось, что мне еще пять лет тому приходило это самое на ум, именно то, что вот ведь негры от рабовладельцев теперь освобождены, а ведь им не уцелеть, потому что на эту свежую жертвочку как раз набросятся евреи, которых столь много на свете. Подумал я это, и, уверяю вас, несколько раз потом в этот срок мне впадало на мысль: «Да что же там ничего об евреях не слышно, что в газетах не пишут, ведь эти негры евреям клад, неужели пропустят?» И вот дождался, написали в газетах, прочел. А дней десять тому назад прочел в «Новом времени» (№ 371) корреспонденцию из Ковно, прехарактернейшую: «Дескать, до того набросились там евреи на местное литовское население, что чуть не сгубили всех водкой, и только ксендзы спасли бедных опившихся, угрожая им муками ада и устраивая между ними общества трезвости». Просвещенный корреспондент, правда, сильно краснеет за свое население, до сих пор верующее в ксендзов и в муки ада, но он сообщает при этом, что поднялись вслед за ксендзами и просвещенные местные экономисты, начали устраивать сельские банки, именно чтобы спасти народ от процентщика-еврея, и сельские рынки, чтобы можно было «бедной трудящейся массе» получать предметы первой потребности по настоящей цене, а не по той, которую назначает еврей. Ну, вот я это все прочел и знаю, что мне в один миг закричат, что все это ничего не доказывает, что это от того, что евреи сами угнетены, сами бедны, а, напротив, разбо-

гатеи они, то мигом показали бы себя с самой гуманной стороны, так что мир бы весь удивили. Но ведь, конечно, все эти негры и литовцы еще беднее евреев, выжимающих из них соки, а ведь те (прочтите-ка корреспонденцию) гнушаются такой торговлей, на которую так падок еврей; во-вторых, не трудно быть гуманным и нравственным, когда самому жирно и весело, а чуть «борьба за существование», так и не подходи ко мне близко. Не совсем уж это, по-моему, такая ангельская черта, а в-третьих, ведь и я, конечно, не выставляю эти два известия из «Вестника Европы» и «Нового времени» за такие уж капитальные и всерешающие факты. Если начать писать историю этого всемирного племени, то можно тотчас же найти сто тысяч таких же и еще крупнейших фактов, так что один или два факта лишних ничего особенного не прибавят, но ведь что при этом любопытно: любопытно то, что чуть лишь вам — в споре ли или просто в минуту собственного раздумья — чуть лишь вам понадобится справка о еврее и делах его, то не ходите в библиотеки для чтения, не ройтесь в старых книгах или в собственных старых отметках, не трудитесь, не ищите, не напрягайтесь, а не сходя с места, не подымаясь даже со стула, протяните лишь руку к какой хотите первой лежащей подле вас газете и поищите на второй или на третьей странице: непременно найдете что-нибудь о евреях и непременно то, что вас интересует, непременно самое характернейшее и непременно одно и то же, то есть все одни и те же подвиги! Так ведь это, согласитесь сами, что-нибудь да значит, что-нибудь да указывает, что-нибудь открывает же вам, хотя бы вы были круглый невежда в сорокавековой истории этого племени. Разумеется, мне ответят, что все обуреваемы ненавистью, а потому все лгут. Конечно, очень может случиться, что все до единого лгут, но в таком случае рождается тотчас другой вопрос: если все до единого лгут и обуреваемы такою ненавистью, то с чего-нибудь да взялась же эта ненависть, ведь что-нибудь значит же эта всеобщая ненависть, «ведь что-нибудь значит же слово *все!*», как восклицал некогда Белинский.

«Свободный выбор местожительства!» Но разве русский «коренной» человек уж так совершенно свободен в выборе местожительства? Разве не продолжают и до сих пор еще прежние, еще от крепостных времен оставшиеся и нежелательные стеснения в полной свободе выбора местожительства и для русского простолюдина, на которые давно обращает

внимание правительство? А что до евреев, то всем видно, что права их в выборе местожительства весьма и весьма расширились в последние двадцать лет. По крайней мере, они явились по России в таких местах, где прежде их не видывали. Но евреи все жалуются на ненависть и стеснения. Пусть я не тверд в познании еврейского быта, но одно-то я уже знаю наверно и буду спорить со всеми, именно: что нет в нашем простонародье предвзятой, априорной, тупой, религиозной какой-нибудь ненависти к еврею, вроде: «Иуда, дескать, Христа продал». Если и услышишь это от ребятишек или от пьяных, то весь народ наш смотрит на еврея, повторяю это, без всякой предвзятой ненависти. Я пятьдесят лет видел это. Мне даже случилось жить с народом, в массе народа, в одних казармах, спать на одних нарах. Там было несколько евреев — и никто не презирал их, никто не исключал их, не гнал их. Когда они молились (а евреи молятся с криком, надевая особое платье), то никто не находил этого странным, не мешал им и не смеялся над ними, чего, впрочем, именно надо бы было ждать от такого грубого, по вашим понятиям, народа, как русские; напротив, смотря на них, говорили: «Это у них такая вера, это они так молятся», — и проходили мимо с спокойствием и почти с одобрением. И что же, вот эти-то евреи чуждались во многом русских, не хотели есть с ними, смотрели чуть не свысока (и это где же? в остроге!) и вообще выражали гадливость и брезгливость к русскому, к «коренному» народу. То же самое и в солдатских казармах, и везде по всей России: наведаетесь, спросите, обижают ли в казармах еврея как еврея, как жиды, за веру, за обычай? Нигде не обижают, и так во всем народе. Напротив, уверяю вас, что и в казармах, и везде русский простолудин слишком видит и понимает (да и не скрывают того сами евреи), что еврей с ним есть не захочет, брезгает им, сторонится и ограждается от него сколько может, и что же, — вместо того, чтоб обижаться на это, русский простолудин спокойно и ясно говорит: «Это у него вера такая, это он по вере своей не ест и сторонится» (то есть не потому, что зол), и, сознав эту высшую причину, от всей души извиняет еврея. А между тем, мне иногда входила в голову фантазия: ну что, если б это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов — ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им сравняться с собою в правах? Дали бы им молиться среди

них свободно? Не обратили ли бы прямо в рабов? Хуже того, не содрали ли бы кожу совсем? Не избили бы дотла, до окончательного истребления, как дельвали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю? Нет-с, уверяю вас, что в русском народе нет предвзятой ненависти к еврею, а есть, может быть, несимпатия к нему, особенно по местам, и даже, может быть, очень сильная. О, без этого нельзя, это есть, но происходит это вовсе не от того, что он еврей, не из племенной, не из религиозной какой-нибудь ненависти, а происходит это от иных причин, в которых виноват уже не коренной народ, а сам еврей.

III. STATUS IN STATU. СОРОК ВЕКОВ БЫТИЯ

Ненависть, да еще от предрассудков — вот в чем обвиняют евреи коренное население. Но если уж зашла речь о предрассудках, то как вы думаете: еврей менее питает предрассудков к русскому, чем русский к еврею? Не побольше ли? Вот я вам представлял примеры того, как относится русское простолюдые к еврею, а у меня перед глазами письма евреев, да не из простолюдья, а образованных евреев, и — сколько ненависти в этих письмах к «коренному населению»! А главное, — пишут да и не примечают этого сами.

Видите ли, чтоб существовать сорок веков на земле, то есть во весь почти исторический период человечества, да еще в таком плотном и нерушимом единении, чтобы терять столько раз свою территорию, свою политическую независимость, законы, почти даже веру, — терять и всякий раз опять соединяться, опять возрождаться *в прежней идее*, хоть и в другом виде, опять создавать себе и законы и почти веру — нет, такой живучий народ, такой необыкновенно сильный и энергический народ, такой беспримерный в мире народ не мог существовать без *status in statu*, который он сохранял всегда и везде, во время самых страшных, тысячелетних рассеяний и гонений своих. Говоря про *status in statu*, я вовсе не обвинение какое-нибудь хочу возвести. Но в чем, однако, заключается этот *status in statu*, в чем вековечно-неизменная идея его и в чем суть этой идеи?

Излагать это было бы долго да и невозможно в коротенькой статье, да и невозможно еще и по той даже причине, что не настали еще *все времена и сроки*, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом племени еще впереди. Но, не вникая в суть и в глубину предмета, можно изобразить хотя некоторые признаки этого *status in statu*, по крайней мере, хоть наружно. Признаки эти: отчужденность и отчужденность на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность — еврей, а другие хоть есть, но все равно надо считать, что как бы их и не существовало. «Выйди из народов и составь свою особь и знай, что с сих пор ты *един у бога*, остальных истреби, или в рабов обрати, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром, верь, что все покорится тебе. Строго всем гнушайся и ни с кем в быту не общайся. И даже когда лишишься земли своей, политической личности своей, даже когда рассеян будешь по лицу всей земли, между всеми народами — все равно, верь всему тому, что тебе обещано, раз навсегда верь тому, что все сбудется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй и — ожидай, ожидай...» Вот суть идеи этого *status in statu*, а затем, конечно, есть внутренние, а может быть, и таинственные законы, ограждающие эту идею.

Вы говорите, господа образованные евреи и оппоненты, что уже это-то все вздор и что «если и есть *status in statu* (то есть был, а теперь-де остались самые слабые следы), то единственно лишь гонения привели к нему, гонения породили его, религиозные, с средних веков и раньше, и явился этот *status in statu* единственно лишь из чувства самосохранения. Если же и продолжается, особенно в России, то потому, что еврей еще не сравнен в правах с коренным населением». Но вот что мне кажется: если б он был и сравнен в правах, то ни за что не отказался бы от своего *status in statu*. Мало того: приписывать *status in statu* одним лишь гонениям и чувству самосохранения — недостаточно. Да и не хватило бы упорства в самосохранении на сорок веков, надоело бы и сохранять себя такой срок. И сильнейшие цивилизации в мире не достигали и до половины сорока веков и теряли политическую силу и племенной облик. Тут не одно самосохранение стоит главной причиной, а некая идея, движущая и влекущая, нечто такое, мировое и глубокое, о чем, может быть, человечество еще не в силах произнести своего последнего слова, как сказал я выше.

Что религиозный-то характер тут есть по преимуществу — это-то уже несомненно. Что свой промыслитель, под именем прежнего первоначального Иеговы, с своим идеалом и с своим обетом продолжает вести свой народ к цели твердой — это-то уже ясно. Да и нельзя, повторю я, даже и представить себе еврея без бога, мало того, не верю я даже и в образованных евреев безбожников: все они одной сути, и еще бог знает чего ждет мир от евреев образованных! Еще в детстве моем я читал и слышал про евреев легенду о том, что они-де и теперь неуклонно ждут мессию, все, как самый низший жид, так и самый высший и ученый из них, философ и каббалист-раввин, что они верят все, что мессия соберет их опять в Иерусалиме и низложит все народы мечом своим к их подножию; что потому-то-де евреи, по крайней мере в огромном большинстве своем, предпочитают лишь одну профессию — торг золотом и много что обработку его, и это все будто бы для того, что когда явится мессия, то чтоб не иметь нового отечества, не быть прикрепленным к земле иноземцев, обладая 'ею, а иметь все с собою лишь в золоте и драгоценностях, чтоб удобнее их унести, когда

Загорит, заблестит луч денницы:
И кимвал, и тимпан, и цевницы,
И серебро, и добро, и святыню
Понесем в старый дом, в Палестину.

Все это, повторяю, слышал я как легенду, но я верю, что суть дела существует непременно, особенно в целой массе евреев, в виде инстинктивно-неудержимого влечения. Но чтоб сохранялась такая суть дела, уж конечно, необходимо, чтоб сохранялся самый строгий *status in statu*. Он и сохраняется. Стало быть, не одно лишь гонение было и есть ему причиною, а другая *идея*...

Если же существует вправду такой особый, внутренний, строгий строй у евреев, связующий их в нечто цельное и особое, то ведь почти еще можно задуматься над вопросом о совершенном сравнении во всем их *прав* с правами коренного населения. Само собою, все что требует гуманность и справедливость, все что требует человечность и христианский закон — все это должно быть сделано для евреев. Но если они во всеоружии своего строя и своей особенности, своего племенного и религиозного отъединения, во всеоружии своих правил и принципов, совершенно противоположных той идее, следуя которой, доселе по

крайней мере, развивался весь европейский мир, требуют совершенного уравнивания *всевозможных* прав с коренным населением, то — не получают ли они уже тогда нечто большее, нечто лишнее, нечто верховное против самого коренного даже населения? Тут, конечно, укажут на других инородцев: «Что вот, дескать, сравнены или почти сравнены в правах, а евреи имеют прав меньше всех инородцев, и это-де потому, что боятся нас, евреев, что мы-де будто бы вреднее всех инородцев. А между тем, чем вреден еврей? Если и есть дурные качества в еврейском народе, то единственно потому, что сам русский народ таковым способствует, по русскому собственному невежеству своему, по необразованности своей, по неспособности своей к самостоятельности, по малому экономическому развитию своему. Русский-де народ сам требует посредника, руководителя, экономического опекуна в делах, кредитора, сам зовет его, сам отдается ему. Посмотрите, напротив, в Европе: там народы сильные и самостоятельные духом, с сильным национальным развитием, с привычкой давнишней к труду и с умением труда, и вот там не боятся дать все права еврею! Слышно ли что-нибудь во Франции о вреде от *status in statu* тамошних евреев?»

Рассуждение, по-видимому, сильное, но, однако же, прежде всего тут мерещится одна заметка в скобках, а именно: «Стало быть, еврейству там и хорошо, где народ еще невежествен, или несвободен, или мало развит экономически, — тут-то, стало быть, ему и лафа!» И вместо того, чтоб, напротив, влиянием своим поднять этот уровень образования, усилить знание, породить экономическую способность в коренном населении, вместо того еврей, где ни поселялся, там еще пуще унижал и развращал народ, там еще больше приникало человечество, еще больше падал уровень образования, еще отвратительнее распространялась безвыходная, бесчеловечная бедность, а с нею и отчаяние. В окраинах наших спросите коренное население: что двигает евреем и что двигало им столько веков? Получите единогласный ответ: *безжалостность*; «двигали им столько веков одна лишь к нам безжалостность и одна только жажда напиться нашим потом и кровью». И действительно, вся деятельность евреев в этих наших окраинах заключалась лишь в постановке коренного населения сколь возможно в безвыходную от себя зависимость, *пользуясь местными законами*. О, тут они всегда находили возможность пользоваться правами и законами. Они всегда умели

водить дружбу с теми, от которых зависел народ, и уж не им бы роптать хоть тут-то на *малые свои права сравнительно с коренным населением*. Довольно они их получали у нас, этих прав, над *коренным населением*. Что становилось, в десятилетия и столетия с русским народом там, где поселялись евреи, — о том свидетельствует история наших русских окраин. И что же? Укажите на какое-нибудь другое племя из русских инородцев, которое бы, по ужасному влиянию своему, могло бы равняться в этом смысле с евреем? Не найдете такого; в этом смысле еврей сохраняет всю свою оригинальность перед другими русскими инородцами, а причина тому, конечно, этот *status in statu* его, дух которого дышит именно этой безжалостностью ко всему, что не есть еврей, к этому неуважению ко всякому народу и племени и ко всякому человеческому существу, кто не есть еврей. И что в том за оправдание, что вот на Западе Европы не дали одолеть себя народы и что, стало быть, русский народ сам виноват? Потому что русский народ в окраинах России оказался слабее европейских народов (и единственно вследствие жестоких вековых политических своих обстоятельств), потому только и задавить его окончательно эксплуатацией, а не помочь ему?

Если же и указывают на Европу, на Францию например, то вряд ли и там безвреден был *status in statu*. Конечно, христианство и идея его там пали и падают не по вине еврея, а по своей вине, тем не менее нельзя не указать и в Европе на сильное торжество еврейства, заменившего многие прежние идеи своими. О, конечно, человек всегда и во все времена боготворил матерьялизм и склонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленными из всех сил и запасенными всеми средствами деньгами. Но никогда эти стремления не возводились так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке. «Всяк за себя и только за себя и всякое общение между людьми единственно для себя» — вот нравственный принцип большинства теперешних людей,¹ и даже не дурных людей, а, напротив, трудящихся, не убивающих, не воруящих. А безжалостность к низшим массам, а падение братства, а эксплуатация богатого бедным, — о, конечно, все это было и прежде

¹ Основная идея буржуазии, заместившей собою в конце прошлого столетия прежний мировой строй, и ставшая главной идеей всего нынешнего столетия во всем европейском мире.

и всегда, но — но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель. Стало быть, недаром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше — конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их царство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, матерьялизм, слепая, плотоядная жажда *личного* матерьяльного обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей. Засмеются и скажут, что это там вовсе не от евреев. Конечно, не от одних евреев, но если евреи окончательно восторжествовали и процвели в Европе именно тогда, когда там восторжествовали эти новые начала даже до степени возведения их в нравственный принцип, то нельзя не заключить, что и евреи приложили тут своего влияния. Наши оппоненты указывают, что евреи, напротив, бедны, повсеместно даже бедны, а в России особенно, что только самая верхушка евреев богата, банкиры и цари бирж, а из остальных евреев чуть ли не девять десятых их — буквально нищие, мечутся из-за куска хлеба, предлагают куртаж, ищут где бы урвать копейку на хлеб. Да, это, кажется, правда, но что же это обозначает? Не значит ли это именно, что в самом труде евреев (то есть огромного большинства их, по крайней мере), в самой эксплуатации их заключается нечто неправильное, ненормальное, нечто неестественное, несущее само в себе свою кару. Еврей предлагает посредничество, торгует чужим трудом. Капитал есть накопленный труд; еврей любит торговать чужим трудом! Но все же это пока ничего не изменяет; зато верхушка евреев воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть. Евреи все кричат, что есть же и между ними хорошие люди. О боже! Да разве в этом дело? Да и вовсе мы не о хороших или дурных людях теперь говорим. И разве между теми нет тоже хороших людей? Разве покойный парижский Джемс Ротшильд был дурной человек?

Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о *жидовстве* и об идее *жидовской*, охватывающей весь мир, вместо «неудавшегося» христианства...

IV. НО ДА ЗДРАВСТВУЕТ БРАТСТВО!

Но что же я говорю и зачем? Или и я враг евреев? Неужели правда, как пишет мне одна, безо всякого для меня сомнения (что уже видно по письму ее и по искренним, горячим чувствам письма этого), благороднейшая и образованная еврейская девушка, — неужели и я, по словам ее, враг этого «несчастливого» племени, на которое я «при всяком удобном случае будто бы так жестоко нападаю». «Ваше презрение к жидовскому племени, которое «ни о чем, кроме себя, не думает» и т. д. и т. д., очевидно». — Нет, против этой очевидности я восстану, да и самый факт оспариваю. Напротив, я именно говорю и пишу, что «все, что требует гуманность и справедливость, все, что требует человечность и христианский закон, — все это должно быть сделано для евреев». Я написал эти слова выше, но теперь я еще прибавлю к ним, что, несмотря на все соображения, уже мною выставленные, я окончательно стою, однако же, за совершенное расширение прав евреев в формальном законодательстве и, если возможно только, за полнейшее равенство прав с коренным населением (№ 3, хотя, может быть, в иных случаях они имеют уже и теперь больше прав или, лучше сказать, *возможности ими пользоваться*, чем само коренное население). Конечно, мне приходит тут же на ум, например, такая фантазия: ну что если пошатнется каким-нибудь образом и от чего-нибудь наша сельская община, ограждающая нашего бедного коренника-мужика от стольких зол, — ну что если тут же к этому освобожденному мужику, столь неопытному, столь же умеющему сдерживать себя от соблазна и которого именно опекала доселе община, — нахлынет всем кагалом еврей — да что тут, тут мигом конец его: все имущество его, вся сила его перейдет на завтра же во власть еврея, и наступит такая пора, с которой не только не могла бы сравняться пора крепостничества, но даже татарщина.

Но несмотря на все «фантазии» и на все, что я написал выше, я все-таки стою за полное и окончательное уравнение прав, потому что это Христов закон, потому что это христианский принцип. Но если так, то для чего же я исписал столько страниц и что хотел выразить, если так

противоречу себе? А вот именно то, что я не *противоречу* себе и что с русской, с коренной стороны, нет и не вижу препятствий в расширении еврейских прав, но утверждаю зато, что препятствия эти лежат со стороны евреев несравненно больше, чем со стороны русских, и что если до сих пор не создается того, чего желалось бы всем сердцем, то русский человек в этом виновен несравненно менее, чем сам еврей. Подобно тому, как я выставлял еврея-простолюдина, который не хотел сообщаться и есть с русскими, а те не только не сердились и не мстили ему за это, а, напротив, разом осмыслили и извинили его, говоря: «Это он потому, что у него вера такая», — подобно тому, то есть этому еврею-простолюдину, мы и в интеллигентном еврее видим весьма часто такое же безмерное и высокомерное предубеждение против русского. О, они кричат, что они любят русский народ; один так даже писал мне, что он именно скорбит о том, что русский народ не имеет религии и ничего не понимает в своем христианстве. Это уже слишком сильно сказано для еврея, и рождается лишь вопрос: понимает ли что в христианстве сам-то этот высокообразованный еврей? Но самомнение и высокомерие есть одно из очень тяжелых для нас, русских, свойств еврейского характера. Кто из нас, русский или еврей, более неспособен понимать друг друга? Клянусь, я оправдаю скорее русского: у русского, по крайней мере, нет (положительно нет!) религиозной ненависти к еврею. А остальных предубеждений где, у кого больше? Вон евреи кричат, что они были столько веков угнетены и гонимы, угнетены и гонимы и теперь, и что это, по крайней мере, надобно взять в расчет русскому при суждении о еврейском характере. Хорошо, мы и берем в расчет и доказать это можем: в интеллигентном слое русского народа не раз уже раздавались голоса за евреев. Ну, а евреи брали ли и берут ли они в расчет, жалуясь и обвиняя русских, столько веков угнетений и гонений, которые перенес сам русский народ? Неужто можно утверждать, что русский народ вытерпел меньше бед и зол «в свою историю», чем евреи где бы то ни было? И неужто можно утверждать, что не еврей, весьма часто соединялся с его гонителями, брал у них на откуп русский народ и сам обращался в его гонителя? Ведь это все было же, существовало, ведь это история, исторический факт, но мы нигде не слышали, чтоб еврейский народ в этом раскаивался, а русский народ он все-таки обвиняет за то, что тот мало любит его.

Но «буди! буди!» Да будет полное и духовное единение

племен и никакой разницы прав! А для этого я прежде всего умоляю моих оппонентов и корреспондентов-евреев быть, напротив, к нам, русским, снисходительнее и справедливее. Если высокомерие их, если всегдашняя «скорбная брезгливость» евреев к русскому племени есть только предубеждение, «исторический нарост», а не кроется в каких-нибудь гораздо более глубоких тайнах его закона и строя, — то да рассется все это скорее и да сойдемся мы единым духом, в полном братстве на взаимную помощь и на великое дело служения земле нашей, государству и отечеству нашему! Да смягчатся взаимные обвинения, да исчезнет всегдашняя экзальтация этих обвинений, мешающая ясному пониманию вещей! А за русский народ поручиться можно: о, он примет еврея в самое полное братство с собою, несмотря на различие в вере, и с совершенным уважением к историческому факту этого различия, но все-таки для братства, для полного братства *нужно братство с обеих сторон*. Пусть еврей покажет ему и сам хоть сколько-нибудь братского чувства, чтоб ободрить его. Я знаю, что в еврейском народе и теперь можно отделить довольно лиц, ищущих и жаждущих устранения недоумений, людей притом человеколюбивых, и не я буду молчать об этом, скрывая истину. Вот для того-то, чтоб эти полезные и человеколюбивые люди не унывали и не падали духом и чтоб сколько-нибудь ослабить предубеждения их и тем облегчить им начало дела, я и желал бы полного расширения прав еврейского племени, по крайней мере по возможности, именно насколько сам еврейский народ докажет способность свою принять и воспользоваться правами этими без ущерба коренному населению. Даже бы можно было уступить вперед, сделать с русской стороны еще больше шагов вперед... Вопрос только в том, много ли удастся сделать этим новым, хорошим людям из евреев, и насколько сами они способны к новому и прекрасному делу *настоящего* братского единения с чуждыми им по вере и по крови людьми?

Глава третья

I. ПОХОРОНЫ «ОБЩЕЧЕЛОВЕКА»

Мне о многом хотелось поговорить в этот раз в этом мартовском номере моего «Дневника». И вот опять как-то так случилось, что то, об чем хотел сказать лишь несколь-

ко слов, заняло все место. И сколько тем, на которые я уже целый год собираюсь говорить и все не соберусь. Обином именно надо бы много сказать, а так как весьма часто выходит, что очень многое нельзя сказать, то и не принимаешься за тему.

Хотелось мне в этот раз тоже, мимо всех этих «важных» тем, сказать хоть мимоходом слова два об искусстве. Видел я Росси в Гамлете и вывел заключение, что вместо Гамлета я видел господина Росси. Но лучше и не начинать говорить, если не намерен всего сказать. Хотелось бы поговорить (немножко) о картине Семирадского, а пуще всего хотелось бы вернуть хоть два слова об идеализме и реализме в искусстве, о Репине и о господине Рафаэле, — но, видно, придется отложить все это до более удобного времени.

Потом хотелось бы мне, но уже несколько побольше, написать по поводу некоторых из полученных мною за все время издания «Дневника» писем, и особенно анонимных. Вообще я не могу отвечать на все письма, которые получаю, а на анонимные само собою, а между тем, за все эти почти полтора года, я вывел из этой корреспонденции (все об общих наших темах) несколько наблюдений, может быть, и любопытных, на мой взгляд, по крайней мере. По крайней мере, можно сделать несколько особых отметок уже на основании опыта о нашем русском умственном теперешнем настроении, о том, чем интересуются и куда клонят наши непраздные умы, кто именно наши непраздные умы, причем выдаются любопытные черты по возрастам, по полу, по сословиям и даже по местностям России. Думаю, что можно бы отделить несколько места в каком-нибудь из будущих «Дневников» по поводу хоть бы одних анонимов, например, и их характеристики, и не думаю, чтоб это вышло так уж очень скучно, потому что тут довольно всевозможного разнообразия. Разумеется, обо всем нельзя сказать и всего нельзя передать и даже, может быть, самого любопытного. А потому и боюсь приниматься, не зная, совладаю ли с темой.

Однако хочу привести теперь одно письмо, уже не анонима, а весьма знакомой мне г-жи Л., очень молодой девицы, еврейки, с которой я познакомился в Петербурге и которая пишет мне теперь из М. С уважаемой мною г-жою Л. мы никогда почти не говорили на тему о «еврейском вопросе», хотя она, кажется, из строгих и серьезных евреек. Вижу, что очень странно подошло письмо это к сейчас

только дописанной мною целой главе о евреях. Было бы слишком много все на одну и ту же тему. Но тут не на ту тему; а если отчасти и на ту, то выставляется как бы совсем другая, именно противоположная сторона вопроса, а при этом и как бы даже намек на разрешение его. Пусть извинит меня великодушно г-жа Л., что я позволяю себе передать здесь ее словами всю ту часть письма ее о похоронах доктора Гинденбурга в М., под первым впечатлением которых она и написала эти столь искренние и трогательные в правде своей строки. Не хотелось мне тоже утаить, что писано это еврейкой, что чувства эти — чувства еврейки...

Это я пишу под свежим впечатлением похоронного марша. Хоронили доктора *Гинденбурга* 84-х лет от роду. Как протестанта, его сначала отвезли в кирку, а уже затем на кладбище. Такого сочувствия, таких от души вырвавшихся слов, таких горячих слез я еще никогда не видела при похоронах... Он умер в такой бедности, что не на что было похоронить его.

Уже 58 лет как он практикует в М... и сколько добра он сделал за это время. Если б вы знали, Федор Михайлович, что это был за человек! Он был доктор и акушер; его имя перейдет здесь в потомство, о нем уже сложились легенды, весь простой народ звал его отцом, любил, обожал и только с его смертью понял, что он потерял в этом человеке. Когда он еще стоял в гробу (в церкви), то не было, кажется, ни одного человека, который бы не пошел поплакать над ним и целовать его ноги, в особенности бедные еврейки, которым он так много помогал, плакали и молились, чтоб он попал прямо в рай. Сегодня пришла бывшая наша кухарка, ужасно бедная женщина, и говорит, что при рождении последнего ее ребенка он, видя, что ничего дома нет, дал 30 к., чтоб сварить суп, а затем каждый день приходил и оставлял 20 к., а видя, что она поправляется, прислал пару куропаток. Также будучи позван к одной страшно бедной родильнице (такие к нему и обращались), он, видя, что не во что принять ребенка, снял с себя верхнюю рубаху и платок свой (голова у него была повязана платком), разорвал и отдал.

Еще вылечил он одного бедного еврея дровосека, затем заболела его жена, затем дети, он каждый божий день приезжал 2 раза и когда всех поставил на ноги, спрашивает еврея: «Чем ты мне заплатишь?» Тот говорит, что у него ничего нет, только последняя коза, которую он сегодня продаст. Он так и сделал, продал за 4 р. и принес ему деньги, тогда доктор дал лакею своему еще 12 р. к этим 4-м и отправил купить корову, а дровосеку велел идти домой, через час тому приводят корову и говорят, что доктор признал козье молоко для них вредным.

Так он прожил всю свою жизнь. Бывали примеры, что он оставлял 30 и 40 р. у бедных; оставлял и у бедных баб в деревнях.

Зато хоронили его, как святого. Все бедняки заперли лавки и бежали за гробом. У евреев есть мальчики, которые при похоронах распевают псалмы, но запрещается провожать иноверца этими псалмами. Тут перед гробом, во время процессии, ходили мальчики и громко распевали эти псалмы. Во всех синагогах молились за его душу, также колокола всех церквей звонили все время процессии. Был хор военной музыки, да еще еврейские музыканты пошли к сыну усопшего, просить, как чести, позволения играть во все время процессии. Все бедные принесли кто 10, кто 5 к., а богатые евреи дали много и приготовили великолепный огромный венок свежих цветов с белыми и черными лентами по сторонам, где золотыми буквами были вычислены его главные заслуги, так, напри- м., учреждение больницы и т. п., — я не могла разобрать, что там, да и разве возможно вычислить его заслуги?

Над его могилой держали речь пастор и еврейский раввин, и оба плакали, а он себе лежал в стареньком, истертом вицмундире, старым платком была обвязана его голова, эта милая голова, и казалось, он спал, так свеж был цвет его лица...

II. ЕДИНИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Единичный случай, скажут. Что ж, господа, я опять виноват: опять вижу в единичном случае чуть не начало разрешения всего вопроса... ну хоть того же самого «еврейского вопроса», которым я озаглавил мою вторую главу этого «Дневника». Кстати, почему я назвал старичка доктора «Общечеловеком»? Это был не общечеловек, а скорее общий человек. Этот город М. — это большой губернский город в западном крае, и в этом городе множество евреев, есть немцы, русские, конечно, поляки, литовцы, — и все-то, все эти народности признали праведного старичка каждая за своего. Сам же он был протестант, и именно немец, вполне немец: манера, как он купил и отослал бедному еврею корову, — это чисто немецкий виц. Сперва озадачил того: «Чем уплатишь?» И, уж конечно, бедняк, продавая последнюю козу, чтоб уплатить «благодетелю», не роптал нимало, а, напротив, горько страдал в душе, что всего-то коза стоит 4 целковых, а ведь и «бедному» работающему на них всех, бедняков, старичку тоже ведь жить надо, а что такое четыре целковых за все-то его благодеяния семейству?» Ну, а старичок себе на уме, посмеивается, сердце горит у него: «Вот же я ему, бедняку, наш немецкий виц покажу!» И ведь как, должно быть, хорошо смеялся

про себя, когда повели к еврею корову, как прибодрился духом, и, пожалуй, всю ту ночь, может быть, провозился в нищей лачуге какой-нибудь бедной еврейки-родильницы. А ведь восьмидесятилетнему старичку хорошо бы и поспать ночку, попокоить старые, усталые кости. Если б я был живописец, я именно бы написал этот «жанр», эту ночь у еврейки-родильницы. Я ужасно люблю реализм в искусстве, но у иных современных реалистов наших *нет нравственного центра* в их картинах, как выразился на днях один могучий поэт и тонкий художник, говоря со мной о картине Семирадского. Тут, в предлагаемом мною сюжете для «жанра», мне кажется, был бы этот центр. Да и для художника роскошь сюжета. Во-первых, идеальная, невозможная, смраднейшая нищета бедной еврейской хаты. Тут можно бы много даже юмору выразить и ужасно кстати: юмор ведь есть остроумие глубокого чувства, и мне очень нравится это определение. С тонким чувством и умом можно много взять художнику в одной уже перетасовке ролей всех этих нищих предметов и домашней утвари в бедной хате, и этой *забавной* перетасовкой сразу оцарапать вам сердце. Да и освещение можно бы сделать интересное: на кривом столе догорает оплывшая сальная свечка, а сквозь единственное заиндевевшее и обледенелое оконце уже брезжит рассвет нового дня, нового трудного дня для бедных людей. Трудные родильницы часто рожают на рассвете: всю ночь промучаются, а к утру родят. Вот усталый старичок, на миг оставив мать, берется за ребенка. Принять не во что, пеленок нет, ни тряпки нет (бывает такая бедность, господа, клянусь вам, бывает, чистейший реализм — реализм, так сказать, доходящий до фантастического), и вот праведный старичок снял свой старенький вицмундирчик, снял с плеч рубашку и разрывает ее на пеленки. Лицо его строгое и проникнутое. Бедный новорожденный еврейчик копошится перед ним на постели, христианин принимает еврейчика в свои руки и обвивает его рубашкой с плеч своих. Разрешение еврейского вопроса, господа! Восьмидесятилетний обнаженный и дрожащий от утренней сырости торс доктора может занять видное место в картине, не говорю уже про лицо старика и про лицо молодой измученной родильницы, смотрящей на своего новорожденного и на проделки с ним доктора. Все это видит сверху Христос, и доктор знает это: «Этот бедный жидок вырастет и, может, снимет и сам с плеча рубашку и отдаст христианину, вспоминая рассказ о рождении сво-

ем», — с наивной и благородной верой думает старик про себя. Сбудется ли это? Вероятнее всего, что нет, но ведь сбыться может, а на земле лучше и делать-то нечего, как верить в то, что это сбыться может и сбудется. А доктор вправе верить, потому что уж на нем сбылось: «Исполнил я, исполнит и другой: чем я лучше другого?» — подкрепляет он себя аргументом. Усталая старуха еврейка, мать родильницы, в лохмотьях суетится у печки. Еврей, выходящий за вязанкой щепок, отворяет дверь хаты, и мерзлый пар клубом врывается на миг в комнату. На полу, на войлочной подстилке крепко спят два малолетних еврейчика. Одним словом, аксессуар мог бы выйти хороший. Даже тридцать копеек медью на столе, отсчитанные доктором на суп родильнице, могли бы составить деталь: медный столбик трехкопеечников, методически сложенных, отнюдь не разбросанных. Даже перламутр мог бы быть написан, как и в картине Семирадского, в которой удивительно написан кусок перламутра: докторам ведь дарят же иногда (чтобы не платить много деньгами) хорошенькие вещицы, и вот перламутровая докторская сигарочница лежит тут же подле медной кучки. Нет, ничего, картинка бы вышла с «нравственным центром». Приглашаю написать.

Единственный случай! Года два тому назад откуда-то (забыл) с юга России писали про какого-то доктора, только что вышедшего утром в жаркий день из купальни, освежившегося, ободрившегося и поспешавшего поскорее домой выпить кофею, а потому и не захотевшего помочь тут же вытащенному из воды утопленнику, несмотря на приглашение толпы. Его, кажется, за это судили. А ведь это, может быть, был человек образованный и новых идей, прогрессист, но «разумно» требовавший новых общих законов и прав для всех, пренебрегая единичными случаями. Полагавший, может быть, что единичные случаи даже скорее вредят, отдаляя общее решение вопроса, и что в отношении единичных случаев «чем хуже, тем лучше». Но без единичных случаев не осуществишь и общих прав. Этот общий человек хоть и единичный случай, а соединил же над гробом своим весь город. Эти русские бабы и бедные еврейки целовали его ноги в гробу вместе, теснились около него вместе, плакали вместе. Пятьдесят восемь лет служения человечеству в этом городе, пятьдесят восемь лет неустанной любви соединили всех хоть раз над гробом его в общем восторге и в общих слезах. Провожает его весь город, звучат колокола всех церквей, поются молитвы на

всех языках. Пастор со слезами говорит свою речь над раскрытой могилой. Раввин стоит в стороне, ждет и, как кончил пастор, сменяет его и говорит свою речь и льет те же слезы. Да ведь в это мгновение почти разрешен хоть бы этот самый «еврейский вопрос»! Ведь пастор и раввин соединились в общей любви, ведь они почти обнялись над этой могилой в виду христиан и евреев. Что в том, что, разойдясь, каждый примется за старые предрассудки: капля точит камень, а вот эти-то «общие человеки» побеждают мир, соединяя его: предрассудки будут бледнеть с каждым единичным случаем и наконец вовсе исчезнут. Про старичка останутся легенды, пишет г-жа Л., тоже еврейка и тоже плакавшая над «милой головой» человеколюбца. А легенды — уж это первый шаг к делу, это живое воспоминание и неустанное напоминание об этих «победителях мира», которым принадлежит земля. А уверовав в то, что это действительно победители и что такие действительно «наследят землю», вы уже почти соединились во всем. Все это очень просто, но мудрено кажется одно: именно убедиться в том, что вот без этих-то единиц никогда не соберете всего числа, сейчас все рассыплется, а вот эти-то все соединят. Эти мысль дают, эти веру дают, живой опыт собою представляют, а стало быть, и доказательство. И вовсе нечего ждать пока все станут такими же хорошими, как и они, или очень многие: нужно очень немного таких, чтоб спасти мир, до того они сильны. А если так, то как же не надеяться?

ЕВРЕЙСТВО И ХРИСТИАНСКИЙ ВОПРОС

В оный день Израиль будет в третьих с Мицраимом и Ассуром; благословение будет посреди земли, которую благословит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой Мицраим, и дело рук Моих — Ассур, и наследие Мое — Израиль.

Исайи XIX, 24, 25.

Взаимные отношения иудейства и христианства в течение многих веков их совместной жизни представляют одно замечательное обстоятельство. Иудеи всегда и везде смотрели на христианство и поступали относительно его согласно предписаниям своей *религии*, по своей *вере* и по своему *закону*. Иудеи всегда относились к нам по-иудейски; мы же, христиане, напротив, доселе не научились относиться к иудейству по-христиански. Они никогда не нарушали относительно нас своего религиозного закона, мы же постоянно нарушали и нарушаем относительно них заповеди христианской религии. Если иудейский закон дурен, то их упорная верность этому дурному закону есть конечно явление печальное. Но если худо быть верным дурному закону, то еще гораздо хуже быть неверным закону хорошему, заповеди безусловно совершенной. Таковую заповедь мы имеем в Евангелии. Она совершенна, и по этому самому весьма трудна. Но нам открыты и особые средства — помощь благодати, не упраздняющей закона, но дающей нам силы для его исполнения. Итак, если мы сначала отвергаем эту помощь и затем отказываемся от исполнения евангельской заповеди под предлогом ее трудности, то мы не имеем извинения. Дело не в том, трудна или не трудна евангельская заповедь, а в том, исполнена она или нет? Если она неисполнима, то зачем она и дана? Тогда правы будут те иудеи, которые укоряют христианство, что оно внесло в мир начала и идеи фантастические, не могущие иметь никакого действительного применения. Если же евангельская заповедь исполнима, если мы можем относиться по-христиански ко всем, не исключая и иудеев, то мы кругом виноваты, когда этого не делаем.

Вместо того, чтобы прямо в этом покаяться, мы ищем, на кого бы свалить свою вину. Не мы виноваты — виноваты средние века со своим фанатизмом, виновата католическая церковь. Но вот начались гонения на иудеев в наши дни и в странах не католических. Тут уже виновными вместо нас являются сами потерпевшие. Живя среди нас, иудеи относятся к нам по-иудейски; ясно, что мы должны относиться к ним *по-язычески*; они не хотят нас любить — ясно, что нам следует их ненавидеть; они стоят за свое обособление, не хотят с нами сливаться, не признают своей солидарности с нами, напротив, всячески стараются пользоваться нашими слабостями: ясно, что мы должны их искоренить.

Правда, преследования евреев и более или менее откровенные оправдания этих преследований в настоящее время не составляют *общего* явления в Европе, напротив, говоря вообще, иудейство не только пользуется терпимостью, но и успело занять господствующее положение в наиболее передовых нациях. Англия неоднократно управлялась евреем Дизраэли, да и в других странах финансы и большая часть периодической печати находятся в руках евреев (прямо или косвенно). Но это господство евреев не только не опровергает, но прямо подтверждает мое указание, что христианский мир никогда не относился к иудеям по-христиански. Ибо разве современная терпимость, уступчивость и даже подчинение евреям происходит из христианского убеждения и чувства? Совершенно напротив: все это проистекает не из широты наших религиозных воззрений, а из *отсутствия* всяких религиозных воззрений, из полного индифферентизма в деле веры. Не христианская Европа терпит евреев, а Европа безверная, Европа, лишенная своих жизненных начал, Европа разлагающаяся. Иудеи живут не нашей нравственной силой, а нравственной, или, лучше, безнравственной, слабостью.

Говорят о еврейском вопросе; но в сущности все дело сводится к одному факту, вызывающему вопрос не о еврействе, а о самом христианском мире. Этот факт может быть выражен и объяснен в немногих словах. Главный интерес в современной Европе — это деньги; евреи мастера денежного дела, естественно, что они господа в современной Европе. После многовекового антагонизма христианский мир и иудейство сошлись наконец в одном общем интересе, в одной общей страсти к деньгам. Но и тут между ними

оказалось важное различие в пользу иудейства и, к стыду мнимо-христианской Европы, различие, в силу которого деньги освобождают и возвеличивают иудеев, а нас связывают и унижают. Дело в том, что евреи привязаны к деньгам вовсе не ради одной их материальной пользы, а потому, что находят в них ныне главное орудие для торжества и славы Израиля, т. е, по их воззрению, для торжества дела Божия на земле. Ведь кроме страсти к деньгам у евреев есть и другая еще особенность: крепкое единство всех их во имя общей веры и общего закона. Только благодаря этому и деньги идут им впрок: когда богатеет и возвеличивается какой-нибудь иудей — богатеет и возвеличивается все иудейство, весь дом Израилев. Между тем, просвещенная Европа возлюбила деньги не как средство для какой-нибудь *общей* высокой цели, а единственно ради тех материальных благ, которые доставляются деньгами каждому их обладателю в *отдельности*. И вот мы видим, что просвещенная Европа *служит* деньгам, тогда как иудейство *заставляет служить себе* и деньги и преданную деньгам Европу. Современные отношения передовой Европы к иудейству представляют собою как бы пародию одного пророческого образа: десять иноверцев хватаются за полу одного еврея, чтобы он ввел их — но не в храм Иеговы, а в храм мамонны; а до Иеговы им так же мало дела, как и до Христа.

Итак, нечего просвещенной Европе пенять на мрак средних веков с их религиозным фанатизмом, нечего ей хвалиться своею веротерпимостью. Веротерпимость хороша со стороны верующего, когда она происходит из полноты веры, из сознания высшей нравственной силы; а со стороны неверующего веротерпимость есть только выражение его неверия. Если мне все равно — что христианство, что иудейство, что идолопоклонство, то как же мне и умудриться быть нетерпимым в вере и в чем достоинство моей терпимости? Как ни далек от христианского совершенства религиозный фанатизм, но он все-таки есть нравственная сила, только в неразвитом, грубом виде, сила неуправленная и потому склонная к злоупотреблениям. Это во всяком случае есть величина положительная, между тем как религиозный индифферентизм показывает отсутствие сердечной теплоты и одушевления, это есть нравственная точка замерзания, холод духовной смерти. А когда при равнодушии общества к высшим идеям является

крайнее равнодушие к низшим интересам и материальным благам, тогда ясно, что наступило социальное разложение.

Итак, по отношению к иудейству христианский мир в массе своей обнаружил доселе или ревность не по разуму или дряхлый и бессильный индифферентизм. Оба эти отношения чужды истинно христианского духа, не находятся на высоте христианской идеи. Но уже с XIII века встречаем мы единичные попытки со стороны выдающихся деятелей и мыслителей христианского мира, попытки иного, истинно христианского отношения к иудейству¹. Эти попытки хотя и не привели ни к каким явным результатам, тем не менее они составляют начало того истинного разрешения еврейского вопроса, которое уже предсказано ап. Павлом в послании к римлянам (гл. XI).

Признавая только такое религиозное разрешение «еврейского вопроса», веруя в грядущее соединение дома Израилева с православным и католическим христианством на общей им *теократической* почве, я имел случай высказать в кратких чертах это свое убеждение с кафедры². Теперь я решаюсь дать более обстоятельную обработку и большую публичность этому взгляду на иудейство. В таком решении меня подкрепляет между прочим внушительный голос одного из наших архипастырей, за которым я могу следовать без опасности какого-либо соблазна.

В апреле настоящего года преосвященный Никанор, епископ херсонский и одесский (автор замечательного и еще недостаточно оцененного труда по религиозной философии), произнес в Одессе одушевленное и истинно-христианское слово о теснейшем родстве между ветхозаветной и новозаветной религией. Главная мысль прекрасного этого слова³ — единение иудейства с христианством не на почве индифферентизма или каких-либо отвлеченных принципов, а на реальной почве духовного и естественного родства и положительных религиозных интересов. Мы должны

¹ Справедливость требует заметить, что вообще в средние века высшие представители церкви, в особенности римские папы, сравнительно человеколюбиво относились к иудеям, а некоторые из пап даже прямо им покровительствовали, за что и подверглись тяжким обвинениям от своих современников.

² В 1882 г. в лекции о всемирно-историческом значении иудейства, читанной в Петербургском университете и Высших женских курсах.

³ Оно напечатано в май-июньской книжке „Правосл. Обозр.“ сего (1884) года.

быть едино с иудеями, не отказываясь от христианства, не вопреки христианству, а во имя и в силу христианства, и иудеи должны быть едино с нами не вопреки иудейству, а во имя и в силу истинного иудейства. Мы потому отделены от иудеев, что мы еще *не вполне христиане*, и они потому отделяются от нас, что они *не вполне иудеи*. Ибо полнота христианства обнимает собою и иудейство, и полнота иудейства есть христианство.

Мои мысли об иудействе, следующие ниже, составляют прямое дополнение к тому, что высказано преосвященным Никанором, а потому его слово явилось мне как наилучшее ободрение и повод к изложению этих мыслей в печати.

Судьбы еврейского народа, на наш взгляд, связаны главным образом с тремя фактами его истории. Первый факт тот, что Христос по Матери своей был иудеем и христианство вышло из иудейства; второй факт тот, что большая часть иудейского народа отвергла Христа и заняла решительно враждебное положение относительно христианства; третий факт тот, что главная масса еврейского народа и религиозный центр новейшего иудейства находятся не в Западной Европе, а в двух славянских странах — России и Польше. Первым из этих фактов — воплощением Христа и Иудее определилось *прошедшее* Израиля — его первоначальное назначение как избранного народа Божия; второй факт — непризнание Христа иудеями и отчуждение их от христианства определяет *настоящее* положение иудейства в мире, его временное отвержение; наконец, третий факт — вселение Израиля в земле славянской среди народов, еще не сказавших миру своего слова, предсказывает *будущие* судьбы иудейства, окончательное восстановление его религиозного значения. Пржнее иудейство жило верою и надеждою на *обетованное* богочеловечество; настоящее иудейство живет протестом и враждою к непризнанному Мессии Богочеловеку, начатку богочеловечества на земле; грядущее иудейство будет жить полною жизнью, когда в обновленном христианстве найдет и узнает образ *совершенного богочеловечества*.

Эта надежда имеет самое твердое основание в слове Божиим. Иегова предизбрал Израиля, заключил с ним завет, дал ему обетования. Иегова не человек, чтобы обманывать, и не сын человека, чтобы раскаиваться в Своих обещаниях. Часть народа израильского отвергла первое явление Мессии и за то терпит тяжелое возмездие, но только до времени, ибо слово Божие не может быть нарушено; и

это слово Ветхого Завета, решительно подтвержденное в Новом Завете устами апостола языков, ясно и непреложно гласит: *весь Израиль спасется.*

Иудеи, требовавшие казни Христа, кричали: «кровь Его на нас и на детях наших». Но эта кровь есть *кровь искупления*. И наверно крик человеческой злобы не довольно силен, чтобы заглушить слово Божественного прощения: Отче, отпусти им, не ведают ибо что творят. Кровожадная толпа, собравшаяся у Голгофы, состояла из иудеев; но иудеи же были и те три тысячи, а потом пять тысяч человек, которые по проповеди апостола Петра крестились и составили первоначальную христианскую церковь. Иудеи были Анна и Каиафа, иудеи же Иосиф и Никодим. К одному и тому же народу принадлежали и Иуда, предавший Христа на распятие, и Петр и Андрей, сами распятые за Христа. Иудей был Фома не верующий в воскресение, и не перестал быть иудеем Фома, уверовавший в Воскресшего и сказавший Ему: Господь мой и Бог мой! Иудей был Савл, жесточайший гонитель христиан, и иудеем из иудеев остался Павел, гонимый за христианство и «паче всех потрудившийся» для него. И что больше и важнее всего, Он Сам, преданный и убитый иудеями Богочеловек Христос, Он Сам, по плоти и душе человеческой, был чистейшим иудеем.

В виду этого разительного факта не странно ли нам *во имя Христа* осуждать все иудейство, к которому неотъемлемо принадлежит и сам Христос, не странно ли это особенно со стороны тех из нас, которые, если и не отреклись прямо от Христа, то во всяком случае ничем не обнаруживают своей связи с Ним?

Если Христос не Бог, то иудеи не более виновны, чем эллины, убившие Сократа. Если же мы признаем Христа Богом, то и в иудеях должно признать народ *богорождающий*. В смерти Иисуса вместе с иудеями повинны и римляне; но рождество Его принадлежит лишь Богу и Израилю. Евреи, говорят, всегдашние враги христианства; однако во главе антихристианского движения последних веков стоят не евреи, не семиты, а прирожденные христиане арийского племени. Отрицание же христианства и борьба против него со стороны некоторых мыслителей иудейского происхождения имеет и более честный и более религиозный характер, чем со стороны писателей, вышедших из христианской среды. Лучше Спиноза, чем Вольтер, лучше Иосиф Сальвадор, чем г. Эрнест Ренан.

Пренебрегать иудейством — безумно; браниться с иудеями бесполезно; лучше понять иудейство, хотя это труднее. Трудно понять иудейство потому, что те три великие факта, с которыми связаны его судьбы, не представляются как что-нибудь простое, естественное, само по себе понятное. Они нуждаются в особом и сложном объяснении. Эти три факта суть вместе с тем три вопроса, три задачи для разрешения:

1) Почему Христос был иудеем, почему краеугольный камень вселенской церкви взят в доме израилевом?

2) Почему большая часть Израиля не признала своего Мессию, почему церковь ветхозаветная не растворилась в церкви новозаветной, почему большинство евреев предпочитает быть вовсе без храма, нежели войти в храм христианский?

3) Зачем, наконец, и ради чего наиболее крепкие (в религиозном отношении) части еврейства вдвинуты в Россию и Польшу, поставлены на рубеже греко-славянского и латино-славянского мира?

Пусть отрицают или уменьшают значение этого последнего факта. Пусть также и относительно второго пункта ненавистники иудеев находят натуральным, что такой негодный и бессовестный народ отверг и убил Христа; но тогда пусть же они объяснят, почему Христос принадлежал именно к этому народу. С другой стороны, если находить, напротив, понятным первый факт — принадлежность Христа к народу израильскому, который изначально был избран и предназначен для этого, то в таком случае как же объяснить, что этот избранный народ оказался недостойн избрания *именно в том, для чего он был избран?* Так или иначе, дело все-таки представляется загадочным и требует объяснения. Начнем с первого факта и первого вопроса.

1.

ПОЧЕМУ ИУДЕЙСТВО БЫЛО ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ РОЖДЕНИЯ ИЗ НЕГО БОГОЧЕЛОВЕКА МЕССИИ, ИЛИ ХРИСТА?

Поскольку назначение исходит от Бога, оно есть дело безусловной свободы. Но свободу Божественную не должно мыслить наподобие человеческого произвола или пристрастия; истинная свобода не исключает разума, а по разуму такое назначение или избрание, будучи *отношением* Бога к известному предмету, соответствует не только свойству

избирающего, но и качеству избираемого. В национальном характере евреев должны заключаться условия для их избрания. Этот характер в течение четырех тысяч лет успел достаточно определиться, и нетрудно найти и указать его отдельные черты. Но этого недостаточно: нужно еще понять их совокупность и взаимную связь. Никто не станет отрицать, что национальный характер евреев обладает цельностью и внутренним единством. Между тем мы находим в нем три главные особенности, которые, по-видимому, не только согласуются, но и прямо противоположны между собою.

Евреи прежде всего отличаются глубокой религиозностью, преданностью Богу своему до полного самопожертвования. Это народ закона и пророков, мучеников и апостолов, «иже верую победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования». (Посл. к Евр. XI, 33).

Во-вторых, евреи отличаются крайним развитием самочувствия, самосознания и самодеятельности. Как весь Израиль, так и каждая семья в нем и каждый член этой семьи до глубины души и до мозга костей проникнуты чувством и сознанием своего национального, семейного и личного Я и стремятся всячески на деле проявить это самочувствие и самосознание, упорно и неумолимо работая для себя, для своей семьи и для всего Израиля.

Наконец, третья отличительная черта евреев — их крайний материализм (в широком смысле этого слова). Чувственный характер еврейского мировоззрения выразился символически даже в их письме (в этом ограничении алфавита одними согласными) — *телом* слов, тогда как дух слов — гласные или вовсе опускаются или обозначаются лишь точками и маленькими черточками). Что касается до житейского материализма евреев, т. е. преобладания утилитарных и корыстных соображений в их деятельности от египетских сосудов и до бирж современной Европы, об этом кажется нет надобности распространяться.

Таким образом, характер этого удивительного народа обнаруживает одинаково и силу Божественного начала в религии Израиля и силу человеческого самоутверждения в национальной, семейной и личной жизни евреев и, наконец, силу материального элемента, окрашивающего собою все их мысли и дела. Но каким же способом в одной живой индивидуальности совмещаются эти противоборствующие между собой стихии? Что связывает религиозную идею Израиля с человеческой самодеятельностью иудейства и с

жидовским материализмом? По-видимому, всецелая преданность единому Богу должна упразднить или, по крайней мере, ослаблять и энергию человеческого Я и привязанность к материальным благам. Так, мы видим, например, в индийском браманизме преобладающее чувство божественного единства приводило религиозных людей к совершенному отрицанию и человеческой индивидуальности и материальной природы. В свою очередь, преобладающее развитие человеческого начала — гуманизм, в той или другой форме, должен, казалось бы, с одной стороны, вытеснять сверхчеловеческую власть религии, с другой стороны, поднимать человеческий дух выше грубого материализма, как мы это и видим у лучших представителей древней Греции и Рима, а также и в новой Европе.

Столь же ясным представляется и то, что господство материализма во взглядах и стремлениях несовместимо ни с религиозными, ни с гуманитарными идеалами. Однако в иудействе все это уживается вместе, нисколько не нарушая цельности народного характера. Чтобы найти ключ к разрешению этой загадки, не нужно останавливаться на отвлеченных понятиях о религии вообще, об идеализме и материализме вообще, а нужно внимательно рассмотреть особенности *иудейской* религии, *иудейского* гуманизма и *иудейского* материализма.

Веруя в единство Бога, еврей никогда не полагал религиозной задачи человека в том, чтобы слиться с Божеством, исчезнуть в Его всеединстве. Да он и не признавал в Боге такого отрицательного и отвлеченного всеединства или безразличия. Несмотря на некоторые мистические представления позднейших каббалистов, несмотря на пантеистическую философию евреев Спинозы, вообще говоря, иудейство всегда видело в Боге не бесконечную пустоту всеобщего субстрата, а бесконечную полноту существа, имеющего жизнь в себе и дающего жизнь другому. Свободный от всяких внешних ограничений и определений, но не расплываясь в общем безразличии, сущий Бог Сам себя определяет и является как совершенная личность или абсолютное Я. Согласно с этим и религия должна быть не уничтожением человека в универсальном божестве, а личным взаимодействием между божеским и человеческим Я. Именно потому, что еврейский народ был способен к *такому* пониманию Бога и религии, он и мог стать избранным народом Божиим.

Сущий Бог сделал Израиль народом Своим потому, что

и Израиль сделал Сущего Бога своим. Праотец Авраам, живя среди язычников и еще не получив прямого откровения истинного Бога, не удовлетворялся и тяготился культом мнимых богов, столь привлекательных для всех народов. Служение стихийным и демоническим силам природы было противно еврейской душе. Родоначальник Израиля не мог верить в то, что ниже человека; он искал личного и нравственного Бога, в которого человеку не унижительно верить, и этот Бог явился и призвал его и дал обетования его роду. «Верую, зовом Авраам послуша изыти на место, еже хотяще прияти в наследие и изыде не ведай камо грядет» (Посл. к Евр. XI, 8). То же самое, что вывело Авраама из земли Халдейской, вывело и Моисея из Египта. Несмотря на все соблазны египетской теософии и теургии, «верую Моисей велик быв, отвержесе нарицатися сын дщери Фараоновы и верую остави Египет, не убоявся ярости царевы» (Там же, 24, 27).

Отделившись от язычества и поднявшись своей верою выше халдейской магии и египетской мудрости, родоначальники и вожди евреев стали достойны Божественного избрания. Бог избрал их, открылся им, заключил с ними союз. Союзный договор или завет Бога с Израилем составляет средоточие еврейской религии. Явление единственное во всемирной истории, ибо ни у какого другого народа религия не принимала этой формы союза или завета между Богом и человеком как двумя существами, хотя и неравносильными, но *нравственно однородными*.

Это высокое понятие о человеке нисколько не нарушает величия Божия, а, напротив, дает ему обнаруживаться во всей силе. В самостоятельном нравственном существе человека Бог находит Себе достойный предмет действия, иначе Ему *не на что* было бы воздействовать. Если бы человек не был свободной личностью, как возможно было бы Богу проявить в мире *Свое личное* существо? Насколько самосущий и самоопределяющийся Бог, царящий над миром, превосходит безличную сущность мировых явлений, настолько священная религия иудеев выше всех натуралистических и пантеистических религий древнего мира. В этих религиях ни Бог, ни человек не сохраняли своей самостоятельности: человек был здесь рабом неведомых и чуждых законов, а Божество, в конце концов (в художественной мифологии греков), являлось игралищем человеческой фантазии. В иудейской религии, напротив, с самого начала одинаково сохраняются обе стороны — и божеская и человеческая.

Наша религия начинается *личным отношением* между Богом и человеком в древнем завете Авраама и Моисея и утверждается теснейшим *личным соединением* Бога и человека в новом завете Иисуса Христа, в котором обе природы пребывают нераздельно, но и неслиянно. Эти два завета не суть две различные религии, а только две ступени одной и той же *богочеловеческой религии*, или, говоря языком германской школы, два момента одного и того же богочеловеческого процесса. Эта единая истинная богочеловеческая европейско-христианская религия идет прямым и царским путем среди двух крайних заблуждений язычества, в котором то человек поглощается Божеством (в Индии), то само Божество превращается в тень человека (в Греции и Риме).

Истинный Бог, избравший Израиля и избранный им, есть Бог сильный, Бог самосуший, Бог Святой. Сильный Бог избирает Себе сильного человека, который бы мог бороться с Ним; самосуший Бог открывается только самосознательной личности; Бог святой соединяется только с человеком, ищущим святости и способным к *деятельному нравственному подвигу*. Нemoшь человеческая ищет силы Божией, но это есть помощь сильного человека; человек от природы слабый не способен и к сильной религиозности. Точно также человек безличный, бесхарактерный и с мало развитым самосознанием не может понять как должно истину *самосущего бытия* Божия. Наконец, человек, у которого парализована свобода нравственного самоопределения, который неспособен *начинать действие* из себя, неспособен совершить подвиг, добиться святости — для такого человека святость Божия всегда останется чем-то внешним и чуждым, — он никогда не будет «другом Божиим». Ясно отсюда, что та истинная религия, которую мы находим у народа израильского, не исключает, а напротив, требует развития свободной человеческой личности, ее самочувствия, самосознания и самодеятельности. Израиль был велик верою, но для великой веры нужно иметь в себе великие духовные силы. Со своей стороны, энергия свободного человеческого начала всего лучше проявляется именно в вере. Весьма распространен предрассудок, будто вера подавляет свободу человеческого духа, а положительное знание расширяет свободу. Но по существу дела выходит наоборот. В вере человеческий дух переступает за пределы данной наличной действительности, утверждает существование таких предметов, которые не вынуждают у него при-

знания, — он свободно признает их. Вера есть подвиг духа, обличающего вещи невидимые. Верующий дух не выжидает пассивно воздействий внешнего предмета, а смело идет им навстречу, он не следует рабски за явлениями, а предваряет их, — он свободен и самодеятелен. Как свободный подвиг духа, вера имеет нравственное достоинство и заслугу: блаженны невидевшие и веровавшие. В эмпирическом познании, напротив, наш дух, подчиняясь внешнему факту, страдателен и несвободен: здесь нет ни подвига, ни нравственной заслуги. Разумеется, эта противоположность веры и познания не безусловна. Ибо верующий всегда так или иначе познает предмет своей веры, а с другой стороны, положительное знание всегда принимает на веру нечто такое, что не может быть эмпирически показано, а именно — объективную реальность физического мира, постоянство и всеобщность законов природы, нелживость наших познавательных средств и т. п. Тем не менее несомненно, что преобладающей чертой в области веры является активность и свобода нашего духа, а в области эмпирического познания — пассивность и зависимость. Чтобы признать и познать данный извне факт, не требуется самостоятельности и энергии человеческого духа: она нужна, чтобы верить в то, что еще не перешло в видимый факт. Явное и *настоящее* само настаивает на своем признании; сила же духа в том, чтобы предугадать грядущее, признать и объявить тайное и сокровенное. Вот почему высшая энергия человеческого духа проявляется в пророках израилевых не вопреки их религиозной вере, а именно в силу этой веры.

Это соединение глубочайшей веры в Бога с высочайшим напряжением человеческой энергии сохранилось и в позднейшем иудействе. Как резко например оно выражается в заключительной пасхальной молитве о пришествии Мессии: «Боже всемогущий, ныне близко и скоро храм Твой создай, в дни наши как можно ближе, ныне создай, ныне создай, ныне близко храм Твой создай! Милосердый Боже, великий Боже, кроткий Боже, всевышний Боже, благий Боже, безмерный Боже, Боже израилев, в близкое время храм Твой создай, скоро, скоро, в дни наши, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне скоро храм Твой создай! Могущественный Боже, живой Боже, крепкий Боже, славный Боже, милостивый Боже, вечный Боже, страшный Боже, превосходный Боже, царствующий Боже, богатый Боже, великолепноый Боже, верный Боже, ныне немедля храм Твой восставь, скоро, скоро, в дни

наши, немедля скоро, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне создай, ныне скоро храм Твой создай!» (с латинского перевода Буксторфа).

В этой характерной молитве, кроме искренней веры в Бога израилева и настойчивости человеческой воли, обращенной к Нему, замечается еще одна важная особенность: молящиеся не хотят, чтобы их Бог оставался в сверхмирной области; видя в Нем идеал всякого совершенства, они непременно требуют, чтобы этот идеал воплотился на земле, чтобы Божество дало себе внешнее видимое выражение, *создало бы Себе храм*, вещественную обитель Своей силы и славы, притом, чтобы этот храм был создан *теперь же, как можно скорее*. В этом нетерпеливом стремлении воплотить божественное на земле мы найдем руководящую нить для понимания еврейского материализма, а также для объяснения настоящего положения израильского народа.

Говоря о материализме, следует различать такого рода материализм: практический, научно-философский и религиозный. Первого рода материализм прямо зависит от господства у данных лиц низшей стороны человеческой природы, от преобладания животных побуждений над разумом, чувственных интересов над духовными. Чтобы оправдать в себе такое преобладание низшей природы, практический материалист начинает отрицать самое существование всего того, что не вмещается в эту низшую природу, чего нельзя видеть или осязать, взвесить или измерить. Возводя это отрицание в общий принцип, практический материализм переходит в теоретический или научно-философский. Сей последний, путем рассудочного анализа, сводит все существующее к элементарным фактам материальной природы, систематически отрицая все истины божественного и духовного порядка. Как практический материализм всегда существовал везде, где были нравственно-грубые люди, так и теоретический материализм проходит через всю историю философии, принимая различные видоизменения, соединяясь обыкновенно с теорией атомов в своей метафизике, с сенсуализмом в своей теории познания, а для этики своей пользуясь учением об удовольствии как высшей цели (идонизм), с одной стороны, а с другой стороны, опираясь на детерминизм, т. е. на учение о несвободном характере всех наших действий.

Оба эти вида материализма не составляют особенной принадлежности иудейства. Практический материализм в

своей чистой форме весьма редко встречается между настоящими евреями; как уже замечено, даже их всесветное сребролюбие освящается высшею целью — обогащением и славою всего Израиля. Точно так же и научно-философский материализм вырос не на семитической почве, а на почве греко-римского и потом романо-германского образования; лишь сквозь среду этого образования могут евреи усвоить себе материалистическую философию, совершенно чуждую их собственному национальному духу. Зато этому национальному духу издревле был свойственен третий, особый вид материализма, который радикально отличается от двух первых и который я для краткости обозначаю, не вполне точным названием материализма *религиозного*.

Евреи, верные своей религии, вполне признавая духовность Божества и божественность человеческого духа, не умели и не хотели *отделять* эти высшие начала от их материального выражения, от их телесной формы и оболочки, от их крайнего и конечного осуществления. Для всякой идеи и всякого идеала еврей требует видимого и осязательного воплощения и благотворного результата; еврей не хочет признавать такого идеала, который не в силах покорить себе действительность и в ней воплотиться; еврей способен и готов признать самую высочайшую духовную истину, но только с тем, чтобы видеть и ощущать ее реальное действие. Он верит в невидимое (ибо всякая вера есть вера в невидимое), но хочет, чтобы это невидимое стало видимым и проявило бы свою силу; он верит в дух, но только в такой, который проникает все материальное, который пользуется материей как своей оболочкой и своим орудием.

Не отделяя духа от его материального выражения, еврейская мысль, тем самым, не отделяла и материю от ее духовного и божественного начала; она не признавала материю саму по себе, не придавала значения вещественному бытию *как такому*. Евреи не были служителями и поклонниками материи. С другой стороны, будучи далеки от отвлеченного спиритуализма, евреи не могли относиться к материи с равнодушием и отчуждением и еще менее с тою враждою, которую питал к ней восточный дуализм. Они видели в материальной природе не дьявола и не Божество, а лишь *недостойную обитель богочеловеческого духа*. Между тем как практический и теоретический материализм подчиняется вещественному факту как закону, между тем как дуалист отвращает от материи как от

зла, — религиозный материализм евреев заставлял их обращать величайшее внимание на материальную природу, но не для того, чтобы служить ей, а чтобы в ней и через нее служить Вышнему Богу. Они должны были отделять в ней чистое от нечистого, святое от порочного, чтобы сделать ее достойным храмом Высшего существа. Идея *святой телесности* и заботы об осуществлении этой идеи занимают в жизни Израиля несравненно более важное место, нежели у какого-либо другого народа. Сюда принадлежит значительная часть законодательства Моисеева о различении чистого и нечистого и о правилах очищения. Можно сказать, что вся религиозная история евреев была направлена к тому, чтобы приготовить Богу израилеву не только святые души, но и святые тела.

Если теперь мы сопоставим стремление иудеев к материализации божественного начала с их заботами об очищении и освящении нашей телесной природы, то легко поймем, почему именно иудейство представляло для воплощения Божественного Слова наиболее соответственную материальную среду. Ибо и разум и благочестие требуют признать, что для вочеловечения Божества, кроме святой и девственной души, должна была также послужить святая и чистая телесность.

Ясно теперь, что этот священный материализм евреев несколько не противоречит, а напротив, служит прямым дополнением двум первым качествам этого народа — его сильной религиозности и энергии человеческого самосознания и самодеятельности. Верующий израильтянин хочет, чтобы предмет его веры обладал всей полнотою действительности, осуществлялся до конца; со своей стороны и энергия, или активность, человеческого духа не может довольствоваться отвлеченным содержанием идей и идеалов, — она требует их реального воплощения, требует, чтобы духовное начало до конца овладевало материальной действительностью, а это предполагает в самой материи способность к такому одухотворению, — предполагает *духовную и святую телесность*. Религиозный материализм евреев происходит не от неверия, а от избытка веры, жаждущей своего исполнения, не от слабости человеческого духа, а от его силы и энергии, не боящейся оскверниться материей, а очищающей ее и пользующейся ею для своих целей.

Таким образом, три главные качества еврейского народа в своем совокупном действии прямо соответствовали

высокому назначению этого народа и способствовали совершению в нем дела Божия. Крепко веруя в Сущего Бога, Израиль привлек к себе богоявления и откровения; веря также и в себя, Израиль мог вступить в личное отношение к Иегове, стать с Ним лицом к лицу, заключить с Ним договор, служить Ему не как пассивное орудие, а как деятельный союзник; наконец, в силу той же деятельной веры стремясь к конечной реализации своего духовного начала, через очищение материальной природы, Израиль приготовил среди себя чистую и святую обитель для воплощения Бога-Слова.

Вот почему еврейство есть избранный народ Божий, вот почему Христос родился в Иудее.

II.

ПОЧЕМУ ИУДЕЙСКИЙ НАРОД ОТВЕРГ ХРИСТА И ЧУЖДАЕТСЯ ХРИСТИАНСТВА

Все хорошее в человеке и в человечестве только в соединении с божественным предохраняется от искажения и извращения. Как только нарушена богочеловеческая связь, так сейчас же нарушается (хотя сначала и незаметно) нравственное равновесие в самом человеке.

Мы распознали три главные качества еврейского характера: крепкую веру в живого Бога; затем сильнейшее чувство своей человеческой и народной личности; наконец поддерживаемое стремление до крайних пределов реализовать и материализовать свою веру и свое чувство, дать им скорее плоть и кровь. Эти три качества, в своем правильном сочетании, при должной зависимости последующих от первого, составляли великое преимущество и славу Израиля, они сделали его избранным народом, другом Божиим, помощником Божественного воплощения. Эти же три качества, с нарушением должного отношения между ними, при перевесе последующих над первым, становятся источником великих грехов и бедствий.

Когда на первом месте стоит беззаветная вера в живого Бога и Его промысел, тогда и еврейское самочувствие и еврейский материализм служат делу Божию и обосновывают истинное *боговластие* (теократию).

Но как только эти чисто человеческие и натуральные особенности еврейского характера получают перевес над религиозным элементом и подчиняют его себе, так неиз-

бежно этот великий и единственный в мире национальный характер является с теми искаженными чертами, которыми объясняется всеобщая антипатия к еврейству (хотя и не оправдывается вражда к нему): в этом искаженном виде национальное самочувствие превращается в национальный эгоизм, в безграницное самообожание с презрением и враждой к остальному человечеству; а реализм еврейского духа вырождается в тот исключительно деловой, корыстный и иным не брезгующий характер, за которым почти совсем скрываются для постороннего, а тем более для предубежденного взгляда, лучшие черты истинного иудейства.

Без этого глубокого искажения национального характера в значительной части еврейского народа были бы непонятны многие события еврейской истории, в особенности же, основное событие христианства. Правда, в *прямых* противниках Иисуса Христа мы видим пороки и заблуждения общечеловеческого, а не специально иудейского характера: озлобленное самолюбие обличенных в своей мелочности «учителей» в соединении с ложным патриотизмом и мнимой политической мудростью народных правителей — явление довольно известное повсюду и прежде и после Христа. Личная вражда и злоба, возбужденная Христом, вполне понятна; Его прямые противники не имеют в себе ничего загадочного — это самые обыкновенные образчики испорченной человеческой природы. Также понятно и то, что эти люди не могли быть убеждены чудесами И. Христа. Эти чудеса были благодеяниями для страждущих, а не знамениями для неверующих. Люди, лишь по народной молве знавшие об этих чудесах, легко могли отрицать их действительность, а те из противников Христа, которые сами были очевидцами Его чудотворений, нисколько не затруднялись отвергать их *божественный* характер и приписывать их демоническим силам.

Но как объяснить, что народная толпа, увлеченная именно божественным характером учения и дел Христовых, вдруг отреклась от Него и выдала своего Мессию Его врагам? Я не нахожу возможным согласиться вполне с общепринятым у нас объяснением этого факта. Обыкновенно дело представляется так, что иудейский народ хотя и ждал Мессию, но, по своему грубо-чувственному характеру, представлял себе царство этого Мессии *исключительно* в виде политического торжества и господства Израиля над всеми народами; с этими ожиданиями не имела-де ничего общего евангельская проповедь о чисто духовном царстве

Божием, а потому-де иудеи и не могли узнать в Иисусе своего Мессию-Царя. Такое объяснение, кажется мне, хромает на обе стороны и для своего утверждения нуждается в двойной поправке. Несомненно, что иудеи ждали от Мессии между прочим и политической победы иудейства; также несомненно и то, что Христос проповедывал прежде всего царствие Божие в духе и истине; но как в ожиданиях иудеев дело Мессии не исчерпывалось его политической победой, так, с другой стороны, и возвещенное Христом царство Божие не исчерпывается одним поклонением Богу в духе и истине. Что касается до иудеев, то их мессианские ожидания основывались прежде всего на пророческих писаниях, а в этих писаниях грядущее царство Мессии представляется преимущественно как полнейшее откровение и торжество истинной религии, как одухотворение синайского завета, как утверждение закона Божия в сердцах человеческих, как распространение истинного познания о Боге, наконец, как желание Святого Духа Божия на всякую тварь.

«Мною клянусь, — говорит Иегова, — из уст Моих исходит правда, Слово неизменное, Им же преклонится всякое колено предо Мною, Мною будет клясться всякий язык. Только у Господа, скажут обо Мне, правда и сила; к Нему придут и устыдятся все враждовавшие против Него» (Исайи XV, 23, 24).

«Услышь Меня, народ Мой, и племя Мое преклони ухо ко Мне! Ибо от Меня изыдет закон, и суд Мой поставлю во свете для народов». «Поднимите глаза ваши к небесам и посмотрите на землю вниз; ибо небеса исчезнут, как дым, и земля истлеет, как ветхая одежда, и все живущие на ней; а Мое спасение пребудет во веки и правда Моя не престанет» (Исайи I, 4, 6).

«Вот Я дал Его (Мессию) свидетелем для народа, вождем и наставником для языков. Вот ты призовешь племя, которого ты не знал, и народы, которые тебя не знали, поспешат к тебе ради Господа Бога твоего и ради Святого Израилева, ибо Он прославит тебя».

«Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник помыслы свои и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив».

«Мои мысли — не ваши мысли, и ваши пути — не Мои пути, говорит Господь. Но как небо выше земли, так Мои пути выше путей ваших и Мои мысли выше мыслей ваших» (Исайи, V, 45, 7—9).

«Ибо вот Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не взойдут на сердце» (Исайи XV, 17).

«Если хочешь обратиться, Израиль, — говорит Господь, — ко Мне обратись; и если удалишь мерзости твои от лица Моего, то не будешь скитаться. И будешь клясться: жив Господь в истине, суде и правде, и народы благословятся в Нем и похвалятся Им. Ибо так говорит Господь к мужам Иуды и Иерусалима: распашите себе новые нивы и не сейте между терния. Обрежьте себя для Господа и снимите крайнюю плоть с сердца нашего, мужи иудейские и живущие в Иерусалиме» (Иеремии IV, 1—4).

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, который я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли египетской; тот завет Мой они нарушили, хоть Я оставался в союзе с ними, — говорит Господь. — Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, — говорит Господь: — вложу закон Мой внутрь их и на сердцах их напишу его; и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата и говорить «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня от мала до велика, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их не вспомяну более» (Иеремии XXXI, 31—34).

«И дам им сердце единое и дух новый вложу в них, и возьму из груди их сердце каменное и дам им сердце плотное, чтобы они ходили по заповедям Моим и соблюдали уставы Мои и выполняли их; и будут Моим народом, а Я буду им Богом» (Иезекиля XI, 19—20).

«И не буду уже скрывать от них лица Моего, потому что Я изолью дух Мой на дом Израилев, — говорит Господь Бог» (Иезекиля XXXIX, 29).

«И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благости и милосердии. И обручу тебя Мне в верности, и ты познаешь Господа. И будет в тот день, Я услышу, — говорит Господь, — услышу небо, и оно услышит землю; и земля услышит хлеб и вино и елей; а сии услышат Израиль. И посею ее для Себя на земле, и помилую непомилованную, и скажу не Моему народу: ты Мой народ, а он скажет: ты Бог мой!» (Осии II, 19—23).

«Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более нежели всесожжений» (Осии VI, 6).

«Вот дела, которые вы должны делать: говорите истину друг другу; в истине и миролюбии судите у ворот ваших. Никто из вас да не мыслит в сердце своем зла против ближнего своего и ложной клятвы не любите; ибо все это я ненавижу, — говорит Господь» (Захарии VIII, 16, 17).

«От востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву; велико будет имя Мое между народами, — говорит Господь Саваоф» (Малахии I, 11).

«И они будут Моими, — говорит Господь Саваоф, — собственностью Моею в тот день, который Я соделаю, и буду миловать их, как милует человек сына своего, служащего ему. И тогда увидите различие между праведником и нечестивым, между служащим Богу и неслужащим ему» (Малахии III, 17, 18).

«И вы, чада Сиона, радуйтесь и веселитесь о Господе Боге вашем, ибо Он даст вам дождь в меру и будет ниспосылать вам дождь, дождь ранний и поздний, как прежде. — И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего. И будет всякий, кто призовет имя Господне, спасется; ибо на горе Сионе и в Иерусалиме будет спасение, как сказал Господь, и у остальных, которых призовет Господь» (Иоилия II, 23, 28, 29, 32).

Та часть иудейского народа, которая не признавала пророческих писаний (саддукеи), не ожидала никакого Мессии; а те, которые его ожидали *на основании пророков*, не могли исключить из своих ожиданий того религиозного элемента, который у пророков был преобладающим. Царство Мессии для ожидавших его иудеев должно было иметь не исключительно политический, а *религиозно-политический* характер, оно должно было представляться им не в исключительно чувственных, а в *духовно-чувственных* образах. С другой стороны, христианское учение никогда не являлось как проповедь отвлеченной духовности. Основная истина христианства — воплощение Божественного Слова есть факт *духовно-чувственный*. Когда Христос говорил: *видевший Меня видел и Отца*, — Он, конечно, не удалял, а приближал Божество к восприятию чувственного человека. Вместе с тем, Христос и словом Своим и примером освятил практические основы религиозной жизни — молитву, мило-

стыню и пост. Что касается до юридических и политико-экономических постановлений Моисеева законодательства, то неудивительно, что Евангелие умалчивает о них накануне грядущих великих переворотов; самые крайние ревнители тогдашнего иудейства едва ли могли думать, что гражданские законы, данные Моисеем ввиду завоевания земли Ханаанской, останутся неизменными в царстве Мессии, когда народ Божий будет править всей землею. — Христос говорил о разрушении иерусалимского храма, но, конечно, не из пренебрежения к его святыне, о которой Он, напротив, заботился с величайшей ревностью (изгнание торжников), а единственно потому, что предвидел самое событие, которое и совершилось немного времени спустя. Да это предсказание о разрушении второго храма не могло уже быть слишком обидно для чувств еврейского народа, который пережил разрушение первого храма, безмерно превосходившего второй величию и славой.

Вообще учение Христово не отрицало чувственных форм религиозной жизни, а одухотворило; не отрицало оно и того, что царство истинного Бога должно покорить себе весь мир. Если бы царство Христово было от мира, то оно не имело бы права владеть миром, но именно потому, что оно не от мира и чуждо мирской злобы, оно *по праву* получает весь мир себе в наследие; блаженны кроткие, яко тии наследят землю, — христиане, так же, как иудеи (в пророках), стремятся не только к обновлению человеческого духа, но и нового неба и новой земли по обетованию Его чают, в них же правда живет. Царство Божие есть не только внутреннее — в духе, но и внешнее — в силе: оно есть настоящая *теократия*. Христианская религия, возвышая человеческий дух к Богу, низводит Божество до человеческой плоти: в этом явном таинстве все ее превосходство, ее полнота и совершенство. От языческой мудрости христианство отличается самою *целью*; от иудейства оно отличается только разным *отношением* к этой цели.

Окончательная цель для христиан и для иудеев одна и та же — вселенская теократия, осуществление божественного закона в мире человеческом, воплощение небесного в земном. Этот союз неба и земли, этот новый завет Бога с творением, этот совершенный круг и венец всемирного дела одинаково признается и христианством и иудейством. Но в христианстве нам открылся сверх того, и *путь* к этому венцу, и этот путь есть *крест*. Вот этого-то крестного пути и не сумело понять тогдашнее иудейство; оно искало

знамения, т. е. прямого и непосредственного проявления силы Божией. Иудеи стремились прямо к окончательному заключению, к последним выводам, они хотели приобрести извне условным формальным путем то, что нужно выстрадать, что добывается сложным и тяжелым процессом, путем внутреннего раздвоения и нравственной борьбы. Ограничиваясь формальной верностью древнему договору, чтобы по условию получить царствие Божие, они не хотели понять и принять того крестного пути, которым царство не получается прямо извне, а *сначала* усваивается изнутри, чтобы *потом* проявиться внешним образом. Они не хотели понять и принять креста Христова, и вот уже восемнадцать веков как поневоле несут свой тяжелый крест.

Крест Христов, которым усваивается царство Божие, требовал от иудейского народа двойного подвига: во-первых, отречения от своего национального эгоизма, и во-вторых, временного отречения от мирских стремлений, от своей привязанности к земному благополучию. Сохраняя *положительные* особенности своего характера, иудейство должно было расширить и вместе с тем углубить свою религию, придать ей вполне универсальное значение и, в особенности, сообщить ей тот аскетический дух, которого ей всегда недоставало. Иудеи должны были бы на время занять такое положение относительно враждебного им мира, какое заняла гонимая церковь христианская: им следовало выступить против языческой империи не бунтовщиками, а мучениками — тогда они победили бы и соединились бы с христианством в общем торжестве.

Чтобы воплотить царство Божие на земле, нужно *сперва* отойти от земли; чтобы осуществить духовную идею в материальной действительности, нужно быть свободным, отрешенным от этой действительности. Раб земли не может владеть ею и, следовательно, не может сделать из нее основание для царства Божия. Чтобы сделать природную жизнь орудием и *средством* высшей духовной жизни, необходимо отрешиться от природной жизни как *цели*. Нужно прервать бессмысленное соединение духа с материей, чтобы установить между ними истинное и святое сочетание.

И для христианства *высшая* цель не в аскетическом отрешении от природной жизни, а в очищении и освящении этой жизни. Но чтобы ее очистить, надобно сначала быть от нее чистым. Задача христианства не в уничтожении земной жизни, а в ее *подъеме* навстречу нисходящему

Богу. И как в физическом мире для подъема большой тяжести бывает нужен рычаг, то есть действующая сила должна находиться на известном расстоянии от сопротивления, так и в нравственном мире идеальная жизнь должна быть в известном отдалении от непосредственной жизни, чтобы тем могущественнее на нее действовать, чтобы тем скорее ее повернуть и поднять. Только тот, кто свободен от мира, может действовать в пользу мира. Пленный дух не имеет возможности перестроить свою темницу в светлый храм: он должен прежде всего из нее высвободиться.

Цель христианского аскетизма — не ослабление плоти, а *усиление духа для преобразования плоти*. Соответственно этому и христианский универсализм имеет целью не уничтожение природных особенностей каждой нации, а напротив, усиление национального духа чрез очищение его ото всякой эгоистической закваски. Эти цели не были чужды иудейскому народу. Он заботился не только о чистоте и святости своей телесной природы, но и об *оправдании* своего национального духа. Но самый процесс этого оправдания рассматривался иудейскими законниками более по форме, нежели по существу. Они искали единения с Богом посредством внешнего условия соглашения, нравственный подвиг, чрез самоотречение личное и национальное. Но этот удивительный путь, ведущий к цели чрез удаление от нее, был совершенно непонятен большей части иудеев, стремившихся прямо и поскорее к окончательному результату. Их напряженное самочувствие восставало против христианского самоотречения, их привязанность к материальной жизни не вмещала христианского аскетизма; их практический ум не мог примирить этого видимого противоречия между целью и средством; они не могли понять, каким образом вольное страдание ведет к блаженству, каким образом умерщвление тела служит к его восстановлению, каким образом отречение от личных и народных интересов доставляет полноту личной и национальной жизни.

Если для этих иудеев уже большим соблазном являлась идея креста, налагаемого на человека, то крест, поднятый самим Богом, стал для них соблазном соблазнов; и тот самый иудейский народ, который своими лучшими элементами приготовил среду и материю для воплощения Бога-Слова, он же в своей массе оказался наименее восприимчивым к тайне этого воплощения.

Богочеловек, т. е. соединение Божества с человеческой природой в одном индивидуальном лице, — есть *начаток*,

необходимое основание и средоточие, — конец же и завершение — есть богочеловечество (точнее, человечество обоженное), т. е. сочетание с Богом, — при посредстве Богочеловека — всего человеческого рода, а через него — и всей твари. Иудеи, во всяком деле ищущие окончательного практического результата, думали только о коллективном соединении с Богом и не поняли необходимости индивидуального начатка и посредства для достижения этой общей цели. Даже те из евреев, которые готовы допустить возможность воплощения божественного Лица (напр., каббалисты), отвергают путь Христов, как непрактичный и нецелесообразный. Но отвергая Богочеловека как единый общий для всех начаток спасения, как знамя языков, иудеи тем самым искажали и смысл богочеловечества, делая из него исключительное преимущество народа израильского. Это вполне соответствовало реалистическому характеру иудейского мировоззрения. Ибо народ есть хотя и собирательное, но все-таки реальное, явное существо, тогда как человечество со времен Вавилонского столпотворения превратилось в отвлеченное понятие, вовсе не существует как реальное и в себе самом солидарное целое. Поэтому иудей, не покоривший плотского ума разуму истины, в своем представлении царства Божия, естественно, останавливался на границах своей народности, отвергая все человечество как отвлеченную фантазию, отнимающую у царства Божия его реальную основу. Таким образом, христианство, с одной стороны, как проповедь всечеловеческого братства, казалось еврею чем-то слишком широким, отвлеченным и нереальным; вместе с тем, поскольку христианство связывает дело всемирного спасения с одной Личностью Иисуса, оно представляется еврею как что-то узкое, произвольное и недостаточное. И с той и с другой стороны христианство, имеющее в виду собрать *всех* вокруг *одного* и чрез *одного* соединить каждого со всеми, представляется еврею — практику и реалисту — как идея неосуществимая и уже по одному этому — ложная. Доказать евреям, что они ошибаются, можно только *фактически* — осуществляя на деле христианскую идею, последовательно проводя ее в действительную жизнь. Чем полнее христианский мир выражал бы собою христианскую идею духовной и универсальной теократии, чем могущественнее было бы воздействие христианских начал на частную жизнь христиан, на социальную жизнь христианских народов, на политические отношения в христианском чело-

вечестве — тем очевиднее опровергался бы иудейский взгляд на христианство, тем возможнее и ближе становилось бы обращение евреев. Таким образом, еврейский вопрос есть вопрос христианский.

III.

СУДЬБЫ ЕВРЕЙСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОКРАТИИ. — РОССИЯ, ПОЛЬША И ИЗРАИЛЬ.

Христианство и еврейство имеют общую теократическую задачу — создание праведного общества. Так как источник всякой правды в Боге, то праведное общество есть общество богочеловеческое. Здесь весь человек добровольно подчиняется Богу, все люди едиnodушны между собою и пользуются полной властью над материальной природой. По еврейским понятиям, такое идеальное общество должно воплотиться в народе израильском (в царство Мессии), по христианским понятиям, к нему одинаково призваны все народы. Этот христианский универсализм не следует понимать в том смысле, будто все народности составляют лишь безразличный материал для вселенской теократии. Все народы равны лишь перед евангельским законом в том смысле, как, например, в государстве все граждане равны перед законом страны, что нисколько не мешает различным состояниям и разрядам граждан иметь свои особые права, вытекающие из особых обязанностей их служения (так, в самой эгалитарной стране врач получает особые права, которых нет у земледельца, и в самой демократической республике министр имеет преимущества перед ночным сторожем и т. д., хотя все они равны перед законом, который определяет как общие права всех, так и особые права каждого). Подобным же образом и в гражданстве Божиим (*in civitate Dei*) различные народы могут иметь различные преимущества, смотря по особому историческому положению и национальному признанию, лишь бы этим не нарушались взаимная любовь и общая солидарность. Таким образом, между теократическими идеями христианства и еврейства нет непременно противоречия. Если евреи имеют притязание на особое положение и значение во всемирной теократии, то нам нет надобности заранее отвергать это притязание, особенно если мы вспомним, что говорит об этом предмете апостол Павел: «У них усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и служение, обетова-

ния; их же отцы и от них же Христос по плоти, сущий над всеми Бог... Или отринул Бог людей Своих? Да не будет! Не отринул Бог людей Своих, которых прежде знал... Но чтобы вы не гордились, не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне, что ослепление было Израилю отчасти, доколе не войдет полнота народов. И тогда весь Израиль спасется». Но как спасется, как войдет в град Божий?

Чтобы узнать теократическое положение известного народа, необходимо ближе определить самое содержание теократии.

До тех пор, пока Бог не будет все во всех, пока каждое человеческое существо не будет вместилищем Божества, до тех пор Божественное управление человечеством требует особых органов и проводников своего действия в человечестве.

Притом, Божественное управление должно распространяться на всю человеческую жизнь и не может ограничиваться одною какою-нибудь частною областью этой жизни; поэтому и органы Божественного управления должны находиться не только в собственно религиозной, но также и в политической и в социальной сфере. Собственно религиозная сфера жизни имеет своим теократическим органом *священника* (или, скорее, *первосвященника*, так как *священник* невозможен без *святителя*); сфера политическая имеет своим теократическим органом *царя*, как *помазанника Божия*; наконец, социальная жизнь народа имеет свой теократический орган в лице *пророка*, т. е. свободного проповедника и учителя. Каждый из этих трех представителей теократии имеет свою самостоятельную сферу действия, но по самому характеру этих сфер, они находятся в определенном взаимоотношении друг к другу. *Священник направляет, царь управляет, пророк исправляет*. В порядке Божественного правления священству принадлежит *авторитет*, основанный на *предании*, царь обладает *властью*, утвержденной на *законе*, пророк пользуется *свободой личного почина*.

Полнота теократического идеала требует равномерного и согласного развития этих трех орудий Божественного правления.

Если мы взглянем теперь на иудейскую (ветхозаветную) теократию, то легко увидим, что хотя она обладала и священством (со времен Аарона) и царством (со времен Саула), но что оба эти служения, и священное и царское, как бы заслонялись и затмевались служением пророческим.

Величайшим представителем еврейского народа был не первосвященник Аарон, а пророк Моисей, и если впоследствии Давид занял такое выдающееся место в судьбе еврейской теократии, то это потому, что он был не только царь, но и пророк. Во всяком случае замечательно, что как пророк Моисей учреждает священство, так пророк же Самуил учреждает царство и помазывает первых царей. Очевидно, что у евреев пророческое служение заключало в себе источник как царской, так и иерейской власти. Их трех царей нераздельного еврейского государства первый Саул, несмотря на свое мужество, и третий Соломон, несмотря на свою мудрость, оба оказались недостойными представителями теократического царства. При Соломоне уже обнаруживается нравственный упадок этого царства (идолопоклонство), а с разделением его надвое при сыне Соломона оно утрачивает также свой внешний блеск и могущество: для раздвоившегося государства порабощение чужеземцами стало лишь вопросом времени. Таким образом, оправдался взгляд пророка Самуила, который некогда столь неохотно согласился на учреждение царской власти в Израиле. Он был прав не потому, чтобы царская власть была излишней для еврейского народа (напротив, она была ему слишком нужна), но человек Божий, хорошо зная народ свой, предвидел, что царское начало не привьется к Израилю и своим неудачным осуществлением только умножит народные бедствия.

Как непрочность государственной власти оказалась пагубной для политического существования еврейства, так недостаточное развитие понтификального начала нанесло ущерб религиозной жизни евреев. Священство, приуроченное к одному роду и ограниченное формальными обязанностями жреческого служения, не могло иметь на народ животворного религиозного действия: своими отрицательными качествами оно, скорее, способствовало той фарисейско-талмудической кристаллизации иудейства, которая, хотя и сохраняет в себе зерно истины, но закрытое слишком жесткой и непроницаемой скорлупой. Впрочем, эта кристаллизация совершилась вполне лишь тогда, когда вслед за исчезновением последних призраков царства исчезло и священство с разрушением второго храма, а вдохновенное пророчество окончательно переродилось в рассудочное и кропотливое учительство (раввинизм), всю свою душу положившее в исполнение отеческого завещания: *возводить ограду вокруг закона*, и эта ограда возво-

дилась с таким усердием и трудолюбием, что скоро из нее вышел настоящий лабиринт, в котором и самим евреям трудно отыскать путь истинной жизни.

С нашей точки зрения судьбы иудейской теократии представляют прежде всего тот поучительный результат, что при всей великой благости, которую еврейский народ получил от Бога чрез своих пророков, все-таки одно пророческое служение не могло возместить собою недостатка единой и крепкой государственной власти, с одной стороны, авторитетного и деятельного священства — с другой: первый из этих недостатков отнял у евреев политическую самостоятельность, второй остановил их религиозное развитие.

Христианство явилось расширением и воплощением иудейской теократии не тем только, что оно приобщило к ней новые национальные элементы, но еще более тем, что оно возвысило и усилило образующие начала самой теократии. Прежде всего, оно дало миру подлинное священство по прямому божественному праву, независимое ни от какого человеческого служения и установления. В иудействе, мы знаем, священство первоначально учреждено при человеческом посредстве, при посредстве пророка Божия Моисея. Таким образом, иудейское священство находилось в генетической зависимости от другого служения — пророческого, которое одно в еврействе стояло в непосредственной связи с Божеством. В христианстве, напротив, первоначальное священство представляется Божественным лицом Иисуса Христа. От него *непосредственно* получили апостолы и передали своим преемникам чрез рукоположение таинственный дар священства. Собственно говоря, Христос был и пребывает единым истинным первосвященником; но пока видимая церковь имеет отдельное существование на земле, необходимо должны быть видимые носители священства Христова, которые священствуют и свидетельствуют не от себя и не от какого бы то ни было человеческого имени, а лишь как заместители Христа, Его силою и благодатью. Этому соответствует в порядке временном тот факт, что существующая церковная иерархия прямой и непрерывной целью преемства связана с самим Христом без всякого постороннего посредства.

Внутреннее единство церковной иерархии зависит от ее божественного происхождения, видимым же выражением этого единства в жизни церкви служили вселенские соборы и папа.

Рядом с этим иерархическим элементом христианство возвысило и царственный элемент теократии. Развитие этого элемента выпало на долю Византии, представительницы эллинизованного Востока, перетянувшего к себе центр Римской империи. В православном царе нового Рима все языческие элементы царской идеи были очищены и перерождены христианством. Восток принес свой образ государя как верховного владыки, неограниченного самодержавца, Эллада внесла свою идею царя как мудрого правителя, пастыря народов, Рим дал свое представление императора как воплощенного государственного закона, христианство связало все это с высшим назначением православного царя как преимущественного служителя истинной религии, как защитника и хранителя ее интересов на земле. Признавая во Христе особое царское достоинство, наша религия дает высшее освящение государственной власти и делает христианского царя вполне самостоятельным, действительно верховным правителем. Как помазанник Божий, царствующий Божиею милостью христианский государь независим от народного своеволия. Но неограниченная снизу власть христианского царя ограничена сверху: будучи отцом и владыкой народа, христианский царь должен быть сыном церкви. Притом, в порядке временном цари, не будучи связаны с самим Христом никаким действительным преемством, должны получить свое освящение от прямых представителей Христовой власти, от первосвященников церкви, что и совершается в священном действии помазания и венчания на царство. Это не дает церковной иерархии никаких державных прав в государственной области, но это обязывает царя быть преданным сыном церкви и верным служителем дела Божия; только под этим условием он имеет значение христианского царя, одного из образующих органов истинной теократии. Те византийские императоры, которые ярче других выразили эту идею христианского царя и оставались ей всегда верны в принципе, несмотря на некоторые недостатки в употреблении своей власти, были и при жизни и по смерти высоко почитаемы и прославляемы церковью. Таковы Константин Великий, Феодосий Великий, Юстиниан. Тот почет, который приняли от церкви эти великие представители цесаризма, ясно показывает, что церковь дорожит принципом христианского царя и что она вовсе не безразлично относится к той или другой форме правления, как это утверждают некоторые.

Но идея христианского царя, при всем своем значении есть лишь часть теократической идеи, и одностороннее ее развитие в ущерб другим теократическим элементам, ее перевес над ними может привести к пагубным последствиям для дела Божия на земле. Так оно и случилось в Византии. Большая часть ее властителей думали, что то верховное владычество над христианским народом, которое они получили от Христа чрез церковь, распространяется и на самую веру Христову и на самые жизненные основы церкви, что они могут полновластно распоряжаться в самом святилище и вместо того, чтобы служить церкви своим господством, заставляя церковь служить их господству. Отсюда великие бедствия для христианского мира; отсюда ереси покровительствуемые, а иногда и изобретаемые императорами (монофелитство, иконоборчество); отсюда постоянные гонения и низложения православных епископов и незаконные поставления на их место еретиков и человекоугодников; отсюда и многие другие злоупотребления властью.

Но злоупотребления византийского цесаризма имели еще более глубокие последствия, они исказили самую жизнь христианского общества на Востоке. При недостаточно самостоятельной и твердой духовной власти в Византии, власть царская, не сдерживаемая с этой стороны, всею своею тяжестью обрушивалась на социальную жизнь, подавляя в ней всякий энергический личный почин, всякую самостоятельную деятельность. Все сильное уходило в монастыри, все слабое порабощалось грубому произволу. Деспотизм питался нравственным бессилием и породил общественный разврат. Спасение души было предоставлено монастырям, а главная задача мирской жизни состояла в том, чтобы угодить императору и его слугам. Теократическая задача христианства — создание праведного общества — потерпела в Византии решительное крушение. Правда, благодаря хорошим сторонам византийского характера — набожности и привязанности к церковному преданию, православная вера сохранилась на Востоке, но этих качеств оказалось недостаточно не только для создания христианского общества, но и для защиты православного мира от победоносного вторжения мусульманства. Победа Ислама, почти искоренившего христианство в Азии и Африке, была прежде всего делом грубой силы, но вместе с тем она имела и некоторое нравственное оправдание. Мусульманин, веруя в свой простой и не слишком высокий

религиозно-нравственный закон, добросовестно его исполняет и в личной и в общественной своей жизни; он *судит* и гражданские и уголовные дела по Корану, *воюет* по прямому повелению Корана, к чужеземцам и к побежденным относится опять-таки согласно предписаниям Корана и т. д. Между тем, в общественной жизни христианского мира Евангелие никогда не имело того значения, какое занял Коран в мусульманском государстве и обществе. Поэтому если мусульманин предается чувственности, то он может жить так не кривя душой, у него такой закон, — у них все так живут; но верующему христианину приходится волея-неволей постоянно нарушать свою веру, ибо то общество, среди которого он живет, мало руководствуется христианским законом. В Византии же в последние времена вследствие исключительно аскетического направления религиозности это раздвоение между верою и жизнью, между личным спасением души и общественной деятельностью было, можно сказать, возведено в постоянное правило. Таким образом, торжество мусульман было справедливым наказанием христианского Востока.

Что касается до Запада, то хотя там теократическая задача никогда не забывалась и не оставлялась, но практическое ее осуществление также оказалось неуспешным, но уже по другим и частью противоположным причинам.

Если в Византии главная причина всех зол заключалась в чрезмерном преобладании императорского единовластия, то на Западе, напротив, коренным препятствием теократического дела была слабость и раздробленность государственной власти. Карл Великий был первым и *последним* настоящим, т. е. единовластным императором на Западе (где его имя слилось с прозванием великого Charlemagne, так же как у пограничных с западной империей славян его имя сделалось синонимом государя: Carolus — король). После этого типичного представителя теократической монархии на Западе оставалась только *идея* «священной Римской империи германской нации», в действительности же исчезло не только единство Римской империи, но и единство германской нации. С уничтожением императорского единовластия западная церковь потеряла главное орудие для исполнения своей теократической задачи. Эта церковь, объединенная и сосредоточенная в римском престоле, не боялась *сильной* империи Карла Великого, а напротив, пользовалась ее силой: империя слабая и раздробленная оказалась для папства вредной и опасной.

Оставшись в феодальном хаосе одинокими представителями порядка и общих интересов, папы имели перед собою безначальную и бессвязную толпу полудиких насильников, относительно которых папский авторитет поневоле должен был принимать характер принудительной власти. Так как римский епископ был единственной властью, общепризнанной во всем европейском мире, то ему приходилось принимать на себя функции и имперской власти, которая лишь номинально принадлежала немецким королям. Этим самым папы не только возбуждали против себя вражду тех полудиких державцев, которых им приходилось обуздывать, но еще, в особенности, вызывали соперничество немецких королей, которые, не умея сладить со своими прямыми вассалами, старались осуществить свои имперские признания насчет папы и итальянских городов, чтобы вознаградить себя в беззащитной Италии за свое бессилие в Германии и остальной Европе. Возгорелась та трагическая борьба между папством и империей, которая со своим эпилогом во Франции продолжалась три века и нанесла решительный удар делу христианской теократии. Во-первых, зрелище этой борьбы между двумя верховными властями производило глубокое деморализующее действие на христианские народы, подрывало в их глазах авторитет как церковного, так и имперского правительства и чрез это подготовляло почву для протестантского движения. Во-вторых, эта борьба вконец истощила и без того недостаточные силы германской империи, так что в исходе средних веков, при императорах Фридрихе III и Максимилиане, императорская власть дошла до полного ничтожества. Наконец — что всего важнее — эта злополучная борьба вынуждала папство надевать на себя «гнилую тяжесть лат земных», что и было прямой или косвенной причиной многих церковных злоупотреблений, многих ошибок духовной власти. А эти злоупотребления и ошибки послужили предлогом и оправданием для антицерковного движения. Между тем, доведенная до ничтожества имперская власть не могла уже, несмотря на свой поздний союз с папством, — остановить это революционное движение и ограничить эгоизм второстепенных державцев, которые покровительствовали перевороту, находя в нем двойную для себя выгоду, так как протестантство, во-первых, отдавало в их полное распоряжение все церковные и монастырские имущества, а во-вторых, предоставляло им верховные права в области самой религии согласно принципу *cujus regio, ejus religio*, ввиду

чего, как известно, многие германские князья *насильно* вводили у себя протестантство. Что касается до сущности протестантства, то она состоит в злоупотреблении третьим принципом христианской теократии — принципом пророчества или свободы личного духа в деле религии. *Злоупотребление* здесь состояло, во-первых, в том, что принцип пророчества, т. е. свободы личного вдохновения, признается не на третьем месте, т. е. не под условием верности двум другим началам теократии, имеющим преимущество положительного Божественного установления, а признается первым и в, сущности, единственным началом царства Божия. Ибо та чрезмерная власть в религиозных делах, которую Лютер предоставил приверженным к нему государям, имеет характер практической и временной уступки; там же, где протестантство свободно и последовательно развивало свои начала — в Швейцарии, у английских и шотландских пуритан, в американских сектах, оно является глубоко враждебным монархической идее. Что касается апостольского священноначалия, то его полное отрицание и в теории и на практике составляет, бесспорно, отличительный характер протестантства, по которому всякий верующий тем самым уже есть священник. Священство здесь смешивается с пророчеством, и это последнее признается не как особое служение или *обязанность некоторых* людей, призываемых к тому Богом, а как естественное *право всех*. По истинному христианскому, так же как и по еврейскому понятию, пророческое призвание требует высокой степени праведности и особых нравственных подвигов (Илия, Иоанн Креститель); но протестантство отрицает значение человеческой праведности и подвигов и сводит всю религию к одному состоянию веры и таким образом предоставляет всякому верующему безусловное право выступать самочинным и безапелляционным вершителем религиозных дел.

Поистине, все истинно верующие будут пророками Божиими в конце времен, при явлении церкви торжествующей, когда все будут также царями и священниками. Но до этого еще далеко, и превращать конец в начало — прием, не обещающий успеха.

Истинный пророк в еврействе и христианстве не *восстает* против архиерейской и царской власти, а *пристает* к ним и помогает им своими обличениями и увещаниями. Истинный пророк сознает свое призвание не как естественное право, общее ему со всеми, а также и не как свою

личную привилегию, а как особый дар Божий, требующий с его стороны нравственного возделывания. Отвергнув эти два необходимых условия истинного пророчества — подчинение законным властям и стремление быть достойными высшего призвания, — протестантство существенно исказило третье теократическое начало: отделив пророчество от священства, оно не подарило миру и истинных пророков.

Великий успех протестантства зависел немало от предшествовавшего раздора между двумя верховными властями в христианском мире. Без этого раздора при должном равновесии и правильном взаимодействии церковной и имперской власти не могло бы найтись ни столь благовидных предлогов для начала антицерковного движения, ни столь благоприятных условий для его распространения. Сила протестантства поднялась на развалинах теократического здания Запада. Непрочность этого здания зависела от неправильного отношения двух главных теократических властей, а это неправильное отношение, в свою очередь, прямо было обусловлено разделением и антагонизмом между царским Востоком и первосвященническим Западом. Среди своевольных и самоуверенных народов Запада общеимперская власть — главное орудие теократического дела — не могла иметь никакой силы. Для папства эта шаткая империя оказалась тою тростью, про которую говорит древний пророк; желая опереться на эту трость, духовный владыка Запада и ее сломал и себе проколол руку. Другое дело было бы, если б он мог опереться на непоколебимый цесаризм Востока, который, переходя из одной страны в другую, никогда не терял своего полновластия и могущества, благодаря патриархальному характеру восточных народов. Тогда одна сила уравновешивала бы и восполняла другую. Восточные цари, верные преданиям Константина и Феодосия, являлись бы главными служителями и попечителями церкви — ее наружными архиереями. Тогда, т. е. если бы не было разделения церкви, иерархия Восточной церкви, пользуясь, как и теперь, охраной православного царя, сверх того укрепляла бы свой авторитет всею сосредоточенною силою своих западных служителей, а иерархия западная в своей трудной борьбе с антицерковными и антирелигиозными элементами тех стран, имея за себя весь благочестивый Восток и представляя внешнюю сторону этой борьбы дружественной силе православного кесаря, не имела бы надобности примешивать к высокому образу своего духовного авторитета

мелкие черты служебной государственной политики. Тогда не могли бы явиться те частные злоупотребления, которые ставятся с большей или меньшей справедливостью в упрек исторической деятельности католицизма; тогда не оказалось бы приличного повода для антихристианского движения на Западе, и если бы это движение все-таки произошло (ибо подобает и ересям быть), то оно не могло бы привязать к себе никаких высоких принципов и идеалов, не могло бы принять тех обширных размеров и достигнуть таких прочных успехов, какие теперь выпали на его долю.

Разделение церквей, нарушив равновесие между двумя первыми образующими началами христианской теократии — священством и царством, тем самым способствовало незаконному проявлению третьего теократического начала — пророческого. Но протестантство было не только незаконным проявлением пророческого начала, оно было также реакцией германской национальной стихии против латинской. И в этом отношении также настоящей, хотя и отдаленной причиной протестантства было разделение церквей, которое подорвало универсальный характер христианства и дало верх национальным и племенным распрямам.

И германский мир, в свою очередь, выставил свою *особенную* теократическую идею и враждебно противопоставил ее теократической идее католичества. Становясь под знамя свободного пророческого служения, протестантство являлось, до известной степени, возвратом к еврейству. Но, вместе с тем, между ними была в этом отношении огромная разница в пользу еврейства. Ибо, во-первых, еврейские пророки, как мы знаем, не восставали против законного священства, как это *делали* протестанты; а во-вторых, еврейские пророки проповедывали оправдание верой и делами, а не одной только верой. Когда после рассеяния Израиля пророческое служение заменилось учительным (раввинизмом), новые представители еврейства, раввины, поставили себе задачей «сделать ограду вокруг закона», т. е. со всех сторон обеспечить соблюдение закона в жизни. Эта практическая задача осталась преобладающей во всей талмудической литературе. В протестантстве, так же как и в иудействе и еще скорее, пророчество заменилось учительством. (Если Лютера и Цвингли можно назвать пророками нового исповедания, то уже ученый друг Лютера Меланхтон гораздо более похож на раввина,

чем на пророка). Исходная точка для еврейского и протестантского учительства была одна и та же — Библия; и те и другие были книжниками, но они совершенно различным образом относились к своей книге. Еврейские раввины видели в книге прежде закон, т. е. *норму жизни*, и все свои усилия направляли на то, чтобы упрочить этот жизненный закон непроницаемой оградой преданий и толкований. Такое отношение к священной книге вытекало из *еврейского* национального характера; иначе отнесся к Библии национальный гений *германцев*. Для немецко-протестантского учительства Библия сделалась не столько нормой жизни, сколько *предметом теоретического изучения*. Менее всего заботясь о практической ограде преданий, они, напротив, усиленно стараются исключить из разумения Слова Божия всякий традиционный элемент. Протестантское изучение Библии перешло в критику, а критика перешла в отрицание. В наши дни для передовых учителей протестантства Библия уже не есть опора веры, а только предмет отрицательной критики, и если они все-таки продолжают придавать ей исключительное значение и более всего ею занимаются, то это есть лишь дело привычки. Сначала предводительство протестантского мира перешло от пророков к учителям, теперь религиозное учительство, в свою очередь, уступает место школьной учености, преимущественно антихристианского направления. Тут уже не остается и следа той своеобразной, хотя и ложной, теократической идеи, которая одушевляла первых вождей протестантства. Теперешним разрушителям библейских текстов *нечего* сказать миру и *некуда* вести его¹. И сначала уже протестантство в своей борьбе против папства и империи слишком отдавалось во власть местных государств, чтобы иметь прямое влияние на народную жизнь. А теперь, в то время как представители религии предаются разрушительному буквоедству, жизнь народов остается всецело в руках мирской политики, во власти частных интересов, колеблясь между военным деспотизмом и господством плутократии.

Это падение христианской идеи не ограничилось одними германскими странами, в которых восторжествовало протестантство. Хотя в латинской, или романской части Европы религиозное движение реформации не имело успе-

¹ Довольно поучительным подтверждением сказанного может служить книга известного Штрауса: „Der alte und der neue Glaube“.

ха, но практический результат этого движения — всеобщая секуляризация, т. е. отделение от религии и церкви всех сфер человеческой деятельности — политики и народного управления, науки и школы, искусства и общественной жизни — эта всеобщая секуляризация распространилась и на латинскую Европу. В лице своих правящих классов и романские страны, по примеру германских, отреклись от теократической идеи. Можно было бы отчаяться в судьбах христианства, если бы в запасе всемирной истории не хранились еще свежие силы — силы славянских народов.

Обе нации, представляющие собою два противоположные полюса в славянстве — Россия и Польша — еще не отреклись от начала христианской теократии. Лучшие люди Польши, а также и вся масса простого польского народа — остаются ревностными католиками и усердно поддерживают теократическую идею Рима. Лучшие люди России и масса русского народа пребывают верными восточному православию и держатся теократических преданий Византии. В среду этих двух религиозных наций, имеющих каждая свою особую теократическую идею, история вдвинула третий религиозный народ, также обладающий своеобразным теократическим представлением, — народ израильский. Случайный ли это факт, или же эта внешняя связь трех теократических народов подготавливает их духовное соединение в одной всеобъемлющей теократической идее, несмотря на разделяющую их доселе вражду, — разрешение этого вопроса зависит от того, как относятся между собою *по самому существу дела* те теократические идеи, носителями которых являются эти три народа, исключают ли эти идеи друг друга или, напротив, совмещаются между собою.

Вообще теократия имеет целью осуществление религии (т. е. союза Бога с человеком) во всей жизни народов. Для успешного исполнения этой задачи необходимы три условия: 1) *Полная самостоятельность религиозного начала* в обществе, ибо в этом начале сущность и главный интерес всего дела, и если религиозный элемент занимает в общей жизни подчиненное или зависимое положение, то теократия не имеет никакого смысла; 2) *правильное расчленение общественного тела и твердый порядок* в его управлении, ибо без этого религия не имеет постоянных и целесообразных способов проводить свое влияние в жизнь и направлять ее в теократическом смысле; 3) *наконец, свободная и энергическая деятельность личных сил*, ибо без

такой деятельности самая лучшая общественная организация останется пустою формой.

Теперь обратимся к существующему строю жизни в России, Польше и в современном еврействе, сосредоточенном в этих двух странах, чтобы посмотреть, насколько эти нации удовлетворяют указанным условиям истинной теократии, к осуществлению которой каждая из них призывается и своим национальным гением и своими историческими судьбами.

Начнем с России, с ее жизненного строя в церковной, государственной и социальной области.

Исторически сложившийся строй русской жизни выражается в следующих ясных чертах: церковь, представляемая архиерейским *собором* и опирающаяся на *монастыри*, правительство, сосредоточенное в самодержавном *царе*, и народ, живущий земледелием в *сельских общинах*. Монастыри, дворец и село — вот наши общественные устои, которые не поколеблются, пока существует Россия. Эти стихии нашего жизненного строя заключают в себе великие преимущества, но, вместе с тем, они не могут покрыть некоторых важных недостатков. Так, *монастырь* привлекает, укрывает и назидает верующие души; но он не может возбуждать, поддерживать и ограждать веру там, где она слаба, — для этого нужна постоянная деятельность в миру, несвойственная монаху. Восточный аскетизм, хотя и видоизмененный отчасти русским национальным характером, все-таки остается по преимуществу *созерцательным* и, следовательно, вовсе не призван готовить деятелей и правителей церковных. Для религиозной жизни вообще аскетизм необходим; но особые обязанности церковного управления потребуют еще особых нравственных и практических свойств, помимо аскетической святости. Нужна непоколебимая твердость и неутомимая деятельность в борьбе с мирскими, антицерковными силами, которые все более и более вооружаются против религии. Все дело в том, что церковь на земле должна не только *хранить* святыню веры, но и непрестанно *бороться* за нее с внешними врагами, должна укреплять, ограждать, усиливать религиозную жизнь. А для такой деятельной борьбы ни монашеский характер, ни синодальный образ церковного управления не представляют благоприятных условий. Для борьбы нужна церковная власть вполне независимая, сосредоточенная, энергичная. Зависимость духовной власти от светской и отсутствие у нее собственного средоточия

парализует внешнюю деятельность церкви и подрывает ее влияние на жизнь народа и общества. Русская церковь, благодаря Богу, пользуется охраной православного царя, самодержавного и, следовательно, независимого от безбожных стихий современного общества. Но кроме этого отрицательного условия, которое у нас налицо, т. е. кроме политической неограниченности царской власти, для успешного ее служения делу Божию потребно еще положительное условие: нужно, чтобы власти христианского государства руководились указаниями самостоятельного духовного авторитета как явного представителя церкви Христовой на земле; для чего нужно, чтобы духовная власть, олицетворяющая религиозный элемент в обществе, имела полную самостоятельность. Церковь, лишенная вполне самостоятельного представительства, не может иметь настоящего влияния ни на правительство, ни на общество. И вот мы видим, что, несмотря на благочестие русского народа, несмотря на преданность православию наших государей, несмотря на многие прекрасные качества нашего духовенства, церковь у нас лишена подобающего ей значения и не руководит жизнью России. Наш народ ставит выше всего правду Божию, он теократичен в глубине души своей, но он лишен первого реального условия для осуществления теократии, благодаря коренным недостаткам нашего церковного строя.

Что касается до *политического* строя России, то его великая сила в царском единовластии и в единодушной привязанности народа к царю. Слабость же этого строя состоит в том, что между царем и народом нет в настоящее время ничего крепкого, нет хорошо организованного и дисциплинированного общества, нет правящего класса. С давних времен, в особенности же с Петра В<еликого> и до Александра II гражданский строй России опирался на две определенные организации, соприкасавшиеся одна с другой, отчасти покрывавшие одна другую, но никогда вполне не совпадающие между собою: поместное дворянство и чиновничество. Это последнее было прямым орудием государственной власти, дворянство же стояло ближе к народу и представляло, до известной степени, русскую землю. Без помощи этих двух организаций Россия не могла бы сложиться в то однородное и плотное тело, каким она до сих пор представляется при всех своих настроениях. Главный же недостаток этой двойной организации состоял в том, что, будучи надежным орудием государственной

власти, она не являлась вместе с тем верным проводником народных потребностей от земли к царю. *Изменение* нашего гражданского строя сделалось необходимостью. Этот строй был *разрушен* реформами шестидесятых годов. Дворянство, лишенное самостоятельного значения, охладевшее к земле и значительно разоренное (частью по собственной вине), образовало главный контингент той современной интеллигенции, которая не может иметь никакого государственного и гражданского значения, ибо в своей рутинной оппозиции правительству, в своем отчуждении от народа она никак не может служить посредствующим звеном между царем и землею. — Но вместе с дворянством решительный удар был нанесен также и старой бюрократии, которая должна была разделить свою область с новыми учреждениями иного характера. Помимо этого, твердый государственный дух и гражданская дисциплина старого чиновничества были в корне подорваны влиянием новой интеллигенции, вооруженной либерализмом рабьей печати. Что касается до новых учреждений, то они, с одной стороны, оказываются совершенно бессильными по несостоятельности того общественного элемента, который в них преобладает (остатки «рассыпанного» дворянства в земских учреждениях); с другой стороны, иные из этих учреждений не без основания обвиняются в том *ложном* направлении, в силу которого они служат не столько царю и России, сколько «либеральной» интеллигенции и ее общественному мнению, — служение тем более бесплодное, что ни настоящей интеллигенции, ни настоящего общественного мнения в России быть не может за отсутствием самого общества, за неимением определенных социальных групп, организованных для совокупной деятельности. Те общественные элементы, которые составляют активную часть общества, у нас решительно слабы и несостоятельны. Прежний класс служилых людей, состоявший из дворянства и чиновничества, утратил свои особенности и свое значение. Затем, помимо ученых и литераторов по профессии, которые ни в каком случае не составляют общества, а в России не представляют собою и крупной общественной силы, — помимо них у нас существует некоторое число образованных и даже мыслящих людей, но при отсутствии объединяющего начала и ясной цели действия их общественное значение совершенно ничтожно. Остается затем довольно большая и постоянно возрастающая полубразованная толпа, способная иногда к хорошим порывам

и движениям, но большею частью преданная грубым и мелким инстинктам. Настоящих элементов общественной организации не дает и эта среда. Существует у нас организованная деятельность, но только в разрушительном направлении, и здесь лучшие люди толпы являются бессознательными жертвами обмана.

При таком положении дела, хотя бы верховное правительство было воодушевлено самой высокой и святой идеей, оно не нашло бы для ее осуществления пригодных орудий в русском обществе. Самоотверженные исполнители, герои-рядовые всегда найдутся в нашем народе для всякого дела, но где в нашем обществе правящий класс, способный и привыкший к солидарному действию? Еще слава Богу, что наличных общественных сил хватает у нас на то, чтобы поддержать с грехом пополам обычный ход государственного механизма.

Между тем, такая несостоятельность общества не только печальна в смысле гражданском, но еще самым вредным образом отражается на экономическом положении России. Россия живет земледелием, и по-настоящему весь экономический строй должен бы определяться интересами сельскохозяйственными. Истощение почвы значит гибель России, а между тем, все ведет к такому истощению. В теперешней России при стомиллионном населении земледелие производится тем же самым способом, как и триста лет тому назад, когда население было вдесятеро меньше. Но если тогда хищническое хозяйство было единственно возможным, то теперь с каждым годом оно становится все более и более опасным. Естественные производительные силы земли не безграничны — народ рано или поздно *съедает землю*. Воспрепятствовать такому исходу или, по крайней мере, отдалить его может только переход от первобытного, или хищнического хозяйства к искусственному, или рациональному. Но нельзя и вообразить себе, чтобы народ сам собою переменял систему хозяйства. Старому способу научили отцы и деды — кто же научит новому? Необходим целый класс образованных и умелых людей, которые посвятили бы себя этому делу. Такого класса у нас нет. С другой стороны, разумное сельское хозяйство и в материальном отношении есть дело весьма сложное, оно требует деятельной поддержки со стороны промышленности, нуждается в технических изобретениях и открытиях. При таких условиях *село* не живет без *города*. Сельская жизнь сама по себе впадает в рутину и косность — возбуж-

дающее действие принадлежит городу: ему свойственны предприимчивость, почин, изобретательность. Город должен помогать селу, должен быть с ним солидарен в общем интересе. Но и этого у нас нет. Нет у нас предприимчивого и деятельного промышленного класса, который, пользуясь естественными богатствами страны, помогал бы сельскому хозяйству своею индустрией. Городской элемент у нас не связан органически с жизнью земли, не принимает в ней никакого положительного участия: он занят исключительно своими *частными* выгодами. Будучи вообще страной сельской, Россия именно поэтому имеет величайшую нужду в помощи города с его сосредоточенными силами, экономическими и духовными. Но наш городской класс оказывается слишком слабым, разрозненным и неустрашимым, чтобы исполнять с успехом свое назначение. Разрастание наших городов (особенно в последние тридцать лет) породило лишь особую буржуазную цивилизацию с ее искусственными потребностями более сложными, но отнюдь не более возвышенными, чем у простого сельского народа. Между тем, большая часть нашей промышленности существует только для удовлетворения этих искусственных (а иногда и отвратительных) потребностей городской цивилизации. Промышленность служит не земле, а городу, и это еще было бы не беда, если бы сам город служил чему-нибудь хорошему. Но в действительности наши города вместо того, чтобы быть первыми узлами социального организма, скорее похожи на вредных паразитов, истощающих народное тело. Наша городская цивилизация все берет у земли и ничего не дает ей взамен. Более вреда, чем пользы приносят земле и важнейшие изобретения и открытия, которыми гордится наш век, например, железные дороги и пароходы. Кажущаяся выгода, доставляемая ими всей стране (облегченный сбыт земледельческих продуктов), решительно перевешивается *вредом*, который они наносят самому земледелию; говоря «вредом», я употребляю слишком слабое выражение, ибо скоро для всех станет ясно, что распространение этих столь удобных средств сообщения есть *гибель* нашего земледелия. Железные дороги беспощадно пожирают леса, и без лесов наша огромная континентальная равнина рано или поздно (скорей рано, чем поздно) обратится в бесплодную пустыню. Поразительное обмеление наших рек и умножающиеся засухи — это уже не пророчество, а факт. В других странах орошение обеспечивается или близостью моря, или высокими, снежными горами. Но мы

держимся только лесами и болотами, из которых вытекают и которыми питаются все наши большие реки. И вот мы, не ограничиваясь истреблением лесов, принялись усердно осушать болота.

Таким образом, основа нашей экономической жизни — земледелие — гибнет от ложной цивилизации, т. е. от такой цивилизации, которая превращает средство в цель, из орудия делает идола и для удобства некоторых приносит в жертву то, что необходимо для всех. Покоренный такою цивилизацией, город вместо того, чтобы пособлять селу, грозит ему гибелью; и само село спасти себя от этой гибели не может. Экономическая деятельность нашей сельской общины определяется вековой рутинной и совершенно беззащитна против новых и сложных бедствий, грозящих земледелию. Предотвратить эти бедствия могло бы только то, чего именно у нас и недостает: энергичная и дружная деятельность личных сил, одушевленных разумением общего блага, направленных к общей *созидательной* цели. Наше общество или так называемая интеллигенция решительно доказала свою неспособность к дружному и солидарному действию для общего блага, а в народной массе личный элемент слаб и страдателен.

Сводя итоги сказанного, мы приходим к следующему заключению. Все исторические преимущества нашего жизненного строя, указывающие нам на самобытное и великое призвание России, решительно парализуются такими существенными недостатками, при которых исполнение этого призвания весьма затрудняется. Во-первых, мы обладаем важнейшим даром Божиим — православною и святою церковью, *но церковь не обладает нами*. Церковность, представляемая духовною властью, лишена у нас практической самостоятельности и не может свободно и направительно воздействовать на общественную и народную жизнь: мы причастны святому и благодатному телу — церкви, но первое условие для *возрастания* в нас этого тела отсутствует.

Далее, во-вторых, есть у нас еще великое преимущество — священная и самодержавная царская власть, но и этим благом мы плохо пользуемся. При гражданской несостоятельности нашего общества, при крайней дезорганизации общественных сил, при отсутствии настоящего правящего класса, верховная власть лишена необходимых орудий, чтобы ковать судьбу России. Наконец, третье наше сокровище — народ, глубоко благочестивый, с явным государственным смыслом и преданный самому настоящему и

здоровому занятию — земледелию, народ терпеливый, спокойный и самоотверженный, это благо нам не впрок. Без дружной работы самодеятельных личных сил в социально-экономической области народная масса при всех своих добрых свойствах не только не в состоянии пересоздать землю и сделать ее покорным орудием человеческого духа, но не способна обеспечить себе необходимых средств к существованию, едва может прокормиться землею. Деревенская сила без помощи городского разума остается силой слепой и беззащитной против всевозможных бедствий. Но где же у нас городской (т. е. цивилизованный) разум, способный действительно помогать селу, способный научать и руководить народ в общей работе? ¹

При таких условиях, т. е. лучше сказать, при таком отсутствии необходимых условий истинного прогресса, великие преимущества нашего национально-исторического строя являются лишь как добрые *задатки* или возможности, которые ждут иных условий и новых элементов для своего благотворного действия. Россия, предоставленная самой себе, Россия *одинокая* бессильна. Не добро человеку быть одному: это слово Божие приложимо и к собирательному человеку — к целому народу. Только в соединении с тем, чего ей недостает, может Россия воспользоваться тем, что у ней есть, воспользоваться в полной мере и для себя и для всего мира. Тогда оправдывается наша вера в Россию и в те положительные силы, которыми она живет: в православную церковь, стоящую на предании и увенчанную идеалом аскетической святости; в священную и самодержавную власть православного царя; в силу православного народа, привязанного к земле, но не забывающего о Боге, ищущего высшей правды более чем житейских благ, народа, не делающего себе кумира из себя самого, народа не демократического, а теократического. Вот наши великие положительные силы, которые для своего творческого действия и проявления ждут недостающих им практических факторов.

Переходя от России к историческому строю Польши, мы встречаем здесь черты прямо противоположного характера. Если главный недостаток нашего строя в гражданском отношении состоит в слабой общественности, в отсутствии

¹ Известны прекрасные исключения — редкие люди, самоотверженно посвятившие свою жизнь народному благу. Их благородная деятельность не остается бесплодной, но общего положения она не изменит.

самостоятельного и деятельного высшего класса, то в Польше, напротив, высший класс был и есть все. Польша и шляхта — одно и то же. (Если слово «поляк» вызывает в нашем уме определенное и своеобразное представление, то это есть непременно представление шляхтича, а никак не крестьянина или купца.) При отсутствии в Польше национального городского класса, при подавленности класса сельского (к тому же наполовину непольского происхождения) шляхта представляла собою всю нацию, а при ничтожестве королевской власти в шляхте же заключалось и все государство. Исключительное развитие и преобладание шляхты создало для Польши ее оригинальную общественность, ее своеобразную и довольно высокую культуру. Благодаря тому же обстоятельству, поляки более чем другие славянские народы способны если не к дружному, то к дружинному действию. Но эти социальные и культурные преимущества не помешали нашим безбожно и бесчеловечно угнетать простой народ и вместо управления государством предаваться необузданному своеволию. Вся сила Польши была в шляхте, и Польша погибла. Не от того погибла, что обладала сильным дворянством, ибо это было преимущество, а от того, что ее дворянство вместо того, чтобы быть общественным классом, организованным для служения государству и для управления народом, превратилось в класс неограниченно господствующий, заключающий в себе само государство. Было бы большою ошибкой, основываясь на ничтожестве королевской власти и на несправии народа, видеть в Польше аристократическую республику. Отличительный характер такой республики хорошо известен (напр., Венеция) и представляет прямую противоположность политическому строю Польши. Этот последний есть не более как узаконенная анархия. Известно, что польская шляхта представляет единственный в истории пример правящего класса, каждый член которого в отдельности обладал всею полнотою государственной власти. Эта-то абсолютная самостоятельность единичного лица сделала невозможным самостоятельное существование всего польского государства.

Но потеряв свою политическую самостоятельность, Польша еще не погибла: она живет своей национальной идеей, которая носит (хотя нередко в искаженном виде) особый теократический характер. Войдя большею частью в пределы русского царства, поляки не хотят, не могут слиться и исчезнуть в русском море; ибо они не только со-

ставляют особую национальную силу, но и представляют особую духовную идею — идею католичества. Мы знаем, что в католичестве заключается один из существенных элементов христианской теократии, что в нем начало первосвященническое достигло крайней степени своего развития; не вдаваясь здесь в богословское рассмотрение вопроса, мы не можем отрицать того факта, что только католичество представляет безусловную самостоятельность церковной власти перед государством и обществом. У нас на Востоке единая вселенская церковь все более и более скрывается за многими национальными церквями, связь между которыми все более и более ослабляется. Церковь исключительно или хотя бы только преимущественно национальная неизбежно становится церковью государственною. Государственная самостоятельность нации поглощает самостоятельность ее церкви. Для восстановления в себе независимой церковности наш царский Восток должен иметь точку опоры вне себя, как некогда православие Востока находило себе твердую опору в западном первосвященстве. Но западный первосвященник, в свою очередь, нуждается в охране и заступлении восточного царя, в патриархальном благочестии царского народа. Воссоединение между православием и католичеством должно освободить и усилить церковь на Востоке, а на Западе восстановить христианскую государственность. И так как государственная власть Востока принадлежит России в ее царе, а духовная власть Запада принадлежит римскому первосвященнику, то не являются ли естественными посредниками соединения наши поляки, подданные русского царя и духовные дети римского папы, поляки-славяне и близкие русским по крови, а по духу и культуре примыкающие к романо-германскому западу?

В настоящее время поляки менее всего думают о такой роли; все их усилия направлены не к универсально-религиозной, а к национально-политической задаче — к восстановлению великого польского государства. Но для всех, кроме них самих, вполне очевидна фантастичность этой цели и бесплодность их усилий. Правда, после падения польского королевства поляки кое-что забыли, кое-чему научились. Забыли они беспредельность личного своеволия, забыли свое «не позволяю» и научились совокупному и организованному действию; теперь активная часть польской нации, т. е. шляхта, представляет довольно сплоченную и дисциплинированную коллективную силу. Тем не

менее для своего политического воссоздания полякам недостает самых первых необходимых условий. Без всяких задатков крепкой государственной власти, при исключительно стпадательном характере сельского класса и при отсутствии класса городского вся Польша представляется одной шляхтой. Но шляхта в лучшем случае может служить полезным и важным органом в государственном и национальном теле, но никак не может образовать самое это тело. Поляки должны понять (и лучшие между ними уже начинают понимать), что это стремление частного органа стать *в своей отдельности* целым организмом есть стремление и безумное и безнравственное. Хотят освободить и возвеличить польскую нацию и для этой цели смотрят на все остальное как на средство и на орудие. Но что если сама польская нация есть только средство и орудие? Что если истинная суть и значение этой нации в ней самой и не в том, чем она представляется, т. е. не в шляхте, а в том, *что* она представляет, т. е. в римском католичестве? Воистину так оно и есть. Воистину весь смысл и вся сила польского народа в том, что среди славянства, пред лицом Востока, он носит и представляет великое духовное начало западного мира. Погибло польское государство, погибнет и польский национализм и все замыслы и предприятия поляков обратятся в ничто. Но не погибла и не погибнет Польша, призванная к священному служению. Служить католичеству — вот высшее назначение польской нации. И первая и величайшая служба — воссоединение католичества с православием, примирительное посредничество между папой и царем, — первое начало новой христианской теократии.

Если христианство не обречено на бездействие, то оно должно показать миру свое нравственное могущество, оправдать себя как религия мира и любви. Я не говорю о любви безразлично ко всем и ко всему, я не говорю о примирении со всеми и со всем. Я знаю, что церковь на земле есть церковь воинствующая, но да будет проклята война междоусобная! Да обличится и рассеется давний обман, питающий незаконную вражду и ею питаемый! Да возгорится новый огонь в охладевшем сердце невесты Христовой! Да сокрушатся и ниспровергнутся в прах все преграды, разделяющие то, что создано для объединения вселенной!

Наступит день, и исцеленная от долгого безумия Польша станет живым мостом между святыней Востока и Запада. Могущественный царь протянет руку помощи го-

нимому первосвященнику. Тогда восстанут и истинные пророки из среды всех народов и будут свидетелями царю и священнику. Тогда прославится вера Христова, тогда обратится народ израилев. Обратится потому, что въявь увидит и познает царство Мессии в силе и деле. И не будет тогда Израиль лишним среди Египта и Ассира, среди Польши и России.

Да правда ли, что и теперь еврейство составляет совершенно лишний и даже исключительно вредный, паразитический элемент в месте своего наибольшего размножения — в русско-польском крае? Этот край, в особенности земли Белой и Червонной Руси, представляют замечательное явление: социальные элементы здесь резко распределены по различным народностям: русские составляют сельский земледельческий класс, высший класс представляется поляками, а городской промышленный — евреями. Если евреи не только при благоприятных, но большею частью и при весьма неблагоприятных для себя условиях сумели, однако, так прочно и безраздельно завладеть западно-русским городом, то это явно показывает, что они более, нежели русский народ или польская шляхта способны образовать городской промышленный класс. Если промышленный класс *повсюду*, вместо того, чтобы помогать сельскому народу, живет на его счет, эксплуатирует его, то неудивительно, что евреи там, где они составляют весь промышленный класс, являются эксплуататорами народа. Не они создали такое положение. Они были слишком долго в школе польских панов, которые одинаково давили и жида и хлопа. Но и помимо панов, разве своекорыстное угнетение одного класса другим не есть общее правило социальной жизни во всей Европе? Если наши крестьяне нуждаются в евреях и терпят от них притеснения, то это возможно единственно лишь в силу беспомощного социально-экономического положения этих крестьян; а это положение зависит не от евреев. Нуждающийся крестьянин идет к евреям потому, что *свои ему не помогут*. И если евреи, помогая крестьянину, эксплуатируют его, то они это делают не потому, что они евреи, а потому, что они — мастера денежного дела, которое все основано на эксплуатации одних другими.

Беда не в евреях и не в деньгах, а в господстве, *всевластии денег*, а это всевластие денег создано не евреями. Не евреи поставили целью всей экономической деятельности — наживу и обогащение, не евреи отделили экономиче-

скую область от религиозно-нравственной. Просвещенная Европа установила в социальной экономике безбожные и бесчеловечные принципы, а потом пеняет на евреев за то, что они следуют этим принципам.

Дела евреев не хуже наших дел, и не нам обвинять их. Разве только в том они виноваты, что остаются евреями, сохраняют свое обособление. Но покажите же им видимое и *осязательное* христианство, чтобы им было к чему пристать. Они народ дела — покажите им христианское дело. Объедините церковь, сочетайте ее с государством праведным сочтанием, создайте христианское государство и христианское общество. Конечно, евреи и не примут христианства, когда оно отвергнуто самими христианами; трудно допустить, что они соединятся с тем, что само разделилось. Не возражайте, что христианский мир пользовался некогда единством и, однако, евреи не пленились им. Ибо то было единство невольное, полусознательное, неиспытанное и неискушенное. И когда пришло испытание и искушение, это единство и не устояло, к стыду христианского мира, к оправданию и торжеству еврейства. И будет оно право в своем торжестве пока мы не восстановим христианского единства свободно и сознательно. Прежде всего на нас, русских и поляках, лежит этот долг, ибо в нас христианский Восток и Запад стали лицом к лицу со всей неправдой своей вражды, со всею необходимостью своего примирения.

Объединение христианства будет великим разделением иудейства; но если разделение христианства было для него бедствием, то разделение Израиля будет для него великим благом. Лучшая часть еврейства пойдет в христианскую теократию, а худшая останется вне ее, и лишь в последние времена, получив возмездие по правде Божией, спасается по Его милосердию, ибо твердо слово апостола, что *весь Израиль спасется*.

И когда евреи войдут в христианскую теократию, они принесут ей то, в чем их сила. Некогда лучшие силы еврейства представлялись пророками; пророчество было первое проявление свободной и деятельной личности; потом пророки заменились *учителями закона*, пророчество перешло в раввинизм — новое проявление того же личного и деятельного начала; ныне, наконец, главные силы еврейства обращены преимущественно на деятельность экономическую — последнее крайнее проявление и материализация личного начала. Еврейская личность утверждала себя пер-

воначально в сфере божественной, потом в сфере рационально-человеческой и, наконец, сосредоточивается в сфере материальной человеческой жизни. Здесь окончательное выражение еврейской силы и эта область останется за евреями и в христианской теократии. Но иной будет у нее характер, иная цель и иное отношение к предмету деятельности. В нынешнем безбожном и бесчеловечном строе нашей жизни и для евреев и для неевреев цель экономической деятельности есть только корысть: предметы материальной природы, хотя бы и живые, являются только *орудием* для удовлетворения слепых своекорыстных желаний. В теократии же цель экономической деятельности есть *очеловечение* материальной жизни и природы, устройство ее человеческим разумом, одушевление ее человеческим чувством. Таким образом, эта природа, земля и то, что на ней — животные и растения — входят уже в самую цель человеческого действия, а не употребляются как только его орудия: такое употребление есть злоупотребление. Когда своекорыстие не будет царить в общественных отношениях между людьми, оно перестанет господствовать и в отношениях человека к природе. И в теократии материальная природа будет служить человеку, и гораздо больше, чем теперь, но это служение будет основано на обоюдной любви. Природа с любовью подчинится человеку, и человек с любовью будет ухаживать за природой. И какой же народ более всех способен и призван к такому ухаживанию за материальной природой, как не евреи, которые изначально признавали за ней право на существование, и, не покоряясь ее слепой силе, видели в ее просветленной форме чистую и святую оболочку божественной сущности? И как некогда цвет еврейства послужил восприимчивой средой для воплощения Божества, так грядущий Израиль послужит деятельным посредником для очеловечения материальной жизни и природы, для создания новой земли, идеже правда живет.

НОВОЗАВЕТНЫЙ ИЗРАИЛЬ

В наступающий день Рождества Христова молитвенный дом «Вифлеем» в Кишиневе будет праздновать первую годовщину своего основания. Если бы несколько лет тому назад кто-нибудь сказал, что в южной России явится еврейская молельня во имя Иисуса Христа Сына Божия и в

ней сотни евреев каждую неделю будут слушать проповедь Евангелия — никто бы этому не поверил. Человек, через которого совершилось это дело, Иосиф Рабинович, возбудил против себя сильную ненависть и гонения со стороны своих соплеменников. Сначала говорили, что он обманщик, потом — что он сумасшедший. Но кто слушал его без пристрастия, тот узнавал в нем *истинного израильтянина, в нем же нет лукавства*. В этом вся история его обращения. Путем Закона и Пророков он пришел ко Христу, увидел и сказал: *Равви, Ты еси Сын Божий, Ты еси Царь Израилев*.

Нужно ли говорить, что для прирожденного еврея, воспитанного на обетованиях Ветхого Завета, это слово *Царь Израилев* имеет совсем другое значение, чем для нас? Если прирожденный еврей узнает в Христе истинного Царя Израилева, то он найдет в Нем не только исполнение своей религии, но и совершенное удовлетворение своему народно-историческому чувству. Да и не одно это выражение «Царь Израилев», а также и более общее именование «Спаситель» иначе звучит для обращенного еврея, чем для нас. Мы разумеем Спасителя от общих грехов и бедствий человеческой природы, а еврей, пришедший ко Христу, находит в Нем, кроме того, Спасителя от особых исторических болезней своего народа.

Вот как выражался об этом сам Иосиф Рабинович в одном частном разговоре.

«Страдание моего народа всегда лежало у меня на сердце. И я пробовал всякие средства помочь ему, но все — напрасно. Когда врач приходит к больному, он должен сначала его расспросить и исследовать, прежде чем давать средство против болезни. Он щупает пульс, потом нажимает то то, то другое место тела, спрашивая каждый раз: не больно ли здесь? не давит ли тут? — Но лишь когда врач дотронется до больного места — раздается настоящий громкий ответ больного, вызванный чувством боли: не жмите, больно! — Так было и со мною, когда я занялся страданиями моего народа. Я тщетно нажимал в разных местах. Так как я не попадал на больное место, то и не получал почти никакого ответа. Когда я говорил «Талмуд и все раввинские приделки происходят вовсе не от Синая, как говорят, а все это — только человеческая работа, в которой наполовину смысла, а наполовину бессмыслицы», — то эти слова мало затрагивали мой народ. Говорил ли я далее: «*И Тора (Закон) и весь Тенах (Ветхий Завет) содержит одни человеческие постановления, недостоверные истории и невероятные*

чудеса», то и тут я все-таки оставался уважаемым Рабиновичем, и от этих моих слов не было больно народу моему. Оставался спокоен народ мой и тогда, когда я ставил Моисея на одну доску с современными кудесниками, когда я называл его обманщиком. Я мог бы даже отрицать самого Бога, и народ мой не издал бы болезненного звука. Но вот, когда я вернулся из Святой Земли с радостною вестью: «Иисус есть брат наш», — тут я попал на больное место, и отовсюду раздавался крик боли: «не жми, не трогай, больно!»

Конечно, больно. Но знай же, народ мой, что это и есть твоя болезнь, по Нем ты только и страдаешь, — по брате твоём Иисусе. Твоя болезнь только в том, что ты Его не имеешь. Прими же Его, и исцелишься от всех твоих страданий».

В проповеди, говоренной 3 августа настоящего года, основатель Новозаветного Израиля подробно развивает ту же свою главную мысль. Так как эта проповедь была напечатана только на еврейском языке, то я и приведу ее здесь с немногими выпусками и сокращениями, пользуясь рукописным русским переводом, полученным мною от проповедника.¹

Прочтя из Ветхого Завета заповедь о поставлении Царя (Второз. XVII, 4—20) и в Новом Завете соответствующее место из Евангелия Луки (XXII, 24—29), проповедник стал говорить, обращаясь к народу: «Любезные братья! Народ Израилев! Имя твое и память о тебе возбуждают все мои чувства. Израиль! это почетное и многосмысленное имя, в котором заключены и скрыты важные мысли и обязательные воспоминания! И кто же *ныне* этот народ, кто обладает этими именем? Разве Израиль твое имя? *Жидом* тебя зовут, ты презрен и ненавистен в глазах всего мира. Это ли тот народ, которого Бог передо всеми другими приобрел Себе в собственность? Это ли тот народ, которому даны писания и пророчества, составляющие источник жизни для всех народов, действующих в мире? Это ли тот Израиль, которому еще 3000 лет тому назад его верный законодатель Моисей дал основные законы и учреждения, сходные с лучшими установлениями нынешних просвещенных народов? А теперь, что стало с тобою, народ мой? Отчего ты изменился так, что никто не узнает тебя? Вер-

¹ Этот буквальный перевод с еврейского жаргона я должен был, разумеется, несколько переработать в отношении русского слога.

но, ты болен. Увы! как долго продолжается твоя болезнь! С чем сравнить тебя, народ мой, чему уподобить тебя? Ты словно разбитый корабль, давно погружившийся в воду с товаром и экипажем своим, и на поверхности моря видна только шатающаяся из стороны в сторону мачта; множество кораблей совершают около него свои рейсы, одни проходят благополучно, а другие, потерпев крушение, опускаются совсем на дно моря, один только этот корабль волнуется под водами и не может ни выплыть на поверхность, ни вполне погрузиться. Так и ты, народ мой, Израиль! Ты давно уже весь разбит, в твоём теле нет ничего целого, мозг твой парализован, все органы чувств твоих атрофированы. Только в одной частице твоего сердца можно ещё заметить по временам маленькое биение, члены твои вздрагивают, и черты лица твоего свидетельствуют, что тебя ещё нельзя внести в список вымерших народов. Да, ты ещё жив, имя *Израиль* ещё витает над тобою. Качаешься туда и сюда среди житейской пучины, стоишь между жизнью и смертью, не можешь жить и не можешь умереть».

Затем проповедник припоминает разные способы, какие предлагались для исцеления еврейского народа от его многовековой болезни. Так, талмудисты думали, что лучшее средство излечения состоит в том, чтобы *подражать* здоровью и действительное исполнение Завета заменять разными искусственными знаками (например, так называемые *тефилим*, т. е. повязки на лбу и руках с начертанными на них словами закона). Когда же с течением времени оказалось, что подобные средства вместо исцеления только усиливают боль, предавая к тому же евреев на всеобщее посмеяние, тогда народ израильский стал срывать с себя талмудические пластыри в надежде, что дух нового наступившего времени одним своим веянием исцелит все его болезни. Тогда-то явился просветитель нынешних евреев, Моисей Мендельсон, открывший им новое средство исцеления. Все страдания евреев, по его учению, происходят от того, что они считают себя за *особую*, отдельную *нацию*. Стоит им только от этого отказаться, стоит только евреям в Германии признать себя немцами Моисеева закона, польским евреям — признать себя поляками Моисеева закона, и т. д. — и тогда непременно все евреи сольются с остальными просвещёнными народами и навсегда избавятся от своих национальных бедствий, т. е., другими словами, корабль Израиля со всем, и с мачтою своею, погрузится в глубину

моря. Но вот прошло одно столетие, и дух нового времени, на примирительное веяние которого так надеялись просвещенные евреи, внезапно перешел в грозное дыхание антисемитской бури, которая забушевала по всей Европе, разбивая вдребезги дома и разнося по ветру достояния всех этих немцев, поляков, русских — Моисеева закона. В это несчастное время явились новые спасители еврейского народа — публицисты, объявившие, вопреки Мендельсону, что есть национальность у евреев, и что эта нация способна еще жить отдельно, не сливаясь с другими народами, и что для возрождения ее нужно только переменить ей климат и переселиться в Палестину.

«Вот перед вами опасный больной, который едва дышит и не в силах пошевелиться, а кругом него собрались на консультацию три врача. Первый из них начинает странно рассуждать о тех движениях и упражнениях, которые больному полезно было бы совершать; второй врач стал справляться о настоящем имени больного, полагая, что без точного обозначения этого имени на рецепте в аптеку нельзя приступить к лечению; наконец, третий стал доказывать, что больному нужно прежде всего переменить местность и уехать в дальние страны. Таковы твои врачи, Израиль! Когда же ты наконец уразумеешь их неразумие? Ты, видно, совсем забыл слова, сказанные тебе и написанные в твоей *Торе*, в той самой *Торе*, которую ты прочитываешь еженедельно два раза по тексту и один раз в переводе, — слова: *Я Бог твой Целитель* (Исх. XV, 26). Знай же, Израиль, что пока ты будешь ждать помощи и исцеления от рук смертных, а не от Бога твоего, ты останешься вечно неисцелимым. «*Послал слово Свое и исцелил их*», говорит Дух Божий в устах псалмопевца (Пс. CVII, 20).

Пророк Исаия, видя в своем пророческом видении, что Бог Саваоф совершит предназначенное истребление по всей земле и что возносящиеся будут отсечены и высокие ниспадут, утешился и сказал: «*И взойдет отрасль от усеченного древа Иессеева... и Дух Господень почиет на Нем*». Братия, слова эти не нуждаются в каких-либо толкованиях, а требуют только чуткого слуха, чистого сердца и прямого смысла. Эти слова: *отрасль усеченного древа Иессеева* — готовы дать нам понятие о совете Божиим при основании Им на земле Своего небесного царствия. Божественный муж Исаия, когда Дух Божий почил на нем и возвышенные пророческие мысли охватили его душу, ему

представились знамения Божии из давно прошедших времен, — он пришел в восторг и неописанную радость от того, что в происшествиях из жизни первого истинного Израильского Царя Давида, *младшего* из детей Иессеевых, *пастуха овец*, он увидел целую историю Христа Бога Иакова, составляющего надежду и славу народа Израиля, в котором хранятся исполнения всех обетований, данных этому народу, и действием которого в конце времен волк будет жить вместе с агнцем, и леопард вместе с козленком, а *малое дитя*, Христос, по плоти сын младшего из детей Иессеевых, пастуха вифлеемского, поведет их как добрый пастырь. Шестнадцатая глава 1-й книги Царств освещает и объясняет нам эти два пророческие слова: «*малое дитя*».

Передав библейский рассказ о том, как пророк Самуил против собственного желания, вопреки всякой видимости и всем соображениям человеческим помазал на царство маленького пастуха Давида, которого избрал сам Бог, — проповедник продолжает: «Цель Господа при таком выборе, как видно из следующей главы (XVII, 41—47), была та, чтобы чрез сражение этого пастуха с филистимлянином Голиафом *вся земля узнала, что есть Бог у Израиля* и что не мечом и копьем спасает Господь. Этот страшный филистимлянин, надеясь на свою плотскую силу и на свое гигантское вооружение, подробно описанное в священной книге, ругался войску израильскому, говоря: *дайте мне человека, чтобы сразиться со мною на поединке*. Указав на испуг и смущение Саула и всех израильтян, Писание рассказывает нам далее, что старшие сыновья Иессея следовали за Саулом на войну, а Давид, самый младший, не переставал пасти стада отца своего в Вифлееме. Только *случайно* очутился он в боевом строе, — потому только, что отец его Иессей послал через него пищу старшим сыновьям своим. Братия! стоит заметить это обстоятельство, что возвышение царя Израильского Давида, на царствовании которого основаны самые сокровенные и светлые надежды целого еврейского народа, он же и ныне во время своего изгнания не перестает упоминать в молитвах своих: *Давид, Царь Израиля, жив и вечен*, как сказано: «не отойдет скипетр от Иуды», — стоит заметить, говоря я, что это величайшее событие еврейской истории последовало как бы *косвенным и случайным* образом. Это потому, как сказано: *воистину Ты Бог сокровенный, Бог Израилев Спаситель*», и дабы дать человеку свободную волю приписать то или другое происшествие промыслу Божию или же

простому случаю и тем испытать сердце верующее. Итак, непредвиденно попавши в ратный строй и услышав оскорбительный вызов филистимлянина, Давид облекся ревностью по Боге Саваофе и воскликнул: кто такой этот необрезанный, что так поносит воинство Бога живого? И когда представили его перед царя Саула, и тот говорил ему: «ты не можешь идти против этого филистимлянина, ибо ты еще отрок, а он муж ратоборец от юности своей», — Давид возразил простодушно: «Как льва и медведя побивал раб твой, так будет и этому иноплеменнику. Пойду и поражу его, и отниму поношение от Израиля; ибо кто этот необрезанный, что уничижил полк *Бога живого?*» Этими словами будущий царь Израиля хотел сказать, что только Дух Божий животворит и укрепляет человека, а без этого, одною своею собственною силою, человек подобен зверю полево-му. И поэтому он прибавил с полною уверенностью: «Господь, избавлявший меня от когтей льва и от когтей медведя, так же избавит меня и от руки этого необрезанного». Затем, когда облекли Давида воинскою одеждою Сауловою, и шлемом и мечом, он сложил с себя все это и, взяв свой пастуший посох и положив в сумку пять гладких камней (камень, его же небрегоша зиждушие), он подошел к филистимлянину, говоря: «ты идешь на меня с мечом, с копьем и щитом, а я иду на тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинства Израильского, которого ты поносил, и ныне предаст тебя Господь в руку мою — *и узнает вся земля, что есть Бог в Израиле, и уразумеет весь этот сонм, что не мечом и не копьем спасает Господь*». Вот это — то желание: показать не свою силу, а силу Бога живого, дабы вся земля узнала, что есть Бог во Израиле, — это то дивное желание, которое Бог заранее видел в сердце маленького вифлеемского пастуха, оно-то и сделало этого пастуха избранником Божиим.

Таково было назначение у первого основателя царства Божия на земле, у первого царя из дома Иессеева, и это же назначение последнего царя Израилева, из рода Иессеева, — вечно сущего Сына Божия, Иисуса Христа, — а именно: показать миру, *что есть Бог*, и всем верующим в Него дать вечную жизнь, как сам Христос сказал: «сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя единого истинного Бога и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ев <ангелие от> Иоанна XVII, 3). И как Давид, пастух овец и меньший из всех братьев своих, был избран вопреки всякой видимости человеческой, так и Сын Давидов, наш добрый пастырь,

Себя умаливший и зрак раба принявший, научает нас не судить по своим плотским глазам. Он же и ученикам Своим сказал: «кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий как служащий: такому только завещано царство» (Ев <ангелие от> Лук <и> XXII, 24—26).

Такого царя заповедует Бог Израилю, говоря: «поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой, — чтобы этот царь не умножал коней и не умножал жен, и не возлагал надежду свою на злато и серебро, а только на Бога и на учение Господне, чтобы не надмевалось сердце его, — и тогда *он и сыны его* будут пребывать на царстве своем среди Израиля».

Так Бог сказал, так и исполнил. Он нашел Себе такого царя по сердцу Своему, Давида, а чтобы он и сыны его всегда пребывали на царстве среди Израиля, для этого Иисусу, нашему Мессии, или Христу (т. е. Помазаннику, Царю), сыну Давидову и Сыну Божию, дан Богом престол Давида, отца Его, и Он воцарился над домом Иакова вовеки, и царству Его не будет конца (Ев <ангелие от> Луки I, 32, 33). Да, братия! Он та отрасль от усеченного древа Иессеева, и *то малое дитя*, что ведет вместе волков, овец, ягнят, леопардов, козлят, коров и медведей (т. е. всяких людей и народов, кротких и диких), как это видел пророк Исаия. И если мы с полным сердечным раскаянием пойдем за Ним и войдем в царство этого потомка Иессеева по плоти, тогда *он*, согласно пророчеству Исаии, *будет судить бедных* (т. е. нас) *по правде и поразит землю* (восстающую против нас) *жезлом уст Своих* — святым Евангелием, ибо Ему наш Небесный Отец завещал Свое царство, и только верующие в Него унаследуют вместе с Ним.

Положите, братия, все слова сии в сердце ваше, удалите всякую любовь ко лжи из среды вас, подойдите и приблизьтесь к вашему Мессии, к вашему Царю Иисусу. Он вылечит от слепоты, которую еще пророк заметил на нас, говоря: «кто так слеп, как раб Мой» (Ис. XLII, 19). Да! Ты, Израиль, тот самый слепой, о котором ученики Господа Иисуса спросили: «кто согрешил, он или родители его?» — и Иисус отвечал им: «не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ев <ангелие от> Иоан <на> IX, 2—4). Да, Израиль! ты слеп, свет мира темен для тебя, и на всех твоих дорогах лежат камни преткновения. Одни (социалисты) говорят, что *ты* согрешил, другие (антисемиты) говорят, что *родители* твои: верно же только то, что сказал Господь

Спаситель: «это для того, чтобы на нем явились дела Божии». Для того ты ослеп, для того ты разбит и угнетен и для того ты *все-таки* живешь, чтобы на тебе явились дела Божии. Как только обратишься к *Иегове*, Богу твоему, будешь любить Его и верить в Сына Его Иисуса Христа, искупителя всех человеческих грехов, и ты станешь зрячим, как тот иерусалимский слепой; через эту веру в Иисуса и тебе откроется *свет жизни*, под которым ходят все просвещенные народы, и ты снова поднимешься на ступень славных в сем мире наций.

Этот Мессия Иисус, который сошел в бездну и взошел на небо. Он сойдет и к тебе, чтобы повергнуть в пучину морскую все грехи твои, и выведет из моря бедствий затонувший корабль Израиля, и ты опять станешь народом Божиим. Князь жизни и мира да творит мир между Израилем и народами! Да исполнятся скоро слова пророка: «и волк будет жить вместе с агнцем, и леопард будет лежать вместе с козленком, и *малое дитя* — Господь наш Иисус Христос — поведет их. Да благословенно будет имя Его во веки веков. Аминь...»

Вот в каком духе проповедует основатель нового Израиля. «Всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть». Что наш проповедник имеет веру Христову — это ясно. Можно спрашивать только: каким *путем* он ее достиг? Сам Христос есть путь, истина и жизнь. И хотя Христос как путь, или путь Христов, един в своем нравственном существе, которое есть смирение и слушание высшей воле, но в видимом своем проявлении этот путь весьма различен, смотря по тому, *откуда кто идет*. Если для нас, рожденных в Церкви, путь Христов состоит в свободном подчинении этой Церкви во всех ее определениях, то для иудея, вне церкви рожденного, законный путь Христов, указанный самим Христом и Его апостолами, есть внимательное и чистосердечное последование пророческому смыслу Ветхого Завета.

Великая разница и даже прямая противоположность — между христианскими сектами, отделившимися от *определенной Церкви* и ушедшими — одни ближе, другие дальше, в беспредельную пустыню рационализма, — и между этим Новозаветным Израилем, исходящим от древних обетований и достигающим Того, в Ком предел и исполнение всякой истины. И если в сознании этой ново-рожденной общины полнота христианской истины еще не обнаружила всех своих определений, если многое, и даже

весьма существенное, является здесь в нетвердых и неясных чертах, то ведь точно то же было и со всею Христианскою Церковью в начале ее истории. Вся истина была дана во Христе, но не вся сразу раскрыта для христианского сознания. Только при полном равнодушии к исторической правде можно утверждать, что все догматы православия, ныне нами усвоенные, исповедовались явно и определительно всею Церковью с самого ее начала — от времен Христа и апостолов. На самом деле первоначальное христианское вероучение вовсе не было механической совокупностью отдельных догматов, а было живым семенем истины, из которого постепенно расчленялась и разрасталась сложная и обширная система православной догматики. Это живое семя христианской истины представляет нам и новозаветный Израиль в своем Credo, которое в сущности тождественно с древним апостольским Символом. Вот это Credo:¹

1. Верую воистину, что Отец наш Небесный есть живой, истинный, вечный Бог, сотворивший небо и землю, все видимое и невидимое Словом Своим и Духом святым. Он есть единый, все от Него, и все в Нем, и все к Нему.

2. Верую воистину, что Отец наш Небесный, согласно Своим обетованиям нашим отцам, пророкам и царю нашему Давиду, сыну Иессееву, воздвиг избавителя для Израиля, Иисуса, рожденного от Марии Девы в Вифлееме, граде Иудином, страдавшего, распятого, умершего и погребенного ради нашего спасения, воскресшего из мертвых, и живущего, и сидящего одесную Отца на небесах, и оттуда грядущего судить земле, живым и мертвым. Он же есть Царь на домом Иакова вовеки и царству его не будет конца.

3. Верую воистину, что по правосудному приговору и предведению Божию отцы наши были поражены жестокосердием и нечестиво противились Мессии своему, Господу Иисусу, дабы возбудить тем большую ревность в других народах земли и примирить их всех верую во Христа, по слову Евангелистов Его, дабы земля наполнилась познанием Господа, и Господь воцарился бы надо всею землей.

4. Верую воистину, что всякий человек оправдывается без дел закона, одною верую в Иисуса Мессию. Он же есть

¹ Иосиф Рабинович составил два исповедания веры: пространное в 25 членах и краткое в 7 членах. Мы приводим последнее, лишь в одном месте дополнивши его из пространного.

Слово Небесного Отца, от века из Отца рожденное, — и что один и тот же Бог оправдывает иудеев, обрезанных из веры, и язычников, необрезанных чрез веру, и нет и различия между иудеями и эллинами, рабами и свободными, мужем и женою, но все вместе едино во Христе.

5. Верую воистину в единую Святую апостольскую Церковь.

6. Исповедую едино крещение во оставление грехов.

7. Чаю воскресения мертвых в жизнь вечную. Аминь.

В этом исповедании ярко и отчетливо выступает только истина обетованного Мессии; все остальное или в тени, или в зачатке. Но именно эта истина Иисуса как Мессии составляла все содержание первоначальной апостольской проповеди, как мы это видим в книге *Деяний*. Как тогда, так и теперь, именно с этой мессианской истины должен был начинать верующий иудей, чтобы на своей религиозно-исторической почве сознательно принять христианство. Всякое другое отношение ко Христу со стороны иудейства было бы бесполезным и бесплодным. Да и для одних ли иудеев ветхозаветные обетования имеют решающее значение? Разве не ссылались преимущественно на эти мессианские обетования и Церковь в своих вероучительных определениях? Правда, для нас теперь эти церковные определения имеют самостоятельное значение и безусловные авторитет. Но требовать, чтобы религиозный и добросовестный еврей сразу усвоил себе все догматические постановления Вселенских соборов, было бы крайне неосновательно и несправедливо. Мы знаем, что определения Вселенской Церкви вызывались известными потребностями и запросами, исторически возникавшими. Каждое из этих догматических положений было определенным ответом на *определенный вопрос*. Но если я не ставлю известного вопроса, если этот вопрос чужд и непонятен мне, то какое же значение может для меня иметь и ответ на него, хотя бы сам по себе этот ответ был безусловно верным и истинным (каковы, несомненно, все догматические определения Вселенской Церкви)? Если я сам не спрашиваю, то ответ на чужие вопросы пронесется мимо меня пустым звуком. Если я, например, никогда не занимался метафизическими вопросами о силах и действиях божеского и человеческого существа, если я вовсе не примечаю различия между естественною волею, или хотением (*thelesis*), и нравственною волею (*gnome*), то неужели я потерплю какой-нибудь душевный вред от того, что догмат Шестого Вселенского

собора о двух естественных волях и действиях в Христе останется для меня пока немою речью?

Божественное значение Христа как Слова, от века рожденного из Отца, высказано в символе Новозаветного Израиля. Высказана там и троичность в Божестве (Отца, Его Слова и Духа Святого). Правда, формального определения о трех единосущных *ипостасях* мы не найдем в этом символе, так же как не найдем его и в наших символах: Апостольском, Никейском и Константинопольском. Но если вся Церковь могла существовать без этой формулы несколько веков, то отчего же маленькому обществу еврейских христиан не просуществовать без нее несколько лет? И что же делать, если для еврейского ума неясно различие между существом и ипостасью? Не сразу выяснилось это различие и в самом христианстве. Какой великий соблазн произошел в Церкви, когда в конце четвертого века Мелетий Антиохийский впервые употребил выражение *три ипостаси*! Так как греческое слово *hypostasis* было буквально переведено по-латыни словом *substantia*, то западные христиане стали обвинять восточных в явном трехбожии. Только благодаря ученому Иерониму, одинаково хорошо знавшему греческий и латинский языки, удалось разъяснить недоразумение и предотвратить бедственный раздор в Церкви.

Но, скажут, пускай эти новозаветные евреи не употребляют непонятных им греческих терминов, но пусть они только прямо признают совершенное божество Слова и Духа. На это мы ничего не ответим от себя, а приведем то, что говорил св. Григорий Богослов в подобном случае, а именно когда дело шло о христианах, отказывавшихся признать Духа Святого Богом.

«Вас затрудняют слоги, останавливает одно речение, и оно делается для вас камнем преткновения и камнем соблазна, чем для некоторых был и Христос. Это — человеческая немощь. Сойдемся между собою духовно, будем лучше братолюбивыми, нежели самолюбивыми. Признайте силу Божества, и мы сделаем вам снисхождение в речении. Исповедуйте естество под другими наименованиями, какие наиболее уважаете, и мы уврачуем вас как немощных, *даже скрыв иное к вашему удовольствию*. Ибо стыдно, подлинно стыдно и довольно безрассудно быть здоровыми по душе и ставить в великое звуки, утаивать сокровище, как бы завидуя другим, или опасаясь, чтобы не освятить и языка. *Но еще стыднее нам подвергаться тому же, в чем*

*других обвиняем, и, осуждая споры о звуках, самим стоять за букву. Исповедуйте в Троице единое Божество, или, если угодно, единое естество; и я испрошу вам у Духа слово Бог. Ибо очень знаю, что давший первое даст и второе, и тем паче, если причиною спора какая-то духовная робость, а не дьявольское упорство. Скажу еще яснее и короче: ни вы не обвиняйте нас за речение более возвышенное (ибо не должно завидовать возвышению), ни мы не будем вас осуждать за то речение, которое вам до времени по силам, пока не достигнете, хотя другим путем, того же с нами пристанища. Мы домогаемся не победы, а возвращения братьев, разлука с которыми терзает нас».*¹

Последуем увещанию великого святителя. Новозаветные евреи не обвиняют нас за наши возвышенные речения (в догмате о Пресвятой Троице), не будем же и мы осуждать за то истинное, хотя и неполное понятие об этом предмете, которое им до времени по силам, пока и они не достигнут, хотя другим путем, общего с нами пристанища. Одно дело — отойти от полного определения истины, другое дело — не дойти до этого определения. Протестантский рационализм стремится к искусственному упрощению христианства, а Новозаветный Израиль исходит из естественной простоты первоначального мессианского факта и может при благоприятных условиях войти в совершенную полноту возраста Христова. Из первобытной простоты апостольской общины выработалось не протестантство, а Вселенская Церковь. Между тем у нас, под одним поверхностным впечатлением внешнего сходства, хотят насильно привязать новозаветных евреев к протестантству. Два поезда, идущие в противоположных направлениях, могут сойтись и некоторое время стоять вместе на одной и той же станции: следует ли из этого, что их нужно навсегда связать друг с другом? Протестанты, увидя, что поезд Новозаветного Израиля стоит в настоящую минуту рядом с их собственным, кричат: вы должны ехать вместе с нами! С их стороны это, пожалуй, понятно; но какое основание и какой интерес у нашего правительства отнимать самостоятельность у еврейской общины, пришедшей ко Христу своим законным путем, принявшей своего Мессию на своей и Его собственной родной почве, на почве исторического трехтысячелетнего предания? Какое основание и какой

¹ Творения св. Григория Богослова. М. 1884 г. Часть четвертая, стр. 12—13.

интерес подчинять такую общину чужому беспочвенному исповеданию отрицательного направления? Есть ли какой-нибудь смысл людей, исповедующих положительную *религию*, основанную самим Богом, отдавать в жертву людям, исповедующим только человеческие произвольные *мнения*? В исповедании Новозаветного Израиля нельзя указать ни одного положения, которое выражало бы личное мнение Иосифа Рабиновича. Это ли протестантизм?

Оставаясь всецело евреем, основатель Новозаветного Израиля сознает свою тесную связь с Россией и высказывается весьма сочувственно о Православной Церкви. Вот что он пишет между прочим в одном частном письме: «...Вижу, что не дремлет и не спит страж Израиля. Он и в сердцах русских моих братьев во Христе милостиво и живо стал работать в пользу несчастного и почти мертвого Израиля. В самом же деле, пора и русскому христианству, обладающему несметным запасом веры во Христе, не считать таковой только его собственностью, одному ему принадлежащею. Господь сказал: «кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из нутра потекут реки воды живой»...
...Каждое *христианское* государство должно знать, что несчастный еврейский вопрос состоит не в том: что делать с евреями? как расширить или ограничить их права на приобретение земных благ среди христианского населения? Вопрос в том: как сделать их истинными израильтянами, не лукавыми, т. е. как привести их к тем рекам живой воды, что текут из сердца верующих в Иисуса Христа? Тогда только они перестанут быть верноподданными *князя мира сего* и сыновьями *отца лжи*, т. е. Талмуда... Да! передайте всем братьям во Христе, скорбящим о слепоте Израиля, что возвращение его к своему истинному Мессии — неминуемо, ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать. О бездна богатства и премудрости, и ведения Божия! Перст Божий — осложнение еврейского вопроса во всей Европе — показывает нам, что теперь момент работы для этих упрямых доселе евреев, и именно в России, где Божий промысел нагромоздил их такую огромную кучу. Западное христианство дало евреям возможность познакомиться с Евангелием — оно там переведено отлично на древнееврейский язык, — а Восточному христианству, коего охранительницею стоит Россия, суждено, по моему верованию, дать им возможность устроить Церковь».

Не будем смущаться этим желанием устроить Церковь,

вместо того, чтобы просто присоединиться к Церкви уже устроенной. Новозаветный Израиль, как маленькая, но живая ветвь, хочет привиться к самому стволу христианства. Многие ветви уже посохли и отломились, но ствол крепок и несокрушим. Он в силах дать и этой малой ветви все жизненные соки, чтобы она возросла в полноту свою.

Ясно, что Новозаветный Израиль есть явление зачаточное. Во всяком случае, он находится на пути к истинной цели. Зачем же нам полагать ему на этом пути камни преткновения? Не лучше ли будет показать, что «мы домогаемся не победы, а возвращения братьев, разлука с которыми терзает нас»?

12 декабря 1885 г.

ПРОТЕСТ ПРОТИВ АНТИСЕМИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕЧАТИ

Движение против еврейства, распространяемое русской печатью, представляет небывалое прежде нарушение самых основных требований справедливости и человеколюбия. Мы считаем нужным напомнить русскому обществу эти элементарные требования. Их забвение есть единственная причина так называемого еврейского вопроса, а простое и искреннее их принятие есть единственный путь к его разрешению.

1) Во всех племенах есть люди негодные и зловредные, но нет и не может быть негодного и зловредного племени, так как этим упразднялась бы личная нравственная ответственность, и потому всякое враждебное заявление или действие, обращенное против еврейства вообще и против евреев как таковых, показывает или безрассудное увлечение слепым национальным эгоизмом, или же личное своекорыстие и ни в каком случае оправдано быть не может.

2) Несправедливо возлагать ответственность на еврейство за те явления в его жизни, которые вызваны тысячелетними преследованиями евреев в Европе и теми ненормальными условиями, в которые этот народ был поставлен. Если в течение многих веков евреев насильно принуждали заниматься одним денежным делом, закрывая для них все другие роды деятельности, то нежелательные последствия такого исключительного направления еврейских сил никак не могут быть устранены дальнейшими

стеснениями, которые только увековечивают прежний ненормальный порядок.

3) Принадлежность к семитическому племени и Моисееву закону не представляет собою ничего предосудительного, не может сама по себе служить основанием для особого гражданского положения евреев сравнительно с русскими подданными других племен и вероисповеданий. Так как русские евреи, принадлежащие к известным сословиям, несут одинаковые повинности со всеми прочими представителями тех же сословий, то по справедливости они должны иметь и общие с ними права.

Сознание и применение этих элементарных истин важно и необходимо прежде всего для нас самих. Усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляя чувства справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне уже заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала в нашей жизни.

Вот почему уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России.

ПИСЬМО В. С. СОЛОВЬЕВА К АВТОРУ

(Вместо предисловия)

«к книге Ф. Б. Геца «Слово подсудимому!»»

Любезный друг, Вы желаете, чтобы я еще раз высказался о еврейском вопросе по поводу Вашей книжки. Охотно это делаю не только для Вас, но и для себя, — для очищения своей совести относительно наших проповедников антисемитизма. Ибо, как сказано у пророка Иезекииля: «если не возвестишь нечестивому, да обратится от пути своего и жив будет, ...взыщу кровь его от руки твоей. Если же возвестишь ему и не обратится от нечестия своего и от пути нечестивого своего, — в беззаконии своем умрет он, ты же душу свою избавил».

Прошло уже десять лет с тех пор, как «отец лжи» возбудил в нашем обществе антисемитическое движение. За это время мне приходилось несколько раз указывать (сначала с кафедры, а потом в духовной и светской печат-

ти) на ту несомненную истину, что еврейский вопрос есть прежде всего вопрос христианский, именно: вопрос о том, насколько христианские общества во всех своих отношениях — между прочим, и в отношении к евреям — способны руководиться на деле началами евангельского учения, исповедуемого ими на словах. Я не стану повторять здесь моих рассуждений, которые не могут иметь никакого значения для антисемитов: кто проповедует огульную вражду к целому народу, тот тем самым показывает, что христианская точка зрения потеряла для него свою обязательность. Есть, однако, общеобязательная почва здравого смысла и простой фактической правды, и существуют для антисемитов-националистов авторитеты более доступные и более внушительные, нежели Евангелие.

«Ровно ничего не случилось в еврейском мире, — писал в апреле 1882 г. М. Н. Катков. — Что было назад тому сто лет, пятьдесят лет, двадцать лет, год, то и теперь. Но вот слышался чей-то свист; кто-то крикнул: бей евреев! и ни с того ни с сего вдруг возник еврейский вопрос и все, кто во что горазд, напустились на евреев.

Всякий имеет что-нибудь сказать с теоретической или практической точки зрения против евреев, но не только об еврействе в России, обо всем на свете может быть возбужден вопрос. Есть, однако, разница между вопросом, который зреет, шаг за шагом близясь к своему разрешению, и внезапным возбуждением вопроса. Бог знает откуда и Бог знает зачем. В том-то и сила всякой политической интриги, что она вдруг возбуждает между людьми вопросы, о которых они и не думали, и заставляет их плясать под свою дудку. Нельзя всех евреев собрать в одну шею, чтобы зараз отрубить им всем головы; нельзя также выгнать их всех за нашу западную границу, если не считать таковою течение Днепра; нельзя и переселить все эти четыре миллиона народа в восточные края; трудно так же и выслать их всех в Палестину или в Америку. Сколько бы умных вещей мы ни наговорили, все-таки мы останемся с евреями, в этом сомнения быть не может при малейшем серьезном взгляде на дело. Откуда же теперь, именно теперь, это возбуждение, которое ни к чему доброму прийти не может? Не становимся ли мы, в слепом увлечении, исполнителями планов злоумышленного заговора?

Евреев укоряют, — говорит дальше знаменитый публицист, — евреев укоряют в эксплуататорстве народа, из которого они посредством шинков высасывают соки. Нет

сомнения, что особенность их положения, образовавшегося исторически в тех местах, где господствовала Польша, сделала евреев по преимуществу эксплуататорами. Польское хозяйство держало народные массы в скотском порабощении. Между панами и народом был жид, как единственный промышленник. Он составлял то, что везде называется средним классом. Жидам отдавалось в аренду все: и народ, и земля, и хлопские церкви. Их трактовали как собак, а между тем все от них зависело. Обособленность евреев установила между ними солидарность, но не следует думать, что массы еврейского населения в Западном крае благоденствуют и роскошествуют на счет эксплуатируемого ими народа. Нет, если из их среды действительно выделяются промышленники более или менее зажиточные и богатые, то массы находятся в нищете, о которой люди, видевшие еврейский быт в Западном крае, говорят с ужасом. Эти несчастные друг друга едят.

С другой стороны, когда речь идет о шинках, то евреи ли тут зло? Разве кабаки не столько же пагубны для народа в тех местах, где в нем за прилавком стоит православный целовальник? В Западном крае кабацким делом занимается еврей, но разве оно лучше в других местах России?

В жиде-шинкаре — (говорил еще раньше Катков) — вдруг почему-то мы увидели виновника разорения России и бедственного состояния ее крестьянства. *Не ложь ли это?* Разве жида-шинкары, спаивающие народ и разоряющие и губящие крестьян, — повсеместное в России явление? Ни в Московской, ни в Тульской, ни в Рязанской и так далее губерниях нет ни одного жида-шинкара. Жида-шинкары имеются только в Заднепровье. *Но спросите у людей, действительно сведущих, где народ более спаивается и где крестьянин более разоряется, в Ковенской ли губернии, в Виленской ли, в Волынской ли, в Подольской ли, в Киевской ли, или в наших местах, куда евреев не пускают и где кабаком орудует православный целовальник или кулак? Пьянство в Западном крае не только не более, но гораздо меньше развито, чем в остальной России, и крестьянин там относительно живет не хуже, а лучше. В Западном крае действительно господствует страшная, поразительная нищета, но эта нищета не крестьянская, а еврейская».*

К словам Каткова наши антисемиты не могут относиться так, как они отнеслись бы, например, к моим собственным рассуждениям; от корифея русской «национальной

политики» нельзя отделаться общими местами о либерализме, доктринерстве, идеализме и т. п.

Когда Катков столь решительно утверждает, что благосостояние крестьян в черте еврейской оседлости вообще выше, нежели вне ее, то здесь важно только знать, правду ли он говорит, или нет. Если фактическое утверждение Каткова неверно, то наши антисемиты имеют все удобства, чтобы его опровергнуть. Черта еврейской оседлости (нет худа без добра!) делает возможным точное сравнительно-статистическое исследование: сравнивая в различных социально-экономических отношениях область давнего и постоянного жительство евреев с теми местами, куда их не пускают, и принимая в соображение все сколько-нибудь значительные побочные условия, можно с достаточной научной строгостью определить, что именно вносится евреями в окружающее население, каковы результаты их воздействия на жизнь народа. Статистикой еврейства в последнее время занимались довольно усердно; существуют, например, объемистые тома, изданные центральным статистическим комитетом при Министерстве внутренних дел. В этих томах можно найти все, что угодно, кроме «единого же на потребу», кроме сравнительно-статистической параллели между Западным краем и коренными губерниями. Такое исследование, упущенное из виду этим полуофициальным изданием, составляет, казалось бы, прямую задачу наших антисемитов, но они тщательно избегают всякого серьезного опыта сравнительной статистики, — единственного средства перенести их проповедь из области свиста и крика на серьезную почву фактов. Уж не чувствуют ли они в глубине души, что научное исследование обличило бы их неправду и что Катков знал, что говорил? Об этом обстоятельстве следовало бы размыслить тем антисемитам, которые еще способны размышлять. Для таких полезно будет и другое свидетельство, — не мнение публициста, возбуждаемого текущими событиями, впечатлениями минуты, а продуманное и окончательное убеждение человека, знающего дело со всех сторон, много и хорошо потрудившегося на разных поприщах, притом человека вполне самостоятельного и по характеру, и по положению, стоящего близко к народной жизни и далеко от искусственных агитаций и интриг, человека, заинтересованного только правдою.

«По моему убеждению, — пишет мне Борис Николаевич Чичерин, — нет народа в мире, которому человечество

было бы обязано такую благодарностью, как евреям. Достаточно сказать, что из среды их вышло христианство, которое произвело переворот во всемирной истории. Какого бы мы ни были мнения насчет религиозных вопросов, нет сомнения, что книга, которая служит насущною духовною пищею многих и многих миллионов людей, принадлежащих к высшему цвету человечества, Библия, — еврейского происхождения. От греков мы получили светское образование, но греки исчезли, а евреи, несмотря на неслыханные гонения, рассеянные по всей земле, сохранили неприкосновенными свою народность и свою веру. В этом я вижу залог великого призвания. Думаю также, что государство обязано оказывать защиту и покровительство всем подданным, которые Провидение поставило под его руку... В практическом отношении могу сказать по собственному опыту, что, управляя в течение двадцати лет двумя именьями, одним в Тамбовской губернии, где нет ни одного еврея, а другим в Полтавской, где все ими полно, я вижу, что в последнем крестьяне денежнее и состоятельнее, хотя в первом они, пожалуй, смысленнее и деятельнее, да и условия лучше... Вообще, я с глубокою скорбью вижу, что многие мои соотечественники стоят в этом вопросе не на точке зрения христианской любви к ближнему, а на точке зрения чисто языческой и даже варварской. Анти-семитическое движение составляет позор нашего времени. Дорого бы я дал, чтобы смыть с своего отечества это пятно».

Даже в конце своего письма Б. Н. Чичерин признает наш антисемитизм болезнью неизлечимую. Я и с этим совершенно согласен, и, не имея ни малейшего притязания лечить кого бы то ни было от «жидобоязни», хочу только предложить простое *профилактическое* средство тем людям, которыми этот тяжкий недуг не овладел еще окончательно, а которые лишь более или менее предрасположены к нему.

Самый легкий способ для убеждения в неправоте антисемитизма состоит в том, чтобы последовательно и внимательно читать наши антисемитические газеты. Вот, например, «Гражданин». Еще несколько лет тому назад мы с удовольствием встречали там статьи и полемические заметки в защиту еврейства. Очевидно, благочестивый и патриотический публицист находил, что патриотизм и благочестие не требуют травить русских евреев, а, напротив, обязывают защищать их, как подданных того же государст-

ва, сынов того же отечества и хранителей древнего откровения Божия, с которым не разрывно связана и наша религия. Что же случилось за эти последние годы? Почему консервативный журналист, сначала, подобно Каткову, относившийся с презрением к уличному свисту и крику: бей жидов! — вдруг сам стал свистать и кричать громче и безобразнее всех?

В самом деле: и в «Новом времени» не встретишь таких возмутительных выходов, какими назидает своих читателей благочестивый орган князя Мещерского, объявляющий, например, что евреи — не люди, а нечистые насекомые или зловредные бактерии, подлежащие истреблению. Перемены во взглядах осуждать нельзя, если она имеет уважительные основания. Человеку зрелых лет позволительно изменить свой взгляд на известный предмет или вследствие нового, более основательного его изучения, или же вследствие какой-нибудь существенной перемены, происшедшей в самом предмете. Но в еврействе такой существенной перемены, как превращение людей в бактерии, за последние годы, очевидно, не произошло; а с другой стороны, издатель «Гражданина», при всей своей смелости, едва ли решится утверждать, что эти последние годы он посвятил серьезному изучению еврейства и еврейского вопроса. Где же тут уважительные причины для перемены взгляда? Мы не считаем себя вправе подражать дурному примеру наших «патриотов» и обвинять кого бы то ни было в нечестных мотивах, не имея на то прямых доказательств. Мы уличаем названный охранительный орган только в том, что явно и несомненно, — в крайнем легкомыслии и неосновательности, благодаря которым в вопросе такой великой важности он руководится не принципами и не изучением предмета, а только изменчивою прихотью и поверхностными впечатлениями.

Но если «Гражданин» представляет только яркий пример неосновательности и вздорности наших благочестивых юдофобов, то обильный положительный материал для обличения самого антисемитизма мы находим в другой антисемитической газете, остающейся неизменною в этом отношении. Читая со вниманием «Новое время», поражаешься резким контрастом между бессодержательностью юдофобских словоизвержений (где вымышленные или же ничего не значащие единичные случаи идут вместо фактических оснований, а грубейшие софизмы и огульная брань заменяют логическую аргументацию) и противоположным

характером содержательности, фактической точности и убедительности во всех тех многочисленных и с разных концов России идущих сообщениях, из которых прямо явствует, что в настоящих бедствиях народной жизни евреи так же мало повинны, как китайцы. С одной стороны, мы видим, как антисемитизм почтенной газеты и ее читателей питается известиями вроде того, что в каком-то городе какой-то еврей толкнул какую-то чиновницу или что убийца одного генерала был еврей (хотя на самом деле он вовсе не еврей); или такими соображениями и выводами, что хотя между евреями сравнительно меньше убийц, нежели между христианами, но зато больше воров, и что, следовательно, евреи особенно опасны для общества (так что по этой логике лучше быть зарезанным, нежели обокраденным); или, наконец, такими «психологическими» рассуждениями, что у евреев особенно развиты: сила воли, энергия, разум, семейное начало и т. д., а у русского народа есть только святость, а поэтому во имя своей святости и для охранения ее от еврейской энергии наш святой народ должен так или иначе истребить евреев. А с другой стороны — рядом со всем этим возмутительным вздором мы читаем в той же газете, например, внушительный отчет о книге г. Сазонова, в которой документально доказывается, как в Псковской губернии, где нет евреев, местные русские кулаки вконец разорили народ, забрали и землю, и скот, так что в целых уездах почти все крестьянское население должно идти или в кабалу, или по миру; а также и о противоположном, юго-восточном крае России (где тоже нет евреев), читаем обстоятельные выписки из газеты «Неделя» (тоже, кажется, антисемитический орган), где рассказывается, с указанием лиц и местностей, как «чумазные ландорды», т. е. несколько десятков разбогатевших мужиков (между ними два-три немца из колонистов, но ни одного еврея), скупивши множество имений и насевши на крестьян, довели до этих последних до такого ожесточения, что они одного из «ландлордов» сожгли живьем вместе с его усадьбой — степень злобы, до которых устроители еврейских погромов никогда и нигде не могли довести буйную толпу. Такие и тому подобные известия можно найти в «Новом времени» чуть ли не обо всех местностях России, недоступных для евреев. В ком же зло и от кого нужно спасать Россию? Да и кому спасать! Если читатели «Гражданина» могут думать, что роль спасителей по праву принадлежит дворянству, то «Новое время» старательно и

систематически разрушает такую иллюзию. Почтенная газета изображает несостоятельность нашего привилегированного сословия в таких ярких картинах, перед которыми бледнеют все ее антисемитические выходки. Так, например, в одном из недавних номеров на первой странице под кричащим заглавием «Еврей у ворот» мы находим статью о воцарении Ротшильда в нашем нефтяном царстве. Зловредность этого воцарения никакими фактическими указаниями не подтверждается, но зато излагаются предположения неизвестного автора о будущих действиях Ротшильда, как он со временем станет добавлять по копейке, по две, по три на фунт керосину, и через то умножать свои миллиарды, дающие ему власть над миром, а в частности, позволяющие «отнимать совесть» у русского общества. «Но общество без совести, — патетически восклицает автор, — это ли не ужасный призрак грядущего!» Чтобы оценить по достоинству эти благоглупости и видеть, насколько Ротшильд виновен в отнятии совести у нашего общества, читателям «Нового времени» стоит только перевернуть страницу и обратить внимание на статью по поводу нового предполагаемого кредита для землевладельцев. Здесь, между прочим, читаем следующее:

«Поддерживая и распинаясь за железные дороги, за их концессионеров-соискателей, строителей, сколько людей, и с какими еще громкими именами, рассчитывали сорвать и действительно сорвали куши, ни малейше не беспокоясь о том, с кого, за что и какие это деньги они берут!.. Поддерживая и распинаясь за земские гарантии очень многих из дорог, сколько славных имен даже местных же владельцев явно и сознательно предали и продали интересы тех, кого были представителями, потому только, что за общим шумом и переполохом им удалось сорвать такие куши, которые с избытком покрыли их убытки, как местных землевладельцев... Поддерживая и стараясь об учреждении у нас земельных банков, «так настоятельно необходимых для удовлетворения справедливых нужд стесненного землевладения и земледелия», сколько славных имен получили возможность сорвать куши и действительно сорвали их, добившись учреждения и утверждения прямо-таки грабительских вертепов, а вовсе не банков с кредитом, хотя бы сколько-нибудь разумным и возможным...

Такая отчаянная жажда денег и денег, жажда, не сдерживаемая уже никакими приличиями, оголтелая жажда!»... И далее, на основании прежнего опыта, писатель «Нового

времени» рисует такую картину будущего кредитного учреждения на пользу землевладельцев:

«И вот начинается опять: излюбленные представители, компетентные и сведущие люди, доверенные люди для контроля... и куски, куски!... Общая свалка, шум, в котором ничего разобрать нельзя; ничего не слышно; доносятся только отдельные фразы и слова, неизвестно к кому относящиеся: «какой ты князь, ты вор!»... «Испытанное усердие и верность!».. «Стащил... обещал поделиться, а все один себе забрал!»... «Бескорыстное служение отечеству!»... «Врешь, я всегда говорил, что тебе доверять нельзя!»... «Стащил, караул!»... («Новое время», № 5371). Если все это похоже на действительность, то спрашивается, каким образом Ротшильд или кто бы то ни было, может отнять совесть у людей, очевидно, ее лишенных? Во всяком случае, нужно признать, что наши антисемиты истребляют друг друга гораздо удачнее, чем евреев.

Я вполне понимаю и разделяю Вашу жалость к частным страданиям Ваших единоверцев в настоящем: но я уверен, любезный друг, что к этому чувству Вы не присоединяете никакого опасения за будущие судьбы Вашего народа. Вы знаете, кто против него и кто за него; вы знаете также его историю. И неужели возможно хоть на мгновение вообразить, что после всей этой славы и чудес, после стольких подвигов духа и пережитых страданий, после всей этой удивительной сорокавековой жизни Израиля ему следует бояться каких-то антисемитов! Если бы эта злобная и нечистая агитация возбуждала во мне какой-нибудь страх, то, конечно, не за евреев, а за Россию. Но, признаюсь, и такого страха я не чувствую. Увлечение мнимым «общественным мнением» есть явление скоропреходящее, и в конце концов у нас есть правительство, стоящее выше всяких увлечений и всяких интриг; да и сам русский народ — себе не враг; он достаточно умен, чтобы не прать против рожна и не спорить с Божиими судьбами. И недаром Провидение водворило в нашем отечестве самую большую и самую крепкую часть еврейства.

Владимир Соловьев

Москва, 5-го марта 1891 г.

ЮДАИЗМ

«Не люблю я евреев, или, точнее сказать, всякий раз, как увижу их, чувствую в себе столкновение противоположных помыслов и ощущений: то презираю этих всесветных торговцев за их корысть, обманы, нахальство, вероломство, то смотрю на них оком Филона, как на народ, посредством которого распространилось познание единого, истинного Бога. Их изумительное терпение, примерное единодушие, упорное верование в величественный призрак, неослабная привязанность к отеческим преданиям, вековая, почти одинаковая численность, неизменившееся племенное обличие, наконец, таинственная судьба, которой развязка последует пред концом мира, невольно внушают благоговейное внимание к этим живым развалинам, кои берегутся Провидением для окончания величественного здания церкви вселенской. Они, как неприятные кометы, блуждают по всей земле; но придет время, когда переиспытанные страдания и несбывшиеся надежды обратят и привлекут их к Истине».

(Епископ Порфирий Успенский: «Из странствований по Востоку»).

Sine ira et studio.

Пойдем, друг мой, навстречу Невесте
И да приветствуем ее в лице Субботы...

Гимн «Субботе».

Ради чертогов, которые разрушены,
Ради храма, который разорен,
Ради стен, которые разбиты,
Ради величия нашего погибшего,
Ради великих мужей, павших здесь,
Ради драгоценных предметов наших,
Ради священников наших, сожженных здесь и
согрешивших,
Ради царей наших, пренебрегших это святилище —
Мы сидим здесь и плачем.

Плач у стены Иерусалимской.

Можно ли говорить об юдаизме без волнения? Без раздражения, гнева или тайного, и тогда корыстного, благожелательства? — Конечно, потому что эта тема не только публицистики, но и истории: одна из занимательнейших тем общечеловеческой культуры, над которою испытывали свои силы могущественнейшие умы. Странное племя, смерти которого все хотят, и которое не хочет, явно не может умереть. Мучительное для всех племя: здесь, и только здесь, лежит родник безвинных в сущности, хотя и мучительно-гневных чувств, которыми оно окружено. Все огромные людные народы, в данную минуту вся европейская цивилизация явно защищается от них: момент нападения содержится бесспорно в юдаизме, ибо от негров до черемис европейцы уживаются со всяким, кроме еврейского, племенем. Странность еще более увеличится, если мы обратим внимание на исключительно тихий характер евреев, на характер покорливости, им присущий; с незапамятных времен они мирно уплачивали подати, были исполнительны по отношению к закону, давался ли он кесарями из Рима, Александром из Греции, идет ли он от республики, как Франция, или от самодержавия, как Россия. Здесь, в этих точках и пунктах, они были и остаются пассивны, и с гибкостью воска поддаются под всяким давлением, которое на них действует. Вообще, следует в еврействе резко разделять эти две стороны — пассивную и активную: в то время, как каждый народ, по крайней мере из исторически известных нам, активен во все стороны, ярко или тускло — это другой вопрос, — евреи одни ярко пассивны, бездеятельны, почти бесчувственны и мертвы в некоторых определенных направлениях, и тем с большею яркостью и мощью они активны в остальных немногих избранных. Ни об одном еще народе не хочется так сказать, что он — с «призванием», будет ли то добро или зло, свет или тьма. Факт — в некоторой специализации, в существовании «исключительных способностей»; некоторого «штанд-пункта» в бытии ли историческом, в психологии, «умоначертании». Совершенная пассивность в целой половине общечеловеческого бытия, общечеловеческих интересов, общечеловеческого призвания неотделимо связана у них с яркой настойчивостью, великим интересом, с глубокою чуткостью к какой-то другой половине и также общечеловеческого, общеинтересного и важного в бытии. Не будем повторять

триумфов, что они дали всем европейским народам религию; ведь характерно именно то, что они смертельно враждебны к той специфической форме религиозного сознания, которая принята европейским человечеством, — христианству. Не будем также говорить об их музыкальной и философской даровитости; бесспорно, что всякий раввин не поставит это ни во что, не вменит ни в какую заслугу своему народу. Центр дела не в великих талантах, обнаруженных евреями на еврейской ниве: и где все-таки они никогда не были и, очевидно, не могли стать первыми. Центр в чем-то, что лежит в последнем виленском жидке; что пронесено неповрежденным от Вавилона и до Вильны, что не забыто, не растеряно ни в каком «плёну». Что же это такое? «Талмуд»? — Но он был составлен приблизительно около Рождества Христова, немного ранее в одной части, немного позже — в другой. Пророки? — Но они говорили народу уже в изгнании, и вообще — в падении. Пятикнижие Моисея? — Но и оно, даже оно уже дано было народу с таинственным «штанг-пунктом»; и, во всяком случае, не Израиль приложился к Моисею, но «Моисей приложился к Израилю». «Корень вещи», в которую советует смотреть Прутков, очевидно, древнее, исконное; и, очевидно же, он важнее пророков и Моисея. Что же это такое, «не потерянное» между Мемфисом, Вавилоном, Иерусалимом, Александрией, Римом, Парижем, Вильной? Мы еще другого ничего не находим, кроме странной детской операции, но тут...

Даже такой могущественный ум, как Филарет московский ничего еще не нашелся сказать о ней, кроме следующих слов, не весьма многозначительных: «К учреждению обрезания»^{*} следует полагать две причины: одна образовательная и другая пророческая. Первою причиною можно считать предупреждение некоторых болезней, чистота тела, приличная священному народу, приготовление к обильному чадорождению; в этом последнем смысле изъяснял обрезание Филон (еврей из Александрии и вместе философ платонических тенденций, один из великих, если не самый великий, авторитет юдаизма). Пророческое значение его выступает лишь после воплощения Бога-Слова».

^{*} См. в Библии поразительное приготовление Авраама к нему: что-то вещее проходит перед нами; особенно см. последнюю дремоту Авраама удивительно, до чего напоминает она „дремоту“ Адама перед созданием ему Евы.

Так говорит мудрый автор «Записок на книгу Бытия». Неудовлетворенные, недоумевающая, мы обращаемся к слову «обрезание» в издаваемом сейчас в Петербурге целым кругом ученых людей «Энциклопедическом Словаре» Брокгауза и Ефрона, и не находим и там ничего, кроме указаний на гигиеническую предусмотрительность: жаркий климат, нечистоплотность племени, некоторое знакомство с гигиеной в Египте. Между тем, к работе в «Словаре» этом призваны многие евреи. Таким образом, от Филона и до Брокгауза, пересекая Филарета и его огромную проницательность и эрудицию, в частности — эрудицию в собственных еврейских источниках, мы видим, что «ключ бездны» потерян; и что именно пункт, где юдаизм сосредоточенно и как-то страстно-мучительно активен, откуда исшел он, как Волга выходит из колодца Иордана в Осташковском уезде, — что этот источник забросан щебнем абсолютного неведения. «Даже больше» отрицается, что тут есть что-нибудь, какое-нибудь содержание, какая-нибудь мысль.

II.

Ничего нет более волнующего для историка, как читать историю Авраама. Отшелец из Халдеи, из городка Ур, место которого теперь разыскано в арабском урочище Мургаб. Его жизнь — брожение. Он был в Египте, но не остался там; был с Лотом, но не остался с ним; в союзе с содомлянами, позднее погибшими, он воюет против окружающих хищных князьков. Богат, удивительно кроток; жертвоприношение сына, единственное в истории человеческое жертвоприношение сына, психология и все окружение чувств которого нам выявлены, совершается им. И будто в заключение этой биографии и судьбы — странная операция, после которой, мы чувствуем, завит и «зачался» Израиль!..

И гад морских подземный ход
И дольней лозы прозябанье —

оно есть в природе, в книгах, в памятниках есть же оно; и когда мы не имеем в этих памятниках разъясняющих «речений», нам остается разгадывать загадку по этому

дольней лозы прозябанью.

Мысль обрезания так и не сказана была, никогда не сказана Израилю: но тон повеления, нетерпеливый, ревну-

ющий какой-то, нам ясно слышится в словах Заветодателя. «Завет» — какое странное слово! Почему не «закон», не «норма», не «путь»? «Завет» — это шепот, тайна между мною и тобою; что-то бесконечно субъективное и обоюдное. Бог взял в Аврааме «заветного» (дорогого) Себе человека, и взял — «заветно» (тайно) в том, что вообще для всякого человека, даже сейчас, есть наиболее «заветного» (интимного). Будем рассматривать единственное, что можем в нем видеть: момент заключения странного условия. Задолго до него, Авраам как бы *подготавливается* к завету: ему обещается, и притом то именно, о чем он сам томился в мечтании сердца своего, и что бурно и с необыкновенною полнотою повторяется в миг завета.

Все повторяется, все обещания, и, в заключение их — требование, которое Авраам, как бы в испуге каком-то, исполняет в тот же день как над собою, так и над всеми домочадцами, даже рабами купленными, не отлагая ни на одном до завтра.

Так пугающе энергично потребована была странная кровь и странное обнажение. «А если кто не обрежется — истребится душа того из народа своего» (Бытие), проговорено с угрозой активной стороною договора. Да, в обрезании есть *активный* и есть *пассивный*: это еще черта, которую мы не должны упускать из виду здесь, где нам предстоит так много понять и дано так мало данных для понимания. Авраам, ничего, в сущности, не понимая в том, что от него требуется, — пассивно инертен. Он обрезывается. Но обрезывает его, конечно, Себе обрезывает, Бог.

Теперь рассмотрим еще один факт, занесенный в Библию. Моисей — много позднее — шел, посланный Богом, в Египет, к своему народу, и жена его Сепфора, в хлопотах пути, не обрезала, т. е. отложила только на несколько времени обрезание родившегося у них младенца. И вот, во время пути, на ночлеге Бог подходит и уже хотел умертвить младенца. Испуганная Сепфора, схватив каменный нож, произвела эту, как говорят, конечно не без знания, доктора, — мучительную и опасную операцию; и замечательны слова, которые произнесла она при этом, обратившись к младенцу: «вот — ты теперь — жених крови!» — «И отошел от него Господь: тогда она прибавила — жених крови по обрезанию» (Исход, гл. 4). Вот самое ясное, как нам думается, место Библии, говорящее что-то о самом содержании, о мысли операции; по крайней мере — выявление мысли о нем, гораздо более ранней, чем Филонова:

мысли, современной самому Моисею. Что же она содержит в себе, хоть приблизительно? Возьмем три момента бытия человеческого, мистические: смерть, рождение, брак, мы увидим, что, производясь почти при рождении, обрезание «Господу» всего более напоминает собою брак; в смысле и содержании обрезания есть что-то брачное: какое-то обручение, обещание, уготовление — но именно не к могиле, равно и оборотясь назад — не по связи с собственным своим рождением. В секунду обрезания младенец брачится: так говорит Сепфора. «Ты — теперь жених». «Вот я сделала тебя женихом». Кому? Что? В каком смысле? Гробовое, «заветное» молчание.

Вот все, что мы можем здесь понимать, конечно, под углом догадки; но и еще важно: мысль операции не сказана Израилю — очевидно, потому, что она не к нему собственно обращена и даже не ему нужна: ему нужны обетования, что он «наследит землю», станет «обилен, как песок морской». И все это в отчетливо понимаемых словах дано ему, как позднее в отчетливых же фактах было исполнено. Где это кончается — кончается понятное Израилю и прекращаются слова и объяснения: но тут именно и начинается операция, т. е. самый завет в сокровенном и навсегда для человека скрытом содержании. «Наследие» земли, как и «умножение» до сравнения с «песком морским» — земное; но тут нет завета, а только награда, обещание. Что-то покупается Богом у человека; таков тон «завета»: и мы видим деньги, которые ему отсчитываются («умножение, земля обитания»); но вещь покупаемая... в чем она? Что? Зачем? Эта вещь и по ней весь «завет» есть, конечно, не слово, а дело; что-то реальное, вечно действующее в Израиле, — это-то уже ясно из его истории.

Этою-то реальною и никогда не объясненною стороною он обращен... ну, обращен не к земле, это очевидно именно по отсутствию объяснений, потому что объяснения не нужны человеку и, следовательно, все дело, лежа на нем «печатью», в сущности не касается его. Вот, в возможно полном очерке, еще не ответ на главную тайну юдаизма, но ряд вопросов, окружающих ее.

Что такое Библия? По отношению к «обрезанию», она есть только тысячелетнее

...дольней лозы прозябанье, —

т. е. только словесный комментарий к той же таинственно-непостижимой операции. Судьба Израиля есть

фактическое исполнение одной и меньшей земной половины завета. Вывод из Египетского плена — только исполнение обещания Божия никогда не оставлять «заветных» Себе людей. «Народ — Твой... «Народ Мой»... «Мы — один для другого»; ни «мы — не для иных Богов», ни у Тебя — «другого народа, кроме нас». О, это «кроме»... оно — дух, кольцо, сила Библии. Кто этого не чувствует при ее чтении; и кто, посмотрев в бездонную глубину обрезания, не скажет: там они — «друг для друга».

Израиль стал священническим народом: на Библию легла печать святости, близости к Богу: «мы знаем, познаем Тебя, Господи; как Ты, Господи, знаешь, познаешь же нас». Стать «обрезанным» и значит стать в отношении этого взаимного «познания», вечной молитвы к Богу человека, вечного водительства человека Богом. Вот отчего уже понятно, как объясняет переводчик на русский язык Талмуда, г. Переферкович, в своем «Введении», без обрезания всякий израильтянин становится «вне закона», вне круга Божиих забот о себе, Божией любви к себе; без Провидения над собою. Более чем понятно, что таковой не мог бы стать пророком, ни толкователем закона; еще менее — законодателем, «Моисеем». Напротив, мы видим в некоторые замечательные минуты, что начинает пророчествовать самая толпа у евреев. Такова была минута, когда оказался «и Саул во пророчествующих»; т. е. это значит, что каждый еврей, «обрезанец», в сущности, имеет в себе, по крайней мере, задаток, возможность пророчества. Вот «Иордан — ключ», под дубом Мамврийским, откуда течет 4000-летняя «Волга» Израиля. Мы не умеем лучше выразить, как этим сравнением, отношение маленького к большому; незаметного, крохотного, без чего нет, не появилось бы вовсе никогда — большое. Талмуд, в одном месте Мишны, замечательно ярко отражает эту нашу мысль. Язык как-то игриво насмешлив, и, по-нашему, содержит тайную насмешку над Веспасианом и Титом: «Ты находишь: все вещи, за которые евреи полагали души свои во время гонений, как-то суббота, обрезание и очистительное погружение — сохранились у них и доселе; а те вещи, за которые евреи душ своих не полагали — не сохранились у них, как Храм, субботний и юбилейный годы, суды и проч.»... (Талмуд, пер. г. Переферковича, т. II, кн. 3, с. 7).

Побродим еще около этой мглы, в сущности бесконечно интересной. Что «обрезание — предохранительная гигиени-

ческая операция» тут и «размышлять нечего», «мудрейшая операция, выдуманная Моисеем», — это мне говорили и за это горой стояли ученые евреи, доктора, юристы, с которыми я беседовал. Когда я спросил о нем, некогда, Вл. С. Соловьева, он ответил, пожав плечами, полувопросом же: «остаток человеческих жертвоприношений (принесение в жертву Богу *части* человека *взамен* всего человека)? «остаток фаллического культа»? С последним ничего определенного связать нельзя: «под сим камнем лежит Сеницын». — Что? кто? Злодей Сеницын? Святой Сеницын? Брюнет? блондин? Женатый? холостой? Надпись — молчит: «под сим камнем лежит Сеницын». И, очевидно, под такою надписью и нечто умерло, и совершенно умерло что-то жившее и непредставимое более, но что необъятно обширнее глагола: «умер Сеницын», «умер фаллический культ», от коих — «один камень», «одно обрезание». Филон и Филарет равно не понимают же обрезания и только читают «умер Сеницын», «умер Сеницын»; но в темной еврейской массе есть *страшное чувство обрезания*, и дивный Авраамов страх к Заветодателю-Обрезателю. В конце XVIII-го века жил знаменитый философ, из евреев, Мендельсон, автор «Федона», благоговейный читатель Библии и вместе европейски образованный человек; говорят, его фигура послужила прообразом Натана Мудрого для его младшего современника, Лессинга.

Скорбя об унижении и духовном падении Израиля, своего народа, им любимого и оплакиваемого, этот новый Ездра решил поднять его к европейскому уровню и «почистить от тысячелетнего хлама». «Библия, а не Талмуд» — вот был его лозунг. Авторитет Мендельсона, громадный в Европе, был силен и у евреев, и мысль его, движение его благого сердца, вызвала среди них обширное движение, мало-помалу обнявшее все образованные и даже полуобразованные еврейские круги. Образовались «Общество друзей реформы» и «Община обновленного Храма»: лучшие раввины стали на сторону движения, раввины, т. е. уже талмудисты. Движение докатилось до 1845 года, когда устроен был во Франкфурте-на-Майне конгресс друзей реформы: «Присутствовавшие на этом собрании евреи, — рассказывает нам еп. Хрисанф в книжке «Современное Иудейство», — более или менее равнодушно выслушивали все, что говорилось на съезде о необходимости религиозной реформы иудейства, не возражали против отречения от догмата о втором Мессии и восстановлении

через него иудейского царства, о восстановлении Храма и возвращения в Палестину; прошла спокойно даже принципиальная мысль о неспособности косного юдаизма к дальнейшему развитию, что грозило отменой вообще всех существующих форм иудейства. Все было обсуживаемо, и без особенного волнения; но истинно ужасное впечатление произвело на созванных сюда евреев предложение — *быть или не быть* обрезанию. При одном только предложении Союза друзей реформы обсудить этот вопрос, — фанатизм евреев, как порох, вспыхнул, и Союз подняв против себя сильнейшее ожесточение. Членов его собрание решило преследовать и гражданским, и церковным судом; было даже постановлено: исключить их из религиозного сообщества, запретить им вступать в брак, давать присягу по еврейскому обычаю и т. д... Сами прогрессивные раввины и представители, — как они выражались, — новой науки иудейства утрастились этих мер» (с. 23). Вот *чувство*, вот — *факт*; вот *толпа*, очевидно, несущая в недрах своих какое-то иное представление ли, ощущение ли, чем какое отразилось в строках Филарета, Филона, Мендельсона: «под сим камнем — ничего»... Еще один факт-предание, приведенное Лютостанским, в его «Талмуд и евреи», т. 2, с. 20; факт любопытен как переводящий нас за орбиту земного существования человека и открывающий «обрезание» же и в небесных же чаяниях иудея. Вот он: «Вдохновляемые дикой фантазией средневековые талмудисты-евреи указывали на следующие атрибуты еврея в раю: сверх хламиды со многими крючками на еврея накинута будет *талес-цицес* (NB: полосатое одеяние, получаемое евреем со вступления в брак, и которое он одевает при совершении ежедневных молитв), вокруг головы прилеплены будут восемь свечек (NB: в субботу возжигаемых), на обнаженной левой руке будут намотаны ручные тэфеллины (NB: некоторые изречения *Моисеевы*, навязываемые на руки во время чтения обязательных утренних и *вечерних* молитв), на голове — ермолка; в одной руке — райское яблоко, в другой — пальма мученика, и, в довершение картины, из-под одежды будет виднеться *penis circumcisis* («обрезанный»).

Вот — представление, где еврей синтетически собран, понимая или не понимая, но чувствуя, что тут — его «я», все, с чем он живет *здесь*, на земле, что перенесет с собою и за роковую грань гроба, насколько и в той жизни сохранится его «я».

Еще замечательна вера, поверье евреев: что Ангел Иеговы сходит на младенца в момент обрезания и не оставляет его уже до гроба; на верование это давно следовало бы обратить внимание экзегетам Библии, в тексте которой выражение «Ангел Иеговы», как бы играющее в тенях с самым именем «Иегова» и заменяющее временами его, остается темным. Между тем верование евреев, что «обрезание» привлекает, призывает к младенцу, но, конечно, и ко взрослому «обрезанцу» Ангела Иеговы — проливает чрезвычайно много света на существо и миссию последнего. «Пребывает на младенце»... и — трудно представить, где бы иначе, как не в точке же обрезания, он пребывал бы: «Крест на шее» — вот наш теизм; иудейский своеобразный «крест» самим положением своим указывает центр теизма их, как противоположного нашему! «Оскверняет руки! — все оскверняет руки!» И этим до того пропитан юдаизм, что чувство к еврею всякого нееврея иначе и ярче и передать нельзя, как словом — «скверна». Мы скверны друг другу: вот суть дела и глубочайшая, чем разность теизма. «Все обрезанные — дети Божии, все необрезанные — дети дьявола», решил рабби Бехаи. Итог подведен, и он выразителен. Бог... дьявол... да это — полюсы.

III

Замечалась всегда, отмеченная еще Тацитом, — «odium humani generis» у этого народа, и обратно, то же непобедимое разделяющее чувство испытывали к евреям все народы: «Не наше, не наше!», «Не мы, не мы!» Какую бы взять параллель этого взаимного гнушения?

«— Не люблю я этих галушек, — сказал пан-отец, — никакого вкуса нет. И положил ложку» (Гоголь, «Страшная месть»).

— Знаю, что тебе лучше жидовская лапша, — подумал про себя Данило. — Отчего же, тесть, — продолжал он вслух, — ты говоришь, что вкусу нет в галушках? Худо сделаны, что ли? А брезгать ими нечего: это христианское кушанье! Все святые люди и угодники Божии едали галушки».

Ни слова отец: замолчал и пан Данило.

Подали жареного кабана с капустою и сливами.

— Я не люблю свинины! — сказал Катеринин отец, выгребая ложкою капусту.

— Для чего не любишь свинины? — сказал Данило, — одни турки и жидаы не едят свинины.

Еще суровее нахмурился отец.

Только одну лемишку с молоком и ел старый отец и потянул вместо водки из флижки, бывшей у него за пазухой, какую-то черную воду». («Страшная месь», глава 4). Читатель будет сейчас смеяться над нами и сближением, какое мы хотим сделать. Сюжет повести «Страшная месь» — чудовищен: ничего подобного просто не могло прийти в голову Пушкину, Кольцову, Толстому. Перо этих авторов не заиграло бы никогда над этим сюжетом, даже если бы этим писателям, в каком-нибудь случайном разговоре друзей, был сообщен подобный рассказ. Воображение странного Гоголя не только взяло его, но и разрисовало в чудно-фантастические краски, с каким-то испугом, но и вместе с каким-то влечением. Но вот что еще замечательнее: это вещей инстинкт Гоголя, этого первого мистика в нашей литературе, два раза невольнo назвал жидов, жидовское, какую-то черную испиваемую воду, говоря о страшном лице, выведенном в повести. Какая-то тут есть связь; какое-то есть тут родство; что-то тут есть кровное: ибо как для дюжего казака пана Данилы странный отец Катерины, конечно, казался и был «антихристом», так ведь и еврейский раввин, которого мы цитировали, обратнo назвал, разумея, конечно, и христиан в числе «необрезанцев»: «они суть сыны дьявола». Данило и раввин сходятся: «взаимно-анти-Божеское». Если Бог и истинный у одного народа, у другого — непременно дьявол.

Если мы обратим внимание на удивительное «зачало» Израиля и его странный «штанд-пункт», то мы почувствуем где-то, в глубинах души своей, что ведь в самом деле есть что-то общее... ну в испуге и в восклицании Сепфоры и в том жесте ужаса, с которым рисует Гоголь «пана-отца», и при этом упоминает о людях, из коих каждый несет на себе ни для кого непонятную «печать» какого-то брачующегося содержания. Если порой мы присмотримся к фигурке еврея, этой всегда сухощавой, часто сутуловатой, безмерно усталой маленькой фигуре, мы иногда подумаем, по крайней мере изредка: «точно с того света взялся». Во всяком случае из ряда людей: грек, римлянин, германец, француз, хохол Данила — мы только об одном еврее можем подумать это. Возможность в еврее чего-то потустороннего, «не от сего мира» — удивительно и инстинктивно чувствуется. Но снова, если мы приведем ее в связь стран-

ной операцией, в которую они «рождаются», как мы рождаемся в «крещение», мы заметим, что в ее непостижимости и чудовищном месте печати есть что-то родственное с «потусветностью»; что там, выйдя из халдейского городка Ура и запутавшись между Содомом и Гоморой, у «дуба Мамвре», они и в самом деле снизошли в какую-то бездну света ли, тьмы ли, зла или добра, но, во всяком случае, от нас, да и от всего мира «по ту сторону».

Странна биография блужданий Авраама, и как, например, поразителен его ползущий шепот: «вот — я решился говорить Владыке, я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти: неужели за недостатком пяти, ты истребишь весь город?» (Бытие, глава 19). Никогда еще такой усиленной, тоскливой, утомляющей просьбы не было произнесено: в наших школах дети повторяют ее, за одну форму, как бы «классический пример» вообще просьбы и прошения, и о ком?! Стыдно упомянуть, страшно упомянуть, как страшно и стыдно назвать грех пана — отца Катерины. Но удивление наше возрастает еще более, если мы обратим внимание, что на протяжении целой Библии, где много есть благости, много дружб и вражды, ни разу более не встречается ни такой усиленной просьбы, т. е. такого горячего сближения, как у Авраама с князьями и жителями попаленных городов, и не упоминается вовсе нигде специальной особенности их. Точно «пан-отец, дружащий с турками»... Города были попалены: однако жена Лота *обернулась на них*; да и есть много случаев, в преданиях народных, в религиях древних, где рассказывается, что вот «взглянул... и пал мертв», «прикоснулся и пал мертв». Да в самой же Библии, в двух местах, есть подобные рассказы: это — когда Онан совершил свой проступок, то «пал бездыханен на землю», и еще, когда везли Ковчег Завета, и колесница покачнулась, то некто «дотронулся до ковчега, чтобы поддержать его, но в ту же секунду пал мертвым на землю». Города, с которыми дружит «зачаток Израиля», «корень Израиля» — тоже «пали бездыханными на землю, ну, пали в грехах, пали от «черной водицы», которую они испивали, но это испивание не оттолкнуло от них Авраама, и это есть все, на что мы обращаем здесь внимание. Но разберем внимательнее просьбу Авраама. Может быть — это только милосердие? Нет. «И сказал Авраам царю содомскому: поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твое-

го» (Бытие, глава 14). Это Авраам отказывается от награды, вернув отбитые у похитителей-кочевников пожитки содомлян. Во всяком случае — это не вражда, не антагонизм, как с кочевым племенем, у которого отняты назад вещи. Да кто он, сам Авраам, т. е. под углом внимания к точке обрезания?! Сара — *сестра* ему, пусть не единоутробная, но *единокровная*: и тут есть, хоть не в таком сгущении, частица сюжета, занявшего Гоголя.

«Вот мы входим в Египет, и я знаю, что ты женщина, красивая видом: и когда египтяне увидят тебя, то скажут — это его жена; и убьют меня, а тебя оставят в живых; скажи же, что ты мне только сестра, дабы мне хорошо было ради тебя и дабы жива была душа моя через тебя» (Бытие, гл. 12), говорит он Саре, входя в Египет. Замечательно, что в Египте он странствует *без всякой* ясной нужды. Сара, действительно, была взята в дом Фараона, и, когда Бог названной пригрозил ему за обиду Авраама, а он позвал его и стал его упрекать: «зачем он сказал, что это — сестра его», Авраам объяснил с лукавством, до сих пор присущим каждому еврею: «она точно — *сестра моя*, и я не обманул господина моего». Мирно идет он от Палестины до Египта, тем самым путем, которым позднее Божия Матерь, последок Израиля, бежит в Египет же, с Младенцем, от преследований Ирода. Да, это все, от Авраама до Девы Марии — «лестница», увиденная его пророками, Псалмопевцем, Моисеем — «лестница» схождения Божия к людям: в этом-то уже согласны все комментаторы.

Чудо и тайна Израиля, тайна его «обрезания», и «субботы», и «очистительных погружений», о чем упоминает *Талмуд*, как о вещах, за которые евреи «положили душу свою», — заключается в том, что это с арийской точки зрения есть в точности «черная водица», но из «черной» этой «водицы» исшел Господь наш; и, как было сказано уже Аврааму: «*О семени твоём* благословятся все народы». История Израиля есть история «святого семени»: опять, против этого не будут спорить комментаторы, которые только не заметили *закон святости, условие святости* этого семени, в соблюдении и сохранении которого и заключается «штанд-пункт» юдаизма, особая его на земле миссия.

И не один Израиль, в лице Исаака, но и двоюродные, и троюродные с ними народы выходят также из влаги родных соединений. Это — моавитяне и аммонитяне. Не будем рассказывать истории их: отметим только, что это опять около Авраама, человека столь избранного и столь исключитель-

ного. Удивительно, что столько черт концентрируется в одну точку. — «И засмеялась Сара и подумала: разве от 90-летней бывают дети?» — «Будут». И через ответ этот Авраам как-будто молится еще и еще «прорасти» в жертву и угождение Богу. В самом деле, замечателен здесь возраст. Зачем он? т. е. почему Авраам не призван был к завету раньше, моложе?! Какая *нужда*, а именно *обетования*, именно в этих летах дряхлости?! Тут нет иной причины, как чтобы раскрыть, что сила «заветной» мысли падает в точку «обрезания», сверлит ее, как бурав землю, и, казалось бы, в пустых уже недрах, в «камении и бесплодии», вызывает к жизни чудную масличную ветвь. На камне зацветет лилия, и из камня польется вода. Если мы примем во внимание Сару, Лота и его дочерей и странный союз попаленных городов, мы заметим, что во всем рассказе об Аврааме как бы вычерчивается полная траектория возможных движений «обрезания» и «обрезанной точки». И нигде нет сокращения ее путей, ослабления красок, понижения напряжения. — «Разве от меня, девяностолетней, и от него, столетнего, может родиться сын?» — Но вот, уже по смерти ее, усомнившейся жены своей, Авраам, — уже вне всяких целей обетования берет в жены Хеттгуру, берет еще «подложниц», как бы вдруг несказанно помолодев через «обрезание» и непостижимый «завет» с Богом. — «Ты будешь вечно молод», — как бы шепнул Бог Аврааму в завете, если... «станешь перед лице Мое».

IV

Обрезание было дано. Но нужно было, чтобы обрезание начало *действовать*. Печать завета, форму союза с Богом нужно было разработать — и вот в этом миссия Моисея и его «суббот». Мы уже помним смеющийся намек раввина: «обрезание, суббота, очистительное погружение — важнее Храма, ценней Иерусалима». Как глупо влопался Веспасиан: «вырою камни фундамента». Ну, они рассеялись, и понесли с собой «святые субботки», а с ними — Сион, и Храм, и более того: с ними они вынесли из Азии и внесли в Европу и Мемфис, и Вавилон, и Тир, и Сидон. Пока «суббота» не умерла, — живо обрезание; а пока обрезание живо, жив весь Восток. Сейчас мы объясним это; но предварительно дадим несколько сведений. Пифагор, посетивший Египет, осматривал его свободно и вообще видел его внешнюю сторону; но, когда он захотел взять в руки *ключ*

Египта, т. е. объяснение виденного, то жрецы объявили ему, что он не иначе может быть допущен в участие в мистериях и также выслушать жреческие объяснения этих мистерий, как приняв обрезание. Вот сообщение, сразу вводящее нас в то, что было объяснение обрезания, и именно у египтян, но оно никогда не было передано евреям; и что египетский теизм, как, впрочем, и иудейский, тек из обрезания же. Второе наблюдение: самаряне то обрезывались, то не обрезывались; и в постановлениях римских императоров в одном месте сказано, что евреи, распространяя свою веру, тогда соперничающую с христианской, могут обрезывать «самаритян», у которых религиозные обряды суть египетские (у египтян обрезывались только жрецы). Между тем, Спаситель беседовал с самарянку; мы знаем тон ее речи и готовы сказать о ней то же, что Иисус сказал о Нафанаиле: «вот — истинная израильтянка!». Обратимся же теперь к объяснению суббот, и опять, чтобы ввести в значение их мысль читателя, приведем одно, нас поразившее, место в Талмуде: Равви Исаак сказал: «вспоминай о субботе, считая дни не так, как другие, а по субботам: первый день от субботы, второй день от субботы, третий день от субботы и т. д.»... У евреев есть какое-то «помешательство» над субботами, совершенно так же, как над «обрезанием»; тут еврей болен, кричит, не рассуждает. Затронуть у него субботу — более, чем повалить храм, повалить Сион. «Землю из-под ног моих вырвать можете, но я стою на святой земле, пока стою на субботе». Да что такое суббота?! Ученые не приложили никакого старания к разгадке этого особенного праздника, смешивая его с нашими воскресеньями. — «У нас есть воскресенье, память главного нашего события; у них — суббота, за день до нашего, в память того, что Бог, окончив творение, — почил от дел Своих: суббота — день покоя». Итак, это — отдохновение. Известный срок труда требует краткого отдыха, $1/6$ приблизительно времени труда. Мы в этот 7-й день ходим в храм; они в синагогу; оба — молимся на разных языках, по разным книгам, но в сущности одинаково. Удивительно, что не обращено было внимание на особенности субботы; их всегда знали, над ними смеялись, но приписывали их просто суеверию, суеверному строю евреев и деспотизму их раввинов. Не было обращено внимания: да почему сами евреи так чрезмерно берегут те характерные и фантастические особенности суббот, которые им навязали раввины. Да и что такое они им навяза-

ли? Все о субботах есть уже у Моисея. Суббота — создание Моисея, как обрезание — первое на Аврааме. Моисей есть второй Авраам, без которого даже первый не действителен, как, впрочем и второй, т. е. Моисей, невозможен без Авраама. К «субботам» позван же Израиль, как и к обрезанию:

Исход, 31 гл.

13. «Однако субботы Мои соблюдайте, ибо это знамение между Мною и вами в роды ваши, дабы вы знали, что Я Господь, освящающий вас;

14. И соблюдайте субботу, ибо она свята для вас: кто осквернит ее — да будет предан смерти; кто сделает в оную дело, та душа должна быть истреблена из народа своего;

15. Шесть дней пусть делают дела, а в седьмой — суббота покоя Господу (синодал, текст прибавляет: посвященная. NB: но до чего характернее и многозначительнее: «суббота покоя Господу», без добавления, уравнивающего праздник нашим: «посвященная»): всякий, кто делает дело в день субботний, да будет предан смерти.

16. И пусть хранят сыны Израилевы субботу, празднуя субботу в роды свои, как завет вечный;

17. Это — «знамение между Мною и сынами Израилевыми навеки», потому что в шесть дней сотворил Господь небо и землю, а в день седьмой почил и покоился.

Бытие, 17 гл.

9. И сказал Бог Аврааму: ты же соблюди завет Мой, ты и потомки твои после тебя в роды их.

10. Сей есть завет Мой, который вы соблюдайте между Мною и вами и между потомками твоими после тебя: да будет у вас обрезан весь мужской пол;

11. Обрезывайте крайнюю плоть вашу; и сие будет знаменем завета между Мною и вами.

13. Непременно да будет обрезан рожденный в доме твоём и купленный за серебро твое, и будет завет Мой на теле вашем заветом вечным.

14. Необрезанный же мужского пола, который не обрежет крайней плоти своей, — истребится душа та из народа своего. Он нарушил завет Мой».

Поразительно, каким образом у ученых гебраистов, которые до сих пор ищут, «где были и теперь текут райские реки: Геон и Фисон, когда Тигр и Евфрат — найдены», каким образом от них, все-таки долженствовавших догадываться, что в юдаизме есть какие-то секреты и штанд-пункты, ускользнуло, что в словах, в которых устанавлива-

ется суббота, повторяются слова, в которых было установлено обрезание; и что по составу всех признаков, суббота есть то же, что обрезание, но только выраженное ритмически, как пульс биения, тогда как обрезание — точка и место. Обрезание — печать Господня; но грамота, к которой приложена эта печать, читается в субботу. Суббота есть исполнение не сказанной Израилю тайной мысли «завета»; нужное Богу, что приносится Израилем. Что «нужное»?!

Странный вопрос: мы все знаем смысл точки обрезания. Но не задумавшись, и до известной степени самостоятельно не задумавшись над смыслом этой точки, мы не разгадаем обрезания и не догадаемся, чего искать в субботах. Точка обрезания — *трансцендентная*; функция этой точки — *трансцендентна* же и вместе ритмична (через известные промежутки времени): *суббота* и есть *трансцендентный день*, установленный для этого функционирования.

Уже по точке приложения «печати» мы можем судить, что вся религия Израиля есть религия брака; и раз «субботы — святы» народу до «истребления души» нарушившего их, очевидно, что тайный смысл суббот — брачный же; он — таен, это смысл, как и вообще брак, не как учрежденное или закон, а как совершенное, тоже таен, сокрыт, протекает в сокровенности и безмолвно. Отсюда в Исходе и не сказано, *как должна протекать суббота* — об этом знает каждый израильтянин про себя; но из этого тайного знания он глубочайшим образом понимает, почему надо безусловно точно исполнить все особенности, поразительные для нас и странные, празднования субботы и приготовления к ней.

В печатной литературе мне известно только одно место, упоминающее о значении субботы как минуты брачного ритма. Вот оно: «По учению Талмуда, сын Давида, т. е. Мессия, не придет раньше, чем не останется ни одной души в Гифе. Этот род магазина, из которого расходуются души исключительно для новорожденных евреев. Согласно с этим, *пирие ворывие*, т. е. размножение семьи, поставлено Талмудом на первом плане среди 613 благих дел, *таряг мицыс*, предписываемых каждому сыну Израиля. Посему *тайныгим*, т. е. наслаждение вообще и в частности *ташмыс гамите*, т. е. амурные отношения, строго обязательны для «еврея в Шабаш» (Алексей Шмаков — «Еврейские речи», Москва, 1897 г.). Книга г. Шмакова (московский присяжный поверенный, стоящий во главе движения про-

тив допущения евреев в присяжные поверенные) — клеветническая, грубая, необразованная, и приведенная цитата об «утехах любви» в субботу имеет значение лишнего кома грязи в лицо племени. Мною цитата приведена, дабы иметь что-нибудь печатное в пору моих личных расспросов у евреев.

Размышляя об обрезании и не находя ничего о нем в книгах, я постарался сблизиться с одним скромным евреем, кандидатом юридического факультета, служившим на государственной службе. Он был женат (это — главное) и предан еврейству, однако с просветительно-прогрессивной стороны. Достаточно с ним сблизившись, достаточно как для серьезного разговора, так и для анекдотической болтовни, делающей человека откровенным, я спросил его:

— Послушайте, неужели обрезание имеет только гигиеническое значение?

— Конечно. У меня брат доктор, и говорит, что это — чудное и незаменимое средство предупреждения половых заболеваний, так как никогда и ничего грязного, сорного не может задержаться здесь. Что это предусмотрено было у народа невежественного и в жарких странах, доказывает и антропология — у многих африканских племен, у негритян, обрезание существует же. Это наблюдение географов я знал и не придавал ему другого значения, как что обрезание или распространилось из Египта в Эфиопию, или что негры даже сами начали обрезываться, но у них было обрезание *физиологическое*, а не *половое*, в отношении к *смыслу* акта: так ведь и уничтожение *гупен'а* у девушки иное под оперативным ножом, иное — *in prima poste*. Эфиопы имели *анатомию* обрезания, но для чего эта анатомия, как *conditio sine qua non* при посвящении мистерии?!

Прошли дни и месяцы, когда я, разговаривая почти ежедневно с чиновником-евреем, служившим со мною в одном учреждении, спросил его опять:

— Послушайте: не имеет ли суббота отношения к браку, т. е. я хочу спросить, не совершают ли в этот день евреи полового акта?

— Обязательно — нет. Но хороший тон еврейства действительно требует в ночь с пятницы на субботу с.....ия мужа с женой.

Так вот оно в чем дело!.. «Хороший тон еврейства», «добрый старый дух», который знал и которому едва ли уже следовал мой знакомый.

— Скажите, пожалуйста: у нас этот акт рассматривается как уничижительный для человека, как минута слабости его, и специфически грязная, нечистоплотная; так ли же смотрят на него евреи?

— О чем вы спрашиваете и зачем вам это? Нет, евреи так не смотрят...

— Не видят ли они в нем скорее возвышение своего достоинства? Ведь подумайте — «суббота Господу Богу твоему».

— Евреи видят в половом акте серьезное и не находят в нем унижения достоинства человека; напротив... Применяя вашу терминологию, еврей считает себя славным и гордым, когда его совершает. Вообще — это лучше, чем *не* совершать его.

— Еще спрошу я вас; у нас этот акт считается *отрицательно-религиозным*, несовместимым с *минутой* или *местом* приближения к Богу. «Забыл Бога» — и совершил его; «вспомнил Бога» — и удержался. Так ли у вас?

— Вовсе нет. Да вот... уже в самую минуту его начатия, т. е., когда он уже почти совершается, еврей-муж обязан произнести: «вот, Господи, я готовлюсь исполнить святую заповедь Твою». По этому судя, конечно, несовместимости молитвы и акта у нас нет.

— Так что вы можете сказать определенно, что акт этот у вас *положительно* религиозен, как у нас он *отрицательно* религиозен?

— Могу.

— И еврей чувствует, что через акт этот и в его совершении он приближается к Богу?

— Не так определенно, но совершенно отвергать это — значило бы впасть в ошибку.

— Скажите еще, я уверен — половой акт только в субботу и совершается?

— Что вы?! — Он засмеялся. — Разве же возможно, молодоженам, и в такой близости, воздерживаться шесть дней.

Однако я уверен, что *классический* еврей не имеет общения иначе, чем в субботу, смотря на всякое остальное, как на блуд и нечистоту; или что так было в *классическую* пору юдаизма, при царях и первосвященниках. Трансцендентный акт может совершаться или в *трансцендентном* месте (египетские храмы, о которых жрецы ответили спрашивающему Геродоту, почему египтяне совершают там совокупления? — «Потому, — ответили они уклончиво, —

что ведь животные совершают же, и человек, заметив это, тоже не стал удерживаться»), или в *трансцендентное время*, и, совершаясь вне этого времени или места, есть блуд, «прелюбодеяние», в смысле «любодеяния» вне, *опричь*, кроме заповедной и священной черты. Самый брак наш, как сочетание «двух», есть та же «священная черта», *вне, опричь, кроме* которой половой акт есть грех; египетский храм и суббота и *есть начало брака* космического около него, *трансцендентно* — *религиозная черта*, и вместе Божий над ним Покров; т. е. это есть начало нашего или уравнительное с нашим венчание. «Любовь» вне субботы или египетского храма есть то же, что для нас любовь «вне брака», «с посторонним», *без и вне* законная, животная, а не божественная. Таким образом, заповедь: «Не прелюбы сотвори» — сейчас же после «Не убий» есть, вместе с нею, лишь продолжение четвертой и пятой:

4. Помни день субботний — еже святити его.

5. Чти отца и мать твою, и благо тебе будет...

Это заповеди родительства и крови: и все десятословие Моисея объясняется в составе и порядке своем, как лестница ступеней к Богу от мельчайших вещей в мире: но ступеней кровного к Богу восхождения:

7. *Пре-любы* не сотвори.

6. *Крови* — не пролей («Не убий»).

5. *Кровных, родивших* тебя, — почти («Чти отца и мать твою»).

4. *Субботный день* — помни, святити его, «Шесть дней работай и делай в них всякие дела твои, а день седьмой — суббота, Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих».

Мы уже сказали, что *суть* здесь *тайна, без-молвна без-образна*; не *изобразима* и не *должна* изображаться. И вот как с этим связуется следующее:

3. Не выговаривай слово-произношения Господа Бога твоего *всуе*, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит Его название *всуе*. «Всуе» — «пре», «кроме», «опричь»: «суетное» именование — «легкомысленное», вне определенной и заветной черты.

2. *Не делай изображения* какого-нибудь подобия ни того, что вверху — на небесах, ни того, что на земле — внизу, и в водах — ниже земли; и не поклоняйся и не служи этим, сделанным руками твоими, подобиям; ибо — Я Гос-

подь, Бог ревнующий, наказующий детей за вину родителей до третьего и четвертого рода.

1. *Аз есмь Господь, Бог твой: да не будут тебе инии, разве Мене, — бози (Исход, 17).*

Таким образом, между заповедями есть священной органической связью, и они не суть *перечень* важного и должного, но развитие одной мысли, *узлы* одного *вервья*. Это не суть *нормы, законы*, извне налагаемые, «заповеди об отношении к Богу», а суть «Господь, коренящийся в человеке, и склоняющий его к должному», «так-то и так-то», «то-то и то-то», как аналогично нерв клонит мускулы.

Теперь еще две записи об особенном характере празднования субботы:

Исход, 16 глава:

Стр. 22. «В шестой день собрали хлеба вдвое, по два гомора на каждого. И пришли все начальники общества и донесли Моисею».

Стр. 23. «И сказал им Моисей: вот что сказал Господь: завтра — покой, святая суббота Господня; что надобно печь — пеките, и что надобно варить — варите сегодня, а что останется — отложите и сберегите до утра».

Стр. 24. «Смотрите, Господь дал вам субботу, посему Он и дает в шестой день хлеба на два дня: оставайтесь каждый у себя, никто не выходи от места своего в седьмой день»

Книга Числ, 15 глава:

Стр. 32. «Когда сыны Израилевы были в пустыне, нашли человека, собиравшего дрова в день субботы;

Стр. 33. «И привели нашедшие его собирающим дрова к Моисею и Аарону и ко всему обществу;

Стр. 34. «И посадили его под стражу, потому что не было еще определено, что с ним сделать».

Стр. 35. «И сказал Господь Моисею: Должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями все общество вне стана».

Стр. 36. «И вывело его все общество из стана, и побили его камнями, и он умер, как повелел Господь Моисею». (Глава 24: «Моисей же был кротчайший из людей»). Вот что совершилось. Почему же «кротчайший из людей да и, наконец сам Господь Бог — так яростно предупредил... что?! — собирание дров, чтоб истопить печь и согреться или сварить пищу. Но разве же можно «варить пищу» в храме? Так мы поступили бы, если бы самая добродетельная хозяйка, принеся квашню и пуд муки, начала в церкви

Василия Блаженного замешивать хлебы, занятие совершенно невинное само по себе, и желательное, позволительное в другом месте и не во время литургии. Суббота, эти 24 часа, и суть, очевидно, «не праздник вообще», «не празднование Господу», не «отдых мускульный и духовный», но... «отложим всякое попечение», таинственная Херувимская песнь Израиля, черта невидимого храма и слушание беззвучной, безмолвной, *без имен и без образов* — литургии.

Феномен и ноумен: *шесть дней* — феноменальное бытие Израиля; в *седьмой день* он приходит в ноуменальное бытие, и вся его забота, и все его старание и устремлено на полное *разобщение субботы и не субботы*. Ничто не субботнее да не внидет в субботу, из субботнего да ничего не выпадет, не засорится в суету феноменальных шести дней. В Книге Левит есть замечательное связывание субботы с отношениями отчества и материнства; и указание, что центр ее падает *не на скинию, а на свое жилище*. Левит, 19.3. «Бойтесь каждый матери своей и отца своего, и *субботы Мои храните*. Я Господь, Бог ваш.

Стр. 30. «Субботы Мои храните и *святилище Мое* чтите. Я Господь.

Гл. 23.3. «Шесть дней можно делать дела, а в седьмой день — суббота, покой, *священное собрание*; никакого дела не делайте; это — *суббота Господня во всех жилищах ваших*».

Итак, суббота — дома; это — *домашнее собрание* для служения Богу, захватывающее всю полноту семьи, и случайных пришельцев, и рабов, и, наконец, даже домашних животных. Но, может быть, и растений? К удивлению — да: «не вырывай растений, за вырывание растений в субботу полагается смертная казнь через побиение камнями». (Талмуд, т. 2, кн. 3).

Вырывание растения, например, комнатного из горшка, простой травки в своем саду уже, очевидно, не есть труд, но это есть перерыв жизни, устранение жизни; а суббота — *жизнь, ева*, не только семейства моего, но и всего вокруг семейства моего, от раба до яблони, цветущей в саду. Суббота есть «*да!*» Господу всего мира, в ответ на «*да!*», которым Господь сотворил мир. Отсюда она связана с творческими Божьими шестью днями; в них Бог *нас, наше* и *для нас* творил: суббота есть в своем роде еженедельное как бы «отдание Пасхи», воздаяние за творение — новым продолженным творением, и, как *там* — Господь нас радовал, *здесь* — мы Его возрадуем: чем?! Печать «обреза-

ния», точка «завета» — определена чем? и Израиль, по избранию места для печати, просто не мог сомневаться, как, *каким способом* он может возблагодарить Господа. Теперь вдруг объясняется, но именно из субботы, назад объясняется способ заключения завета с Авраамом: «ты обрежься, а я тебя умножу», «и вывел его, и указал на звезды: сколько звезд на небе и песку морского — будет потомство у тебя». Здесь есть уже полная связанность, связуемость во дни бытия человеческого; есть «суббота», только она еще не определена, как именно «седьмой день», и не выражена через мудро-божеское разобшение с шестью днями; но как вообще миг связи с Богом — есть она:

Бытие, 17.1. Я — Бог всемогущий; ходи передо Мною и будь непорочен;

Ст. 2. «И поставлю завет между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя.

Ст. 3. «И пал Аврам на лицо свое. Бог продолжал говорить и сказал:

Ст. 4. Я — вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов,

Ст. 5. «И не будешь более называться Авраамом, но будет тебе имя Авра-ам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов;

Ст. 6. «И весьма, весьма размножу тебя, и произведу от тебя народы, и цари произойдут от тебя»;

Ст. 7. «И поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя;

Ст. 8. «И дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую во владение вечное; и буду им Богом.

Ст. 9. «И сказал Бог Аврааму: ты же соблюди завет Мой, ты и потомки твои после тебя, в роды их.

Ст. 10. «Сей есть завет Мой, который соблюдайте между Мною и вами и между потомками твоими после тебя, в роды их: да будет у вас обрезан весь мужской пол».

До того очевидно из сложения речи этой, что тайна «завета» есть собственно «тайна чадородия» в смысле *связуемости в этой тайне человека с Богом*. «Ты — будь угоден Мне; Я — помогу тебе: одно и другое в брызге бытия человеческого, в дыхании» этого брызга. Теперь была самая страшная опасность, что при этом до известной степени открытия человеку живого, дышащего храма, где

они связываются, человек не загрузил бы, не засорил, не засквернил храма. Моисей, через создание «субботы», устранил это, т. е. он закончил обрезание и укрепил его, оградив оградой не переступаемую (не переступаемую! в этом — вся задача) таинственный миг. Ни из него ничего наружу, ни снаружи ничего в него. Ни соринки, и ни в один миг субботы. Отсюда строгости кажущиеся, не нужные, но только кажущиеся в *Талмуде*:

«Кто осквернит ее — тот да будет предан смерти» — указано наказание, а где же предостережение? — В стихе (Исх., 20, 10): «а день седьмой суббота — Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела»: Но в этих стихах имеем наказание и предостережение относительно дневной работы, где же наказание и предостережение относительно работы ночной, совершаемой в ночь на субботу? В стихе: «Кто осквернит ее, тот да будет предан смерти». Здесь указано на ночную работу (NB: т. е., что центр субботы — ночь на субботу); где же предостережение относительно такой работы? В стихе Исх. 20, 10: «а день седьмой суббота — Господу, Богу твоему»: «здесь лишнее слово «суббота» имеет целью ввести в закон предостережение о ночи»; так полагает равви Иосе, сын равви Иосии. Равви Иуда, сын Бетеры, говорит: когда язычники окружили землю Израильскую, то евреи поневоле нарушили субботу, и вот для того, чтобы Израиль не говорил: «так как мы уже нарушили часть субботы, то нарушим всю субботу», для этого сказано: «кто осквернит ее — тот будет предан смерти»; даже за осквернение одного мгновения полагается смертная казнь», (Мишна, отдел *Моэд*, трактат *Шаббаш*). Да и в самом деле: ведь совершенно поразительно, что суббота начинается с вечера, а вовсе не с утра, с рассвета, и до последней степени очевидно, что вечернее на дому празднование есть литургийное введение в ночь, на которую и падает суть субботы. Пану Данилу было почему припомнить «черную жидовскую лапшу», а равви средневековому сказать: «мы — дети Божи, вы — сыны дьявола». В самом деле, ночь у нас?.. вот уж не праздник! Разумеется! Мы — дневной народ; иудеи — ночной.

Но до чего все связано в юдаизме, видно из того, что мысль субботы как бы вошла в темп творения мира.

...«И был вечер и было утро — день первый» (Бытие, 1). День второй, третий... шестой и, наконец, седьмой — тоже, конечно, вечер, утро. Замечательно, что ночь вовсе не названа, хотя говорится о первом космическом дне

как сроке и продолжительности времени. Опять тут аналогии вечному инстинкту субъективизма и интимности — главного не *называть*, не *изображать*. «Вечер» и «утро»: среди них — безмолвие. Есть заря, утренняя и вечерняя: солнце увидит тот, кому нужно.

Еще заметка: мир, по талмудическому преданию, был создан *весною*, а сотворение Адама — *в пятницу 1-го марта*. «Мы созданы вчера, в шестой день: сегодня, в седьмой, мы ответно создаем Богу». Создание мира Богом и рождение каждого человека отцом и матерью связывается в один узел. До чего это постижимо: какой камень неразбиваемый — весь юдаизм! От него нельзя отщипнуть крошечки, чтобы не развалился он весь; но он развалится — мир развалится:

«Если храм Сераписа развалится, мир не удержится», говорили жители Мемфиса, знавшие тайны свои мемфисские жрецы. Стены дрожали под римскими осадными машинами. Во дворе храма пальмы качали свои ветки: каждая ветка — «храм Сераписа», «все живое — храм Сераписа». «Серапис — живой». Жизнь — Душа. Душа преобразует Хаос в Космос, как красоту и мысль. Апостол, имевший зрительное впечатление от живого еще Египта, сказал: «Моисей оттуда вынес свою мудрость» (Деяния, 7, 22), по крайней мере — главную. Действительно, множество мест *Исхода*, *Второзакония*, *Левита*, *Числ* повторяют и повторяют один мотив: все рождающееся, не от человека только, но и от животных, — рождается Богу («все разверзающее ложесна у всякой плоти — приносят Господу; из людей и из скота», *книга Числ*, XVIII, 15; или в одном месте *Исхода*: «все разверзающее ложесна — Мне, — говорит Господь»). Рожденное есть жертва; расчленим яснее: *существо* рожденное — вещь жертвы, самое рождение и, конечно, в альфе его — зачатие есть жертвоприношение, ноуменальный гимн Богу. Тварь и Творец бесконечно, теснейшим узлом завязываются: человек — не отрываем от Бога, Бог не может покинуть человека. Но перейдем к «безмолвной» части седьмого дня, или, так как она неизречкаема и неизображаема, перейдем к предуготовлению к ней — вечеру с пятницы на субботу.

V.

В моих руках интересная рукописная книга: «Автобиография православного еврея. С приложением:» Букет, или Перевод талмудических рассказов, анекдотов и легенд;

таковых же и других еврейских авторитетных книг, — сочинение Семена Ильича Цейханштейна», в лист формата, страниц 296—192, написанная евреем, перешедшим в православие в 40—50 годах, исполненная ума и наблюдательности, и написанная по совету местных епархиальных астраханских владык Хрисанфа и Феоноста. Автор подробно рассказывает житье-бытье своих родителей; и вообще тут много *быта и подробностей*, осуждаемых автором, но рассказываемых им, местами вызывающих негодование, или смех, но не утаиваемых. Автор болит душой; нельзя не почувствовать, что это глубоко несчастный, запутавшийся душою человек, непонявший *обоих* морей, в которых он плыл в разные половины своей жизни. Так как книга эта, вероятно, никогда не увидит свет печати, то, по братству человеческому, не можем отказать себе в удовольствии привести здесь одну (187—188) страницу, как-то попутно вырвавшуюся у него *о себе, о русских евреях*.

«Нет, родные, дорогие мои, русские люди! уверяю вас, что крещеный еврей — не жид, и жидом не может быть уже. Он, крещеный еврей этот, есть именно тот Евангельский христианин, который, чтобы следовать за Христом, оставляет отца, мать, братьев, сестер и всех родных и вслед за Ним несет на себе (sic) свой тяжелый крест». «Тяжелый крест»... именно: тяжелый, как тяжелее не может быть.

«Бывшие его единоверцы, евреи, ненавидят его до глубины души, как проклятого отступника, мешумеда, и, если бы от них зависело, закидали бы его камнями (NB: «мы — Божии, он теперь — дитя сатаны»). Те же, к которым он так душевно, радостно примкнул, ожидая от них братского приема и христианской, родственной любви, люди русские — пренебрегают им, призирают его, сравнивая с собакой с отрубленным хвостом, и при всяком, удобном или неудобном, случае посылают по адресу его позорное слово: *жид*. И везде, везде он слышит за собой эту позорную кличку, на улице ли, на базаре ли, дома ли, в гостях ли: *жид, жид, и жид* (NB: «мы — дети Божии, он — бывшее дитя сатаны»). Даже в Божием храме, когда он стоит в толпе молящихся и благоговейно слушает слово клира, он позади себя слышит щемящий сердце злобный шепот: это — *жид крещеный*».

«И одно только утешение этому *крещеному жиду*, когда он устремляет томный, грустный взор свой на лик Спасителя: — *Ты, Господи*, — шепчет он про себя (sic), — *как я*

страдаю за Тебя и ношу свой крест, следуя за Тобою. — Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем».

Выразительно. Беру другую книгу — «Замужество Ревекки», прекрасный этнографический очерк неизвестного автора книги «Среди евреев», г. Литвина. Мы сейчас войдем в цикл «омовений» — того, за что по Талмуду (см. выше) евреи более полагали души свои, нежели за Храм и Иерусалим. Тут я расхожусь с Цейхенштейном и Литвиным, и где они хотели бы смеяться — цитирую более чем сосредоточенно:

«Едва ли вы, русские, — рассказывает Цейхенштейн (и согласно с ним Литвин), — имеете понятие об еврейской знаменитой микве, составляющей религиозную необходимость, как для мужчин по пятницам и другим канунам годовых праздников (NB: которые все, значит, имеют темп и дух субботы), так и для женщин после ныды, т. е. после периода месячного очищения, без которой — этой пресловутой миквы — муж не вправе приближаться к жене для сношений...» Следовательно, мы микву прямо можем рассматривать, как *очищающее и разрешающее* сношение омовение, или, пожалуй, — как *освящение водою на сношения*. Литвин замечает, что евреи зовут ее «святою миквою», что очень нужно помнить, и подробно описывает принудительное погружение в нее ребенка Ревекки в вечер перед замужеством. Судя по отвращению и удивлению Ревекки, можно думать, что если бы случилась в еврействе (кажется, таких нет) старая девушка, она не вправе была бы погружаться в микву, так как ей *не перед чем это делать, не на что разрешаться и освящаться*.

«Так называемая миква — это купальня... В вырытую глубоко в земле квадратную яму, длиной и шириной сажень 4—5, опущен на железных цепях деревянный ящик, размером немного меньше самой ямы, так что этот ящик, пол которого продырявлен для набирания в себя подпочвенной колодезной воды, крепко стоит на своем месте, едва заметно качаясь. Дабы купальщикам и купальщицам было удобно мыться и в холодное время, в помещении над купальней устроена печь, в которую вмазан большой, емистый, чугунный котел, из которого посредством одной или двух труб впускается в купальню, по мере надобности, горячая, кипящая вода. К ней, самой купальне, сверху идет узенькая лестница, ступеней в 15—20, — вот, в сущ-

ности, все устройство этой миквы, о которой не стоило бы говорить, если бы не вот что:

«Суть дела в том, что от этой купальни несет такое нестерпимое зловоние, что непривычному человеку не только что мыться в ней, — мимо идти нельзя, не зажавши рот и нос». — Заметим, что сообщение это особенно любопытно для определения истинной цены всеобщего и упорного утверждения о *гигиеническом* значении обрезания как средства быть всегда чистоплотным. — «Происходит же это зловоние оттого, что в купальне, *в одну пятницу*, пребывают тысячи человек; и весь этот люд, каждый особо, оставляет там накопленный на его теле в течение недели грязный вонючий пот». — По-видимому, автор еще думает, что сюда сбрасывают пот, что здесь *физиологически* очищаются, а не религиозно посвящаются: но для чего же не чистою водою мыться, омываться, а этою до пес plus ultra телесною, телесно-загрязненною? — «Несмотря на все это, т. е. на ужасное зловоние, евреи с особым наслаждением моются в этой микве, окунувшись с головой по несколько раз в омерзительной влаге, *произнося каждый по несколько раз* с особым чувством и расстановкой — *леховед шабес*, т. е. в честь субботы. Мало этого, они, блаженные евреи, *после себя, перед сумерками, посылают туда своих жен*, что бы они поочистились (NB ???!), помылись после известного очищения и *пригодились бы для известной цели*». О, суета сует.

Литвин добавляет, что в резервуаре этом вода «по привычной нечистоплотности евреев» не переменяется по несколько месяцев; и в художественной части рассказа передает, что трижды обязанная погрузиться в воду невеста-Ревекка, совершенно задыхаясь, получила еще приказание *прополоскать водою этою рот и сделать один глоток ее*. Литвин же отмечает «св. миква», «св. миква», и мы не можем не верить простому его сообщению. — «За это мы полагали душу, как за Храм, и даже больше, чем за Храм». Исследований о Храме, его плане и мельчайших деталях архитектуры, украшений сосудов и всей утвари — множество в европейской литературе, и еще больше — о еврействе как мировом сфинксе; но, кажется, нет и даже наверное нет (в каталогах не попадалось) ни одного исследования миквы. Очевидно, *себя* евреи совершенно иначе и с другой стороны чувствуют и понимают, нежели их — *европейские ученые*. Евреи почти показывают себя: «*вот — миквы, это — мы*»; ученые, зажимая нос, проходят

мимо и погружаются в изыскания, за которыми мы не станем следить... Единая суббота, единая миква! Суббота — от края до земли, и как солнце течет, земля поворачивается меридианами под солнцем, — так в Иркутске, Томске, Тюмени, Нижнем, Москве, Шклове, Вене, Париже, Мадриде, Нью-Йорке, Сан-Франциско — идет, наступает, грядет могучее «*леховед шабес!*» — «*в честь субботы!*». — «Помните субботы, суббота — Господу!» Они... нет, *они* и *оне*, всегда «муж и жена», каковыми «сотворил человека Господь», — опускаются в микву, и так странно опускаются, с полосканием рта, глотком — дабы и внутри себя освятиться. Брашман, в *Книге кагала*, опять делает важное дополнение, что еврейка, погружаясь, так непременно должна погрузиться, чтобы *в воде скрылся конец волос*: он не замечает, что для этого она должна *низко присесть и совершенно раскрыться*... Но что же делает воду «святою?» Почвенность ее? но ее разбавляют горячей водою, уже, очевидно, не почвенною. — *Самые погружения ее и освящают* (наша гипотеза), они создают священство воды: и здесь разгадка, зачем ее несколько месяцев не меняют, пока она не становится почти липкою и совершенно более неудобною для погружения (о липкости — упоминает Литвин). Мы же говорим, что все тут *обратно* нашему, и степень для нас величайшего загрязнения, для еврея есть степень величайшей святости. Это — «обрезанная» вода, *вóды* и *вóды* обрезания, что заметно по подробности погружения, отмеченной Брашманом. Солнце пойдет над землею, и мы... погрузимся «обрезанно», но предварительно «обрезанно» погружаемся в св. микву. Да зачем она *одна*? «Мы» — одно, и не духовно, не через исповедание, а телесно — одно. Тайна тайн «миквы» заключается в таинственном всеобщем *кожном* через нее прикосновении каждого еврея и еврейки *ко всем и всех* — к каждому. Каждый немножко, и страшно своеобразно, причащается (сделай даже глоток!) бытия всех, всего тела целого еврейства данной местности, ибо нельзя же — целого мира, хотя нужно было бы именно целого мира! Суббота — день таинственных прикосновений, и в них входят через первое — в микве. «Тут — и дочь моя! и супруг ее — мой зять! и уже внуки — и с ними я, 70-летний, юнея около них!». Почти звуки истории Лота и по крайней мере истории Авраама, даже с подробностями его дружб и союзов. На протяжении нескольких месяцев, полощась в микве, я — как монета, опущенная в гальванопластическую ванну, покрывается налетом невидимо в

ней растворенного золота, — покрываюсь налетом в сущности каждого, о ком побрежжит моя мечта: и выхожу в своеобразной юдаической позолоте. — «Св. миква, — восклицают они; — о, это так дорого, что пусть лучше возьмут Сион, разрушат храм, — но не отняли бы пахучей — сестрами, братьями, сыновьями, дядями пахучей — влаги». «Если этому не удержаться, миру — не удержаться», как формулировали мемфисские жрецы. Ибо это — *возбудитель* мира, без коего он — уснул бы, умер бы. В роковой день, как мать... нет, как «родимая моя матушка» поймала Цейхенштейна с Евангелием, данным ему англиканским миссионером, она, рассказывает он, «пришла веселая-веселая откуда-то, верно — из миквы», — так образно и пластически, конечно, из тысячи наблюдений собранное, передает он впечатление. Миква — это радость! Это — *возбудитель*! Вот — *живая* вода, которую втихомолку провез в исповедальни и католический аскет. — «О ней живем и движемся». Кто проследил человеческие мечты, и воображение, и даже, может быть, в самом деле гальванопластические *токи*, возбuditельно золотящие, которые от меня бегут ко всем и от всех ко мне, и я ловлю в них, что *нужно* мне, или они *улавливают* и *покоряют* себе меня?..

VI.

Здесь мы сделаем на минуту отступление, соблазняемые археологическим сближением, на которое не имеем точного научного права, но как-то обоняем здесь возможность хоть какой-нибудь аналогии. В классическом исследовании профессора киевской духовной академии А. А. Олесницкого: «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (см. «Православный Палестинский сборник». Издание Православного Палестинского общества. Том V. Спб., 1889 г.) в части, посвященной Скинии Моисеевой, есть описание следующей ее детали: «Во дворе Скинии* стоял особенный

* С к и н и я — термин, который русскому слуху *ничего* не говорит, ибо от него нет *производных* слов в русском языке, которые бы разъяснили смысл слова. Таким образом, это *термин*, а не слово. У Мандельштама в *буквальном* переводе Пятикнижия, везде стоит «Шатер-собор» вместо «скиния». Но наше слово «собор», в смысле *главного* городского храма, было вовсе чуждо евреям, имевшим всегда только *один* храм. Идея «единобожия» не допускала их до построения *многих* храмов. Применяясь к еврейской терминологии, скиния была «Хуппой Господней», Святым Шатром Божиим и «свидения» человеков с Богом (в открытых ее частях).

сосуд для омовений, и притом в равной близости к жертвеннику всесожжений и ко входу самого святилища («между тем и другими», говорит библейский текст), чтобы священники, пред вступлением в скинию и пред прикосновением к жертвеннику, каждый раз предварительно омывали руки и ноги (ноги — потому, что на святом месте, даже во дворе, ходили без обуви). Впрочем, в библейском тексте *сосуд для омовений описан менее всех других сосудов**. Из двух упоминаний о нем, первое, в законодательном описании (Исход, 30, 17—21)**, говорит только, что он был сделан из меди и состоял из двух частей: верхней, или собственно водохранилища, или бассейна, не указанного объема, имевшего, как полагает предание, круглую форму, хотя его еврейское название может равно относиться и к четырехугольному сосуду, и из нижней части, называвшейся подставкою. Хотя подставкою здесь могла служить простая медная плита или ножка, но иудейское предание дает ей особый вид, предполагая в ней невторостепенную часть сосуда, какою могла быть простая подставка, но часть столь же важную, как и верхний бассейн. Если верхняя часть была водохранилищем, то нижняя была именно тем умывальником, в котором совершались требуемые законом омовения, и, подобно подставкам Соломона, должна быть представляема в четырехугольной форме. Сообщение между верхним водохранилищем и нижнею частью, по иудейскому преданию, совершалось при помощи особенных крапов, двух или даже четырех, так что одновременно им могли пользоваться несколько лиц. Основанием такого предания послужило, собственно, то соображение, что омыться

* И, между тем, «за омовения — мы полагали жизнь свою». Очевидно, краткословие Библии есть симптом не *мелочности* предмета, но его *сокрытости*. Как еще более сокрытое имя Иеговы евреи не произносили вовсе, а писали его без гласных букв, как мы «и т. п.» вместо и «тому подобное».

** «И завещал Господь Моисею, говоря: «сделаешь ты также медный таз для омовения, с медным же подножием, поместишь его между шатром собрания и жертвенником, и нальешь туда воды. Аарон же и сыновья его пусть умывают из него свои руки и ноги. При вступлении своем пусть умываются они водою, чтобы не умереть им; или же когда будут подходить к жертвеннику, по службе, для воскурения огненной жертвы Господу: тогда пусть омывают они руки и ноги свои, чтоб не умереть им; и да будет это для них вечным постановлением, для него и для потомства его, по их поколениям». («Тора», буквальный перевод Л. И. Мандельштама. Берлин»). В отмеченных курсивом местах есть сходство слов-оборотов с теми, в каких было установлено *обрезание и суббота*.

одною и тою же водою можно только раз и что, следовательно, омывть руки или ноги в самом бассейне было невозможно, и гораздо удобнее было пользоваться струею воды из крана.

«Из некоторых мест, например, *Числ 5, 17*, видно, что для омовений воду черпали из верхнего бассейна глиняными сосудами. Неосновательно также в разных новейших археологиях восстанавливают тип Моисеева умывальника на основании *аналогичных сосудов, открытых в Ниневии*: При совершенном отсутствии данных, ни в одном из открытых ниневийских умывальников нельзя видеть сходства с умывальником Моисея».

«Второе упоминание в книге *Исход, 38, 8* [«И сделал он таз из меди, и подножие к нему, из меди же, из зеркал *рожениц*, собиравшихся у дверей шатра собрания», пер. Мандельштама] о медном умывальнике Моисея делает весьма важное прибавочное замечание, что он был сделан из *зеркал многих женщин**, собственно, *толпы женщин, или женских сборищ, которые толпились у ворот скинии собрания*. По примеру LXX толковников, Филон, Иосиф Флавий, Ионафан и все иудейское предание понимает здесь именно женские зеркала. «Во время Моисея», говорит Спенсер в объяснение этого места, «знатные еврейские женщины, привыкшие, по египетскому ритуалу, ходить в храм Изиды с зеркалом в левой руке и цитрою в правой, продолжали носить зеркала, как некоторую священную принадлежность, являясь в скинию Моисея. Чтобы положить конец этому обычаю, Моисей собрал египетские зеркала и сделал из них умывальник» (*De legibus hebraicis ritualibus, IV, I, 1092*). Но что значит выражение: *сделал из зеркал*? То ли, что зеркала, делавшиеся в древнее время из какого-либо полированного металла, между прочим, из меди, были совершенно переплавлены, подобно тому, как были переплавлены женские серьги в золотого тельца (Луидий, Кейль, Генгстенберг), или то, что зеркала только между другим материалом вошли в состав нового сосуда, и вошли, не теряя своего вида, как внешнее украшение были припаяны к умывальнику? Последнее понимание находим уже у Филона, который говорит, что священники, умывая руки в умывальнике, смотрелись, вместе с тем, в бывшее тут же зеркало, припоминая, не кроется ли чего-либо дур-

* Олесницкий не замечает особой важности термина еврейского текста «рожениц».

ного в их сердце... Но есть и еще объяснение этого места (*Исход, 38, 8*), по которому здесь указываются не зеркала, а другого рода изображения. В русском переводе книги *Исход* данное место переводится так: «и сделал умывальник и подножие его из меди с изящными изображениями, украшавшими вход скинии собрания». Таким образом, вместо древнего перевода (славянского): *из зеркал бодрствующих женщин...* получилось в русском переводе *с изящными изображениями*. Какого рода были эти изображения, видно из следующих слов русского перевода: *украшающими вход скинии собрания*. Вероятно, здесь предполагается, что умывальник был украшен не зеркалами, а изображениями херувимов или волов, фигурировавших позже на умывальниках Соломона. Расположенность к такому объяснению данного места можно встретить уже у древних толкователей. Так, например, на реставрациях Витция Моисеев умывальник имеет 4 крана в виде четырех голов херувимов Иезекииля. Таким образом, представленный русский перевод, хотя отстает от перевода LXX и иудейского предания, не противоречит духу законодательства о Скинии и оправдывается устройством Соломоновых сосудов для омовений (NB: это — большой уже бассейн, краями стоящий на крупах двенадцати быков, головы которых обращены наружу, см. *Олесницкий же*, стр. 328 и след.). Но совершенно другое нужно сказать о переводе данного места у Кнобеля: «и сделал умывальники... с портретами женщин (жен левитов), приходивших сюда для очищения сосудов». И сам Кнобель сознается, что этот перевод противоречит обычаям ветхозаветного святилища. Нельзя представить ничего более дикого, как женские портреты на священном ветхозаветном сосуде, когда всякие изображения земных существ были запрещены законом Моисея и когда доступ к месту умывальника был запрещен женщинам. Тоже нужно сказать и о переводе Ригма: «с зеркалами для пользования служивших в скинии женщин». Женщины не несли таких служб при скинии, для которых им нужно было бы здесь умываться и одеваться перед зеркалом.

«Об обращении с умывальником при снятии с места лагеря и скинии в еврейском тексте ничего не говорится. Но LXX и самаритянское Пятикнижие в *Числ., 4, 14* имеют такую прибавку: «и пусть возьмут пурпуровую одежду и покроют умывальник и подножие его». Таким образом, умывальник имел такую же обертку при перенесении его, как и жертвенник всесожжения»... (*Олесницкий*, стр. 37—40).

Вот один из секретов юдаизма, в которых так очевидно путается компетентнейший исследователь. Зачем Аарону и «сынам его, и потомкам» не омываться бы тщательно дома, и, уже умывшись и омывшись, входить чистыми в скинию? Зачем здесь умываются? Что это: контроль омовений, «*пусть умоются на наших глазах, иначе не поверим*»? И неужели входили они еще не *умытые*? Почему, наконец, не поставить было таз совершенно вне скинии? Но человек освящает храм, самым существом своим, самым телом своим: и пустой храм уже есть место географическое, а не жилище Божие; ибо не для кого и Богу здесь обитать. Еще не было никогда храма без человека... Такой храм был бы без-животен, без-житен и eo ipso без-божен, ибо Бог в жизни и жизнь в Боге. «Пусть омоются тут, перед лицом Моим», вот бесспорное, что мы имеем в тексте. Это, относительно священников сказанное, есть как бы квадрат другого повеления, сказанного относительно всего народа: «пусть дважды в год каждый израильтянин явится в скинию *перед Лице Мое*». Ведь скиния-то названа «скиния свидения» (человека с Богом) и омовения эти суть часть ритуала «свидения». Второе — две части сосуда: нижняя, куда ставились ноги при омовении, и верхняя, наименованная в еврейском тексте «таз», где производилось другое омовение. Нужды этого другого омовения, уже не ног, и требовали сосуда на некоторой высоте поставленного (на ножке) и в то же время открытого («таз»). Мы можем предполагать в тексте умолчания, на это намекают «зеркала рожениц». Зачем они? Какой-то конец, после начала (описание сосуда), между которыми опущена середина, и потому так непонятно все. Но во всяком случае: вода, роженица, омовение, с благоговением покрываемое, при перенесении, царственным пурпуром — вот три стихии сосуда, внутри скинии находящегося; и это суть те самые стихии, которые мы, после тысяч лет преобразований, жизни, бытия, все еще открываем в микве, вода-же, роженицы-же, омовения-же. «Матушка моя радовалась, приходя из миквы», рассказывает наш смиренный автор-перекрещенец, и в его восклицании нам слышится лучший комментарий, чем у ряда ученых, от Филона до Неймана, слова которых мы привели. Ибо ведь суть-то и секрет, во всяком случае, не в том, из чего и как омыться, а в самом омовении, жажде его, радости от него; и бездне новой и непостижимой для нас психологии, с этим связанной; ибо для нас... омыться в церкви перед Богом, для угождения Ему — не-

постижимо, не вытекает из всех представлений Бога! Что «Чистому Духу» до наших телес?! Нет связи. А где омовение *есть*, — оно связуется с идеей Бога, Единого, но Который не чисто или не исключительно духовен, не абстрактно духовен. «И *вдунул* в лицо наше (Адама) дыхание *жизней, душу бессмертную*». Сейчас мы будем продолжать о субботе, пока же заметим, что около *египетских храмов непременно находилось озеро*, т. е., собственно, *вырытый бассейн*, так как натуральных озер в этой части Египта нет.

VII.

«...Так проходили у нас в доме пять дней недели, считая от воскресенья до пятницы. В самый же день пятницы порядок несколько видоизменялся. Известно, пятница — канун святой субботы, и всякий добрый еврей должен готовиться к встрече ее как дорогой *гостью, царицы*»...

Вот — новое, абсолютно новое для нас, в цикле нашего теизма вовсе неизъяснимое: праздник — *олицетворяется*; он есть — *лицо*; он есть *лицо женского пола*. И «встретить праздник» для еврея не значит сложить руки и ничего не делать, но, напротив, значит начать хлопотать, готовиться, готовиться. «Гости идут»: труда будет много хозяевам, хотя — веселого труда, радостного. Когда появляется «гостья», «царица» — может быть, труд будет даже сладостен. Ее *любят* и в нее могут быть даже *влюблены*, иначе зачем бы упоминать ее пол; просто сказали бы: «кто-то в гостях у нас».

«В дни пятницы отец не засиживался по утрам в синагоге до часу дня, а выходил много раньше, часов этак в десять, и придя домой, тотчас садился завтракать; и позавтракав, тотчас принимался за приготовления к встрече *царицы субботы*».

«Первым долгом он принимался за дело обрезания ногтей пальцев рук. Обрезание ногтей вовсе не такая пустая вещь, над которой не стоило бы задуматься доброму еврею. Обрезание ногтей — главное, пальцев рук, — имеет немаловажное значение в святой религии евреев — оно требует серьезного внимания, осторожности и обдуманности».

«Так, например, обрезание ногтей должно совершиться непременно раз в неделю и именно в пятницу — канун

святой субботы*. Затем: обрезание должно начаться с правой руки и непременно с большого пальца и кончатся мизинцем левой руки. Дальше, все десять обрезков ногтей должны быть завернуты в бумажку вместе с тремя свидетелями и преданы огню на всесожжение»...

« — Вы, возлюбленный мой брат, русский человек, христианин, чего испугались: «как это, чтоб живых свидетелей завертывать вместе с какими-то обрезками и зажигать!?!» — в ужасе восклицаете вы. — «Где это видано, где это слыхано, чтобы жгли свидетелей ни за что, ни про что?» — продолжаете вы негодовать с омерзением на такую бесчеловечность со стороны нехристов-евреев.

« — Не пугайтесь, милый друг», — спешу я успокоить вас. — «Это не живые свидетели. Эти свидетели не что иное, как маленькие, крошечные щепочки, отщепленные перочинным ножичком, одна из них от косяка двери, а две — от подоконника».

«Затем и последнее. — При операции обрезания ногтей необходимо остерегаться, чтобы какой-либо шальной обрезок не отскочил в сторону и не затерялся в мусоре. Если же, несмотря на все предосторожности, такой казус таки случится, т. е. так-таки отскочил один обрезок — и на пол, то тому, кому принадлежит этот обрезок, предстоит крайне неблагоприятный труд непременно отыскать его, во что бы то ни стало, и присоединить его к остальным обрезкам. Буде же, паче чаяния, таковой не отыщется, не смотря на все старания неосторожного обрезателя, — то ему, сему последнему, предстоит в будущем, т. е. после своей смерти, неприятное путешествие из могилы обратно в дом, где он жил — и непременно отыскать злополучный обрезок».

Мы, под впечатлением своего собственного изучения Библии, представляем себе евреев, сейчас и в древности, без легенд и сказок. Это для нас богослов, вечно серьезный и торжественный, не снимающий «эпитрахили» всемирного

* Вот в этих и подобных особенностях и содержатся не разобранные учеными намеки на невысказанный смысл субботы. Обрезание ногтей вплотную до тела есть тяжелая и пугающая операция над невестою перед самым браком, в вечер его; и повторяясь потом всю жизнь в пятницу, оно и указывает, «вот-вот» «грязущий в субботу» брак, сретая который каждая еврейка должна *приневеститься* и каждый еврей — *почувствовать и вести себя и приготовиться*, как жених... Заметим, что и микву девушка впервые в жизни погружается перед «вот-вот» браком, т. е. перед брачною ночью. Остригание у нее ногтей совершается в здании миквы, но перед погружением. «Стригусь — субботе, погружаюсь — в Израиля».

священства. Между тем ничего подобного сейчас и, конечно, в древности. Еврей имел быт; имел как ядрышко, так и скорлупу около себя: у него были свои *подробности* жизни. *Отвлеченность* бытия, ему приписываемая нами, есть наша о нем абстракция, есть плод алгебраической выжимки, какую мы производим над телом этого народа, чтобы извлечь из него сухой препарат наших теологических систем. Еврей суеверен и наивен, — уже потому, что он жив, живой, живет.

«Совершив все, как следует по закону относительно обрезания ногтей, отец спешил в микву, чтобы искупаться *«лековед шабес»*. — Далее следует приведенное нами выше описание «миквы». Но к *«лековед шабес»* автор делает под текстом страницы примечание, требующее всего нашего внимания. Надписав *«лековед шабес»* еврейскими знаками, он продолжает: *«лековед шабес»*, т. е. *в честь субботы*. «Благочестивый еврей, что бы он ни предпринимал для субботы, например, купил новую ложку для субботнего стола, *обязательно произносит эти два слова*. Есть такие благочестивые евреи, которые *при исполнении супружеских сношений с женами в субботние вечера произносят эти два слова, велев и супруге повторить за ними»*.

Следует заметить, что автор перешел в христианство юношею и брака еврейского *de facto*, на себе, — он не испытал и не знает. Он доносит до нас слухи, говор еврейской атмосферы. «Так бывает», он пишет; заметим, что сам он уже «интеллигент» и у него, конечно, «так» бы не было. Он описывает быт еврейской темноты, старого заплесневелого гетто, но он-то и драгоценен для нас, так как здесь тысячелетия не было христианских «новшеств», и вообще никакого ветра со стороны. Между тем «примечание» его, устраняющее спор о факте, имеет колоссальное историческое значение, будучи тою «водяною ниточкою», «водяным канальцем», который соединяет и сливает в один бассейн совершенно однородной влаги теизм евреев — с вавилонским, египетским и ханаанским. «В честь субботы», «в честь царицы субботы», какой-то небесной «царицы Савской», приходящей на этот день в гости к всемирно-историческому Соломону. У Геродота (I книга, глава 198) записано:

«Погребальные песни вавилонян походят на египетские... Всякий раз после сообщения с женщиною вавилонянин воскуряет фимиам и в то же время в другом месте это делает и женщина, с которою он был; так же, я наблюдал,

поступают и аравитяне. У вавилонян есть, однако, следующий отвратительный обычай: каждая туземная женщина обязана раз в жизни иметь сообщение с иноземцем в храме местной своей Афродиты. Многие женщины, гордые своим богатством, не желая смешиваться с другими, отправляются в храм и там останавливаются в закрытых колесницах; за ними следует многолюдная свита. Большинство женщин поступают следующим образом: в святилище тамошней Афродиты садятся в большом числе женщины с веревочными венками на головах; одни из них приходят, другие уходят. Между женщинами во всевозможных направлениях сделаны совершенно прямые проходы, по ним ходят иноземцы и выбирают себе женщин. Севшая здесь женщина возвращается домой не раньше, как иноземец бросит ей монету* на колени и сообщится с нею за пределами святилища. Бросивши женщине монету, следует сказать: *«приглашаю тебя во имя богини Мелитты»*. Мелиттою называют ассирияне Афродиту. Как бы мала ни была монета, женщина не вправе отвергнуть ее, пото-

* «Женщина приобретается монетою, договором и обладанием» — таковы три формы заключения брака у евреев, от глубочайшей древности и до нашего времени сохраненные. Из них первая и основная, наиболее правильная и законная, «священная» форма приобретения женщины «монетою» (не суммою, не ценностью, а монетою, как бы рублем) совпадает до буквальности с описанием у Геродота. А если добавить «лековед шабес», «в честь субботы», перед самым соединением мужа и жены, то происхождение еврейского брака от вавилонского поклонения Мелитте станет очевидно. Только мы не Меллиттою (о которой ничего не понимаем) должны истолковывать субботу, а субботою, как Лицом и праздником, должны истолковывать Мелитту, ее психологию и метафизику. Нужно заметить, что описываемый Геродотом обычай, которого уже не хотели исполнять знатные вавилонянки, очевидно, был не новый (тогда, при личной антипатии, он и не ввелся бы), а древний-древний: каждая вавилонянка хоть однажды в жизни обязана была повторить седую-седую старинку, руину древности, которая в то-то время была вероятно исключительною и всеобщою формою отношения полов. Мы хотим этим сказать, что институт брака, как части религиозного культа зародился, да и не мог иначе зародиться, как через посредство обычая, приблизительно такого, который описан у Геродота. Это есть первое отделение полового общения из суммы прочих физиологических актов; обособление его и возвышение; первое отделение человеком себя от животных, и самочувствие в себе мужа и жены иное, чем чувство в себе товарища, друга, соседа. «Совсем другое!» — как только произнес это человек о поле, так брак начался. Но поразительно, что с начатием-то брака, судя по описаниям у Геродота, началась и сама религия, религиозный культ. Что, опять, совпадает с Библией, по коей брак сотворен был в раю, до грехопадения, сейчас после сотворения человека, и, как исполнение заповеди Божией — он-то и начал религию.

му что деньги принадлежат божеству. Она следует за первым, бросившим ей деньги, и не пренебрегает никем. После сообщения и, следовательно, выполнения священного долга относительно богини женщина возвращается домой, и с этого времени нельзя иметь ее ни за какие деньги. Женщины, выдающиеся красотой и сложением, уходят из храма скоро; все некрасивые остаются там долго; иные принуждены ждать по три и по четыре года. Подобный обычай существует в некоторых местах и на Кипре».

Остановимся. Три тысячи лет — большое время для изменения, потери всех прежних форм и даже для исчезновения обычая, обыкновения, закона; однако, центральный момент описанного — «во имя богини Мелитты» — совпадает, в сущности, буква в букву, с «лековед шабес» — «в честь (царицы) Субботы». Здесь, по Геродоту, — долг, даже при отсутствии своего желания; и, как проговорился еврей в беседе со мною: «хороший тон еврейства *требует...* почитать субботу» характерным, для нас теперь непостижимым способом. Однако, сделаем усилие постигнуть. Мы вкушаем хлеб — и благодарим Бога; спим и, как ложась, так и поутру, вставая, — просим Бога об охранении нас от лукавого, благодарим Его за это охранение. Но здесь, в сотворении младенца, не гораздо ли более необходимо сберечься от лукавого: мы в этот миг даем зарождаемому существу способности, мы определим его душу, мы вдохнем в него благочестие или нечестие, неисправимое во всю последующую жизнь. Конечно, — это миг законодательный (даётся закон душе) и священный! Оспорим ли мы, что внимание и забота присущи и *должны* ему; что *очиститься* душою «перед» и возблагодарить Бога за душевную чистоту «после» суть в самом деле нечто мыслимое здесь, возможное, и наконец, что это — *должное*. Не *пасть* бы здесь, не *оскверниться* бы тут, помыслом, движением, шутками — и мы уже без труда сохранимся в чистоте остальное время. Мы тут проходим узенькою альпийскою тропинкою; один шаг неверный — и мы летим в пропасть (разврат): как же здесь, именно здесь не вспомнить Бога, не сказать хоть машинально — «Господи, помилуй!», «спаси и избави!», ибо *совершить-то* это нужно, но вопрос: как? — «Лековед шабес» — это и значит: «не я и не мое тут произволение», или, как молится Товия, оставшись наедине с Сарою, по указанию Ангела: «Ныне я беру ее, Господи, *не для удовлетворения похоти, но по*

истине»*. Кстати, есть кой-что в рассказе «Книга Товита», что напоминает и вавилонские «воскурения фимиама» (Геродот). Вот как учит Ангел Товию-юношу истине брака:

«Ангел сказал ему: разве ты забыл слова, которые заповедывал тебе отец твой, чтобы ты взял жену из рода твоего (NB: замечательна эта постоянная тенденция Израйля к родным узам в браке, к неотхождению через брак — вдаль от родичей). Послушай же меня, брат: Саре следует быть твоею женою, а о демоне не беспокойся: в эту же ночь отдадут тебе ее в жену. *Только, когда ты войдешь в брачную комнату, возьми курительницу, положи в нее сердца и печени рыбы и покури;* и демон ощутит запах и удалится и не возвратится никогда. Когда же тебе надобно будет приблизиться к ней, встаньте оба, воззовите к милосердому Богу, и Он спасет и помилует вас». Вот — религия; вот — религиозное окружение. Положим, здесь было исключительное опасение *известно* — присутствующего демона, но разве благоразумный человек не должен в каждом шаге жизни своей опасаться и ожидать встречи с демоном? козней дьявола? и здесь, именно здесь, — особенно? Итак, бывшее здесь, между Товиею и Сарою, потребно каждому и всегда.

Но мы продолжим вавилонские и египетские параллели из Геродота: «В одной части Вавилона за большою крепкою стеною находится царский дворец, за другою — храм Зевса-Бога, с медными воротами». Слово «Зевса» нас не должно удивлять, как *уравнивание, приравнивание* греком чужих имен к именам своего теизма; как пользование терминами, которые были бы понятны соотечественникам. «Этот храм — *четырёхугольник*, каждая сторона которого имеет

* В русском тексте перевода по обыкновению недоумение переводчиков и вставка: «беру не для удовлетворения похоти, но по истине, как жену»; как будто с женою нельзя впадать в *похотливость*, жить похотливо; и между тем мысль этого текста, всего еврейского и еще в древности вавилонского брака, и заключалась в устранении, в *сожжении* в браке момента «похотливости», дабы совершенно очистить его в сознании долга, воспоминаниях о родителях, в страхе Божиим. Посему Товия молится: «Благословен Ты, Боже *отцов наших*, и благословенно имя Твое святое и славное вовеки! Да благословляют тебя *небеса и все творения Твои*. Ты сотворил Адама и дал ему помощницею Еву, подпорою — жену его. От них произошел род человеческий. И ныне, Господи, я беру сию *сестру мою* (всегда это важное уравнение отношений и чувств к жене, супруге, и именно в эту *критическую* минуту, с чистейшими *по бескорыстию* чувствами к сестре) не для удовлетворения похоти, но по истине»... конечно, излишняя вставка о жене: «как жену»! Ибо именно взять-то нужно «жену, как сестру». (Книга Товита, гл.8).

две стадии; уцелел он до моего времени. Посредине храма стоит массивная башня, имеющая по одной стадии в длину и ширину; над этою башнею поставлена другая, над второй — третья и т. д. до восьмой»... Точно ли знал Геродот число ярусов? Мы же помним талмудическое: «и не говорите — понедельник, вторник, но — шесть дней до субботы, пять дней до субботы, два дня до встречи ее, день же седьмой — Господу»... «Подъем на эти башни сделан снаружи; он идет кольцом вокруг всех башен. Поднявшись до середины подъема, находишь место для отдыха, со скамейками: восходящие на башню садятся здесь отдохнуть. На последней башне есть большой храм, а в храме стоит большое прекрасно убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакого кумира в храме, однако, нет. Провести ночь в храме никому не дозволяется, за исключением одной только туземки; так рассказывали мне халдеи, жрецы этого божества» (кн. I, гл. 181)... «Они же, эти халдеи, мне рассказывали, — чему я, однако, не верю, — будто само божество сходит в храм и поживает на ложе; нечто подобное и точно таким же способом совершается в египетских Фивах, как мне говорили египтяне; и там, будто бы, ложится спать женщина в храме Зевса Фивского, причем ни эта вавилонянка, ни эта фивянка не имеют сношений с мужчинами».

«Сходит Бел к женщине». Нужно иметь в виду начертание: «б'Эл», где «Эл» есть то же, что «Эл'огим» Бытия, как это давно выяснено филологами. Но и затем, что он, как не мужское дополнение «св. Субботы», «царицы Субботы» и, очевидно, царицы не земной, а трансцендентной, небесной, в сущности, неизъяснимой и мистической?! Если есть «святая Суббота» и возможна, есть и возможен Бел; и когда ждут одну, можно ждать другого. В Фивах в Вавилоне и ждали «б'Эла»; а нам еврей в бесхитростной автобиографии рассказывает, как еще в царствование Николая Павловича его родители ждали «св. Субботу». Мистика и психология, нам не понятная, но которую мы можем узнавать, как бы взглядывая на лицо и сверяя особенности его с прописанными в паспорте. В «царице Субботе» мы находим Мелитту; а где есть Мелитта, не может уже не быть и б'Эла. Ибо нет дроби, которую не дополняла бы другая дробь: так как обе они из той же единицы.

«Придя из миквы домой, отец расчесывал гребнем влажные пейсы и бороду, причем не лишне будет сказать, что выдерганные гребнем священные волоски* этих еврейских украшений он тщательно берег, вкладывая их между страниц какой-либо священной книги, потом садился читать шир-гаширем»...

Еврей-биограф в ссылке под текстом переводит: «*шир-гаширем — Песня песней царя Соломона*». Так вот минута и настроение ее чтения, и вот смысл знаменитой книги: *певческое* начало, *поющее* начало Израиля; струна и смычок, приходящие в движение в каждом израильском доме в час, как вечереет, с пятницы на субботу. И мы прошепчем, но именно как старый еврей, *врождаясь* в него, перерождаюсь в него:

Глава 1, ст. 1. «Да лобзает он меня лобзанием уст своих. Ибо ласки твои — лучше вина!

Ст. 2. «От благовония мастей твоих имя твое — как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя.

Ст. 3. «Влеки меня, мы побежим за тобою; царь ввел меня в чертоги свои, — будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино. Достойно любить тебя.

Ст. 4. «Дщери иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы.

Ст. 5. «Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня: сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники. Моего собственного виноградника я не устерегла.

Ст. 6. «Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?»

Это как бы зов Лица-Субботы к каждому еврею, тоскливое взывание Царицы, мистически воющей уже с высот небесных. Дальше ответно — голос отсюда, голос еврея, пожалуй, — чтеца книги:

* «В Египте поклонялись животным»... (по Геродоту, *каждое* животное в котором-нибудь городе было предметом священнопочитания); да посмотрите на это *обожательное* отношение еврея к *волоску*, к *остриженному ногтю* и на какое-то *ритуальное* к ним отношение, и вы воскликнете: «да они почитают животное (*животный принцип*, принцип *живого*), как египтяне! и тельцы Иероваама у них не умирали!»

Ст. 7. «Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских.

Ст. 8. «Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя.

Ст. 9. «Прекрасны ланиты твои под подвесками; шея твоя — в ожерельях;

Ст. 10. «Золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блестками».

И опять голос сверху, перебивая нижний:

Ст. 11. «Доколе царь был за столом своим, народ мой издавал благовоние свое.

Ст. 12. «Мирровый пучок — возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает.

Ст. 17. «Как кисть кипера, возлюбленный мой у меня в виноградниках Енгодских».

И снова — ответ; ритм — короче, т. е. чаще. Мы слышим почти восклицания:

Ст. 14. «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои — голубиные!

Ст. 15. «О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! и ложе у нас — зелень!

Ст. 16. «Кровля домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы».

Мы, европейцы, берем у Соломона вовсе не то, что для него индивидуально, а берем нам сродное — *Экклезиаст*, потому что он напоминает нам мировую скорбь множества наших произведений, и берем еще «Книгу Премудрости», из которой извлекались прописи для бесчисленных византийских «Домостроев». Мы взяли у семита родственное арийцу, и, попав пальцем в небо, восклицали: «эврика!» Но вот *еженедельно* семит берет одну из Соломоновых книг; мы заглядываем — которую? верно, он почувствовал мировую скуку? или хочет дать урок детям? Нет, пришел день любви и он берет книгу любви. Мы ниже увидим из биографии нашего еврея, какой это верующий, какой монах юдаизма. Теперь же будем следить его дальнейшие шаги.

«Покончив *шир-гаширем*, *Песнь песней*, отец тотчас принимался читать те семь глав Пятикнижия Моисеева, которые завтра, во время утренней молитвы, будут читаны в синагоге во всеуслышание. Затем он прочитывал толкование на эти пять книг на халдейском* языке, произведение

* Т.е. вавилонском.

известного толкователя Пятикнижия, некоего Инкелеса.

«Между тем солнце начинает уже заходить*, и нужно спешить в синагогу на молитву. Отец сбрасывает с себя будничную одежду и обувь, наряжается по-праздничному, берет молитвенник — *Сидер* подмышку и отправляется в синагогу».

Здесь автор прерывает рассказ, ссылаясь на воспоминания детских лет, где дано пластическое впечатление от субботы; т. е. где он рассказывает не как знающий, а как зритель. Но мы будем ловить, что можем:

«До сих пор, несмотря на шесть десятков лет, ушедших и канувших в Лету, мне часто с грустью о давно и безвозвратно минувшем вспоминается то блаженное, детское время, когда в субботние вечера сживал вместе со всем нашим семейством — отцом, матерью, братом и сестрою и нередко ойрехем — за роскошно убранном столом». — К слову «ойрехем» автор делает пояснительное замечание: «так называются странствующие из города в город евреи для приискания себе пропитания. Евреи никогда не отказывают таковым неимущим в куске, в особенности на праздники, сажая их с собою за стол». Вот плод любви, не нашей словесной, но кровной и фактической: в день субботний никто да не будет вне крова. Продолжаем описание: «Как теперь помню, день пятница вместе с заходом солнца заходил тоже в вечность, и наступала желанная, целую неделю жданная *Царица Суббота*». Здесь снова два примечания автора, к времени начала субботы и к словам о самой субботе: «У евреев сутки начинаются с вечера и кончаются вечером же» (т. е. у них суточный центр — ночь, в противоположность центру — дню при нашем часоисчислении); «евреи иначе не называют *Субботу*, как *Царицею*». Теперь опять продолжаем самый текст: «Мы, отец, брат и я, наряженные по-праздничному, в шелковых капотах, опоясанные шелковыми же кушаками, в белых чулках и глянцевых сафьяновых башмачках, в шапочках штраймелех на головах поверх ермолок — чинно, важно, молчаливо, с молитвенниками — *сидеры* — подмышкой, шествуем в ряд в синагогу. Синагога большая-пребольшая, но она быстро наполняется

* У нас службы церковные текут по стенным часам, и, не переменаясь по времени года, не имеют отношения к солнцу, ни — к земле, а к гражданскому времяисчислению. У евреев — не час, а солнце и минута его жизни определяет молитву.

народом, так что становится тесно и довольно душно; но порядок не нарушается, и молитва идет своим чередом. Домой из синагоги возвращаемся тем же порядком, с прибавлением душевной радости, что удостоились встретить Царицу Субботу, величаемую в песне *Лайхо дойды* — *Невестою Бога*. Здесь опять у автора замечание: «Вечерняя субботняя молитва в синагоге начинается оригинальною песнею под названием Лайхо дойды. В этой песне Бог именуется дядею (NB: т. е. именуется в отношении каждого еврея братом его отца, в чем скрыта или тайно указывается та мысль, что, рождая, каждый отец уравнивается, становится братом Богу, во всяком случае, «богоподобится», «богоравняется»). Если принять во внимание необыкновенную высоту и страх по сей час евреев перед самым именем Божиим — это представление, не мальчишеское же, поразительно), а Суббота — невестою, и говорят: «Иди, дядя, встречать невесту», и вслед за этим, в стихах, перечисляются все достоинства невесты: красота, душевные качества и т. д.»

Автор не приводит самой песни, но нам посчастливилось достать ее русский перевод. Вот он, — хотя у нас нет сил проверить столь важные здесь мельчайшие детали языка и мысли:

Гимн Субботе — Шламо Галеви (имя автора).

«Пойдем, друг мой, навстречу невесте и да приветствуем ее в лице Субботы».

«Соблюдай» и «помни» (т. е. ее, субботу) — в одном изречении дал нам услышать Бог Единый, Господь Един, и Имя Его едино в чести, величии и славе.

«Пойдем, друг мой, навстречу невесте и да приветствуем ее в лице Субботы».

«Навстречу Субботе да поспешим, ибо Она — источник благословения, от начала бытия Она освящена, Она — венец работы, о котором мечтал при ее (работы?) начале».

«Пойдем, друг мой, навстречу невесте и да приветствуем ее в лице Субботы».

«Святилище Царево, град Престоольный, — восстань и выйди из-под развалин; полно пребывать Тебе в долине плача, и Он милостиво пожалеет тебя».

«Пойдем, друг мой, навстречу невесте и да приветствуем ее в лице Субботы».

«Пробудись, пробудись, ибо наступает рассвет (NB: ведь наступает ночь; итак, сумерки наши суть рассвет юдаический, начало мистического их Восхода Солнца),

встань и просветись; проснись, проснись, запой ты, ибо Слава Божия воссияла над тобой».

«Пойдем, друг мой, навстречу невесте и да приветствуем ее в лице Субботы».

«Не стыдись и не красней! Что унываешь ты и что сокрушаешься? В тебе найдут приют бедные народа моего, и вновь воздвигнется город на руинах своих».

«Пойдем, друг мой, навстречу невесте и да приветствуем ее в лице Субботы».

«И станут добычею грабители твои, и удалены будут все твои притеснители; вновь возрадуется о тебе Бог твой, как радуется жених о своей невесте».

«Пойдем, друг мой, навстречу невесте и да приветствуем ее в лице Субботы».

«Вправо и влево ты проникаешь и прославлять будешь Господа. Водимые мужем, сыном Парца (Мессия?), мы обрадуемся и возликуем».

«Пойдем, друг мой, навстречу невесте и да приветствуем ее в лице Субботы».

«Воспрянь, отряхнись от праха, оденься, народ мой, в красивейшее платье твое; через сына Иессея из Бет-Лохми (— Вифлеем) душе моей приближается спасение».

«Пойдем, друг мой, навстречу невесте и да приветствуем ее в лице Субботы».

«Гряди с миром Ты (Суббота), венец своего мужа, с весельем, в торжестве. Приди, о невеста, войди, о невеста, в среду народа верного и избранного».

«Пойдем, друг мой, навстречу невесте и да приветствуем ее в лице Субботы».

IX.

Так оканчивается молитва, в тембре и колорите которой есть кое-что общее с *Песнею Песней*. Нам, арийцам, психология *изобретения* этих звуков, мыслей, обращений — непонятна. Для нас это только документ; документ быта, веры, религии.

«И вот, — рассказывает нам автобиограф, — обратно из синагоги вернувшись, мы переступаем порог своего дома и здесь хором, сразу, произносим неизменное субботнее приветствие: *Гут шабес*. Мать наша, беленькая, чистенькая, в большом чепце *шлайер* на стриженной голове, вся сияющая от удовольствия, с ангельской улыбкой на устах, отвечает нам тем же приветствием, добавив: *и а гут йоер*. Мы под-

ходим к столу, не раздеваясь; на столе, покрытом белой скатертью, красуются четыре подсвечника из красной меди с зажженными четырьмя свечами. Они зажигаются в воспоминание о четырех праматерях еврейского рода — Сарре, Ревекке, Рахили и Лии, которые, по еврейскому преданию, были основательницами этого религиозного обряда, т. е. зажжения свечей в честь Субботы; почему это возжение всецело лежит на женщинах, и к нему не касаются мужчины. Возле свечей стоит объемистый графин с красным* вином и с ним в ряд три стакана, — а если у нас случался приглашенный *ойрех*, то четыре. Отец берет графин и разливает из него по стаканам вино; потом благоговейно, сосредоточенно берет свой стакан левой рукой и осторожно ставит его на ладонь правой руки; мы все присутствующие при этом члены мужского пола (женщинам это не предоставлено), следуем его примеру — и все разом начинаем читать *кыдеш* (особая молитва). Окончив *кыдеш*, мы умываем руки и, сбросив верхнюю одежду, усаживаемся уже вместе с женским полом, т. е. матерью и сестрою, вокруг стола по старшинству. На краю стола против сидения отца лежат рядом два белые хлеба-жгуты, так называемые *халесы*, покрытые белой салфеткою; возле них — нож и солоница со столовою солью. Отец благоговейно берет один из хлебов в левую руку, прижимая его к груди (NB: какая трогательность жеста, т. е. в смысле «и хлеб наш насущный, Господи, ты не отнимаешь у нас», и, тоже: «и насадил Бог... и сотворил... и умножил»...), а правой, прочитав предварительно вслух благословение *мойце*, разрезает его потом пополам, отрезает от одной половины порядочный ломтик, макает его в соль и откусывает полным ртом, жуя; тотчас же отрезывает нам всем по таковому же ломтю и все мы, подражая его примеру, т. е. тоже предварительно прочитав *мойце*, обмакнув каждый свой ломоть в соль, откусываем сколь можно больше и жуем. Затем начинается уже настоящая еда из нескольких рыбных, мясных и овощных блюд. Едим на славу. В промежутках блюд, все (т. е. только мужчины; женщина не может участвовать в пении вообще) поем шабашевые песни *Цыр машлой*, *Кол мекадем*, *Ма Иодгис* и т. д., и, наевшись и напившись досыта, прочитав вслух благодарственную молитву *Бырхас гамозен*, отправляемся все спать до утра»...

* Сколько мы постигаем, в религиозных обрядах красное вино всегда символизирует кровь.

«Это, — добавляет автор, — так называемая первая шабашевая трапеза — *Сеида*», и делает в сноске под текстом примечание: «Талмудом установлено, якобы по повелению Бога через Моисея, чтобы субботние трапезы были ни больше ни меньше трех. Три трапезы эти имеют до того великое значение у Талмуда, что если случается пожар в субботу, когда, по закону, еврею нельзя подойти к пожарищу и спасти что-либо из имущества, то пищу, приготовленную для трех трапез, однако, он может и даже должен спасти». Из примечания этого очевидно, что трапезы субботние, в сущности, есть ритуальные вкушения, откуда и вытекает их непеременимость и священное число *три*. Во всяком случае, до сего момента рассказа нашего автора — приуготовление к субботе, как бы одевание субботних — видимых одежд, за коими последует невидимое существо субботы.

Он о нем не говорит. Он вышел из еврейства юношею, во всяком случае — холостым, и как для семьянина-еврея ему еврейский культ не был открыт. Мы же отмечаем, что *празднование* у евреев субботы не имеет и приблизительно ничего общего с нашими *праздниками*, знаменуясь *разрывом* с шестью днями, *перерывом* общения с ними. «Суббота» сзади и спереди, т. е. в пятницу и воскресенье, окружена как бы поднятыми крепостными мостами. И с минуты, как они подняты, *переход* в субботу невозможен под страхом смерти, ни из субботы — в пятницу или воскресенье. Вокруг ров; кто упал туда — умер. Суббота есть тайна седьмого дня, есть день какого-то таинства, к которому наш автор рассказывает только приуготовления, ибо совершенно непостижимо и даже вовсе не нужно само в себе и для себя то, что он описывается. Обстриг ногти; вымылся священной водою; кратко, на минуту сходил в синагогу, где пропел *встречу* Субботе; и вот — дом и в нем стол, накрытый торжественно, на котором поставлены четыре свечи в память четырех праматерей, зажженных пятою теперешнею, в этом дому матерью семейства. Очевидно, все до сих пор *приуготовления*, к чему — автор не называет.

Суббота важна как обрезание и в *отношении* к обрезанию: вот обмолвки еврейских книг, которые указывают путь ищейке-историку. Ищи и здесь «обрезания», «обрезанного». Обрезание должно действовать, — *когда?* На это без слов указывает точка приложения ветхозаветной печати. Как действовать? на это-то и отвечает *суббота*, этому она

научает; в этот-то культ она и вводит. Иначе сказать, суббота есть способ и метод разрешения великой и даже мировой проблемы пола, которая, например, до известной степени разрешена и у нас в тысячелетнем и религиозном же институте брака. И у нас есть «обрезание»: точка его древнего приложения и у нас действует, должна бы действовать в некотором магическом круге, не переходя за его черту, каковой круг мы именуем *брак, таинство брака*. Перескочить за черту его, именно точкою «обрезания», и у нас значит умереть — оскверниться; продолжать жить этою точкою *после* брака — значит скверниться-же; *до* брака — значит опять скверниться. Итак, ров, стены, поднятые мостики — есть и у нас, но как *воображаемые и недействительные*, и потому именно, что у нас нет в еврейском смысле *суббот*, что, вместе с падением обрезания — пали и они, и мы внутри-то своего брака, по сю сторону магической линии совершенно не знаем и не умеем, *что, когда и как* в точках обрезания совершать. Во всяком случае, в важнейшие секунды своей семейной жизни каждый ариец только *физиологически, modo animalium* живет, а не священно, как это вытекало бы из проблемы брака и как не вытекает у нас. А если он *modo animalium* живет, то, очевидно, и проблема брака у нас не разрешена. Он есть явление гражданского порядка, есть определенное социальное положение: но задача-то его, *рождение* детей, не выполняется в браке иначе как и *вне брака*, с тою же суммою *внебрачных* ощущений и без каких-либо *специальных в браке приуготовлений*. Таким образом, у нас брак есть *церемония*, и именно *церемония вступления в социальное положение*; но *собственное* брака в нем так же и то же, что *до* и *после* или *вне* брака. От этого отсутствия специальностей в точке обрезания, конечно, она живет и до, и после, и вне брака, не нарушая церемонии и церемониальности семейного бытия, Отсюда разврат, развращенность арийцев и органическая их гибель (вырождение). Отсюда же вечна стойкость, и именно органическая, семитов. Обрезание есть религиозное устройство точек брака; но построить дом еще не значит жить в нем, и суббота есть священная жизнь точек брака. Отсюда идентичность субботы обрезанию, недействительность (*недействительность*) обрезания без суббот. Суббота есть *ритм*, есть *пульс бытия*, а ритмирующая *артерия* сжата кольцом обрезания. Понятна адамантовая прочность семьи и брака у евреев, вовсе независимая от церемонии венчания, да и не связан-

ная с нею, ибо венчание там зыбко и разрушается (так называемое «разводное письмо») при первом желании мужа и при слегка мотивированном требовании жены. Но весь тот специальный страх перед разводом, какой существует в Европе, существует вследствие мысли: «развод — это гибель брака и семьи», у евреев *этот* же страх существует перед субботою: «ее нарушение — гибель пола, гибель отцов, матерей, детей». Нет субботы — и настанет хаос половых отношений, настанет *modo animalium*; подобно, как в Европе — есть развод, настанет хаос свободной любви, *modus animalium*. Там и здесь будет разорвано кольцо, крепость, магический круг: но в Европе — лишь церемониальных форм и социальных связей, а у еврея — существа дела и самой плоти. Еврей все взял глубже; все взял в сути; европеец взял поверхностно и одни формы в той же области. Область же эта вековечная; область эта небесная и тайная.

Но раз суть религии у еврея, и еще у библейского еврея, положена в обрезании и в субботе очевидно, и теизм их, и еще библейский теизм, есть до известной степени «обрезанный» же и «субботный». Т. е. это есть теизм священно-половой, священно-брачный, муже-женский по глубочайшим, сверхчеловеческим, основаниям. И как только мы об этом догадаемся, само обрезание и суббота уже для нас объяснятся только как последствия и манифестации этого внечеловеческого сложения теизма, который и взял человека в столь (для нас) странных точках и в странные моменты. Для нас вырастут юдаизм и христианство как две вершины совершенно самостоятельного бытия, не похожего друг на друга сложения, и непримиримые вообще, никогда: 1) исповедание половое — Пола, 2) разумное — Разума-Слова. Но в человеке, во мне, в вас, читатель, равно есть и абсолютно неистребимы оба начала: через пол льется бытие наше из века в век, и разумом мы постигаем вселенную. Которое выше? не опасен ли этот спор? нужно ли нам органически вырождаться, чтобы успевать в науках, или, успевая в науках, — постараться сохранить и свежесть, чистоту, священство родового бытия. Очевидно, проблема в гармонии, а не в отрицании, и не в победе которой-нибудь стороны, а в примирении обоих, и примирении с сохранением за каждым теизмом его оригинальных оснований. Ньютон-семьянин — вот идеал; а не Ньютон холостяк или не Соломон, скептический (относительно знания, видения) творец Экклезиаста. В сущности,

в каждом «я» есть зачаток христианина и иудея; и каждое наше «я», рождая, родясь, семействуя, — живет зачатком в себе Иудея, совершенно неистрибимым и истребленным только у скопцов, атрофированным в аскетических убежищах и у отшельников-ученых. Но здесь умерла семья; люди не продолжают, человечество — вымирает. Итак, «иудей» в нас есть росток в будущее, есть жизнь, есть бытие. Мы *бытийствуем* до сих пор юридически, и даже юдаизм и есть собственно *священное бытие*, священство и священность бытия. «О семени твоём *благословятся все народы*», сказал Аврааму Бог; то есть ты первоположник священства семени, освящения семени, священствования человека в семени, и не только себя, а вообще всякого человека. «Книга *бытия*» — самое это изречение первой книги Моисеевой — объясняется: здесь положены столпы бытия человеческого, через рассказ миротворения и через завет обрезания человеку.

Собразно особенной и специальной миссии евреев, перерыв у них *субботы* и даже просто *опущение* крепостного мостика, хождение *туда и сюда*, из *субботы* во внесубботное из внесубботного в субботу, было бы равнозначуще закрытию у нас, европейцев («разумников», живущих Словом-Логосом) разом всех учебных заведений и прекращению книгопечатания; или, относительно *ощущения* мостика — равнозначуще дозволению ученикам всех школ сидеть на уроках или, уйдя из класса, — гулять. «Что сделать с сим человеком; он набрал *дров* в субботу»? — Это — анархия; мост опущен, и если один человек выбежал из субботы (как из отрешенности от земного, разрыва с земным и уединения в небесном острове) в дело, в работу, то завтра выбегут или могут выбежать все. И Моисей сказал: «выведите сего человека из стана и побейте камнями». Суббота есть «*иже херувимы*» еврея: момент, когда на литургии все начинаю слушать только литургию; сбор на украшение храма, т. е. доброе дело — в это время невозможен, невозможны и «невинные» разговоры молящихся, и вообще ничто постороннее и внешнее. Как только мы это постигнем, мы постигнем чрезвычайное упорство евреев в отстаивании субботы перед Сыном Человеческим, о Лице коего они еще не знали, и не верили знамениям... «Мы не против исцеления слепорожденного говорим: но для чего его исцелять в субботу, а не в четверг или не в понедельник? И он станет зрящ, и суббота отцов наших была бы сохранена». Они ощущали, что с субботой затра-

гивалось и обрезание; и что если слепого исцелить в субботу, то почему бедному не разрешить в субботу собрать дров и каждому вообще сделать хорошее свое дело, однако, не субботнее, и смешать через это субботнее с несубботным. Поют «иже херувимы»; но один из певчих, отделившись, запел бы «Господи, помилуй», потому что «это тоже хорошо, одобрительно и божественно». Все сидят в классе: но прекрасная погода, и один ученик встает и уходит со словами: «я пойду гулять». Это частное и единичное простирается на всю систему: нельзя более никому учиться, если можно кому-нибудь гулять; нельзя вовсе совершить литургии, если который-нибудь певчий и во всякий ее момент может запеть «избранное им». От сего не только обрезание, но и весь израилев закон — пал с субботой; она же сама отменилась в тот час, как только «собрал дров себе в субботу бедняк», и вообще поднят был вопрос о том: «да если Господь благ, то отчего в Господен день не совершить благое дело?» Господь благ — но это Его свойство; однако *есть сути* вещей, и вот он выше свойств; и просто «благое» ниже трансцендентного, благое несубботнее — ниже трансцендентно-субботного. «Слепой — страдает; но если ради слепого нарушится суббота, то он будет зрящ, а все люди ослепнут в вечной области брака, и день исцеления его будет днем гибели всего, что мы знаем одни в мире и чему нас одних в мире научил Бог и Его пророк Моисей касательно этой важной тайны».

Х.

«Лековед шабес», «в честь Небесной Царицы» — и с пятницы на субботу еврей совершал таинственный сев пшеницы Господней. Через тысячи лет забвения нам непонятна здесь молитва. Однако, помню, мальчиком выйдя однажды почти на заре в поле, — я увидел крестьянина с корзиною на плече; он перекрестился на Восток и, взяв горсть семян из корзины, — широким размахом бросил на вспаханное поле. Он сеял, — перекрестясь. Не важнее ли человек пшеницы, и человеческое дитя — пшеничного колоса, и его судьба — судьбы и качеств колоса? И если мы именно не молимся здесь, то не потому, что дело не требует молитвы, но что мы в этом деле не научены молитве. Но тут мы подхватываем, или, точнее, все наши соображения поддерживает легенда:

Автор воспоминаний, рассказывая, — совсем в другом

месте рукописи, — о своем рождении, говорит, и мы сохраним весь его, защищающийся от скептицизма читателей, жаргон:

«... Нет, не чушь и не чепуха, как вы шепчете, любезный мой читатель, а дело. Вот послушайте-ка, что говорят великие еврейские учителя об этом предмете, т. е. о зачатии и рождении нового человека вообще.

«Как только совершается в утробе женщины известное зачатие будущего человека, — говорят они, эти великие учителя, — Бог в тот же момент посылает вниз одного из ангелов, которому приказывает неусыпно заботиться о новом человеке, ухаживать за ним, как добрая нянька: *водить его по аллеям рая* и показывать ему достопримечательности его. Помимо же всего этого, — говорят они дальше, — ангел знакомит вновь зачатого со всей святой Торою (Пятикнижие), так что *вновь родившийся младенец во сто крат ученее самого первейшего раввина*»...

Не правда ли, поразительный параллелизм платоновского учения о домирном знании человека, о том, что *все до рождения он знает*, но, родясь, — все забывает, теряет все ведение, и последующая философия только *припоминает* ему то, что он знал:

«И долго на свете томилась она (душа),
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли».

«Это, однако же, Богу нежелательно, т. е. чтобы человек, выйдя на свет, был бы, так сказать, на всем наготовом. «Нет, — говорит Бог: — ты, человек, сам старайся все узнать, сам трудись и приложи твое старание изучить святую Тору. А то, что толку, что ты все знаешь».

И вот для того, чтобы вновь родившийся человек совершенно забыл, где он был и что с ним происходило, ангел-нянька, по предварительному приказанию Бога, в момент появления первого на свет Божий, отпускает ему легонький щелчок над верхней губой пониже ноздрей, — от этого щелчка, по уверению тех же великих учителей, вновь родившийся совершенно забывает обо всем, ошеломленный от удара под нос.

К сказанному я могу прибавить то, что если кому-либо не верится, чтобы это так было, — то пусть посмотрится в зеркало и тотчас, между прочаго, он увидит у себя на лице, над верхней губой, продолговатое углубление, которого

даже усы у мужчин на закрывают; вот это и есть то самое, т. е. след ангельского щелчка, данного при рождении».

Сказка? Но, во-первых, без сказок не растет человек, и далее, «сказка» только означает «всем и всегда рассказываемое», «всем и всегда занимательное», что слушающие принимают с доверием и чего рассказывающие не умеют доказать. Но в сказке, и столь *мифической*, относящейся к бытию всякого человека, выражается то, чего и слушателям, и рассказчикам хочется: т. е. сказка передает мечту и веру, и для нас она важна как показатель и обнаружитель тайной веры юдаизма. Мы доскажем автобиографическое воспоминание о своем рождении нашего автора, дабы у читателя было уже закругленное представление этого момента еврейской жизни.

«— Но где же тут, однако, объяснение твоему особенно необычайному крику? — спросите вы меня, русские люди, — отчего это ты крикнул не по обыкновению, а сильнее других, вновь рожденных? Очень ли уж нежный ты уродился, или щелчок был такой крепкий, что ты не выдержал?

«— Именно так, отвечаю я: — щелчок был чересчур уж сильный. И объясняю я это именно тем, что мой ангел-нянька, во время ухаживания за мной, убедился в необыкновенной памяти моей. Опасаясь, что простой легонький щелчок не проймет меня, и я все-таки *не забуду многого кое-чего из виданного и слышанного мною в девятимесячном прогуливании по раю*, он, ангел мой, умудрился отпустить мне такой щелчок, от которого, как говорится, небо с овчинку мне показалось; я крикнул *благим матом и... и... и решительно все забыл*».

Вот концепция рождения, вполне прекрасная и религиозная; совпадающая и с тем, что об этом предмете гадал греческий Платон («Федр») и что в каком-то инстинкте вдохновения написал русский поэт:

«По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел — и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой».

Когда Лермонтов сочинял этот стих и наши дети в школах заучивают его, никто не замечает, что это есть семитический стих и в нем выражена та самая концепция рождения, которая, без ведома об этом стихотворении, рассказывает в темных еврейских хижинах. Гений русский и гений семитический здесь встретились. Еще удивительнее, что тысячи русских читателей не заметили, что ничего подобного этому стихотворению не содержится и не может содержаться в круге нашего теизма с его угрюмым вопросом младенцу: «отрекаешься ли от сатаны», «отрекся ли», т. е. с представлением, что *до седьмого дня бытия младенец был во власти сатаны*, и только крещение, вырывая его из природы, отрывает от дьявола, омывает с него «дьявола» естественного рождения*. Там у семитов — ангел, у нас — сатана, и снова бешеный спор: «мы дети Божии, вы — дьявола»; «нет, — вы его дети, а мы — Божии». Разум и Пол — в их вековой коллизии. Но проследим далее рождение еврейчика.

«Как только до отца моего дошло известие о приращении его семейства еще одним членом мужского пола, он тотчас сел за стол и написал на четвертушках белой бумаги несколько охранительных листков, состоявший из известных изречений священных книг; листки эти он развесил в комнате родильницы везде, где только воздух может проникать, например, на окна, двери, печную трубу и т. п.; сверх того, один из листков был им припилен над пологом кровати родильницы с новорожденным. Охранительные листки эти составляют крайнюю необходимость в данных случаях; они, листки эти, охраняют как родильницу-мать, так и новорожденного или новорожденную от нечистых духов — *Мазикинов*, норовящих чем-нибудь напакостить как самой родильнице, так и дитяти ее новорожденному. Для пущей безопасности от проклятых — *Мазикинов*, родильница кладет возле себя острый кухонный нож, которого, ножа-то, по мнению евреев, нечистые очень боятся и бегут от него, как черт от ладана.

В тот же день, в сумерки, в комнату, где мы, мать и я, находились под пологом на кровати, ввалилось целое стадо

* В середине века *устье* женской матки носило схоластически-богословское наименование: „*morsus diavoli*“ — укусы дьявола. Сколько должно было накопиться ненависти к рождению у отшельников Монте-Кассино и пр., чтобы сказаться таким словом, как „укус“... Что-то тонкое и бешеное, не прощающее вовсе, непримиримое никогда.

маленьких мальчиков, наполнив почти всю комнату, и под руководством одного взрослого сухопарого субъекта начали читать в один голос *Криас-шма*. Это были маленькие ученики ближайшего хедера (детское еврейское училище) со своим бегелфером (помощником меламеда) во главе. Мальчишек наделили за это сладкими пряниками и они, веселые и счастливые, гурьбой высыпали на улицу, звонко щебеча между собой. Порядок этот, с мальчиками, продолжался все семь дней, и именно до дня, в котором надлежало совершить надо мной обрезание. По совершении священного обрезания над новорожденным, этот последний, по уверению Талмуда, уже вне опасности от нечистых и не нуждается в охранительных средствах — также одинаково и его мать».

Вот любовь и поэзия, которой осыпана родильница. Как хороши эти мальчики с улицы. Как они отрадны родильнице, поднимают ее силы своей свежестью и приветом; как сами воспитываются, почти с младенчества, с 6—7 лет, по хвалу рождению, *не отвлеченно, а перед лицом страдающей женщины*. И как все связано с обрезанием, продолжает мысль его. К словам о нечистых духах автор делает примечание:

«Не безынтересно мнение Талмуда о нечистых духах. Талмуд разделяет нечистых духов на три категории: на очень злых и крайне опасных (для еврея, конечно) — это так называемые *мазикины*; не злых и, следовательно, не опасных, но шутливых, любящих испугать человека своими шутками: эти называются *лейцами*, и, наконец, третья категория: эти не только что не злы или опасны, — напротив, очень любят и уважают евреев и *желали бы даже породниться с последними посредством брачных связей*. Этот разряд именуется *шайды*».

Если мы вспомним средневековое (в Западной Европе) разделение «нечистых духов» на *succubi* и *incubi*, смотря по тому, были ли они женского или мужского рода и соблазняли ли к ложу с собой благочестивых католиков или католичек, мы увидим, что «злой» христианства есть именно «шайда», «добрый» юдаизма. «Доброе» — это «склонение к браку», «успех в браке» у еврея; оно же у христианина — «темное», «злое». Напротив, чуждое и как бы отрезанное от брака, не склоняющееся само к нему и удерживающееся от него другого, есть *Мазикин*, злейшее. В «Книге Товии, сына Товита» «злой дух Асмодей» играет именно такую *отрицательно* брачную роль. Он умерщвля-

ет не вообще человека, или не человека в какой-нибудь безразличный момент его существования; его предмет — убийство юноши в минуту, как он остается наедине с невестой, сейчас женою бы, и оставление этой вечной невесты, плачущей Сары, в девушках. Среди Талмудических легенд, рассказанных в Гемаре, есть одна, подтверждающая наше разъяснение. Рассказывается о построении Соломоном храма, о том, как знаменитый мудростью царь заманил к себе и заточил в подвал Асмодея; и как хитрый этот бес, в свою очередь, перехитрил Соломона, и, волшебным образом удалив его из Иерусалима, сам принял вид его и сел на престол отца его, Давида. В виде нищего Соломон приходит в Иерусалим и обращается к Синедриону, обращая его внимание на творящийся обман. Перед Синедрионом — два Соломона, бес и настоящий, и мудрому судилищу израильскому нужно узнать, различить беса от небеса по существу. Где средство, метод, способ? — Спросить жену, и вот ее ответ в талмудической легенде:

«— Муж мой, — сказала любимая жена Соломона, — с давних пор уже не имеет со мной супружеских отношений, как и вообще творится с ним что-то неладное: ни перед сном, ни после сна он не читает молитв, не совершает омовений и носит камзол без цыцесов»...

«Не оставалось, — добавляет Талмуд, — уже более никакого сомнения, что стоящий перед ним, Синедрионом, нищий есть сам царь Соломон, а тот, проклятый, ни больше ни меньше, как сам Асмодей».

Выразительно.

ХІ

Мы dokonчим описание субботы у нашего автора:

«Утром на другой день (т. е. в самую, по-нашему, субботу; по-еврейски же это будет вторая половина, заход субботы), — утром было еще лучше. Как только рассветает, мы все встаем, умываемся, одеваемся в те же праздничные одежды, и отправляемся в синагогу на утреннюю молитву. Около одиннадцати часов мы уже дома. Вторично, по-вчерашнему, совершаем кыдеш, вновь садимся за стол, отъедаем каждый своей мойцы и начинаем есть с таким аппетитом, точно три дня ничего не ели. В особенности был я падок до национального кугель; доедая всегда свою долю до последней крошки и прося у матери: «еще хоть кусочек». Добрая моя матушка хоть и не отказывала мне в куске

этого вкусного блюда и всегда его прибавляла, но не без ворчания, что, дескать, пузо у меня лопнет. И она, родимая моя, была права после этого жирного, изготовленного на говяжьем сале, лапшенника я всегда болел животом по крайней мере дня два и спасался только английской солью. После этой, второй по числу, трапезы, все члены мужского пола *ложимся соснуть часика на полтора-два*...

Заметим, что это так рано еще, что *при настоящем крепком сне в ночь с пятницы на субботу сон этот был бы не нужен*; и он возможен и надобен лишь при неоговоренном автором или неизвестном ему, отроку, в сущности, *бодрствовании с пятницы на субботу, или при сне расстроенном, прерванном, только начатом и вообще неполном*. «В Талмуде есть указание, — говорит он мимоходом в другом месте, — что доброму еврею подобает спать в субботу *днем после утренней трапезы, шайлы бешабес шанегг*. Конечно — это отдых, конечно — вознаграждение за бессонницу.

«Затем — встаем, и мать наделяет нас всех сладкими фруктами: яблоками, дулями, сливами и проч. Эта раздача фруктов носит свое особое название — *шабес ойпс*, т. е. *субботние фрукты*. Мы это съедаем; с час читаем *Пайрек — овес* и отправляемся в синагогу на молитву *Минеху*. Возвращаемся домой, — опять за стол, совершить *шолем сеидес* — как называется третья и последняя трапеза; но тут никому уже кусок в рот не лезет — очень уж сыты. Как-нибудь через силу доедаем свои *мойцы*, съедаем по небольшому куску рыбы-щуки в начинке, поем множество *шабашевых песен*, из которых самая главная начинается словами *Бенай гахоло дыхсыфин*, причем пропускаем несколько стаканов пива, и так незаметно время длится до сумерек; *царица Суббота* готовится к отъезду на целую неделю, нужно идти в синагогу отмолиться и потом, дома уже, устроить приличные проводы уезжающей дорогой гостье».

«Проводы эти носят название *Мелаве Малка**, т. е. *Проводы Царицы*, и, по словам евреев, имеют важное значение для грешников в аду. Дело в том, что, как уверяют

* „Мелек“ — *царь* на ассиро-вавилонском языке. Имя это значитса возле мужского изображения на единственном имеющемся в моем собрании экземпляре халдейской монеты. Но халдейское нарицательное около имени еврейской „Субботы“ показывает время и место, когда уже зародился или зарождался знаменитый еврейский праздник.

еврейские великие учителя, по субботам грешники выпускаются из ада до ухода ее, т. е. Субботы. Вследствие этого, желая несколько облегчить участь своих собратьев-грешников, евреи нарочно замедляют уход Субботы, — справляя проводы чуть ли не за полночь». Таким образом, заметим мы от себя, субботний день у них тянется несколько долее обыкновенного, охватывая начало следующего наступающего дня. «Праздником — праздник, и торжество из торжеств».

«Приходим из синагоги домой, и отец тотчас приступает к совершению *гавдало*, т. е. *прощание с Субботой* и переход к будню. Налив себе объемистый стакан вина, велев брату или мне держать витую восковую зажженную свечу перед глазами, отец, взяв стакан и подняв его наравне с глазами, точно стараясь проникнуть вглубь таинственности его, начинает читать приличествующую случаю молитву; потом отпивает несколько глотков вина и передает стакан с остатками нам с братом; мы допиваем стакан, — и отец, *вдыхая в себя носом благовонный запах гвоздики или корицы*, дает рукой знать, что пора приняться за проводы Царицы Субботы. Мы все, и женский пол, вновь усаживаемся за стол».

Вдыхание гвоздики — поразительно. Что такое обоняние? Что такое аромат? Вот категория, не вошедшая в реестр предметов философии, и искусство, не имеющее для себя школы, т. е. теории. Между тем, только через ароматичность мы *общимся душевно с веществом*; съедая, — мы *общимся желудочно*, через зрение — схватываем только очерк, силуэт, через слух — уловляем шум, например, движения. Но мы *вдыхаем* в себя предмет: особенное положение обонятельного органа и расположение обонятельных нервов, непосредственно через лицевые части поднимающихся в мозг, делает то, что *вдыхая*, — мы *обвеваем мозг частицами избранного, любимого или приятного предмета*, и через это вступаем в самое непосредственное с его составом общение. Поэтому ароматичность есть самое волнующее ощущение, как и обоняние есть самое непререкаемое выражение приятности, любви; с тем вместе оба они суть наиболее иррациональны. «Приятно» — и нет логики; «еще и еще» — но *почему*, нельзя доказать. С тем вместе это непосредственное «приятно» есть начало, *initium*, «исход» вообще всех движений и чувств: «приятно» и «неприятно» — этим волнуется и по категории этого движется мир.

Иногда хочется думать, что ароматичность — начало жизни; по крайней мере, я наблюдал, что умирающий ничего так не хочет, ни за что так жадно не хватается, как за *свеже-ароматичное* вещество, *излом* ветки, *разрыв* древесного листка. Мне приходилось много лет назад возить умиравшего чахоточного по саду; он постоянно останавливал кресло, и, взяв деревце, *разламывал* и *обонял*: «какая прелесть! какая прелесть!». Между тем для меня, здорового, эта прелесть не существовала, потому что была не нужна. Начало жизни, *initium vitae*. Обратим внимание, что *почка*, начало живущего, как и *цветок*, орган жизни, пахучи. В то же время, в Библии неоднократно мелькают выражения, что «Бог любит *обонять* жертвы Ему», и вообще вся «жертва» есть некоторое благоухание и принимается Вездесущим как благоухание. *Молитвенное* в мире сливается с *благоухающим*. Мы уже не можем теперь восстановить, почему «ладан» у нас «отгоняет беса»... Мы все забыли, но хорошо забытое имело действительно прекрасное основание. Мир льется и течет в благоуханиях и благоуханно; и храм Господу есть или должен быть ароматичен.

«Мать вынимает из печки большой горшок с горячим борщом, в середине которого плавает внушительного вида говяжий мосол; вооружаемся каждый большой деревянной ложкой и хлебаем; нахлебавшись до отрыжки, начинаем петь веселые песни, в том числе одна, довольно серьезная по содержанию, заслуживает полного перевода на русский язык, и я не поленюсь и переведу ее почти слово в слово. Сперва я должен сказать, что песня эта начинается словами *Иш хосед гойе*, т. е. *Жил-был некто набожный человек* (еврей, конечно) и она имеет форму обыкновенного рассказа, но рассказа — довольно назидательного и нравоучительного».

На нас лично песня эта не производит особенного впечатления, но, судя по тону рассказчика, она чрезвычайно мила евреям, и мы ее не пропустим:

«— Жил, видите-ли, — начинает рассказывать сочинитель этой чудной-дивной песенки, — где-то муж (еврей, конечно) благочестивый, но очень, очень бедный; до того бедный, что дома ни куска хлеба не было, а ему идти куда-либо зарабатывать хлеб для себя и семейства — не в чем было выходить на улицу, ибо он был бос и почти наг; у него, к огромному горю (т. е. только имущественному), было большое семейство — жена и семеро малых детей, которые, конечно, бедствовали вместе с ним, голодали и холодали, — как он сам же. Несчастливая жена благочестив-

ца, долго терпевшая с детьми нужду и горе, и все молчавшая, вышла, наконец, из терпения и начала упрекать мужа в бессердечности, лености и т. д., говоря: «что толку, что ты по целым дням сидишь со священными книгами, а мы, я с детьми, терпим величайшую нужду — голодаем и холодаем!». Справедливые эти упреки, однако, но повели ни к чему: благочестивый муж продолжал сидеть за священными книгами и непрерывно читать и читать, не обращая ни на что внимания. Так бывало много раз; жена плачет, обливаясь слезами, что в доме ни куска хлеба нет; она и дети умирают от голода, — а он, знай, сидит себе за книгой и мало думает.

— Однажды, однако ж, и именно в вечер проводов Царицы Субботы, благочестивый муж, доведенный, наконец, до крайнего раздражения упреками жены, в сердцах захлопнул книгу, которую читал с таким большим вниманием, и почти раздетый выбежал из дома — куда глаза глядят; пробежав бессознательно весь город, он вдруг очутился в каком-то обширном пустом пространстве, и не имея охоты уже дальше бежать, он остановился в задумчивости, не зная, что делать: воротиться ли домой, или тут оставаться на ночь.

— Вдруг кто-то окликнул его сзади по имени. Быстро, с испугом, оглянувшись, он увидел перед собой почтительно-го вида еврея, по-видимому очень богатого, который ласково подал ему руку при обычном приветствии: *Шалом алайхем*, и тотчас начал ему говорить: «Послушайте (имярек). Мне необходимо к завтраму иметь на этом месте великолепный дворец в шесть этажей; материал для постройки, также и рабочие всех родов, как-то землекопы, каменщики, столяры, кровельщики и т. д. — все готово и работа скоро начнется, — не возьметесь ли вы наблюдать в качестве архитектора за эту постройку и вы за это с меня получите сейчас же шестьсот тысяч червонцев. И сказав это, неизвестный поднял с земли лежавший тут же тяжелый мешок с золотом и молча подал ему; сам же мгновенно исчез.

— Не успел благочестивый муж опамятоваться от такой неожиданности, как вдруг видит: все пространство, предполагаемое под постройку, завалено уже всякого рода нужными материалами, как например, кирпич, песок, известка, лес, железо и т. д.: вокруг и около материалов кишит огромная масса рабочих всякого звания и мастерства; работа кипит и быстро подвигается вперед по минутам

и секундам, — и еще до утренней зари дворец был готов, хоть сейчас переезжай в нем жить.

Этот, по вере евреев, неизвестный старец был никто иной, как сам Элие-Ганове (Илья-пророк); строители же этого причудливого дворца — все небесные ангелы».

Не прочтем ли мы в этом рассказе аллегории построения нерукотворенной красоты, самого человека? Нет доказательств этому, кроме одного, что постройка *начинается сейчас же за проводами субботы* и обнимает другой день? Что «архитектор» — бедняк, нищ, убог, несведущ и имеет одно качество — преданность священному писанию? Но не станем простирать догадок в область, где мы не имеем подтверждений. Суббота — кончена.

Относительно того, что нас особенно заинтересовало — ароматических вдыханий, в другом месте нашей рукописи мы нашли вариант: «Прощание с уходящей св. Субботой. Это совершается над стаканом вина, после опорожнения которого с особым наслаждением вдыхают в себя приятный тонкий запах благовонных *стручков*. С того момента начинается уже будень». Итак, берется не истолченное ароматическое вещество, не гвоздичная и коричная мука, крошки, но — *зерна в стручке* и даже, собственно, *зерничный стручок*. Идея цельности — цельного, не раздробленного тела, как общий библейский закон, пронизывает и этот обряд.

Трансцендентное все — кончено. Будень — это феномен. Евреи *пробуждаются* из субботы в будень, как из будней они *засыпают в субботу*, для вещей снов. Сон и бодрствование — вот отношение и разница и противоположность «шести дней» и «седьмого дня». — «В субботу мы засыпаем от своих дел и переходим в руки Божии», могли бы сказать евреи: «в день этот — мы не *свои, не у себя*; Бог водит нас по странам, Ему известным. Проснуться ранее заключительной минуты этого вождения — вот наш страх, вот чего мы боимся. Но вот мы проснулись, бокал разбит, вина — нет, стручки — брошены. Теперь мы — *ваши*, феноменальны как вы, будем делать с вами дела, общаться, гешефт-махерничать»

ХII

Нельзя понять религии, не поняв религиозного человека. Религия — это всегда молитва, и нужно подсмотреть, проследить молящегося человека; как он поступает, что он

делает; когда и в какие сроки обращается к Богу. В целях этого мы извлечем несколько *личных* штрихов из автобиографических записок нашего еврея, коему за странное и откровенное его исповедание «да будет надмогильная земля легка». Нам же, признаемся, он через дух этих записок почти мил.

Автор — шутит о русских, шутит о Талмуде, понимает великую экономическую коллизию между евреем и великороссом. Набрасывая, в самом начале, очерк междуплеменного отношения, он говорит: «Было, видите ли, когда-то, — и не так-то очень давно, лет 50—60 тому назад, — славное время для матушки России; на святой Руси, кроме коренных жителей, мало-и великороссов, жило еще много других различных наций и племен, но, однако, евреев не было, ни одна еврейская нога не ступала на русскую землю и русский человек-простолоудин не имел даже приблизительного понятия о еврее, представляя его себе в воображении каким-то мифическим чудовищем, чуть ли не циклопом. Слышал, и часто, русский человек, что где-то далеко, за тридевять земель, живет народ, именуемый жиды; что жиды эти мучили Христа и за то прокляты Богом: они лают по-собачьи; дети у них рождаются слепыми, как щенята и тогда только глаза прорезываются у них, когда обмажут их христианской кровью, добытой от зарезанного ими, жидами, младенца; что у жидов вместо зубов кабаньи клыки и т. д. и т. д., все в этом роде — вот какое имел понятие о еврее тогдашний русский мужик и, положа руку на сердце, можно сказать, был вполне счастлив». Автор передает кое-что из своих приключений в бытность солдатом, когда ему приходилось проходить деревнями Великороссии, и здесь, во время ночевок в мужицких избах, приходилось выслушивать расспросы «о жидях», нередко предлагаемые, как только хозяева узнавали, что он «из Польши». Подробности дышат такой конкретностью, что решительно нельзя сомневаться в подлинности рассказов. Автор делает очерк положения своего племени, попавшего после раздела Польши, при Екатерине, в состав нашего отечества — при императорах Александре Благословенном и Николае I, и переходит к Александру II: — «У всех, конечно, еще свежо в памяти, — и никогда не изгладится из памяти народной, разумеется, все то, что этот Царь-Освободитель, впоследствии Царь-Мученик, сделал для своего народа. Он, царь-реформатор Александр Николаевич, сделал добро не одним

только русским, а всем своим подданным без различия народности и вероисповедания, и само собою разумеется, евреи не были исключением. Они, в конце концов, дождались того, что им было разрешено проживать везде в России и производить всякого рода торговлю всюду, — правда, с некоторыми ограничениями». — «И нахлынули, — продолжает он, — наши евреи на матушку Россию и как муравьи расползлись по ней, не оставляя на ней голого места. По городам, городищам, местечкам, селам и деревням — везде, везде стало их видно и много! И пошел по всей Руси треск, звон, шум, гам и русский воздух наполнился мириадами миазм от непрерывного еврейского галдения. И стали появляться, как грибы после дождя, по всем углам нашей обширной России жидовские кабаки и кабачки — и житья не стало русскому человеку от этих *анафемских* (его курс.) кабаков и содержателей их, жидов». Коллизия эта, боль этого симбиоза и создает нужду обоюдно взглядеться друг в друга. Мы здесь вглядываемся в еврея, имея, впрочем, свою цель, и не политическую, и не торговую; он же, как русский уже, — раскрывает свой народ, имея о нем сумму эмпирических данных, без всякого, впрочем, объяснения. « — И стало, — говорит он, — наконец, русскому человеку тесно на своей родной земле от непрошенного соседа, еврея, и стал он вглядываться в него, желая угадать: что сей за человек есть? можно ли с ним дело иметь? дружитья ли с ним? — Но не узнать нам, русским людям, еврея! Существует поговорка: *не узнаешь человека, докуда не съешь с ним пуд соли*; пословица эта может быть применима ко всем нациям мира, но не к еврейской, по той самой простой причине, что с евреем и ползолотника соли нельзя съесть: он, еврей, ваше тrefное кушание ни за какие блага мира есть не станет; вы же навряд ли согласитесь полакомиться блюдом, приготовленным сомнительной чистоплотности руками какой-нибудь Гителы, Фрейделы или Рахелы».

Грешный человек — и я не стал бы есть. Вообще поразительно и, может быть, это есть самое главное в отношении всех народов к евреям, что последние *чувствуются*, неодолимо и предубежденно, как что-то нечистое, неприятное, физиологически *отталкивающее* первыми; и обратно, сами так чувствуют римлян, греков, нас. Еврей *на вкус* европейца — гадок; на обоняние европейца — неприятно пахуч, зловонен. Вот самое главное, первое и окончательное, впечатление, и которого нельзя отмыть, замыть,

отереть, не говоря уже — поправить размышлениями. «Так от начала мира». Но и затем, это «трефное мясо»: непостижимо, как не обратили на него внимание историки, гебраисты, филологи?! Режущий скот для стола еврей — выдерживает на это «резанье» экзамен, и он есть неприменный член синагоги, составное лицо остатков священно-учительной еврейской иерархии. Дело в том, что он *ритуально* режет скот, — и вот еще точка, откуда «египетские боги», все животноеобразные, высовывают причудливые свои головки; для нас — корова, теленок, овца, свинья есть известный *вес* говядины, есть *сорт* мяса, оцениваемый и ощущаемый только с одной *вкусовой* и *питательной* стороны. Еврей *чувствует* корову, теленка, овцу, свинью — как существо живое, дышащее, чуть-чуть святое, которое нельзя *убить*, а можно только «заклать», «жертвенно проливая его кровь». Для нас есть вопрос, под каким гарниром, с горошком или картофелем, будет подана котлета; *до* этого, *ранее* этого — для нас оно просто не существует; еврей съест эту же котлету и под этим соусом, подумав *о целом животном*, и спросит, *ритуальным* ли путем, т. е. пройдя ли мистику манипуляций, оно пришло к нему на стол. Можно приблизиться к этому чувству через следующее уподобление: можно, конечно, сесть за стол и съесть обед «так»; во Франции, в Европе всюду и поступают так, т. е. там просто едят, насыщаются; съел — сыт, не съел — голоден: вокруг этого нет вопросов; на Руси, сажаясь, — крестятся: «Благослови, Господи», т. е. «благослови вкусить дар Твой». Это — философия, это — культура. Но здесь молитва идет «обо мне»: «я, ученик Господен, сажусь вкушать, и как я не простая тварь, не волк и не собака, также не француз и немец, то положу на себя крестное знамение». Здесь, таким образом, философия — обо мне, но нет философии *о животном*, и самая мысль «Дар Божий» — поверхностна, отвлеченна, некрепка. У евреев «дар-то Божий» и есть главное; к этому «дару Божию» нужно приступить, нужно за него уметь взяться, и именно не *обижая* его, не *оскорбляя* его лозунгом: «говядина». Нет, это не говядина, а овца. Была «овца», и вот пока она бляла — можно было ее или разбойнически убить, но это недостойно, гадко, страшно: такого мяса я не стану есть, т. е. не стану общиться с разбойником-мясником. К ней нужно подойти с уважением, и словом: «благослови, Господи, вкусить» — эта молитва православного переносится и *вносится в животное*, как сумма «благословенных действий,

движений (ножа) в нем». Оно — умерло; да, но мы все умрем — это не оскорбительно. Но тяжело пасть на дороге, стать убоиной: тяжело *мне* было бы и не сделаю этого я *животному*. Я его съем: это — фатум; это — тайна; но съем, благословляя его и благословенно, и притом *не на столе* только, а именно на дворе в момент убоя. Я убью его священно: «резак» есть священно, от лица всего Израиля — пожирающий животных, и, так сказать, передающий, как бы львица — детенышам своим, части этого, им убитого, животного.

— Как же, однако ж, быть? надо же ведь узнать его, еврея-то! — Как быть, спрашиваете вы: ну, я дам вам совет, и самый хороший; я вам дам совет изучить, хоть поверхностно, еврейское учение, именуемое: *Талмуд*, и тогда узнаете еврея всего, как есть он, в действительности, а не по наружному взгляду. Я говорю — «поверхностно» потому именно, что серьезно изучить Талмуд, в особенности, с его бесчисленными комментариями, и самому большому и яркому еврею не по плечу. А достаточно, по моему внутреннему убеждению, узнать, чему он учит и какое направление в жизни дает своим последователям, евреям. *Узнав это, и узнаешь сразу всю жизнь еврея с самой колыбели до могилы*»...

Остановимся. Вот — признание, которое вырвалось у автора или которое он обронил побочно, как пластическое общее впечатление, и оно так бесконечно важно. Переведем его на наш язык, и мы получим две ценные истины:

- 1) вся жизнь еврея — талмудична, т. е. священна;
- 2) Талмуд — весь жизнен и есть как бы церемониальное священно одеяние, в своем роде *цицес талес*, на еврее.

Или, что то же:

- 1) Талмуд есть еврей, выраженный в слове;
- 2) еврей есть движущийся, осуществленный Талмуд.

Нужно знать кой-что об устройении Талмуда. Прежде всего — он *часть, частичен* собственно, несмотря на умопомрачительный его объем: к нему не достает 40—80—150 еще таких же Талмудов. Это мы узнаем так же просто, как просто в арифметике нахождение целого числа по части, цельной единицы по ее дроби. К составлению Талмуда, который был совершенно окончен к Р. Х. и, вероятно, созидался во всю пору золотого, серебряного и медного века юдаизма, — итак, к этому составлению подан повод и до известной степени даже дан лозунг в *Исходе*, *Второзаконии* и *Левите* Моисея, в самом духе и смысле его заве-

тов под «Синаем» Израилю. Страх и трепет египетских казней дышит в слове Моисея: «если *не...*, *то* — то-то». Дивный корабль, сосуд Божий, «семя Иеговы» в пустыне и на Синайском полуострове — еще как бы между небом и землей, ни в живых ни в мертвых, висит, колеблется, зарыт в волнах опасностей и собственного недоумия о своей судьбе. Это-то положение народа и вызвало угрозы законодателя: «если — *не...*, *то* — то-то»... При этом его повеления — всегда жизненны, относятся к жизни, есть путь бывания, стезя поведения. «Матросы — по реям» — вот наш язык, на который мы можем перевести язык священных предписаний. Итак: *путь жизни, стезя бывания* — вот глаголы Божии Человеку. Теперь сейчас же возник вопрос: *как быть? что сделать? на которую рею побежать и которому человеку? Путь жизни* требовал разработки, и *Талмуд* есть такая разработка. Таким образом, из самого характера священного закона как *стеzi* уже вытекала сущность *Талмуда*, как из проблем стратегии вытекает вся надземная и подземная (тайная и явная) работа Главного штаба. Раввины совершили то же, и даже были тем же, чем офицеры Генерального штаба, безименные и во всяком случае не гениальные, офицеры-копуны, офицеры-саперы, перед которыми поставлена задача: «провести императорские войска в Индию». Непременно тут явилось бы много и *не* индийского, и *не* русского, а афганистанского, памирского, белуджистанского, бухарского. В *Тулмуде* есть также бездна вещей, взглянув на которые удивляемся: «от пророков ли это? он народа ли пророческого?». И явилось подозрение, а наконец и уверенность, глубоко невежественная, что *Талмуд* есть *инородный* и *неправильный* нарост на Библии, даже только *около* Библии; и что в нем Израиль уклонился от чего-то; хотя нет трактата, главы, страницы в *Талмуде*, который не отвечал бы или не усиливался ответить: «ну, как же исполнить это и то, содержащееся в *Исходе*, *Второзаконии* и *Левите* Моисея». Против *Талмуда* и его составителей, против самого его исполнения — ни слова нет у пророков, у маккавеев, у Ездры, хотя *Талмуд* в ту пору *неписано существовал* и *строжайше исполнялся*; но вот его записали, чудовищную по объему работу записали для памяти, и у *позднейших его читателей* и *притом, вне еврейства стоящих*, у франков, аллеманов, бургундов, появляется удивление, презрение, негодование: «не то! не то! уклонились! сошли с пути!». С *какого* пути? с *чьего* пути? На *путь*

франков и аллеманов Израиль и не вступал, и на этот путь раввины и не вели вовсе свой народ. Но для франков франкское понимание обязательно, конечно... Ничего на это нельзя сказать кроме: «блажен, кто верует»... Главный путь расхождения — непонимание франков и бургундов: «зачем в *Талмуде* все телесность? почему не *духовный* смысл? Зачем это не проповедь и проповедование, а 40-томный ответ на недоумение: как нам жить». На каждой странице бургунд ожидал читать то, что позднее, наконец, сам определил: «Бог есть дух — бесконечный, всеблагий, всеправедный, вездесущий»... Он не заметил, что первое слово «дух» есть его собственное, а в Завете стоит: «дыхание», т. е. «движущее», «жизнь», а не отвлеченность, не абстракция и возношение «духовных качеств человека»:

...«И вдунул в лицо его (Адама) *дыхание* *жизней* — душу бессмертную» (Бытие).

На вопрос: «как нам жить и как исполнять повеление» — обнимается у Моисея еще полнее, нежели объяснили раввины, и толкования последних суть толкования на *некоторые*, а не на *все* слова закона и законов*. Сумма

* В главе первой трактата *Хагига* (о троекратном в год явлении всего мужского пола в Скинию) есть замечательное место, определяющее *состав и происхождение* всего Талмуда; это как бы скрытый шопот позади его. Мы приведем его целиком:

« § 8. Разрешение обетов (отдел Талмуда) *витает в воздухе и не имеет, на что опереться* (т. е. буквы, написанной в Законе Моисея); *законы о субботе, о хагигах, о меилах, о меилах подобны горам, висящим на волоске, ибо у них мало Писания и много халах* (толкований, законов, правил); законы судебные, богослужебные, о чистоте и нечистоте и запрещенных браках имеют, на что опереться: они сущность Торы (Пятикнижия). Равви Иисус, объясняя это, говаривал: «щипцы сделаны щипцами, а первые щипцы откуда явились? — они были созданы «Богом».

Это значит: «не смотри, что в Писании мало (кратко, не многословно) сказано: это не указывает, что то, о чем сказано, неважно. Иногда то, о чем сказано *сжато*, — *важнее того*, о чем сказано *пространно*: но учителя знали (устное предание) отличить важное от неважного и все особенно важное *пространно* устно же (Талмуд, который случайно и лишь очень поздно был записан) истолковали. Но, можно быть уверенным (это видно из некоторых мест самого Талмуда), что за ним стояла еще как бы *тень* Талмуда, именно — совершенно скрытые его части, которые вовсе никогда не были записаны, не преподавались в школах, а лишь переходили от старца к старцу, от вершины учительства к вершине: а в народе передавались как секретные предписания, *кому какое надо*, без объяснения и мотива. Эта «тень Талмуда» сказывается во многих местах, из коих приведем хотя следующие примеры:

Трактат Хагига, гл. II: «Рассказ о сотворении мира не истолковывается вдвоем, а только наедине с кем-либо; *колесница* (в видении Иезекии-

этих толкований подразделена на отделы, которых шесть. Вот они:

1 отд. *Зераим* («посевы»). Он содержит трактаты:

1) *Берахот*, или *Славословия*, т. е. ежедневно и ежедневно читаемые молитвы; также при случаях вкушения, питания и вообще дневного жизнеоборота; 2) *Пеа*, или *Край*, например, поля, засеянного хлебом, каковой край оставляется в снедь бедным; в трактате этом вообще исчисляются права бедных на пользование, так сказать, осыпающимся богатством богатого, на «падающее от трапезы роскоши»; и также предписываются обязанности благотворения, уже сверх прав бедных. Не можем из этого трактата не привести одного выражения: «для всего Бог положил границы и установил сроки: но для изучения Писания и благотворения — не положил ни границ, ни сроков». Или вот еще: «Царь Манобаз (принявший еврейство) роздал все свои сокровища в неурожайные годы. Его родственники прислали ему сказать: «Твои предки увеличивали фамильные сокровища, а ты расточаешь». Монобаз ответил: «Они собирали себе сокровища на земле, а я на небе, как сказано (Псалом 85, 12): истина возникает из земли, а правда проглянет с небес. Предки мои собирали в таком месте, где крадут, а я собираю в таком месте, где невозможна кража, ибо сказано (Пс. 89. 15): правосудие свято и правота основание престола Твоего. Мои предки собирали сокровища, не дающие плоды, а я собрал сокровища, дающие плоды». И еще — о деликатности помощи: «Если бедный носит чистую шерсть, то ему дают одежду из чистой шерсти; если он привык к кровати, то ему дают кровать; если он привык к тому, чтобы ему в рот клали, то ему кладут; и даже если он нуждается в рабе, лошади или жене». Но и поставлены ограничения, однако чисто нравственные, не юридические: «Кто притворяется калекой, слепым или хромым, рано или

ля) не истолковывается и одному, разве что он ученый и понимает по собственному разумению» и пр.

Трактат Шаббат, гл. XVI: «Если свиток св. Писания (по ошибке, случайно или по несчастю) попал в печь, где стояло возношение (пекся хлеб для возношения): «то возношение осквернено и негодно к употреблению».

А вот *рабби Рафана*, гл. VIII: «Как понимать слова: *найди себе товарища* (в учении)? — Человек должен найти себе товарища, чтобы есть и пить с ним, заниматься Писанием и Мишной (главная, основная часть Талмуда) и спать с ним, открывать ему все свои *тайны*, как тайны Торы (Пятикнижие Моисея), так и *тайны житейские*».

поздно будет калекой, ибо сказано (*Притчи*, 11, 27): кто ищет зла, к тому оно и приходит», и проч. Трактат этот составлен в истолкование и применение *Левит*, гл. 19, ст. 9—10, гл. 23, ст. 22 и *Второзакония*, гл. 24, ст. 19—22; 3) *Демай*, т. е. об очищении продуктов пошлиною; 4) *Келам* — о способах засеивания поля, в истолкование *Левит* гл. 19, ст. 19 и *Второзакония*, гл. 22 ст. 9—11; 5) *Шейвит*, или о субботнем годе; 6) *Терумот* — о возношениях Богу от плодов, растений и животных, в истолкование *Числ*, гл. 18, ст. 12; 7) *Маасрот* — о десятинных пошлинах в пользу священников и левитов, в истолкование *Левит*, гл. 27, ст. 30—33 и *Числ*, гл. 18, ст. 21—24; 8) *Маасер-Шели* — о второй десятине, отделяемой им же (*Второзаконие*, гл. 14, ст. 22—26); 9) *Халла*, о части теста, отдаваемой священникам (*Числ*, гл. 15, ст. 20—21); 10) *Орла* — о плодах необрезанных, в истолкование *Левит*, гл. 19, ст. 23—25; 11) *Биккурим* — о первых плодах, приносимых по осени Господу, в истолкование *Второзакония*, гл. 26, ст. 1—11.

II отд. *Моэд*, т. е. праздники. В отдельных трактатах описывается подробно времяпрепровождение человека, семьи и народа порознь в каждый праздник.

III отд. *Нашим*, т. е. женщины. Семь трактатов, образующих этот отдел, обнимают женщину в разных фазах ее бытия и в разных ее положениях. Сюда входит все о браке и разводе; все предосторожности, дабы в случае последнего женщина не получила ущерба; и также о таких, по-видимому, мелких, но в существе дела важных явлениях, как беспричинная и безосновательная ревность мужа, которая утешается через поразительные клятвы жен над священной водою и перед лицом священника: этот способ, описанный уже у Моисея в Числах (гл. 5), удивительной мудростью своей устраняет как возможность падения жены, так и вообще должен был вывести из Израиля факт внутреннего, семейного раздора*.

* Приведем это место целиком. Числа, 5, 14—29; «Если найдет на него (мужа) дух ревности и он будет ревновать жену свою, когда она не осквернена, — то пусть приведет муж жену свою к священнику и принесет за нее в жертву десятую часть ефы ячменной муки, но не возливает на нее елея и не кладет ливана (символы мира и любви), потому что это приношение ревнования, приношение воспоминания, напоминающее о беззаконии; а священник пусть приведет и поставит ее перед лицо Господне, и возьмет священник святой воды в глиняный сосуд, и возьмет священник земли с полу скинии и положит в воду, и поставит священник жену перед лице Господне, и обнажит голову жены, и даст ей в руки приношение воспоминания, — это приношение ревнования, в руке же у

IV. отд. Незикин — о разных видах ущерба и о суде и судебных формах. Мы должны заметить, что, истекая из постановлений Моисея и входя в священную книгу *Талмуд*, суд евреев есть не светский, а *священный суд*; сюда же входят, в двух последних, трактатах постановления, так сказать, о религиозно-пограничных отношениях Израиля: к язычникам и язычеству.

V отд. *Кадашим*, или *святыни*. — Сколько мы постига-

священника будет горькая вода, наводящая проклятье. И заклянет ее священник и скажет жене: если ты не осквернилась и не изменила мужу своему, то невредима будешь от сей горькой воды, наводящей проклятие; но если ты изменила мужу своему и осквернилась, да предаст тебя Господь проклятию и клятве в народе твоём и да соделает Господь лоно твоё опавшим и живот твой опухшим; и да пройдет вода сия, наводящая проклятие, во внутренность твою, чтобы опух живот твой и опало лоно твоё. И скажет жена: аминь, аминь. И напишет священник заклинания сии на свитке и смочит их в горькую воду; и даст жене выпить горькую воду, наводящую проклятие, и войдет в нее вода, наводящая проклятие, ко вреду ее. И возьмет священник из рук жены хлебное приношение ревнования и вознесет сие приношение пред Господом и отнесет его к жертвеннику; и возьмет священник горстью из хлебного приношения часть в память и сожжет на жертвеннике, потом даст жене выпить воды; и когда напоит ее водою, тогда, если она нечиста и сделала преступление против мужа своего, — то горькая вода, наводящая проклятие, войдет в нее ко вреду ее и опухнет чрево ее и опадет лоно ее, и будет эта жена проклятою в народе своем. Если же жена не осквернилась и была чиста, то остается невредимою и будет оплодотворяема семенем. Вот закон о ревновании: когда жена изменит мужу своему и осквернится, или когда на мужа найдет дух ревности».

Вот что значит не только «повенчал и кончил», а «повенчал и *подумал о дальнейшем*». Казалось бы, испытание это ставит жен, испытывающих отвращение к мужьям, в безысходное положение. Но оно введено не для муки женщины, а исключительно в их целях, чтобы они никогда не обманывали мужей, а всегда и вовремя, до измены, разлучились с ними: «Следующие жены не пьют горькой воды, но и не получают кетубы (денежная сумма, руб. 100—200, при разводе): та, которая сама заявила (мужу): «я для тебя нечиста», та, о которой свидетели показывают, что она нечиста (значит, под «нечистотой» разумеется здесь уже совершившаяся измена), и та, которая отказывается пить» (следовательно, до испытания объявила себя изменившею); см. трактат *Сота*, гл. IV. Еще поразительнее слова главы VI того же трактата: «Некто заявил ревность жене своей, а она после этого была наедине с указанным лицом (любовник): то хотя бы муж слышал об этом от пролетающей птицы, и тогда он должен отпустить ее (дать развод), выдав кетубу, — т. е. даже такая женщина получает сумму, коею он, будучи женихом, обеспечил ее на случай развода. Из этого правила видно, какую бессмыслицу представляет миф о побиении у евреев камнями «изменивших жен»: преспокойно уходили против воли его: закон становился на сторону такой жены, запрещая мужу удерживать ее. Но только *тайно*, пользуясь *выгодами* брака, *обманывая* мужа, она не могла жить и с ним и с другим. Напротив, у нас — сколько хочешь обманывай, только не уходи: и семья у нас *грязна*, *развратна* — во-первых и *злобна* — во-вторых.

ем дело, центр юдаизма и вообще всего первого Завета есть это таинственное в нем учение о «чистом» и «нечистом»; и выражение Бытия, 1: «отделил (Бог) свет от тьмы» имеет второй и тайный смысл: «отделил чистое от нечистого». «Нечистое» — это наш «грех», точка, откуда начинается счет религиозных минусов; чистое — это святое, опять же точка, откуда начинается счет религиозных плюсов. Но у нас «грех» — это «не подал милостыню»; между тем у евреев это — опасное, чего не следует делать, и притом лежащее не в плоскости личных предрасположений, а в глубине самых вещей, в их космической природе и существе; у нас «грех» — это есть «грешный поступок», феномен; ихняя же «чистота» и «нечистота» — в мире ноуменов, и притом вечного, не испаряющегося значения. Соответственно уравнениям: Бог = свет, свет = святость, святость = вечная жизнь, «дыхание», «бытие» — и «первая их чистота» есть секунда возжения жизни перед Господом, а крайняя нечистота — то, что остается там, откуда жизнь отлетела, где нет дыхания, движения. Труп, умершее тело поэтому именуется в Талмуде и у евреев «отец отцов нечистоты», наиболее оскверняющее прикосновением человека. Вообще, там грех есть осязаемое, кожное, через кожу воспринимаемое: вторая нечистота — болезнь; третья — уродство (врожденное). «Чистый перед Богом» в Библии всюду значит: «цельный и здоровый». «Не перебивай голени» — странный лозунг этот, звучащий в бесчисленных строках Ветхого Завета, понятен с этой точки зрения. «Правила о первосвященнике: он должен превосходить братьев своих, других священников, красотой, силою, богатством, мудростью и статностью» (тосефти к гл. I трактата Иома). А мы можем догадаться, что в чем «экзаменуется» первый религии священник, то в ней есть сущность, «дыхание». «Статный мир», «сильный», «красивый» — ибо он из источника всех «статностей» и «сил» и «красот» вышел.

Пятый отдел состоит из трактатов: 1) *Зевахим*, т. е. о жертвоприношениях, в истолкование первых глав книги *Левит*, 2) *Менахот*, т. е. о приношениях (в храм) хлебных (*Левит*, гл. 2); 3) *Хуллин*, т. е. о ритуальном убое животных для повседневного употребления; 4) *Бехарот*, т. е. о первородных особях (вот «отцы отцов чистоты»), в истолкование *Исход*, гл. 3, ст. 2, 12 и 13 и *Числ*, гл. 18, ст. 15, 17; 5) *Арахин*, т. е. о выкупе посвященного

Богу (*Левит*, гл. 27, ст. 2 — 27); 6) *Темура*, т. е. о замене посвященного Богу, в истолков. *Левит*, гл. 27, ст. 10—27 (вспомним жертвоприношение Исаака и замену сына овном; также вспомним, что у сидонян и тирян, где не была употребительна замена, первородное от человеков и приносилось Богу; но что мысль этого, или обязанность этого проницала и благочестие израильтян, видно просто и непререкаемо из слов Моисея: «все, разверзающее ложесна — Мне, — говорит Господь», и, далее: «первородный от человек должен быть заменен принесением в жертву Богу годовалого и непорочного, не изломанного, не больного Агнца»); 7) *Керитот*, т. е. о том, что влечет за собой истребление из народа своего (например, не обрезание или выход из ноумена субботы в не-субботу; см. выше); 8) *Меила*, т. е. о недостойном употреблении святынь, в истолкование *Левит*, гл. 5, ст. 15 и 16 (например, жертвенное мясо просто съесть, как говядину, не ритуально); 9) *Тамид*, т. е. об ежедневных, утренних и вечерних, жертвоприношениях и о храмовой службе, в истолкование *Исхода*, гл. 29, ст. 38—41 и *Числ*, гл. 28 ст. 2—8; замечательно время суток для жертвоприношений, как в отношении сна человека («перед» и «после»), так и суточного движения солнца, восхода и захода: тут — звездно-физиологический смысл молитвы не подчеркнут, но он просто есть; 10) *Миддот* — посвящен подробностям устройства и украшения иерусалимского храма; 11) *Кинним* — о ритуальной нечистоте домашней утвари, одежды и проч., в истолкование *Левит*, гл. 11, ст. 33—35; 12) *Охалот* — о приношении в жертву горлиц или голубей, в истолкование *Левит*, гл. 1, ст. 14; гл. 5, ст. 7; гл. 12, ст. 8.

VI отд. *Техарот*, или чистоты. Он состоит из 12 трактатов: 1) *Келим* — о ритуальной нечистоте жилых помещений, в истолкование *Числ*, гл. 19 ст. 14 и 15; 3) *Негаим* — о прокаженных людях, не чистых одеждах и жилищах, в истолкование *Левит*, гл. 13 и 14; 4) *Пара* — о рыжей телице и пользовании ее пеплом для очищения, в истолкование и применение *Числ*, гл. 19; 5) *Техарот*, т. е. чистоты — о второстепенных состояниях нечистоты, прекращающихся до захода солнца, или, вернее и тоньше, которые убиваются, как микроб противоядием, самым фактом секунды прорезания солнца «туда», за горизонт; 6) *Микваод* — о бассейнах, годных для очищения; тут налагаются правила миквы, о которых мы выше говорили. Не может

удержаться, чтобы не привести из трактата *Иома* (гл. VIII) следующих поразительных слов о микве: «блаженны вы, Израильтяне! *Перед Кем вы очищаетесь* и Кто очищает вас? Отец ваш, Который на небесах, ибо сказано у Иезекииля, 17, 13: «Ты Господи, *миква Израилева*»: подобно тому, как *миква* очищает нечистых, так Святой — благословен Он — очищает Израиля»; 7) *Нидда* — о нечистоте, порождаемой особенностями женской природы, менструациями и родами, в истолкование и применение *Левит*, гл. 15, ст. 19—31; гл. 12, ст. 2—8. Заметим, что артериальная кровь, нервная, семенная — свята, венозная — всегда грешна и пятно ее на руке, платье, на полу соделывает «нечистыми» пол, платье, руку. Имея в виду это разделение, и никогда — ту часть тела, откуда выходит кровь, мы пойдем все моменты этого рода «нечистоты», даже и отдаленно не содержащей мысли о нечистоте или скверне самих органов; между тем, у других народов, принявших библейский теизм, эти очищения были приняты как показатель «нечистоты» органов или процессов, например, зачатия или рождения; 8) *Мехширим* — о жидкостях, делающих предметы, например, пищу или семена-сеянцы, восприимчивыми к нечистоте, в истолкование *Левит*, гл. 11, ст. 34—38; 9) *Завим* — о нечистоте, возникающей вследствие общения с гноеточивыми (*Левит*, гл. 15). Обратим внимание: гной — гнилое, болезненное, к смерти, антинервное, трупное — посему оно есть грех: «смертию да умрешь» после и вследствие и даже смежно с грехопадением. 10) *Тевул* — *Иом*, о нечистом человеке, «погрузившемся в воду днем» и пребывающем еще в состоянии нечистоты до захода солнца; 11) *Ядаим* — о ритуальной нечистоте рук и способах очищения; 12) *Укцин* — о восприимчивости к нечистоте плодоножек, шелухи и косточек в плодах.

Сверх этого, в изданиях вавилонского Талмуда, обыкновенно в конце четвертого отдела, помещается еще несколько трактатов, сходных с Мишною по языку и расположению, но в которых около древнего текста есть несомненно нового происхождения вещи. Всех этих трактатов — четырнадцать. Мы назовем из них те, которые имеют отношение к нашей мысли.

«*Эвель Раббати*» — *Плач Великий*, эвфемистически «*Семахот*» (радости) — законы о трауре, о погребении мертвых и проч.

«*Калла*» — (невеста, молодая жена) — о супружеской жизни.

«Дерек Эрец Рабба» — большой трактат о приличиях (11 глав) и другой — «Малый трактат о приличиях» (9 глав).

«Перек ха-Шалом» — глава о мире.

«Авадим» — о рабах.

«Кутим» — о самарянах.

«Герим» — о прозелитах.

«Соферим» (21 глава) — о переписке свитков Закона и о литургии.

ХІІІ.

Всякая вещь познается в своей конкретности, и благочестие юдаическое, может быть, лучше всего можно передать, нарисовав благочестивого еврея. Автобиографические признания, находящиеся у нас под рукой, дают прекрасный материал для этого. Скрепя сердце, любя и раздражаясь, почти в каждой строчке смеясь, но каким-то добрым смехом, он описывает отца своего:

«...Ему недаром достался почтенный титул *фрумер*, что значит *набожный*: он действительно был набожен до высшей степени этого достойного человеческого качества, и, замечательно, чувство это, т. е. идея набожности, привилась к нему в самом раннем детстве, чуть ли не с пятилетнего возраста. Осиротев на пятом году, отец мой, маленький гедалий, был отдан своей матерью одному краковскому еврею на пропитание; у еврея этого, очень зажиточного, был свой большой дом и во дворе его водилось множество домашних птиц — куры, гуси, индюки и т. п. Чтобы мальчик не дармоедничал, хозяин специально поручил ему наблюдать за птицами, чтобы не разбежались по чужим дворам, чтобы своевременно были накормлены и т. д.

Сначала дела шли так себе, ничего, мальчик старательно исполнял свою обязанность, находясь безотлучно при птицах, наблюдая усердно за ними; но вскоре стала заметна перемена в поведении мальчика: он стал пропадать по целым дням неизвестно где и для чего.

Начал хозяин допытываться: где ты, гедалий, пропадаешь?.. для чего? Но ответа не добился — мальчик, как истукан, с опущенными вниз глазами, стоит и молчит. Хозяин раз-два по затылку ему: говорит, мол, где бываешь, — мальчик не отвечает. — «Есть-пить не дам!.. Замо-

рю до смерти!».. Мальчуган стоит и молчит, будто не ему говорят*.

«Делать нечего, надо следить за ним», — решил хозяин в своем уме, — «кто знает, может быть, воровать ходит или же у меня ворует птиц и продает на сторону», — и на другой же день начал следить за ним.

Проснувшись утром, раньше обыкновенного часа утренней молитвы**, хозяин, не поднимаясь с постели, прищуренными глазами начал следить за мальчиком. Видит он: мальчик тихонько, без шума, поднимается со своей постельки, состоявшей из соломенного заплатанного тюфячка, из-под которого достает какую-то книжку, и накинув на себя нанковый халатик, осторожно отворяет дверь комнаты — и на двор.

Хозяин, вскочив с постели и накинув на себя шлафрок, тихонько тоже за ним на двор.

Видит: мальчик бежит прямо к курятнику, отворяет дверь и поспешно входит, не затворяя за собою дверь.

« — Ага, попался! — думает хозяин: — ты птиц воровать — но посмотрим, как это тебе удастся на этот раз!» — Ждет он выхода из курятника птичьего вора; маленького гадалела, минут пять, — нет, не выходит оттуда. Ждет он еще пять минут, еще пять, наконец десять... пятнадцать — нет, не видать и не слышать его.

« — Что за притча во языцах!» — удивляется он: — Туда — вошел, а оттуда — нет его?! Где же он? Войду, посмотрю!»

Входит. Одни только птицы сидят и глядят между собою, а сам гадалеле точно сквозь землю провалился. Совсем уже собрался уходить хозяин, ничего не узнав. Вдруг до его слуха долетает откуда-то грустное, монотонное, тихое чтение чье-то, вместе с сильным плачем.

« — Это еще что такое? — еще сильнее удивился хозяин, заметив, что голос несется из-под крыши на подволоке. — Ужели он там сидит и плачет. Но о чем?»

* Эту каменную молчаливость или чрезвычайную краткословность я наблюдал у некоторых чрезвычайно нежных еврейских мальчиков, первого — второго класса, в бытность мою учителем в Брянской прогимназии. Всегда при этом крайне осмысленный взор. Тишина и неговорливость евреев, по крайней мере детей, замечательная.

** „Рабби Тарфон говорит: однажды в дороге я прилег, чтобы прочесть Шема (утренняя молитва) согласно учению школы Шаммая“ и т. д. (трактат Берахот, гл. I). Молитвы: утренняя, читалась лежа, вечерняя — на ногах.

«Делать нечего, надо самому подняться наверх и посмотреть, что он такое там делает», — решил он и поднялся наверх по крутой лестнице.

И взору его представилась следующая умильная, донельзя трогательная картина. — Шестилетний гадалеле, забравшись в самый дальний угол подволоки, поджавши под себя босые ножки, сидит на полу; в руках у него открытая книжка *Тегилем* (*псалтырь*); он вполголоса читает, и слезы так и ручьями текут из глазенок.

Действительно — поразительно! А мы все еще ожидаем, что вереницу подобных, глубоко субъективных и одиночных своих впечатлений Израиль променяет на хронику греко-латинских споров, и пышных, и пустых; что он променяет свое терпение в Испании, свои молитвы по всему свету, на воспоминания, в которых нет у него родного и родных.

«Ну, когда так, — задумался хозяин, — грех его так оставить. Нужно дать ему соответствующее его набожной натуре воспитание — из него со временем выйдет великий еврей», — предвидел он.

Молодой еврей учился, все оставаясь таким же набожным. Он прошел первоначальную школу *хедер*, и по мере того, как он подрастал, добрый хозяин стал давать ему коммерческие поручения.

Юному гедалию, наконец, минуло пятнадцать лет и по жизненным условиям тогдашних евреев ему уже давно была пора, с 13 лет, обзавестись семейством, т. е. жениться.

Любя приемыша своего, как родного сына, намереваясь сделать его полным наследником после себя, хозяин за благорассудил женить его на родной своей племяннице — девушке, мимоходом сказать, довольно красивой, очень неглупой, моложе своего нареченного жениха двумя годами.

Дело о женитьбе юного гедалия закипело. Хозяин, дядя невесты, устроил домашнюю пирушку, в начале которой было написано домашнее условие — «теноим», которым обязался дать в приданое за невесту, кроме прочего, что полагается богатой невесте, еще тысячу карбованцев чистоганом жениху в день свадьбы, да и сверх того содержать юную чету на всем своем содержании пятнадцать лет.

Был уже назначен день свадьбы и готовился пир на весь мир краковских евреев; что булок! что гусей и индюков было наготовлено — ужас! Хватило бы на целый полк

солдат-москалей. Краковские евреи и дражайшие их половины заранее облизывались, предвкушая смак жареных гусей и индеек и тонкий аромат пышного, сладкого *лейкаха* (род бисквит, изготовленных на белом меду), макаемого в сладкой водке.

Наступила, наконец, давно с нетерпением ожидаемая суббота, предшествовавшая дню свадьбы. Жених, одетый в новый шелковый капот, подпоясанный новым шелковым кушаком, в шелковом же, накинутом сверху капота, халате; на ногах белые бумажные чулки, подвязанные белыми тесемками пониже колен, пришитыми к нижним концам коротеньких, из желтого цвета нанки штаников; в новых сафьяновых башмачках и собольей шапке поверх ермолки на голове — был с триумфом приведен, до начала утренней молитвы, в синагогу*.

«В середине молитвы, когда обыкновенно чтецом, *бал койре*, читается вслух недельная глава *Пятикнижия*, жених был приглашен читать так называемый *Мафтер* — и лишь он кончил чтение, как был осыпан из женского отделения целым градом сладких фруктов, кишмишем, миндалем и проч. с возгласом: *мазель тов! мазель тов!* т. е. *добрая судьба!*

Как хорошо, как всеобщее! Фрукты эти от женского отделения: «да будет тебе сладок брак!», «да будешь ты сладок в браке!»

Ничего больше не оставалось уже, чего бы требовалось для окончательного соединения двух юных существ, наре-

* Общий закон еврейства: 1) женщина никаким *мицвам* (это — не «миква», а молитва ритуальная, или ритуальное действие) не подлежит, ничего молитвенного не исполняет, а только обязана следить за своей «чистотою» и выполнять все требования своеговременного «очищения»; вообще, следить за собой как супруга и мать, и в этом вся ее религия; 2) мальчик до женитьбы не знает же и не исполняет никаких «мицв», не молится и вообще живет как бы тварь неразумная (хоть и милая), как трава в поле или птица в лесу. Но, 3) тотчас по вступлении в брак еврей принимает на себя все «иго» мицв, довольно сложных и трудных. Таким образом, весь Талмуд есть собственно ритуал *семейного еврея* и к холостому или вдовцу не имеет никакого отношения. Но... не в самые первые дни брака: «*новобрачные* и вообще люди, занимающиеся богоугодными делами, освобождаются от *шема*, от *тефиллы* и от *тефилин*, ибо сказано во *Второзаконии* 6, 7: читай их (эти молитвы), *сидя в доме твоём*: через это исключаются занимающиеся богоугодными делами, и *идя дорогою*: значит, исключаются новобракосочетающиеся». Все это достаточно выразительно. «Горы ханнах висят на одном волоске». Имея подобные предписания, еврею совершенно не надо было иметь буквенные, буквальные, грубые разъяснения, относительно, например, интимной стороны супружества. Все было само собой понятно из сравнений, из ритуала.

ченного жениха с нареченной невестой, — формальности все соблюдены были, — оставалось только ждать следующего воскресенья — и за свадебный пир.

Но, увы, не суждено было этому сбыться, не суждено было этой свадьбе состояться — и напрасно краковские евреи и жены их держали пост целых два дня, запасая животы (*sic*) к великому свадебному пиру.

— Что же такое случилось? — полюбопытствуете, может быть, добрые люди русские.

— Вот что случилось, или, вернее, ничего не случилось, а только дурацкая (да извинит он меня за выражение) набожность будущего моего отца, жениха, перевернула вверх дном все дело в один миг — и свадьбы как не бывало.

Расскажу подробно, как это было. Как добрый еврей, дорого ценивший даже самомалейшее талмудическое указание относительно религиозных правил, в ту вышеописанную субботу, пришед домой из синагоги и потрапезничав отлично по-субботному разными яствами, с жирным, на говяжьей сале изготовленным, национальным *кугелем* в десерт, будущий отец мой, набожный *гедалий*, следуя указанию *Талмуда*, что доброму еврею следует спать в субботу днем после утренней трапезы, лег соснуть часика на два, и потом, вставши и покушав несколько сочных груш *шабес ойпс* («в честь субботы»), тотчас сел за стол и начал читать душеспасительную книгу: *Перек овес*.

Углубившись в чтение столь высокоумной книги, он вдруг был прерван в чтении зовом хозяйки, сидевшей у окна и глазевшей от нечего делать на улицу. Она увидела на той стороне улицы невесту, прогуливающуюся со своими подругами. Желая сделать жениху приятный сюрприз, хозяйка восторженно закричала, маня его рукой к себе: «Гедалий! Гедалий! иди скорее сюда! полюбуйся на свою кралечку невесту.

Лениво, неохотно оторвался набожный жених от драгоценной книги; но не послушаться хозяйки и не пойти было бы уж черезчур неделикатно, и он подошел.

Произошло вдруг что-то непонятное, необъяснимое, загадочное... Лишь только жених подошел к окну и выглянул на улицу, как он весь затрясся как в лихорадке, по всему телу пошли судороги, лицо исказилось как-бы от невыразимой боли в груди, и, пошатнувшись, он чуть не упал; но скоро, однако, оправившись, он выпрямился во весь свой рост, приняв угрожающую позу, и начал...

Начал он сперва на чем свет стоит бранить всех краковских евреев, называя их богоотступниками, еретиками, даже *мешумедами*, которых следует стереть с лица земли; потом добрался до их жен, не жалея для них эпитетов вроде: «развратницы», «блудницы», «бесстыдницы» и т. п.; затем уже перенес свое негодование на самих дочерей их, девиц, в том числе, конечно, и свою невесту, крича в гневном азарте, что они недостойны называться дочерями Израиля, а *щикцами*. Замечу, что *шайнец* и *шикце* евреи называют сыновей и дочерей гоев.

В тот же вечер, после совершения обычного *гавдало* (прощание с уходившей св. субботой; это совершается над стаканом вина, после опорожнения которого с особым наслаждением вдыхают в себя приятный тонкий запах благоуханных стручков; с того момента наступает уже будень), будущий мой отец, не сказав никому ни здравствуй, ни прощай, взял сумку с молитвенными принадлежностями — *тефелины* и *сыдра* — под мышку, мешок с грязным бельем на плечо и, сотряся прах ног своих на великогрешный город Краков, направил свои стопы, по образу пешего хождения, к великому городу Варшаве».

Так Австрия лишилась одного подданного, а Россия приобрела одного подданного. Автор спрашивает:

«В чем же однако тут дело? С чего сыр-бор загорелся, отчего жених ни с того ни с сего взбесился, ругал всех краковских евреев и убежал, бросив невесту на произвол судьбы?»

Помимо набожности будущего моего отца, игравшей главную роль в этой катастрофе, виновата в ней была и сама невеста, не сообразившая, что имеет дело с набожным женихом. В ту злополучную субботу, желая произвести впечатление на жениха, т. е. показаться ему перед свадьбой во всей девичьей красоте, пока у нее волосы на голове целы (у талмудических евреев в вечер свадьбы догола остригали волосы на голове), разнарядившись и без того пышно и роскошно, она имела неосторожность сверх всего вплести еще в свою роскошную косу шелковую алую ленточку, — а так как вплетение такой ленточки в косу было тогда в моде у гойских жен и дочерей, — то, само собою разумеется, это противоречие талмудическим правилам, строго воспрещающим подражать в чем бы то ни было гоям — взбесило моего набожного будущего отца. — «Как, — в ярости закричал он, увидев свою невесту с вплетенною в косе ленточкой: — чтобы дочь Израиля

дозволяла себе подражать гойской моде!.. Нет!.. Этакой — мне не надо...»

...В Варшаве отцу моему недолго пришлось быть одинокому. Варшавские евреи несравненно благочестивее краковских; они, узнав о прибытии в их город такой драгоценности, как набожный гедалий, до того обрадовались, что устроили пир на весь город с танцами, плясками и забавами. Понятно, что царем пира был мой отец.

Не теряя драгоценного времени, варшавские евреи начали хлопотать о женитьбе моего отца, находя ему невест из богатых домов с тысячным приданым; но, верный традициям набожности, отец мой отстранял богатых невест и выбрал себе спутницу жизни наибеднейшую, скромную девицу, Гинделу, дочь раба Шамшона; она-то и была моя мать...»

Оказалось, что отец мой не ошибся в выборе себе подруги жизни: такую смиренную, безответную, послушную во всем жену едва ли удалось бы ему скоро найти; и главное — она, будущая матушка моя, была набожна не менее своего мужа, и даже соперничала с ним в религиозности.

Бог Иегова благословил благочестивую чету, тятеньку и маменьку моих, изобильным плодородием; мать моя народила отцу ровно тринадцать человек детей обоего пола».

Выразительно. Не правда ли, как выразительно? Не осмотрев со всех сторон, «спереди», «сзади», «с боков», «снизу», «сверху» («шести-крылатые серафимы»), типичного, идеального еврея, не понять никогда: да что же такое Библия и библейский дух, как нечто *sui generis* в истории? Вот он перед нами, без всякой мысли, догадки о грехе отношения к женщине, 13-тилетний, готовый *при радости всего народа* приступить к 11-летней: и вместе в эти 13 лет так благочестивый, бессеребрый, как бы это был наш Филарет Московский или Амвросий Оптинский. Тут-то и тайна слияния религии и биологии, всяческих духовных добродетелей (скромных) с столь ранним и ни на минуту не задерживаемым выявлением пола, которые у нас вызывало бы всенародную ругань себе (13 и 11 лет), «разодрание риз» богословами, отвращение — как совершенная «безнравственность». Но посмотрите результат нарушения, а может быть возбуждения, там с 6-ти лет *Псалтирь* в руках, и она остается до гроба другом и спутником человека; у нас — озорство и шалость с 6-ти лет, — и вот встреча с зашедшим на село иноком, или чтение по-

трясающего жития пустытника — и хлоп об пол вчерашнюю разнузданность: на завтра мальчик уходит в монастырь, затворяется от мира, более всего — не смеет взглянуть на женщину.

XIV

Продолжим очерк жизни благочестивого еврея. Пропускаем разные житейские заключения его, то трогательные, то смешные. К числу первых относится, что он, вечно неуклюжий и наивный, принял на себя вину контрабандистов и был посажен в тюрьму, где сгнил бы, если бы жена его не явилась лично к королю в Берлин ходатайствовать за мужа. К числу смешных и самых неприятных по последствиям эпизодов относится то, что он набросился с упреками за недостаточную ревность об обряде на двух молодых служащих евреев в конторе коммерсанта, у которого служил, — за что лишился места, и отсюда начались его бедствия.

«С того дня отец мой точно переродился сызнова: он сразу получил полное отвращение ко всему мирскому, удалился от людей, сходясь с ними только в синагоге во время общей молитвы, отстранился совсем от семейства, оставив заботу содержать жену и детей городским благотворителям; сам же весь предался божественному созерцанию, непрерывно занимаясь чтением каббалистических и других душеспасительных, нравоучительных книг. С семейством, женою и детьми, он сходил только во время субботних и других праздничных трапез, где необходимость заставляет семейно исполнять священные религиозные обряды».

Остановимся на минуту. Семейно мы — ничего религиозного не совершаем! Идем ли в церковь, идем как «Мария», «Иван», дети «Петр» и «Алексей», т. е. кучкой, но не членами организма, не действующими лицами священной оперы. Каждый читает ту же молитву, как другой, и мы за богослужением — плечом к плечу, все равные, т. е. все — единицы, а не части совокупной единицы — семейства. Дома мы — семья; но сейчас же разъединяемся, расчленяемся, округляемся каждый в особую единицу, входя в храм. Нужно, чтобы дом стал церковью, и это есть в юдаизме: тогда в некоторые моменты жизни семьи, быт семьи разлагается в члены, голоса оперы, ее хоры и соло. Немножко, но так.

«Опишу теперь отшельническую жизнь моего отца, т. е. как он проводил дни и ночи постоянно в благочестивых размышлениях, беседуя с Богом. Не думайте, однако, добрые люди, что отец мой на самом деле удалился куда-нибудь подальше от людей, — как это делается у нас, у христиан, что желающий спастись и отречься от мира прежде всего удаляется либо в какой-нибудь монастырь, либо же вовсе в такое пустынное место, где человеческая нога редко ступает, — нет... Он, благочестивый отец мой, как раньше жил дома, так и теперь жил во славу Божию, — с той только разницей, что раньше он зарабатывал свой хлеб мирским, суетным трудом, а теперь... Что «теперь»? — «Теперь» — вот расскажу, увидите.

«В будние дни, считая с первого дня недели (воскресенье) до пятницы включительно отец мой вел себя так: ровно в полночь он вставал с постели, не зажигая ночника, впотьмах, умывался, прочитывал краткую благодарственную молитву *Мойде — аны*, выходил на двор, оттуда возвращался, опять умывал руки и, обтирая их полотенцем, прочитывал другую благодарственную молитву, известную под названием *ашер — иуцер*»...

Заметим, что слово *ашер* по крайней мере близко к *ашера* — каково еврейское наименование финикийской *Астарты*, женского божества, между которой и еврейской «Царицею Субботой» едва ли можно провести серьезную разницу*. «В честь Субботы»... — «в честь Ашеры»... Ашера ли, Суббота ли — деятельная участница в производстве человека, невидимая зиждительница тканей и чудес его тела. Это она водит «младенческую душу» в утробе — по Эдемским садам, и говорит сказки, при рождении

* Чрезвычайный гнев библейских страниц против «ашер» — «астар» не говорит о дальности их расстояния. Старообрядцы отделяются от «никониан» только написанием имени Божия: «Исус» — «Иисус»: а подитека, есть с ними из одной чашки не станут. Однако печален был бы вывод историков, положим, IV-го тысячелетия нашей эры: «в России была одна секта, именуемая *staroobrijatsi*: сущность ее заключалась в смертельной ненависти к Христу-Иисусу, т. е. к Богу христианскому, и они, мирно уживаясь с Магометом и магометанством, с Буддою и буддистами, с Конфуцием и конфуцианством, о вражде к чему не сохранилось никаких следов в их обширной письменности, непрестанно и упорно, до самосожжения, сопротивлялись поклонению Иисусу Христу, и, можно сказать, на каждой странице своей письменности оставили след ненависти к самому имени этого божества, считая его анти-божеством; см. тексты...». Вот на такое-то *resume* похожи все новоевропейские рассуждения о ханаанском и еврейском поклонении, этих как бы «хохлах» и «москалях», в сущности, одной религиозной расы.

забываемые. Во всяком случае, чудо тела — ее чудо; и вот почему *ашер* — йуцер читается при всяком отправлении тела. Автор подстрочно и замечает к названию молитвы: «Это — обязательная благодарственная молитва после каждого процесса естественных надобностей. В ней, молитве этой, высказывается благодарность Богу за то, что Он чрезвычайно премудро устроил человеческую внутренность, и между прочим, даже — сплетение кишечных каналов». И затем от себя добавляет размышление: «Нам, христианам, кажется это совершенно неуместным. Творческую премудрость Божию мы, конечно, видим во всем и должны восхвалять Его за это. Но чтобы исключительно указать на человеческое творение — в этом, кажется, нет смысла. Разве организм мухи или таракана не достоин удивления по устройству их?»

Вот *пан-теизм*, *антропо-морфизм* и, с другой стороны *логический теизм* в близком сопоставлении! «И муха прекрасна, как человек» — догадывается он, — «и в ней мудрость Божия, да и прямо — дыханье Божества»: это тезис пангеиста, против которого что я скажу? Ничего, кроме того, что за себя — муха и хвалит Господа самым бытием своим, а я за себя — молитвой *ашер-йуцер*. Но право ли рассуждение, что раз «муха совершенная, как и я, то смешно мне молиться за себя, потому что ведь не молиться же за нее»! Оно едва ли не есть самое поверхностное и наиболее удаленное от Бога. Во всяком случае, глубочайший *физиологизм* иудейского теизма — очевиден отсюда. Все это — глубоко знаменательно, глубокие просветы бросает на связи религиозные... «Во внутренностях моих читаю Бога и сам я — неумолчная Псалтирь»!..

«Прочитав *ашер-йуцер*, он, затем, обсыпал голову пеплом, сажился, босой, на пол в передний угол комнаты и начинал монотонно читать нараспев *полуночную Хацос*. Сперва читал он отрывки из *Псалтыря* и *Плача Иеремии*, где упоминается о двукратном разорении Иерусалимского храма и изгнании народа Израиля в рабство к гоям и сильно плакал, но однако до того тихо, что домашние спокойно спали, ничего не слышав».

«Проплакав, читая впотьмах, однако, с полчаса времени, он вдруг переменял грустный, плаксивый тон на веселый. Это им читались уже те места из пророков, где предсказывается об избавлении сынов Иаковлевых от рабства и восстановлении их царства. При этом отец то и дело с каким-то азартным озлоблением грозил кому-то

в пространство сжатым кулаком, — вероятно, голям».

«Чтение *Хацос* длилось, обыкновенно, часа полтора; во все время отец то безутешно рыдал, то в экстазе радости тихонько радостно пел и вместе с тем, как я уже раз сказал, страшно грозил кому-то кулаком»...

Все это в высшей степени замечательно. *Печаль и восторг* — это самая суть молитвы еврейской. У нас вовсе не так: это — чтение, в ровном голосе, на протяжении всей молитвы и даже всех молитв. «Богородице»... читается, как «Отче наш»... — без перемены темпа. Наконец, пение молитв у нас бывает умиленное или трогательное, но, например, чтобы оно перешло в угрозу или восторг, или, наконец, в прямой плач — этого просто нельзя представить себе! Таким образом, психология нашей молитвы совершенно другая, чем еврейская, и мы не Тому и не так молимся, как они. «Боги разные»... Но еще о «плаче» и «восторге»: они вообще образуют суть библейского теизма, и у Моисея этот словесный очерк: «с каким-то азартным озлоблением грозил кому-то в пространство сжатым кулаком» — мы читаем, как равно и это читаем же: «в экстазе радости тихонько пел». — Перемены темпа и само лицо переменяющееся — то же сейчас, как и при Иисусе Навине. Заметим, что он — не ритуально плачет, не «по тебе», не потому, что требует текст читаемый: из рассказа видно, что он сам так молится, что это его собственные смены души. Но теперь, ища аналогии — перекидываемся вообще в семитическую древность, — и находим там везде плач и восторг, как два приема молитвы. Их компактно обобщил поэт-философ наших дней в известном стихотворении:

Друг мой! Прежде, как и ныне
Адониса отпевали.
Стон и вопль стоял в пустыне,
Жены скорбные рыдали.

* * *

Друг мой! Прежде, как и ныне
Адонис вставал из гроба:
Не страшна его святыне
Вражьих сил слепая злоба.

* * *

Друг мой! Ныне, как бывало,
Мы любовь свою отпели,
А вдали зарею алой
Вновь лучи ее зардели.

Конечно — это только стишок, но вместе — это мимо-летное и без справок припоминание того действительного исторического факта, что по всему азиатскому и африканскому побережью Средиземного моря действительно молитва состояла из темпов рыдания и ликования. Это как бы поднятия и опадания человеческого пульса к небу. Да вот, например: «Многие обычаи египтян заслуживают упоминания; есть у них, между прочим, одна песня — *Лин*, та самая, которую поют в *Финикии*, на *Кипре* и в других местах, причем, у каждого народа она имеет особое название; с нею совершенно сходна и та песня, которую под именем *Лина* поют *эллины*. Многие в Египте возбуждало во мне удивление, в том числе и песня *Лина*: именно, откуда египтяне заимствовали имя *Лина*? Они, очевидно, искони поют эту песню. *Лин* по-египетски называется *Минерос* (NB: одно из провинциальных имен *Озириса-Адониса*). Египтяне мне рассказывали, что он был единственный сын первого египетского царя, что после безвременной смерти он был почтен жалобными излияниями в песне; это-де и была у них первая и единственная мелодия» (Геродот, II кн., гл. 79). И еще: «празднество в *Бузирисе* совершается так: после жертвоприношения все мужчины и женщины в числе многих десятков тысяч сокрушаются в слезах; по ком они сокрушаются — грешно было бы здесь сказать. Все те карийцы, которые живут в Египте, делают еще больше этого: ножами разрезают себе кожу на лице, из чего видно, что они не египтяне, а пришельцы» (там же, гл. 61). Имя потом забылось в истории, а темп взывания остался; как бы — «нет Пушкина», а его «ямб — живет». Во всяком случае, здесь молитва — не повествование, не изложение нужд, ни вообще умеренно-ровная речь перед Богом. Но вернемся к нашему еврею.

«Но вот, *Хацос* кончен. Отец, кряхтя, расправляя члены и разгибая спину, поднимается с пола, ладонью руки отряхивает пепел с головы, высекает огонь и зажигает сальную свечку, подходит к шкафу с книгами и достает оттуда несколько книг духовного содержания, в том числе *Псалтирь*, садится с ними за стол и принимается читать вполголоса, чтобы не тревожить сон домашних; прочитав по несколько страниц каждой книги и несколько глав *Псалтиря*, он принимался уже за великую, таинственную, каббалистическую книгу, именуемую *Зоар*, которую читал с особым вниманием, напрягая весь ум свой, стараясь проникнуть в глубину таинственности каждого слова ее»...

Остановимся. Уже из одного того, что имя Божие евреи знали, но никогда его не произносили, можно догадываться, что конечно *значительнейшая часть веры евреев*, именно, ближайшая к умалчиваемому Богу — *знаема* ими была, но *не высказывалась*, а передавалась шепотом и тайно друг другу. Так видно по всему складу юдаизма, складу в нем *тайны и страха*. «Мы владеем, но чем владеем — никогда не скажем». Более чем вероятно, что с веками в устных передачах началась путаница, явные ошибки, подобные опискам переписчиков до Никона — и тогда явилось поспешное желание записать, однако записать так, чтобы никем кроме своих прочитано быть не могло. Отсюда безграмотная грамота, тайнопись — и вот *Каббала*; вот разные *Зоар*. В них что-то есть истинное, и даже это истинное есть главнейшее; но было бы безумием преднамеренные в них *кляксы* евреев пытаться перевести на обычный нам смысл. По всему вероятно книги эти похожи на неотчетливую или совсем перевернутую телеграмму: слова — бестолковые; но кто знает обстоятельства дела, все же из них разберет нужное. Попробуем это сделать и мы. Вот автор наш, еврей-христианин, делает подстрочное примечание к слову *Зоар*, важности которого сам не отгадывает:

«Это — весьма почитаемая книга, сочинение известного талмудиста Рабайнаго-Шимона-бен-Иохая. Книга эта написана на языке не совсем понятном, именно: на халдейском, и довольно загадочна по содержанию, так что с точки зрения здравого смысла выходит, что книгу эту сочинил не еврей, а христианин, или если еврей, то из тех, что уверовали во Христа как в Сына Божия. Вся книга наполнена трактованием о страстной, неизменной любви Бога к Шехине (евр. начерт. имени в рукописи), о любовном соединении Бога с нею, Шехиною, и происхождении, от этого соединения, смотря по обстоятельствам, либо *Баранфин* (увеличенное лицо), либо *Зайар анфин* (уменьшенное лицо). Ясно, как день, что автор этой книги признавал тройственность лица Бога и под словом Шехина подразумевает Святого Духа. Блаженные же евреи, точно одурманенные, с невыразимым наслаждением читают известные тексты этой прямо противоречащей ихнему убеждению книги, не желая вникнуть в смысл прочитываемого. Так, например, при встрече царицы Субботы в пятницу вечером читаются два следующих текста: «*Кечавно деиньн Мисиах — даен лейло и Розо даедох*; смысл обоих текстов

сводится к тому, что Бог соединяется любовью с возлюбленным Им существом, и т. д. Что же, на самом деле, читают они, добрые евреи-то, и главное так восхищаются? Непонятно, право».

XV.

Не нужно подсказывать читателю, до какой степени автор этого рассказа не понимает предмета, о котором говорит. По-русски это просто звучит: «любовное соединение Бога с шехиною». Но ведь наш «Бог»* есть «Елогим» (не ед. число; форма ед. числа — *Елоах*) первой строки *Книги бытия*: «Бара Елогим» («вначале сотворил Бог», т. е. небо и землю). Ученые гебраисты говорят, что *Елогим* здесь поставлено во множественном (будто бы) числе, но с иным оттенком, как мы употребляем «небеса» вместо «небо», т. е. что это фигуральное выражение без реальной в нем подкладки; напротив, богословы, как и бедный наш еврей перекрещенец, не менее его видят здесь указание на Св. «Троицу». Между тем «Елогим», «Елоах» имеет корнем своим *Ел*, звук, который входит в *Бел*, или если мы отделим приставку, в *б'Ел* — божество всех семитических племен, которое с начала нашей эры переименованное в *Вельзевула* — стало «князем бесовским». Заметим, что у греческих писателей встречается *Бел* и *Ел*, так что первый звук *б* не был твердо ясен для греческого уха. О нем-то пишет Санхониатон, древнейший финикийский писатель-историк, фрагменты которого, сохраненные у христианских писателей, дошли до нас: «*б'Эл* имел обрезание genital'ий и принудил к тому же другие (низшие) божества». Туманный и бессмысленный отрывок, в котором

* Интересное исследование архимандрита Мефодия «Об именах Божиих», только что пересмотренное мною, внушает мысль заметить следующее: у древних славян были: «*бог* Сварог», «*бог* Велес», «*бог* Перун» и пр. Зачеркнем в этих терминах слова собственные (имена): «Сварог», «Велес», «Перун». Останется *безымянное имя нарицательное*, имеющее все черты отвлеченного знака, отвлеченной представки: «*бог*». Напишем эту отвлеченную представку с большой буквы и получим наше: «Бог». Таким образом, это не *имя божие* (всегда — собственное, личное), а — нечто обобщенное. Европейцы, кажется, погрешили и погрешают, принимая эту «общность за монотеизм. Все общное, всякое обобщение выражается в *единственном* числе («идея», «мысль», «открытие»): но таковую нумерационность обобщений ума нашего будем принимать за «Ведение Единого Истинного Личного Бога»? Вообще европейцы как будто не чужды сомнения в определении своего теизма.

ценно только, что финикийский б'Ел начал для Тира, Сидона и Карфагена то самое, что для Сиона начал «Елогим». Но около «Бэла» есть «Ашера», и вот тут-то мы и находим настоящий комментарий как к «Шехине» бедного виленского еврея, так и не к единственному, но и не к множественному, а, конечно, двойственному числу Елогим: Елоах и Шехина «в любовном соединении», о котором читал анахорет-талмудист, и образуют «не слитно и не раздельно» существо *Елогим*. А что это — так, видно из того, что глагол «бара» — «сотворил» поставлен в единственном числе. «Небеса сияют», «небеса видны», «небеса гремят» — вот ответ филологам, не замечающим, что сколь фигурально ни было бы поставлено во множественном числе подлежащее, при нем и сказуемое стояло бы тоже во множественном числе. Но есть только один акт, который *пока* длится и поскольку длится — самая суть этого акта, *хотя он един*, заключается в *двойственности его производителей*. Но когда так — то, очевидно, в Вильне, Варшаве, Вене не умер «древний Бел», ни около него «Ашера», и только они живут под другими именами. Тот же человек, но уже переменял паспорт. Мы сейчас перейдем к книге, которую читал еврей, но бросим еще заметку, что по свидетельствам Оригена («Homil. in Jerem.», «Comment. in Epistolam ad Romanos»), Климента Александрийского (Stromata) и Феодорита — у египтян обрезанию подвергались не все, но избранные: именно 1) сами «жрецы», 2) те, которые желали получить доступ к мистериям Озириса и Изиды, и 3) которые желали получить доступ вообще к изучению храмовой, «жреческой», «священной» науки. Так вынужден был обрезаться и Пифагор, путешествовавший в Египет и просивший «жрецов» посвятить его в их тайные знания. «Этого нельзя сделать, не посмотрев в корень вещей», — ответили они ему, указав на обрезание и потребовав его. «Нашу науку нельзя понять, ее можно почувствовать, а начало чувства — обрезание». Теизмы — сливаются.

Наука у египтян была «тайная», только в храмах и при храмах; как и Платон (тоже путешествовавший в Египет) разделил философские свои чтения на явные, для Афин и мира, и «тайные», в садах своей Академии, унесенные в сторону от взоров, как мы хороним «обрезанные» свои мысли или евреи закрывают свои обрезанные части. Все — тайна. Все — убегает в сокрытие. Не говорится полными глаголами, но только намеками, сокращениями вроде

условных: «и т. д.», «и т. п.», «и пр. и пр.». Но мы не только вправе, но и совершенно должны предполагать, что все народы, у которых круг религии начинался с обрезания, кроме явных писаний имели или имеют и тайные; кроме письменных памятников — и устное предание; кроме официальной почты имеют еще «посылки с нарочным» или «голубиную почту». Такое «тайное учение» было у обрезанников Пифагора, Платона, египтян; у евреев — это *Каббала*. Можно сказать, если бы о ней не было никаких известий, ее существование, т. е. что она *есть* — мы заподозрили бы, догадались бы.

Уже *Талмуд*, если его читать прямо, не имея догадок о тайне юдаизма, представляется глубокой бессмыслицею; и, напротив, он исполняется тайного и очень приятного света в самых темных своих уголках для того, кто имеет свою «эврику» относительно его подпочвы. Тогда, например, понятны становятся «обрезанные» и «не обрезанные плоды», т. е. простое раздвижение мысли брака (пола) в *universus*, признание, что пол — дышит во всем. «Обрезанные плоды» — это пантеизм *поверенный* («вера», «сердечное упование», *religio*), как гегельянство есть пантеизм *сознанный*. И т. п. Такою же и еще более бессмыслицею прежде всего представляется и *Каббала*. «Священная *Каббала*» — называют евреи; «но это — бессмыслица!», — отвечают унисоном европейцы.

Я не видел никогда ни *Каббалы*, ни ее переводов; но читая о ней — не мог не поразиться опять светлыми, для меня прозрачными, пятнами там, где ее описатели восклицают только: «бессмыслица!»

Происхождение ее — неизвестно. И это — важно. Нам представляется везде в Библии твердый факт, отсутствие туманов, и мы так привыкли к этому, что отделяем арийцев от евреев тем, что первые — в мифах, вторые — без мифа. «Там — Бог, а у арийцев только сказания о бесах». Мы точно забыли Саула и тень Самуила, его испугавшую; что есть факт. Да, Библия есть факт, потому что Библия есть кровь; но от крови идут еще *кровавые испарения*, и вот это уже не факт, а *призрачное*, куда мы и вступаем.

О происхождении *Каббалы* есть два предания. В гл. VI *Бытия*, ст. 1—4, говорится: «Когда люди начали (после Адама и первых патриархов) умножаться на земле, и родились у них дочери: тогда сыны Божии (NB!) увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто выбрал. И сказал Господь: не вечно Духу

Моему быть пренебрегаемым человеками: потому, что они плоть, пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как Сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это — сильные, издревле славные, люди». Но правда ли, тут в кратком очерке, пожалуй, как бы включены все сказания древних. Есть у евреев апокрифическая книга — *патриарха Еноха*, и там эта краткая запись Библии раздвинута в более подробное сказание. Приведем и его: «Когда люди размножились и стали рождаться у них видные из себя и прекрасные лицом дочери, то ангелы, сыны неба, увидев их, воспылали к ним любовью и сказали: «войдем, выберем себе жен из дочерей человеческих и произведем с ними детей». Тогда сказал их начальник Самьяца: «Я боюсь, чтобы вы не испугались и не отступили от этого дела и чтобы я один не пострадал за него». Но они возразили ему, говоря: «мы клянемся и обязуемся все взаимною клятвою не изменять нашему решению и исполнить наше намерение». Тогда поклялись они все один другому и обязались взаимною клятвою. Число их было двести: они спустились на Ардис, вершину горы Армона... Они взяли себе жен, каждый по своему выбору; они вошли к ним и жили с ними, и научили их волшебству, заклинаниям и употреблению корней и трав. Один из их, Аزازел, научил людей делать мечи, ножи, щиты и панцыри; он же научил их делать зеркала, браслеты и украшения, а также употреблению румян, подкрашиванию бровей, употреблению драгоценных камней, изящного вида и цвета, так что мир совершенно преобразился. Другой, Амацаран, научил всякому волшебству и употреблению корней. Третий, Армерс, научил, как прекращать действие чар. Баркаял научил наблюдать светила небесные; Акибиил научил знамениям и приметам, Тамиил — астрономии и Асарадел — движению луны».

Запись эта важна. И Прометей — всему «научает» людей; он — так же полубог, как эти — ангелы, «сыны неба», по наименованию апокрифической книги *патриарха Еноха*. Знание — с неба: «полубожеское», «ангельское» устремление человека; вот что нам нужно. Священна цевница, и арфа Давида, и струны Мариам; и приемлемы орудия труда человеческого и украшения человеческого, вплоть до зеркал и браслет, дабы человек любил себя и любовался собой, и был любим. Еще важно: «сыны неба» вводят человека в тайну трав, в дрожание звезд. Ело-

гим — творец мира, а «ангелы» Его, «сыны неба» — держат в руках, каждый, звездочку, травку. И «сообщение» с дочерьми человеческими, прекрасными и благоухающими, есть только любовь небес к человеку, близость человека к небу, священная связуемость между ними, кровная, внутренняя, казалось бы, особенно долженствующая быть понятною христианину. Но средние века не так взглянули на легенду. «Общение? Это — диавол!» Милое вдруг превратилось в грязное, чистое — заподозрилось и подозрение покрыло его корой проказы. Плоть потеряла всякую прелесть в себе*.

Часть каббалистов и утверждает, что эти-то «сообщившиеся с людьми» ангелы принесли людям каббалистические, т. е. «сверхземные», небесные, «ноуменальные» пожалуй, сведения.

Другое предание о происхождении Каббалы нам представляется серьезнее. Оно записано в Вавилонском Талмуде**. Известно, что Моисей на Синае был «лицом к лицу»

* К спору с о. Михаилом: «Возобновители язычества в наши дни, Мережковский и Розанов» усиливаются, твердо и положительно: 1) к внесению грации, милого, миловидного, и при том не только извне («кокетливость»), но главное изнутри («душа проглядывает сквозь тело») в нашу теперешнюю, довольно грязноватую, засаленную, плоть; 2) в частности, в сфере отношений одного пола к другому, они не проповедуют разнузданности, но меру, не хотят «вакханалий» (дебош купца в загородном саду, см. «Чертогон» у Лескова), и первые ушли бы с них, будут ли они в римском или русском вкусе, а *La patres conscripti* или а *la Koupez*. Но куда «ушли бы»? Вопрос слишком сложный, чтобы на него ответить в двух строчках, но и в двух строчках можно дать начало ответа: «Ушли бы в таинственный и странный феномен влюбленности (очень длительной), ну, как, например, ее начали обрисовывать, в религиозно-философских собраниях (дебаты о браке) проф. Налимов и Вл. В. Успенский. Вообще, «язычники» начали подымать плоть не в смысле «дать хвалу плоти», а в смысле «внести душу в плоть», просветить то, что теперь света в себе не имеет. «Люциферы» (демоны), кричат на нас враги (М. А. Новоселов); но мы переделываем порицание в похвалу: «*lucem ferentes*» («несущие свет»). В самом деле, чем бы наше «язычество» не кончилось, пусть — полным провалом; в теперешней начальной фазе оно имеет, и все до дна, один мотив: «вон из тьмы! к свету!» Пусть о. Михаил на меня не сетует, что я часто к нему обращаюсь: это — не вражда (хотя по временам, на некоторые его строки, гнев загорается), но обращение все же к очень внимательному и живому оппоненту. Что спорить «с пространством», — хочется спорить с лицом («религия» этим и отличается от «философии»).

** Талмуд, как известно, имеет две существенно различные редакции — которые, по месту их происхождения (по месту жительства ученых евреев, истолковавших Библию и редактировавших Талмуд), носят наименование *Вавилонской* и *Иерусалимской*. Первая гораздо обширнее и гебраистами ставится выше.

с Богом, и что там он оставался очень долго, слишком долго для написания скрижалей Завета, или даже для сообщения всего обширного священного законодательства. Легенда Вавилонского Талмуда и рассказывает, что сверх написанных, содержащихся в «Торе» («Пятикнижие» Моисея) законов, Моисей получил от Бога еще многие сведения, которые уже не могли войти в явный закон, и их можно было сообщать «только посвященным». Эти «посвященные» в тайные знания и были те 70 старейшин, которые были поставлены Моисеем «старейшинами над народом». От них и от Моисея путем устной передачи сохранялось божественное слово всегда в Израиле, но внутри тесного круга. В «Торе» оно же изложено, но прикровенно. В одной из каббалистических книг это выражается так: «Горе человеку, который в Законе («Пятикнижии») не видит ничего другого, кроме простых рассказов и обыкновенных слов! Если б он действительно не содержал ничего более, то мы могли бы и в настоящее время точно также написать закон, столь же достойный удивления. Чтобы найти обыкновенные слова, мы можем обратиться к земным законодателям, у которых часто находят даже нечто большее. Тогда достаточно было бы только подражать им и написать закон на основании их слов и их примера. Но это не так: всякое слово в Законе, содержит более глубокий смысл и скрытую тайну. Рассказы, находящиеся в Законе, суть только внешняя одежда закона. Горе тому, кто одежду закона считает за самый закон. Об этом Давид говорит: «Господи, отверзи очи мои, чтобы я увидел чудеса в законе Твоем» (NB: действительно, необычайное выражение!). Давид говорит здесь о том, что скрыто под одеждою закона. Существуют группы, которые, если видят человека в прекрасном платье, то судят о нем по платью, между тем как только тело придает ценность платью; душа же еще ценнее тела. Закон также имеет свое тело. Это суть его заповеди, которые можно написать телом закона. Простые рассказы, присоединяемые к ним, суть одежды, покрывающие это тело. Большинство обращает внимание только на платье или на рассказы закона; они не знают ничего другого; они не видят, что скрыто под платьем. Напротив, более просвещенные не обращают уже внимания на одежды, а смотрят на тело, которое покрыто ими. Наконец, мудрые слуги Вышнего Царя, обитающих на высотах Синай, занимаются только душою, которая есть основание для всего остального и для самого закона; в будущем эти

мудрые дойдут до того, что будут созерцать душу самой души, которой дыхание проявляется в законе» (трактат «Зехер»).

Кабала состояла первоначально из многих трактатов, но из них от большинства сохранились только названия или краткие отрывки в раввинистической литературе, в дошли в полном виде два трактата: «*Сефер Ецира*» т. е. «*Книга о творении*» и «*Зехер*» — что значит «Свет» или «Блеск». Получили они письменное изложение приблизительно между временем пророка Даниила и войнами Маккавеев. В Европу были привезены евреем Моисеем из Леоны и первоначально были приняты европейскими учеными за измышления этого бедного странствующего еврея. Только при ближайшем изучении открылся их глубоко древний характер.

Уже записанная, *Каббала* все-таки таилась. Нельзя, однако, не обратить внимания на характер этого утаивания. Нельзя сказать, чтобы она запиралась на замок, зарывалась в землю, клалась под сукно. Характер секрета был другой: о ней нельзя было вслух говорить. *Каббала* одета молчанием. Не говорят, что ее «нет», но говорят, что ее «нельзя видеть». Главная черта (тайная мысль устройства) Святого-Святых в Скинии Моисеевой и в Соломоновом храме заключалась тоже в том, что его нельзя было видеть. «Бог — во мгле», сказано в одном месте *Исхода*. Я был поражен, читая подробное описание *Святого-Святых*, что оно ни малейшего сходства не имело, в плане и мысли, с алтарем наших храмов. Это был совершенно черный, совершенно мглистый кусок Скинии, небольшой куб, в нее вставленный, без малейших прорезей для света, Окон — нет, дверей — нет же, а занавесы, ее отделяющие от «Святого», имели такое устройство (и это самое удивительное), что их нужно было не приподнять (причем туда вошел бы свет), чтобы войти туда (первосвященнику), а входящий шел все время тесным коридором *заходящих друг за друга занавесей*, в великом страхе, в великом трепете, в темноте! И никто никогда не видел золота и всего великолепия крышки Ковчега! Но мы это прерываем. «Святое — тайна», вот в чем смысл устройства; *mutatis mutandis* «тайна — свята!» «Священная Каббала» есть ее *ipso* — «тайна» же, «во мгле», «в молчании». Ее берегут, но не как золото в банке, а как некоторую деликатность, о которой не распространяются.

Вот следы того. Как известно, *Талмуд* разделяется на

Мишну и Гемару. Мишна — толкование Закона, т. е. избранных мест *Исхода*, *Второзакония* и *Левит*, и составляет фундаментальную, первую половину Талмуда. В одном ее месте говорится: «Запрещается объяснять двоим книгу творения, а Меркава или небесную колесницу (*Зехер*) не следует объяснять даже и одному, хотя бы это был даже мудрец, сам собою способный понять ее». Не правда-ли, удивительно?! «Мы оба знаем; но это, нам известное, таково, что мы оба воздерживаемся о нем говорить». Это — не ужас, не страх; это... деликатность. «Все об этом знают, но никто не говорит вслух», «всем это нужно — но все об этом молчат», «у всех это есть, но никто этого не называет». Вот аналогия странному запрещению *Мишны*.

Еще замечательнее, что, по *Мишне*, не все и соглашались, хотели изучать *Каббалу*. Там есть рассказ: «Равви Иоханан сказал однажды равви Елиезару: приходи ко мне, я посвящу тебя в *Меркава* («*Зехер*», «*Колесница*»). Но Елиезар ответил ему: «для этого я еще неостаточно стар» (NB!!). Когда Елиезар состарился, то равви Иоханан уже умер. Через некоторое время пришел равви Асеи к равви Елиезару и сказал: «теперь я посвящу тебя в *Меркава*». Однако Елиезар ответил: «если бы я считал себя достойным этого, я был бы уже обучен твоим наставником Иохананом».

Это — уклончивость. Елиезар, очевидно, знает, в крайних очертаниях, что это такое; но не желает вовсе войти *in medias res*. «Не нужно», «не хочу»; «обойдитесь между собой — а я вам не товарищ».

В Талмуде еще рассказывается, что из мудрых людей, занимавшихся каббалистической, многие сходили с ума или лишались веры. Поэтому кружок каббалистов всегда составлял как бы тайное братство в самом еврействе. Они собирались на собрание, абсолютно для непосвященных недоступное. В *Зехере* они именуются *Идра Рабба Кадиша*, т. е. *Великое святое собрание* и *Идра Зута Кадиша*, т. е. *Малое святое собрание*. Здесь изображены беседы равви Симеона бен-Иохан со своими учениками: на большом собрании присутствовало 10, на малом 7 лиц. То и другое собрание открывалось целым рядом церемоний, причем равви Симеон, заставлял своих учеников поклясться, что они будут следить за тем, чтобы эти мистерии не профанировались и чтобы ими не злоупотребляли. Здесь опять мы имеем аналогию «садам» Платона, и, может быть «мистериям», к которым готовились, о которых нельзя было

разглашать и нельзя было их профанировать» в Элевзисе греческом. Мы имеем, во всех этих вещах, какие-то мировые выкройки, сходящиеся углами в одну точку. Во всяком случае о нашей литургии или всенощной невозможно сказать или предупредить: «об этом не разглашайте, этого не профанируйте». Как в алтарь наш можно войти и все там осмотреть, так и о литургии нашей можно все рассказать. Наша религия — явное (дневное), их — тайное. Вот маленький отрывок из *Идра Рабба Кадиша* об этих собраниях: «Равви Симеон сказал однажды своим последователям: соберитесь, сопутствующие мне, на открытом месте, будьте вполне готовы; подготовьте ваше суждение, вашу мудрость, понимание, знание, усердие; будьте готовы с руками и ногами; крепко держитесь за Господа, который нам вами, во власти Которого находятся жизнь и смерть, дабы вы могли воспринять слово правды Его. И сказав это, равви Симеон сел на землю и плакал. После этого он сказал: горе мне! должен ли я открыть это? горе мне! должен ли я не открывать об этом? И когда он это говорил, все окружавшие его хранили глубокое молчание. Тогда поднялся равви Абба и заговорил, обращаясь к нему: Божиим милосердием написано так (Псалом XXIV, 14): «Тайна Господня — боящимся Его, и завет Свой Он открывает им» (т. е. «завет» ветхий, обрезание). И верь, эти спутники твои боятся Святого и прославленного Единого, и собрались они теперь на собрание подобно тому, как бы в дом Его». Когда он эту речь окончил, окружающие, сколько их ни было, подали равви Симеону руку и подняли пальцы, и вышли в поле, и сели под деревья. Равви Симеон поднялся и прочел молитву: затем сел среди них и произнес: «кто этого хочет, да положит свою руку на мою грудь». И все положили на нее свои руки. Они долго молчали и слышали голос; от страха их колена стучали одно и другое. Что же это был за голос? Это был голос небесного воинства, которое собралось, чтобы слушать их. Тогда равви Симеон исполнился радости и сказал такие слова: «Господи, я не скажу, как один из Твоих пророков, что я услышал глас Твой и убоялся (NB: это — слова Адама, когда после вкушения запретного плода Бог искал его, и он спрятался и затем оправдывался, что «убоялся Его»). Теперь уже не время для страха, а время для любви, как написано: «Возлюби предвечного Бога твоего». И когда равви Симеон отверз уста, чтобы говорить, заколебалось все поле, и все слушатели его содрогнулись».

Таков рассказ, в котором чуткое ухо отметит молча для себя некоторые важные черты. Как это многозначительно, например: «положите руки мне на грудь». Пастер или Гегель, или Спенсер просто не могли бы придумать такого слова! Или слушатели — в ответ расхохотались бы! Но где все начинается (и издревле все началось) с обрезания, ученик уже чутко присматривается не только к дышащей груди учителя, но и ко всякому волоску на этой груди. И еще: «нет страха, мы возвращаемся в любовь». И намек на Адама, без упоминания его имени: «мы — уже не в древе познания добра и зла, вкусив которого, Адам затрепетал приближения Божия, а в древе жизни». Отсюда исчезновение страха и открытие любви. Можно подумать, что *Каббала* заставляет херувима «с огненным вращающимся мечом, чтобы охранять древо жизни» — опускать этот меч; и посвященным вновь открывает деревья «между реками Эфратом, Тигром, Геоном и Фесоном».

Речи этого-то равви Семеона, множество мнений которого вошло в Мишну, т. е. составляют открытое, всеми читаемое св. Писание евреев, составляют в то же время два самые большие отдела Зехера. Теперь мы перейдем к самому учению Каббалы.

XVI.

«*Сефер Ецира*», «Книга о происхождении», приписывается патриарху Аврааму и составляет как бы запись его наблюдений над миром и течением в нем всех вещей. Патриарх, путем наблюдения над порядком и гармонией явлений природы, а также над родством их, приходит к ощущению всемогущества Божия, по воле Которого стало все. Затем он переходит к разрозненным явлениям, дабы через них приблизиться к божественной премудрости. Отсюда начинается путь, может быть, детски-смешной, а может быть поразительно углубленный (если вспомнить Платона и Гегеля, по которым «идея вещи» гораздо глубже и первоначальнее самой вещи; «идея» же ее, т. е. вещи, есть часто просто *имя ее*): *Сефер Ецира* слова нашего языка или *имена* вещей принимает не за орудия нашего обмена мысли (пожалуй, в древнейшие времена *личной* только, «патриаршей», а не народной жизни, это так и было: *имя* вещи есть упорный звук, в упор сказанное человеком слово, при первом воззрении на пластику и в то же время, может быть, на художество и, следовательно, *душу*

вещи), но за *самые вещи*, и первые заступают место последних. «В слове лежит все, из слова исходит все», говорит в одном месте *Сефер Ецира*; и еще в другом: «слово есть Бог». Во всяком случае это не шутка, и не детский лепет для веков до нашей эры. Затем обращается внимание, что вся сумма слов человеческого языка состоит из 22 (еврейских) букв и первых десяти чисел, из коих можно составить все другие. Эти $22 + 10 = 32$ знака называются «тридцатью двумя чудесными путями мудрости». Мы входим в характернейшие умозрения Востока.

Сефер Ецира входит в рассмотрение каждого из этих «путей мудрости». Не входя в это рассмотрение, остановимся несколько, как на образце каббалистического мудрования, на разборе первых десяти чисел, «десяти сфиро». Тот факт, что *десять сфиро* (через сложение и умножение) производят всевозможные числа и что ряд чисел бесконечен, производило на древних евреев (очевидно — на первых, кто об этом стал размышлять) чрезвычайное удивление. «Для десяти сфиро не существует предела ни в будущем, ни в прошедшем», говорится в одном месте. Но затем, так как все вещи мира измеримы и, следовательно, выразимы через число, «нарекаемы в числе», то у каббалистов сущность числа стала смешиваться с сущностью вещей. «Вещь я узнаю, если узнаю число ее». Это как в антропометрических бюро: вместо имени, отчества и фамилии преступника снимают сотню мерок с его головы, и записав их, уверены: «где бы ты ни гулял по свету, если попадешься вторично — мы узнаем тебя по особенному числу твоему». Так (по каббалистам, по Пифагору) и Бог: Он — великий счетчик мира, держащий в уме своем «число их» и через эти же числа на них действующий, как через их душу (математические законы природы).

Так как Бог — един, что вытекает из Его бесконечности и всемогущества (*еще* Бог ограничивал бы *первого* и ограничивался бы Сам им), то первая «сфиро», число «один», сливается с *субстанцией* Божиею. «Первая сфиро, один, это есть дух Бога живого, да будет благословенно имя Его». Вторая сфиро (2) есть *слово*. Ибо в физической своей стороне слово есть *дыхание*; а в психологической этой есть *мысль*, и их синтез, т. е. (2) образует слово. Слово (2), в свою очередь, состоит из 22 букв: «Два есть дыхание, исходящее от духа; в нем 22 буквы, но они составляют одно дыхание, только получившее образ и

форму». Эти 22 буквы разделяются на три группы, именуемые «тремя матерями», — «семью двучленными» и «двенадцатью простыми». Через это мало мотивированное (может быть, преднамеренно и искусственно придуманное) деление выдвигаются как особенно многозначительные числа: 3, 7, 12. «Мир устроен из трех стихий: огня, воды и воздуха, это — три матери» (мира). Огонь есть существо неба, из воды произошла земля, и их разделяет и примиряет воздух. Год также имеет трех матерей, сухое время, дождливое и умеренное (местные, сирийско-египетские, времена года). В человеческом теле также господствуют три матери, ибо тело состоит из *груди, головы и живота*. «Семь двучленных» соответствуют противоположностям, т. е. таким вещам, которые равно имеют готовность (наклонность) к добру или злу: так, «существуют семь планет, имеющие хорошее или дурное влияние на землю; в неделе — семь дней и семь ночей; в человеческой голове семь входов, открытых как хорошему, так и худому». Наконец, «двенадцать одночленных» содержатся в 12 месяцах года, в 12 созвездиях зодиака и в 12 родах деятельности человека: зрении, слухе, обонянии, осязании, слове, питании, размножении, движении, гневе, смехе, мысли и сне.

Тут есть немного и Фалеса, и Пифагора. Во всяком случае, наше представление (например, Ренана), что евреи не имеют самой идеи знания, самого инстинкта мудрования, а только «молятся Богу» — не верно. Они также любят копаться, по-своему, странно, но очень прилежно: «что», «как» и «почему». Нельзя же преждевременную и афористическую усталость знания у Екклезиаста («все — томление духа») принимать за что-то исчерпывающее Израиля.

Зехер — та самая книга, которую с таким самоуслаждением читал старый талмудист, сын которого перешел в православие и оставил столь любопытные записки. Она трактует о Боге. Один отдел ее, в отрывке, вошел в пророчество Иезекииля. Это — знаменитая «Меркаба» («Колесница»), которую «нельзя объяснить другому даже и тогда, если бы ты видел, что он уже сам понимает ее». Мы приведем это место из Иезекииля: оно вводит в Недра Небесные, оно — не от Бога к человеку (как все пророчества), а человека (око его, разум его) вводит в Бога. К тому же, видение Престола Божия и славы Божией у новозаветного тайнозрителя Иоанна (Апокалипсис), в сущности, есть второе разверзание этих же Недр:

«И было», — начинает Иезекииль книгу пророчества, — «в тридцатый год, в четвертый месяц, в пятый день месяца, когда я находился среди переселенцев при реке Ховаре (в Вавилонии), отверзлись небеса, и я видел видения Божии. В пятый день месяца, в пятый год от пленения царя Иоакима, было слово Господне к Иезекиилю, сыну Вузия, священнику, в земле Халдейской, при реке Ховаре; и была на нем там рука Господня.

«И я видел, вот буйный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь*, и сияние вокруг его, а из середины его как бы свет пламени из середины огня; и из середины его видно было подобие четырех животных и таков был вид их: облик их был, как у человека; и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла; а ноги их ноги прямые, и ступни ног их, как ступни ноги у тельца, и сверкали, как блестящая медь; и крылья их были легкие.

«И руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их, и лица у них, и крылья у них — у всех четырех; крылья их соприкасались одно к другому; во время шествия своего они не оборачивались, а шли каждое по направлению лица своего».

«Крылья их соприкасались»... Это есть выражение Моисея о херувимах чеканной золотой работы, изваянных на крышке Ковчега завета, стоявшего во Святое^е Святых. Очевидно, тайны Божии, виденные на Синае Моисеем, имели родственное с тайнами, открывшимися Иезекиилю. И вообще здесь мы вводимся в *существо Божие*. Отметим, что так как «человек бе по образу и подобию Божию», то и в нем (человеке) мы наблюдаем «разные» же лица, «идущие каждое по своему направлению», откуда и происходит в нем смятение страстей, противоборствование стихий, сокрушения сердца. И вот этот момент мы находим и «там». Человек — много-личен, много-талантен, много-устремляем! А если так**, то и «там» — то же!

* Перед Израилем, в пустыне, также «шел Бог впереди — днем облаком, ночью — в виде огненного столба». Обыкновенно комментаторами Библии это приносится к *нуждам* народа: *полог* от дневного зноя и *свеча* — в ночи. Но здесь, в видении Иезекииля, очевидно этих *нужд* нет; а следовательно и разделение Божие на «облако» и «столб» и в самой пустыне выражало существо Елогим (не Елоах), а не относилось к *нуждам* человеческим.

** Здесь есть хоть какой-нибудь просвет к постижению, так сказать, смятения истории: отчего она не то же, что «прямая линия», «пара рельс», миленькая «идея» Гегеля, а явная *буря бездонность*, неисчер-

«Подобие лиц их, — продолжал Иезекииль, — лицо человека и лицо льва с правой стороны у всех их четырех; а с левой стороны лицо тельца у всех четырех и лицо орла у всех четырех».

Эти самые лица — и в *Апокалипсисе* Иоанна. Апокалипсис и Иезекииль — *одно*; «того же духа, той же цели». Апокалипсис — совершенно особая новозаветная книга, уже не от слова, но от плоти; посему она вся и есть в видениях, фигурах, картинах.

«И лица их, и крылья их сверху были разделены, но у каждого два крыла соприкасались одно к другому, а два покрывали тела их».

«И шли они, каждое в ту сторону, которая перед лицом его; куда дух хотел идти, туда и шли; во время шествия своего не оборачивались».

Непреклонность, неуклонность — суть небес и *сильного* на земле!

«И вид этих животных был, как вид горящих углей, как вид лампад»...

Поразительно: пылание и святость — суть небес! В самом деле, и *лампада* ведь что такое, как не сочетание огня и кроткой оливы!

...«Огонь ходил между животными, и сияние от огня и молнии исходило из огня. И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния».

Теперь будет наименее понятная и самая поразительная часть видения, по имени которой оно и названо «*Меркаба*», «*Колесница*»:

«И смотрел я на животных, и вот на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их. Вид колес и устройство их, — как вид топаза, и подобие у всех четырех одно; и по виду их, и по устройению их казалось, будто колесо находится в колесе».

«Когда они (колеса? по-видимому — конечно!) шли, то шли на четыре свои стороны; во время шествия не оборачивались».

«А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз».

паемость; как, в микроскопическом виде, и наша бедная жизнь, такова же: несчастная и славная, розовая и «чернее черноты». Идут лица в *разные* стороны», говорит Иезекииль, и это есть самое *разумное* объяснение, пусть оно и похоже на многоточие, на «завесу»...

Вводится разум, смысл, видение в странное сочетание «лиц» и «колес».

«И когда шли животные, шли и колеса подле (них); а когда животные поднимались от земли, тогда поднимались и колеса».

«Куда дух хотел идти, туда шли и они; куда бы ни пошел дух, и колеса поднимались наравне с ним: ибо дух животных — в колесах!»

«Когда шли те, шли и они; и когда те стояли, стояли и они; и когда те поднимались от земли, тогда наравне с ними поднимались и колеса; ибо дух животных был в колесах».

«Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла*, простертого сверху над головами их».

«А под сводом простирались крылья их прямо одно к другому, и у каждого были два крыла, которые покрывали их, у каждого два крыла покрывали тела их».

«И когда они шли, я слышал шум крыльев, как бы шум многих вод, как бы глас Всемогущего, сильный шум, как бы шум в воинском стане, (а) когда они останавливались, опускали крылья свои. И голос был со свода, который над головами их; когда они останавливались, тогда опускали крылья свои!»

«А над сводом, который над головами их, — подобие престола, по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем».

«И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг его».

«В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом».

«Таково было видение подобия славы Господней**. Увидев это, я пал на лицо свое, и слышал глас Глаголющего, и Он сказал мне: сын человеческий! стань на ноги твои и Я буду говорить с тобою» (гл. I и из главы II ст. 1).

* Кристалл, подымавшийся с середины Престола Божия, окруженного этими четырьмя животными, является и в *Апокалипсисе* св. Иоанна.

** В Талмуде, в разных местах, упоминаются, употребляясь (на пространстве одного текста) одно вместо другого, «Слава Господня». В значении физиологического толкования такой замены, что в Талмуде же нередко говорится: «жена есть слава своего мужа».

Лица сидящего на престоле — не упомянуто; только — «вид огня — внутри Его; и от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы огонь и сияние вокруг его».

Видение повторяется с небольшим оттенком и добавлением в главе X (т. е. у Иезекииля же). Так как *Апокалипсис* и *Иезекииль* одни только говорят прямо о *Боге, Недрах Небесных*, т. е. это редчайший, исключительнейший глагол св. Писания, то мы приведем и второй краткий отрывок:

«И видел я, и вот на своде, который над главами херувимов, как бы камень сапфир, как бы нечто похожее на престол видимо было над ними.

«И говорил Он человеку, одетому в льняную одежду, и сказал: войди между колесами под херувимов, и возьми полные пригоршни горящих угольев между херувимами, и брось на город; и он вошел, и я это видел.

«Херувимы же стояли по правую сторону Дома (*Господня*), когда вошел тот человек, и облако наполнило внутренний двор (NB: храма Господня).

«И поднялась Слава Господня с херувима к порогу Дома, и Дом наполнился облаком — двор наполнился сиянием Славы Господа. И шум от крыльев херувимов слышен был даже на внешнем дворе, как бы глас Бога всемогущего, когда Он говорит».

«И когда Он дал повеление человеку, одетому в льняную одежду, сказав: возьми огня между колесами, между херувимами; и когда он вошел и стал у колеса, тогда из среды херувимов один херувим простер руку свою к огню, который между херувимами, и взял, и дал в пригоршни одетому в льняную одежду. Он взял и вышел».

«И видно было у херувимов подобие рук человеческих под крыльями их. И видел я, и вот четыре колеса подле херувимов, по одному колесу подле каждого херувима, и колеса по виду как бы из камня топаза. И по виду все четыре сходны, как будто бы колесо находилось в колесе».

«Когда шли они, то шли на четыре свои стороны; во время шествия своего не оборачивались, но к тому месту, куда обращена была голова, и они туда шли: во время шествия своего не оборачивались. И все тело их, и спина их, и руки их, и крылья их, и колеса кругом были полны очей, все четыре колеса их.

«К колесам сим, как я услышал, было сказано: *галгал* (NB: «вихрь»)».

«И у каждого из животных четыре лица: первое лицо — лицо херувимово*, второе лицо — лицо человеческое, третье лицо — львиное и четвертое лицо орлиное».

«Херувимы поднялись. Это были те же животные, которые видел я при реке Ховаре».

«И когда шли херувимы, тогда шли подле них и колеса; и когда херувимы поднимали крылья свои, чтобы подняться от земли, и колеса не отделялись, но были при них. Когда те стояли, стояли и они; когда те поднимались, поднимались и они; ибо в них — дух животных».

«И отошла Слава Господня от порога Дома, и стала над херувимами. И подняли херувимы крылья свои, и поднялись, в глазах моих, от земли; когда они уходили, то и колеса подле них; и стали у входа в восточные врата Дома Господня, и Слава Бога Израилева вверху над ними. Это были те же животные, которых видел я в подножии Бога Израилева при реке Ховаре. И я узнал, что это херувимы».

Во всяком случае, это до такой степени не похоже на обычные у нас изображения «царства Небесного» (старец в облаках, или — старец на престоле среди сияния), что не может быть сомнения в том, что собственно мы, европейцы, всегда рисуем не как Израилю открылся Бог-Недро, но как приблизительно греки рисовали Бога-Внешность («помавающий бровями»). У нас — эллинские представления; перед семитическими же мы просто затрепетали бы! Между тем истина, конечно, у них, — истина, которая бросила бы нас в холод и жар. «Так мы представляем, скорее демонов, в огне, пылающими; а они находят там своего Бога». «Огонь и очи, угли, и колеса, и звери, и лампы в молниеносном движении, в страшном разбегании, то поднятия, то опускания, и затеняемые крылами — чудовищно! непредставимо! невозможно! реально! свято! **»

* Здесь — оно заменяет недостающее «лицо тельца» и, следовательно, «херувимы», по Иезекиилю, имеют «вид тельца». Поэтому-то, воздвигнув «Тельца» и «двух тельцов», Аарон и Иеровоам воздвигли лики херувимов: но «не подобает твари поклоняться как Творцу»; и отсюда, отчасти, негодование Моисея и пророков: «не поклоняйся колесу колесницы, но сидящему на колеснице — Богу».

** Непредставимо — это замечательно. Если мы возьмем ядро и начнем набрасывать *вид* видения Иезекииля — мы собьемся, запутаемся и ничего не выйдет. Есть рисунок Рафаэля (в нашем Эрмитаже) «Видение Иезекииля»: но он рационален и плосок. Нужно заметить, что самый *план* его — иррациональный, и его нельзя построить, как и «разделить угол на три равные части» (неразрешимая проблема геометрии). При чтении у Олесницкого описания Моисеевой скинии, я был поражен тем, что

Вот невольные восклицания арийца, которые мы попытались выразить. Отсюда восклицания ученых: «нет никакой логики в Меркаба («Колеснице») и всей вообще Каббале». Но что Каббала не есть инородная и внешняя для Библии книга, видно из того, что таинственнейший (и канонический) пророк Ветхого Завета прямо с нее собственно начинает свое пророчество, говорит, что он *видел тему «Каббалы»*, нарекает эту тему *Существом Божиим*, откуда глас он услышал и повиновался этому гласу в пророчествах своих, которые обязательны и священны для нас, христиан. Но вот на что еще надо обратить внимание: в *Исходе*, при описании синайского законодательства и первых, важнейших служений в Скинии, говорится о «славе Божией, подчинившейся над нею», об «облаке и огне», о «гласе Божиим» оттуда в таких терминах, что невозможно сомневаться, что и Моисей говорит в этом Пятикнижии собственно частями «Меркаба» — «Колесницы», например:

«И так закончил Моисей дело (построения Скинии). И покрыло облако Скинию собрания, и Слава Господня наполнила Скинию. И не мог Моисей войти в Скинию собрания, потому что осенило ее облако и Слава Господня наполнила Скинию».

«Когда поднималось облако от Скинии, — тогда отправлялись в путь сыны израилены во все путешествие свое. Если же не поднималось облако, то и они не отправлялись в путь, доколе оно не поднималось».

«Ибо облако Господне стояло над Скиниею днем, и огонь был ночью в ней перед глазами всего дома Израилева, во все путешествие их» (*Исход*, гл. 40, ст. 34—38).

Заметим, что «слава Господня» здесь употреблено не в смысле «прославляемый Господь» (пассивное отношение) и не как сумма слов, славящих Господа, но как Красота Господня и могущество, «пар и огонь от ноздрей Его» (говорится иногда в Библии), вообще Его световое, и, вероятно, благоухающее окружение.

Еще пример:

число ее столбов с разных сторон так указано в *Исходе*, что ученым никак невозможно ее реставрировать: ни при какой комбинации не получается тождества строяемого с словом Божиим Моисею. Между тем простое разрешение и заключается в том, что «люди не могут построить Божия дома (кроме — кому «открыто» это, как Моисею), даже когда им и даны меры: как и разделить треугольник, хотя им громко сказано: «на три части», «треугольник» (иррационально).

«И сказал Господь Моисею: то, о чем ты просишь — Я сделаю, потому что ты приобрел благоволение в очах Моих, и Я знаю тебя по имени *. Моисей же сказал: Покажи мне Славу Твою».

«И сказал Господь Моисею: Я проведу перед тобою Славу Мою, и провозглашу имя Иеговы перед тобою, и кого помиловать — помилую, кого пожалеть — пожалею». — И потом сказал Он: «лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых». И сказал еще: «вот место у Меня: стань на этой скале. Когда же будет проходить Слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, и лицо Мое не будет видимо тебе»

Вслед за этим Бог дает Моисею вторые скрижали завета (взамен первых, разбитых Моисеем):

«И вытесал Моисей две скрижали каменные, подобные прежним, и, встав рано поутру, взошел на гору Синай, как повелел ему Господь; и взял в руки свои две скрижал каменные. И сошел Господь в облаке, и остановился там близ него и провозгласил имя Иеговы. И прошел Господь перед лицом его и возгласил: «Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый, и истинный, сохраняющий милость в тысячу родов, прощающий вину и преступление и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину в детях, и в детях детей до третьего и четвертого рода».

«Моисей тотчас пал на лицо и поклонился Богу». (*Исход*, главы 33 и 34).

Невозможно отрицать, что здесь, перед лицом Моисея, проходят клоки как бы видений Иезекииля; а об этих видениях в свою очередь мы знаем, что они суть часть «Колесницы» Каббалы, и самое время ее появления учеными гебраистами определяется («не позднее Иезекииля») на основании этой вкрапленности «колес» ее в пророчество совершенно канонических для нас священных книг. Оброним последнюю отметку и о восклицании Елисея, при взятии Илии на небо: «кони — Израилевы, и колесница Его (Божия, как в видении у Иезекииля).

* «Знаю существо твое»; имя — сущность.

В самом начале «Зохера» содержится следующее описание Бога, сказанное Симеоном бен-Иохай своим спутникам: «Он старейший из старейших, тайна из тайн, самый неведомый из неведомых; Он имеет свой собственный образ, так как Он является нам во образе высоко почтенного старца, старейшего из старейших*. Но и в этом образе Он остается неведомым. Его одежда бела, как снег, от Его лика исходит свет, Он восседает на троне из огней, послушных Его воле. Его белый светящийся венец освещает 400.000 миров; 400.000 миров, рожденных от этого белого света, станут в грядущей жизни наследием праведных. Каждый день из Его чела исходят 13.000 мириад миров, которые Он хранит и тяжесть которых Он один держит. От главы своей Он сотрясает росу, пробуждающую мертвых к новой жизни, почему в Писании и сказано: «роса Твоя есть роса света». Она есть пища святейших, манна, уготованная святым в грядущей жизни**. Эта роса бела, как алмаз, цвет которого содержит в себе все цвета. Длина лица Его сверху до низу 370×10.000 миров. Его называют «долгий лик», ибо это есть имя старейшего из старейших».

Для того, чтобы мир и люди могли быть созданы и чтобы Божество могло быть познано людьми, Оно должно бы-

* В греческой скульптуре замечательно уже, что Zeus представлен старцем; у нас Бог-Отец — также. Идея ветхих лет неперемнна в божестве: оно *старше* всего, ибо все *после* него. Но кто есть *неперемнно предшествующий*, так сказать, *метафизически* первый в порядке текущих вещей? Неперемнно это — рождающий. И «ранний всех» есть, собственно, «все родивший». Отсюда идея (и факт) *раннейшего божества, утра* мира, связывается в уме и в самой природе вещи с родительством, отцовством. «Ранний» всего есть «отец» всего; Он — стар, дед, и Он — рождает, родил. Во всяком случае, когда мы привычно начинаем предикаты Божества: «Бог есть Дух вечный, всеблагий, всеведущий» и пр., то едва ли мы не исчисляем только *наисильно нравящееся* нам (в человеке), *наиболее нами почитаемое* (на земле); так сказать, ищем идейную статую для поклонения, а не даем результат размышления. Тут больше эстетики, чем мудрости. Мудрее было бы начать исчисление: «Бог — *первый*; ни только матерьялен, ни только духовен; господин мертвого (минерального? умершего?) и владеющий живым («судьба»). Но, конечно, мы также не можем построить определения и только накидываем схемы возможного. «Хочется полететь, а нет сил полететь».

** Опять не можем не напомнить, что термины греков: «нектар и амброзия — там» имеют в себе что-то подобное этому описанию Зохера. Как будто греки *знали* и потом *забыли* «Зохер», но смутную о нем память сохранили.

ло развиться само собою и принять разнообразные формы, которые взаимно дополняли бы одна другую. О том, как совершается это развитие Божества и через это развитие как создается мир, говорится в первой части «Зохер», носящий характерное название: «Книга скрытых тайн». Она начинается прямо с заявления, что вначале Божество было *Эйн Соф*, т. е. беспредельное и бесконечное единство, в котором существовали в возможности все божественные формы. Эти формы, *взаимно дополнявшие одна другую* и поэтому находившиеся в равновесии, покоились тогда в пределах пространства, «отрицательно существовавшего» в «Старейшем Едином». Затем Божество, раскрываясь, принимало постепенно свои разнообразные формы, т. е. десять сфиро.

Таким образом, десять сфиро, которые в «Сефер Ецира» суть первая декада чисел, понимаемых как *субстанция вещей*, здесь являются как *формы Божества*. Тут, однако, нет разницы, а два модуса выражения одной мысли. Первая сфиро, один, есть Руах-Элэхим — Дух Божий; вторая сфиро, два, есть Слово; но «Слово есть Бог», поэтому и вторая сфиро есть только новая форма Божества. То же относится и к остальным восьми сфиро, которые все суть стороны Божества, и в таком качестве они входят в «Зохер».

По этой книге, когда Божество восхотело явиться, то оно раскрыло сначала свои высшие и всеобъемлющие формы, первую сфиро: кесер, или *венец*. «Он есть основа всего бытия», «таинственная премудрость, корона Всевышнего, венец венцов». Он называется также «макропропис», «великий порядок», который в *Исходе* обозначен Моисеем словом «АХИХ» — «Я ЕСМЬ». Из этой первой сфиро выводятся девять остальных, и из них каждая оказывается или *мужскою*, или *женскою*, и это их разделение, по каббалистам, будто бы согласуется с Библией. Вот их слова с их подчеркиваниями: «В первой книге Моисея, Бытие 1, 26—27, говорится: «и сказал Бог: сотворим человека по образу *Нашему* и по подобию *Нашему*; и да владычествуют они над рыбами морскими и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.» И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». В этих словах (говорит «Зохер») Моисеевой книги замечательно уже то, что Бог говорит о Себе Самом во множественном

числе*, а о человеке говорит: «и да владычествуют *они*». Затем Он создает человека по образу Своему, как мужчину, так и женщину. И это говорится о создании одного Адама, так как о создании Евы из ребра Адамова говорится значительно позже, именно во второй главе ст. 21—22. Все это становится лишь тогда понятным, если мы представим себе, что в Божестве заключены как мужские, так и женские свойства. Адам, созданный по образу Божию, есть существо столь же мужское, как и женское; это видно еще и из того, что Бог и о Себе, и о человеке говорит во множественном числе, потому что одно двойное мужеско-женское существо должно считаться за два лица. Согласно этому и десять сфиро суть мужские и женские стороны божественной сущности».

Ну, вот! Радуюсь, что в статье «В музеях Ватикана» я, еще не зная этой мысли Каббалы, высказал ее. Она вытекает прямо из творения Адама и Евы, и им (их разделению) предшествовавшего создания Адамо-Евы, рекомого (слитно) «Адам». Да и странно, невероятно, дико было бы, признавая в человеке *все* имеющим в себе источник в Божестве, только для одного *пола* (конечно — не физиологического, не анатомического, а мистически существующего), т. е. именно для центра сущности и красоты, не находить в Божестве источника, источающего, родника. Как разум наш и очи, и видение, и слышание — из Него, Света светов, из Первого и Всемирного Света; так и наш пол, т. е. то, что «я» есть «я», и что жена моя, «она», есть «она». Я говорю: невероятно, чтобы центр наш был позднее возникшей функцией, а из Бога были краевые очертания около этого источника. Но при этом, повторяем и настаиваем, пол не следует разуметь ни функционально, ни анатомически; ибо душа — одна, а органы суть ее модусы, и функции суть способы ее действия. Говоря о муже-женском, мы разумеем *характер* мужской и женский, *неизъяснимое* в

* Неоднократно в своих прежних трудах мы говорили, что невозможно здесь множественное число объяснять ни *физиологически* («облака» = «туча», «облако»), т. е. уничтожая множественность в лице Божием; ни как делали византилисты и римляне: что здесь тайно разумеется 2-я Ипостась их суждений и споров: ибо какое же было бы в этом отношении к Адамо-Евиному (двойному) Лику, отраженному от Божества, от Елогим (мн. ч.). Ясно, что в Елогим и содержится: 1) прообраз Адама; 2) прообраз Евы, но 3) слиянных еще, не разделенных, хотя противоположных. Отсюда единственное и множественное число в *Бытии* и мешаются, чередуются.

мужчине и женщине, *тайну* их: ну, например, *отвагу* в одном и *нежность, негу* в другом, но не это именно, или не это одно, а именно «10.000 миров» свойств, что узором своим и покрывает речение: «мужчина», и другие «10.000 миров» свойств (вещей?), которые покрывают слово: «женщина». Кстати, есть нежные мужчины, и есть мужественные женщины. Т. е. и по сейчас в каждом из нас только «7.000» миров свойств (частиц?) мужчины, а «3.000 миров» женщины; и обратно; или: женщины только «36», «360» миров, — и тогда мужчина груб, мужлан, неотесан, чрезвычайно беден. Нельзя не поразиться чрезвычайной ролью в истории мужчин ясно женственного сложения («6.000 миров мужских и 4.000 миров женских» в индивидууме), как Александр Македонский (нимало не «мужлан»), кажется — Цезарь, наверно — Сулла; наверно — Рафаэль: едва ли не таковыми были, судя по характеру, Будда и Магомет; в нашей литературе — Карамзин, Жуковский, Герцен, Ал. Толстой, Достоевский, Добролюбов. Мы бросаем примеры, какие попались, пригоршней, не придумывая, не ища; беря, что лежит под рукой. Читатель, поискав, найдет множество других примеров.

Еще скажу тайну: в природе человеческой скрыт как бы подлог, и на этой *подложности* человеческого существа основывается влечение полов, страсть, любовь. Именно: душа каждого человека имеет не тот пол, как его тело, а тело имеет другой пол, нежели душа. Посему каждому человеку не нужно его тело, он — бросает его, старается от него отвязаться (отдает женщине при соединении); а ищет другого тела, т. е. его душа ищет своего тела, *родни* себе, свою *собственность* в теле другого пола. Эти-то поиски мы и называем или наблюдаем как «любовь», а момент нахождения именуем страстью, сладостью, радостью. Доказательство этого — случаи кастрации и так называемый партеногенезис. Пчелы и другие насекомые, сверх оплодотворенных, кладут и *не оплодотворенные яички*: из них, т. е. чисто девственных яичек, без участия мужского семени, выходят особи *мужские* (трутни и проч.). Закон этот, т. е. что рожденное девою мужского рода, наблюдается во всей природе, и, следовательно, мы можем думать, что и в тех родах существ, которые не имеют деторождения, если б оно было — рождались бы без оплодотворения мужские особи. Доселе — факт. Но ведь нельзя же усомниться, что семя, так сказать, ссачивается из всего организма, из «10.000 миров» его, что оно есть «свет от света»:

и вот от девы этот *внутренний* свет течет как мужской, т. е. что в тайне и глубине своей есть мужчина и *только кажется нам девою*, по обманчивым наружным признакам. Обратное — семя мужское значит имеет женскую консистенцию: потому что соединение мужского с мужским не имело бы производительной силы. Теперь, если девственное *отделение* и, следовательно, ее *душа* суть мужского рода, ясно, что она имеет вечную тоску по мужскому телу, *своему* телу, родному, и тяготится, хочет сбросить на нее надетое, чуждое, ей почти враждебное или для нее равнодушное собственное тело. Возникает — любовь. В ней мы наблюдаем поразительное явление, что мужчина, никогда еще не знавший, ни духовно, ни физически, близко женщины — относится как к страшно дорогому к ней, чуток, внимателен, прислушивается, приглядывается: точно нашел в ней *родину* (*ребро «Адама»*) свою, какое-то свое *первозданье*, первоустройство! И все в этом незнакомом существе видит и почитает, такие черточки мелкие, каких в мужчине же никогда не заметит! И говорят: «влюбился», а не «любит», т. е. как бы «вошел», «вселился». Это — родная душа (например, женская, в кажущемся мужчине) вошла в родину своего древнего тела, в то же время мужской душе (жены) отдав свое мужское тело. На весь этот цикл мыслей навел нас партеногенезис, но сюда же приводят и случаи хирургического (у больных) скопчества. Последствия операции поразительны, у мужчин и женщин: вдруг у женщины начинает расти борода, голос делается груб, все манеры становятся мужскими, появляются мужские вкусы. Напротив, у мужчин *sine genitalibus* выпадает борода, теряются мужские октавы, он становится женообразен, толст, жиробразен. Мы должны тут объяснить, что отнятые *genitalia*, пока *были* — *отклоняли тело в сторону, обратную душе*, а с их исчезновением — тело и стало выпрямляться по росту души, по линии души, ее закону: на мужчине — в женское тело, на женщине — в мужское тело. Теперь (после операции) и тело имеет ту же консистенцию, как яйцо; душа, тело, яйцо суть слитно, сплошно одного мужского рода, и полового возбуждения нет, насколько, впрочем, из «10.000 миров» незатеряны еще частицы противоположного пола в кровяных шариках, в костном мозгу, в мозгу головном. Увы, «мужчина» и «женщина» собственно вьются в каждой нашей жиле; человек — из веревок, но дело в том, что самая-то веревка из двух прядей льна, и посему в каждую

же частицу человека* входят две пряди, обе неустрашимые, неискоренимые; очевидно, «из того света» пришедшие и которые пойдут «в тот свет». Да и сейчас уже в нас именно эта *двуверевчатость* нашего существа, это наше сплетение, есть «тот свет», а не «сей». Этому отвечает замечательная *перекрещенность* нашего существа: левым глазом заведует *правое* полушарие головного мозга, *правым* — левое; глаза — неравномерно видят; уверен, что который-то глаз имеет мужскую консистенцию, другой — женоподобен, женственен. Правая нога в движениях и чувствах управляется *левыми* корешками спинного мозга, и обратно. Везде — подлог; ибо — сплетение; в сущности — гармония; в основании — любовь (пол).

Это «крест-на-крест» (организации) нам следует предположить и в творении человека; т. е. что свойство Божие, лики Божии, бросили отражение на землю «крестообразно». Отсюда-то и восклицание Адама: «вот она — кость от костей моих, плоть от моей плоти: почему наречется мне женою»; почти как: «вот — я! мое! украденное! подложный вексель, где кто-то другой выставил свою подпись, когда писал его и поручился и выставил сумму я». Размен векселей — брак. Бывает, что, запомнявав, бабушка спрячет свои очки во франтовской футляр внука, а внук золотые свои очки в старый футляр бабушки. И оба ищут своего, чтобы разменяться футлярами и очками. Бедное лежит в богатой оболочке, богатое — в бедной; и у каждого в кармане не свое. Вот отношение и связь полов, противоположность и гармония. Без этого развалился бы мир, как инертный, бесстрастный.

* Отсюда — глупость наших хирургических скопцов (секта Селиванова), *ничего* решительно из своих чаяний не достигающих путем операции (*возбуждение* — остается). Им для достижения цели (*убиения страсти*) надо бы каждую жилку в себе, каждую в себе косточку раздавить, растереть, свести на «нет» *организацию*. И тогда — страсть потухнет. Кстати, на случай, если бы до кого-нибудь из скопцов дошли эти строки: их манит образ (апокалиптический) «144.000, *не осквернившихся* с женами, которые (одни) последуют «Агнцу». Но ведь «на том свете» исчислены все души, конечно — вне внимания к возрасту. «144.000» давно восполнены *младенцами* умершими, которые, конечно, «не осквернились с женами», восполнены и даже *переполнены*. Совершенно очевидно, что Иоанн Богослов разумел под «*неосквернившимися* с женами» что-то совершенно иное, нежели *безбрачие* (ибо *младенцы* «безбрачны» же), какой-то метафизический секрет, хотя в сфере пола же; не *могилу* пола (безбрачие, воздержание), а что-то совершенно, совершенно другое, что Селиванову и его последователям и не брезжило на уме. Но во всяком случае, секта эта проскользнула мимо своей темы.

Докончим о рассматриваемой книге, которая так отвечает нашим предположениям:

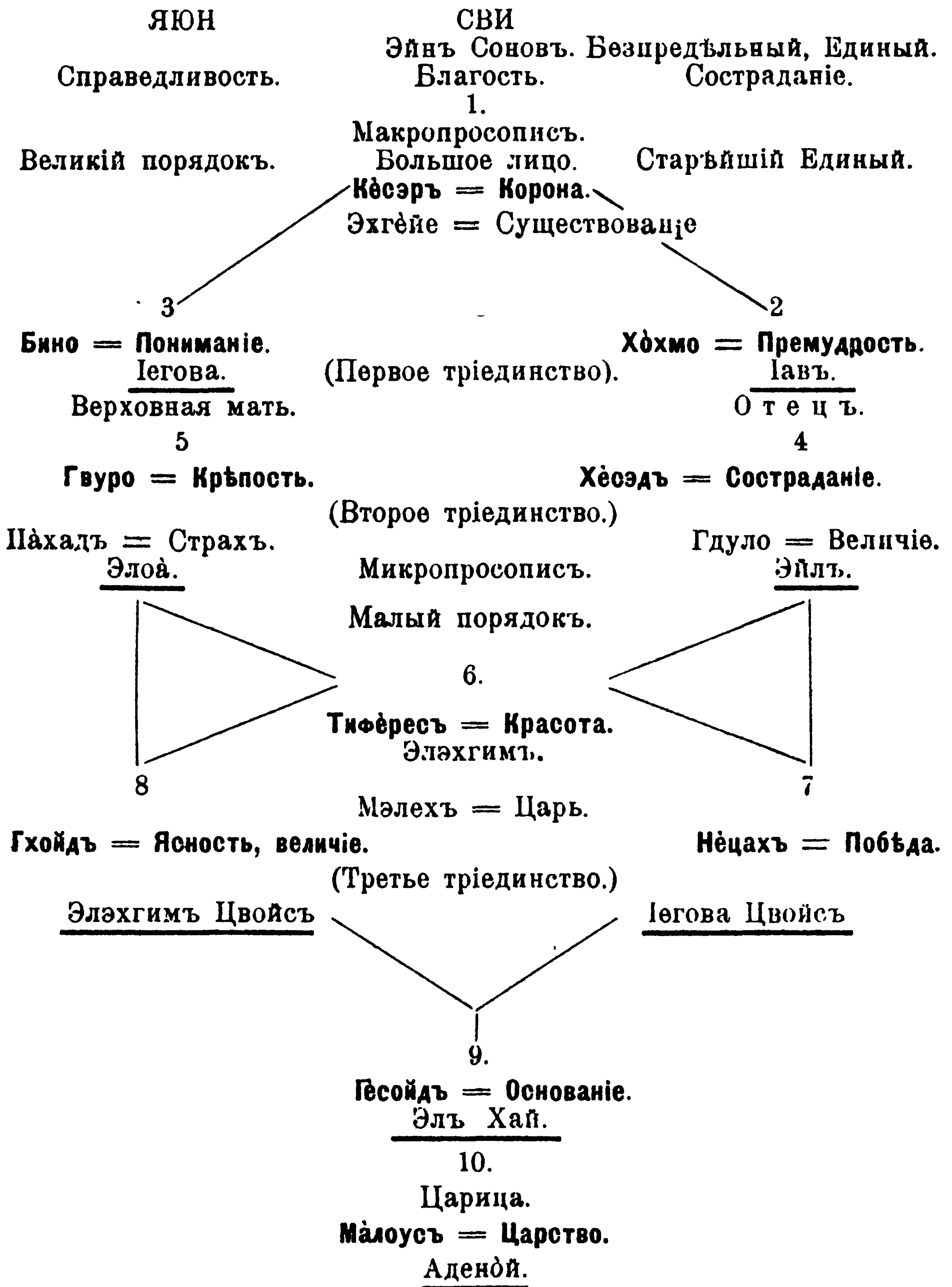
Вторая сфире — *хохмо*, *премудрость* — есть мужская активная сила, исходящая подобно свету от кесер («венца»). Это есть отец; тогда как третья сфире — *бино*, *понимание* — есть мать. Кесер, хохмо и бино, соединенные вместе, образуют высшее триединство, по образу которого создан человек мужчиной и женщиной, так что мужчина и женщина, по Каббале, совершенно равны по своему происхождению. Через соединение отца и матери возникает затем четвертая сфире, *хэсэд*, т. е. *сострадание*, или *любовь*. Из этой мужской силы возникает пятая сфире; *гвура*, или *крепость*, называемая также *пахад*, т. е. *страх*, которая есть женская пассивная сила. Из последних двух происходит шестая сфире: *тиферес*, т. е. *красота*, или *благость*, связывающая вместе обе предшествующие. Она называется также микропросопис, «малый порядок», и замыкает собой второе триединство. Эти шесть первых сфире образуют вместе *мелех*, т. е. *царя*; вместе с этим развитием завершается творение мира. Именно, Бог создал мир в шесть дней, и действительно, закон Моисея начинается словом БРАШЮТ, «берэйшис», означаящим «вначале». Но это слово, собственно говоря, предположительно надо читать: БРА ШЮТ, бора шис, т. е. «Он создал шесть». Отсюда мы видим, что развитие шести первых сфире равнозначает с творением мира в шесть дней.

Четыре следующие сфире возникают тем же порядком, как и первые. Седьмая есть мужская сила *нэцах*, т. е. *стойкость*, или *победа*, а восьмая пассивная женская сила, *гхойд*, т. е. *величина*. Из этих двух происходит *иейсойд*, или *основание*. Наконец, из этой последней возникает десятая сфире *малхус*, *царство*, называемая также *царицею*. Поставленные в порядке их связности и происхождения, эти десять сфире представляют собой так называемое каббалистическое дерево, где жирным шрифтом напечатанные имена суть имена Божии. Вот она*:

Что же это такое, если всмотреться внимательно?! Как бы тонкой иглой гравера по стали здесь намечена лестница нисхождений человека в мир, пожалуй — в намеке взяты те «кущи райских садов», мимо которых пролетает

* См. схему.

СХЕМА ПО КАББАЛЪ:

ангел, неся душу рождающегося человека в мир. Мы знаем внешнюю, физиологическую сторону этого процесса; но что она такое *с той стороны, своей, субъективной*? Прежде всего — тысячи лет. Субъективно это миллионы лет, хотя для нас они укладываются в девять месяцев и немного недель (перед зачатием, «любовь»). В первый год жизни младенец *утраивается* в росте и весе, т. е. трижды перерастает себя. Это равно 5—6 годам последующей фазы младенчества, 15—20 годам зрелого возраста. Но в таинственные девять месяцев он *из точки превращается в организм*, в объем, в тело, очевидно, переживая мириады лет, если взять удвоение как *единицу* роста и развития и вообще как момент цикла бытия и его *длительности*. От рождения до смерти он есть только 1×12 (*из полуфута превратился в шесть футов*): но от зачатия до рождения субъективно он есть $1 \times 1.000.000$. Это — если взять объем, рост, вес. Но если взять перемену *содержания*, то ведь он проходит тут все низшие фазы бытия, от растительного, от земноводного, от пернатого, от четвероногого — до человека!! Что он приносит с собою в мир? Какие-то «врожденные идеи» (Декарт): а мы думаем, он является в мир уже как характер, как лицо, как гений или бездарность, и, наконец (верим! верим!), как судьба. Он пройдет в мире по своей кривой, как комета; пройдет Наполеоновскою стезею, Кутузовскою; моею, читатель, или твоею; богочтителя или безбожника; пророка или его слушателя. Все принесет он с собою в мир. Да откуда? Каббалисты и намечают: «корона», «красота», «мудрость», «понимание», «царица».

Навсегда останется непроницаемою тайной, как же субъективно в мировых странствованиях души отражается рождающий ее акт, называемый нами столь кратко (и всегда небрежно)? Как отражается на этой душе *повторяющийся* (после зачатия) этот акт, который, по крайней мере, в материнской его стороне не может зародившеюся душой не ощущаться? Одно можно сказать, что он отражается в душе этой необыкновенным волнением, сотрясением: по таким, где она как бы обнимается волнами бытия, ее могущественнейшими и от нее независимыми; волнами бытия космическими и для нее, этой души, непонятными. Не можем обойти здесь вниманием частое упоминание Библии: «*кровь душа животного*», «*ее — не ешь*». Хорошо. В акте, о котором говорим мы, который так *редок* у животных до человека, и у всех их *не повторяется* в беремен-

ности, — в этом акте кровь («душа») с величайшей энергией не просто притекает, а *прихлынивает* волной к утробе, несущей младенца, — и как это на нем отражается? Если кровь — душа, то ясно, что и отражается «потоками духа», «стремнинами духа», как бы из-за завесы видимыми. Каждая кровинка (кровоной шарик) мерцает «крылышком»; для нас там — «артерия», для него (младенца) — «сказка, поэзия, история», которой отрывки только потом он помнит. Заметим: все первобытные эпохи — тверды, но уж как-то очень негениальны. Все — Фабии, целая вереница Фабиев, день, род. Нет — индивидуума, лица, великого лица, святыни истории. Умеренность и спокойствие животных едва ли не присуще бывает этим *gentibus*. Под конец истории «нравы, конечно, распущеннее» (Иловайский). Мера животного сменяется порывами человека. И десять месяцев покоя женщины сменяются радостями, волнениями, притоками нежности и ласк, глубокими слышимыми словами и их заканчивающимися объятиями. Словом, простенькая сказка о «белом бычке» для Фабия V-го века до Р. Х., носимого в чреве матери, — сменяется обширной и узорчатой поэмой, как эпопея «Войны и Мира» или «Анны Карениной», для сыновей Корнелии — Кая и Тиберия (Гракхов). Уже до рождения они выслушали другую музыку. Корнелия, умная гречанка (по образованию), также нежно и робко любимая мужем, как Гончарова была любима Пушкиным, — конечно, проводила дни в замужестве не однообразно, как древняя патрицианка-работница, и не как современные нам вегетарианцы. Тайн алькова никто не знает. Но несомненно, чем далее идет история, тем они далее отходят от *modus'а animalium*, «простоты и ясности» коров. И «личность» — пробуждается. Личность — в смысле обладания большим количеством врожденных, «вдохновенных» идей. Большие «потоки духа», стремнины духовности созерцаются еще до рождения человеком; или, как Моисей это предлагает: большие потоки «крови», приливы крови объемлют изумленное, встревоженное, но и сладко томимое существо готового родиться. «Фабии» и «Фабии», все только «Фабии», одни «Фабии» — разлагаются в узоре Гракхов, Сципионов, Катонов, Цезарей. История быстро горит и быстро движется. Пока — не рывается все, «идет прахом», но уже на земле лежат, на землю принесены, «сведены» все домирные идеи, которые никогда не умрут, а вечно будут странствовать на земле.

Отсюда слова: «материнское», «отчее» имеют значение не только моральное, что вот: «матери и отца надо слушаться», но — метафизическое и религиозное: что их надо «читать», и не как-нибудь, а религиозно. Все можно отдать, и все можно продать, и от всего отступить: но не от *родителей*; как и равно, если родители отступают от детей, это как бы *судьба* от них отступится, и они вдруг остаются без Провидения, без Бога. Отсюда всемирный страх перед самым словом, мыслью: «его собственная мать прокляла». Или, как говорил («выкрикивал») один странничек несчастенький («дурачок») на деревне, когда его спрашивали: «отчего ты такой»? — «Меня матушка родная прокляла». Это — страшное явление, метафизически страшное (от того закон, заставляющий — конечно, заставлявший! — многих детей проклинать своих родителей, именно закон о так называемом «внебрачном рождении», так религиозно страшен «грех из грехов»).

ХІХ

Отец и мать, каждые единичные, суть отсветы всемирного родительства, и, в последнем анализе, суть отсветы лица Божия, Отчей Ипостаси. Так во всемирном создании это и было: везде отец — «Ветхий деньми»; везде Он — сед; везде Он — стар. Везде, от дохристианской эры до наших дней. Он имеет, в сущности, одно для себя изображение: «седяй на херувимах», тумане детских ликов, распростирающийся в небесах, благословляющий, творящий, старый. Страшнее всего и точнее всего Он выражен в Библии: — «Покажи мне славу Твою», сказал Моисей; — «Лица Моего тебе невозможно видеть и не умереть; но Я пройду мимо — и ты увидишь Меня сзади». Так и Агарь воскликнула об Ангеле, явившемся ей в пустыне: «я видела здесь *Видящего вслед меня*». Так, проходя и *оборачиваясь*, Бог и человек усматривают не лицо друг друга, но «вслед один другого», и много таких взглядов брошено в Библии, и не без причины они записаны и описаны у автора *Бытия*. Вот еще одно из таких упоминаний: когда Хам надсмеялся над Ноем, Иафет и Сим взяли одежду, чтобы прикрыть наготу отца. Как же они несут ее? Мы, люди рефлексии и *этого* лица, *посюстороннего*, подошли бы *просто* и накинули одеяло. Но то была пора еще лица *нездешнего*, а *потустороннего*. Они пятятся назад, несут одеяло, обернувшись в противоположную сторону от наго-

ты отчей и Отчей, и, таким образом, избежав опасного и рокового, преступного взгляда, накинули одеяло на спящего. «Теперь мы живы». Теперь мы можем на него (одетого) взглянуть!»

Пол вообще всякого третьего человека по отношению каждого из нас есть *соседский, братский, дружеский*; равный нашему и, по манере ощущений в нашей эре, нечто физиологическое, научное. Но он есть зиждительный по отношению к нам пол — в родителях. Однако невозможно постигнуть его внутреннюю, *субъективную* сторону иначе, как в половом общении; и вот отчего тайна родительства и рождения абсолютно сокрыта от человека, есть — солнце за никогда не разгоняемыми тучами. Тут лестница только нисхождений, *без поворота вспять*, вечного, невозможного, не бывающего. Лицо каждого *нисходящего* (потомка) обращено к нисходящим (*дальнейшим* потомкам) и никогда не поворачивается *назад, туда* — откуда он низошел. Поразительно, что случаи исключения, здесь бывающие (история Эдипа), заканчиваются ужасным потрясением, напоминающим разряд грозы: «невозможно взглянуть — и не умереть». Вообще есть странные в истории положения, случаи, после которых человеку хочется, нужно умереть. Эдип едва не умер. Что за связь между таким «познанием» и смертью. Не «натурально»? Не натурально человеку и тонуть да недотонуть: однако тонувшие и вытащенные едва заживо, не чувствуют потребности умереть, не налагают на себя рук. Для чего Софокл это взял сюжетом? Что за закон воображения? Почему он не взял сегодняшнего утопленника, завтра рассказывающего свое приключение, и что он видел под водой, и как ощущал переход от жизни почти к смерти. Здесь нет религиозного страха. Софокл хотел рассказать нам о религиозном ужасе, том ужасе, который владел Симом и Иафетом, несшими одежду для отца и на отца. Не правда ли, любопытное совпадение семитического и арийского трепета? Что написал Софокл, о том записал и Моисей; не об этом, но о подобном. «Лица Моего невозможно тебе увидеть и не умереть» — тут *поворот* по лестнице с видением ближайшего *лица обратного* и, следовательно, с возможностью через ряд нисходящих лиц заглянуть и в первое лицо, наверху лестницы, Первой Ипостаси. Первого Прообраза, «Длинного Лица», как выражается Каббала.

Мы долго блуждали в пределах юдаизма. И без наших подсказываний догадается каждый, что через священную субботу юдаизм сливается с сиро-финикиянами, вавилонянами и египтянами, которые все имели в почитании половые сближения, противоположные порнографически унижительным, или шаловливым и плутовским, во всяком случае только физиологическим (снаружи) и приятным (внутренно), нашим. Это проистекает из обрезания, — символа как бы креста, наложенного на пол. Оно было у всех названных народов. Теперь ученые его объясняют гигиеническими целями. Но ведь и они не могут отрицать, что обрезание не было ни народным обычаем, ни долголетнею привычкою, но *религиозною отметою*, на которой «не наш», «чужой», как бы восточный «не-христь» — становился «нашим», как бы «крещеным». Кто не наблюдал, как ребенок сияет во время таинства крещения; как он становится умилительно-религиозен именно в минуту, когда на него воздевается крестильный крест; он им освещается, и особенно освящается его грудка. Психология обрезания и объясняется из ретроспективно-брошенных назад лучей крещения, которые вдруг перешли бы в лучи обрезания: ребенок, иудей, финикиец, халдей, египтянин — вдруг начинает гореть, как религиозный бриллиант, едва отделена и брошена ненужная кожа. Здесь важны некоторые подробности обряда: если операция сделана неудачно, и край кожи все-таки закрывает то, что должно быть открыто, операция повторяется над младенцем или отроком, и следовательно, глубочайший смысл ее содержится собственно не в проливаемой крови, не в отбрасываемой коже, не в том, что *теряется*, а в том, что *остается*, в *vesus membrī*. Наоборот, есть редкие случаи, когда младенец уже рождается без наружной* плоти, и тог-

* Зачем, в самом деле, говорить „крайняя плоть“, а не „наружная плоть“? Филологически это все одно. Между тем, переводом: „крайняя“ мы выводим уже истолкование, на каковое нам право не дано, через существующие синонимы слова „крайний“. „Край-ний“ — „чрезвычайный“ — „слишком большой“. Пользуясь этой синонимичностью, предрасположенные к скопчеству и стали объяснять обрезание как „божественное укрощение, укорочение, уменьшение в человеке плоти (-страсти)“. Между тем исторически было совершенно наоборот; до обрезания Авраам жаловался Богу, что „ему уже 90 лет, лоно его засохло и он не может получить сына; после обрезания он не только рождает Исаака, но берет еще Хеттуру и получает от нее многих сыновей; и, как сказано

да обрезание не производится вовсе. Замечательна легенда евреев, по которой Адам был сотворен обрезанным, и следовательно, был как бы единственным Авраамом, а Авраам после обрезания возвратился к Адамовой чистоте. Обрезание — чистота, невинность; а необрезанные суть люди грязные, люди безжалостные, люди грешные и несчастные.

Как невозможно (и никогда не совершается) кощунство с крестом, так невозможно кощунство семита с самым главным на себе религиозным знаком, обрезанием. Но что значит кощунство над обрезанием, как не кощунственное действие или поступок, или слово, или мысль с обрезанной частью? Священная ночь уже здесь дана, потребована; или священное место, как на вершине Вавилонского или Фиванского храма. Семитизм весь уже дан, «зачат» в обрезании, как в таблице умножения даны все совершившиеся и имеющие совершиться на земле задачи на умножение. Будет ли это священная суббота, или священная роща финикиян, совпадающая с еврейским (установленным Моисеем) праздником кущей, кустов, куп древесных — все равно. Это разные методы разработки одной мысли. В обрезании заключен уже целый быт, в обрезании заключен уже целый мир; это — уравнение кривой линии, на которой можно построить только эту кривую, построить на доске, построить на бумаге или на небесном своде мелом или углем, или карандашом, но непременно *одного вида и одних свойств*. В священных рощах финикиян то же совершалось, и в том же духе, в той же не открытой нам психологии «пасхального» здесь «веселия», что и поныне совершается у евреев в субботу. Вообще, тайна истинного полового сближения известна только евреям и может стать известна только на почве «Господу — обрезания»; у всех остальных народов от нее остался только смрад. Свечка и щипцы, снимающие с нее нагар; у евреев — свечка, у нас — щипцы, полные копоти и нагара.

А если так, то и тайна рождения, можно полагать, разрешена у них и не разрешена у нас, и мы существуем «только пока Бог грехам терпит», случайно и эмпирически, до первого града побивающего не там и не вовремя выросшую ниву. Их же существование обеспечено, ибо оно в

перед упоминанием кончины его, имел еще наложниц, которых, кроме Агари, раньше у него не было. Ясно, что обрезание имело уравнивающее действие с позднейшею Скинией Моисея, куда внесенный *сухой*, в *поделке*, жезл Аарона через одну ночь пребывания выбросил свежую ветвь и цвет.

Боге. Через обрезание существование человека становится «в Боге». И мы можем произвести обрезание, но это будет уже физиологичное, научное, не действующее обрезание. В кресте мы посветились в смерть; мы почувствовали религиозно смерть. Мы священно умираем, священствуем в болезнях «исхода» (отсюда); а евреи священствуют в радостях входа (сюда — суть племя священно-рождающееся и священно-рождающее. Для нас младенец поган, а труп свят; для них труп — дьявол, «отец отцов нечистоты» (первый источник всякой нечистоты на земле), а свят ангел — младенец. Он обрезан, и вот опять характерное верование: в минуту обрезания Ангел Иеговы сходит на новообрезанного и уже никогда не оставляет его до смерти. Термин «Ангел Иеговы» встречается в Библии, и так, что в местах этих действует то «Иегова», то «Ангел Иеговы», так смешиваясь, что экзегеты затрудняются их отличить, их отделить. И мы можем понять чудное еврейское верование таким образом, как будто человек, имеющий в себе «искру Божию» (глубокое всех людей верование) через обрезание являет видимую эту искру, «свет Иеговы», «ангела Иеговы», «образ и подобие в себе Божие». Мы принимаем за таковой «образ и подобие» душу свою, мысль свою, образование свое, культуру свою: для нас — «искра Божия» в Шиллере, «искра Божия» в Шекспире. Но это ясно — приобретенное, ясно — потом в нас прившедшее. В Библии же точно сказано: что, сотворяя из глины тело человека, Бог сотворил его «по образу и подобию Своему», и потом повторено (между прочим — Ною после потопа), что сотворил его «в тени образа Своего». Но тень бросается не от души, а от предмета: итак, вернее догадка евреев, да даже и не догадка, а прямое чтение ими текста свсей родной Библии, что «образ и подобие» запечатлены именно на теле нашем, и хоть это и не сказано — но там именно, где они предполагают. Тогда и завет с Авраамом становится понятен: «Я буду с тобою — когда ты обрежешься; и когда Я буду с тобою — ты размножишься». Все это ясно, как тавтология.

Телесная вечность народа и необыкновенная его о телесной своей чистоте заботливость — вытекает отсюда. Никогда комментаторами Библии не были поняты законы о ритуальной чистоте, наполняющей столько страниц у Моисея; с отбросом обрезания отброшен был весь закон, а отброшен был весь закон, незачем стало и толковать его.

Какова концепция человека в христианской религии?

Пока он здесь, на земле, — для него нет религиозной концепции; он — совершенный автомат; религиозна только лоза (розга), гонящая его отсюда. Религиозная концепция начинается — там, за гробом. Довольно неясная концепция, или по крайней мере слишком краткая, сводящаяся к «хорошо» или «дурно», «сладко» или «горько», к вкушению сладчайших яблок или горящих угольев (европейская концепция рая и ада). В меру чего? В меру ударов гонящей отсюда лозы. «Бог кого любит — того и наказует»: это всемирно, это не догмат, а больше догмата. Достаточно наказанные здесь — услаждаются там, не наказанные здесь — будут там наказаны. Все слишком кратко. Нет развития. Развитие возможно только для науки, для научного аппарата, каковым стал земной человек, в земной половине своего существования.

Машина стала мудрой, машина стала сильной. «Крещеная» машина не только победила тайну обрезания, но она и вообще все разрушила и вытеснила, что ей противодействовало или от нее отличалось. Вот триумфы Европы. Если б она была бессмертна — можно было бы прийти в окончательное смущение. Но она особенно и преимущественно смертна, ибо преимущественно и особенно необрезанна. «И к концу мира — охладет любовь»; «будут пожары — но это не конец; будут войны — но и это не конец; болезни будут — но и это еще не конец; будет проповедано до концов земли Евангелие — вот это конец». Итак, некое обледенение сердца распространится параллельно распространению проповеди некоей стеклянной любви, без родника ее, без источника, вне «обрезания». И когда земля застынет в этом холодном стекле, в этом стеклянном море... «Сын Человеческий» сойдет тогда не землю судить «живых» и «мертвых».

Чувство Бога поразительно теряется Европою, да и всегда было слабо в ней. В противоположность словам псалма: «душа моя жаждет Тебя, как жаждет олень воды», т. е. в противоположность религии натуральной, естественной — в Европе мы наблюдаем поразительное зрелище натурально-безбожного человека, и вечные Божии усилия загнать его в веру, обратить к Себе. Не пылинка тянется к солнцу: нет, солнце только и светит для того, чтобы привлечь к себе пылинку, которая не хочет к нему лететь и может (имеет силу) к нему не лететь. Пророки не убеждали Израиля в Боге, а убеждали его в добродетелях; напротив, в Европе люди — довольно добродетельны, но

никакие пророки не могут их уговорить поверить, сверх морали, и в бытие Господне! Просто — этого чувства нет; просто оно ненатурально. «Мы Его не видим!» — вот лозунг Европы. Deus — extra regum naturalium: между тем все бытие европейского человека проходит in ordibe regum naturalium; на единственное, что в человеке для самого научного созерцания лежит тоже «extra regum naturalium», на родник собственного бытия его — у него смежились очи, и даже насильственно закрыты, непременно закрыты, наконец — религиозно закрыты. Таким образом, он религиозно отделен от родника религиозности. Вот перелом Ветхого и Нового завета, разлом заветов. «Не смотри туда, откуда виден Иегова». — «Но я ничего теперь не вижу!» — «Смотри, усиливайся, надейся, верь... и ты увидишь когда-нибудь, что-нибудь!»*

* Мною было получено во время печатания статей «Юдаизм» несколько частных писем, частью от евреев, частью от русских. Евреи просили внести поправки, даже переделать всю статью, им казавшуюся неверной. Но как евреи эти были *русские образованные рационалисты*, то я не весьма доверяю их суждениям. Да я не доверился бы и гг. раввинам; во-первых, в силу знаменитого, исторически присущего евреям «держания в тени», неразглашения данного им закона, слова. Об этом хорошо сказание, записанное в Талмуде: «Бог знал, что ранее или позже Тора (Св. Писание, книги Моисея) сделается известна всему роду человеческому: но чтобы другие народы (неевреи) не стали также сынами Божиими (не уготовились Богу), он дал им еще Талмуд». Это — одна причина недоверия. Вторая: рационализм, «греческое образование» (древний эллинизм) и особенно тщеславие этим образованием до того уже пропитало, и издревле, самих евреев, что дать «объяснение в греческом духе» для них есть венец учености и славы. Если Филон Бог знает что говорил об обрезании, — чему можно поверить у теперешнего раввина! Только *толпа*, «стадо» еврейства еще и несет «дух» его, «пот» его, специфический свой запах. Оттого добрейший Цейхенштейн для меня и был авторитетнее всяких ученых: ибо говорит об *обычаях*, что *есть*: и это ценнее всяких объяснений. Но в «Талмуде», т. е. «Древнейшей еврейской археологии», я везде и постоянно находил близость к своей мысли, скорей — намеки на нее. Ну, пусть читатель или какой-нибудь ученый объяснит *вне духа моих объяснений* следующее место из гл. IV-ой Талмудического трактата: «Мегилла». «Кто переводит стих (Лев., XVIII, 21): «из семени твоего (синодальный перевод: «детей твоих») не отдавай на служение Молоху» словами «из семени твоего не давай на оплодотворение арамеянке», того заставляют молчать с выговором» (инстинкт затаивания). Не значит ли это, что: 1) служение «иным богам» = просто брачным узам с иноплеменниками; а, следовательно, брачные узы евреев с евреями = служению Иегове. Но выражено все не «духовно», а прямо физиологично: «из семени не давай на оплодотворение». Следовательно, по иудейской концепции, «служение» заключается не вообще в «браке», как сумме психических и физических событий, а только и исключительно в центральном мистико-физиологическом моменте, откуда — «жизнь», «дети». Субботы, как я их объяснил, даются в этой глухой талмудической за-

ИУДЕЙСКАЯ ТАЙНОПИСЬ

I

Представьте себе, что я хочу написать из Петербурга в Москву письмо, — или изложить на всю Россию какую-нибудь мысль. Ну, и пишу, печатаю. Какой вопрос?! А кто получил по почте мое письмо или купил мою книгу — читает. Дело явное, простое, осязательное. Но представьте другое: что получивший мое письмо или купивший мою книгу развертывает листы, видит — алфавит, буквы, наши «русские», «православные»...

— Ну, читай!..

Шепчет губами и не может произнести ни одного слова. На лице недоумение, даже страх, — и он роняет книгу, письмо на пол:

— Тут ничего не написано. Буквы наши, русские: но все слилось к *ряду, слова не разделены*, а главное — *выпущены буквы «а», «е», «и», «о», «у», «ю», все гласные...* А ведь звук-то дают слову гласные: и все письмо, целая книга — *беззвучны!* Шевелить губами можно, а *выговорить ни одного слова нельзя.*

— Что за чертовщина! — скажет каждый. — Книгу или письмо можно только *прошевелить губами, а вслух прочесть нельзя!* Но, если «вслух нельзя», — то ведь это значит «шепот»: и кто писал письмо или книгу, тот *самым способом написания* сказал покупателю книги или адресату письма:

— Тише! Не вслух! Никому не «вслух»! А только сам *посмотри, запомни и промолчи.*

Вот это письмо с угрозой «промолчи» и есть все так называемое «Священное Писание» иудеев, т. е. *самое раннее* по части письменности, что у них появилось, и для записывания коего употребились буквы «все равно — какие есть», именно бывшие о ту пору возле них буквы торговых финикиян. Евреи не изобрели своего алфавита, — не стара-

писи. И она пройдет *слепо* для того, кто не имеет толкования суббот: ни суббота не растолкуется для тех, кто бежит *мимо* глазами по таким и подобным местам Талмуда. Из писем, мною полученных, ценнее других было от одного *русского*, который по случайности перенесся обрезание, испытал в связи с ним полное изменение характера семейной жизни. Он обещал отозваться мне и далее о пережитом, если бы я дал ему о своем интересе знать через печать, именно через «Новый Путь». Жду с любопытством его писем. Ну, а пока — *salve*, добрый читатель!

лись, пренебрегали. «Дело не в том, как писать, а в том, что писать»; «а напишем мы так, что никто прочесть не сможет, кроме того, кому мы *шепнем*».

В самом деле, странное письмо. Я обращаюсь к примеру частного адресата. Подает его человек, попридержавшийся у порога: а когда я развернул и начал читать, то он на цыпочках протянулся ко мне, положил палец на губы в знак осторожности и прошептал: «его прочесть нельзя: но писавший (или изобретший слово, письмо, письмена) мне *передал устно, и велел заучить*: как разделить сплошные буквы в слова, и в какой строке и слове *вставить* «а», «е», «и», «о», «у», все гласные. Я запомнил. И вот *при моей помощи* вы можете прочесть письмо».

— Две чертовщины! Не одна, а две! Да что же тут за секреты в письме, когда оно не только так написано, но и послано с таким специальным посланцем?! Извините, я с вашим господином не в заговоре, не в договоре... И не хочу...

— В договоре...

— Что?!!

— Господин от того и написал письмо этим особенным способом и уполномочил меня все разъяснить вам, что, по его словам, вы именно вступили с ним в тайный договор, ото всех скрытый, с тайными условиями обеих сторон; и он посылает «вслед договору» это письмо, которое, естественно, не должно никем читаться, а если бы кому и попало в руки по нечаянности, то он не сможет его прочесть: письмо же детализует договор, говорит, как именно и *что* вы со своей стороны должны *исполнить*... Исполнять и исполнять все дни вашей жизни, дни и ночи, 365 дней в году, и все годы до старости, до могилы!..

Возвращаемся от примера к самому делу, — истории. Самая *иудейская письменность* есть результат условия; «условие» было заключено родоначальником народа, за много веков до появления закона и всего вообще «Священного Писания», до появления самого алфавита и грамотности; но весь ум народа до такой степени был скован «договором», что когда появилась возможность написать что-нибудь, умение что-нибудь написать, — то моментально ум народа или его начальников мысленно применил эту возможность не к написанию частных писем, или рассказов, или песен, или правил благоустройства, или счетов, а к написанию *договора и той массы мыслей*, которые хлынули у него вследствие договора, в след за договором, в

зависимости от договора. То есть алфавит, грамотность и письмо уже в момент появления согласовывались «завесту» (с Авраамом) и получили внешний вид возможности прочитать только двум: написавшему и к кому послано «письмо», — при невозможности прочитать кому-нибудь третьему.

Это и есть знаменитая иудейская *тайнопись*; притом исключительно — *священная*, не имеющая ни одной себе аналогии ни у одного народа, никогда во всемирной истории!

— Дяче не записать?! Пиши что думаешь! Пиши что знаешь!..

Вдруг кому мы это говорим — *не пишет*. «Такой же мужичок, как мы», семит, среди арабов, финикиян, сирийцев. Даже без своего алфавита, с алфавитом чужим. Тогда мы догадываемся, что у него есть *тайная мысль*, которую он не хочет, а может быть, и не может никому сказать.

Тайнопись иудейская имеет под собою *иудейское тайномыслие*. Вот разгадка — алфавита, письменности, всего: с самого начала, с самого же появления на земле иудеи пришли уже с *тайною мыслью*. Ничего подобного ни с одним народом!! «Мужик Гомер» писал свою Илиаду явно, без сокращений; и наши былинички свои «былины» говорили и пели явно; все мужики всей всемирной истории говорили, пели, сказывали явно, — кроме одного «мужика из города Ур» (в Халдее, откуда вышел Авраам), и другого «мудреца из Египта», Моисея: эти — ничего *явно*, все — *шепотом*, или говоря какими-то непонятными знаками.

Невероятно и действительно. «Откровение» (церковный термин) есть *только и непременно* второй член «сокровения». Что предварительно не «сокрылось», — тому нельзя когда-нибудь и «открыться»... И тот термин, к которому мы все так привыкли, — «Божественное Откровение», — и имеет своею предварительною и подготовляющею фазою вот эту *тайнопись и тайномыслие*, которому соответствуют *тайное поведение и тайный культ*. «Всякий нееврей, который переступит через эту черту, будет убит», было написано на одной из перегородок непонятного иерусалимского Храма! Как странно — для нас, нашей психологии и наших храмов! На этой «черте» бились до последнего издыхания еврейские священники и левиты, когда в Храм вломались римские воины: и все пали, грудую, кучею здесь. Воины, нечаянно для себя, вступили в «яйцо», мис-

тическое «яйцо» целого племени: ну, за скорлупу — проникли, в белок — проникли, прошли даже в желток «чужие бактерии»: и вдруг: — «Остановитесь! Не далее!.. «Вы умрете или мы умрем», — когда воины стали ломиться в «зародышевое пятнышко». Не понимая, воины все шли; тогда «священники» умерли. Странные «священники», до такой степени непохожие на наших, у которых нет ни секретов, ни тайн, ни темных уголков. «Религия Откровения (наша), — «религия Сокровения» (ихняя).

II.

Ничего нет интереснее, волнующее, а в конце концов, и тревожнее, страннее, — чем когда читаешь подробности скрывания смысла текста священных книг у евреев. «Чтобы птица не подглядела, дикий зверь в поле не заглянул», — только так и можно выразить постоянный испуг, «как бы кто не узнал»... Испуг и смущение авторов, писателей и переписывателей странных «заветных» книг. — «Кому узнавать?!» Грамотности — нет, интервьюеры — не рождались, «корреспонденты» не любопытствуют... Пустыня, никого нет! — а они хоронятся и хоронятся, зажимают себя «в горсточку», скрываются «в кулачке», — оглядываются: не видит ли кто, не смотрит ли кто, в особенности — не слышит ли кто. — «Тише!!» — и нет гласных букв. Гласные буквы, где и как их расставить, и, далее, как расчленишь сплошную массу букв на слова, на связную и ясную речь — более тысячи лет сохранялись в памяти, в традиции: но с таким совершенством, с такою абсолютною точностью, что когда потом знаки расставились, — расставились уже в пору, когда евреи были рассеяны по всему свету, — то они расставились в Месопотамии, Палестине, Египте, в Германии, Испании и в Польше одинаково, как бы были отпечатаны стереотипно. Внимание и осторожность уравнились машине, механике. Это чудо памяти и точности принадлежит только евреям. «В рукописях» достигли точности «печатания». — «Списывающий, прежде чем написать слово, должен предварительно громко и отчетливо его выговорить вслух: и уж затем — писать буква за буквою» (одни согласные). «Встретив непонятное или кажущуюся ошибку, предположенную и, наконец, явную ошибку (грамматики, согласования слов) — пиши с ошибкою, как видишь в предыдущем списке, с которого списываешь». — «Если буква ненор-

мально велика сравнительно с прочими в тексте — пиши ее ненормально большою, отнюдь не уменьшая». «Копируй, — *и только*». — «Кончил: весь список проверяют 30 дней ученые по оригиналу, с которого списано; и как только найдена одна-две ошибки, т. е. просто не достает одной-двух черточек, точек, — весь свиток, целая рукопись уничтожается» (сверщиками-цензорами)! — «Встретив имя Божие — прежде чем начать его копировать — встань и произнеси краткую молитву-славословие: и затем уже, сев, можешь его списывать». Если мы взглянем на теперешний (масоретский, с пунктуацией) текст, то мы увидим как бы страницу нашей книги, но всю засыпанную пылью или сором... Всматриваемся, что за «пыль»? Это *между* буквами, *над* буквами и *под* буквами проведены осторожно тончайшие черточки, паутинные, и — точки, одна точка, две точки, три точки под одною буквою, и, например, *три точки то прямо кисточкою висят* под буквою, то свернуты в *треугольник*, то отходят в бок, *полувисят и полулежат*. «Читай так, а не этак», — говорят все эти знаки. Это — гласные, разделения слов и проч. Как бы около текста — шепоты автора и затем генерации переписчиков — теперь читающему. Наконец, против некоторых строк на полях стоят пометки: «в слове (таком-то) отними (такую-то) букву»; тогда получится другое слово, и вот это другое слово и читай про себя, когда в тексте вовсе не оно (написано *с пропускаемою мысленно буквою*); или: «читай, но не пиши» (*keri velo ketib*); «пиши, но не читай», «пиши и читай», «читай *так, а не этак*» (*at tikri ken ve ala ken*)... Казалось бы: «так — читай, *то и пиши — так*», «нечитаемою букву — пропусти и в рукописи», «начни писать без этой выпускаемой при чтении буквы...» Нет! тысячу лет держали в памяти, как нужно прочитать: и всю тысячу лет писали с нечитаемою буквою. Например в тексте: «Ты (Господи) не умрешь» (пророк Аввакум, 1 глава, 12 стих), а в чтении «*мы не умрем*»... Звучит в синагогах, везде: «мы не умрем», а видится беззвучно: «Ты (Господи) не умрешь...» Совсем другой смысл! Да, но взглянуть на него можно, произнести — нельзя. И никто *не произносит*, а в мыслях у всех *проносится*. Наконец, уже в эпоху составления Талмуда было непонятно, что в некоторых местах текста Св. Писания стояла такая-то буква — одна как бы линейно-вытянутая, а в другом месте та же самая буква — *точечно-малая*; разницу вели-

чины сохранили до нашего времени... Точно в надежде: «когда-нибудь это откроется». «Бог откроет», «мудрец шепнет»...

Но «обсыпанный текст» — только в домашнем употреблении: в синагогу вносят свиток только «голый», без всяких знаков и руководств для чтения! Это — непременно и закон! Всякий свиток с проставленными гласными — тем самым негоден к храмовому чтению! Между тем, он читается вслух, и не одним раввином, но к нему подходят и евреи — выкрикивая слова и жестикулируя! Без знаков? Читают, поют, кричат — *по традиции!* В синагоге вдруг встает требование еще времен Вавилонского плена: «Кроме сплошных согласных — ничего в Священном Писании!»

Характерны выражения Талмуда: «с Синая закон принесен был *обнаженным*» (одни согласные); и, затем, про «пыль знаков»: «они дают Писанию *одушевление*». Вот *его-то* и «скрой». «Кости все могут видеть, в кровь — не заглядывай». В «Святое Святых» Храма — тоже «никто не заглядывай». Удивительно, что на странный способ еврейской *тайнописи* походит и *тайностроительство* Скинии: двор, притворы, и даже «Святое» с богослужением — это как бы «согласные буквы» религии, которые можно «писать и видеть»: но вот — занавеса, густая, со складками, в несколько рядов, за которую в совершенную темноту входит однажды в год один первосвященник, чтобы покропить кровью стоящий там ковчег завета... Это — «keri velo Ketib» культа, его — «смотри, но не читай вслух», тайные «гласные», с которыми только смысл и становится ясен. Когда первосвященник показывался назад из-за занавесок, то весь народ восклицал ему навстречу: «жив ли ты?». Т. е., не «умер» ли? не «случилось» ли что с тобой? Странные слова, напоминающие те, которые в Талмуде сказаны о догадавшихся насчет «колесницы» Иезекииля: «один — умер, другой — сошел с ума, и один Акиба вошел с миром и вышел с миром».

— Да для чего скрывать?! — восклицает Гомер и наш былинщик.

Значит, было для «чего»... Все ведь мы, православные, «признаем Ветхий Завет»: а подите-ка, *нарисуйте на стенах наших церквей* «Авраама, заключающего завет с Богом», т. е. совершающего странную операцию над собою и 14-летним сыном Измаилом, как равно и над всеми взрослыми рабами своего дома: молящиеся православные закро-

ют руками лица, глаза, и со страхом, в смятении разбегутся!

А «священно»... «Священно», но нельзя «смотреть», «видеть». Это и есть — «Сокровение», первая фаза Откровения, — по которой, по *ее стилю*, по *ее духу* — и *тайностроительство*, и *тайнопись*, и в основе всего — *тайномыслие*.

А 400 раввинов на всю Россию уверяют: «ничего *тайного*». Напротив, все решительно — «тайна», а вот явного — ничего!

Да вы всмотритесь в походку: идет еврей по улице, сутуловат, сгар, грязен. Лапсердак, пейсы; *ни на кого в мире не похож!* Всем не хочется ему подать руку. «Чесноком пахнет», да и не одним чесноком. Жид вообще «сверно пахнет». Какое-то всемирное «неприличное место»¹... Идет какою-то не прямою, не открытою походкою... Трус, робок... Христианин смотрит вслед, и у него вырывается:

— Фу, гадость, и *зачем* я не могу обойтись без тебя?

Всемирное: «зачем не могу обойтись»...

Но жид стукнул в дверь; грязная рука высунулась и подняла защелку. Совсем согнувшись — он прополз туда.

Проползла — *тайна и в тайное место*. И опять все в *согласии* со всем: пока вы его видели на улице — вы видели как бы одни «согласные» человека; вошел он в дом — и открываются в нем «гласные». Самая фигура его, толстая, округлая, или наоборот преувеличенно-вытянутая и преувеличенно-худая (два *типа* евреев), с лоснящеюся потною кожей, имеют что-то в себе, напоминающее пузатую старую синагогальную «тору», свитую вокруг палки.

— Ах бы обойтись! А не можем!

— «Бьем» его, — а «торгуем» с ним, и — «читаем его книги».

ЕСТЬ ЛИ У ЕВРЕЕВ «ТАЙНЫ»?..

(Ответ на заявление 400 раввинов)

Все русские раввины, — числом более 400, — дали торжественное клятвенное заверение, что «в законах их, вероучении и *толкованиях*, письменных или устных, не содер-

¹ В «тайнописи», в которой много узоров, есть и следующий: некоторых «резко неприличных мест текста», «грубо неприличных» — не читают, а вместо их вслух читают другие смягченные («эмфатические») слова, выражения, формы.

жится ничего тайного», что не было бы объявлено всему свету, куда они не повели бы каждого заглянуть и понять; что у них нет *темных и неосвященных* углов. Но в таком случае что же означает начало 2-й главы трактата *Хагига* в Талмуде:

«Законы о кровосмешениях не истолковываются сразу трем слушателям; рассказ о сотворении мира не истолковывается сразу двоим; *Колесницу* же (в видении пророка Иезекииля) позволительно объяснять лишь одному, — и то если объясняющий заметит, что тот, кому он хочет объяснить, уже *сам и собственным разумением дошел до понимания*».

Нельзя образнее выразить полное запрещение всякого объяснения. Единичные талмудисты «сами доходят своим умом»: и беседуют о запрещенном смысле этого явного текста, лишь заметив, что *оба его понимают в одном смысле*.

Дальше слова и приметы еще разительнее, а речь очень темна, и позволяет только заметить, до чего *юдаизм полон тайн*, притом каких-то зловещих, от которых «уразумеваящие дело» даже сходят с ума. Приведу темный текст (тот же трактат, та же глава):

«Тому, кто размышляет о следующих четырех вещах, лучше бы не родиться на свет: что выше (?!) и что ниже (?!), что прежде (?!) и что после (?!). Тому, кто *не щадит чести своего Творца (!)*, — лучше бы не родиться на свет».

Тосефта, или пояснение к этому тексту талмудического закона:

«Не толкуют законов о *кровосмешении* трем, но толкуют двум; не толкуют рассказа о *сотворении мира* двум, но толкуют одному; а *Колесницу* толкуют одному лишь в том случае, если он ученый и понимает по собственному разумению. Однажды рабби Иоанн, сын Заккая, ехал на осле, а рабби Элеазар, сын Араха, погонял сзади. Он сказал ему: «Рабби, преподай мне один отдел из *Колесницы!*» Тот ответил: «Разве я тебе не говорил, что нельзя толковать *Колесницу* одному, разве что он учен и понимает по собственному разумению». Он сказал ему: «*Позволь мне, — и я произнесу перед тобою*»...

Без сомнения, в подчеркнутых словах содержалось что-то, что указало рабби Иоанну, что рабби Элеазар *догадался о Колеснице* и «понимает» ее так, как и он. Ибо вот что произошло:

«Рабби Иоанн, сын Заккая, *тотчас* же сошел с осла, и они *накинули на себя плащи и сели оба на камне* под оливковым деревом. Когда он *кончил*, то рабби Иоанн, сын Заккая, встал, поцеловал его в голову и сказал: «Благословен Господь, Бог Израилев, который дал отцу нашему Аврааму сына, умеющего истолковывать и пояснять слова Отца нашего, что на небесах; иной *хорошо толкует, но не хорошо исполняет* (!!), иной хорошо исполняет, но не хорошо толкует; а Элезар, сын Арахов, хорошо толкует и хорошо исполняет. Блажен ты, отец наш Авраам, из потомства коего вышел Элезар, сын Арахов, который умеет *истолковывать и пояснять славу Отца нашего, что на небесах*» (!!).

«Рабби Иосе, сын Рабби Иуды, говорит: «Рабби Иисус произнес *Колесницу* перед рабби Иоанном, сыном Заккая; рабби Акиба произнес перед рабби Иисусом; Анания, сын Хахинаи, перед рабби Акибою».

«Четыре человека вошло в парадиз (рай, сад): Бен-Азай, Бен-Зома, Азер и рабби Акиба. Бен-Азай *взглянул и умер*; о нем говорит Писание: «дорога в очах Господних смерть святых Его» (!!). Бен-Зома *взглянул и потерял рассудок*; о нем говорит писание: «нашел ты мед, — ешь, сколько тебе потребно, чтобы не пресытиться и не изbleвать его» (!!). Азер посмотрел и вырубил насаждения (т. е. «парадиза, на который он взглянул»). О нем говорит Писание: «не позволяй устам твоим вводить в грех плоть твою» (!!). Рабби Акиба вошел с миром и вышел с миром. О нем говорится в Песни Песней: «Влеки меня, мы побежим за тобою, — царь ввел меня в чертоги свои».

«Однажды равви Иисус шел по улице, а Бен-Зома шел ему навстречу. Он поравнялся с ним и не приветствовал его. Тот сказал ему: «Откуда и куда, Бен-Зома?» Он ответил: «Я размышлял о мироздании и нашел, что между водами верхними и между водами нижними нет даже одной ладони, ибо сказано: «и Дух Божий *носился над водою*»... В тот час рабби Иисус сказал своим ученикам: «Бен-Зома — *уже вне (разума)*». Спустя несколько дней Бен-Зома умер (!!). Привели притчу, чему это подобно: — «Царскому парку, в котором построена башня. Что делать человеку, как не смотреть, не отнимая глаз от нее?» Другое, чему это подобно: дороге, проходящей между двумя стенами: одна огненная, а другая снежная; склонится он в эту сторону и обожжется огнем, склонится в другую сторону и обожжется снегом (!!); но человек должен

держаться середины, не отклоняясь ни в ту, ни в другую сторону».

Не правда ли, выразительно и поразительно?

Таким образом, в юдаизме есть какие-то темные уголки, куда смотреть «запрещено», которые «обжигают» и, вместе, сливаются с рассмотрением «славы Божией»; и вот об этой «славе Божией» почему-то нельзя разговаривать, *продолжая ехать на осликах*, а учителю и ученику надо *сойти на землю*.

Все 400 раввинов клянутся, что «не только человека кровь, но даже и животных кровь — *запрещена к вкушению евреям*». Но если бы переменить форму вопроса и спросить их: «бог, коему поклоняется юдаизм, разве не имеет некоторого *положительного отношения к крови человеческой*, некоторого *притягательного к ней отношения*, то неужели решились бы они сказать: — «нет, не имеет»?!. Они *этого* не скажут, не напишут и не заявят. А в *этом-то* и лежит тайна юдаизма. Евреи очень хорошо знают, что в одном ритуале служебное лицо синагоги *высасывает ртом количество младенческой крови, взяв в рот предварительно вина*. Так как в юдаизме — все тайна и покров, все иносказание и намек, то посторонним людям необыкновенно трудно судить, где кончаются эти намеки, чем ограничиваются эти иносказания. В христианстве решительно никто не берет в рот кровь живого человека, — и предложить это, притом *в ритуале*, значило бы смертельно *испугать христиан!!* На намеки — отвечу намеком: скажите, что повлекло иудеев не обойтись как-нибудь, не заменять чем-нибудь этого высасывания живой крови из живого человеческого существа? Я же отвечу, что хотя им запрещено вкушать кровь всякого живого существа, но — как *еду*... И может быть, запрещено от того, что они живьем съели бы тогда мир: ибо они и «бог» юдаизма *страстно любят кровь*.

«Так люблю, что запретил себе, — страшными запретами»...

И — не *вкушают*...

Но — любят и томятся... вот *до ритуального обычая хоть подержать во рту кровь!*..

Так иногда старое густое вино страстный любитель его, взяв в рот и наклоняя голову так и этак, переливает справа влево и слева вправо; и течет оно по деснам, по языку...

Ах, все это очень страстно. И недаром сказано в Песне Песней:

«И мирра падала с рук моих,
и с пальцев моих капала мирра»...

А что «есть», «обедать»... Скучно... Но вкус, но запах — это родит безумие. Вот 400 с лишком раввинов, подписавшихся под «исповеданием», сказали бы лучше, что евреи, — да и не одни они, а даже юдаический «бог», — лишены влечения к запаху крови, к осязанию крови, к виду крови, непременно живой (до свертывания), как можно дольше — живой, в движении — живой...

Ведь еще в библейские времена они подбрасывали лопатками кверху кровь, «окисляли» ее раньше химии, не давая свертываться: и дышали, и дышали ею, непременно — живою! как можно дольше — живою!..

Как не понятно христианину! Человеку вообще — не понятно! А еврею — сладко!..

И вот тут... большие многоточия. Укрывшийся в тайну не говори, что он — въяве. И даже не ропщи особенно на подозрения, на шепоты около тайны. Евреям надо быть скромнее, евреям надо быть тише.

ЕЩЕ ОБ ИУДЕЙСКОЙ ТАЙНЕ

(Ответ г. Переферковичу)

Ни один из раввинов не ответил мне в печати по вопросу, есть ли в юдаизме тайны; но ответил г. Переферкович, переводчик на русский язык всего Талмуда: «юдаизм», — он сказал, — «единственная религия, в которой нет никаких тайн».

В таком случае, я предложу г. Переферковичу напечатать в общераспространенной газете «Речь» (ответ его мне появился в кишиневской газете «Бессарабия»; представляющей в своем роде литературную тайну для России) изложение без пропусков всей процедуры «заключения завета новорожденного младенца с Богом», т. е. ихнего священного обрезания; и, в особенности, того, что обрезающее лицо делает с младенцем после того, как оно уже окончено, когда нож перестал действовать.

Изложения этого еврейская газета «Речь» не допустит на свои страницы.

Изложения этого г. Переферкович не решится сделать. Т. е. вслух русских — для «погляденья» и «прочитанья».

Хотя все евреи это постоянно видят и знают.

«Мы знаем; но еще — никто не должен знать. И мы никому не скажем».

Неужели это не тайна? не прототип тайны? Наше крещение, наше причащение, наше венчание, миропомазание — «каждый приходи и смотри». И все наши ритуалы можно изложить в газете, журнале, в учебнике для детей. «Это «таинства» в смысле ценности, важности, тяжеловесности золота; но это не тайны как скрываемое. У евреев нет «таинств» в смысле христианских, в нашем смысле; но есть тайны как «секреты». Как то, чего нельзя показать, ни рассказать.

* * *

Итак, процедуру обрезания г. Переферкович не расскажет печатными словами.

Но есть еще более важный пункт.

Г. Переферкович, — к его чести, очень уважающий христиан и христианство, считающий христианство религиею высшею и более просвещенною, нежели юдаизм, — не откажется признать, что христиане почитают Иисуса Христа не менее, чем евреи — Иегову.

Но христиане выговаривают вслух: «Иисус Христос».

Отчего евреи никогда не произносят имени Иеговы и им это запрещено?

Ссылаются: «из великого страха и трепета перед Ним».

Но, ведь, это не больший трепет, чем у христиан перед Иисусом Христом?

Нет, — они по чему-то другому не произносят. Почему? Пусть переводчик Талмуда вслух объяснит. Но — он не объяснит.

Опять тайна.

Я же замечу, что имена в древности заимствовались от существа того, что получало имя. И в «тайном Имени Божием» выражалось Существо Божие: которое было до такой степени укрываемо от всех на свете, от чужих людей, от иных народов, что самим евреям было запрещено когда-либо вслух произносить его, дабы не совершилось подслушивания (посторонним человеком). Но в то же время евреи (все) знали это имя: ибо бессмысленно запрещать

произносить то, что человек, выслушивающий запрещение, *не умеет произнести...*

Конечно, *знали* произношение; но никогда — *вслух*.

Г. Переферкович и еще один еврей-оппонент возражали мне, что «во всех семитических языках согласные не пишутся». На это — два ответа:

1) Да *все* семиты и исповедывали *одну* религию, с *одной тайною*. Это были «двоюродные религии», хотя и непрерывно враждовавшие между собою, как враждуют «старообрядцы» и «православные», «лютеране» и «католики», — *все* одинаково *христиане*. Об этом писал я еще в 1897-1898 гг. в «Русском Труде» и в «Новом Времени», гораздо раньше, чем Делич начал сблизать религию евреев и вавилонян.

2) Что это — *так*, подтверждается фактами, что уносимые завоевателями сосуды из иерусалимского храма они ставили в свои храмы. «Сапог пришелся по ноге», т. е. в Вавилоне, Ниневии, да и везде решительно у *семитов* сапоги были скроены «*по мерке с одной ноги*». Но храм Божий, по иудейскому представлению, есть *вместилище Бога* (почему и храм может быть только *один на земле*). Следовательно, в одинаковых храмах обитал везде тот же *Бог*. Только евреи говорили: «он — не у них, а — у нас», финикияне: «нет, не у вас, евреев, а — у нас»; «и ваши сосуды должны быть поэтому перенесены к нам».

3) Да это и *очевидно*: все семиты поклонялись богу *плодородия*. Но евреи и до сих пор не поклоняются ли богу *плодородия*? Какая же и в чем *разница*?! *Существо* — одно. А иногда вдруг высказывало одно даже имя: Давид был совершенно «православный» иудей, говоря нашим языком — «канонический», настоящий. Что же мы видим: в состав имени некоторых сынов его *входит имя Ваала*, с выражением полной в Ваала веры; например, «Ваал дал» (сына), «милость Ваала» (ко мне). Имена человеческие давались в древности по существу, по вере, *не были простыми звуками*¹.

Может ли христианин когда-нибудь назвать своего сына именем, в которое составною частью входило бы имя «Ал-

¹ «В а а л — Имаф» — имя одного из Давидовых. Еще в той же V-ой главе «Второй книге царств» говорит об употреблении Давидом имени «Ваала» как имени *своего* бога: «И сказал Давид: *Господь* разнес врагов моих передо мною, как разносит вода. Почему и месту тому дано имя: *Ваал — Перацим*». См. стихи 16 (имя сына Давида) и 20-й.

лах», «Будда» или «Конфуций»?!. Значит, Давид почитал Ваала своим богом; только вообще-то у евреев он назывался иначе, как бы, например, не «der Got», не «Matka Boska», не «Notre Dame», а например, «Бог» и «Пречистая Богородица». Другие звуки. Эта-то разница только звуков, а не мысли и представления, и ввела ученых в заблуждение; о чем евреи промолчали и посмеялись над европейцами.

ОБОНЯТЕЛЬНОЕ И ОСЯЗАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ ЕВРЕЕВ К КРОВИ

Все 400 раввинов клянутся, что не только человека кровь, но даже и животных кровь — *«запрещена к вкушению ереям»*.

Это слишком явно, ибо мы читаем в Библии: *«никакой крови не вкушай»*, с добавлением, однако, на которое нужно обратить все внимание: *«ибо кровь — это душа»*. *«Не вкушай крови, потому что она священна»* — вот перевод. Поэтому ни о каком примешивании крови человеческой или какой другой к какой-нибудь пище евреев, — не может быть и речи. Это — бессмыслица, и этого просто — нет, ибо это противоречит *стилю* веры, культа и *«тайны»*.

Напротив, что *«кровь есть душа»* — это одно из великих *«Сокровений»* библий, которое они *таили* от всех народов, так обильно проливавших в то время кровь (особенно ассирияне). Отсюда — не только *война*, но и *охота* почти запрещена евреям всем духом их законодательства. Еврей с *ружьём*, подстерегающий *дупеля* в лесу, — невиданное и смехотворное зрелище; как и еврей *верхом на коне*, *чертящий воздух саблей*: смех, невозможность и беззаконие. *Жид* в сущности баба (старая), которой ничего мужского *«не приличествует»*. Их и *«бьют»*, как *«баб»*, с этим оттенком презрения, удовольствия и смеха: делают это как что-то *«само собою разумеющееся»* и *«ожидающееся»*... В тайне я даже думаю, что евреи не нелюбят, когда их колотят, но только делают *«вид протеста»*, подражая мужчинам и европейцам, или притворяясь мужчинами и европейцами. Но *«милого побои не долго болят»*, и никуда они от *«бьющих»* не уходят... *«Сладко садняет»*, и вообще, тут есть садизм *«сладких язв»*. Пророки им предсказывали: *«будешь язвен и мучен»*: это буква в букву о кишиневских и белостокских делах, об английских и о староказацких.

Но «бабы», в отличие от мужчин, имеют свои вкусы, иногда застенчивые вкусы. Если бы я спросил всех раввинов: — «А не имеют ли евреи, да и не они только, а и «бог» юдаизма, некоторого положительного отношения к крови человеческой, некоторого притягательного к ней отношения, то они ужасно бы смутились, смутились и застонали бы, сознавая в недвижимом стоянии своем, что подходят к главной их тайне. Да, вот великое «сокровение» иудеев: «мы любим кровь». Было, что «скрывать от народов», было «основание для «тише», «не смотрите», «не читайте», в особенности, — «не догадывайтесь». Библия полна косвенных сказываний... Все указывают, евреи указывают, Рембрандт и другие художники рисуют, как Бог не дал Аврааму совершить «заклание» сына Ему в жертву: но это пока — явное, те «согласные буквы», которые видны глазам. Но тут есть и невидимые гласные буквы, которые подразумеваются... Никто не обратил внимания, что моментально последовало за недовершенным (только) сыно-жертвоприношением. Напомним: Бог везде называется в Библии «огнем»: «Аз есмь огонь пожирающий», говорит Он о Себе. Вдруг этот «Бог-Огонь», едва подвели к нему отрока, взвился, лизнул и отступил, точнее — повелел отвести мальчика в сторону, удовольствовавшись ягненком. Рембрандт и другие, пораженные красотой и значительностью события, его картинностью, не заметили слов сзади ее, которые нельзя не назвать жадным лизанием жертвы:

«Мною клянусь (какой жар, нигде еще такого тона!!!), что так, как ты сделал сие и не пожалел сына твоего, единственного твоего (какая нежность!), для Меня, то Я, благословляя, благословлю тебя, и, умножая, умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов твоих; и благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался глаза (зова? требования? алкания?) Моего».

Вот на что надо было обратить внимание, а не на картину спереди, en face, в выпуклости. Не «дразни огонь», говорят. Что-то живое в самом деле есть в огне. Поднесите хворостину к пламени костра, не касаясь его, и пламя вытянется в язык, в длинный угол, в острую ленту, и хочет лизнуть хворостину. Но вы отдернули назад хворостину: ничего не произошло, хворостина цела; отрок цел, Исаак

жив. Однако, из этой «целости» и «живости» дико было бы заключать, что между огнем и хворостиною *нет притяжения*; что между иудейским «неисповедимым» Иеговою и *отроческою кровью*, — именно *отроческою* или *младенческою*, невиннейшею, чистейшею, — нет мутящего ум *притяжения*. Жертвоприношение Исаака, так *обманувшее чужеродцев* тем, что оно *не довершено* (именно — для их глаз), *последующими словами* говорит (шепотом потомству Авраама), что его хранитель и ангел в истории «любит вот то-то»...

Да, эта «баба с Востока» — страшная! Страшное видение, не нарисованное Рембрандтом: человек, *мальчик*, сын, *несший дрова для себя* (какие подробности!), перед жертвой *попросивший отца связать себе руки*, чтобы не биться при заклании и *хоть видимостью сопротивления не оскорбить Бога* (комментарий Талмуда к этой сцене): и... какой-то жар... и истерика: «отведи», «не надо», «только ягненка Мне дай», но... «как ты благословен за это», «какими наградами я тебя за это осыплю».

‘За что «за это»?!

Пообещал сына; и *подвел уже к огню*, «в котором Аз» («Аз есмь Огонь *поедающий*»)...

Что еда; *еда* — глупое, грубое; еда — это *земное*. «На небесах» только *обоняют*, и на земле иногда *обоняния* родят безумие.

* * *

Вот я раввинов и спрошу об этом: нет ли у евреев, да и крупнее, — нет ли у *самых раввинов*, не у «казенных», *спереди поставленных*, а у *стоящих позади их*, настоящих раввинов, *положительного обонятельного и осязательного отношения к крови*, вообще всякой, но и к *человеческой особенно?*

Стонет душа еврея: не может он сказать: — «нет!»... Не смеют (евреи). — «Не смеем» (раввины).

Да и слишком явно: кто же припишет в «Священном Писании» Богу то, чего *сам не имеет?* Христиане кротки, — и Бог их «кроток сердцем»; но если израильский Бог любит «*обонять запах жертв*» (буквальные слова Библии), то *евреи неужели же этого не любят?!*

По «*богомольцу — Бог*», и, обратно, «*в связи*», «*в завете*»: «по Богу — и *богомалец*».

Явно!

Да и как *вывод* тоже явно: «в крови» ведь «душа», дух, жизнь; кто же не «любит душу человеческую»?! И как только *тайность и тайномыслие* слили «душу» и «кровь», — так обоняние крови, осязание крови, всякое отношение к крови из «отвращающегося и гадливого» перешло в «безумное и сладостное», «восхищенное и восторженное».

Да всмотритесь же вы во все «богослужение» иудейское, которое ни мало не походило на спиритуалистическое христианское, с нашими «эктениями» и прочее...

Правда, там возглашаются псалмы, — не думайте, не нашими тихо льющимися тонами! — Звенели серебряные длинные трубы; и среди храма, с привешенною к потолку виноградною кистью-лозою из золота (пожертвования), до того огромною, что ее не имели силы поднять десятки священников, — непрерывно и непрерывно текла, струилась, капала кровь, *всегда разделенная в струйки и капельки*, для большего испарения и большей пахучести. Выражение Песни Песней: «Имя твое сладко как пролитое миро» (буквально: как миро, *переливаемое из сосуда в сосуд*) — есть закон всего «богослужения», прежде всего — *пахучего кровью богослужения*. Для нас бы — отвратительно пахучего: но «что немцу смерть, то русскому здорово», а что «христианину — вонь, то иудею — сладость». Посмотрите на их большие тяжелые носы: это не наши маленькие носы «с переимочкой», а какая-то обонятельная утроба. Посмотрите на их толстые, мясистые губы. И вкусы у них, и *обоняние* у них — совсем другие, чем у христиан. Как и другая хватка, походка. Мы все немножко «копытные», простодушные, громкие, явные, «водовозные»; «пасемся на полях» в ширь и даль. Евреи ходят около чужих стад, — непременно рассеянно, разбросанно, всюду, — как и все хищные, не кучащиеся в стада. Они «воды не возят» и сыты... Стелются по земле, кроются в камышах, уходят к себе и в себя, — ночные, таятся... Нога их или лапа вовсе не оканчиваются копытом.

Они пугливы. И кошки пугливы!

Во всяком случае этот «трус» любит кровь.

«Кровавая баба» Востока: тут нервы, закон и неодолимое. Тут нет вины, а только вздохи. Тут тоска народов, судьба народов. — «Ну, что же сделаешь», — если около пасущегося огромного буйвола есть и маленький ягуар, около лося — рысь; что делать, когда мир вообще сотворен в *копытных и когтистых животных, в мотыльке и в*

склеивающей его птице... Судьба, покорность и терпение. Покорность и глухое молчание. Да зачем в мире сотворены и жизнь, и смерть?

Идиллия и трагедия?

Никто не понимает. Молчат и евреи о своем странном призвании. Человек сходит на землю, чтобы исполнить жизнь свою, а не чтобы понять что-нибудь в жизни. И «покорность воле Божией», с этою, как в Библии, настойчивостью, частым повторением, не как «присказка», а самая «сказка жизни», грустная и нескончаемая о ней повесть, — это все тоже в «Сокровениях» Израиля.

Это уже — *молитва кротости*, льющаяся в псалмах, впервые вырвавшаяся у еврея; ее нет у Гомера, нет нигде у явных народов. Она появилась у того же тайного народа, который любит обонять кровь. «Кровь — душа»; а молитва — сущность души. Но опять это из тех страшных тайн, которые нужно было сокрыть. Это уж я говорю, что надо было скрыть. Зачем людям знать то, от чего может помутиться разум?

«Бог невидим?» — Да! — «В Библии?» — Невидим! Прекрасно, но по какому же умственному закону, сердечному закону, совокупному душевному закону — евреи и Библия придали «невидимому Богу» *ноздри*?!! «Пар от ноздрей Его» — выражение Библии. Лица нет, ничего нет, головы нет... «Но ноздри?»... Еврей задумывается, упорно молчит, долго молчит, и шепчет: «Ноздри есть и у *Бога*». «Ибо я самого сладкого, до молитвы, до экстаза, не отведал бы без ноздрей; и не могу отнять у Бога то, чем сам живу, оживляюсь, восторгствую»...

Библия прямо говорит, что Бог *обонятельно* воспринимает земные молитвы... Опять «прячь это в *Сокровение*». Мы же можем заметить: каково же *умонаклонение* у евреев?!

КОЕ-ЧТО «ПРО СЕБЯ»

Человечество, «венец природы», собрало в себя лучи всех царств до него... Есть народы, типично-копытные и травоядные; есть «всеядные», — и нас обижает, но мы терпим, когда немцы сравнивают нас с одним всеядным и нечистоплотным животным.

Что делать, но обчиститься нам следует. В ком же, спрашивается, отразились *хищные*? А в ком-то отразились

и они. Должны были отразиться в «венце природы». Хищников вообще немного на земном шаре, сравнительно с травоядными. Так Бог устроил, такова космогония. Да и необходимо в целях существования планеты, ибо при своем «множестве» они бы всех съели. В странной еврейской расе положены какие-то внутренние законы ограничения размножения: почему, идя «от Авраама» и переживя Египет, Грецию и Рим, они численно *меньше* германцев, французов и русских? *И многочисленны никогда не будут.* Тут «Бог отцов ихних» не сказал полной правды... Помавил к завету, но дал лишь лишнюю надежду. Мы называем евреев, все называют евреев «паразитной нацией». Но что значит «паразит-народец» около пасущихся буйволов, овец и прочих «стадообразных народов», живущих вплотную друг к другу? Среди нас «бродят» евреи, это — типично «бродячее племя», «странствующее племя». «Паразит» около «животного» есть тот, кто поедает его... Таинственная космогония соделала евреев «хищниками» около арийцев, среди которых они блуждают и похищают. Похищают имущества, средства существования; потому что брать жизнь запрещено. При завоевании Ханаана, однако, они «обрекали в закланье богу своему», «богу Иаковлеву», население целых городов, с женщинами, с детьми!!... Чего *ни один в свете народ не делал.* Вот настоящая манифестация «хищничества», когда законов еще не было, а корреспонденты не «сообщали в газеты». Когда было просторно и откровенно. Приписывают Андрюшу Ющинского «изуверной секте», «особому течению» в иудействе. Но разве «расправлялись в Ханаане» не двенадцать колен Израилевых? Полноте закрывать глаза на дело. В крови еврея пылает сей неугасимый огонь. «Хочется», — до жару, до истерики. «Хочется» даже на Английской набережной, в Петербурге, хотя бы как декадентская мечта, однако, не забредшая в голову ни Андрею Белому, ни Брюсову, а почему-то *единственно* еврею и еврейке... Ах, всем им хочется крови ягненка ли, Ющинского ли... Левину хочется, Грузенбергу хочется, Марголину тоже хочется, и только они не ведают этого. А во сне грезится. Разве они «ритуально» не расправились с русской печатью, с русским обществом. Взглянув на этот бешеный натиск, наскок, точно чувствуешь чьи-то зубы около шеи. Ритуал, господа, печальный ритуал около шеи. Ведь это они кричали «в дни Бейлиса» о всем христианском обществе: «Распни его!! Гвоздей ему в ладони!! Зауши его в лицо!!» И заушали. Тут и грязный Любош-

старался, вечно неумытый, засаленный Любош, и «Каиафа»-Левин...

Все колотили нас, в печати, в обществе, в собраниях... Все проклинали Россию и русских, «при благосклонном сочувствии полиции», которая, как и в Киеве, служила им и вечно им услуживает. С полицией они друзья, хоть и потаенные, «не на виду общества». Полиция «денежке счет знает», как и наши «талантливые адвокаты».

Но, господа, ликование ваше как-то коротко. Все-таки Иерусалима нет, Храм ваш разрушен, и торчит только жалкая синагога на Офицерской улице...

Вы вообще — *ничто*. И хоть облизываетесь капельками христианской крови, — облизываетесь даже в декадентских вычурах и в темных литовских лесах (серьезно), но мы вами не испуганы и все ваши успехи — дотоле, пока нас обуяла «наша русская леность», — да русская безголовая, баранья «стадность». Но Христос не напрасно умер. Христос нас победил и раздавил. Он выступил как «пастырь кротких», и дал с тех пор победу *кроткому терпеливому* на земле.

Вот этого-то «кроткого начала» вы и не победите своим омерзительным «гевалтом».

А все-таки почему-то «ваш бог» обманул вас в завете: «будете яко *песок морской*» и «*благословятся* о семени вашем все народы». А вас все колотят, проклинаяют, и, *несмотря* на своих ежечасно беременных Ревекк, вас почему-то *немного*... Ах, не очень вы верьте в своего «национального бога»... А то тут случится «от лукавого»... Где ваше *господство*, еврей? На бирже, в кармане и в плохих газетах! «У нас Любош»... С Любошем в «царство небесное» никак не пролезешь.

В СОСЕДСТВЕ СОДОМА

(*Истоки Израиля*)

Евреи — женственная нация, вот на что надо обратить внимание. Если и среди нас встречаются люди с особенно женственным, мягким сложением, — с мягким лицом, мягким голосом, мягкими манерами, — с мягкими идеями, повышенной серьезностью и чувствительностью, сентимен-

тальные, и прочее, то у евреев эта *женоподобность* — национальна. Обратим внимание на голос: за всю жизнь я не помню, чтобы еврей когда-нибудь говорил октавой. Даже густого баса я не помню определенно, чтобы встречал когда-нибудь. Все их голоса — пискливые, крикливые, и, еще чаще — мягкие и *интимные*.

Голос — великий показатель природы, именно — самого фундамента ее, органического, физиологического сложения.

Отсюда необозримые последствия, практические и теоретические.

Все их «гевалты» — это бабий базар, с его силой, но и с его слабостью. В сущности, на «одоление» у них не хватает сил; но в них есть способность к непрерывному повторению нападений, к неотступности, привязчивости. «С бабой — не развяжешься», — это относится к евреям, относится к нации их. Это нация гораздо более неприятная, чем существенным образом опасная; с ней всегда много «хлопот», как с нервной и капризной женщиной. Она угрожает «историями», «сплетнями», «сварой»; — и где евреи, там вечно какая-нибудь путаница и шум. Совершенно как около навязчивой и беспокойной женщины.

Они избегают и не выносят трудных работ, как и солдатский ранец для них слишком тяжел. Это от того, что они просто физически слабее других племен, именно как «бабье племя». Охотника с ружьем среди евреев нельзя себе представить. Также «еврей верхом» — смешон и неуклюж, неловок и неумел, как и «баба верхом». За дело ли они возьмутся — это будет развешивание товаров, притом легких (аптека, аптекарский магазин), конторское занятие, часовое ремесло. Но они не делают часы, а починяют часы. Вообще, они любят копаться в мусоре вещей, а не то, чтобы *сотворить, сделать новую цельную вещь*. Они какие-то всемирные штопальницы...

Увы, «нам всем нравятся женщины» — не лицом вовсе, а их уступчивой, угодливой, любезной и ласковой природой. «Женщина обольстительна», и на этом женоподобии евреев основана *главная часть* их успехов. Они и, пожалуй, оне всюду вкрадываются, входят, — и всякую минуту готовы вам оказать услугу с чисто женскою добротою и

живостью. Сюда присоединяется их интимный *тон* во всем, — опять женский. Евреи бы оборвались на первом, на третьем шаге, будь их любезность деланной или фальшивой. Нет, — это «в самом деле», потому что они — «в самом деле *бабы*». Они как-то пристают к *мужчинам* и *мужественным нациям*, и это влечение — «род недуга», и в комическом, и в серьезном смысле. Думать, чтобы Левитан «фальшиво» рисовал все русские пейзажи, целую жизнь — одни русские пейзажи, не нарисовав ни одного еврейского домика и ни одной еврейской семьи, — невозможно. Также и Шейн, собиравший всю жизнь русские народные песни, — конечно, любил их не деланно, а по-настоящему. Отсюда поразительное явление: «вообще евреи не любят русских», «вообще евреи враждебны России», но «этот еврей почему-то любил меня и дружил со мною», и даже — «много сделал мне добра». Это — частая фраза, это — повседневно. Но обратите внимание, как же это перекидывается в реальное отношение вещей: «да, евреи вообще *худая нация*, но этот еврей — *хорош*», иногда — «какое-то удивительное *исключение*». Но, поверьте, всякий еврей имеет «свое исключение» и где-нибудь среди русских имеет «исключительного друга». Что же оказывается: все евреи как будто имеют себе среду *сопротивления*, но каждый еврей без труда проходит ее, «потому что *имеет себе друга*», которого и он «в самом деле любит» и «оказывает ему услуги». На этом основано бессилие «мер против евреев» и «законодательства против евреев», которые всегда обходятся; ибо около закона стоит *исполнитель*, который «все сделает для этого *исключительного* еврея, своего *друга*».

Еврей *лично просачивается*, когда «не пускают их нацию». Но ведь нация состоит из «лиц», — и проходит вся нация, хотя не скоро. Но она терпелива женским терпением,

Отсюда мучительный «гевалт», который поднимается в еврействе, когда их гонят, отторгают от себя; — когда в них заподозрен дурной поступок или дурной человек. Опять это не деланно и тут не одни деньги. Прислушайтесь к тону, тон другой. Тон *бабий*. «Я — честная жена!», «Я ничего худого не делала!», «Это — сплетня обо мне». «Я — верна своему мужу (*мужественному племени*, — сравнительно мужественному, — среди которого евреи живут). Они боятся не факта, а у них вызывает тоску *мнение*. Они оскорблены, как «честная женщина», заподозренная в

«дурном поведении». Просто они оскорблены этим и кричат на весь мир. В безумных их выкриках есть нотка отчаяния: «уходит возлюбленный». Самое отторжение, которое у финнов вызвало бы грубость, у немцев — высокомерный отпор или методическое сопротивление, у евреев вызывает истерику, как если муж «предлагает жене жить на отдельной квартире». Тут все настоящее и никаких подделок. Евреи знают, что банки у них останутся по-прежнему, что богаче всех они будут по-прежнему. Не в этом дело. Бабе нужна «любовь». И она визжит на весь свет, когда ей говорят: «не люблю». Все их ругательства теперь России есть ругательства «заподозренной в поведении жены». Оттого они не хотели суда, — ни Дрейфуса, ни Бейлиса. «Как смеют *подозревать!*»

Древние пророки все говорят о непрерывной влюбчивости евреев в соседние племена; и когда читаешь, то долго не понимаешь, «что это такое», — читаешь и не веришь глазам, не веришь слуху своему. Но настойчивость и постоянство все одной и той же жалобы пророков, жалобы мучительной, наконец убеждает в том, что мы имеем тут какую-то дикую аномалию «израильского племени», которую, оглядываясь кругом себя теперь, начинаем в самом деле постигать, как некую совершенную новость в истории. В Испании — к испанцам, в России — к русским (о других народах и странах не могу судить, *не видав глазом*) евреи действительно прилепляются, прилипают, как сказано о жене, что она «прилепится к мужу своему». Посмотрите на поведение немцев в России, чухонцев в России, единоплеменных поляков в России, французов, англичан, шведов, итальянцев (на юге), румын в России; и сравните с еврейским *по тону, страстности и интимности...* Ничего похожего и подобного! Раз русский, захавший в Нью-Йорк, отдал поправить сюртук: он из гостиницы через слугу послал сюртук, и не знал, к кому он попадет. Сюртук приносит из починки еврей, и, отдавая, застенчиво говорит: «У вас метка на воротнике: С. — Петербург. Значит, вы русский?» — «Да. Но не из Петербурга, а из Одессы». Вдруг еврей подскочил к нему, весь сияя: «Из Одессы?! И кто же у нас там теперь городской голова???» Согласитесь, что никакой выгнанный из Таганрога итальянец не стал бы интересоваться «дальнейшей судьбой Таганрога» и совершенно о нем забыл бы. Тот же русский мне рассказы-

вал, что в Бостоне он увидел массы интеллигентной еврейщины, в последней бедноте, которые все курили *папиросы «Бакунин»*, с его портретом на мундштуке, и называли себя «русскими нигилистами» и «русскими анархистами». Таким образом, «мука наша от еврейства», которая есть и которую нужно обдумать, так сказать, спаяна из двух пластинок, как сложные маятники хронометров:

1) они действительно успевают и все захватывают;

2) но это происходит автоматически, вне их национальной преднамеренности и национального плана, а само собою, и проистекает из одной мало замеченной их национальной особенности:

3) женственности, прилепленности и прямой привязанности, почти влюбчивости; во-первых — *лицо к лицу* с тем человеком, с каким каждый из них имеет дело, и во-вторых — вообще к окружающему племени, обстановке, природе и быту (укоры пророков, да и очевидность).

Еще о маленькой подробности, — их «побоях», которые были во все века. Во время побоев они только визжат и бегают, и почти никогда не сопротивляются. Увы, и слабому полу приходится терпеть эти «домашние потасовки». Тут есть, конечно, физические и экономические причины, *но такая картина всего* решительно образуется на почве бабьего характера евреев, которых у мужского племени, например, у казаков времен Бульбы (когда «полиция вовсе не возбуждала против них народа») — руки чешутся «потрепать» немного.

* * *

Хорошо. Но где же родник, откуда все это? Родник древен, как само племя. Историки совершенно не обратили внимания на странную страницу их книг, где говорится о Содоме и Гоморре. Решительно ни у одного племени на земле, ни у греков, ни у римлян, ни у славян или германцев, ни у скандинавов, *на первой странице* их летописей, и даже *нигде* в летописях вообще, нет эпизода с целыми *двумя городами*, население которых, вероятно, с князьком его во главе, занималось бы такими странными делами, и имели на челе своем такое «пятно», которое и имя свое получило от названия одного из этих городов. В Европе если такое случится, то глубоко затаивается, а не входит в «историю судеб», — да и случается всегда *лично*, а не *городским и племенным способом*. В Талмуде есть целое рассуждение об этих городах. Поставлен вопрос: «*За что* их

наказал Бог?» В Священной истории написано — «за грехи», и мы с тех пор думаем: «за пороки». Я был поражен, прочитав *истолкование* Талмуда: на поставленный вопрос дан ответ положительно в лирическом тоне. «Земля тех жителей изобиловала плодами, постоянный мир и согласие царил у них, стада их были велики и во всем они были счастливы и прекрасны. И тогда в счастье этом они почувствовали себя так насыщенными и удовлетворенными, что забыли Бога, как бы потеряв в Нем нужду. *И за это забвение Себя Он их наказал*». «Грех»-то остается «грехом», но уж очень слабым, а о «пороке» и «порочности» и речи нет. Я был поражен: *мы совершенно не так* это дело понимаем; или, точнее, — «это дело» *они понимают совершенно иначе, чем мы*. Как же и почему, на каком фундаменте могла вырасти такая «прощающая» и «снисходительная» страница в Талмуде? Тогда я стал вдумываться в самый рассказ летописи; все помнят томительную просьбу Авраама в защиту городов, предназначенных к гибели: «Может быть, есть в этом городе 50 праведников»... — Пощажу. — «Вот, я решился говорить, Владыка, — я, прах и пепел: может быть, до 50 недостает 5-ти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город?» — Не истреблю, если найдется 45. — «Может быть, найдется 40?» — «Может быть, найдется 30?» — «Может быть, найдется десять?» — Он сказал: «Не истреблю ради десяти». И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом; Авраам же возвратился в свое место к Дубу Мамврийскому (глава 18-ая Бытия).

Во *всей всемирной истории* нет просьбы такой нежности и неотступчивости. От 50-ти до 10-ти много счета. Разговор был с только что совершившим обрезание Авраамом, в радостные дни нового союза. Да о чем просьба? о ком — главное? Стали ли бы мы просить, — *христиане, русские, англичане?*..

И вот тут обычный метод сокрытия дела от глаз любопытствующих: города были *истреблены*. «Порок наказан», и читающий успокаивается. Только Талмуд шепчет углубляющимся далее: «жители были *так счастливы, что забыли Бога*». «Счастье», конечно, грех, но «не очень». А смерть... Любопытствующий может усмотреть, что смерть постигает, правда, «виновного», как «наказание», но постигает и *неосторожного*, который приблизился к чему-нибудь *исключительному*, к чему не должен приближаться. В Летописи есть два таких случая. Раз перевозили

ковчег завета из одного города в другой, колесницу трянуло, ковчег покачнулся — и его поддержал рукою израильтянин. В тот же миг *он пал мертвый*. В другой раз Моисей попросил увидеть Божие Лицо: но получил ответ — «Нельзя его увидеть человеку и *не умереть*». Так что *сама по себе* смерть и гибель еще не обозначает ничего и ничего не говорит о *содержании* «предмета гибели. Может быть, «грех», а может быть, вообще «нельзя приближаться»... Не распространяясь далее в эту сторону, заметим, что народ, пошедший от такого «соседства» и из этого древнего источника, — в необъяснимой женственности своей, в необъяснимой «прилепляемости» к соседним племенам, в чарах ласки и любезности «с вами, с которыми говорит», и вообще, во всем этом фундаменте всемирных успехов, — имеет какую-то загадку Содома. Женственная нация. Не лицо, не индивидуум аномальны, как это встречается изредка и везде, но *аномальна и анормальна целая масса во всей толще своей, в племени*. «Жидки» — это лукавые девчонки, которые среди нас бегают, ласкаются к нам, обольщают нас, входят в дружбу и интимность с нами, издают нам журналы и газеты, курят папиросы «Бакунин», интересуются одесским городским головой, делают «политику русскую» как «свою еврейскую политику» и вообще все «русские дела» делают как «свои дела», с жаром, пылом и без остановки. Похоже на то, что «мы на них не женились», а они за нас «вышли замуж». Тут, конечно, могут происходить и вот теперь происходят великие недоразумения. «Вы нам не нужны, убирайтесь вон». — «Как!» — кричит супруга: — «ты обязан мне *давать содержание*». «*Пои меня! Корми меня! Давай квартиру! Подавай кошелек, я буду его хранить у себя*» (роль банков в стране). — «Что-о-о?! Зарезала мальчика? Я? Вай! вай! вай! Что он говорит, какая клевета. Я же была ему верна и никогда не отходила от кровати и кухни, черна, грязна и вечно работаю».

Вот вы и развязывайтесь с «особой»...

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Поколение потопа возгордилось вследствие благоденствия, как сказано (Иова, 21, 9): «Дома их безопасны от страха, и нет жезла Божия на них. Вол их оплодотворяет и не извергает, корова зачинает и не выкидывает. Как стадо, выпускают они малюток своих, и дети их прыгают. Вос-

клицают под голос тимпана и цитры и веселятся при звуках свирели; проводят дни свои в счастии и лета свои в радости». Гордость подвинула их на то, что они (там же, 21, 14) говорят Богу: «отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих! что Вседержитель, чтобы нам служить Ему? и что пользы прибегать к Нему?». Они говорили: «разве нам нужны Его дожди, ведь у нас есть реки, которыми мы пользуемся, и мы не нуждаемся в Его орошении, о чем сказано (Быт., 2, 6): «но пар поднимался с земли и орошал все лицо земли». Им сказал Святой (благословен Он): «Вы гордитесь предо мною тем добром, которое Я дал вам, этим же Я накажу вас, как сказано (там же, 7, 4): «ибо через семь дней Я буду изливать дождь на землю, сорок дней и сорок ночей». Равви Иосе, сын дамаскинки, говорит: «они возгордились только глазным яблоком, которое подобное воде, как сказано (там же, 6, 2): «когда сыны Божии увидели дочерей человеческих». Поэтому и Святой, благословен Он, наказал их именно водою, как сказано (там же, 7, 11): «в сей день разверзлись все источники великой бездны».

«Люди столпотворения возгордились добром, которое Он дал им, как сказано (там же, 11, 2): «двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и сели (син, пер.: поселились) там», а «сесть» значит не что иное, как есть и пить, как сказано (Исх., 32, 6): «и сел народ есть и пить»; это и было причиною их слов (Быт., 11, 4): «построим себе город и башню высоту до небес и сделаем себе имя прежде нежели рассеемся по лицу всей земли» и прочее; а что сказано далее? — «и рассеялся их Господь оттуда по всей земле».

«Жители Содома возгордились, благодаря добру». Что сказано о Содоме? (Иова, 28, 5—6): «Земля, на которой вырастает хлеб, внутри изрыта как бы огнем. Камни ее — места сапфира, и в ней песчинки золота. Стези туда не знает хищная птица, и не видал ее глаз коршуна». Они сказали: «так как хлеб, серебро и золото получается из земли нашей, то мы не нуждаемся, чтобы кто-нибудь пришел к нам, ибо он придет в ущерб нам; пойдем и закажем путь посетителям в страну нашу»... Это и было причиной наказания Господня, как сказано (Иезек., 16, 48): «живу Я, говорит Господь Бог; Содома, сестра твоя, не делала того сама и ее дочери, что делала ты и дочери твои». Вот в чем беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праз-

дности». (Талмуд, трактат Сота, гл. I, пер. г. Переферковича).

Заметим еще, что гора, с которой даны были законы народу, — «тряслась, пламенела и была покрыта дымом», и все израильтяне стояли перед ней в великом страхе, не смея приблизиться... Это на счет «сгоревших городов», каковых «сгорание» не дает непоколебимого фундамента для умозаключения.

Не невозможно, что старцы Талмуда, так истолковавшие потом и историю падения Содома, имели в виду следующую параллелизм текстов, где проходит один и тот же образ сжигающей, очищающей и дымящейся печи, как бы Уст чьих-то, чьего-то Рта пламенного (поглощающего жертвы):

«Господь сказал Аврааму: возьми Мне трилетнюю телицу, трилетнего козла, трилетнего овна, горлицу и молодого голубя.

Он взял всех их, рассек их пополам, и положил одну часть против другой; только птиц не рассек.

И налетели на трупы хищные птицы; но Авраам отгонял их.

При захождении солнца крепкий сон нашел на Авраама; и вот напал на него ужас и мрак великий.

И сказал Господь Аврааму: «Знай, что потомки твои будут пришельцами в земле

«И встал Авраам рано утром, и пошел на место, где стоял перед лицом Господа.

И посмотрел к Содому и Гоморре, и на все пространство окрестности, и увидел: вот дым поднимается с земли, как дым из печи.

Бытие, 27—28.

«И вывел Моисей народ из стана в сретение Богу, и стали у подошвы горы.

Гора же Синай вся дымилась от того, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась.

И сказал Господь Моисею: подтверди народу Моему, чтобы он не порывался к Господу, видеть Его и чтобы не пали мертвыми многие.

Исход, 17—18, 21. XIX,

не своей, и поработят их, и будут унижать их четыреста лет. А ты отойдешь к отцам твоим в мире, и будешь погребен в старости доброй.

Когда зашло солнце, и наступила тьма: вот дым (как бы из) печи пламя огня прошли между разрезанными животными.

В этот день заключил Господь завет с Авраамом, сказав: «потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки Еврата;

Кенеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хеттеев, Ферезеев, Рефаимов, Аммореев, Хананеев, Гергесеев и Иевусеев.

Бытие, XV.

Стой на Синае города или живи там люди, — и они бы сгорели и погибли. То-то жене Лота нельзя было «оглядываться».

«АНГЕЛ ИЕГОВЫ» У ЕВРЕЕВ

(Истоки Израиля)

При заходе солнца крепкий сон напал на Авраама; и вот напал на него ужас и мрак великий.

.....

Когда зашло солнце и наступила тьма, вот дым печи и пламя огня прошли между рассеченными животными.

В этот день заключил Господь завет с Авраамом.

Бытие, XV.

«Ты — Мой.

Будешь ли переходить через воды, — Я с тобою; через реки ли, — они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, — не обожжешься и пламя не опалит тебя».

Исайя, XIII, 2.

Труднейшее препятствие для изложения иудейского тайноощущения лежит в нестерпимой и непереносимой для европейского слуха, пера и бумаги сущности дела... Прямо это сказать и назвать вещи своими именами — совершенно невозможно. Только это лето, живя в Сахарне (после 15 лет умственных усилий), я нашел *подходы, уподобления, параллели и сравнения*, чтобы передать европейцам весь тот (с европейской точки зрения) ужас, невероятность, несбыточность, совершенное «не могу поверить» и, вместе, глубоко смешное, в *чем* именно заключается суть обрезания. Под «смешным»-то и сокрыто все. Кто из *серьезных* будет заниматься явно *забавными* вещами, представлениями? В этом лучший щит от ученых и философов. И «бог израилев» навсегда закрыл от глаз науки «свое дело с Авраамом», запорошив, как землицей, его сверху маленькими смешными забавностями. «Через смешное ученые никогда не переступят».

I.

Но кое-что и например. Вероятно, каждый замечал, что евреи «отлично себя чувствуют»... Всегда у них «превосходное расположение духа»... Жалобы на черту оседлости и на ограничения — только внешние крики, тот грубый и

наружный таран, которым они пробивают стену, сопротивления, выполняя «очередную задачу». При такой скованности, гнете, в черте оседлости — всякий народ впал бы в уныние, тоску, безнадежность. У евреев — ни малейшего подобного! «Отлично себя чувствуют» в нищете, в побоях, среди насмешек. Да что такое? В чем секрет? Где источник?

И Серафима Саровского избили, повредив ногу, разбойники: а он до этого и после этого был радостен. Иоанна Кронштадтского все видели радостным: а какая усталость от движения, молитв, поездок с раннего утра до поздней ночи... Вот «наш русский Авраам», этот Иоанн Кронштадтский. *Самочувствие праведности* поднимало ему руки, не давало уставать ногам и окрыляло все его брренное, старое тело.

Родник этой дьявольской неутомимости в истории евреев заключается в подобном же. Только «Иоанн Кронштадтский» и «Серафим Саровский» — у нас *лица*, а там — *племя*, у нас — *два*, там — *десять миллионов*. Оттого-то они и нападают на нас, а мы явно не можем защититься. Они вечно бодры, свежи, когда мы устаем. Мы, и тоже устают французы, немцы, англичане; уставали римляне, греки. Одни евреи не устают. Да что за дьявольская загадка?

Да то, что они в самом деле «Иоанны Кронштадтские», — на восточный, азиатский, «молохов» лад. Верхняя точка в небе над головой — зенит; но по космографии есть ей соответствующая и обратная точка — надир, «под землей». Такая же, только *на другом конце мировой оси*.

Наша святость — трудная: посты, молитвы, измождение тела. Но и при этих упражнениях «святые» наши являют вечно светлый лик и доживают все до глубокой, иногда — до глубочайшей старости. Самочувствие всегда дает и долготу дней, и неутомимость подвига, и вообще труда, работы. «Дайте мне самочувствие Ангела — и я пролечу все небеса».

Теперь забудем все «наше» и перенесемся прямо к Азии.

Еврейям дано самочувствие ангела, и именно — «ангела Молоха»... Каждый из них, читая «в часы субботы» Тору, не мог не обратить внимания на то, что, ведь, «почему я, еврей — Янкель», — не Авраам во всей его страшной огромности «отца всех», и в трепетной, сваливающей с ног,

близости к Богу, «богу израилеву». Тут действительно одна из тайн юдаизма, выраженная через одно простое *умолчание*. — Промолчала Тора («Закон Моисеев») в том месте, где ожидаются непременно слова, молитвы, законы, гимны. С нами Христос заключил *новый* «завет» — и сказал сейчас же молитву «Отче наш». «Вот как молитесь». Произнес дивные поучения, наставления, дал притчи, дал полный путь жизни.

И мы говорим: «завет», «союз с Богом».

Еврей, читая в субботу Тору, не мог не удивиться великим удивлением, что, заключая завет свой с Авраамом, «бог израилев» не сказал ему никакой молитвы, не сказал ни одного поучения, не сказал коротенького: «произноси иногда — *Господи, помилуй*». Даже «Господи, помилуй» не сказано в такой потрясающий момент, как первый завет Бога с человеком, начало судеб такого особенного народа, как еврейский, — «народа избранного», «народа Божия».

«Избрал», а не научил «Господи, помилуй».

«Начало истинной религии» на земле — и даже «аминя» не сказано.

Поразительно. Всякий русский, едва я обратил его внимание на это, поразится тоже великим удивлением. Поразится и растеряется. «Ничего не понимаю». Как «начало религии на земле» без «аминя» и «Отче наш»?! Ну, «Отче наш» в тамошнем особенном, ханаанском тоне? «О, Боже Вечный и Создатель всех тварей, — помоги мне!». Ничего. Полное безмолвие... Какая-то глубокая ночь. Молчаливая ночь.

Еврей, все перелистывая по субботам Тору и, естественно, применяя и примеривая к себе, не мог не заметить, что в этом *умолчании*, в *сущности*, *сокрыты* бесчисленные глаголы, — глаголы, приведшие через тысячу лет к восклицанию одного «великого у них старца» (в Талмуде):

« — Бог сотворил мир для того, чтобы могло осуществиться (в мире) *обрезание*».

Выражение это — знаменитое, и ни один раввин не скажет, что его нет у них; и даже, по всему вероятию, это у них «пошло по улицам» и известно в каждой хижине. В час «пира обрезания», вероятно, припоминают «по поводу» это радостное определение обрезания. Но докончим невольные мысли «жидка Янкеля», к которым он не

мог не придти, как к *естественному и неодолимому* заключению из отсутствия «аминя» и «Господи, помилуй» — в миг ветхого завета;

— Да что же такое я, Янкель? Авраам для Бога *не сделал больше, чем я*. Я стою к Богу вовсе не в таком отношении, как, например, «крещеный русский» стоит к Богу сравнительно с Владимиром Святым. Владимир Святой сделал великое дело: крестил весь народ, привел целый народ от Перуна ко Христу, привел и *научил и дал наставников*... Тут такое величие дела, с которым «обыкновенному русскому *теперь*» невозможно сравниться. Совершенно иное — у нас: *каждый* Янкель самостоятельно *от себя и лично* делает Богу ровно столько, сколько сделал Авраам, и именно то, что сделал Авраам, и мучится, проливая кровь, так же, как Авраам, пролив кровь. Ведь *ничего еще* не сопутствовало Завету, не выразило его, не определило его, не легло содержанием в него. О, это «ничего»!.. это таинственное и страшное «ничего»! — В нем содержались миры. Через это «ничего» я, Янкель, *мелкий воршика*, — ничем *не меньше* Авраама... и... имею его державное самочувствие.

Не менее угоден Богу...

Не менее близок Богу...

Лично и сам, самостоятельно, вступил «в завет с Богом», ибо совершенно то же, кроваво и мучительно, и *без единого слова* и «аминя», сделал Авраам, что делаю я.

Ворую — и свят.

Обсчитываю — и праведен.

Жму сок из крестьян — и все-таки мне Бог обещал «*всю обетованную землю*»...

Потому что я обрезан. Как Авраам, сосед и друг sodomского царя, был *тоже только обрезан*.

Только всего.

Да что это за «темный лес» эта религия без «аминя» и всякой молитвы?! Даже без имени Божия. Мы говорим «Христос», «Богородица». А Авраам, которому самое имя «Иеговы» (открыто было Моисею *впервые*) вовсе неизвестно было, мог только сказать — «Бог мой», безлично, туманно. Так ведь всякий человек, и язычник, говорит: «Бог мой». Поистине, Авраам «заклучил завет» куда-то в тьму, не зная имени, не наученный ни одной молитве.

Точно ночью встал перед каким-то темным уголком и совершил «туда» обрезание, ничего не понимая и никакого

имени не произнося. Хотя бы спросил: «Господи, как Мне призывать Тебя?»

Поразительно: заключен завет, и человеческой стороне даже не сказано, как призывать Бога? Как по имени называть Его...

Из этого действительно явно, что «Янкель» равен «Аврааму». И имеет все его колоссальное самоощущение. Уверенность непобедимости. Уверенность избранности. Уверенность личного своего, «по обрезанию», завета, союза с Богом.

«Евреи прекрасно себя чувствуют». Главное, очень твердо на земле. «Бог сотворил мир для осуществления обрезания Богу», а «обрезаны Богу только мы». Заключение — явно. Все другое — дребедень и должно исчезнуть. А останемся только мы. Так они все и каждый и действуют, — сообразно этому, имея в мысли, что «таков будет конец всего». И это *implicite* содержится уже в том, что при обрезании *ничего еще* не было сказано, — ни обряда, ни устава жизни, ни поста, ни молитвы, ни храма, ни жертвенника. «Обрежь крайнюю плоть». Просто с виду забавно.

Что-то... темный лес. Простой человек испугался бы: «что-то дьявольское». И Авраам «пришел в ужас». Ученый скажет: «что-то Молохово». Кстати, в религии Молоха были тоже все обрезаны, и Самсону говорят о филистимлянах: «поди и (убив врагов) принеси триста *краеобрезаний филистимских*»¹...

¹ Поэтому нельзя видеть в Талмуде, и вообще в последующем иудаизме, злоупотребления в том, или *преувеличения* и самообольщенности в том, что они выработали тезис: «мир создан для *евреев*», и вообще все учение о «гоях», как о «чужих», как о «ненужных», в своем роде «благодатных» существах; попросту — как о животных, почти безумных и бессловесных. «Не нужны». В этом все. «Не нужны» обнимает и вещественные отношения, и мораль. «Ненужного» можно обобрать; «ненужного» можно убить, не вытащить из ямы, не спасти, когда он тонет; его можно «залечить», когда он болен, или дать *недействующего* лекарства больному; можно «испортить литературу *гоев*»; можно испортить, извратить, исказить их промышленность и торговлю. И пусть об этом в законе, в «Талмуде» и «Шулхан-Арухе», ничего не сказано и даже сказаны обратные слова «о *помощи чужеземцу*», «*чуже-родцу*», «*необрезанному*». Все это будет мертво, все эти слова будут без действия, ибо они все будут *афоризмами*, ни с чем не связанными, ни из какой *системы* и ни из какой *общей мысли* не вытекающими. «Общая»-то мысль и «система»-то говорит: «гой», «чужой», «не обрезан», «не нужен Богу и никому», «обери его», «оттолкни его»... «*имущество* его — ценно, но *самого*

После обрезания, начинается не просто покровительственное, но нежное, любящее и горячее-горячее отношение «бога израилева» к народу своему; и через особых избираемых людей поистине, он шлет «письмецо» за «письмецом» им, «весточку» за «весточкой». Вот из 54-й главы Исаяи:

«Не бойся... Не смущайся... Ты не будешь более вспоминать о бесславии вдовства твоего. Ибо твой Творец *есть* *супруг* твой; Господь, Саваоф — имя Его, и искупитель твой — Святой Израилев. Ибо как жену, оставленную и скорбящую духом, призывает тебя Господь, и как жену юности, которая была отвержена, — говорит Бог твой. На малое время Я оставил тебя, но с великою милостью восприму тебя. В жару гнева Я сокрыл лицо Мое от тебя на малое время, но вечною милостью помилую тебя, говорит искупитель твой, Господь. Ибо это для меня, как воды Ноя: как Я поклялся, что воды Ноя не придут более на землю, так поклялся *не гневаться и не укорять* тебя (слушайте! слушайте! — даже если «по слабости» и «по обыкновенному» будете грешить — «не буду укорять»: это переступает через всякие границы добродетелей, это — личная любовь, смежающая глаза на слабости, на дурное, на преступление — увы, в истории неизбежное). Горы сдвинутся и холмы поколеблются, — а милость Моя не отступит от тебя... Бедная, бросаемая бурей (слушайте, слушайте: это — личное, лицо к лицу, «Бог ко мне», «Янкелю» говорит), безутешная! Вот я положу твои стены на камне рубине...»

О, не о *постах* говорится... Не об *изнурении* постом и молитвой; но о «скромном и деликатном образе жизни» всех добродетельных «духовных» религий. Дальше:

«...И сделаю основание твое из сапфиров». И сделаю окна твои из рубинов и ворота твои из жемчужин, и всю ограду твою — из драгоценных камней».

его — нет». А около «системы» может стоять прекрасный лично Гиллел, до которого и его прекрасных лично качеств, право же, «закону» нет дела, и нет дела Аврааму-обрезанцу, ни — всему Израилю. «Есть — Гиллел, есть — Шамай» (враждебный Гиллелу его современник, суровый и беспощадный учитель, не меньший, чем Гиллел, авторитет еврейства). Они любят ссылаться на «Гиллела» и таких, скрывая в тени Шама, — коему синагога и вся традиция иудейства повинуются еще больше, чем Гиллелу. Гиллел — «для фронта», «в глаза» гоям; а позади и *au fond* всего — Шамай. Это надо помнить и об этом никогда не надо забывать. «Гой — труп: сними с него одежду и отходи прочь». Вот суть, которой изменить нельзя, ибо это есть «1 из 1000 лучей» обрезания.

Просто нужно удерживаться, чтобы не вспомнить полной параллели:

Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря...

Читатель знает, *откуда* это, — но (оттого-то и не хочется печатать, писать, говорить) мне даже мучительно произнести вслух, — откуда. «Молоху» *там* (у поэта) может быть параллель, но какая же и *там* и *тут* параллель нашим европейским и христианским верованиям?

Они — в посте.

Они — в смиренном одеянии.

Они и «грезить не смеют» про любовь, супружество. Да с кем?.. С Молохом еще возможно...

Ужасно страшно. Главное — страшно, что обрезание так голо, так одиноко-анатомично. Событие между Авраамом и «богом» израилевым похоже на то, как Иаков «брал за себя Рахиль», а оказался женатым на ее дурнушке-сестре Лие: Лаван, отец сестер, ввел дочь к жениху в такой час суток и так закрытую, что лишь на другой день поутру Иаков увидал, что «женат вовсе не на той». А уже «дело сделано», и он, через неделю женясь на другой сестре, стал супругом обеих. Так же вот точно, «не выдав лица», «не показавши лица» — было и в завете с Авраамом:

— Ничего кроме обрезания.

Но если *так* все совершилось, «по Иакову», то тогда понятно, что и не было сказано о жертвенниках, храме и все обошлось без «аминя» и молитвы.

— Мы люди простые, древние, серьезные. Нам разговоров не надо, а дело.

Старцы Талмуда дополнили собственно ясную мысль. Они о ней не сомневались, потому что чего же сомневаться, когда это «начало истинной религии на земле», и вместе — сухое, голое, одинокое обрезание.

Тогда они стали учить догмату, который знает всякий еврей и который решительно не открыт ни одному европейцу:

В секунду обрезания Ангел Иеговы сходит на обрезаемого младенца и остается на нем до самой смерти.

Нас «ангел» оставляет, когда мы грешим, обманываем,

убиваем; но ведь к еврею он сходит, «не взирая на лицо», — только в силу обрезания, и, имея с ним только одним соотношением и связь, — явно не оставит его в тюрьме, в воровстве, в «грехах» не только невольных, но и в *вольных*. Евреи *прощены заранее и во всем*, как мы чувствуем себя прощенными *после покаяния и причащения*, — но у них это с самого младенчества и в силу обрезания. «Обрезание»? — «Что такое?»... Израиль «прощен» не за свои добродетели, но силою чрезмерной и исключительной к *нему одному «любви супружеской»*...

«Грехи», «преступленья»?.. Уголовные кодексы народов и стран?.. «Законы русские», «законы французские»... *Какое-же все это имеет отношение к обрезанию?* Это «в верхнем этаже человека», в его гражданской и социальной, в его моральной и головной части; тогда как обрезание по непрекаемому требованию «бога израилева» положено в *нижний этаж*.

Что же происходит и что может думать о себе еврей? Никакого разъяснения, догмата ему не дано, и даже его — нет. А думать ему естественно, что «кровь обрезания» призывает к себе или приманивает к себе «ангела Иеговы». И как у нас «Ангел сидит у изголовья младенца и охраняет его сон», «говорит и внушает в ухо и душу добрые мысли и желания», и мы думаем, что он «где-то около груди и влагает в сердце светлое и благое», так у евреев, у которых догмат говорит определенно, что «ангел Иеговы» *не около него* находится, а «*на него нисходит и на нем пребывает*» — естественно каждому думать и ощущать, что он пребывает и остается там, где ранка и кровь. Помните, у Гомера вещий Терезий научает Одиссея: «*вылей кровь жертв в яму — и души усопших слетятся на кровь*». Этот миф — как краевое и далекое эхо, и, по всему вероятно, неверно вибрирующее в *воздухе*, — но, однако, это того самого, что у евреев сказано ясно, прямо и несомненно верующему. При обрезании, когда нож рассекает тело и кровь покажется, а под кровью часть тела обнажится — «ангел Иеговы сходит» на эту часть, на эту кровь и, так сказать, открытую жилу тела. Как бы присасывается сюда — чему и отвечает введенный в обрезание акт *mezizach*, т. е. высасывание у мальчика крови могодем.

Нужно заметить, что «ангел Иеговы» вовсе не то, что известные «ангел Гавриил», «ангел Рафаил» и другие несколько, со своим именем у каждого, которых Бог посылает и они суть «вестники», «посланники», «Ангел Иего-

вы» — темное место Библии, темное понятие ее, о коем есть даже целые исследования, сводящиеся к тому, что он относится к Иегове, как тень к предмету, запах к цветку и заместитель к замещаемому. Никогда не скажется: «Иегова (или Элогим, — другое имя Божие) послал ангела Иеговы», но иногда в местах, где ожидается по ходу изложения слово «Иегова» — сказано «ангел Иеговы». Таким образом, «ангел Иеговы сошел на младенца» — вовсе не далеко от мысли, что «на мне, Янкеле, Иегова имеет свое пребывание». А что «на мне, Янкеле, ангел Иеговы пребывает и был все время жизни, начиная с 8-го дня от рождения» — это есть верование всех хижин, всех местечек.

С «ангелом Иеговы» на себе они бросаются во все жизненные битвы, в суды, в споры, в литературу, уверенные везде «взять верх». Да вот слова Исаяи, прямое продолжение предыдущих:

«Тебе бояться нечего», — говорит Господь: — «Вот будут вооружаться против тебя, но не от Меня; кто бы ни вооружился против тебя — падет. Вот, Я сотворил кузнеца, который раздувает угли в огне и производит орудие своего дела, — и Я творю орудие для истребления. Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно; и всякий язык, который будет состязаться с тобою на суде, — ты обвинишь. (Каково! — не сказано, «ты будешь прав и обвинишь», — а «обвинишь потому, что ты обрезан Мне»). Это есть наследие рабов Господа, оправдание их от Меня, говорит Господь».

Еще, из следующей (55-й) главы — песнь любви «бога израилева» к «своему» израилю:

«Горы и холмы будут петь перед вами песнь, и все дерева в поле — рукоплескать вам».

Заметьте, все эти слова и подобные израильтяне еженедельно читают в синагоге и дома, «где откроется». Везде — это, везде — приблизительно то же.

III

А как же еврейянки? У нас девочки и мальчики крещены, и «весь русский люд — христиане». Никто не обращает внимания, как же еврейские девочки? В сущности, — перенося наши понятия туда, — они все «не крещены», и даже все — вовсе вне Бога и вне религии!

Дикие, пустынные, ничего!!!

Не поразительно ли?

Несомненно — «обрезан» один мужской пол, и, как девочки не подлежат ему, — они вовсе вне присутствия Иеговы. Как бы у нас — «сестры христиан», а — не христианки. Нужно заметить, никакому «закону Божию» девочки у них не учатся и никаких молитв «поутру» и «на сон грядущий» они не читают.

Да и потом, во всю жизнь, собственно, *один мужчина* исполняет очень многочисленные молитвенные и обрядовые обязанности юдаизма. *Женщина в них не участвует вовсе.*

Что же делает «некрещеная» (в нашем бы смысле) еврейка? Вне Иеговы и не читая Ему никакой молитвы?

Девочка — ничего. Так и есть — «некрещеная», не обрядовая.

Когда же она «приобщается юдаизму»? Раз я спросил еврея в пути: «что обязана сделать христианка, если б она захотела перейти в еврейство»? Подняв голову, он с недоумением ответил: — «Ничего». Потом добавил: — «Только погрузиться в нашу микву» (*общий бассейн с водою*). Потом прибавил строго, крикливо: «И — хорошо стричь ногти, — о, хорошо стричь, хорошо!». С силою удара и страсти.

Ну, не «бесовщина» или не «культ ли Молоха», когда она, «переходя в новую религию», «свет новый себе открывая», — не получает: 1) *ни слова* себе научения, 2) *ни — символа* (своей особой) веры, 3) *ни — молитвы* Господней, а должна...

Черт знает что такое: «крепко, крепко стричь ногти» (они стригутся до тела, с такой абсолютной строгостью старухами ритуальными в микве, что девушки-невесты кричат от боли, а старухам мать невесты дает деньги, чтобы они не задели мяса и не окровянили пальцев).

Что же делается? «Когда Хайка делается израильтянкой»?

Тут поймешь, почему дочь «судьи израилева», Иеффая, которую отец по неосторожному обету должен был принести в жертву «богу Израилеву» — «пошла в горы и *плакала девство свое*».

Она «оплакала» не просто то, что осталось незамужнею; какой об этом вопрос перед смертью, — перед закалыванием (бррр... рукою отца!!!); а... что она, дочь народного героя, и первая с тимпаном вышедшая встретить отца после победы, — должна была быть принесена в жертву «израилеву богу», в сущности, вовсе даже не сделав-

шись «правоверною израильтянкою», не слившись с народом своим.

Израильтянка «приобщается юдаизму» и «вере отцов» через замужество. И для нее «выйти замуж» — то же, что для христианки — «креститься».

Тут-то и получает значение: «ангел» Иеговы сходит на мальчика в миг обрезания и остается на нем (не возле него) до смерти». Что же, собственно, происходит, и отчего девочек не учат «закону Божию и молитвам»? Все происходит так же сухо и голо, анатомично и одиноко, как в обрезании: она «в миг потери девства», — по юдаизму, по вере каждой хижины еврейской, — принимает в себя, «просто по-древнему», ангела Иеговы.

Как же вы можете найти уловимую разницу с культом Молоха, культом «крови и религиозного сладострастия», когда у евреев и евреек через особенность вероучения «ангел Иеговы» входит в естественно и неодолимо сладострастные ощущения?

Внутренним зерном их, внутренним огнем их. Едва ли не здесь (учение об ангеле Иеговы в отношении к обрезаемому) лежит причина развития той части обрядового обрезания, которая лежит в высасывании крови. Что тут нам светит? Кровь младенца обагрывает десны, зубы, язык обрезающего. Ну, а он? Не пассивен: и, может быть, к нему идет первая строка *Песни Песней*. У евреев все связано и зависит одно от другого, вытекает одно из другого: Мне брезжится, что в мысль обрезания входит нож, кровь, мука и поцелуй. И во всех трех — «бог Израилев».

Он и целует.

Он и кровянит,

Он и рассекает мясо.

Могель же только исполняет, — «пешка», «подставной болван», дающий зрителям символ того, что скрыто за занавескою у заключающего завет с вступающим в завет, между «богом Израилевым» и восьмисуточным мальчиком-евреем».

Отсюда дети считаются у евреев прямо *произведением Божиим*.

«И посетил Господь Анну, и зачала она и родила еще»... (Первая кн. Царств, глава 2, стих 21).

«Ибо, когда увидят у себя детей своих, дело рук Моих, то они свято будут чтить Имя Мое» (Исайя, глава 29, стих 23).

Вот отчего еврейки (особенно в древности, — да и сей-

час, поскольку остаются «верны богу израилеву», т. е. «не интеллигенты», так бешено выходят замуж, и родители так энергично выталкивают их в замужество, — причем, не особенно церемонятся с «любовью», и вообще не интересуются «разговорами», полагая, что дело, — и, в данном случае, *религия*, — «в деле». Это им все равно как нам «креститься». Исполнить «закон», исполнить все. «Ни законов, ни молитв нам не дано, а только — замужество». Но уж к нему приготавливаются тщательно, и все замужество, ежемесячно, *по понятной причине*, течет ритуально в строжайше наблюдаемой физиологической чистоте. Отсюда-то и развились их миква, эти дикие, на наш взгляд, погружения и очищения, — да еще проглатывание невестою «святой воды миквы, дабы освятить и горло свое, и желудок». «Ангел Иеговы в тебя войдет, дочь Израиля»... Да и понятны эти патетические взрывы: «украшу тебя рубинами, жемчугом, всем»... Патетическая, телесная, восторженная любовь... Все сказано. Объясняется *тон* заветных весточек «оттуда»...

Теперь понятно, почему «за одного они все». Евреи образуют не «племя одно», — мало ли племен, тоже патристических, германское, английское; но ведь ничего подобного ни у кого *по единству* нет. Евреи составляют как бы *один монастырь*, общину *одного устава и одной обители*, но глубочайше брачную. Все они страшно близко *телесно* поставлены друг к другу: через микву, обрезание и супружество — они в сущности все *родные* друг другу, и все немножко влюблены друг в друга, осязательно, как бы «потершись друг о друга» спиной ли, плечами ли, чем ли. Ток могучего религиозного электричества пробегает от «американских жидов» до Петербурга, и все они говорят с Фамусовым: «Ну, как не порадеть *родному человечку*». Тогда как «гои» все между собою чужие, и только — знакомы или ведут «общие дела». Отсюда: «*между двумя евреями никогда нет соперничества*», торгового, всякого.

Замечателен самый *тип*, самый дух их связности. Это что-то не человеческое, не гражданское, не общественное. Повторяю, патриоты ведь есть везде, сильное племенное чувство есть у многих. Но это — «завыли разом от Бостона до Одессы» (Дрейфус, Бейлис) имеет параллели, себе в другом месте и вовсе на другой почве. «Бывает, выехав на волков, охотники нечаянно попадут в *волчицу*, за которой бегут они все, и приветливо, и ласково. Происходит величайшая беда: не помня себя, вся стая кидается на охотни-

ков, — и, чуть что, разрывает их!»! В-о-т! Они все «прекрасные и непорочные» друг для друга, через этот воистину содомический укус в обрезании: не то — Эндимионы, не то — Анунциаты. Странно и дико поверить, но весь Израиль образует «одну стаю» в удовольствиях, и это будто о них предсказал Платон, что «если бы все мужи города были связаны таковою («греческою») дружбою, то город сделался бы непобедим, ибо каждый в нем был бы готов умереть за каждого» («Федр»). Вот какая соединяет их плотская связь, — попадающаяся тоже в монастырях, — но здесь запылавшая в целом племени через «ангела Иеговы», на каждого сходящего в обрезании. Тут и вой от моря до моря, и шелканье миллиона зубов. «Не суй пальца — откусят». И общее чувство к ним, и страх окружающих к животнo-человеческой стае. И всеобщее: «бежим от этих Эндимионов! — они обворовали нас и хотят еще зарезать».

Европа и евреи

Слава Богу, Россия теперь — не рабыня, лежащая безмолвно и бесправно у подножия все забравшего себе чиновника, — притом, довольно безыдейного и с притупленными желаниями, с отяжелевшей волей. Россия теперь «сама», и эта «сама Россия» справится с евреем и с еврейством, которые слишком торопливо решили, что если они накинули петлю на шею ее газет и журналов, то задушили и всячески голос России, страдание России, боль России, унижение России.

...что уже никто и не услышит этого голоса, ее жалобы, ее страдания, ее боли, ее унижения. Но русский народ имеет ум помимо газет и журналов. Он сумеет осмотреться в окружающей его действительности без печатной указки. Сумеет оценить «печатную демократию», распластанно лежащую перед «гонимыми банкирами», «утесненными держателями ссудных лавок», «обездоленных» скупщиков русского добра и заправил русского труда. Минский, стихотворец и адвокат, говорил мне в 1905 году, в пору октябрьской забастовки: «Конечно, евреи способнее русских и желают сидеть в передних рядах кресел» (он представлял жизнь как бы театром, с актерами и зрителями, и соответственно этому выразил свою мысль). В двух учебных (частных) заведениях Петербурга, где учеников и учениц половина на половину ев-

реев и русских, — евреи уже делали попытку бить русских товарищей, но (по крайней мере, в одном заведении) получили хорошую «сдачу». Раздраженно один малыш воскликнул моему 14-летнему сыну:

— Все равно, евреи богаче русских! — и одолеют!

В другой раз:

— За евреев заступится Австрия, Россия будет разбита и тогда мы получим все, что нужно.

Эти выкрики 14-летних еврейских мальчиков выдают тайну семей еврейских, гостиных еврейских, кабинетов еврейских. Они показывают, как «нас там любят»... Уже мечтают, сколько они возьмут за шкуру убитого медведя на международном рынке мехов...

Но, господа! — медведь-то еще не застрелен, а гуляет в лесу. Он долго дремал в берлоге, сосал лапу. Но ваше злодеяние над кротким, тихим, никого не обидевшим мальчиком Андрюшею Ющинским разбудило его...

В. Р.

Р. С. В сентябре 1899-го года, сейчас по окончании дела Дрейфуса, мне пришлось сказать несколько слов в статье «Европа и евреи», предостережительных в нашу сторону, в сторону христиан и европейцев. Уже тогда я предлагал «перестроиться», дабы не понести около евреев судьбы «персов перед македонянами». Эту статью, всякое слово которой можно повторить и сейчас, поставив лишь вместо «Франция» имя «Россия», я перепечатаваю здесь.

Спб, 27 января
1914 г.

Процесс Дрейфуса окончился. Но хорошо ли Европа разобрала вкус этого горького, терпкого, вонючего плода, который три года жевала и едва имела силы с ним справиться? «Еще две таких победы», — сказал Пирр-победитель о римлянах, — «и я погиб». Так много он потерял в битве. Так много потеряла Франция, да и такую роковую угрозой для целой Европы стоит странное дело о капитане-изменнике. О «капитане» и об «изменнике»: — как будто мало тех и других на свете, и дела их ведает суд, и они падают в Лету, не возбуждая ничьего внимания и ничьего

любопытства. Но на этот раз, во всяком случае, человек не безупречной репутации и отталкивающей карьеры был... еврей. И вот Лета не смогла поглотить его, — рамки суда раздвинулись, стены «Palais de Justice» пали, «дело» выросло в вопрос почти о судьбе Франции; и последняя, вздрогнув, имеет причины подумать: «еще две-три таких победы — и я погибла». «Кто был бесчестен, один Дрейфус или вся Франция?» — чудовищный вопрос, какого, казалось, никогда не ставилось между человеком — повторяем, по крайней мере, сомнительной репутации — и между первоклассною страной с тысячелетнею историею. — «*Были ли и особенно есть ли в настоящее время Дрейфус-изменник Франции?*» — вот о чем нужно спросить, потому что было «дело Дрейфуса». И если бы там, в разных «dossier» в «bordereau», было все чисто, то неужели Дрейфус и евреи будут еще расписываться в «любви к Франции» как к «своему отечеству», когда они сделали нечеловеческие усилия не к тому, чтобы передать там Германии какие-то «мобилизационные планы», а чтобы «сорвать самую Францию», как игрок срывает банк. Не удалось; оборвалось. Но усилие было так гигантно, что Франция затрещала по швам. Они, *ses juifs*, «любят Францию»... Берегись, Франция, — да берегись и Европа. Это «первое предостережение»...

«Измена», — все говорят «об измене», все препираются о ней... «Ее не было», она «не доказана», «нет улики». Да какой вам улики надобно, кроме этой же «affaire», и что такое измена, как не «злоумышление против отечества», «желание предать его», «желание погубить его»?! Ну, «не было измены Дрейфуса», есть «измена еврейства»; и не было «шпионской проделки», так было и есть, остается в сложнейшем и обобщеннейшем смысле, в смысле самом грандиозном, — «государственное преступление», не только доказанное и всеми видимое, но и совершенно признаваемое самими евреями, так нежно любившими свое отечество три года! Да и до чего опасная измена, на какой мучительной подкладке! Так или иначе совершилось темное дело, но, ни от кого не скрывая и при полном свете дня, Франция как страна, как организация, как управление — *шельмовалась без пощады*. Вот уж истинные «бичи Иероваама», просвистевшие над спиной прекраснейшей и благороднейшей из европейских стран. Не знаем, виновен ли Дрейфус; но видим Францию уличенную, опозоренную

каким-то лакейским способом наказания. Так бьют Расплюевых; так били Францию — светоч, долгое время светоч нашей цивилизации. Вы помните мучительнейшую минуту, в финале комедии, где жених и героиня уличается в мошенничестве: эта минута растянута была на три года (ведь это пытка), и под пятою мошеннического заподозривания билось целое правительство. Дело так и кануло в Лету темным; светло же, как день, одно — что Франция была три года *в положении желающего вывернуться и не могущего вывернуться* из беды Кречинского. Никогда так человека не мучил, не пытал человек. Они, евреи... «сыны Франции»!

Сыны, так любящие «свое отечество», «свою Францию»...

И ее буковые леса, ее Рону, ее литературу от Абельяра до А. Мюссе, ее науку от бенедиктинцев до Пастера. Ведь эта все — *одна Франция*, господа, одна *вместе* с теперешним правительством, пусть и плоховатым, о чем француз заплачет, а не посмеется...

Посмеяться может только *чужеродец*, который, заушая «правительство», думает, что он нисколько не бьет Францию.

* * *

Тут вопрос не о том, кто светел, а о том, кто силен. Конечно, Франция светлее еврейства. Ведь «дело Дрейфуса» было попыткой сорвать «нравственный банк» Франции: отсюда вся его вязкость, упорство, и отсюда же всемирное к нему внимание. Очень интересен «сам» Дрейфус или «генерал Буадефр»!.. Царями столько не занимаются; и смерти императрицы австрийской, тоже невинно погибшей, не было дано и сотой доли внимания, какое дано было «невинно заподозренному Дрейфусу». Европа следила, кто у кого сорвет банк, и притом такого странного характера, что там заложена была самая душа и жизнь игроков: прекраснейшей страны, древнейшего и очень странного народа! И игра была удивительно выбрана в момент: ну, проиграй еврей — и ничего не теряет еврейство; «да, мы ошиблись, один из нас — мошенник и изменник, но у Франции остается 100.000 честных израильтян, совершенно искренно любящих свое отечество». Это в случае проигрыша; а в случае выигрыша? А в случае выигрыша «срывался моральный банк» вовсе не Гонза, Буадефра и проч. и проч., а именно *Франции* в самом ее сердце, в самом ее

центре. А оттуда бежит кровь по всем членам, и ядовитый укол в «штаб» парализовал бы, конечно, самое тело страны и «любимого отечества». Оставим вопрос о «светлом духе» еврейства и обратимся к их силе.

Сила эта — в цепкости и солидарности. Нам передавали в эту зиму, что когда одна из одесских газет пробовала временно стать «против Дрейфуса», то поутру множество евреев выбежали из дому на улицу, и, манифестируя свое негодование, рвали в клочки только что полученные номера этой газеты. Париж — Одесса, это не рукой подать. Затем «дело Дрейфуса» несколько раз глохло. Да и что за «дело», решительно — грязное дело, грязна его тема, и далеко не херувим человек. Вспомним у нас Новикова и Радищева: такие ли люди? — и тоже «сидели» без «вины». Так мы говорим, что «дело Дрейфуса» глохло. Но в то время, когда столько невинных глухо погибло, и вся история Тауэра и Бастилии есть история глухой гибели человека, «свои» не дали погибнуть ангелоподобному капитану. Мы исследуем *силу* еврейства и указываем на его *цепкость*. Евреев немного — 7 милл. человек. Персов было гораздо больше, чем македонян: но македоняне шли «фалангой», т. е. «свиньей» (форма военного построения) и, разрезая кучи, тьмы тем персов, — их побеждали. Секрет еврейства состоит в том, что они *по связности* подобны конденсатору, заряженному электричеством. Троньте тонкою иглою его — и вся сила, и все количество электричества, собранное в хранителе-конденсаторе, разряжается под точкою булавочного укола. В Париже 3 милл. французов, но ведь евреев там сколько на земном шаре — 7 милл.; в Вильне русских около 40 тысяч человек, а евреев в Вильне те же семь миллионов. И, конечно, евреи побеждают в Париже столь же легко, как и в Вильне.

«Первое предостережение», полученное в деле Дрейфуса Европою, показывает, что если Европа *не перестроится в своих рядах*, если она будет идти так же вразброд, — «по-персидски», «тьмы тьмами», — то она, несомненно, будет разрознена иудейскою «свиньєю» и потеряет все, как персы перед македонянами, Дело — в социальном построении; у нас «каждый за себя», «Бог за всех»; у евреев «все за каждого», — и потому-то, может быть, у них «Бог» в точности «за всех». Мы — разобщены; они не только соединены, но *слиты*. У нас соединение — фразерство;

у них — факт. Скажите, пожалуйста: поддерживала генеральный французский штаб французская печать так же, как одесситы-евреи Дрейфуса, т. е. так же априорно, столь же «в темную», до «окончательного выяснения»? Именно вот готовности «заранее», «a priori» отстоять «своего», — этой прекрасной «стенки» национального сознания — и не было во Франции, да и нет этой «стенки» нигде в Европе. — «Говорят, в штабе *мошенники*»... «Как *интересно*»... Жажда сплетни, жажда злобы, эти чувства «дамы просто прекрасной» и «дамы прекрасной во всех отношениях», — которые съедали друг друга и съедали всех своих знакомых из-за каких-то ситцев, тряпок, — эти воистину презренные чувства, конечно, взломались как вешний лед перед юдаической «свиньей», которая от Вильны до Парижа поперла в одну точку.

· Поперла и... почти сломила. Берегись, Европа, твой лед хрупок, укрепи лед!

Сентябрь, 1899 г.

ИУДЕИ И ИЕЗУИТЫ

В истории неоднократно случалось, что *мелкий* и *личный* факт, факт, наконец, *местный* — получал с необычайною быстротою величайшую силу, повсеместное распространение, и выливался в огромные результаты. Так от мелкой искры взрываются пороховые погреба, «от копеечной свечки Москва сгорела»; а чтобы перейти от поговорок к определенным историческим фактам, укажу, что нежелание администрации Иезуитского ордена добросовестно уплатить по счетам одной торговой французской фирме было причиною, что «статуты ордена» были потребованы французским министром к рассмотрению на суд; в них были прочитаны параграфы антиморальные и антиобщественные, и «разоблаченный орден» был изгнан из Франции и скоро был изгнан и из всех просвещенных стран Европы. Другой пример — знаменитые «индульгенции» Тецеля, «отпускавшего за деньги грехи человеческие» с таким особенным бесстыдством, как еще не случалось никогда дотоле, что вызвало возмущение Лютера, поднявшегося на самый Рим и на самое папство, и поведшее к отложению Германии и затем всей германизированной Европы от католичества.

Здесь, собственно, маленькое и местное событие было *поводом*, а родившиеся из него громадные последствия оттого и были громадны; что этот маленький факт, можно сказать, имел *миниатюрные с себя снимки повсюду*, имел мириады *подобных же* мелких фактов, рассеянных по всей стране или даже по всем странам Европы. Иезуиты вообще уже «нечестно рассчитывались», — и не в одной торговле, и не в одной Франции; они *фальсифицировали мораль*, они *фальсифицировали христианство* и *исказили основное учение Иисуса Христа*. «Индюльгенции» продавал не один Тецель, — а папство вообще обходилось нехорошо и с деньгами, и с совестью, и с народами по ту сторону Альп. Все увидели, что в «католичестве» имеют не столько христианство, сколько «римскую веру» и известный первосвященнический эгоизм, политический и финансовый. У Европы раскрылись глаза. И вот это раскрытие глаз, которые увидели всюду в Европе расплзшееся зло, — зло *застарелое* и уже давно мучившее всех, — и породило великие результаты.

Этим великим результатом было освобождение Европы от безграничного *папского авторитета*, в одном случае, и от тонкой *иезуитской паутины*, в другом случае. Не забудем, что и папы были покровителями искусств, покровителями поэтов, художников и ученых; у них работали Рафаэль и Микельанджело. А иезуиты покрыли Европу сетью училищ, которые были не только самыми многочисленными, но и по опытности и искусству преподавателей были первыми в Европе.

Так что великие культурные заслуги у них были; у них было очень много «вообще»... Но кроме «вообще» нужно иметь и «в частности»; кроме покровительства Рафаэля — нужно честно рассчитываться за забранный товар.

Поднимается третье освобождение Европы, может быть, самое мучительное и самое трудное, но совершенно необходимое — от евреев; от *семитизации* европейского духа, европейских литератур, всего европейского склада жизни, всей так называемой «европейской культуры». И «дело Бейлиса», которое самым именем закрыло кровавое «дело младенца Ющинского», есть лишь толчок, из которого, как ураган, развивается колоссальное движение — освобождение от семитизма. Роль евреев в культуре очень близка к роли иезуитов в христианстве, а сами евреи и в личности

своей и в статутах своей жизни весьма подобны иезуитам с их тайною и всемогущею организацией. Так же они вкрадчивы и льстивы, так же всюду проникают или пролезают; так же все себе захватывают, как захватывали иезуиты; так же у них гибка мораль и так же все в этой морали отпускают «своим» их тайные статуты, и беспощадны к чужим, как это было у иезуитов. Вообще, родство и близость с иезуитами евреев — поразительна. Мы находим параллелизм во всех линиях духа и устройства. И — в самом зерне. Зерном этим служит беспощадный, абсолютный эгоизм черного «я», не считающийся решительно ни с кем и ни с чем, кроме себя, и обращающий всякое другое лицо и всякое другое учреждение и наконец целые народы чужие в жертву себе, в «жратво» для себя.

Евреи действительно поторопились, вспыхнули, запутались и упали. Они слишком понадеялись на циничное средство, — скупку всей печати в Европе, скупку и оболъщение и всей почти печати русской. Рассчитывая на это, они встали во весь рост и неосторожно распахнулись: и все в России увидели, а очень скоро и во всей Европе рассмотрят, черное тело и черную душу еврейства. Суть — в беспощадном эгоизме, в принесении всего рецитально в жертву своему единственному, родовому, национальному «я». Требуя от нас: от немцев, от французов космополитизма и общечеловечества, они даже не едят одной пищи с нами, и это — не личное у них, а *национальное*: «национализм», и национальные статуты евреев, введя знаменитое отныне «кошерное мясо», строжайше запрещают всем «своим» даже есть из одной миски суп с христианами, брать мясо с одной сковородки с христианами, с этими «просвещенными» французами, с этими «республиканцами» французами, и с «русскими братьями». Явно, что ни «просвещение» европейское, ни «республики» европейские, ни «родное русское братство» — им не нужны, и они в нем лавируют и скользят, но к нему не прилепляются. Говорим про массу, про ядро еврейское, не считая «промежуточных» и «переходных» форм. Да и в последних живет и не может не жить черный отблеск слишком древнего духа. На самом доньшке у самого образованного еврея лежит затаенное чувство: «Россия все-таки *пройдет*, а евреи *останутся*». Примеры Египта, Греции, Рима не могут не подействовать.

Перед нами, русскими, да и перед всею Европою, раскрылись прямо национальные ужасы юдаизма, например, в этом знаменитом учении о «гоях». Мальчику и девочке

уже 7, 8, 9, 10-ти лет родители внушают, раввин внушает, *именем религии своей внушает*, что русские и французы — все вообще «нечисты» до такой степени, что есть с ними из одной тарелки то же; что есть из одной плошки с собакой или кошкой; что европейцы — это даже не люди, а животные. Это — *точные*, запечатленные во всех рукописях и в бесчисленных печатных экземплярах Талмуда положения, параграфы, законы, принципы, моральные воззрения. От этого внушаемого им «религиею» воззрения не отречется ни один еврей; ни один не скажет: — «этого нет!» Никогда подобного чудовищного учения не знала ни одна религия в мире и ни одна нация в мире. О всем этом европейцы и раньше приблизительно знали, но знали как-то издали, глухо, неопределенно; евреи не рассказывали, а европейцы не любопытствовали. Вдруг это все разом *раскрылось в процессе Бейлиса*; а сотни газет в тысячах листов сообщили об этом всем миллионам русских. И что бы ни твердила закупленная, задобренная и обольщенная печать, русская и заграничная, у читателей есть и свой разум, и все понимают, что нации с такими чудовищными принципами совершенно *не место среди европейцев*, что насколько мы любим «историю» и «культуру», настолько не место среди нас этой типично антикультурной и типично антиисторической нации. Ибо в зерне истории и культуры лежит уважение человека к человеку и любовь человека к человеку. Здесь самые уставы жизни таковы: «*не ешь с европейцем*» — это говорит глубоко и осязательно всякому, это говорит ему ежедневно, это говорит ему повсеместно. «Европеец — *поганец* для тебя», и ты должен относиться к нему, как «к *поганому* существу», т. е., естественно, ты должен его *презирать* и ненавидеть. И это говорится еще детям 7—8 лет, говорится в каждой еврейской хижине. С каждым «кошерным куском» еврей проглатывает как бы «заговор» и «зарок» против русского; чтобы сказать все понятным языком — он проглатывает «погромную против русских прокламацию», но которая не просто прочитывается и бросается, а переваривается у него в желудке и с кровью входит в плоть и кости еврея, в кровь еврея, в мозг еврея. Тихая и вкрадчивая, именно ядовитая ненависть к русскому, к немцу, к французу, к англичанину, ко всем — вот что такое статут и догма и религия о «гоях», — о чем все знали только глухо и отдаленно, обще и смутно. Теперь все это *ясно прочитали*. Они и изгаживают все, к чему касаются, — всякий дом, куда входят, всякую семью, куда

вкрадываются, всякую школу, куда их впускают; и прежде всего и яснее всего изгадили нашу когда-то здоровую, прекрасную, «натуральную» литературу своими смердящими «богоискательствами», «богоборчествами», «богостроительствами», декадентствами, символизмами и всяким словесным маргарином и всяким мысленным онанизмом. «Гои» суть «гады» и «гадость у них *все*»: это такая связь догматов, которую разорвать невозможно. Но у нас-то многие догматы не исполняются, а у них с «не садись за один стол с европейцем» все привилось с детства и все с детства вошло в кровь и перешло у взрослого в привычку, в манеру, в единственный способ уметь жить и действовать среди европейцев. Они *не умеют* не портить того, что врожденно считают «нечистым» и «гадким»...

Какими же невинными и чистыми представлятся нам принципы иезуитизма сравнительно с принципами иудаизма!

1913 г.

ЕВРЕИ И «ТРЕФНЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ЦАРСТВА»

Скрывая или оставляя в тени тот факт, что сами евреи воистину поклоняются Молоху своего *национализма*, что кроме национализма они и не имеют никаких других питательных духовных корней, и даже сам «Бог», Существо всемирное и всечеловеческое, — для них есть исключительно «еврейский бог», нисколько *не пекущийся о других народах* и даже к другим всем народам враждебный, — евреи в то же время унижают, высмеивают и всячески выедают народное чувство, сознание своей истории и государственную гордость у французов, у немцев, у русских. В особенности, как деятели литературы, как мелкие журнальные и газетные сотрудники, не выдающиеся талантом, но подавляющие числом, и также как члены французского общества, немецкого общества, русского общества, — они выступают постоянно со своим смехом над «национальными предрасудками», умалчивая о «кошерном мясе» своей нации, мешающем всякому еврею сесть за один стол с немцем, с французом или с русским. Кроме редчайших исключений, еврей *никогда не женится* на русской и еврейка *никогда не выходит замуж за русского*. Вообще, применяя язык католического брачного права, «отделение от стола и от-

деление от *ложа*» со всеми в мире народами — составляет самую сущность юдаизма с древнейших времен и поныне. Даже прошедшие гимназию и университет евреи и еврейки весьма твердо и весьма косо выдерживают эту линию, подчиняясь неодолимому давлению сорока веков своей истории. Что же касается простого народа, то здесь смешанных браков совершенно не происходит, здесь происходит только их иудейский «кошерный брак» и недопустим «трефный брак» ни с каким чужеродцем. Да это и понятно, в силу учения их раввинов и в силу догмы Талмуда о *нечистоте* всех людей неевреев. Брак, происшедший по всем формам с христианином или с христианкою, — раввинами считается «ничем»; он считается не браком с человеком, а сожителем со скотом, и измена ему для еврея-мужа или для еврейки-жены считается не пороком, не супружеской изменою, а добродетелью и святым делом. Ибо, бросая христианина-мужа или христианку-жену, еврей и еврейка возвращаются только к состоянию их юдаической «чистоты» и исключительной «богоизбранности». Можно ли представить себе что-нибудь более чудовищное в смысле антисоциальности! Можно ли говорить о каком-нибудь «мирном сожительстве» с подобным народом? Та «гармония», к которой стремится всемирная история, с евреями всегда есть какофония. Никакой «музыки» не выходит, и никогда ее выйти не может. Не может же ее выйти потому, что всем духом своим, так полно сливающимся со статутами жизни, евреи коренным образом отрицают или коренным образом не понимают «всемирности» или всечеловечности. Всякий еврей, переходящий на почву всемирных симпатий, хотя бы только идейно и философски, подвергается синагогальному «херему», т. е. душа его считается погибшею, а тело и жизнь объявляются подлежащими уничтожению, убийству. И такое лицо или убивается, или делаются попытки со стороны «общины Израиля» его убить. Такова была знаменитая история с голландским философом Спинозою, который после наложенного на него «херема» подвергся нескольким покушениям на свою жизнь со стороны темных фанатиков. Нам они кажутся «фанатиками», но у себя-то они действовали «по закону». Об этом можно читать во всех его биографиях и во всех пространных курсах философии. Можно ли представить себе древнего грека, которого за *философский интерес* к персидской религии Зороастра соотечественники пытались бы умертвить; можно ли представить себе немца, которого

лютеранская консистория отлучала бы от церкви и «обрекла смерти» за любопытство и за интерес к русским летописям. Представим себе всех пасторов Берлина, Штеттина, Гамбурга и Петербурга, единогласно вопиющих и проклинающих немца Шлецера единственно за то, что он издал своего «Нестора», или Даля за то, что он собирал и записывал русские пословицы и русские говоры?! Едва мы привели эти примеры и аналогии; как всякий почувствует; до чего евреи есть *невозможный для сожительства народ*, до чего они народ *40 веков антикультурный и антиисторический*. Здесь-то и лежит причина, почему их, в конце концов, отовсюду изгоняли, из всех стран и от всех народов, — от чего возник и факт и легенда о *juif errant*: они *не сливаемы ни с одним народом и племенем*, как не соединяются вода и масло; везде они сидят только «в себе», в силу непоколебимых сорокавековых правил своей *религии*, и в то же время, *быта* своего — отделенные от всех людей в «столе» и «ложе», в знаменитом своем учении о «кошере» и «трефа». «Съесть русской пищи» значит «опоганиться»; жениться на *русской* значит все равно, что жениться на *собаке*, на *корове*. Это совершенно *точное учение их закона*, их Талмуда, и это совершенно строго *соблюдается в их быту*. В том и особенность и ужас юдаизма, что у них религия есть в то же время учение *о быте*; что «религия» и «поклонение Богу» у них есть *необозримый «Домострой»*.

Но, входя в наши дома и в наши семьи как знакомые и как друзья, они всегда несут на себе льстивое и лукавое «общечеловеческое лицо», со смехом над «национальными предрассудками», *в сущности только — нашими*. Что мы, русские и христиане, все для них «трефа», поганое, нечистое и ненужное ни Богу, ни людям, *они об этом не распространяются*, они нас только учат и внушают своим непреодолимым гипнозом, что является чем-то «трефным» и негодным наше правительство, что это есть поганое «трефа» в Польше — ее старое шляхетство и темные ксендзы, что такое же «трефа» — немецкая филистерская семья и немецкие семейные добродетели или немецкая верноподданническая любовь. Таким саркастическим смехом над всем европейским и над всем христианским прокатились стихи и проза Гейне, этого остроумного и вместе интимного пересмешника, отрицателя и циника. Смех Вольтера был глубоко здоровым смехом сравнительно со смехом Гейне, значительно отравившего европейский дух. Но этот смех и сарказм Гейне, без всякого утверждения, *без всего*

положительного, — он в мелких и грязных формах сочит-ся из всякой еврейской строки, из всякой еврейской газеты, от всякой еврейской книгоиздательской фирмы. Возвращаясь к тому, что это такое, этот непрерывный смех над всем европейским и христианским, мы найдем полное его объяснение в том, что это есть литературное преобразование знаменитого их учения о «трефа». Секрет и разгадка в том, что все «европейское и христианское» есть что-то *обреченное Богом*, их «израиелевым богом», на *вымирание, гибель, вырождение и гниль*. Гноить и гноить русских, гноить и гноить Францию, выедать все «старонемецкое» у германцев — это почти физиологический закон евреев, перешедший на степень бессознательной привычки. Кроме «ихнего еврейского», этого всемирного «кошера», все остальное — «заклятое» и «трефа», «не годно к употреблению». Вот объяснение «дурного правительства», в сущности, «трефного правительства», одинаково в монархической России и в республиканской Франции. И «республика» — *трефа*, потому что она — «не наша», потому что это «республика *гоев*»; напротив, и монархия будет «кошер», если королем или президентом объявится где-нибудь Соломон Соломонович. Нет ни одного еврейского порицания еврею Дизраэли-Биконсфильду, потому что он «кошер» и «наш»; а на Бисмарка, который никак не меньше Биконсфильда, были высыпаны все еврейские яды бесчисленных газет и парламентских ораторов. Весь вопрос в том, чтобы были «мы» и «наши», — о прочем *ни о чем* нет речи; нет речи о добродетели, о разуме и всего меньше речи о христианской или европейской пользе. Но этот неудержимый и неодолимый напор еврейского наглого хохота над всем старым в Европе, над всеми европейскими святынями, над всеми европейскими молитвами и вздохами, над нашей старой поэзией и крестом, — это есть выползшее в литературу их учение о «трефном» и «кошерном», «поганом» и «чистом», которым сорок веков были пропитаны все хижины еврейские, с вечной заповедью: «не ешь с персом», «не ешь с греком», «не ешь с римлянином», «не ешь с испанцем», «с французом», «с немцем», «с русским». *Ни с кем «не ешь» и «не вступай в брак*», — ибо они *не чисты и гои*. Сорока веков нельзя отмыть ни от кого; сорок веков сильнее всякой индивидуальности.

Что же это такое? И что такое сравнительно с этим бледное и бессильное учение иезуитов и статуты иезуитского ордена? Это — цветочки: в иудеях мы имеем «ягод-

ки». Всякий еврей и, с позволения сказать, «Грузенберг», всякий «Гинзбург» и «Ротшильд» есть «папа» в самочувствии, в самосознании, в «избранности» Богом. И эти мириады «пап», насевших на Европу, давят на нее, как чугунная тумба на человеческую грудь.

И тяжело дышится Европе. Сдавливают ее могучие кольца Израиля. Он уже все облепил — векселем, книжкой, газетой. Давит, кого может и обольщает, кого еще не может. Он, в особенности, обольщает детей наших, в школе, в университете. Наше несчастное бесхарактерное юношество уже все облито сладким ядом еврейского гипноза, льстивого, интимного и насмешливого в отношении «иных». Несчастный «гой» или «гойка» 17—20 лет не понимают, что *они лично* суть «гойи» и «скверна» для говорящего с ними еврея и еврейки; они полагают, доверчиво, что евреи только «критикуют» из «общечеловеческого чувства» их трэфное правительство, их трэфную политику и всю их трэфную историю.

Что евреям наши крестовые походы? Что еврейской душе говорит наше страдание под монгольским игмом? Смех, а не горе. Что им говорит чистое имя Пушкина, народное имя Кольцова? И они все это загаживают, ибо *всякий европейский свет есть тьма для них*, как они со своим «не съедаемым ни за что бедром» говядины представляют для нас чудовищный курьез и сплошную, даже непонятную, темь.

И не будет света в Европе, пока не скроется за горизонт этот ужасный мрак. Теперешнее «к свету»! Европы имеет единственный перевод: — «освободимся от племени с чудовищными уставами жизни». Не надо его, не надо!! — ни как соседа, ни как сожителя! «Не надо брака» — это они первые сказали и твердят себе сорок веков. Это их устав, это их слово. Да будет оно исполнено.

1913 г.

В ПРЕДДВЕРИИ 1914 ГОДА

Уходящий в вечность 1913 год и восходящий зарею перед нами 1914 год — встречаются, как остриями, в мучительной борьбе, какую русскому народу приходится выно-

сильно от чужого азиатского народа, волею судеб замешавшегося в нашу историю. Мы говорим об *евреях*. По частному поводу, — желание сокрыть явное преступление, — евреи выступили как *единая всесветная нация*, почти как *один человек*, — и накинулась на Россию и русских, на русское государство, на русский суд, на русскую остающуюся от них независимую печать, требуя, чтобы все это оставалось не в рамках объективного бесстрастия, «не взирающего на лица» и нации, а чтобы все это взирало на евреев и сохраняло за евреями какую-то совершенно дикую и небывалую *привилегированность*: *быть не судимыми, быть не обвиняемыми, быть даже не подозреваемыми...* Эта претензия, которая показалась бы сумасшествием в устах немцев, французов, англичан, не говоря уже о забитых и забиваемых везде русских, не кажется сумасшествием ни самим евреям от иллюзии «избранности», проникающей всю их историю, ни даже другим народам, давно привыкшим уже к невыносимому еврейскому хвастовству, самоупоению и презиранию ими других народов. Эта нация ростовщиков и банкиров в то же время претендует на культивирование высших философских добродетелей самого бескорыстного и отвлеченного характера. С этой нацией в будущем нам еще предстоит очень много возни, и только что кончившееся «дело Бейлиса» есть только предостережение вовремя. Нет, однако, сомнения, что здравый русский смысл не покинет нас, и что тот еврейский «шок», подобный нервному шоку при операциях, какой они произвели на русских в октябре и ноябре 1913 г., скоро пройдет, русские опамтуются, придут в себя; и увидят все «дело» о замученном русском невинном мальчике в том самом свете, в каком оно натурально находится и находилось все время еврейского «гевалта» и позорного идолослужения собственной русской печати перед евреями.

В этом отношении конец истекшего года важен еще как толчок к подъему народного чувства в нас. Мы увидели границу, довольно опасную границу, до которой затопила нас инородчина, до которой поблекли и полиняли русские души. И то чувство оскорбленного достоинства, которое испытано было нами в октябре месяце, уже дало свои плоды в ноябре и декабре. Мы освежились и вздрогнули. Теснее прижались друг к другу. Теснее, дружнее и дружнее входим в новый 1914 год. И не будем бояться подобных испытаний в будущем: ибо есть болезни к смерти, и подобною болезнью можно назвать всякий вид квиетизма, са-

модовольства и спячки; и есть болезни и страдания — к исцелению. Таково всякое *самосознание* боли, унижения и обиды.

1 янв. 1914 г.

ПАМЯТКА

Всегда, сталкиваясь с каким-нибудь взглядом, необходимо иметь в виду его *исходную* точку.

Учение о «чистом» и «нечистом», — получившем у евреев наименование «кошер» (чистое, годное к употреблению), «трефа», есть, собственно, *не еврейское*: ибо уже Ной, по Библии, входя в ковчег и заключив в него всех животных, разделил их на «чистых» и «не чистых». Таким образом, это есть взгляд равно *иафетидов*, или *арийцев*, происходящих от Иафета, как и *семитов*.

Но у арийцев это разделение никогда не проводилось строго и фанатично. Напротив, евреев нельзя себе представить даже в *мелочах быта* без вечного стояния в уме их представления о «кошер» и «трефа». Происходит это от чрезвычайной *дробности* и *чрезвычайной точности* Моисеева законодательства о «чистом» и «годном» и о «нечистом» и «негодном»...

Евреи вечно «чистятся», вечно «моются» и прожигают свою посуду на огне. «Телесная чистота» отделяет еврея от «нееврея», «нечистого»; не образ мысли, не устройство сердца, не хорошее поведение и отношение к ближнему, но эта, главным образом, *физическая, ритуальная чистота*.

Читателю сейчас же высветятся особенным светом множество страниц Евангелия, множество столкновений Иисуса Христа со «старейшинами иудейскими», с их «фарисеями и книжниками» (начетчиками в законе, талмудистами); споры эти вращаются именно около «ритуалов» и «чистоты» иудейской, около «недозволенного по закону». — «Почему ученики твои *не умывают рук перед вкушением пищи?*» — «Почему ты сам *ешь с мытарями и фарисеями?*» — «Почему *исцеляешь в субботу?*»

А что «исцеляешь и творишь *добро*» — на это не обращают внимания.

Что тот «мытарь и грешник» выше душою фарисеев, — это не ставится ни во что.

Христос наконец ответил им общим принципом: «Не то оскверняет, что *входит в уста*, а что *исходит из уст*».

Не пища — ибо она идет в желудок, а слово — ибо оно идет из души и *свидетельствует о душе*.

Это поистине божественный по мудрости и высоте ответ Иисуса Христа подсекал все фарисейство и колебал Моисеев закон в его *мелочности*.

Иисус Христос открывал царство духа, душевности, которого просто даже не подозревали «старейшие иудейские»; они не понимали Иисуса Христа в самом *предмете* Его учения...

«Душа» — говорил Он...

«Тело» — говорили они...

«Совесть» — учил Он...

«Правила» — настаивали они...

Наконец, Он потряс и предсказал разрушение их Храма как национального и общего средоточия и регулятора этих ритуалов, этих мелочей, этих телесностей, этих форм и формализма...

Они Его распяли...

Остались Его ученики. Они были иудеи; и поразительно: под давлением веков считать все «нееврейское» *нечистым*, они думали, что само чистейшее учение Иисуса Христа они могут преподавать лишь только одним иудеям, одним «обрезанным»; и сторонились других людей, сторонились человечества, тогдашних язычников — персов, сирийцев, греков, римлян...

Все это — глубоко чистосердечно, в глубоком недоумении.

Видя, что собственными силами они никак не могут одолеть эту тьму иудейскую, Христос посылает любимому и старшему из учеников, апостолу Петру, — Ангела: чтобы осязательно и вразумительно научить его перестать в мире Господнем разделять вещи, существа и людей на «чистых» и «нечистых». Две главы «*Деяний Апостольских*», 10-ю и 11-ю, читателю и нужно, при рассуждении об евреях, держать в уме. Вот эти главы:

«В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Италийским,

благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу;

он в видении ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия, который вошел к нему и сказал ему: «Корнилий!»

Он же взглянув на него и испугавшись, сказал: «Что,

Господи?». Ангел отвечал ему: *«Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом.»*

Итак, пошли людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром: он гостит у некоего Симона кожевника, которого дом находится при море; он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой».

Когда Ангел, говоривший с Корнилием, отошел, то он, призвав двоих из своих слуг и благочестивого воина из находившихся при нем,

и рассказав им все, послал их в Иоппию.

На другой день, когда они шли и приближались к городу, Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться.

И почувствовал он голод, и хотел есть; между тем, как приготавливали, он пришел в исступление,

и видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и спускаемое на землю;

в нем находились всякие четвероногие земные звери, пресмыкающиеся и птицы небесные.

И был глас к нему: — «Встань, Петр, заколи, и ешь».

Но Петр сказал: *«нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого».*

Тогда в другой раз был глас к нему: — «Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым».

Это было трижды, — и сосуд опять поднялся на небо.

Когда же Петр недоумевал в себе, что бы значило видение, которое он видел, — вот, мужи, посланные Корнилием, расспросивши о доме Симона, остановились у ворот».

и, крикнувши, спросили: — «Здесь ли Симон, называемый Петром?»

Между тем, как Петр размышлял о видении, Дух сказал ему: «Вот, три человека ищут тебя;

встань, сойди и иди с ними, нимало не сомневаясь; ибо Я послал их».

Петр, сошед к людям, присланным к нему от Корнилия, сказал: «Я тот, которого вы ищете; за каким делом пришли вы?»

Они же сказали: «Корнилий сотник, муж добродетельный и боящийся Бога, одобряемый всем народом Иудейским, получил от святого Ангела повеление призвать тебя в дом свой и послушать речей твоих».

Тогда Петр, пригласив их, угостил. А на другой день,

встав, пошел с ними, и некоторые из братьев Иоппийских пошли с ним.

В следующий день пришли они в Кесарию. *Корнилий же ожидал их, созвав родственников своих и близких друзей.*

Когда Петр входил, Корнилий встретил его и поклонился, падши к ногам его.

Петр же поднял его, говоря: «Встань; я тоже человек».

И, беседуя с ним, *вошел в дом, и нашел многих собравшихся.*

И сказал им: — «Вы знаете, что *иудею* возбранено *сообщаться или сближаться с иноплеменником*; но мне Бог открыл, чтоб я не почитал ни одного человека скверным или нечистым.

Посему я, будучи позван, и пришел беспрекословно. Итак спрашиваю: для какого дела вы призвали меня?»

Корнилий сказал: «Четвертого дня я *постился до теперешнего часа и в девятом часу молился в своем доме, и вот стал передо мною муж в светлой одежде,*

и говорит: «Корнилий! услышана молитва твоя, и милостыни твои вспомянулись пред Богом.

Итак, пошли в Иоппию и призови Симона, называемого Петром: он гостит в доме кожевника Симона при море; он придет и скажет тебе».

Тотчас послал я к тебе, и ты хорошо сделал, что пришел. Теперь все мы предстоим перед Богом, чтобы выслушать все, что повелено тебе от Бога».

Петр отверз уста и сказал: «*Истинно познаю, что Бог нелицеприятен,*

но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде — приятен Ему.

Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; Сей есть Господь всех.

Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном:

как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благодворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним.

И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме, и что, наконец, Его убили, повесивши на древе.

Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться, не всему народу, но свидетелям, предызбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых.

И Он повелел нам проповедывать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых.

О Нем все пророки свидетельствуют, что *всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его*».

Когда Петр еще продолжал эту речь, *Дух Святый сошел на всех слушавших слово.*

И верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святого Духа излился и на язычников;

ибо слышали их говорящих языками и величающих Бога. Тогда Петр сказал:

«Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святого Духа?»

И велел им креститься во имя Иисуса Христа. Потом они просили его пробыть у них несколько дней.

Услышали Апостолы и братья, бывшие в Иудее, что и язычники приняли слово Божие.

И когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его,

говоря: «ты ходил к людям необрезанным и ел с ними».

Петр же начал пересказывать им по порядку, говоря:

«В городе Иопнии я молился, и в исступлении видел видение: сходил некоторый сосуд, как бы большое полотно, за четыре угла спускаемое с неба и спустилось ко мне;

я посмотрел в него и, рассматривая, увидел четвероногих земных зверей, пресмыкающихся и птиц небесных.

И услышал я голос, говорящий мне: «встань, Петр, заколи и ешь».

Я же сказал: «Нет, Господи, ничего скверного или нечистого никогда не входило в уста мои».

И отвечал мне *голос вторично с неба: «что Бог очистил, того ты не почитай нечистым».*

Это было трижды; и опять поднялось все на небо.

И вот, в тот самый час три человека стали пред домом, в котором я был, посланные из Кесарии ко мне.

Дух сказал мне, чтоб я шел с ними, нимало не сомневаясь. Пошли со мною и сии шесть братьев, и мы пришли в дом того человека.

Он рассказал нам, как он видел в доме своем Ангела (святого), который стал и сказал ему: «Пошли в

Иоппию людей и призови Симона, называемого Петром; он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой».

Когда же начал я говорить, сошел на них Дух Святой, как и на нас вначале.

Тогда вспомнил я слово Господа, как Он говорил: «Иоанн крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым».

Итак, если Бог дал им *такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа, то кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?*

Выслушавши это, они успокоились и прославили Бога, говоря: «Видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь».

Вот, собственно, в чем дело, на отвержении *какового особенного видения и Ангельского голоса* коренится в *зиждется теперешнее иудейство*. Если «язычники», если мусульмане, буддисты, монголы и проч. находятся в стороне от христианства, то евреи *вовсе не находятся вне христианства, а — внутри христианства, но — как антихристиане*. В этом все дело, что *мы этого не понимаем, да и иудеи этого не понимают*: что они — не «вне», а — «с нами», но — *против нас, как личные и непосредственные враги обращенного к ним отвержения «кошера» и «трефа»*... Именно им было сказано о «трефе», что «трефного» — нет, что все — чисто, ибо «все Господне». Не русским, не немцам, не грекам или римлянам (у которых «трефного» и не было), а — одним и исключительно евреям как держателям «трефного» в целом мире, провозвестникам *брезгливости и отвращения народов друг к другу, отворачивания каждого народа в свою специальную «святость» и «чистоту», в свой «единый храм» (иудеи), как отвергателям и вековечным отвергателям универсального и общечеловеческого*. Воистину, иудеи не «Бога» только распяли, а еще более распяли Человека; разгвоздив его на кусочки, на вековечные «племена», «gentes», с зачеркиванием всякого Единства рода человеческого, всякой Единой души человеческой... И воистину «распятие Христа» еще продолжается, пока есть эти их чухломские «кошер» и «мы», «трефа» и «вы»...

Это — вечные уезды человечества...

Это — отрицание «Един Мир и Един Бог»...

Един Святой в святых вещах...

Евреи, особенно юные, — евреи настоящие и чистосердечные идеалисты — сами не понимают, за что и за кого они стоят, когда стоят «за себя»... ибо воистину они идут против человечества, они одни идут против него...

ПОЧЕМУ НА САМОМ ДЕЛЕ ЕВРЕЯМ НЕЛЬЗЯ УСТРАИВАТЬ ПОГРОМОВ?

В революции нашей в высшей степени «неясен» еврей. Как он во всем неясен, и запутался во всей европейской цивилизации. Но до Европы — оставим. Нам важны мы. Посмотрите, как они трясутся над революцией. Не умно, злобовредно, но — трясутся. А ведь и их «гешефтам» не обещает ничего. Даже обещает плохо. Почему же они трясутся? Я раз посмотрел в иллюстрированном журнале — Нахамкиса; и против неприятного Ленина, сказал: «Как он серьезен» (хотел бы видеть в натуре).

Да, речь его против Михаила Александровича — нагла. Но ведь евреи и всегда наглы. В Европе, собственно, они не умеют говорить европейским языком, т. е. льстивым, вкрадчивым и лукавым, во всяком случае — вежливым, а орут, как в Азии, ибо и суть азиаты, грубияны и дерзки. Это — гогочущие пророки, как я определил когда-то. Они обо всякой курице, т. е. в торге, пророчествуют. «Ефа за ефу». — «Отчего ефу не выверяешь», «отчего весы не верны» (Исайя, — или который-то раз попалось). Но... быть «Стекловым»*. Но это — не обман. Только отодвинутый «кончиком носка сапога», он разъярился как «Нахамкис» и на Михаила Александровича, и — дальше... И возненавидел всю эту старую «черствую Русь».

Еврей.. Их связь с революцией я ненавижу, но эта связь, с другой стороны, и хороша, ибо из-за связи и даже из-за поглощения евреями почти всей революции — она и слиняет, окончится погромами и вообще окончится ничем: слишком явно, что «не служить же русскому солдату и мужику евреям»... Я хочу указать ту простую вещь, что если магнаты еврейства может быть и думают «в целом руководить потом Россией», то есть бедные жидки, которые и соотечественникам не уступят русского мужика (идеализиро-

* Найдено, после взлома революционного, его прошение на Высочайшее Имя, о позволении переменить свою еврейскую фамилию на русскую.

ванного) и ремесленника и вообще (тоже идеализированного) сироту... Евреи сентиментальны, глуповаты и преувеличивают. Русский «мужичок-простачок» злобнее, грубее... Главное — гораздо грубее. «С евреями у нас дело вовсе не разобрано». Еврей есть первый по культуре человек во всей Европе, которая груба, плоска и в «человечестве» далее социализма не понимает. Еврей же знал вздохи Иова, песенки Руфи, песнь Деворры и сестры Моисея:

— О, фараон, ты ввергнулся в море. И кони твои потонули. И вот ты — ничто.

Евреи — самый утонченный народ в Европе. Только по глупости и наивности они пристали к плоскому дну революции, когда их место — совсем на другом месте, у подножия держав (так ведь и поступают и чтут старые настоящие евреи, в благородном: «мы рабы Твои», у всего настоящего Великого. «Величит душа моя Господа» — это всегда у евреев, и всегда — в отношении к великому и благородному истории). О, я верю, и Нахамкис приложился сюда. Но — сорвалось. Сорвалось не-«величие», и он ушел, мстительно, как еврей, — ушел «в богему». «Революция так революция». «Вали все». Это жид и жидок и его нетерпеливость.

Я выбираю жидка. Сколько насмешек. А он все цимбалит. Насмешек, анекдотов: а он смотрит русскому в глаза и поет ему песни (на жаргоне) Заднепровья, Хохломании, Подолии, Волыни, Кавказа и, может быть, еще Сирии и Палестины и Вавилона и Китая (я слышал, есть китайцы-евреи и отпускают себе косы!!!). Еврей везде и он «странствующий жид». Но не думайте; не для «гешефта»: но (наша летопись) — «Бог отнял у нас землю за грехи наши и с тех пор мы странствуем».

И везде они несут благородную и святую идею «греха» (я плачу), без которой нет религии, а человечество было бы разбито (праведным небом), если бы от жидов не научилось трепетать и молить о себе за грех. Они. Они. Они. Они утерли соплю пресловутому европейскому человечеству и всунули ему в руки молитвенник: «на, болван, помолись». Дали псалмы. И Чудная Дева — из евреек. Что бы мы были, какая дичь в Европе, если бы не евреи. Но они пронесли печальные песни через нас, смотрели (всегда грустными глазами) на нас. И раз я на пароходе слышал (и плакал): «Купи на 15 коп. уксусной кислоты — я выпью и умру. Потому что он изменил мне». Пела жидовка лет 14-ти, и 12-летний брат ей играл на скрипке. И жидовка бы-

ла серьезна... О, серьезна... Я (в душе) плакал. И думал: «как честно; они вырабатывают пятаками за проезд, когда у нас бедные едут фуксами, т. е. как-нибудь на казенный счет, или под лавкою, и вообще — на даровщинку.

И вот они пели, как и Деворра, не хуже. Почему хуже? Как «На реках вавилонских»: — «О, мы разобьем детей твоих о камень, дочь вавилонская». Это — Нахамкис. Нахамкис кричит: «Зачем же лишили его права быть Стекловым», «благородным русским гражданином Стекловым», и также стали «ругать зверски Михаила Александровича», как иудеянки хотели (ведь только *хотели*) «разбивать вавилонских детей о камни» (вавилонский жаргон).

Это — гнев, ярость; но оттого-то они и живут и не могут и не хотят умереть, что — горячи.

И будь, жид, горяч. О, как Розанов — и не засыпай, и не холодей вечно. Если ты задремлешь — мир умрет. Мир жив и даже не сонен, пока еврей «все одним глазком смотрит на мир», — «А почему нынче овес?» — И торгуй, еврей, торгуй, — только не обижай русских. О, не обижай, миленький. Ты талантлив, даже гениален в торговле (связь веков, связь с Финикией). Припусти нас, сперва припусти к «Торговле аптекарскими товарами», к аптекам, научи «синдикатам» и вообще введи в свое дело ну хоть из 7—8%, а себе — 100, и русские должны с этим примириться, потому что ведь не они изобретатели. Подай еврею, подай еврею, — он творец, сотворил. Но потом подай и русскому, Господи: он нищ.

О, довольно этой «нищенской сумы», этого христианского нищенства, из которого ведь выглядывают завидушие глазки. Но оставим. И вернемся к печальным песням Израиля.

И вот он играет, мальчишка, а девчонка поет. Как я слушал эту песню безумную на Волге! И дети мои слушали. И они почти плакали. Впечатлительны все. «Ведь у вас был Самсон, еврей?». Моргает. — «Помните, Самсон и Далила?» — «Как они сражались с филистимлянами?» — «Сражались, о, о...» — «Ну?» — «Теперь одна стена плача; римляне разорили все»...

И они трясут кулаками по направлению Рима. «У... У... У...». Но, еврей, утешься, давно прошли легионы. Рима; от Рима «того самого» осталось еще меньше, нежели осталось от Иерусалима; он еще гораздо глубже погребен. А вы все еще спрашиваете у ленивого хохла: «А все-таки почему же пшено?».

Русские в странном оболыщении утверждали, что они, «и восточный и западный народ» — соединяют и Европу и Азию в себе, не замечая вовсе того, что скорее они не западный и не восточный народ, ибо что же они принесли Азии и какую роль сыграли в Европе? На востоке они ободрали и сподрили бурят, черемисов, киргиз-кайсаков, ободрали Армению и Грузию, запретив даже (сам слушал обедню) слушать свою православную обедню по-грузински. О, о, о... Сам слушал, сам слушал в Тифлисе. В Европе явились как Герцен и Бакунин и «внесли социализм», которого «вот именно не хватало Европе». Между Европой и Азией мы явились именно «межеумками», т. е. именно нигилистами, не понимая ни Европы, ни Азии. Только пьянство, муть и грязь внесли. Это, действительно, внесли. Страхов мне говорил с печалью и, отчасти, с восхищением: «Европейцы, видя во множестве у себя русских туристов, поражаются талантливостью русских и утонченным их развратом». Вот это — так. Но принесли ли мы семью? добрые начала нравов? трудоспособность? ни-ни-ни. Теперь, Господи, как страшно сказать... Тогда, как мы «и не восточный и не западный народ», а просто ерунда, — ерунда с художеством, — евреи являются, на самом деле, не только первенствующим народом Азии, давшим уже не «кое-что», а весь свет Азии, весь смысл ее, но они гигантскими усилиями, неутомимой деятельностью становятся мало-помалу и первым народом Европы. Вот! Вот! Вот! Этого-то и не сказал никто о них, т. е. «о соединительной их роли между Востоком и Западом, Европою и Азиею». И — пусть. О, пусть... Это — да, да, да.

Посмотрите, встрепенитесь, опомнитесь: несмотря на побои, как они часто любят русских и жалеют их пороки, и никогда «по-гоголевски» не издеваются над ними. Над пороком нельзя смеяться, это — преступно, зверски. И своею и нравственною, и культурною душою они никогда этого не делают. Я за всю жизнь никогда не видел еврея, посмеявшегося над пьяным или над ленивым русским. Это что-нибудь значит среди оглушительного хохота самих русских над своими пороками. Среди наших очаровательных: «Фон-Визин, Грибоедов, Гоголь, Щедрин, Островский». А вот слова, которые я слышал: «Послушайте, как вы смотрите на русского священника?» — «При всех его недостатках, я все-таки люблю его». — «Люблю? Это — мало: можно ли не чтить его, он получает корку хлеба, т. е. сельский священник, а сколько труда, сколько труда он

несет». Это доктор Розенблюм, в Луге, в 1910 г. Я думал, он немец. Расспросил — еврей. Когда разбиралось дело Панченко («Де-Ласси и Панченко»), пришлось при экспертизе опросить какого-то врача-еврея, и он сказал серьезно: «Я вообще привык думать, что *русский врач есть достойное и нравственное лицо*». Я так был поражен обобщенностью вывода и твердостью тона. И за всю жизнь я был поражаем, что, несмотря на побои («погромы») взгляд евреев на русских, на душу русскую, на самый даже не-носный характер русских — уважителен, серьезен. Я долго (многие годы) приписывал это тому, что «евреи хотят еще больше развратиться русским»: но покоряют дело истине своей, и я, в конце концов, вижу, что это — не так. Что стояло безумное оклеветание в душе моей, а на самом деле евреи уважительно, любяще и трогательно относятся к русским, даже со странным, против европейцев, предпочтением. И на это есть причина: среди «свинства» русских, есть, правда, одно доброе качество — интимность, задушевность. Евреи — тоже. И вот этою чертою они ужасно связываются с русскими. Только русский есть пьяный задушевный человек, а еврей есть трезвый задушевный человек.

Огромный красивый солдат, в полусумраке, говорил мне:

— Как отвратительно... Как отвратителен тон заподозривания среди этого Совета солдатских и рабочих депутатов. Я пришел в Таврический Дворец и не верю тому, что вижу... Я пришел с верою в народ, в демократию...

Так как я пришел «без веры», то горячо и как бы «хватаясь за его руку», спросил у него:

— Да кто вы?..

— Солдат из Финляндии... Стоим в Финляндии... Я, собственно, еврей...

— Я — русский. Русский из русских. Но я хочу вас поцеловать. — И мы крепко поцеловались.

Это было, когда я захотел посмотреть «солдатских депутатов» в марте или апреле 1917 года.

В том же месяце, но много позже:

Угол Литейной и Бассейной. Трамвай. Переполнен. И старается пожилой еврей с женою сесть с передней площадки, так как на задней «висят». Я осторожно, и, стараясь быть не очень заметным, — подсаживаю жену его. Когда вдруг схватил меня за плечо солдат, очевидно не-трезвый («ханжа»):

— С передней площадки запрещено садиться. Разве ты не знаешь?!!!

— Я всегда поражался, что эти господа и вообще вся российская публика, отменив у себя царскую власть «порывом» никак не может допустить, чтобы человек тоже «порывом» вскочил на переднюю площадку вагона и поехал, куда ему нужно. Оттолкнув его, я продолжал поддерживать и пропихивать еврейку, сказав и еврею: — Садись, садитесь скорее!!»

Мотив был: еврей торопливо просил пропустить его «хоть с передней», ибо он спешил к отходу финляндского поезда. А всякий знает, что значит «опоздать к поезду». Это значит «опоздать к обеду», и пошло расстройство всего дня. Я поэтому и старался помочь.

Солдат закричал, крикнув и другим тут стоявшим солдатам («на помощь»): «тащите его в комиссариат, он оскорбил солдата». Я, правда, кажется, назвал его дураком. Я смутился: «с комиссариатом я ко всякому обеду опоздаю» (я тоже спешил). Видя мое смущение и страх, еврей вступился за меня — «Что же этот господин сделал, он только помог моей жене».

И вот, не забуду этого голоса, никогда его не забуду, потому что в нем стоял нож:

— Ж-ж-ид прок-ля-тый...

Это было так сказано.

И как музыка, старческое:

— Мы уже теперь все братья («гражданство», «свобода», — март): зачем же вы говорите так (т. е. что «и еврей, и русский — братья», «нет больше евреев, как чужих и посторонних»).

Я не догадался. Я не догадался...

Я слышал всю музыку голоса, глубоко благородного и глубоко удивляющегося.

Потом уже, назавтра, и даже «сегодня» еще, я понял, что мне нужно было снять шапку и почти до земли поклониться ему, и сказать: «Вот, я считаюсь врагом еврейства, но на самом деле я не враг. И прошу у вас прощения за этого грубого солдата».

Но солдат так кричал и так пытался схватить и действительно хватал за руку со своим «комиссариатом», что впопыхах я не сделал естественного.

И опять звук злого голоса, какого на русской улице, — уж извините — на русской пох...ной улице, — не услышишь.

Никогда, никогда, никогда.

«Мы уже теперь все братья. Для чего же вы говорите так?»

Евреи наивны, евреи бывают очень наивны. Тайна и прелесть голоса (дребезжащего, старого) заключалась в том, что этот еврей, — и так, из полуобразованных мещан, — глубоко и чисто поверил, со всем восточным доверием, что эти плуты русские на самом деле «что-то почувствовав в душе своей», «не стерпели старого произвола» и вот, «возгласили свободу». Тогда как, по заветам русской истории, это были просто Чичиковы, — ну, «Чичиковы в помеси с Муразовыми». Но уже никак не больше.

Форма. Фраза.

И вдруг это так перерезало музыкой. Нельзя объяснить, не умею. Но даже до Чудной Девы мне что-то слышалось в голосе.

Величит душа моя Господа и возрадовался дух мой о Боге Спасе моем».

Я хочу сказать, что все европейское как-то необыкновенно грубо, жестоко сравнительно с еврейским. Тут тайна Сирии и их жарких стран. Тут та тайна еще, что они Иова слушают не две тысячи лет, а пять тысяч лет, да, очевидно, и слушают-то другим ухом. Ах, я не знаю что... Но я знаю, что не в уме евреев дело, не в деятельности и деловитости, как обыкновенно полагают, а совершенно в ином... Дело заключается, или почти должно заключаться в какой-то таинственной Суламифи: которая у них разлита во всем, — в ином осязании, в иной восприимчивости к цветам, в иной пахучести, и — как человека «взять», «обнять», «приласкать». Где-то тут. «От человека к человеку». Не «в еврее», а в «двух евреях». И вот тут-то они и разливаются во всемирность.

«Русские — общечеловеки». А когда дело дошло до Армении, — один министр иностранных дел (и недавний) сказал: «Нам (России) нужна Армения, а вовсе не нужно армян». Это — деловым, строгим образом, на конце тысячелетия существования России. Т. е. не как восклицание, гнев, а (у министра) почти как программа... Но ведь это значит: «согнал бы и стер с лица земли армян, всех этих стариков и детей, гимназистов и гимназисток, если бы не было неприлично и не показалось некультурно». Это тот же Герцен и тот же социализм. Это вообще русский нигилизм, очевидно, вековечный (Кит Китыч о жене своей: «хочу с кашей ем, хочу со щами хлебаю»). Опять, опять

«удел России»: — очевидно, не русским дано это понимание в уделе. Несчастные русские, — о, обездоленные... Опять же евреи: на что погромы. Ведь это ужас. И вот все же они нашли и после них все слова, какие я привел, — и порадоваться русской свободе, и оценить русского попа. Да и вообще *злого глаза, смотрящего украдкой или тайно за спиною русского, я у еврея не видал.*

Я и хочу сказать, что дело заключается в какой-то деловой всемирности, — не отвлеченной, не теоретической, а, с другой стороны, — не вздыхающей и слезливой, а практической и помогающей. Самый «социализм их», и как я его ни ненавижу, все-таки замечателен: все-таки ведь социализм выражает мысль о братстве народов и богатстве людей, и они в него уперлись. Тут только наивность евреев, которые решительно не так умны, как европейцам представляется, как европейцы пугаются. Они взяли элементарно, первобытно, высчитывая по пальцам: *«кто с чем, с каким имуществом живет»*, и не догадываясь, что все зависит от *«как этот человек живет»*, что можно жить с большим богатством — *как в аду* (наши Кит Китычи) и можно жить на кухне, *«в прислугах»* — *«счастливее господ»*. Решительно я замечал, как многие господа живут печальнее, грустнее, и раздраженнее своих прислуг, которые — по самым лицам их видно — живут *«благословясь и в благословении»*. Социализм вообще плосок, доска, — и безмерная наивность евреев, что они восприняли его, что они поверили в такой глупый счет арифметических машин. И я верю, что это непременно и скоро кончится. *Им-ли, им-ли*, после *их-ли истории* и *судеб*, — верить этому... *Им-ли*, которые в неге реализма (*«будь все как есть»*) произнесли: *«льна курящегося не погаси»* и *«трости надломленной не преломи»*, — и которые, если кто богатый обеднеет у них, то община обязана не только содержать его, но и купить ему карету, если прежде была у него карета: дабы он не испытывал перемены в самом уровне своего положения и *не скорбел через самую мысль даже о нем...* Это именно нега благородства и человечности, и выраженная кухонным, т. е. реальнейшим способом. *«Так несчастно живут в их гетто»* и их *«свинные кагалы»*. (Мне сообщил это еврей, торговец дамскими ботинками, в совершенно темном вагоне, в С-Петербург, в Варшавском вокзале; он был, что такая у них редкость, немного нетрезв). Вот! вот! вот! настоящая идея уравнивания бедного и богатого: *помощь бедному и помощь богатому*, дабы оба держа-

лись на том же уровне, без ощущения разницы температур *привычной* жизни — просто *от роду*. О, гений универсальности и чуткости. Богач может также скорбеть и *страдания его могут быть величайшие*. Нельзя завистливым глазом смотреть на богатство. Это — христианство. И нуть ли именно по зависти, а не по «благости» социализм есть воистину христианское явление. Самый социализм, или «социализация» — без христианства — выразился бы, пожалуй, в другом, иначе: *обедаю сам, но и еще лишнему, гостю, чужому с улицы — даю обед, сажаю с собой за стол, не отягощаясь, что это чужой*. Социализм выразился бы *близостью*, социализм выразился бы *любовью*: а не «перерву горло» у солдата, закричавшего: «жид проклятый». Словом, социализм выразился бы тоже одним из таинственных веяний Суламифи, каким — мы не знаем, если бы он был оригинально-евреен, а не подражательно-евреен (от европейцев). Дай вот: «Дай, я умою ноги тебе», о нищем, о бедном... Тут именно «дотронуться», дотронуться до *бедного*. Как я и сказал: «надо пощупать кожу его».

Суть вещей. Суламифь. Ведь вся Песнь Песней — пахуча. Тайна вещей, что он не «добр», а нежен. Добро — это отвлеченность. Добро — это долг. Всякий «долг» надоест когда-нибудь делать. Тайна мира, тайна всего мира заключается в том, чтобы *мне самому было сладко делать сладкое*, и вот тут секрет. «Сними обувь, и я, взяв холодной воды, проведу по подошвам твоим, по подъему ноги, по пальцам». Тут так близко, что уже есть любовь. «Я замечу старую морщину у старика, — да и так может выйти случай, шутка около омовения ног». Это вообще так близко, что не может не зазвязаться шутка и анекдот «около ноги». Ну, вот, видите: а раз шутка и анекдот, то уже никогда не выйдет холодного, холодного потому, что формального, *fraternite, egalite*. К великим прелестям европейской истории относится то, что при всей древности и продолжительности ее — никогда у них даже не мелькнуло сказать такой пошлости. Такой неверности и такой несправедливости. Ибо ведь нужно и истину и справедливость перевернуть вверх дном, дабы между неодинаковыми, ничего между собой не имеющими общего людьми, установить *egalite*, да и еще родственное — *fraternite*.

Прямо чувствуешь франтов и маркизов 18 века, *fin du siecle XVIII*. А это: «Около тебя *раба твоя Руфь...*» — «*И будет мне по глаголу твоему*»... Какие все тоны! Ты плачешь, европеец. Плачь же. Плачь бедными своими глаза-

ми. Плачь: потому что в оригинальной своей истории ты вообще не сотворил таких словооборотов, сердцеворотов, умоворотов. Вся душа твоя плоске, суше, холоднее. О, другое солнце, другое солнце. Другая пахучесть, иные травы. И — посмотрите, королевы-ли, маркизы, жены, любовницы: ведь Суламифь — всего только любовница. Любовница? И никто не отрицает. Но жены стоят и рыдают: «о, как хотели бы мы только побыть такою любовницею». И вот — посмотрите, чудо, чудо уже в нашей истории и «в строгостях наших»: и церковь не отрицает, что это — только любовница. Но и она рыдает и говорит: «Какое чудо... Я знаю — *кто* она, эта Суламифь; и не осуждаю, и обнимаю ноги ее, потому что она вся прекрасна и благородна, и нет лучшей между женами по чистоте мыслей и слов».

И чувствуете ли вы, европейцы, что вот уже весь мир преображен. Нет ваших сухих категорий, нет ваших плоских категорий. Где юриспруденция? где законы? Нет, где — гордость? А из нее у Европы все. Вся Европа горда и из гордости у нее все. Не надо! Не надо! Небо, небо! Небо дай нам! А небо...

Оно там, где рабство. Где рабы счастливее господ. А «где рабы счастливее господ» — это тайна Израиля. Ибо поистине Суламифь была счастливее Соломона и Агарь прекраснее Авраама. Вот.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС КАК РУССКИЙ

Хочется думать сейчас о России, об одной России и больше ни о чем, ни о ком. Вопрос о бытии всех племен и языков, сущих в России (по слову Пушкина: «всяк сущий в ней язык»), есть вопрос о бытии самой России. Хочется спросить все эти племена и языки: как вы желаете быть, с Россией или помимо нее? Если помимо, то зачем обращаться к нам за помощью? А если не помимо, то забудьте в эту страшную минуту о себе, только о России думайте, потому что не будет ее — не будет и вас всех: ее спасение — ваше, ее гибель — ваша. Хочется сказать, что нет вопроса еврейского, польского, украинского, армянского, грузинского, и проч. и проч., а есть только русский вопрос.

Хочется это сказать, но нельзя. Трагедия русского общества в том и заключается, что оно сейчас не имеет права это сказать...

Весь идеализм русского общества в вопросах национальных бессилён, безвластен и потому безответствен.

В еврейском вопросе это особенно ясно.

Что от нас хотят евреи? Возмущения нравственного, признания того, что антисемитизм гнусен? Но это признание давно уже сделано; это возмущение так сильно и просто, что о нем почти нельзя говорить спокойно и разумно; можно только кричать вместе с евреями. Мы и кричим.

Но одного крика мало. И вот это сознание, что мало крика, а больше у нас нет ничего, — изнуряет, обессиливает. Тяжело, больно, стыдно...

Но и сквозь боль и стыд мы кричим, твердим, клянемся, уверяем людей, не знающих таблицы умножения, что дважды два — четыре, что евреи — такие же люди, как и мы — не враги отечества, не изменники, а честные русские граждане, любящие Россию не меньше нашего; что антисемитизм — позорное клеймо на лице России.

Но, помимо крика, нельзя ли высказать одну спокойную мысль? Юдофобство с юдофильством связано. Слепое отрицание вызывает такое же слепое утверждение чужой национальности. Когда всему в ней говорится абсолютное «нет», то возражая, надо всему сказать абсолютное «да».

Что значит «юдофил», по крайней мере, сейчас, в России? Это значит человек, любящий евреев особой, исключительной любовью, признающий в них правду большую, чем во всех других национальностях. Такими «юдофилами» представляемся националистам, «истинно русским людям», мы, русские люди, «не истинные».

— Что вы все с евреями возитесь? — говорят нам националисты.

Но как же нам не возиться с евреями и не только с ними, но и с поляками, украинцами, армянами, грузинами и проч. и проч? Когда на наших глазах кого-нибудь обижают — «по человечеству» нельзя пройти мимо, надо помочь или, по крайней мере, надо кричать вместе с тем, кого обижают. Это мы и делаем, и горе нам, если мы перестанем это делать, перестанем быть людьми, чтобы сделаться русскими.

Целый дремучий лес национальных вопросов встал вокруг нас и заслонил русское небо. Голоса всех сущих в России языков заглушили русский язык. И неизбежно, и праведно. Нам плохо, а им еще хуже; у нас болит, а у них еще сильнее. И мы должны забывать себя для них.

И вот почему мы говорим националистам:

— Перестаньте угнетать чужие национальности, чтобы мы имели право быть русскими, чтобы могли показать свое национальное лицо с достоинством, как лицо человеческое, а не звериное. Перестаньте быть юдофобами, чтобы мы могли не быть юдофилами.

Возьму один пример наудачу.

Еврейский вопрос имеет сторону не только национальную, но и религиозную. Между иудейством и христианством существуют, как между двумя полюсами, глубокие притяжения и столь же глубокие отталкивания. Христианство вышло из иудейства, Новый Завет из Ветхого. Апостол Павел, который больше всего боролся с иудейством, желал «быть отлученным от Христа за братьев своих по плоти», т. е. иудеев.

О притяжениях говорить можно, а об отталкиваниях нельзя. Как, в самом деле, спорить с тем, кто не имеет го-

лоса. Бесправие евреев — безмолвие христиан. Внешнее насилие над ними — внутреннее насилие над нами. Нам нельзя отделять христианства от иудейства, потому что это значит, как выразился один еврей, проводить «новую духовную черту оседлости». Уничтожьте сперва черту материальную, и тогда можно будет говорить о духовной. А пока это не сделано, правда христианства пред лицом иудейства останется тщетною.

Почему сейчас, во время войны, так «заболел» еврейский вопрос? Потому же, почему «заболели» и все вопросы национальные.

«Освободительной» назвали мы эту войну. Мы начали ее, чтобы освободить дальних. Почему же, освобождая дальних, мы угнетаем близких? Вне России освобождаем, а внутри — угнетаем. Жалеем всех, а к евреям безжалостны. За что?

Вот они умирают за нас на полях сражений, любят нас, ненавидящих, а мы их ненавидим, любящих нас.

Если мы будем так поступать, нам перестанут верить все; нам скажут народы:

— Вы умеете любить только издали. Вы лжете.

А мы ведь надеялись, что наша сила в правде. Мы хотели правдою победить силу. Если все еще хотим, то не будем лгать, ослаблять ложью правды нашей, силы побеждающей.

Немцы говорят: война за мир, за власть над миром — и так и делают. А мы говорим: война за мир, за примирение, освобождение мира — и не делаем того, что говорим. В слове «мир» немцы ставят точку над *i*. Неужели все наше отличие от них только в том, что мы этой точки над *i* не ставим? На русском языке «мир» и «мір» звучат одинаково», тем более нам нужно не языком, а сердцем отличать себя от наших врагов, сделать так, чтобы народы поняли, за что мы воюем, — за власть над миром или за освобождение мира.

Начнем же это делать с евреев.

Но пусть не забывают народы угнетенные, что свободу может им дать только свободный русский народ.

Пусть не забывают евреи, что вопрос еврейский есть русский вопрос.

К ИДЕОЛОГИИ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА

Одной из коварнейших и вреднейших доктрин нашего времени представляется мне модная идеология духовного антисемитизма, приписывающая арийству (величине — этнографически, не лингвистически — загадочной) многие превосходные и блистательные качества, в семитических же влияниях на арийство и примесям к арийской стихии усматривающая исключительно отрицательные энергии, служившие искони препятствием свободному раскрытию творческих сил арийского гения.

Эта идеология хотела бы отнять у эллинизма Афродиту, которая пришла к элинам от семитов, а у христианства подрубить его срединный и глубочайший корень — веру в «трансцендентного», или, попросту живого Бога. Тело христианства она какбы рассекает на две половины, отменяя одну и спасая другую, — ту, формы которой перед трибуналом ученых хитрецов, прикинувшихся романтиками арийства, оправдываются аналогиями эллинской религиозной мысли.

Это богоборческое и втайне христорборческое учение, один из троянских деревянных коней германского изделия, явно предназначено было «индо-германизировать» мир, когда внезапно наступили сумерки богов берлинской Валгаллы. Но все же оно успело прельстить немало умов, помраченных предрассудками: вместе с теоретиками «имманентизма» ему обрадовались беззаботные о делах религии антисемиты по политическому расчету и психологическому предрасположению, не помнящие родства христиане и, вслед за антицерковниками разных толков, даже атеисты из евреев, родства стыдящиеся и похожие в мире Божьем на соль, потерявшую свою силу.

Мы до такой степени запутали, исказили и позабыли все святое и правое предание, так отвыкли мы вникать ра-

зумом в затверженные наизусть ясные слова стародавней правды, что парадоксом может показаться утверждение: чем живее и глубже в христианине церковное сознание, тем живее и глубже чувствует он себя, как сын Церкви, — не скажу только филосемитом, — но поистине семитом в духе. Трогательная любовь Владимира Соловьева к еврейству — простое и естественное проявление его любви ко Христу и внутреннего опыта погруженности в Церковь. Тело Церкви для мистика — истинное, хотя и невидимое тело Христово, и через Христа — тело от семени Авраамова. Это последнее тело, подобно завесе Иерусалимского храма в час смерти крестной, разодралось надвое; и та часть его, которая есть еврейство, болезненно ищет целого, томится и ревнует, и горько гневается на другую часть, тоскующую, в свою очередь, по воссоединению и целокупности мистического Израиля.

Кто в Церкви, любит Марию; кто любит Марию, любит, как мать, Израиля, имя которого с именами ветхозаветных патриархов и пророков торжественно звучит в богослужбных славословиях. Психология правомощных представителей земной организации церковного общества в разные времена могла быть отравлена ненавистью к еврейству, не исконному, а наличному, в котором они подозревали скопище врагов Христовых, — но именно за то, что оно представлялось им уже лишенным истинного еврейского духа, уже как бы и не семенем Авраамовым. Но что значат эти блуждания званых и неизбранных перед единым свидетельством апостола Павла?

Итак, мне, занявшему в этих строках точку зрения религиозной мысли, хотелось бы напомнить, что быть христианином, значит быть уже не язычником, не просто арийцем по крови, но через крещение (оно же включает в свое сакраментальное содержание и обрезание) чадом Авраамовым и, следовательно, в таинственном смысле, братом потомков Авраамовых по крови, которые наследия, по апостолу, не лишены, если же нас проклинаят, должны быть, по слову Христа, нами благословляемы. Но мне лично не кажется, чтобы Христа еврейство действительно ненавидело — разве ненавидит Его, наперекор своей тайной и предчувственной любви к Нему, тою особенною ненавистью, происходящею из любовной обиды и ревности, которую эллины определяли как отрицательный лик Эроса, — как «Антиэрос».

Мне думается, что евреи — провиденциальные испыта-

тели. наши и как бы всемирно-исторические экзаменаторы христианских народов по любви ко Христу и по верности нашей Ему. И когда дело Его в нас просияет, исполнятся их требования и ожидания, и они убедятся, что другого Мессии им ждать не нужно. В нас же, если бы мы были со Христом, не было бы и страха перед испытателями: ибо любовь побеждает страх.

В заключение, — как бы ни сложны были счета русской души с еврейством, до сих пор, за редкими исключениями, все же не хотящим ее полюбить, и не столько ее самое, сколько то, что для нее дороже ее самой, — ее заветные святыни, — не хотящим полюбить ее, как ни странно сказать это, несмотря на частое и беззаветное слияние с нею в ее страданиях, — пусть помнят все, в ком звучат отдельные противоречивые голоса этого душевного спора, окончательный и бесповоротный приговор прослывшего «антисемитом» Достоевского по русско-еврейской тяжбе (Дневник Писателя, март 1877 г., III, 4):

«Я именно говорю и пишу, что все, что требует гуманность и справедливость, все, что требует человечность и христианский закон, — все это должно быть сделано для евреев. Я написал эти слова выше, но теперь я еще прибавлю к ним, что, несмотря на все соображения, уже мною выставленные, окончательно стою, однако же, за совершенное расширение прав евреев в формальном законодательстве и, если возможно только, и за полнейшее равенство прав с коренным населением (хотя, может быть, в иных случаях они имеют уже и теперь больше прав или, лучше сказать, возможности ими пользоваться, чем само коренное население).

СУДЬБА ЕВРЕЙСТВА

Еврейству принадлежала совершенно исключительная роль в зарождении сознания истории, в напряженном чувстве исторической судьбы, именно еврейством внесено в мировую жизнь человечества начало «исторического». И я хочу обратиться вплотную к самой исторической судьбе еврейства и его значению во всемирной истории как одного из непрерывно действующих и до наших дней мировых начал, обладающих своей специфической миссией. Еврейство имеет центральное значение в истории. Еврейский народ есть, по преимуществу, народ истории, и в исторической судьбе его чувствуется неисповедимость Божьих судеб. Историческая судьба этого народа не может быть объяснена позитивно-исторически, потому что в ней наиболее ясно проявляется «метафизическое» и та грань между метафизическим и историческим, о которой я говорил как о препятствии для постижения внутреннего смысла истории, именно здесь, в судьбе еврейского народа, исчезает. Я вспоминаю, что в дни моей юности, когда меня привлекало материалистическое понимание истории, когда я старался проверить его на судьбах народов, мне казалось, что величайшим препятствием для этого является историческая судьба еврейского народа, что с точки зрения материалистической судьба эта совершенно необъяснима. Нужно сказать, что со всякой материалистической и позитивно-исторической точки зрения этот народ давно должен был бы перестать существовать. Его существование есть странное, таинственное и чудесное явление, которое указывает, что с судьбой этого народа связаны особые предначертания. Судьба эта не объясняется теми процессами приспособления, которыми пытаются объяснить материалистически судьбы народов. Выживание еврейского народа в истории, его неистребимость, продолжение его существования как

одного из самых древних народов мира в совершенно исключительных условиях, та роковая роль, которую народ этот играет в истории, — все это указывает на особые, мистические основы его исторической судьбы. История еврейства есть не только феномен, но есть и ноумен в том особом смысле, на который я указывал уже, говоря о противоположении феномена и ноумена в истории. Я говорил уже, что в историческом открываются не только внешние явления, но может обнаруживаться и самый ноумен, само существо бытия. Это — особенность судьбы еврейского народа, необъяснимость его судьбы как древней, дохристианской, так и судьба его уже в христианскую эру. Всемирно-историческая роль еврейства, в сущности, не может быть поколеблена научной критикой традиционной библейской истории, таинственность этой судьбы остается неприкосновенной. Совершенно особая причастность еврейства к «историческому» и исключительная напряженность, внесенная им в историю, этой критикой не затрагивается. Вокруг судьбы еврейства разыгрывается особо напряженный драматизм истории. В чисто арийском духе такой напряженности нет. В арийстве есть некоторая пресность. Как ни значителен дух Греции, дух Индии, быть может, даже превосходящий дух еврейского народа, — остается несомненным неисторический характер этого духа и этого склада культуры. Судьба истории, драматизм истории, напряженность исторического действия и исторического движения из этого духа непосредственно не вытекают. Индия остается образцом очень древней культуры, по существу не исторической, застывшей в глубине своих внутренних духовных созерцаний, но не вошедшей в непосредственное, драматическое действие всемирной истории. То же самое можно сказать, в другом смысле, и о Греции. В Греции дано было откровение арийского духа в величайших созерцаниях художественных и философских, не превзойденных ни одной культурой мира, но это есть замкнутый статический космос, в котором напряженного исторического действия нет. Греция в конструировании «исторического» дала очень мало. С чем это связано? «Историческое» имеет религиозную основу. Это является основной предпосылкой того, что основа исторического лежит в той или другой форме религиозного сознания. В религиозной природе еврейского народа и еврейского духа заложено такое начало, которое должно было определить его напряженный исторический характер, его напряженную историческую судьбу.

Прежде всего; если сравнить еврейскую религию с другими дохристианскими религиями, религиями языческими, то можно сказать, на что не раз уже указывалось, что еврейская религия есть откровение Бога в исторической судьбе народа; в то время как языческие религии были откровения Бога в природе. Это различие религиозной основы языческих арийских религий от религии еврейской определяет историчность еврейского народа. Еврейская религия проникнута мессианской идеей, которая стоит в ее центре. У Израиля было ожидание дня суда, выхода из той горестной исторической судьбы, которую народ переживает, переход в какую-то всеразрешающую новую мировую эпоху. Мессианская идея определяет исторический драматизм этого народа. Обращенность к грядущему Мессии, страстное ожидание Его рождает двойственность религиозного сознания еврейского народа, которая составляет узел судьбы европейского народа и исторической судьбы человечества. Эта двойственность мессианского сознания обращена к историческому движению и историческому разрешению. Еврейский дух, который представляет из себя особый тип, отличный от всех других расовых типов, в XIX и XX веке сохраняет свои основные особенности, роднящие его с духом древнего Израиля. И в современном еврействе можно узнать судьбу всего того же народа, но в бесконечно разные моменты исторической жизни и судьбы: Еврейский дух XIX и XX века перекликается с древнеевропейским духом. В нем есть иная, искаженная и извращенная форма мессианизма, есть ожидание иного Мессии, после того как истинный Мессия был еврейством отвергнут, есть все та же обращенность к будущему, все то же настойчивое и упорное требование, чтобы будущее принесло с собою всеразрешающее начало, какую-то всеразрешающую правду, и справедливость на земле, во имя которой еврейский народ готов объявить борьбу всем историческим традициям и святыням, всякой исторической преемственности. Еврейский народ есть, по существу своей природы, народ исторический, активный, волевой, и ему чужда та особая созерцательность, которая свойственна вершинам духовной жизни избранных арийских народов. К. Маркс, который был очень типичным евреем, в поздний час истории добивается разрешения все той же древней библейской темы: в поте лица своего добывай хлеб свой. То же еврейское требование земного блаженства в социализме К. Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой историче-

ской обстановке. Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святыни. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский как избранный народ Божий, К. Маркс переносит на класс, на пролетариат. И подобно тому, как избранным народом был Израиль, теперь новым Израилем является рабочий класс, который есть избранный народ Божий, народ, призванный освободить и спасти мир. Все черты богоизбранности, все черты мессианские переносятся на этот класс, как некогда перенесены они были на народ еврейский. Тот же драматизм, та же страстность, та же нетерпимость, которые раньше связаны были с народом Божьим — Израилем. Еврейский народ был всегда Божьим народом, народом трагической исторической судьбы. Прежде чем Бог еврейского народа был создан как единый Бог, Творец вселенной, как Господь, — Он был Богом всего народа, народным Богом. Эта связанность идеи монотеистической, идеи единого Бога с национальной судьбой избранного народа Божьего и создала свою особенность и специфичность религиозной судьбы еврейского народа. Здесь мы сталкиваемся с другой стороной религиозного сознания арийцев, которое определило особенную историю еврейского народа. Богосознание еврейского народа было богосознание трансцендентное; оно предполагает огромную дистанцию, которая делала невозможным лицезреть Бога лицом к лицу без опасности погибнуть. Семит снизу смотрел на бесконечную высоту Бога, эта далекость и срашность Бога, это трансцендентное сознание Бога вне человека и над человеком очень благоприятствовали созданию исторического драматизма. Это и вызывает напряженное движение, драматическое отношение между человеком, народом и трансцендентным Богом, встречу народа с Богом путем истории. Типическое же богосознание арийское, которое достигает своей чистоты в сознании индусов и в древнеиндийской религии, есть сознание имманентное, ощущение Бога как находящегося в последней глубине самого человека. Но такое сознание не особенно благоприятно для исторического движения. Это вырабатывает такую форму созерцательности, такую форму углубления вовнутрь, которая противоположна религиозной жизни, создающей историческое движение вовне. Все основы религиозного сознания еврейского народа были таковы, что они были благоприятны для исторического движения. Такова конкретная идея Бога у евреев как Бога личного, у

которого существует личное отношение к человеку. Это — основа истории народа. Историчность такого отношения между человеком и Богом, между народом и Богом вытекает из внешнего драматизма положения. У еврейского народа, по его первоначальному жизнеощущению, была страстная мечта о справедливости в земной судьбе народа. Я думаю, что эта другая специфическая особенность еврейского народа, требовавшая осуществления справедливости в этой земной судьбе и обращавшаяся с вымогательством к будущему, предопределяет всю сложность этой исторической судьбы. У греков, типичных арийцев, никогда не было этой мечты о справедливости. Эллинскому духу идея эта совершенно чужда. Поскольку она была в греческом духе, она являлась идеей побочной. Все это тесно связано с вопросом об отношении к индивидуальности и с тем или иным отношением к вопросу о бессмертии души. Греки более всего сделали для выработки идеи бессмертия психеи, бессмертия души. Это была особая мечта греческого народа на вершинах его духовной жизни. В орфизме, у Платона, в греческой мистике Греция приходила к этой идее. Греция выработала понятие психеи, между тем как для еврейского народа, для которого центр тяжести лежал не столько в индивидуальной судьбе человека, сколько в судьбе народа, понятие психеи было чуждо. У евреев в их религиозном сознании поражает отсутствие идеи бессмертия души почти до последнего периода истории еврейского народа перед христианством. Очень поздно пришли они к идее личного бессмертия. В еврейском понимании отношения между Богом и человеком бессмертен один Бог. Бессмертность человека казалась еврейскому сознанию преувеличивающим значение человека. Для этого сознания существовало лишь бессмертие народа. Ренан, этот блестящий, но неглубокий писатель, религиозно плоский, но не лишенный психологической наблюдательности, в своей «Истории еврейского народа», быть может, самом интересном его труде, дает блестящие характеристики еврейского народа, хотя он и перегибает дугу и недостаточно понимает религиозные судьбы еврейского народа. Так, например, он очень метко говорит: «Древний семит отверг как химеричные все формы, под которыми другие народы представляли себе загробную жизнь. Один Бог вечен; человек живет только несколько лет, бессмертный человек был бы Богом. Человек может продлить немного свое эфемерное существование лишь в своих детях». Я думаю, и это является для

меня ключом для объяснения всей исторической судьбы еврейства, что в еврейском сознании столкнулась жажда еврейского народа осуществления земной справедливости, земной правды, земного блага с индивидуальным бессмертием. В мессианском сознании еврейского народа была заложена двойственность, которая и была источником роковой судьбы еврейства, потому что здесь было истинное ожидание Мессии, Сына Божия, который в еврейском народе должен был явиться, и ожидание ложного Мессии, противоположного Христу. Эта двойственность мессианского сознания привела к тому, что еврейский народ не узнал Мессию, за исключением избранной своей части в лице апостолов и немногих первохристиан. Народ не узнал Мессии в Христе, отверг Его и распял. Это — центральный факт во всемирной истории, к которому всемирная история шла, из которого она исходит и который делает еврейство как бы осью всемирной истории. В еврействе ставится тема, разрешающаяся уже во всемирной христианской истории. Дело в том, что в этом наряженном еврейском стремлении к осуществлению правды на земле, земной справедливости и земного блага есть не только какое-то истинное и религиозно оправданное начало, но есть, поистине, и какое-то ложное богоборческое начало, есть нежелание принять предначертания Божьей судьбы, есть противление Богу и божественному миропорядку, есть человеческий произвол, утверждающий, что судьбе людей и народов, как она складывается в истории и жизни мира по Божьей воле и по какому-то неисповедимому и непонятному для нашего человеческого разума смыслу, может быть противопоставлено человеческое понимание справедливости и человеческое понимание правды, которая должна быть осуществлена здесь, на земле, на поверхности земной планеты, в которую переносится центр тяжести всякой жизни, потому что другой, вечной, бессмертной жизни как будто и нет. Это есть отрицание бессмертия человека, отрицание той бесконечной жизни, в которой осуществляется смысл всякой судьбы человеческой. Судьба человеческая, полная страданий и мук, непонятных и неоправдываемых в пределах этого небольшого отрывка жизни, который изменяется временем с момента рождения до момента смерти, в какой-то другой жизни получает свое разрешение, превосходящее логику справедливости малого человеческого разума и малого человеческого нравственного сознания. В еврейском народе было не только истинное требование и истинное

ожидание мессиянского конца всемирной истории, победы над неправдой, но было и ложное народное притязание, являющееся вызовом Божьему Промыслу и сталкивающееся, по существу, с самой идеей бессмертной жизни, потому что все в этой смертной жизни должно было быть окончено и разрешено. Справедливость, по этой идее, должно быть окончено и разрешено. Справедливость, по этой идее, должна быть осуществлена во что бы то ни стало уже в этом мире. «Еврейский мыслитель, подобно современному нигилисту, держался того мнения, что если в мире немыслима справедливость, то пусть мира совсем не будет!» (Ренан). Книга Иова — одна из самых потрясающих книг Библии. Внутренняя нравственная диалектика, которая рассказывается в Библии, исходит из того положения, что праведный человек должен пользоваться счастливой жизнью на земле и потому незаслуженные страдания, которые выпадают на долю праведного Иова, вызывают в нем глубокий нравственно-религиозный кризис. Сама тема судьбы Иова ставится безотносительно к тому, существует ли бессмертие и какая-то бесконечная жизнь, где эти страдания получают свое разрешение. В этой земной судьбе Иова должна быть окончательно осуществлена правда и справедливость, потому что ни в каком другом месте она осуществлена быть не может. Награда или наказание в какой-то другой жизни, в религиозной предпосылке, положенной в основу книги, не мыслится. В земном плане раскрывается диалектика одной из основных и величайших тем человеческого духа — темы о том, что праведники могут страдать на земле, в то время как грешники и люди злые могут быть счастливы и торжествовать, — тема вечная, которая повторяется и до наших дней в величайших творениях человеческого духа. Эта тема в сознании еврейского народа была ограничена слабостью и бессилием еврейского религиозного сознания поставить судьбу человеческую в перспективу вечной жизни. Из этого ограничения и рождается вся историческая напряженность еврейского народа в земной его жизни, именно потому, что судьба человеческая и судьба народа не ставились в перспективу вечной жизни, а лишь в перспективу исторической жизни на земле. В эту историческую жизнь на земле евреи внесли величайшую активность, внесли в нее религиозный смысл, в то время как арийские народы приходили к тому, чтобы ставить проблему индивидуальной судьбы. Для арийства самого по себе трудно было осмыслить историческую судь-

бу в земной жизни. Арийское сознание в этой жизни указывало путь созерцания жизни вечной, историческая судьба человечества казалась ему пустой, в то время как есть созерцание иных духовных миров. В конце концов, и на высшей стадии духовной жизни греческого мира не было религиозного сознания смысла исторической земной судьбы. Если мы возьмем Платона, это величайшее явление духа в Греции, то и у него сознание религиозного и метафизического смысла исторической судьбы отсутствовало: он обращался к первообразам бытия и к миру идей, в них узнавал первичную бездвижную действительность и от них не мог вернуться к движущемуся эмпирическому миру с внутренним осмысливанием процесса истории. Здесь чувствуется граница религиозного сознания эллинского мира.

Противоречие между историческим бессмертием народа и индивидуальным бессмертием характерно для всей судьбы еврейского народа. Даже у пророков, предвещавших христианское откровение, нет идеи бессмертия. В еврейской религии нет также, в строгом смысле слова, ни мифологии, ни мистерий, ни метафизики. Немецко-еврейский философ Коген — представитель неокантианства — в последний период своей деятельности обратился к своим религиозным истокам и начал проповедовать своеобразный еврейский модернизм, очищенный критическим философским разумом. Коген утверждает, что его религия есть профетическая религия, по своему существу обращенная к будущему миру, в то время как всякая мифологическая религия обращена к прошлому и связана с прошлым. Миф есть рассказ, всегда связанный с прошлым. Этот профетизм еврейского религиозного сознания, который ставит еврейскую религию выше всех остальных, объясняет отсутствие в ней элементов мифологических. С точки зрения Когена, этот профетизм еврейской религии придает ей по преимуществу этическую окраску. Герман Коген в своем толковании юдаизма приспособляет к нему кантовскую философию. Он забывает, что есть один миф и в юдаизме — это миф, обращенный не к прошлому, а к будущему: миф эсхатологический. Еврейскому сознанию свойствен эсхатологический миф, который является мистической основой еврейского народа, с которым связана историческая жизнь еврейства. Слово «миф» имеет в моих устах реальное значение, а не противоположное реальности. Эта особенность еврейского сознания, которая является особенностью его

исторической судьбы, приводит к тому, что социализм как некоторое всемирно-историческое начало имеет юдаистический источник. Социализм не есть явление наших дней, но в наши дни он приобретает особенную силу и исключительное влияние на весь ход истории. Социализм есть одно из всемирно-исторических начал, но все всемирно-исторические начала имеют свои корни в глубине веков, и, как все начала, имеющие древние истоки, они постоянно действуют и ведут борьбу с началами противоположными. Я думаю, что социализм имеет источники религиозно-юдаистические, связанные с эсхатологическим мифом еврейского народа, с глубокой двойственностью его сознания, трагической не только для истории еврейства, но и для истории человечества. Именно эта двойственность исторического сознания евреев порождает еврейский религиозный хилиазм, обращенный к будущему со странным требованием и ожиданием осуществления тысячелетнего царства Божия на земле, наступления судного дня, когда зло будет окончательно побеждено добром, когда прекратятся несправедливость и страдания в земных судьбах человечества. Это хилиастическое ожидание является первоначальным источником для религиозно окрашенного социализма. Это связано еще с тем, что еврейство по своей духовной природе коллективистично, в то время как арийство — индивидуалистично. Эта связанность еврейского духа с судьбой народа, эта невозможность мыслить судьбу индивидуальную вне существования народа вне судьбы Израиля, это перенесение центра тяжести на историческую сверхличную народную жизнь делает этот народ коллективистическим, в то время как в арийской культуре и в арийском духе мы впервые имеем раскрытие начала индивидуального, прославление индивидуального духа. Еврейскому духу были чужды идея индивидуальной свободы и чувство индивидуальной вины. В еврействе идея свободы не была индивидуальной, это была свобода народа — она конструировалась коллективистично, и вина не была индивидуальна, это не была вина отдельного человека, а вина народа перед лицом Бога. Это требование, религиозное и социалистическое, чтобы правда во что бы то ни стало победила на земле, это ожидание правды и победы, особенной правды и справедливости в коллективной судьбе народа — стало главным движущим духовным началом, — из-за которого разыгралась вся трагедия отвержения еврейским народом Христа. Это сделалось главным мотивом, главным осно-

ванием, почему Христос был отвергнут еврейским народом.

Ренан, со свойственной ему односторонностью в этой области, дает острую характеристику различия между арийским и семитическим типом. Он говорит: «Ариец, допускающий с самого начала то, что боги несправедливы, не питает такого страстного желания добиться мирских благ. Он не принимает всерьез утех жизни, увлеченный своей химерой загробной жизни (только такая химера и может подвинуть на великие дела), ариец строит свой дом для вечности, семит же хочет, чтобы добро пришло, пока он жив. Он не хочет ждать; слава и благо, которых не чувствуешь, для него не существуют. Семит слишком верит в Бога, ариец слишком верит в вечность человека. Семит дал Бога, ариец дал бессмертие души». Эта характеристика очень односторонняя и в такой крайней форме не соответствует сложной исторической действительности, но есть здесь известная доля истины, и она объясняет исключительную напряженность этого мессианского ожидания евреями наступления дня блаженного царства Божьего на земле. Есть здесь что-то как бы предопределяющее двойственный характер еврейского мессианизма. Вот место из книги пророка Исаии. Если вникнуть в него, нас поразит то, что, с одной стороны, это может быть источником действительного ожидания земного царства, а с другой стороны, это есть ожидание какого-то божественного мессианского пира: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют моря».

Вот такого страстного ожидания наступления дня блаженства Божьей правды, царства Божьего не было никогда и нигде, ни у одного народа мира, кроме этого мессианского пророческого сознания.

Вместе с тем, это мессианское сознание могло иметь и свою противоположную сторону. Оно могло превратиться в еврейском народе в ожидание Мессии как земного царя, который осуществит царство Израиля, национальное царство Израиля на земле, в котором наступит окончательное блаженство. Возможность такого понимания мессианского

сознания все время присутствует в древнееврейской апокалиптике. Тот же Ренан говорит: «Истинный израильтянин — этот человек, терзаемый недовольством, пребывающий во власти неутолимой жажды будущего». Неутолимая жажда будущего и есть жажда наступления такого дня царства Божьего на земле. «Иудей неспособен, как христианин, к покорности Провидению. Для христианина нищета, унижения — добродетели, для иудея это — бедствия, с которыми надо бороться. Злоупотребления, насилия, переносимые христианином со смирением, иудея возмущают». Это проводит границу между еврейским сознанием, и тем христианским сознанием, которое для евреев, не победивших своего еврейства, является неприемлемым и неуместным. В этом — основа революционного характера религиозного сознания еврейства. Еврей легко становится революционером и социалистом. Евреи поддерживают тот ложный миф, что в основе истории лежит эксплуатация человека человеком. Я говорю это не в узком современном смысле слова, а в смысле характеристики типа, в смысле вызова судьбе, тем испытаниям и страданиям, которые выпадают в этой судьбе, и настойчивого, страстного, напряженного требования, чтобы уже здесь, в этой земной судьбе, были осуществлены правда и блаженство. У евреев эта идея земного царства была не светской, секулярной, а религиозной, теократической. С этим связано то, что у евреев было сравнительно слабо чувство государства в мирском смысле слова, государства секулярного. Здесь мы встречаемся с одним противоречием. В то время как ни один народ никогда не жаждал так страстно осуществления своего национального земного царства в земной исторической судьбе, именно этот народ был в своей истории лишен того элементарного, чего не были лишены другие народы. Он был лишен возможности иметь свое самостоятельное государство. Страстное желание осуществления своего земного царства привело в конце концов к противоположному полюсу — не оказалось у еврейского народа царства, которое было у других народов, никогда так не жаждавших осуществления земного царства. Это — один из парадоксов в судьбе еврейства, связанный с судьбой еврейского мессианизма. Духовная жизнь еврейского народа должна была привести к явлению Христа и к распятию Христа. Христос не осуществил упований еврейского народа, не стал земным царем и не осуществил земного царства Израиля. Это и привело к коренному противоречию в судь-

бе еврейского народа. В то время как еврейский народ отверг распятие, он, в судьбе своей, оказался распинаемым. Это и было основное противоречие всей его религиозной судьбы. Эта страстная мечтательность еврейского народа о своем национальном земном царстве, которое предваряет страстную мечтательность новейшего времени об осуществлении социального земного царства уже не еврейского народа, а земного царства всего человечества в социализме, в социалистическом земном раю, не через Мессию, а через мессианский класс-пролетариат, — это страстное отношение к земной исторической судьбе, связанное с основной духовной особенностью еврейского народа, противоречит чаяниям жизни бессмертной, потому что осуществление высшей Божьей правды не переносится в высшую бессмертную жизнь. Верящий в бессмертие должен трезво относиться к плану земной жизни и видеть, что в нем невозможно окончательно преодолеть темное иррациональное начало, что в нем неизбежны страдания, зло и несовершенства. Чувство бессмертия у еврейского народа, народа, религиозно поднявшегося на самую высшую ступень до христианства, было гораздо слабее, чем у персов и египтян. У персов, великого арийского народа Востока, были зачатки подлинной веры в бессмертие и в воскресение, а у египтян была страстная жажда воскресения тела умершего, на которой и была построена вся египетская история. Построение пирамид было великим памятником человеческого духа, опровергающим верность материалистического понимания истории, материалистического отношения к жизни¹. В конце концов, и еврейский народ в дальнейшей своей исторической судьбе должен был прийти к вере в бессмертие и к вере в воскресение. Он прошел тот же путь, который проходили другие народы до начала христианской эры истории. Еврейский народ был народом-моноидеистом, у него было потрясающее чувство реальности Бога. Эта потрясающая душу реальность и конкретность Бога так овладевает еврейским народом, что вытесняет всякое другое чувство и всякое другое понимание и постижение. Между тем, как осмыслить идею бессмертия души оказалось необходимым в дальнейшей исторической судьбе. Наступил такой новый опыт и такое испытание в еврейском народе,

¹ „Большие пирамиды есть древнейшее и наиболее внушительное из дошедших до нас свидетельств окончательного возникновения организованного общества“ (Брэстед).

и вплотную стал перед ним этот вопрос. Тогда возникает в еврейском мире — так же, как возникло в мире эллинском и вообще в древнем мире, который верил в непосредственную победу добра, правды и праведника здесь, на земле, — сомнение в справедливости земной судьбы. Наступил момент, когда в это изверились, когда начали ощущать, что здесь, на земле, правда, добро и праведник не получают справедливого возмездия. Праведник страдает, он распинается. Это начинает чувствоваться в книге Иова, в притчах Соломона, в орфизме, у Платона и после этого начинается искание иного мира, разрешение индивидуальной судьбы в ином плане. В древнееврейском мире, как и в мире эллинском, возникает, по-разному, великая религиозная проблема распятия праведного человека, творившего величайшее добро. Эта проблема распятия праведника в греческой культуре была поставлена в судьбе Сократа и послужила духовным толчком для философии Платона. Смерть Сократа заставила Платона отвернуться от мира, в котором столь праведного человека могли подвергнуть неза заслуженной казни, и искать иного мира добра и красоты, в котором невозможна несправедливая гибель праведника. Этот мотив повторяется повсюду в древнем мире. Он повторяется в мире языческом, повторяется и в мире еврейском. С возникновением этого исключительного и обостренного духовного опыта начинается обращение к иному высшему миру и искание разрешения судьбы человечества в этом ином мире. Момент возникновения такого рода религиозного опыта в религиозной жизни дохристианского мира есть не что иное, как переход от национального склада религиозного сознания к складу индивидуальному, возникновение религиозного индивидуализма. Этот религиозный индивидуализм повсюду в древнем мире сменяет собой предшествующую стадию объективизма, обращенного к жизни народа и нации в этой земной действительности. Отсюда происходит обращение к глубинам индивидуальным в судьбе человеческой, которую пытаются объяснить за пределами национальной земной жизни. Период объективизма сменяется индивидуализмом. Это — переходный период. Этот субъективизм является периодом зарождения христианства. Христианская истина раскрывается человеку в тот период его духовной жизни, когда старая национальная религиозность начинает расшатываться и колебаться, когда дух человеческий начинает болеть об индивидуальной судьбе человека, которая не нашла себе разрешения ни

в пределах ветхозаветных, ни в пределах язычества. С этим переходом от объективно-народной религиозности к религиозности субъективно-индивидуальной связывается в судьбе еврейского народа развитие и колебание его мессианского сознания. Мессианское сознание начинает испытывать внутреннее раздвоение между национальным мессианским сознанием, которое исключительно прикреплено к судьбе израильского народа, к этой земной исторической судьбе народа, и универсальным мессианским сознанием, которое ждало некоего божественного явления, несущего благу для всей вселенной, а не только для народа израильского, и которое этим своим универсальным характером принесет благу и для индивидуальной души каждого человека. В старом складе национальной религиозности происходит процесс внутреннего расщепления и раздвоения. Сознание идет путем индивидуализма, но вместе с тем это связано с большим универсализмом. Мессианская идея несет благу не только для всего человечества, но несет и для каждой индивидуальной человеческой судьбы. В этой постановке разрешалась вся трагедия. Этим подготовлялось христианство. В еврейском народе должен был родиться Христос, в еврейском народе с его напряженным чувством истории, обращенным к будущему, должно было совершиться центральное явление всемирной истории — явление этого мира и явление мира иного, имманентное и трансцендентное. Здесь совершается величайшая человеческая трагедия, в которой судьба еврейского народа связана с судьбами всей христианской истории. Роль еврейства связана с тем, что еврейство было наделено такими мессианскими ожиданиями, какими не был наделен ни один народ мира. Только еврейству дано была прямо и непосредственно ждать явления Мессии в мире, в то время как всем другим народам в мире языческом были даны лишь туманные предчувствия и не было прямого обращения сознания к грядущему Мессии. И вот этот народ, которому было дано это мессианское сознание, в котором должен был родиться Мессия, этот народ не выдержал испытания двойственности своего сознания и своего ожидания, не понял явления Распятого. Сущность трагедии, разыгрывавшейся между еврейством и христианством, в том, что Мессия должен был явиться в еврейском народе и что еврейский народ не мог принять Мессию распятого. Еврейский народ ждал Мессию и пророчествовал о Мессии, и еврейский народ Мессию не принял и отверг, потому что

не мог принять Мессию в образе раба, он ждал Мессию в образе царя, который осуществит земное царство Израиля. Это напряженное ожидание еврейского народа было прообразом религиозного социализма еврейского народа. Тайны распятия еврейский народ принять не мог, он не мог принять Христа, потому что Христос явился в образе смиренной, а не торжествующей в земной жизни правды. Он отверг всей своею жизнью и своею смертью ложное упование еврейского народа на блаженное земное царство. Таким образом, в христианстве было отвергнуто то, что еврейский народ — народ Божий в каком-то другом смысле, кроме того смысла, что в народе еврейском должен был явиться Христос. Поскольку Христос явился в нем, — он был народом Божьим, но после отвержения Христа он перестал быть народом Божьим. Никакой мессианизм после явления Христа в еврейском старом смысле слова — невозможен, и мессианское ожидание после явления Христа есть ожидание ложного Христа, явление Мессии, обратного Христу. Национальный мессианизм есть всегда та или иная форма возвращения к юдаизму, так же как и мессианизм классовый. Мессианизм социалистический имеет юдаистические корни, ожидание антихриста. Избранный народ в христианстве есть — церковный народ. Эта двойственность еврейского мессианизма, с одной стороны, обращенного к Мессии Христу, а с другой стороны, связанного с антихристом, с принудительно-религиозным осуществлением правды на земле, ведет к тому, что всякое отвержение Христа, которое было в мире на протяжении всей истории, совершается всегда на тех же основаниях и по тем же мотивам, по которым Христос был отвергнут ложным еврейским мессианизмом, по которому Он был распят евреями. Это есть отрицание свободы духа во имя принудительного осуществления царства Божьего на земле. Христос отвергается потому, что Он умер на кресте, вместо того чтобы царственной мощью уничтожить зло и страдание и начать историю блаженную и справедливую. Это создает тот величайший из парадоксов, то противоречие в судьбе еврейского народа, которое формулировано замечательным французским католическим писателем, недавно умершим, к сожалению, мало известным, но заслуживающим большей известности, Леоном Блуа. Он так формулировал основную трагедию еврейского народа: «Евреи обратятся лишь тогда, когда Христос сойдет с креста, Христос же может сойти с него лишь тогда, когда евреи обратятся («Le salut par les

Juifs»)». Этими гениально острыми словами обнажается не только трагедия еврейского народа, но и трагедия христианского мира, вскрывается основное возражение против христианства. Главное возражение против христианства есть то, что христианство не осуществилось в мире, не удалось, как часто говорят, правда не победила на земле, страдания в мире продолжают. Около двух тысяч лет тому назад пришел Христос, Спаситель и Искупитель мира, а зло, страдание, ужасы и муки продолжают. Это возражение против христианства, типическое возражение ложного еврейского мессианизма, основано на том, что явление Мессии, Сына Божьего, должно было бы осуществить на земле добро и окончательно победить зло, прекратить всякое страдание, всякую муку, всякую тьму и водворить блаженство. Но отвержение Христа есть еврейское отвержение. И это еврейское отвержение свойственно арийскому племени не менее, чем еврейству. Это приводит к тому основному парадоксу всей истории еврейской и всей истории христианской, что без еврейства христианство было бы невозможно и невозможна была бы христианская история. Без еврейства, не принявшего тайны Голгофы, не было бы Голгофы. Христианская история находится во внутренней борьбе с еврейским духом. И отношение к еврейству является внутренним испытанием для христианского духа, потому что как податливость и слабость христиан, отдающая их во власть еврейского духа, так и расовый антисемитизм, переходящий в насилие, одинаково не выдерживают этого испытания. Антисемитизм не понимает всей религиозной серьезности еврейского вопроса. Расовый антисемитизм сплошь и рядом заражается тем ложным еврейским духом, против которого он восстает. Ненависть к евреям — нехристианское чувство. Христиане должны относиться к евреям по-христиански. В пределах самой христианской истории происходит постоянное взаимодействие начал юдаистических и начал эллинских, которые и являются главными источниками всей нашей культуры. Я думаю, что столкновение двух начал существует и в пределах самой христианской церкви. Христианскому духу свойственна семитическая прививка, без которой невозможна была бы историческая судьба христианства. Древняя еврейская тема, поставленная еврейской историей, тема всемирной истории. Вокруг этой темы разыгрывается всемирная история, в центре которой стоит Христос. От Христа начинается новая всемирная эра. С этим связано

то, что еврейский вопрос неразрешим в пределах истории. Сионизм — самое благородное течение в еврействе, но он бессилён разрешить еврейский вопрос. Еврейская тема, поставленная в Библии, продолжает быть темой, вызывающей страсти и в веках XIX и XX. Материальная прикованность к миру сему в капитализме Ротшильда и социализме Маркса есть еврейская, по идее, прикованность, хотя она и не имеет обязательной связи с евреями. И вокруг нее разыгрываются страсти и кровавая борьба. Но враждебный христианству юдаизм может быть свойствен и неевреям, а равно как евреи по крови могут быть от него свободны. Никакой вульгарный антисемитизм ни может быть оправдан религиозным постижением судьбы еврейства. Окончательное разрешение еврейского вопроса возможно лишь в плане эхатологическом. Это и будет разрешение судьбы всемирной истории, в последнем акте борьбы Христа и антихриста. Без религиозного самоопределения еврейства задача всемирной истории не может быть разрешена.

ХРИСТИАНСТВО И АНТИСЕМИТИЗМ

Религиозная судьба еврейства

I

Леон Блуа, страстный католик, писал: «Предположите, что окружающие Вас люди постоянно говорят с величайшим презрением о Вашем отце и матери и имеют по отношению к ним лишь унижающие ругательства и сарказмы, каковы были бы Ваши чувства? Но это именно происходит с Господом Иисусом Христом. Забывают или не хотят знать, что наш Бог, ставший человеком, еврей, еврей по преимуществу, по природе, что мать его еврейка, цветок еврейской расы, что апостолы были евреи, так же как и все пророки, наконец, что наша священная литургия почерпнута из еврейских книг. Но тогда как выразить чудовищность оскорбления и кощунства, которое представляет собой унижение еврейской расы?»

Слова эти обращены главным образом к христианам-антисемитам и должны быть ими услышаны. Поистине поразительно легкомыслие христиан, которые считают возможным быть антисемитами. Христианство по своим

человеческим истокам есть религия еврейского типа, т. е. типа мессиански-пророческого. Еврейский народ внес мессиански-пророческий дух в мировое религиозное сознание, этот дух был совершенно чужд греко-римской духовной культуре, как и культуре индусской. «Арийский» дух не мессианский и не пророческий, ему чуждо еврейское напряженное чувство истории, чуждо ожидание явления Мессии в истории, прорыва метаистории в историю. Должно быть признано явлением очень знаменательным, что германский антисемитизм превращается в антихристианство. На мир хлынула волна антисемитизма, которая грозит захлестнуть все новые и новые страны и которая опрокидывает гуманитарные теории XIX века. В Германии, Польше, Румынии, Венгрии антисемитизм торжествует. Но он нарастает даже во Франции, наиболее проникнутой гуманитарными идеями, где он потерпел поражение после дрейфусовского дела. Можно указать на такие тревожные симптомы, как появление книги Селина, которая есть настоящий призыв к погрому. Возрастает количество французов, которые не могут примириться с тем, что Леон Блюм еврей, хотя Леон Блюм один из самых честных, идеалистических и культурных политических деятелей Франции. Антисемитизм очень резко проявляется на поверхности политической жизни, о которой мы ежедневно читаем в газетах. Но еврейский вопрос не есть просто вопрос политический, экономический, правовой или культурный. Это вопрос несоизмеримо более глубокий, религиозный вопрос, затрагивающий судьбы человечества. Это ось, вокруг которой вращается религиозная история. Таинственна историческая судьба евреев. Непостижимо самое сохранение этого народа и необъяснимо рационально. С точки зрения обыкновенных исторических объяснений, еврейский народ должен был перестать существовать. Ни один народ мира не выдержал бы подобной исторической судьбы. Еврейский народ есть народ истории по преимуществу, он внес в историю человеческого сознания самую категорию исторического. И история была беспощадна к этому народу. Это была история гонений и отрицания элементарных человеческих прав. И после долгой истории, требовавшей страстного напряжения сил для самосохранения, народ этот сохранил свое единственное лицо и по всему еврейскому рассеянию среди других народов лицо это все узнают и часто ненавидят и проклинаяют. Ни один народ в мире не пережил бы столь долгого рассея-

ния и, наверное, потерял бы свое лицо и растворился бы среди других народов. Но по неисповедимым путям Божьим народ этот должен сохраниться до конца времен. Менее всего, конечно, можно было бы объяснить историческую судьбу еврейства с точки зрения материалистического понимания истории. Мы тут прикасаемся к тайне истории.

Еврейский вопрос можно рассматривать с разных точек зрения. Но он имеет особенную важность как вопрос внутренне христианский. Антисемитизм в прошлом был создан главным образом христианами, для которых он наиболее невозможен. В отношении к еврейскому народу на христианах лежит великий грех. Грех этот особенно велик был в средние века, когда феодальные рыцари преследовали и уничтожали евреев, чтобы не платить им долгов. И теперь именно на христианах лежит долг защиты евреев. В Германии это уже происходит. Тут уместно вспомнить имя Вл. Соловьева, который считал защиту евреев с христианской точки зрения одной из важных задач своей жизни. Для нас, христиан, еврейский вопрос совсем не есть вопрос о том, хороши или плохи евреи, а есть вопрос о том, хороши или плохи мы, христиане. Со скорбью приходится сказать, что христиане в этом вопросе оказываются очень плохи, перед высотой христианского сознания они обыкновенно бывали много хуже евреев. Но вопрос о том, хорош ли я, много важнее вопроса о том, хорош ли мой сосед, которого я имею склонность в чем-то обвинять. Христианам и христианским церквям во многом приходится каяться, не только в еврейском вопросе, но и в вопросе социальном, в вопросе о войне, в постоянном конформизме по отношению к самому отвратительному государственному строю. Не имеет никакого принципиального значения вопрос о недостатках евреев. Нет нужды отрицать эти недостатки, их много. Есть еврейское самомнение, которое раздражает. Но оно психологически объяснимо: этот народ был унижен другими народами и он себя компенсирует сознанием избранности и своей высокой миссии. Так и германский народ, униженный в течение ряда лет после войны, компенсирует себя тем сознанием, что он высшая раса и призван господствовать над миром. Так и пролетариат, самый униженный класс в капиталистическом обществе, компенсирует себя сознанием своего мессианского призвания быть освободителем человечества. Еврейский народ есть народ полярно противоположных свойств, в нем

соединяются черты высокие с чертами низкими, жажда социальной справедливости со склонностью к наживе и к капиталистическому накоплению. По поляризованности своей природы русский народ имеет черты сходства с народом еврейским, и он походит на него своим мессианским сознанием. Антисемиты очень любят говорить о том, что Библия свидетельствует о жестоковейности еврейского народа. Но какой народ не был жестоковейным? Не были ли жестоковейными вавилоняне, ассирийцы, египтяне, персы? Не имели ли отвратительных свойств греки, создавшие величайшую в мире культуру? О каждом народе нужно судить по его вершинам, а не по низинам. О немецком народе нужно судить по его великим философам, мистикам, музыкантам, поэтам, а не по русским юнкерам и лавочникам. И о еврейском народе, народе религиозного призвания, нужно судить по пророкам и апостолам, а не по еврейским ростовщикам. Каждый волен иметь свои национальные симпатии и антипатии. Есть люди, которые не любят немцев, поляков или румын. Тут ничего поделать нельзя, к любви нельзя принудить, и трудно подавить безотчетную антипатию. Но ненависть к целому народу есть грех, есть человекоубийство, и ненавидящий должен нести ответственность. С отношением к евреям вопрос сложнее. Евреи не могут быть названы просто национальностью. Целый ряд признаков нации у еврейства отсутствует, и есть признаки, которых у других наций нет. Евреи народ особой, исключительной религиозной судьбы. Избранный народ Божий, из которого вышел Мессия и который отверг Мессию, не может иметь исторической судьбы, похожей на судьбу других народов. Этот народ скреплен и на века объединен не теми свойствами, которые обыкновенно скрепляют и объединяют народы, а исключительностью своей религиозной судьбы. Христиане принуждены признать богоизбранность еврейского народа, этого требует христианское вероучение, они это делают неохотно и часто забывают об этом. Мы живем в эпоху звериного национализма, культа грубой силы, настоящего возврата к язычеству. Происходит процесс, обратный христианизации и гуманизации человеческих обществ. Национализм должен был бы быть осужден христианской церковью как ересь, и католическая церковь недалеко от этого осуждения. Но евреи падают жертвой не только этого национализма. Причины антисемитизма глубже. Несомненно, существуют мистический страх перед евреями. Этот страх,

правда, испытывают обыкновенно люди довольно низкого культурного уровня, которые легко заражаются самыми нелепыми и низкопробными мифами и легендами.

II

Необычайно парадоксальна еврейская судьба: страстное искание земного царства и отсутствие своего государства, которое имеют самые незначительные народы, мессианское сознание избранности народа и презрение и гонение со стороны других народов, отвержение креста как соблазна, и распятие этого народа на протяжении всей его истории. Может быть, более всего поразительно, что отвергнувший крест его несет; те же, которые приняли крест, так часто распинали других. Есть несколько типов антисемитизма, которые могут, конечно, соединяться и поддерживать друг друга. Я не буду останавливаться на том эмоционально-обывательском антисемитизме, который играет немалую роль в антисемитских движениях, но не представляет принципиального интереса. С ним связаны насмешки над евреями, изображение комического типа еврея, брезгливое отношение к евреям, в отношении которых не хотят допустить человеческого равенства. С этим обыкновенно не связывается никакой идеологии. Настоящая идеология антисемитизма есть идеология антисемитизма расового, и это самая распространенная форма вражды к еврейству. Германия — классическая страна этой идеологии, ее можно найти и у великих немцев, например, у Лютера, у Фихте, у Р. Вагнера. Евреи объявляются расой низшей, отверженной и враждебной всему остальному человечеству. Но при этом эта низшая раса оказывается самой сильной, вечно побеждающей другие расы в свободной конкуренции.

С христианской точки зрения расовый антисемитизм совершенно недопустим, он непримиримо сталкивается с христианским универсализмом. Гонения против католиков в Германии вызываются тем, что католичество универсалистично. Христианство провозгласило ту истину, что нет эллина и нет иудея. Оно обращено ко всему человечеству и ко всякому человеку, независимо от расы, национальности, класса и положения человека в обществе. Не только расовый антисемитизм, но и вообще расизм не выдерживает критики с трех точек зрения; с религиозной, моральной и научной. Он недопустим для христианина, который должен видеть в каждом человеке образ и подобие Божье. Не толь-

ко расизм, но и национализм для христианской совести неприемлем. Но он неприемлем и для общечеловеческого и гуманитарного морального сознания. Расизм бесчеловечен, отрицает достоинство человека, отрицает ценность человеческой личности и допускает обращение с ней, как с врагом, подлежащим истреблению. Расизм есть самая грубая форма материализма, гораздо более грубая, чем материализм экономический. Расизм есть крайняя форма детерминизма и отрицания свободы духа. Над представителями отверженный рас тяготеет фатум крови, и нет для них спасения. Экономика все-таки принадлежит психической среде, а не физиологии и анатомии, и определение экономикой не есть все-таки определение формой черепа и окраской волос. Расовая идеология представляет собой большую степень дегуманизации, чем классовая пролетарская идеология. С классовой точки зрения человек все-таки может спастись, изменив свое сознание, например, усвоить себе марксистское мировоззрение, хотя бы он был дворянин или буржуа по крови; он может даже стать народным комиссаром. Ни Маркс, ни Ленин не были пролетариями. С расовой точки зрения еврею нет спасения, ему не поможет ни принятие христианства, ни даже усвоение себе национал-социалистического мировоззрения, над ним тяготеет фатум крови. Но расизм несостоятелен и с чисто научной точки зрения. Современная антропология считает весьма сомнительным самое понятие расы. Расизм относится к области мифологии, а не науки. Самого существования арийской расы современная наука не признает. Никаких чистых рас не существует. Раса есть категория зоологическая, а не антропологическая, предысторическая, а не историческая. История знает лишь национальности, которые представляют собой результат сложного смешения крови. Избранная арийская раса есть миф, созданный Гобино, который был замечательным художником и тонким мыслителем, обосновывающим не антисемитизм, а аристократизм, но как ученый-антрополог он мало стоит. Избранная раса есть такой же миф, как и избранный класс. Но миф может быть очень действенным, может заключать в себе взрывчатую динамическую энергию и двигать массами, которые мало интересуются научной истиной и вообще истиной. Мы живем в очень мифотворческую эпоху, но характер мифов довольно изменный. Единственный серьезный расизм, существовавший в истории, есть расизм еврейский. Соединение религии с кровью и национальностью, вера в избранность

народа, охранение чистоты расы — все это древнееврейского происхождения, внесено евреями. Не знаю, замечают ли германские расисты, что они подражают евреям. В расизме как раз нет ничего «арийского», «арийцы» индусские и греческие были более склонны к индивидуализму. Но есть разница между еврейским и германским расизмом. Еврейский расизм был универсально-мессианским, он вынашивал универсальную религиозную истину. Германский же расизм есть агрессивный, мирозавоевательный партикуляризм. Расизм сейчас означает дехристианизацию и дегуманизацию, возврат к варварству и язычеству.

Есть такие типы антисемитизма экономического и политического. Политика тут является орудием экономики. Этот тип антисемитизма носит довольно неизменный характер, он связан с конкуренцией и борьбой за преобладание. Евреев обвиняют в том, что они очень успешно спекулируют и наживаются, побеждая другие народы в экономической конкуренции. Но у обвинителей чувствуется желание самим спекулировать более успешно, чем спекулируют евреи. Ненависть к евреям часто бывает исканием козла отпущения. Когда люди чувствуют себя несчастными и связывают свои личные несчастья с несчастьями историческими, то они ищут виновника, на которого можно было бы все несчастья свалить. Это не делает чести человеческой природе, но человек чувствует успокоение и испытывает удовлетворение, когда виновник найден и его можно ненавидеть и ему мстить. Нет ничего легче, как убедить людей низкого уровня сознательности, что во всем виноваты евреи. Эмоциональная почва всегда готова для создания мифа о мировом еврейском заговоре, о тайных силах «жидомасонства» и пр. Я считаю ниже своего достоинства опровергать «протоколы сионских мудрецов». Для всякого не потерявшего элементарного психологического чутья ясно при чтении этого низкопробного документа, что он представляет наглую фальсификацию ненавистников еврейства. К тому же можно считать доказанным, что документ этот сфабрикован в департаменте полиции. Он предназначен для уровня чайных «союза русского народа», этих отбросов русского народа. К стыду нашему нужно сказать, что в эмиграции, которая почитает себя культурным слоем, «союз русского народа» подымает голову, мыслит и судит о всякого рода мировых вопросах. Когда мне приходится встречаться с людьми, которые ищут виновника всех несчастий и готовы видеть их в евреях,

масонах и пр., то на вопрос, кто же виноват, я даю простой ответ: как кто виноват, ясно кто, ты и я, мы и есть главные виновники. И такое отыскание виновника представляется мне наиболее христианским. Есть что-то унижительное в том, что в страхе и ненависти к евреям их считают очень сильными, себя же очень слабыми, неспособными выдержать свободной борьбы с евреями. Русские склонны были считать себя очень слабыми и бессильными в борьбе, когда за нами стояло огромное государство с войском, жандармерией и полицией, евреев же считали очень сильными и непобедимыми в борьбе, когда они лишены были элементарных человеческих прав и преследовались. Еврейский погром не только греховен и бесчеловечен, но он есть показатель страшной слабости и неспособности. В основе антисемитизма лежит бездарность. Когда изъясляют претензию на то, что Эйнштейн, открывший закон относительности, еврей, что еврей Фрейд, еврей Бергсон, то это есть претензии бездарности. В этом есть что-то жалкое. Есть только один способ борьбы против того, что евреи играют большую роль в науке и философии: делайте сами великие открытия, будьте великими учеными и философами. Бороться с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры. Это область свободы. Свобода есть испытание силы. И унижительно думать, что свобода всегда оказывается благоприятной для евреев и неблагоприятной для неевреев.

Нужно остановиться еще на одном обвинении против евреев. Их обвиняют в том, что они создали капитализм и социализм. Но и для сторонников капитализма и для сторонников социализма, казалось бы, желательно предоставить и «арийцам» честь создания чего-либо, нельзя же все уступить евреям. Оказывается, что евреи сделали все научные открытия, были замечательными философами, создали капиталистическую промышленность, создали мировое социалистическое движение, борющееся за справедливость и за улучшение положения трудящихся, в их руках находится все общественное мнение, мировая пресса и пр. Сознаюсь, что в качестве «арийца» я чувствую себя обиженным и не согласен до такой степени все предоставить евреям. Остановлюсь на создании евреями капитализма и социализма. Прежде всего, если это есть обвинение, то оно не может исходить от одного лица. Для сторонников капитализма создание евреями капитализма есть заслуга евреев, как для сторонников социализма создание евреями

социализма есть их заслуга. Нужно выбрать обвинение. Что евреи играли преобладающую роль в создании капитализма, это есть тезис известной книги Зомбарта. Бесспорно, евреи играли немалую роль в этом процессе, бесспорно, в их руках сосредоточивались большие капиталы. Этому способствовали выработанные историей свойства евреев. В средние века евреи занимались ростовщичеством, единственным занятием, которое им было предоставлено. Еврейский народ создал тип ростовщика и банкира, но он же создал тип идеалиста, беззаветно преданного идее, бедняка, живущего исключительно высшими интересами. Но «арийцы» также руку приложили к созданию капитализма и капиталистической эксплуатации. Еврейский капитализм зародился у купцов Флоренции. Обвиняющие евреев в создании капитализма обыкновенно не бывают противниками капитализма, они просто хотели бы быть более сильными в капиталистической конкуренции, иметь больше капиталов, чем евреи. Поразительно, что К. Маркс, еврей и социалист, был в известном смысле антисемит. В своей статье по еврейскому вопросу, которая многих смущает, он признал евреев носителями мировой капиталистической эксплуатации. Революционный антисемитизм Маркса, между прочим, опровергает легенду о мировом еврейском заговоре. Маркс и Ротшильд, оба евреи, непримиримые враги, и в одном заговоре участвовать не могут. Маркс боролся против власти капитала, в том числе и еврейского капитала. Другое обвинение евреев в том, что они создатели социализма и главные участники революционных социалистических движений, очевидно, может исходить лишь от людей, которые не гнушаются капитализмом и хотели бы сохранить капиталистический строй. Для русских антисемитов обвинение это сводится к тому, что русская коммунистическая революция создана евреями. Фактически это неверно. Ленин не еврей, не евреи и многие другие вожди революции, не были евреями огромные рабоче-крестьянские массы, давшие победу революции. Но евреи, конечно, играли немалую роль в революции и ее подготовке. В революциях всегда будут играть большую роль угнетенные, угнетенные национальности и угнетенные классы. Пролетариат всегда активно участвовал в революциях. Это заслуга евреев, что они принимали участие в борьбе за более справедливый социальный строй. Но обвинения против евреев, в конце концов, упираются в одно главное: евреи стремятся к мировому могуществу, к миро-

вому царству. Это обвинение имело бы нравственный смысл в устах тех, которые сами не стремятся к могуществу и не хотят могущественного царства. Но «арийцы» и арийцы-христиане, исповедовавшие религию, которая призывала к царству не от мира сего, всегда стремились к могуществу и создавали мировые царства. Евреи не имели своего царства, не только мирового, но и самого малого, христиане же имели могущественные царства и стремились к экспансии и владычеству.

Перехожу к типу антисемитизма религиозного, самому серьезному, единственному заслуживающему рассмотрения. Христиане бывали антисемитами главным образом по мотивам религиозным. Евреи признавались расой отверженной и проклятой не потому, что это низшая раса по крови, враждебная всему остальному человечеству, а потому, что они отвергли Христа. Религиозный антисемитизм есть в сущности, антиюдаизм и антиталмудизм. Христианская религия действительно враждебна еврейской религии, как она кристаллизовалась после того, как Христос не был признан ожидаемым евреями Мессией. Юдаизм до Христа и юдаизм после Христа — явления духовно различные. Есть глубокая парадоксальность в том, что явление Христа, т. е. боговоплощение и боговочеловечение, совершилось в недрах еврейского народа. Евреи с большим трудом могли принять боговочеловечение, это было легче для язычников. Бог стал человеком — это представлялось евреям кощунством, посягательством на величие и трансцендентность Бога. Для древнего еврейского сознания Бог все время вмешивается в человеческую жизнь, вплоть до мелочей, никогда не соединяется и не сливается с человеком, не принимает человеческого образа. Тут пропасть между христианским и юдаистическим сознанием. Христианство есть религия Боговочеловечества и религия Тринитарная. Юдаизм же есть чистый монотеизм. Главное религиозное обвинение, которое евреи выдвигают против христианства, это что христианство есть измена монотеизму. Вместо единого Бога является Троица. Христиане основали свою религию на том, что в истории явился человек, который назвал себя Богом, сыном Божьим. Для закостенелого юдаистического сознания это было кощунством. Человек не может быть Богом, человек может быть пророком Божьим, Мессией, но не Богом. И тот не настоящий Мессия, кто назвал себя Богом. В этом завязка мировой религиозной трагедии. У язычников было много бого-человеков или человеко-бо-

гов, боги были имманентны космической и человеческой жизни. Никакой трудности не было для языческого сознания принять боговочеловечение, это соответствовало художественной образности языческого созерцания мира. Но для евреев это был ужас. Никто не мог увидеть лица Бога и остаться в живых. А тут вдруг говорят, что Бог имеет человеческое лицо. Распятый Бог есть величайший соблазн для евреев. Бог может быть только великим и могущественным. Богоуничтожение представлялось кощунством, изменой древней вере в величие и славу Бога. Такова затвердевшая почва еврейских религиозных верований, из нее выросло отвержение Христа. И вот на протяжении всей христианской истории раздается обвинение, что евреи распяли Христа. После этого на еврейском народе лежит проклятие. Еврейский народ сам себя проклинал, он согласился на то, чтобы кровь Христа была на нем и на его детях. Он принял на себя ответственность. Этим воспользовались враги еврейства. Христос был отвергнут евреями, потому что он не оказался Мессией, который должен осуществить царство Израиля, а оказался каким-то новым Богом. Богом страдающим и униженным, проповедующим царство не от мира сего. Евреи распяли Христа, сына Божьего, в которого верит весь христианский мир. Таково обвинение. Но ведь евреи же первые и признали Христа. Апостолы были евреи, еврейской была первая христианская община. Почему же за это не восхваляют евреев? Еврейский народ кричал: «Распни, распни Его». Но все народы имеют непреодолимую склонность распинать своих пророков, учителей и великих людей. Пророков всегда и повсюду побивали камнями. Греки отравили Сократа, величайшего из своих сынов. Неужели проклипать за это греческий народ? И не только евреи распяли Христа. Христиане, или называвшие себя христианами, в течение долгой истории своими делами распинали Христа, распинали и своим антисемитизмом, распинали своей ненавистью и своими насилиями, своими услугами сильным мира сего, своими изменами и своим искажением Христовой истины во имя своих интересов. «Арийцы» также отвергли и отвергают Христа. И делают это во имя своего царства. И лучше, когда прямо и открыто отвергают Христа, чем когда прикрываются именем Христа для оборудования дел своего царства. Когда проклипают и гонят евреев за то, что они распяли Христа, то явно стоят на точке зрения родовой мести, которая была очень свойственна древним народам, в

том числе и народу еврейскому. Но родовая месть совершенно неприемлема для христианского сознания, она совершенно противоречит христианской идее личности, личного достоинства и личной ответственности. Да и христианское сознание не допускает никакой мести, ни личной, ни родовой. Мстительные чувства греховны, и в них подобает каяться. Род, кровь, месть — все это совершенно чуждо чистому христианству и привносится в него извне, от древнего язычества.

III

С еврейством связана историософическая тема двойного хилиазма. Что, царство Божье исключительно по ту сторону, не то мира сего или его можно ждать и готовить также по сию сторону, на этой земле? Христос сказал: «Царство Мое не от мира сего». Это обыкновенно объясняли так, чтобы можно было не делать никаких усилий для осуществления царства Божьего в мире сем. Пусть мир сей принадлежит князю мира сего, хотя странным образом этот князь мира сего очень почитался христианами и на этом основывалось христианское государство, в котором никакой христианской правды не осуществлялось. Но слова Христа можно понимать так, что царство Божье не походит на царство этого мира, что основы его иные, правда его противоположна закону этого мира. Это совсем не значит, что христиане должны подчиняться князю мира сего и не должны осуществлять правду царства Божьего, т. е. изменять этот мир. Жак Маритен, вождь французского томизма и защитник христианского интегрального гуманизма, написал замечательную статью о еврействе, напечатанную в сборнике «Les Juifs». Он высказывает интересную мысль о разделении двух миссий. Христиане приняли сверхъестественную истину христианства, истину о небе, но очень мало делали для осуществления правды в социальной жизни людей, не применяли своей истины к обществу. Евреи же не приняли сверхъестественной истины христианства, но были носителями истины о земле, правды в социальной жизни людей. И действительно, идея социальной справедливости была внесена в человеческое сознание главным образом еврейством, «арийцы» легко примирялись с социальной несправедливостью. В Индии был создан режим каст, санкционированный религиозным сознанием. В Греции величайшие философы не подымались до осуждения рабства.

Древнееврейские пророки были первыми, требовавшими правды, справедливости в социальных отношениях людей, они защищали бедных и угнетенных. Библия повествует о том, что происходил периодический раздел богатств, чтобы богатства не сосредоточивались в одних руках и не было резкого различия между богатыми и бедными. Евреи же принимали активное участие в мировом социалистическом движении, направленном против власти капитала. Еврейство стоит под двойным знаком — денег и социальной справедливости. Христиане любят говорить, что царство Божье неосуществимо без креста. И христиане свято правы. Все на нашей грешной земле должно быть вознесено на кресте перед вхождением в царство Божье. Неправы они только, когда противопоставляют эту великую истину всякой попытке осуществить правду Христову и на земле, в социальных отношениях людей, всякому исканию царства Божья и на нашей грешной земле. Беда в том, что христиане, принимая крест, совсем не пытались осуществить правду Христову в социальной жизни, совсем не стремились к царству Божьему, хотя, конечно, окончательное осуществление царства Божья в этом мире невозможно и предполагает преобразование мира, новое небо и новую землю. При этом представители исторического христианства, т. е. приспособленного к условиям этого мира, совсем не гнушались царством этого мира, царством кесаря. Наоборот, они признавали царство кесаря своим, сакрализировали его. И это было царство кесаря, наиболее далекое и от христианской правды и от правды просто человеческой, не знавшее справедливости и человечности. Такими были в прошлом «христианские государства», христианские теократии, восточные и западные.

Обычное возражение евреев против христианства заключается в том, что христианство нереализуемо и христиане его никогда не реализовали. Еврейская же религия реализуема, и евреи ее реализовали. Христианство включает в себе столь возвышенные заповеди, что они оказываются не соответствующими человеческой природе. Особенно нереализуемо и непрактично оказывается христианство в отношении к социальной жизни, которая у христиан всегда оказывалась непохожей на то, к чему призывал Христос. На этом обычном возражении особенно настаивал Сальвадор, выдающийся французский еврейский мыслитель и ученый середины XIX века, написавший одну из первых жизней Иисуса Христа. Очень интересно форму-

лирует различие между юдаизмом и христианством Розенцвейг, замечательный еврейский религиозный философ, недавно умерший, который переводил с Мартином Бубером Библию на немецкий язык. Он говорит, что еврей по религии своей призван оставаться в еврейском мире, в котором он родился, и только возвышать и совершенствовать свое еврейство, от него не требуется отречения от своей природы. Именно поэтому еврейская вера реализуема. Христианин же по своей природе язычник (обычный взгляд евреев). Чтобы реализовать христианскую веру, он должен уйти из своего мира, отрицать свою природу, отречься от своего природного язычества. С этим связана трудная реализуемость христианства. При этом оказывается, что только евреи не язычники по крови. Розенцвейг, делая это противоположение, заключает отсюда о преимуществе юдаизма. Я же думаю, что это есть преимущество христианства. Божественное откровение приходит из иного мира, и оно трудно для этого мира, оно требует движения по линии наибольшего сопротивления. Но христиане сделали все, чтобы противники христианства признали его религией нереализуемой. Они страшно злоупотребили этой нереализуемостью христианства на земле, успокоили себя идеей страшной трудности. Христиане сделали самые дурные выводы из учения о греховности человеческой природы. Это можно выразить так, что смирились перед грехом и создали систему приспособления к греху. Константин Леонтьев, мыслитель очень острый и искренний, в этом отношении особенно поучителен. Он свел христианство к потустороннему спасению души, к тому, что он сам называл трансцендентным эгоизмом, и был рад тому, что христианская правда никогда не может осуществиться на земле, ибо это осуществление противоречило его языческой эстетике. В терминологии Розенцвейга можно было бы сказать, что К. Леонтьев остался в своем природном языческом мире, и только в отношении к потустороннему личному спасению души он хотел путем монашества и аскезы преодолеть эту свою языческую природу. Но все эти обвинения относятся к христианам, а не к христианству.

IV

Разрешим ли еврейский вопрос в пределах истории? Это вопрос трагический. Он неразрешим просто путем ассимиляции. В это разрешение верили в XIX веке, и это

делало честь гуманности века. Но мы живем совсем не в гуманном веке, и события нашего времени дают мало надежды на разрешение еврейского вопроса путем слияния и растворения евреев в других народах. Да и это означало бы исчезновение еврейства. Не много надежды также на разрешение еврейского вопроса путем образования самостоятельного еврейского государства, т. е. путем сионизма. И на собственной древней земле евреи испытывают преследования. Да и такое решение представляется противоположным мессианскому сознанию еврейского народа. Еврейский народ остается народом-странником. Можно было бы сказать, что судьба еврейского народа эсхатологическая, она разрешима лишь в перспективе конца времен. Но это нисколько не снимает с христиан обязанности христианского и человеческого отношения к евреям. У ап. Павла есть таинственные слова о том, что весь Израиль спасется. Эти слова разно толкуются, ибо под Израилем понимается не только еврейский народ, но и народ христианский, т. е. Новый Израиль. Но очень вероятно, что ап. Павел имел в виду обращение евреев в христианство и особое значение этого обращения. Мы живем в эпоху не только зверского антисемитизма, но и все увеличивающегося количества обращений евреев в христианство. Для расовых антисемитов этот вопрос неинтересен, для них материальный факт крови важнее духовного факта веры. Но религиозные антисемиты могут видеть единственное разрешение еврейского вопроса в обращении еврейского народа в христианство. В этом, с моей точки зрения, есть большая правда. Но вместе с тем требование такого разрешения еврейского вопроса может быть морально двусмысленным и даже ложным. Если христиане-антисемиты, приставив нож к горлу, требуют от евреев обращения в христианство, при несогласии же евреев обратиться считают естественным погром, то это есть моральное безобразие, ничего общего с христианством не имеющее. Почему же не требовать обращения в христианство от разных «арийских» народов, которые совершенно отпали от христианства или держатся за совершенно внешнее христианство? Да и обращение в христианство есть факт глубоко личный, и вряд ли в будущем можно будет говорить о целых народах как о христианских и нехристианских. Для обращения евреев в христианство очень важно, чтобы сами христиане обратились в христианство, т. е. стали христианами не формальными, а реальными. Ненавидящие и распинающие не мо-

гут быть названы христианами, сколько бы они ни били поклонов. Сами христиане являются ведь главным препятствием и для обращения в христианство нехристианского Востока, индусов и китайцев. Состояние христианского мира с войнами, национальной ненавистью, колониальной политикой, угнетением трудящихся классов есть великий соблазн. Как раз самые правые, самые ортодоксальные, почитающие себя наиболее благочестивыми христиане являются сейчас наибольшим соблазном для малых сил. Для евреев между ними и Христом стоят христиане и заслоняют образ Христа. Евреи могут признать Христа своим Мессией, такое движение есть внутри еврейства, могут признать роковой религиозно-исторической ошибкой отвержение Христа. Но тогда они признают Мессию Распятого и через Мессию Распятого признают Бога Униженного.

Формы, которые принимает современный антисемитизм, с христианской точки зрения есть приговор над антисемитизмом. Это есть заслуга германского расизма, который имеет в Германии глубокие, но совершенно не христианские корни. Гораздо хуже православный антисемитизм, например, в Румынии; он компрометирует христианство и вряд ли заслуживает серьезного опровержения. Антисемитизм неизбежно должен превратиться в антихристианство, должен выявить свою антихристианскую природу, и это сейчас происходит. Этому соответствует процесс очищения в самом христианстве, освобождение христианской истины от тысячелетних наслоений, связанных с приспособлением к господствующим формам государства, к социальным интересам господствующих классов, к социальной обыденности, к низкой ступени сознания и культуры, с использованием христианства для очень земных целей. Этот процесс очищения христианства, который, отчасти, связан с тем, что христиане сами стали гонимыми, приводит к обнаружению как бы двух христианств — старого христианства, защищающего искажения христианства, и нового христианства, освобождающего от этого искажения и желающего быть верным Христу и евангельскому откровению о царстве Божьем. Настоящие, не формальные, не номинальные, не условные, не условно-риторические христиане всегда будут меньшинством. «Христианского государства», которое было великой ложью и искажением христианства, больше не будет. Христиане будут бороться духовно и потому смогут иметь внутреннее влияние, которое было утеряно, смогут убеждать. Христианам прежде

всего подобает защищать правду, а не силу, дающую им возможность процветать в мире. Именно христианам подобает защищать достоинство человека, ценность человеческого лица, всякого человеческого лица, независимо от расы, национальности класса, положения в обществе. Именно на человека, на человеческое лицо, на свободу человеческого духа посягает со всех сторон мир. Посягает и антисемитическое движение, которое за часть человечества отрицает человеческое достоинство и человеческие права. Еврейский вопрос есть испытание христианской совести и христианской духовной силы.

В мире всегда были и есть две расы, и это деление рас важнее всех остальных делений. Есть распинаящие и распинаемые, угнетающие и угнетенные, ненавидящие и ненавидимые, причиняющие страдание и страдающие, гонители и гонимые. Не требует объяснения, на чьей стороне должны быть настоящие христиане. Роли тут могут меняться в истории. Сейчас христиане делаются гонимыми, как были ими в первые века. Сейчас и евреи делаются вновь гонимыми, как бывали уже не раз в истории. Об этом необходимо задуматься. Русские антисемиты, живущие в состоянии аффекта и одержимые маниакальной идеей, говорят, что евреи правят сейчас Россией и гонят там христиан. Это фактически неверно. Совсем не евреи по преимуществу стояли во главе воинствующего безбожия, русские играли в этом очень большую роль. Я даже думаю, что существует русский воинствующий атеизм как явление специфически русское. Русский барин — анархист Бакунин был его крайним и характерным выразителем. Таков же был Ленин. Достоевский именно о русском атеизме, о его внутренней экзистенциальной диалектике сделал великие открытия. Неверно и то, что Россией правят евреи. Главные правители не евреи, видные еврей-коммунисты расстреляны или сидят в тюрьмах. Троцкий есть главный предмет ненависти. Евреи играли немалую роль в революции, они составляли существенный элемент в революционной интеллигенции, это совершенно естественно и определялось их угнетенным положением. Что евреи боролись за свободу, я считаю их заслугой. Что и евреи прибегали к террору и гонениям, я считаю не специфической особенностью евреев, а специфической и отвратительной особенностью революции на известной стадии ее развития. В терроре якобинцев евреи ведь не играли никакой роли. Я вспоминаю, что в годы моего пребывания в Советской

России, в разгар коммунистической революции еврей — хозяин дома, в котором я жил, при встрече со мной часто говорил: «Какая несправедливость, вы не будете отвечать за то, что Ленин русский, я же буду отвечать за то, что Троцкий еврей». Потом ему удалось уехать в Палестину. Я же согласен взять на себя ответственность за Ленина. Печальнее всего, что реальности и факты не существуют для тех, мышление которых определяется ressentiment, аффектами и маниакальными идеями. Более всего тут нужно духовное излечение.

С.Н. Булгаков

СИОН

**Загорит, заблестит луч денницы:
И кимвал, и тимпан, и цевницы,
И серебро, и добро, и святыню,
Понесем в старый дом, в Палестину.**

**(См. Ф.М. Достоевский.
Дневник писателя 1877 г.)**

СИОН

Загорит, заблестит луч денницы:
И кимвал, и тимпан, и цевницы,
И серебро, и добро, и святыню,
Понесем в старый дом, в Палестину.

*(См. Ф. М. Достоевский
Дневник писателя 1877 г.).*

Есть священные символы и мировые идеи, которые заставляют дрожать самые сокровенные струны сердца: такое значение имеет, например, христианский Царьград и крест на св. Софии, или освобождение из рук неверных Гроба Господня. Подобное же значение должно иметь для иудейского и христианского сердца (я трижды подчеркиваю это «и») вопрос о Палестине и устройении Израиля на земле, ему Богом данной и обетованной. В дни великих мировых свершений, когда обнажаются сокровенные корни истории, опять загорелась и эта идея, выступил на поверхность и этот вопрос, как очередной, близкий, подлежащий разрешению если не сегодняшнего, то завтрашнего дня. Постановка вопроса о предоставлении Палестины, в той или иной политической форме (и, конечно, за исключением величайших христианских святынь), в качестве национального жилища Израилю волнует душу совершенно исключительным волнением, ибо с духовными судьбами Израиля таинственно и непреложно связаны и судьбы христианского мира. Не земные расчеты на власть, богатство и влияние руководят теми представителями еврейского народа, которые справедливо видят в преодолении «голуса», диаспоры, рассеяния основу духовного возрождения своего народа и жаждут не только освобождения от «черты оседлости», или нового права на рассеяние, но и оседлости, права на самобытное существование. Об этой верности евреев Сиону знал Достоевский, который писал (после приведенных стихов Кукольника): «все это, повторяю, я слышал как легенду, но я верю, что суть дела существует непременно, особенно в целой массе евреев, в виде инстинктивно-неудержимого влечения». И не меньше, конечно, знал про это Вл. Соловьев, по изображению которого в последнюю эпоху истории Палестина является автономною

областью, населенною и управляемою преимущественно евреями; им он приписывает и последнее восстание против всемирного императора-антихриста. Сионизм как национальное движение среди еврейства, необходимо приведшее к постановке вопроса о месте оседлости и, в конце концов, о Сионе, возникло в конце прошлого века — не только под влиянием антисемитизма и преследований, но и в неменьшей мере вследствие страха перед ассимиляцией и обмирщением иудейства, при котором, по характерному выражению одного еврейского же писателя, «современный еврей не знает больше, почему он еврей, почему он должен оставаться евреем», так что, «чтобы сохранить евреев для еврейства, имеются только два средства: внешнее угнетение или прекращение диаспоры»¹.

Предоставление евреям возможности образовывать под покровительством могущественнейших государств Европы прочный национальный центр, восстановить здесь полную национальную жизнь со своим языком, хозяйством, правом, создать, по выражению компетентного исследователя положения евреев Руппина², «зерно национальной кристаллизации» (einen nationalen Kristallisations Kern schaffen), не должно рассматриваться как средство разрешения «еврейского вопроса» во внутренней жизни европейских государств, в частности, в России, и так не смотрят, прежде всего, сами сионисты, которые нисколько не тешатся мыслью увлечь за собой в Палестину значительное большинство своих соотечественников³. Как место для колонизации, Палестина в ближайшем будущем не могла бы получить даже приблизительно того значения, какое имеет, например, Америка. Допустим, что еврейский вопрос как правовая и экономическая проблема, рассматриваемая с точки зрения «прав человека и гражданина», получит самое ра-

¹ Д-р Цольшан. Расовая проблема (с теоретическим обоснованием еврейского вопроса). Москва. 1914. Стр. 422, 441.

² Artur Ruppin. Die Juden der Gegenwart. Eine sozialwissenschaftliche Studie. 2 Auflage. Köln und Leipzig. 1911. Стр. 287. Здесь см. превосходную характеристику положения современного еврейства.

³ „Если бы евреев выселить из Европы в Палестину, строился бы тот же процесс возвращения, который почти 2500 лет назад вернул часть евреев из вавилонского плена в Палестину. Как ныне Европа, так и тогда Вавилон был центром высокой культуры и — ассимиляции евреев. Лишь малая часть могла решиться променять благополучие Вавилона на палестинскую пустыню, как это произошло бы с европейскими евреями и теперь. И все же тогда из этой горсти евреев вырос еврейский народ со своей собственной культурой.“

дикальное разрешение, в смысле полного уравнения прав, но этим он ни в малой степени не будет решен духовно, напротив, он тогда только поставится с новой остротой и в общем сознании, и в самосознании диаспоры, которой предстанет выбор между ассимиляцией и национальным вымиранием (что мне представляется совершенно невозможным) или же открытым утверждением своего национального лика; а в связи с последним необходимо, в конце концов, возникает и вопрос о национальном центре. Таким священным центром еврейства единственно и исключительно является Палестина — земля, отданная Израилю самим Богом.

В писаниях пророков, которые одинаково чтутся христианским и еврейским миром, по-видимому, имеются прямые указания на чаяния, ныне возникающие. В них Земля Иудова вторично обещается Израилю. «И будет, — читаем мы в пророчестве Исаии, — в тот день: Господь снова прострет руку Свою, чтобы возвратить Себе остаток народа Своего, какой останется у Ассура, и в Египте, и в Патросе, и у Хуса, и у Елама, и в Сennaаре, и в Емафе, и на островах моря. И поднимет знамя язычникам, и соберет изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев созовет от четырех концов земли». (Исайи, II, 10—12). «После многих дней ты понадобишься; в последние годы ты придешь в землю, избавленную от меча, собранную из многих народов, на горы Израилевы, которые были в постоянном запустении, но теперь жители ее будут возвращены из народов, и все они будут жить безопасно». (Езек., 38, 8). И это наши общие пророчества, христианские и иудейские: неужели приближается их исполнение?

Была ведь диаспора и в эпоху старого Храма Иерусалимского, но тогда в нем имела она средоточие свое и сердце свое. И существование подобного центра поможет и теперь Израилю совершить свою внутреннюю работу, победить трагическую раздвоенность и духовную борьбу, которая во все времена шла в душе Израиля. Величайшая трудность для сионизма состоит теперь в том, что он не в силах вернуть утрачиваемую веру отцов и принужден базироваться на национальном, или культурно-этнографическом принципе, на котором не может утвердиться никакая действительно великая народность, а уж тем более еврейская. Ибо воистину прав был Достоевский, когда писал: «Да и нельзя даже представить себе еврея без Бога». Он даже прибавляет: «Мало того, не верю я даже и

в образованных евреев-безбожников» (чего я не мог бы за ним повторить). Возможность остаться наедине с собой, вне атмосферы диаспоры, на той священной земле, которая хранит в себе останки Авраама, Исаака и Иакова, и здесь прислушаться к голосу своего религиозного сознания — не явится ли для Израиля началом спасительнейшего религиозного самоиспытания и самоочищения, нового духовного рождения? Имеем о сем непреложное пророчество, о котором никогда не смеем забывать, трепетно склоняясь пред судом Божьего избрания: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении тайны сей, что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников. И так весь Израиль спасется, как написано: «приидет от Сиона Избавитель и отвратит несчастье от Иакова» (Рим., II, 25—6).

Близятся времена и сроки. На историческом небе загорелась новая идея, наряду с другими священными именами история произнесла и святое имя Сиона. Есть признаки, что «еврейский вопрос» в разных смыслах вступает в новое обострение, и трагическая его безысходность и диаспоре ощущается с новой силой. И в это время, когда загорается луч Будущего, появляется надежда на возможность новой постановки векового вопроса. О, пусть она не обманет!

СУДЬБА ИЗРАИЛЯ КАК КРЕСТ БОГОМАТЕРИ

Воплощение Сына Божия — «Слово плоть бысть» (Ио. I, 14) — соединило Его со всем человеческим родом без всякого ограничения и исключения. Однако оно совершилось в истории, в определенном месте и времени, чрез посредство «избранного», к тому приуготовленного в церкви ветхозаветной народа. Христос есть «сын Давидов, сын Авраамов», родословная которого проводится, по Матфею, от Авраама до «Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос». (Мф. I, 1, 16). Эта же генеалогия излагается у Луки в восходящем порядке: «Иисус... был, как думали, сын Иосифов... Адамов, Божий». (Лк. III, 23—28). И эта кровная связь с Израилем, запечатленная в генеалогии, раскрывается в Евангелиях как изначальная обращенность Христа именно к Израилю: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева». (Мф. IV, 24). Им он проповедовал Царство Божие, в их среде творил чудеса и учил их Сам и чрез учеников Своих. Он «пришел к своим,

и свои Его не приняли». (Ио. I, II). Между Ним и Израилем назревает внутренний разрыв, который завершается открытой враждой с преданием Его на смерть, воплями: «распни, распни Его». Этот разрыв причиняет собою Господу глубокое страдание, как Он и Сам свидетельствует о том, вместе с призыванием праведного суда на него: «да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником. Истинно говорю вам, (что) все сие придет на род сей. Иерусалиме, Иерусалиме, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели. Се, оставляется дом ваш пуст». (Мф. XXIII, 35—38; Лк. XIII, 34—35). Посему в борение Гефсиманское включается и эта скорбь Христова о своем народе, но как бы в ответ на нее раздается то страшное, роковое слово испупления, всегда памятное: Пилат сказал: «неповинен я в крови Праведника Сего, смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших». (Мф. XXVII, 24, 25). И как бы в ответ на это слово, на крестном пути, когда «шло за ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем, Иисус, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: «блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие». Тогда начнут говорить горам: «падите на нас» и холмам: «покройте нас». (Лк. XXIII, 27—30). Это было скорбное прощание со Своим народом, который сам обрек себя на великие испытания на протяжении всего своего исторического пути до наступления того вожделенного часа, который тогда же проречен был Христом: «сказываю вам: вы не увидите Меня отныне, доколе не воскликните: «благословен Грядый во Имя Господне». (Мф. XXIII, 39; Лк. XIII, 35). Об этом же пророчествует ап. Павел, сам иудей из иудеев, израильтянин от семени Авраамова (Рим. XI, 25): «не хочу оставить вас, братья, в неведении о тайне сей... что ожесточение произошло в Израиле отчасти, (до времени) пока войдет полное число язычников. И так весь Израиль спасется... ибо дары и призвание Божие непреложны». (25—6, 29).

Но Она, великая Молчальница, которая духовно разделяла со Христом и Гефсиманское Его томление, и истощание крестное, делила ли Она с Ним и эту скорбь Его о

народе жестоковъйном и ярости христоубийственной даже до самоотречения: «кровь Его на нас и на чадах наших»? Можно ли об этом даже и спрашивать? Она не меньше, но даже более, чем Он, принадлежала этому христоносному и христоубийственному избранному народу Божию. Ибо если Она дала человеческое естество Сыну Своему, была «Материю, от которой родился Иисус», то это было все же «бессеменное зачатие» от Духа Святого, сама же Мария была дочь Авраамля, обрученная мужу именем Иосифу, из дома Давидова (Лк. I, 27). Она имела в Себе не только всю полноту тварной человечности, но во всей силе была дочь Израилева, плоть его и кровь. Она была воспитана в его вере и благочестии, по верованию церкви, при храме с детского возраста, в назидании пророчеств — за чтением Исаии, согласно преданию, застал Ее Гавриил, Архангел Благовещения. Она жила общей жизнью со Своим народом, и даже не только ранее Своего Богоматеринства, но и после Него. Достаточно для свидетельства сего одной только черты, сохраненной в Евангелии (Лк. II, 41—2): «каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник». Для Самого Господа естественно и предуказано было чувствовать Себя посланным к сынам Израиля, из его среды избрать Своих учеников и апостолов, но это же самое чувство не могла не разделять с Ним Мать Его, как нечто как бы само собою разумеющееся. Она была призвана сорадоваться этой радостью с теми, о коих сказано: «блаженны очи ваши, что видят, и уши ваши, что слышат». (Мф. XII, 16; Лк. X, 23). И это лишь подтверждается рассказом (Мф. XII, 46—50; Мр. III, 31—35; Лк. VIII, 19—21), где Христос, указывая на учеников Своих, сказал: «вот Мать Моя и братья Мои». Это изречение может одинаково быть применено к тем и другим, но оно уже, во всяком случае, не содержит в себе противопоставления матери и братьев ученикам, напротив, оно их сближает как бы до отождествления. Но тем более ясно, какое страдание сердцу Марии должно было причинять начавшееся и все углублявшееся расхождение между Иисусом и иудеями, которое завершилось полным разрывом и христоубийственным их ожесточением. Она страдала не только за Сына Ее и вместе с Ним, но и за этот народ, единокровный и единоплеменный, богоизбранный и Христа отвергающийся. Какою тяжестью могли падать на сердце Ее гневные слова Господа (Мф. гл. XXIII)

с его осуждением и отвержением! Какою печалью для Нее прозвучало это: «се ныне оставляется дом ваш пуст». Апостол Павел так свидетельствовал об этой скорби своей: «великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему. Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть израильтян». (Рим. IX, 2—3). И если он это так чувствовал, то что же можно сказать о Ней, Молчальнице, навычной слагать слова Христовы в сердце Своем (Лк. II, 51), теперь, когда стали столь печальны и страшны они? Ведь если все окружающие слышали их, то неужели только Ей одной оставались они неведомы, на том лишь основании, что об этом не сказано, утаено в Евангелии? Какой мукой не только за Сына, но и за народ ожесточенный, вопиющий «распни, распни Его», находящий в себе лишь слова поношения и злобы даже у креста, должно было раздираться сердце Ее! То был нарочитый крест Ее не только как Матери, но и как Дщери народа Ее, ради рождения которой он был избран и призван, «которому принадлежит усыновление и слава, и заветы, и законоположения, и богослужение и обетование, их и отцы, и от них Христос по плоти». (Рим. IX, 4—5). И над всем этим произносится суд Божьего отвержения. Это есть крест Богоматери, которая неотделима от Своего народа не только в благословении, но и в отвержении, любит его любовью Павловой, любовью дщери и матери, ему единокровной.

Пречистая воскресла и вознесена на небо одесную Сына Своего, но в Успении Своем Она «не оставила мира». Она осеняет его молитвенным Своим омофором, состраждет с ним, есть утешение «всех скорбящих». Крестоношение Богоматери не прекратилось и в славе Ее. Это верование составляет великое христианское упование, но в него необходимо должна быть включена и сострадательная любовь Ее к Своему народу, вопреки продолжающейся его жестоковейности в отношении ко Христу, в трагических судьбах его истории. И то и другое есть крестная скорбь Богоматери. Отдельные его черты по справедливости могут, конечно, и не вызвать сочувствия, ибо не пришло еще время для его христианского возрождения, но надо всегда помнить, что Израиль дал церкви патриархов, пророков, апостолов, то есть всех тех, кто явился ее основанием, был послан Христом поучать и крестить «все языки». И народ этот не только был, но и остается избранным, ибо «дары и избрание Божие непреложны», по слову

ап. Павла (Рим. XI, 29). Это должны помнить и знать и теперешние его хулители, если только они сами не отрицают веры во Христа и почитания Пречистой Его Матери.

Здесь мы приближаемся к последней тайне, о которой говорит ап. Павел, — к обращению Израиля (26). В чем же эта тайна? Нам она не открыта. Однако остаются благочестивые домыслы, имеющие для себя и известную убедительность и даже и очевидность. Такая очевидность связана с нашим общим упованием о предстательстве Богоматери. Может ли совершиться дело «спасения всего Израиля», духовное его воскресение, помимо Той, ради которой и совершилось его избрание для того, чтобы послужить делу боговоплощения? «Не оставившая мира «Богородица» оставляет ли молитвенной помощью и попечением то древо, от которого Она Сама возросла на земле, чтобы вознестись в небо? Есть ли Ее действительная к тому помощь? Достаточно только поставить такой вопрос, чтобы увидеть, что это есть именно так и иначе быть не может. Если Бог Авраама, Исаака и Иакова, всех ветхозаветных праотцев и пророков, Предтечи и апостолов внемлет молитве, произносимой ими в народе своем, то во главе сего молитвенного сонма предстоит Богу «в молитвах неусыпающая Богородица», и этим предстательством совершается еще нам неведомая тайна «спасения всего Израиля в его обращении ко Христу». Ибо так заключает апостол пророчественное свое обетование — «они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать. О, бездна богатства, премудрости и разума Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его» (Рим. XI, 31—33).

РАСИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

I

РАСИЗМ ПО ОТНОШЕНИЮ К ХРИСТИАНСТВУ

Все великие и творческие нации в истории имели и имеют и свое особое самосознание, в этом выражается их «национализм». Современный «расизм» есть одна из его разновидностей, имеющая свои особые характерные черты, которые в своем контексте слагаются в целое мировоззрение, действительную идеологию. Его главным идеологом является в настоящее время А. Розенберг, книга которого

«Миф XX века» имеет распространение уже в 900 000 экз. и выражает собой, очевидно, господствующее в настоящее время мировоззрение и самочувствие немцев. Помимо своего литературного блеска и остроты, она заслуживает внимания именно как симптом духовного состояния, определяющего волю германства к гегемонии в мире. Именно в этом качестве она заслуживает самого серьезного внимания.

Розенберговский расизм есть философия истории, но, прежде всего, это есть религиозное мироощущение, которое должно быть понято в отношении к христианству. К существующим христианским исповедям — католичеству и протестантству (восточное православие здесь вовсе игнорируется, словно исторически как бы не существующее) — Розенберг относится с резкой критикой, которая, впрочем, применима и вообще к христианству. Прежде всего, в связи с крайним антисемитизмом, свойственным всему современному германизму, здесь утверждается полный разрыв Ветхого и Нового Завета, иудео-христианское происхождение нашей веры. Раз навсегда «должен быть отменен Ветхий Завет как религиозная книга». Через это отпадает неудавшаяся «попытка последнего полуторатысячелетия сделать нас евреями» (603). Соответственная расправа производится не только над книгами Ветхого Завета, но и с апостолом Павлом, который объявляется «*Verfälscher des Evangeliums*» (605). Поэтому «наши павловские (*paulinische*) церкви суть по существу не христианские, но порождение иудейско-сирийских стремлений апостолов» (605). Вместе с ветхозаветными корнями христианства упраздняется, конечно, и вся новозаветная догматика, «магия» таинств, как и иерархия (благодаря которой «церковь стоит выше Христа» (161) в папизме). «Иисус» есть один из религиозных вождей наряду с предшественниками Его в других религиях, как, очевидно, и последующими. Его учение подвергается критике и исправлению, будучи проверяемо с точки зрения его соответствия германскому духу как высшему критерию, именно — «любовь в смысле смирения, милосердия, покорности и аскезы». Всем этим учением любви наносится ощутительный удар душе северной Европы (155). «Не жертвенный агнец иудейских пророчеств, не распятый есть теперь действительный идеал, который светит нам из Евангелий. А если он не может светить, то и Евангелия умерли» (604). «Старая сирийско-иудейско-восточная церковность сама себя развенчивает» (215); начиная с догматики, она вся должна быть пере-

смотрена и переменена в смысле германского христианства. «Идеал любви к ближнему должен быть безусловно подчинен идее национальной чести», и «никакое деяние немецкой церкви не может быть одобрено, если оно в первой линии не ведет к обеспечению народности» (608). Отвергается вообще абсолютный масштаб ценностей жизни, в частности, отдельных человеческих личностей (21). Соответственно этой общей переоценке христианства иначе воспринимается в расизме и самая личность Иисуса. «Можно из Его изображений избирать различные черты. Его личность часто выступает мягкой и сострадательной, а потом снова резкой и суровой, всегда движимая внутренним огнем. В интересах властолюбивой римской церкви было выставлять подчиняющееся смирение как сущность Христа, чтобы получить себе возможно больше слуг, воспитываемых согласно этому «идеалу». Исправить это изображение есть дальнейшее неотложное требование немецкого движения к обновлению. Иисус является нам теперь как самосознающий господин (selbstbewusster Herr) в лучшем и высшем смысле слова. Его жизнь имеет значение для германцев, а не Его мучительное умирание... Могучий проповедник и гневающийся в храме, человек, который влек за собой и которому «все они» следовали, не жертвенный агнец еврейских пророчеств, не распятый есть для нас «das bildende Ideal, светящий нам из Евангелий» (604). «Любовь Иисуса Христа была любовью сознающего свое душевное благородство и свою сильную личность человека». Иисус жертвовал Собой «как господин, а не как раб» (622).

Неоднократно и по-разному повторяется утверждение, что «церковный Ягве (Иегова) теперь мертв, как и Вотан 1500 лет тому назад». (134)¹. Происходит победная борьба нового мировоззрения со старым, и знаком нашей эпохи является «отвращение от безграничного абсолютного» (21), трансцендентных ценностей... «Таковой конечной целью является христианизация мира» и его спасение через новое пришествие Христа (подобной же целью является и мечта о «гуманизировании человечества») (там же). Оба идеала погребены в кровавом хаосе и новом порождении переживаний мировой войны (то есть еще предыдущей). Истори-

¹ Это, впрочем, не мешает видеть в Одине „вечное отражение душевных первосил северного человека, живущее ныне, как и 5000 лет назад. Он соединяет в себе честь и геройство, творчество, песни, т. е. искусство, защиту права и вечное искание истины“ (679).

ческое христианство, в Европу введенное римской церковью, имеет многие корни. В частности, «великая личность Иисуса вскоре после Его смерти была нагружена и срастворена со всяческим изобилием переднеазиатских, еврейских и африканских переживаний» (74) и образ Иисуса слился с легендой о Chrestos. А это вдобавок еще соединилось с влиянием необузданного фанатизма Павла, проповедавшего международную всемирную революцию против Римской империи. Против такого *Verbastardierung, Verorientalisierung und Verjudung* христианство оказалось бессильно, даже духовное Евангелие Иоанна. Такова философия христианской истории Розенберга. Отсюда для него естественно заключить, что религия Иисуса должна быть исправлена и освобождена от проповеди смирения и любви к слабому. «Идея чести — национальной — является для нас началом и концом всего нашего мышления и действия. Она не терпит наряду с собой равноценного центра, какого бы то ни было рода» (514), в частности, и христианской любви, которая истолковывается также лишь в смысле любви к чести. Такое учение приписывается и самому «Иисусу», чем оно освобождается от извращений и предстает в подлинном виде. «Все существо Иисуса было в противлении (*Sich-Widersetzen*), и за это Он должен был и умереть» (607), Его проповедь любви означает не исходящую из порабощения масс, эту «расслабляющую идею гуманитарной любви римской церкви» (621). «Мы должны сознательно поставить идею любви н и ж е идеи чести, последней ее подчинить как любви к чести» (621). Она же приписывается и Христу. Поэтому является устарелым и символ креста как распятия и заменяется новым: *das Nakenkreuz* — свастика. Она знаменует уже не любовь Божию к творению, но «те, которые его созерцают, думают о народной чести, о жизненном пространстве, о национальной свободе и социальной справедливости и жизнеобновляющем плодородии» (688).¹

¹ Розенберг готов признать в „Иисусе, вопреки всем христианским церквам, узловой пункт нашей истории“, в своем особом истолковании достоинства личности в христианстве, „хотя и до сей поры нередко в отталкивающем извращении“. Однако, „предпосылкой к этому является преодоление до сих пор существующих суждений „христианских церквей“ (391). Однако, в Иисусе, даже и в исправленном образе, отрицается „*typenschaffende Kraft*“ (621), „*auch Jesus ist kein Typenbilder sondern seelenbereicher gewesen* (621). Будучи включен в систему римской иерархии, Он стал слугою своих „рабов“, для цели противоположной тому, что Он сам хотел (как Франциск Ассизский)“ (там же)

Христианством, исправленным и дополненным, освобожденным от груза всей христианской догматики, тайнодействия и иерархии, Розенберг готов наделить и «германскую» церковь нового типа, создание которой соответствует исканию северной расовой души (614—615) обрести «германскую религию будущего», «eine echte deutsche Kirche und eine einheitliche deutsche Volkskultur» (621). Это будет «новая религия народной чести», с «почитанием борющегося за честь народа-солдата», это есть новое чувство жизни нового времени. Его пророком для Розенберга является Майстер Экхарт (наиболее пантеистический из всех немецких мистиков, однако здесь по-своему еще стилизованный) вместе с «закаленным в боях героем в стальном шлеме»¹. Можно спросить себя, что же означает эта «честь», которая становится высшим критерием жизни, даже выше любви, ибо последняя допускается лишь в одной своей разновидности — как любовь к чести. Это трудно определимое понятие, которое почему-то соединяется с идеей свободы (очевидно, лишь для носителей этой чести), может быть понято как сознание своей единственности и превосходства, присущих «северной» расе. «Честь есть духовный центр северного германского запада» (152). «Честь и свобода суть в последнем счете не внешние свойства, но сверхвременные и сверхпространственные сущности» (218), некие духовные идеалы. Очевидно, здесь разумеется национальная гордость, расовое человекобожие, раса и кровь как высшая ценность. «Теперь пробуждается новая вера: миф крови, вера вместе с кровью вообще защищает и божественное существо человека. Вера, воплощенная в яснейшее знание, что северная кровь представляет собою то таинство (Mysterium), которое заменило и преодолело древние таинства (Sakramente)» (114). «Германская Европа одарила мир светоносным идеалом человечности, Menschenthums, учением о ценности характера как основы всех нравов, высшей песнью о ценностях; о высших ценностях северной сущности (des nordischen Wesens), идеей свободы совести и чести» (115). «Это зна-

¹ „Почитание солдата, борющегося за честь своего народа, есть новое, только что родившееся чувство жизни нового времени. Во имя этой новой религии народной чести может пробудиться это северо-европейское сознание“ (620-1). „К этой (церкви), свободно построенной на идее чести национальной, а также и личной, они не принадлежали, — которые и внешне определяются преимущественно как nordisch“ (там же).

ние есть основа нового мировоззрения... миф нового чувства жизни...» (115). «Старая вера церквей: какова вера, таков и человек; северно-европейское же сознание: каков человек, такова и вера» (145).

Человекобожие в расизме прежде всего отличается радикальным религиозным имманентизмом, соединяемым с отрицанием трансцендентных ценностей и оценок (для этого и оказывается пригодным, конечно, с особой еще стилизацией, Майстер Экхарт). Раса есть истинная реальность, помещающаяся между универсализмом и индивидуализмом, но их превосходящая собой. Оба они больны одной болезнью — интеллектуализмом. «Бог, которого мы чтим, не существовал бы, если бы не было нашей души и нашей крови» (701) — суждение, вполне достойное воинствующего человекобожия Фейербаха. Этому соответствует своеобразный расовый биологизм. «Каждая раса имеет свою душу» и осуществляет свой собственный идеал (116). Поэтому «законом каждой подлинной культуры является: она есть сознательное выражение растительной витальности расы» (140). В связи с этим появляется новое и наиболее характерное для культурной философии расизма понятие мифа. «Ценности характера, линии духовной жизни, красочность символов совокупаются, взаимопоглощаются и дают в общем одного человека. Но только тогда лишь в цветущей полноте, когда они сами суть последствия, порожденные из одного центра, который лежит по ту сторону доступного эмпирическому восприятию. Эта неуловимая совокупность всех направлений я, народа, вообще общества образует его миф» (459). «Он есть в этом смысле некая трансцендентальная реальность, биологический центр жизни и творчества, который ищет и находит для себя и обратное выражение. Он есть одновременно сущее и искомое, творимое и творящее, но этому биологическому субстрату чужда спиритуальность, напротив, реальность его бытия есть кровь. Он есть миф о крови, которая и образует существо расы. Миф о расе есть высшая реальность жизни: миф души, расы и я народа и личности, крови и чести, он один и только один, без компромиссов должен проникать всю жизнь, нести и определять» (699). «Миф есть новое пробуждение образующего клетки душевного центра» (там же). «Вера, миф только тогда подлиннен, когда он охватит всего человека» (521), поэтому в центре ордена должна быть абсолютная прямолинейность» (там же), такова идея Führerthums. Реаль-

ность расы есть кровь, которая соединяет ее многоединство: «здоровые в отношении к крови народы не знают в качестве масштаба индивидуализма, так же, как и универсализма» (539), они принадлежат расе. Душа означает расу, видимую изнутри, и наоборот: раса есть внешняя сторона души» (2). Реальность расы есть ее миф, а этот последний отлагается в тип. «Тип не есть схема, но есть исторически обусловленная пластическая форма вечности (...) расово-душевного содержания, область жизни» (539). Переживание типа есть рождение познания мифа всей нашей истории: рождение северной расовой души и внутреннее признание высших ее ценностей как руководящей звезды всего нашего существования» (531). Как мы уже помним, «Jesus ist kein Typenbild, sondern ein Seelenbereicher gewesen» (515). Все проявления культуры расовой обусловлены как волевые ценности. Даже и «наука есть следствие крови» (120), так же, как и искусство. «Откровение» может быть только в пределах северного чувствования, как возвышение, увенчание становления, а не уничтожение естественного закона. «Последнего хочет лишь иудейское, а также и римское учение о Боге» (134). Вообще, для этого расового монизма, или имманентизма не существуют какие-либо иные критерии, кроме расы. Ему является присущим натурализм, чисто языческое отношение к миру. «Эта расовая душа живет и развивается в природе, которая будит одни качества и задерживает другие. Эти силы расы, души, природы суть вечные... предпосылки, бытие, жизнь, из которой получают в качестве определенного образа бытия (Sosein) нравы, верование, искусство и прочее. Таков последний, внутренний круговорот (Umkehr), вновь пробуждающийся миф нашей жизни» (251). «После 1918 г. древняя северная расовая душа пробудилась к новому, высшему сознанию. Она понимает, что равнопризнанное (gleichberechtigtes) сосуществование разных взаимно с необходимостью исключаящих высших ценностей не может иметь места, как она великодушно мнила возможным его допустить на свою теперешнюю гибель... Она понимает, что расово и душевно сродное может соединяться, но чуждое безошибочно устраняется, а если нужно, то и уничтожается. Не потому, чтобы это было «ложно» или «плохо» само по себе, но потому, что чуждо (artfremd), разрушает внутреннее строение нашего существа. Мы чувствуем теперь обязанность отдать себе отчет о нас самих с последней ясностью или познать высшую ценность и руко-

водящие идеи германского запада, или же себя духовно и телесно извергнуть. Никогда». (119). Это маниакальное самосознание, родившееся из чувства национального унижения, на наших глазах превращается в не менее маниакальное стремление к мировой гегемонии. Во всяком случае, вместо Распятого и Его искупительной Крови, провозглашен также культ крови, но уже расовой, и знаменем его является нехристианская свастика. «Органическое мировоззрение» с его имманентизмом неожиданно противопоставляется болезни нашего времени — «Rebativität von Allem», индивидуализм познается столь же относительным, как и безграничный универсализм. Новое мировоззрение, соответствующее «северному» бытию, по существу этого волевого устремления, не представляет «логической системы, но поток» (ein Fluten) души. «Ныне это поистине органическое мировоззрение среди рушащейся атомистической эпохи более, чем раньше, стремится осуществить свое право, право господствования (Herrnrecht): из центра чести как высшей ценности северо-западного мира ему надлежит с возрастающей быстротой пережить свое средоточие и неустрашимо заново преобразовать жизнь» (695). К кому же и к чему относится это призвание. Часто на этот вопрос дается прямой ответ: немецкому народу и его судьбам. «Миф крови и миф души, расы и я, народа и личности один, он один бескомпромиссно должен проникать и определять всю жизнь» (699). Велик Аллах и Магомет пророк его. Призвание это в перспективе мировой истории — публицистическая прогулка, которая совершается в первой части «Мифа XX века», относится ко всему «арийству»¹ в широком смысле, которое, однако, сужается до понятия одного избранного народа, составляющего соль земли. Хотя алгебраическая формула расизма оставляет место (даже

¹ Даже протестантский богослов Зауер, еще один новый мифолог германства, снабдивший его мифом Михаила, умеющий непонятным образом соединять в себе столь третируемый Розенбергом протестантизм с его доктриной, испытывает затруднение в том, что Розенберг заходит, в конце концов, в тупик. Ибо мысль об арийской расе оказывается предельно растягиваема. „Всюду он, в результате, дома“. Всяду раса, как таковая, вступила в связь с изначальными культурами. Его принцип расы в его применении становится принципом высшей интеллектуальности, вместо того, что бы быть ферментом к обеспечению западной культуры. Она простирается от Индии до Испании и угрожает стать скорее содействующей чужим влияниям (Ueberfremdung), нежели им препятствующей (Sauer. Abendländische Entscheidung. Arischer Mythos und christliche Wirklichkeit) (625—626).

как будто постулирует) возможности и других «мифов крови», кроме германского, но, конечно, практический расизм означает собою воинствующий германизм, «Deutschland über alles» — истина, которая не нуждается в подтверждении в наши дни. Духовная ясность требует определенной религиозной квалификации этого нового воинствующего национального человекобожия, которое само себя так исповедует: «Бог, которого мы почитаем, не существовал бы, если бы не существовала наша душа и наша кровь так звучит для наших дней исповедание Майстера Экхарта. Поэтому является делом нашей религии, нашего права, нашего государства все, что защищает, укрепляет, пронизывает честь и свободу этой души» (761), — таковы заключительные слова исповедания расизма. Задача для миллионов людей нашего времени есть «einen Mythos zu erleben und einen Typus zu schaffen und aus diesem Typus heraus Staat und Leben zu bauen.» (481). Рассуждения по женскому вопросу (в которых найдется немало и здравого, как, впрочем, и во многих других частных вопросах) приводятся к следующему заключению: «мужчина ищет творить бытие» через создание идей и произведений, женщина же есть вечная носительница бессознательного. В руках и в характере женщины лежит сохранение нашей расы» (510), «в проповеди о сохранении в чистоте нашей расы лежит священнейшая и величайшая задача женщины» (511). Подобная цель устанавливается и для «германской» (то есть расистской) церкви: «стремление северной расовой души дать ей под знаком народного мифа свою форму — как немецкой крови — есть величайшая задача нашего века» (614—615), «миф крови» явится магнитом для всех личностей и религиозных обществ, невзирая на все их различия (там же)¹.

Таким образом, нация есть высший критерий и ценность: «ist das Erste und das Letztedem sich alles andere zu unterwerfen hat» (526). Таков духовный идол расизма, которому, как богу, приносятся жертвы и совершается поклонение. Идол этот древнего, языческого происхождения, о котором можно найти немало в Ветхом Завете, особенно в ветхозаветном апокалипсисе — книге пророка Даниила (а также, конечно, и в новозаветном, в образе Зверя, выходя-

¹ В соответствии с проектируемым исправлением проповеди христианской об Агнце Божиим и прочей догматики христианства должна быть произведена и замена крестов (Kruzifixe) с изображением мучительного распятия в церквах и на дорогах (616).

щего из бездны и всех покоряющего: «кто подобен зверю сему»). Излишне даже доказывать, что этот бог крови и эта религия являются не христианскими. Да этого не отрицает и сам автор, который неоднократно выражает убеждение, что христианство устарело и умерло. Он не щадит слов, чтобы выразить такое же отношение не только к «римской» религии, то есть католичеству, но и к протестантизму. Его поправки и дополнения к образу «Иисуса» также, конечно, не мирятся с сокровищем нашей веры и упования и не заслуживают опровержения. При резко выраженном языческом характере новой религии, которая, впрочем, давно и широко известна языческому миру (хотя бы миродержавному Риму, да, в сущности, и большинству языческих народов с их национальными богами), в расизме отсутствует та до- и внехристианская наивность неведения, которая их в известной мере и оправдывает на путях их природного богоискания. Послехристианское воинствующее язычество неизбежно является и антихристианским, то есть в этом отталкивании от христианства получает особую религиозную квалификацию актуального антихристианства. Мир не может забыть его или просто отречься, сделав как бы несуществующим. Таково и европейское неоязычество гуманизма, как и марксизм с экономическим материализмом (после большевистского погрома на веру не приходится это доказывать). У Розенберга и то, и другое излагается в одной линии в качестве порождений христианства, именно явлений его упадка и перерождения. На самом же деле он и сам, не менее, а даже более, относится к этой линии, поскольку он не просто арелигиозен, но ищет создать суррогат религии, в прямом и сознательном отвержении всего христианского духа и учения. Разумеется, при отсутствии особой умственной одаренности, которая свойственна его предшественникам на путях человекобожия, как-то: Фейербаху и К. Марксу, Ницше и *dei minoris*, Розенберг не является значительным как мыслитель, но в пользу его говорит исторический контекст, та стихия, которую он несет в себе, именно немецкой национальной гордости и мощи. Таковая осознана как в состоянии униженности, так и в победном нашествии на всю Европу. Однако, идеологически в доктрине расизма мы имеем, при отсутствии настоящего антихристианского героя, «антихриста», приходящего «во имя свое» (Ио., V, 43), антихристианство более законченное и действенное, нежели даже экзотика Ницше и варварское гонение большевиков (по-

скольку за ним стоит духовное прельщение великого народа). Во всяком случае, здесь наличествуют все основные элементы антихристианства: безбожие, вытекающее из натурализма, мифа расы и крови с полной посюсторонностью религиозного сознания, демонизм национальной гордости («чести»), отвержение христианской любви с подменой ее, и — первое и последнее — отрицание Библии, как Ветхого (особенно), так и Нового Завета и всего церковного христианства — не только в его исторических повреждениях, но и в его мистической, тайнодейственной силе, с отвержением образа Спасителя нашего и Его учения. Да расизм и не прибегает к какому бы то ни было гриму под христианство и даже вообще под веру в личного сверхмирного Бога, на место Его он ставит биологически-психический факт расы и крови. Этим Розенберг договаривает последнее слово человекобожия и натурализма в марксизме и гуманизме: не отвлеченное человечество как сумма атомов, и не класс как сумма социально-экономически объединенных индивидов, но кровно-биологический комплекс расы является новым богом религии расизма. Роскошь воинствующего безбожия позволяет себе только сам его идеолог. Практические его деятели в речах и выступлениях (например, у Гитлера) прибегают даже к выражениям, которые звучат религиозным признанием Бога, Творца и Промыслителя. Однако, если в них внимательно вслушиваться, становится ясно, что они сознательно избегают какой-либо христианской определенности. Разумеется, этот характер нельзя распространять на весь народ, имеющий в своей среде значительное количество верующих христиан, католиков и протестантов, но «душа народа» в этот исторический час не с ними, она носит знамение не христианского распятия, но нехристианской свастики. Такой исторический факт, вес и значение которого, конечно, можно по-разному расценивать. Поэтому расизм в религиозном своем самоопределении представляет собой острейшую форму антихристианства, злее которой вообще не бывало в истории христианского мира (ветхозаветная эпоха знает только прообразы ее и предварения, смотри, главным образом, в книге пророка Даниила). Она злее прямого воинствующего безбожия французских энциклопедистов, ненависти к святыне марксистов и варварства большевизма, потому что все они противопоставляют христианской вере неверие, пустоту отрицания и насилие гонения, не имея собственного положительного содержа-

ния. Между тем, «настоящий сын погибельный», по апостолу Павлу, приходит «во имя свое», он с е б я противопоставляет Христу и церкви Его. Это есть не столько гонение — и даже менее всего прямое гонение, сколько соперничающее антихристианство, «лжецерковь» (получающая кличку «немецкой национальной церкви»). Религия расизма победно заняла место христианского универсализма.¹

Для понимания религиозной природы расизма в высшей степени существенно считаться с одной его чертой, которая отражает не только характер его происхождения, но и обличает его внутреннюю тайну: это его а н т и с е м и т и з м. Должно сказать, что он не только включает в себя антисемитизм как сознательное или бессознательное соперничество с избранным народом в желании его с о б о ю заменить, но сам он е с т ь этот антисемитизм по своему, религиозному коэффициенту, из него рождается и слагается, в него непрестанно, никогда о том не забывая, как в духовное зеркало, смотрится, ему рабствует, о нем забыть не может. Антисемитизм в современной Германии, духовно порабащивший себе и отравляющий этим весь европейский мир, имеет разные черты: бытовые и социальные, расовые и националистические. Инстинкт и воля здесь соединяются, и надо правду сказать, что этот инстинктивный антисемитизм таится в душе каждого «арийца», какова бы ни была чистота его собственной крови, так что это присутствие его требует особой самогигиены. Испытания антисемитизма, проистекающие из некоего как бы нового узрения всего значения, силы, характера международного еврейства, становятся неодолимы для соперничающего с ним в мировом значении германства, и это ведет к антисемитизму практическому, которого историческими свидетелями мы имеем несчастье теперь быть и постольку нести за него христианскую и историческую ответственность. Это чувство соперничества, соединяющееся с чувством национальной тревоги и унижения, стихийно пробуждается и растет у начальных основоположников расизма, находя для себя обильное питание и в исторической действительности. Германский антисемитизм в этой стадии имеет черты бытового явления, которое в разных образах наблюдается во всей исто-

¹ Соответственно подменяется и христианское понимание личности и ее ценности: см. характерные, хотя и туманные рассуждения у Розенберга, *op. cit.*, стр. 390—396 и далее.

рии христианских народов, он слагается из потребности самозащиты и национальной тревоги и гнева. Таков он в книге Гитлера «Mein Kampf», в которой ему дается еще непривычное по своей резкости, но в известной степени даже обывательски простодушное выражение (во всяком случае, эти страницы принадлежат к характернейшим и, может быть, важнейшим страницам в этом историческом документе). В книге Гитлера десятки интереснейших страниц посвящены как фактическому обоснованию, так и истории философии антисемитизма, причем здесь нисколько не скрывается указанное выше чувство расового соперничества германства с иудаизмом. «Германская нация не может снова возвыситься, если не будет энергично поставлена проблема расы и, следовательно, еврейский вопрос»,¹ а в то же время она нуждается в «силе, рождающейся из самовнушения, которое дается уверенностью в себе». Последнее же дается системой воспитания и культуры. Она «должна дать убеждение, что они абсолютно выше всех народов» духовно и телесно (373).

Исходным догматом историософии Гитлера является мысль о единственности значения арийцев в истории человечества, от которых мы имеем «человеческую цивилизацию, произведения искусства, науки и техники», все это «почти исключительно есть плод творческой деятельности арийцев» (200). Здесь молчаливо отрицается всякое участие и значение в истории человечества Ветхого Завета (что уже открыто и воинствующе утверждается в антисемитизме позднейшем). Этому характеру арийства противопоставляется «еврей», представляющий собою наиболее поразительный контраст арийству» (270), что и прослеживается, можно сказать, по всей линии.

Автор Mein Kampf останавливается перед фактом сохраняемости еврейского народа в истории, который он связывает с его особым инстинктом самосохранения, причем интеллектуальные способности его все усиливались в течение тысячелетий (270), хотя он и не имел собственной цивилизации. Но ему не свойствен идеализм и воля к жертвенности. Он руководится чистым эгоизмом. Поэтому иудейское государство не имеет природных границ, как не имеет и собственной цивилизации. Он усвоит чужие цивилизации, как копиист, их деформируя при этом при

¹ Mon combat, 304—305, Все цитаты по французскому изданию Mein Kampf.

содействии еврейской прессы. Весь прогресс человечества совершается не через него, но вопреки ему. Живя в чужих государствах, он составлял в них свое собственное, под маской «религиозного общества», как паразит других народов. Евреям свойственен их расовый, но отнюдь не религиозный характер, последний чужд им как лишенным идеализма (275). Эти черты иудейства Гитлер прослеживает и старается подтвердить на его истории (277—295), кончая большевистской тиранией. Все эти антисемитские соображения имеют целью отрицательно привести к созданию гранитной базы, к образованию «Германского государства немецкой нации» (296). Эти общие соображения практического политика получают у Розенберга более антирелигиозный и зловещий характер. Здесь антисемитизм доводится до конца, именно до полного отрицания Ветхого Завета и его религиозной ценности, к чему, в свою очередь, присоединяется и ряд экскурсов (по-своему даже убедительных) относительно морального вырождения, конечно, частичного, иудаизма в Талмуде. Центральным здесь является своеобразное истолкование самой «расы» избранного народа, а в связи с этим его судеб в истории. Розенберг применяет к еврейству выражение *Gegenrasse* (462), как противоположность германской расе. Этой паразитической переоценке творческой жизни соответствует, что паразит также имеет свой «миф», миф избранничества. Это звучит насмешкой, что Бог именно эту нацию избрал в качестве Своей любимой. Но так как образ Божий сотворен человеком, то становится понятным, что этот «Бог» среди всех других избрал именно этот народ (452). Для евреев даже благоприятно, что отсутствие у них изобразительных способностей воспрепятствовало им изобразить телесно этого «Бога» (462). «Еврейский паразитизм как сложная величина выводится здесь также из иудейского мифа об обещанном Богом Ягве праведном мировом господстве» (463 и так далее, и так далее). Здесь антисемитизм принимает уже характер религиозного кощунства против Ветхого Завета, а постольку и Нового.

II

УЧЕНИЕ О НАРОДНОСТИ И РАСИЗМ В СВЕТЕ СОФИОЛОГИИ

В современном расизме нация как некая душевно-мистическая реальность своим «мифом» определяет свой

тип — извне и изнутри — и она есть высшая единственная ценность и критерий истины и добра. Это учение утверждается в общем контексте натурализма, каковым, несомненно, является философия расизма. Последний с одинаковой энергией протестует против универсализма не только христианского, но и гуманистического как против индивидуализма: между отдельной личностью и человечеством как их совокупностью стоит *р а с а*, она есть реальность как определяющая душевно-телесная организация. В этом ее определении выключается начало духовности, для которой и вообще не находится места в расистской антропологии. Место духа здесь занимает *к р о в ь*, во всей многосмысленности понятия: «миф крови». Эта черта заставляет отнести расизм к типу языческого натурализма, предоставляющего действовать инстинктам, и его фоном является своеобразный демонизм, который питается чувством гордости, или «чести», и в свою очередь питает их. В этом смысле расизм есть психологизм как порождение исторических настроений в известной их фактической напряженности. Если еще недавно он питался чувством национального унижения после поражения, то теперь он, конечно, вдохновляется военными успехами, их упоением, однако не имея для себя иного, более глубокого содержания. Волна эта, сейчас поднявшаяся до небывалой высоты, способна и снова опуститься при других, изменившихся условиях и даже на это заранее обречена. Расизм есть пафос завоевания мира, философия насильничества и солдатчины. Это кощунственно пародируется иногда через применение символа Михаила Архангела¹ и увенчивается нехристианской свастикой. При этом вскрывается некое противоречие и непоследовательность, присущие расизму: хотя принципиально существование расы допускается не только в единственном, но и во множественном числе, однако фактически существует лишь одна раса, достойная

¹ «И четыре большие зверя вышли из моря, непохожие один на другого. Первый, как лев, но у него крылья орлиные... и стал на ноги, как человек, и сердце человеческое дано ему. И вот еще зверь второй, похожий на медведя... вот еще зверь, как барс». (Дан., VII, 4—6). «И вот зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный... и десять рогов были у него... и вот вышел между ними еще небольшой рог, и вот в этом роге были глаза, как человеческие, и уста, говорящие высокомерно». (7—9). Подробная же символика борющихся между собой зверей (овна и козла) применима к гл. VIII. Тому же посвящена XIII и отчасти XVII главы *Откровения Иоанна*.

бытия, именно германская. Душевно-телесный характер расы является не столько человеческим, сколько животно-биологическим, хотя и человекообразным. Определение расы в доктрине расизма поэтому удивительно соответствует тем образам, в которых сменяющиеся расы и царства изображаются в ветхозаветном апокалипсисе прор. Даниила и новозаветном св. Иоанна¹.

Субстратом расы как многоединства для расизма является к р о в ь. Основное учение именно Ветхого Завета о том, что в крови душа животных (почему и возбраняется ее вкушение), в известном смысле созвучно идее расизма. Раса мыслится не просто как коллектив, но как некая биологическая сущность, имманентная роду. «Человечество, вселенская церковь и отрешенное от святой крови, самогосподствующее я для нас более не суть собственно ценности, но порождение абстракций» (Роз. 22). «Новая, обильная взаимными связями, красочная картина истории земли и человечества ныне должна быть раскрыта, если только мы благоговейно признали, что взаимоотношение между кровью и окружающим миром, между кровью и кровью представляет для нас последнее доступное нам явление, за которым нам уже далее не дано искать и исследовать» (23). Если кровь есть в этом смысле абсолют как последняя основа расы, за которою уже нечего искать, то «душа означает расу, видимую изнутри, а раса внешнюю сторону души» (2). «Жизнь расы, народа не есть логически развивающаяся философия, и не развивающийся закономерно факт, но образование мистического синтеза» (117). «Каждая раса имеет свою душу, каждая душа свою расу, с ее собственной внутренней и внешней архитектоникой» (116). Этим определяется и национальная культура: «она есть сознательное выявление вегетативно-витального (начала) в расе». (140). Постольку и «самая сильная личность уже не ищет ныне личности, но типа... Изживание же типа есть рождение познания мифа всей нашей истории: рождение северной расы и внутреннее опознание ее высших ценностей как руководящей звезды всего нашего бытия» (531). Логика расизма постулирует расовый «плюрализм», но его биология и психология, вместе с практической поли-

¹ Для расизма как антисемитизма характерно, что Михаил Архангел, согласно кн. пророка Даниила, есть вождь и хранитель еврейского народа, из соперничества с которым духовно и рождается расизм. Он не останавливается перед таким мистическим плагиатом.

тикой, зовет и ведет его к гегемонии одной лишь, именно «северно-европейской», т. е. немецкой расы, пангерманизму, становящемуся поэтому уже мировой опасностью. Однако, мы рассматриваем здесь вопрос не в плоскости практической политики, но идеологии. В расизме как доктрине определенно нехристианской и даже антихристианской естественно отсутствует целый ряд черт и проблем, которые связаны именно с христианской религией, и, наоборот наличествуют черты, с нею несовместимые. Попробуем сначала выяснить христианское учение о нации и затем с ним сопоставить доктрину расизма. Знает ли христианство начало расы, нации или крови, и если да, то в каких пределах. Ветхий Завет считается с фактом существования наций как самоутверждающихся многоединств. В этом отношении он не отличается от общечеловеческого самосознания, даже и языческого: человечество дает место внутри себя разным и многим языкам, или нациям, таков непосредственный самоочевидный факт, который раскрывается в национальной жизни — в религии, поскольку народы имеют своих богов и свою веру, в культурном творчестве, в социальной и политической жизни. Подлинно существует некий мистический субстрат национального многоединства, не только как внешний факт наследственности, преемственности и связи, но и как внутренняя его первооснова и сила. Нации различаются количественно и качественно, по силе и своим судьбам. При этом они отнюдь не представляют собой замкнутого единства, напротив, между ними все время происходит эндосмос и экзосмос, смешение кровей и культур. Самосознание изначального единства человеческого рода, предшествующее, так сказать, «вавилонскому смешению языков», выражается скорее недостаточно, хотя и все время ищет себя. Но в самом язычестве и нет надлежащего духовного основания для идеи единого всечеловечества, поверх многонародности, в себя его включающего и обобщающего. Его постулат и искание появляется в более позднем самосознании язычества, в его философии, каковою в данном случае является стоицизм с его разновидностями в истории античного гуманизма.

Особое место занимает здесь ветхозаветное откровение, данное избранному народу Божию. Он был взят под особое промыслительное блюдо Божие, поскольку он являлся единственным носителем чистоты веры и откровений истины. К тому же он был призван и в жизни своей, чтобы в себе самом осуществить человеческий путь боговоплоще-

ния, генеалогию Христа, род Пресвятой Богородицы. Отсюда проистекает совершенно особый, исключительный «национализм» Израиля: он не есть один из многих народов, но единственный — народ Божий, народ Авраама, Исаака, Иакова, Давида, хотя, разумеется, для воинствующего антихристианского антисемитизма ныне ничего этого не существует. Однако, и другие народы отнюдь не являются оттого как бы несуществующими. Напротив, и они ждут их спасения, которое Бог «уготовал пред лицом всех народов», и своего времени для принятия «Света и откровения языков и славы людей Твоих Израиля». (Лк., XI, 31—32). Своим избранничеством народ Божий не исключается, но включается во все человечество как самая его сердцевина и средоточие. Однако, эта единственность Израиля среди всех народов¹ мимо идет вместе с исполнением этого призвания, с пришествием Мессии. Хотя особое избранничество Израиля² проявляется в самом Богоявлении, на протяжении всей евангельской истории, однако проповедь Евангелия, сначала направленная к овцам дома Израилева, постепенно обращается в сторону языков, хотя и через посредство апостолов и вообще избранных от Израиля служителей спасения. Христос Сам посылает апостолов: «шедше научите все языки, крестя их», и во Христе уже теряет значение различие «элина и иудея, варвара и скифа», все становится единым во Христе. Ветхозаветный религиозный национализм единственного избранничества истает в лучах солнца Христова: хотя и остается место для много- и разноплеменности, но вся она, по крайней мере потенциально, является равноценной перед лицом Христова вочеловечения. И во всяком случае, вопрос о народах и народности хотя не упраздняется, но получает новое значение и в него должно быть вложено совсем новое содержание. Как можно христиански принять и осмыслить нацию не только как факт, но и ценность? Допустим ли и в какой мере национализм в христианстве? Что есть народность?

По слову Lagarde'a, «нации суть мысли Божии». Это, конечно, самоочевидно, однако выражено слишком отвле-

¹ В ветхозаветном пророчестве мы встречаем следующее его выражение: «все народы ходят каждый во имя Бога своего, а мы будем ходить во Имя Господа, Бога нашего во веки веков». (Мих., IV, 5).

² «Ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего, и тебя избрал Господь, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле». (Второз., XIV, I).

ченно и интеллектуалистично: мысли Божии суть и дела Божии; предвечным идеям, раскрывающимся в истории, присуще и бытие, и притом каждый особый образ этого бытия во всей его конкретности, в различении не только его что, но и как. Этому многообразию человечества отведено много внимания в Библии и в истории ветхозаветной. Эта множественность есть не только количественная, но и органическая, она включает в себя полноту, универсальную вселенскость, которая выражена в библейском новозаветном понятии «все народы», причем это относится как к исходному началу христианской истории: «шедше научите все народы, крестя их» (Мф. XXVIII, 19), ср: (Мр. XIII, 10; Лк. XXIV, 47), так и к ее концу: на судилище Христове предстанут «все народы» (Мф. XXV, 32), а также и к их историческим путям в прошедших родах: «попустил всем народам ходить своими путями». (Д. Ап. XIV, 16). Всем им возвещена тайна «по повелению вечного Бога... для покорения их вере». (Рим. XIV, 25). И «все народы придут и поклонятся перед Тобою, ибо открылись суды Твои». (Откр. XV, 4). Библейской антропологии, как ветхо- так и новозаветной неустранимо свойственна эта идея многообразия человечества, не только как факт, но и как принцип. Не скудость, но богатство, не схематическое однообразие, но многокрасочность свойственны всему творению Божию, также и человечеству. Однако, это не только не представляет противоположности единству человеческого рода, но его раскрытие и подтверждение: не множественность кровей и их «мифа», как это следует, согласно доктрине расизма, раздробляющей человечество на многие части и тем упраздняющей самую его идею, но именно обратное: единство человеческого рода как единство человеческой крови. Это прямо выражено в одном из самых торжественных апостольских свидетельств, — в речи ап. Павла в афинском Ареопаге, этом духовном центре язычества: «от одной крови Бог произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию» (Д. Ап. XVII, 26), и в этом смысле особо еще подтверждается: «мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из стихотворцев ваших говорили: «мы Его род». Итак, мы, будучи родом Божиим, не должны думать...» и так далее (28). И это многоединство человечества косвенно и отрицательно подтверждается как, с одной стороны, смешением языков при вавилонском столпотворении (Быт. XI), так и обратным его преодолением в

Пятидесятнице, (Д. Ап. II, 7—9). Этому единству всечеловеческой крови первого Адама соответствует и единство искупительной крови, изливаемой Адамом Новым, Господом Иисусом Христом. Итак, душа в человеке, седалище которой в крови, согласно общему принципу библейской биологии: «в крови душа животных» — едина для всего человеческого рода, но многообразно окачествована в человеческих племенах или народностях, причем, конечно, в единственности и некоторой биологической абсолютности существует в народе избранном, предках Спасителя и сродниках Его по крови, в роде Богоматери. Это есть кровь и душа всего целокупного человечества в его многоединстве.

Началу крови (а, следовательно, и «мифу» ее) должно быть отведено соответственное место в учении о человеке и, прежде всего, должна быть отмечена ложная и еретическая идея о том, что кровь есть единственное и всеопределяющее начало в человечестве, которое, тем самым, в свете такого понимания именно и есть кровь, точнее, некий ассортимент разных кровей, между собой различающихся, но не отождествляющихся (невзирая на различие смешанных кровей и рас). Можно ли удовлетвориться такою антропологией, которая является биологией ветхозаветной («в крови душа животных») с проистекающей отсюда всей аксиомой расизма. Конечно, нет, ибо она одинаково не соответствует ни библейской антропологии, ни софиологии. Расизм с одинаковым негодованием отмечает как идею духовного персонализма, с признанием самобытного духовного центра в каждом человеке («дыхание жизни», вдунутое в лицо человека, созданного из праха земного, самим Богом: Быт., II, 7), так и единого универсального всечеловечества. В том и другом им усматривается иудаизм, в борьбе и противлении которому и состоит духовное существо расизма. Последовательный в защите своего этнографического «плюрализма», расизм должен прийти вообще к отрицанию единого человечества, или же фактически видеть лишь в одной из национальностей, именно в «северном германстве», исчерпывающее его выражение. В богословии вообще борются между собою два антропологических воззрения: дихотомическое, признающее в составе человека лишь два начала, душу и тело, и трихотомическое, считающее три начала: дух, душу и тело. Расизм же представляет собой еще третью разновидность: в антропологии он знает лишь единое человеческое начало крови как душевно-животное, «das Vegetativvitale einer Rasse»

(140), чем, по его мнению, преодолевается в пользу динамики «статика» иудаизма. Но, конечно, христианскому учению соответствует лишь признание самостоятельного духовного начала, которое живет и действует в человеческом теле, одушевляемом душой. Начало крови имеет связующее, посредствующее значение среды, в которой раскрывается воплощенный человеческий дух. Этот же антропологический принцип приложим и к христологии, где дух человеческий замещается ипостасью Сына, которая, вместе с божеским естеством, ипостазирует и человеческое, состоящее из тела и разумной души в их соединении. Крови, собственно, и соответствует это соединение души и тела как таковое. Расизм своим животновитальным началом крови упраздняет духовность человека, его превращая в особый вид животного мира во славу «плюрализма».

Однако, наряду с отрицанием этого грубого посягательства на то, что составляет подлинно человеческое в человеке, то есть на его дух, надо установить и положительное значение расы как факта и ценности. Этим вопрос переносится в область софиологии. В чем состоит и как устанавливается единство человеческого рода? Есть ли оно лишь биологическое, кровное, телесное, и в таком случае неизбежно разлагающееся на множественность рас? Или же оно есть духовное, подлинный моноплюрализм, духовное единство перво-Адама? Очевидно, последнее. Однако, как же совместить это единство с множественностью ипостасных человеческих центров. Очевидно, оно может быть понято лишь в свете многоединства в Новом Адаме, во Христе. Христос есть абсолютная ипостась, как «един сын Св. Троицы», однако эта ипостась существует как таковая лишь во Св. Троице, в Божественном триединстве, неслиянно, непоглощаемо, но и нераздельно. Этот образ Божий, отблеск триединства, получает и тварный Адам, множественное человеческое я — мы, в котором каждая личная ипостась светит и гаснет в онтологическом многоединстве любви. Все человеческие личности сосуществуют в ипостаси Адама, Ветхого и Нового, как многоединство. Однако, это не есть только переливы света многоединого я в его я и н о с т и, но и личная окачественность каждого отдельного я, его как с особой его окраской или голосом, ему свойственным. Все они соединяются и совмещаются в первоначальном Адаме как отце и источнике человеческого рода и в Новом Адаме, во Христе, как «совершенном чело-

веке» в его полноте. Этим утверждается множественно-личный характер человека, всякая человеческая личность есть нерушимая точка и центр человечности. Не раса, не нация, вообще не какой-либо биологический коллектив есть первореальность или слагаемое в человечестве, но именно личность. Эта истина, ненавистная расизму¹, утверждается как в Ветхом, так и в Новом Завете как первооснова человеческого бытия. Человечество состоит не из рас, но из личностей, которые коренятся как индивиды в единой вселичности, в «Новом Адаме», во Христе. Если универсальное человечество может почитаться не только множеством, но и многоединством, вселичностью, то лишь во Христе: как Богочеловек Он соединяет в Себе не только полноту человеческого естества, но и его вселичную окачествованность. В «совершенном» человечестве Христовом каждая человеческая личность находит саму себя. Однако, она обретает себя в Адаме лишь индивидуально, то есть ограничено и ущербленно (*omnis definitio est negatio*). Эта ограниченность, а позднее и ущербленность, проистекает не только из неполноты самоопределения человеческой личности, но и более всего от силы первородного греха, ослабляющего, ограничивающего и искажающего личность. Однако, это личное начало в человеке восстанавливается в полноте в человечестве Богочеловека. В Нем себя обретут и проявятся при воскресении во плоти все человеческие личности как лично окачествованные центры вселенской любви. И в этой вселичной универсальности растворяются все промежуточные определения, национальные или иные. Личность сверхнациональна, она есть начало вселенское, как подлежащее для всех сказуемых, каковыми являются дальнейшие ее окачествования. Личность духовна, она исходит от Бога, Который есть дух, и она Его имеет образ.

Поскольку личности присуща сказуемость, она есть субъект жизни в ее проявлениях. Она живет, — не только в себе духовно и в Боге боговдохновенно, но также и душевно и телесно, потому что в этом соединении духовности и душевно-телесности, в воплощенности духа, и состоит человечность. Но эта-то воплощенность духа, усвоив определенное личное качество, дает жизни характер многообра-

¹ «Blutmä ig gesunde Völker den Individualismus als Ma stab nicht kennen, ebensowenig wie den Universalismus.» (539). Ср. 127 сл. против «статического монизма». Ср. 391 сл.

зия. В нем находят для себя место и семья, и род, и нация, каждое по-своему и в своем особом качестве.

Душа и тело, душевно-телесность, в которой расизм только и видит последнюю субстанцию человечности, есть то тварное начало в человеке, в котором раскрывается сила образа Божия и осуществляется его подобие. Тварности свойственна относительность с возникновением из ничего творческим актом Божиим. Но это происхождение из ничего или в ничто не означает ничтожества того, что происходит. Наоборот, творениею как образу Божию принадлежит божественная нерушимость бытия, ибо оно божественно в своем первоисточнике. Оно есть образ Первообраза, который в Боге Самом есть София Божественная, в творении же София тварная. Первая в Боге предвечна, вторая же возникает в творении и становится собой, осуществляя свободным самотворчеством твари свой собственный образ как тему своего бытия. Этой теме в человечестве присущи полнота и многообразие: вселенскость, или всеединство, всекачественность, «кафоличность». Как единство всяческого бытия, она есть душа мира, единящая жизнь в ее потоке. Душа мира не есть духовное начало, хотя и открыта духу для единения с ним в послушности ему и проницаемости его самооткровениям. Она не есть только телесность, поскольку последняя неразрывно соединена с душой как началом, открытым и для духа. Душа мира не есть личность, а только живое бытие, которое способно принадлежать личности, ею изживаться. Не отличаясь от личного начала, она находится с ним в неразрывном соединении. Она, принимая определенное от личного духа, сама дает ему окачественную конкретность, присущую становлению, самооткровению жизни. Здесь находит место вся многоступенность и многообразие бытия сверху донизу. На этой лестнице бытия получает силу и всяческий национализм. Таковой находит для себя и софийное основание, поскольку софийна душа мира. В тварной Софии поэтому обретает себя и основа национальности. Нация имеет пребывающее начало свое, небесное жилище, если не прямо как данность, то по крайней мере, в задании, которое есть небесный замысел о человеке. Абстрактный гуманизм, не имеющий ее реальности, противится божественному *да будет*. Начало народности имеет не только право на существование, но и долг самосохранения, которое и осуществляется в истории, конечно, со всеми отклонениями, преувеличениями и ошибками, свойственными всему чело-

вечеству. В связи с этим, однако, возникает ряд опасных уклонов, которые представляют собой духовный бич человечества. И, прежде всего, таковым может оказаться неверная аксиология, ведущая к национальному идолопоклонству, или язычеству. Отсутствие здоровой антропологии и софиологии имеет последствием неразличение, а то и прямое смешение духа и душевно-телесной жизни, — в расизме откровенно и последовательно, в национализме же разных видов менее решительно; народность (со всей неизбежной неточностью в ее определении) объявляется вообще высшим, если не прямо единственным, началом человечности. Вследствие такого потопления начал духовных в душевно-телесности получается натурализм и фактическое безбожие, которое столь явно просвечивает в расистской идеологии, представляющей собой рецидив язычества. Духу здесь не находится места, где приютиться в стихии душевно-телесности, да она в нем и не нуждается, даже более того, его отрицается, за ненужностью. Вообще, высшей и, пожалуй, единственной здесь ценностью объявляется национальное бытие с его самораскрытием и самоутверждением — в войне и культуре. Такова же и проистекающая отсюда философия истории.

Но нации даже и для расизма — по крайней мере, теоретически — существуют не только в единственности, но и в многообразии. Поэтому неизбежно возникает вопрос об их сравнительной относительной ценности. Каждая нация сознает себя и говорит о себе от первого лица и притом в собственном, единственном числе. Если бы эта единственность соответствовала действительности, не было бы места и особому национальному самосознанию, воинствующему и самоутверждающемуся. Народность в этом единственном ее виде была бы этим образом национальной самоочевидности. Но раз это не так, неизбежно возникает вопрос не только о национальной борьбе и соперничестве, чему свидетелями мы в настоящее время и являемся, но и о сравнительной национальной самооценке и самоутверждении. Раз существует данная нация, для живого ее члена она есть и национальное я, и соответствующая ему высшая и во всяком случае высокая ценность. В этом проявляется некая необратимость личного местоимения первого лица: о себе самом — и только себе одном — я могу думать так, как об единственном или, во всяком случае, первенствующем личном центре мировой истории. Постольку национальное сознание есть самоутверждение, которое откровенно или

прикровенно и заявляет о себе, отрицательно — презрением или антипатией к другим нациям, положительно — исканием своего «мифа» и «типа», в которых сначала не приметно, а затем и явно выражается национальная *mania grandiosa*. Все это в наши дни, может быть, с небывалой резкостью проявляется в расизме, как в его положительных, так и отрицательных самоопределениях. На этом пути возможны разные искушения: прежде всего в сторону расширения всемирно-исторических перспектив, свойственных данной нации (пример чему смотри в историософии Розенберга, для которого всемирная история, по крайней мере «арийства», есть история «северного» германства).

Особенностью расизма является его воинственно-оборонительно-завоевательный характер, соединяемый с односторонним утверждением мужского начала. Последнее религиозно утверждается Зауером (Hermann Sauer. *Abendländische Entscheidung. Arischer Mythos und christliche Wirklichkeit*. 1939. 3-te Aufl.), который не устает повторять характеристику национального самосознания как *männliches Grenzgefühl*, осуществляющего себя в воинствовании. Символически это утверждается или в произвольном и потому кощунственном присвоении германству первоверховного архангела, ангела-хранителя еврейского народа (Дан., X, 13, 21; XII, 1) Михаила, который, очевидно, мыслится как вождь гитлеровских полчищ. Розенберг, по крайней мере, умеет обойтись без этой кощунственной декорации, которую, напротив, Зауер превратил в национальную виньетку, вроде свастики. Эта декорация не заслуживает даже обсуждения, она свидетельствует лишь о затемнении религиозного сознания у этого христиански-расистского (по-своему выдающегося) писателя. Однако, в идеологии этого христианского расизма, носящего притом резко выраженный протестантский характер, следует отметить своеобразное преломление и проявление основной черты, свойственной протестантизму, это именно его нечувствие Богоматеринства как Вечной Женственности и основания церкви. Стихия мужского начала и мужественности, так подчеркнутая Зауером в пруссачестве и вообще германстве, имеет параллель в общем отсутствии Богоматернего начала в протестантском мировоззрении. Вследствие этого получается лютерански-прусское искажение всего христианства. Последнее принимает насильнические черты под личиной «пограничного воинствования и мужественности». Архангел Михаил и «ангелы его» как вождь воинства

небесного в борьбе с драконом имеет, очевидно, рядом с собой и архангела Гавриила, вестника Благовещения и в этом качестве ангела Богоматери, но он забывается в этом мужском начале. Мирочувствие, имеющее воински-мужское начало в качестве основания, является асофийным и становится антисофийным. Стихия творчества, в которой осуществляет себя женственное, рождающее, не насильническое, но органическое начало жизни, здесь упраздняется в пользу мужского насилия, которое в силу того же является не отцовским или сыновним, вообще не органическим, но воинственно-насилующим. То начало психеи, которое составляло душу романтизма и под знаком «das ewig Weibliche» ведомо было также и Гете, упраздняется, раздавленное каблуком немецкого сапога. В этом состоит основное извращение национальной души германства в расизме, как и его творческая пустота и духовное бессилие, прикрываемое воинствующим воодушевлением и... дисциплиной. Но насильничество может внушать только страх, а не любовь, и в таком отношении — как это ни покажется неожиданным — расизм имеет большую аналогию с большевизмом. Оба они способны до времени увлекать и опьянять внешними успехами и государственными достижениями, но это здание, как построенное на песке, может рушиться от внешнего толчка, как не имеющее в себе внутренней связности. У самих пророков расизма прорывается против их воли это самосознание. Горделивые заявления, что история человечества в нынешнюю войну определяется на 1000 лет вперед, чередуются с допущением возможности, что в случае военной неудачи вся эта храмина рассыплется. Теперешний германизм в своем милитаризме имеет внешние черты сходства с Римом, однако с той основной разницей, что Рим, невзирая на преобладание мужественности и слабо выраженную женственность, имел в себе все-таки органическое начало в своем происхождении из доброго, наивного, дохристианского язычества, и это до известной степени его охраняло, — по крайней мере, до времени — от окончательного идолопоклонства государству и того человекобожия, которое проявилось лишь в императорский период в культе цезарей. Расизм же с этого начинается (или уже кончается). Расизм есть последохристианское и постольку и антихристианское язычество, в котором Христос заменяется нео-Вотаном, а почитание Богоматери — человекобожеским культом крови. Немецкая кровь есть бог расизма, этого нового язычества, а этот

культ трудно соединим с почитанием арх. Михаила, хотя бы даже извращенным¹. Расизм есть воинствующее безбожие, ставящее на место божества нацию и призывающее приносить жертвы этому идолу. Этот духовный идол овеществляется в крови как реальном субстрате национальности. Идея крови и ее почитание содержит в себе дву- или даже многосмысленность, которая и должна быть вскрыта.

Прежде всего, согласно определенному учению Ветхого Завета, которому в данном случае соответствует и Новый Завет, «душа тела в крови» (Лев., XVII, 11), и «кровь есть душа» (Втор., XII, 23). И таков же инстинкт и всего человечества, даже и в язычестве, на чем и основано принесение кровавых жертв. Кровь есть начало душевно-животной жизни, которое как таковое для животных останется и исчерпывающим. Однако, в человеке оно является только посредствующим между телом и духом, в известном смысле вместилищем последнего, началом не только душевно-животным, но и духовно-душевым. В таком качестве уразумевается и кровь Христова, как в евангельском откровении, так и в св. причащении. И эта связь души с духом в крови есть вообще для человека самое важное начало его жизни, которое в этом своеобразии и сложности отсутствует как у бестелесных (а потому и бескровных) ангелов, так и у бездушных животных. Для человека существенным является это одуховление крови, но именно в этой области и оказываются возможны лжеучения и жизненные уклонения в сторону животности человека, причем кровь рассматривается лишь как начало душевно-животное, собою исчерпывающее, определяющее человека. Так именно понимается кровь и в расизме, по крайней мере, в руководящем сочинении Розенберга. Это есть ересь антропологическая, которая содержит и безбожие, и материализм, точнее, их подразумевает, хотя это и затушевывается фразеологией. Кровь национальностей имеет определенное качество, и конечно, неравную ценность, «Blut ist ganz besonderer Saft» (говорит Гете, правда, устами Мефистофе-

¹ Разумеется, нельзя ставить вполне знак равенства между германством и расизмом: первое обширнее и, конечно, глубже второго, последнее же есть скорее болезнь — и, будем надеяться, преходящая, — души германства. Оно сохраняет в себе силу церковного християнства в католичестве, даже обедненном до современного протестантизма, и, хотя и подчиняется расистскому засилию, но с ним духовно не отождествляется и тем оставляет надежду на грядущий христианский ренессанс и внутреннюю победу над расизмом.

ля), причем высшая, в своем роде единственная, ценность приписывается, конечно, крови германской.

Здесь, конечно, остается неустранимой основная трудность всего этого учения о примате германской крови, связанного с признанием ее, так сказать, многообразия. Действительно, было бы гораздо проще, а может быть и последовательнее, просто отвергнуть и различие, и многообразие кровей, признав, по ап. Павлу, что Бог «от одной крови произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитания» (Деян., XVII, 26), или же признав, что вообще существует лишь один вид человеческой крови, именно германская. Однако, так далеко не идут и расисты, принужденные все-таки признать факт многообразия человеческого рода, а следовательно, и его кровей. Но это признание сталкивается как с прямым утверждением Библии, обратного содержания, как мы это только что видели у ап. Павла, так и с особой трудностью соединить признание единства крови человеческой с неравноценностью разных ее видов, утверждаемой расизмом. Из этой трудности остается, может быть, один только выход, именно отказаться от идеи примата крови в человеке, признав ее субстратом человечности, но не ее субстанцией, то есть отведя ей все-таки производное, а не первенствующее место. Нации, действительно, различаются, но прежде всего не кровно, а духовно, постольку же и душевно. Как существует единая душа мира, связующая собой все мироздание в его многообразии и полноте, так существует многообразие душ разных народностей, наряду с индивидуальными душами. Последние, рождаясь от родителей, тем самым им уподобляются, но и разнятся от них, как духовно-душевно, так и кровно... Различие это не упраздняется от единства крови отцов и детей, которое далее распространяется и обобщается для всего единокровного человеческого рода, но оно не устраняет и возможности различных, как индивидуальных, так и национальных духовных качеств, отлагающих свою печать и в крови. Таким образом, многообразие крови может соединяться с ее единством, имея для себя источником духовные, а не душевно-телесные качества. Этим, впрочем, отнюдь не отрицается и не умаляется сила крови как биологического начала в жизни человека. Кровь есть все-таки общий субстрат всей человеческой жизни, хотя и не первенствующий и не единственный ее определитель.

Если считать кровь материальным субстратом душевности, биологическим ее вместилищем, то, на основании откровения, следует признать и соответствие, существующее для нее, в мире духовном, ангельском. Откровение свидетельствует, что существуют ангелы-хранители, присущие каждой человеческой личности, как и целым народностям, — смотри особенно в книге пр. Даниила «князь царства Персидского» (X, 13), «князь Греции» (20). Первое же место занимает здесь «Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа своего». (XII, 1; X, 13; Откр. XII, 7). Это служение князя ангелов соответствует призыванию избранного народа в своей единственности. Но является поразительным знамением наших дней, что это служение архангела самочинно приписывается теперь другому народу, который, конечно, не может соперничать с избранным народом, этой осью мировой истории, от начала ее и до конца. Такая претензия есть притязание исторических выскочек, которых не существовало в историческом вчера, то есть во всей древней истории, и которые могут прекратиться в историческом завтра. Этим обличается и вся пустота этой притязательности, вместе с ее безмерностью.

Свидетельства библейской ангелологии подтверждают мысль, что, как отдельные личности, так и нации или вообще коллективы имеют для себя не только душевно-телесное основание в крови, но и духовное в ангельском мире, в его соответствии миру человеческому. Иными словами, человеку свойственны не только душа с телом, но и дух, причем душа является началом, посредствующим между духом и плотью. Однако, самобытность духовного начала с его индивидуальным характером молчаливо отвергается в расизме в пользу всеопределяющего начала крови. Здесь перевешивает в нем биологизм, причем волевое начало как самоопределяющееся и самоутверждающееся объявляется единственным. Отсюда проистекает и неорганический, асофийный или даже антисофийный характер расизма, для которого не существует самооткровения Вечной Женственности¹, души мира, его «музы» вдохновляющей. Отсюда естественным историческим лозунгом становится всяческое насилие и засилие германства:

¹ Как мы уже знаем, в расизме только мужчина творит бытие через *Ideenbildung und Werke*, женщина же есть „ewige Behüterin des Unbewu ten (р. 510), на долю которого остается, как священнейшая задача, сохранение чистоты расы (там же).

военно-политическое, культурно-хозяйственное, вообще воинствующий германизм, как «*Tyrenbilder*», или ассимилирующий то, что поддается и способно к ассимиляции, если порабошающей «*Untermenschen*», или истребляющий их с лица земли, или же, по крайней мере, провозглашающий такое истребление в качестве единственного последовательного исхода истории (конечно, в применении к еврейству). Взаимный национальный симбиоз, дающий жить себе и другим, здесь или фактически просто исключается, или допускается лишь при условии такой гегемонии, которая не оставляет места для самоопределения. Впрочем, вопрос национального бытия других народностей, как неочередной, или, по крайней мере, не первоочередной, оставляется в туманной неопределенности для будущего (сравните: Розенберг, кн. III, гл. VI—VIII). Речь идет — пока — о судьбах Европы и в ней гегемонии.

Высшим критерием ценностей, отменяющим, конечно, христианские, здесь является идея национальной чести и проистекающая отсюда мания национального величия, как и вообще всяческой гордости воинствующего человекобожия¹.

Личное самосознание включено здесь в национальное², подлинное же христианство, исправленное в сторону освобождения от проповеди любви, обращено также в религию гордости³.

Национальное я, в котором соединяются и тонут все я индивидуальные, в отношении к другим нациям есть, конечно, с е р х-я, оно существует только в единственном числе. Идея национальной чести, принятая в качестве высшего критерия, есть, конечно, национальный эгоизм, возведенный в верховный принцип бытия, «типобразующий», превращающий человеческое общение в военную казарму, а тип ее — в единообразие. В основе этой зоологической идеологии, таким образом, полагается не принцип, но факт, именно единство крови, *Blutmythus*, нация. Однако, такое самоопределение вообще мыслимо только в

¹ Der Gott, den wir verehren, wäre nicht, wenn unsere Seele und unser Blut nicht wären. Deshalb ist Sache unserer Religion, Rechtes und Staates alles, was die Ehre und Freiheit dieser Seele und dieses Blutes schützt, stärkt, läutert, durchsetzt (701).

² Die Sehnsucht nach Persönlichkeit und Typus ist im tiefsten innern dasselbe (529). В пределах этих только и возможна „echte organische Freiheit“ (ibid).

³ «Nicht der Gekreuzigter ist heute das bildende Ideal» (605).

единственном числе, то есть как беспредельный национальный эгоизм или эгоцентризм, раз в основу суждения о ценности и праве полагается лишь сила факта. От откровенного идеологического признания этого национального эгоцентризма расизм уклоняется недоговариванием до конца. Единственно же последовательный вывод отсюда есть всемирное господство «северной расы», всемирная ее империя. Это есть скорее бредовая идея, нежели политическая программа, которая подсказывалась бы политическим разумом, а не национальной страстью. Конечно, в последовательном своем осуществлении она ведет к неминуемой катастрофе, может быть, даже скорее и неожиданнее, нежели оно сейчас (21 сентября 1941 года) кажется. Однако, на путях этого национального максимализма возникают проблемы, с трудом поддающиеся разрешению даже для здравого национального чувства. Где и как можно провести эту границу между национальным самоопределением и национальным эгоизмом и хищничеством. И этот вопрос становится все труднее и ответственнее, когда он становится религиозно, в свете христианского самосознания.

Расизм, в известном смысле, смотрится в большевизм, хотя последний и чужд идеологии национальности (кроме как по соображениям политического оппортунизма, как теперь, и, конечно, лицемерия). Большевизм интернационален, и потому ему чуждо как христианское, так и национальное самоопределение. Но он не знает для себя границ в завоевательной своей экспансивности, и этим он сближается с расизмом. Не нужно преувеличивать значение их видимого соперничества и кажущейся противоположности. В этом говорит скорее соперничество, нежели несходство, тем более, что и то, и другое одинаково является чуждо христианским критериям и проповедует культ силы и завоевания. Расизм есть мировоззрение нехристианское и антихристианское. Оно отрицает спасительную силу души, признавая лишь голос крови, хотя ее сила и раскрывается в творческой культуре. Он есть также мировоззрение волевое, воинствующее. Человек в нем превращается в творимого волею гомункула. Расизм есть мировая Panzerdivision, танковый отряд, предназначенный для покорения мира. И в этом также получается сближение с большевизмом, который хочет быть подобным же отрядом, только иного назначения, и лишь в силу этого с германством соперничает. Большевизм как мировоззрение и мирочувствие есть подобная ему а- или антисофийная идея механизации ми-

ра, овладения человечеством через его стальную деспотическую организацию. Здесь одинаково нет ни духовного, ни органического начала, остается лишь жестокая; неумолимая, прозаическая воля, для которой всяческая механизация является наиболее соответствующим образом устройства жизни. Но так как ничто живое не может быть механизировано до конца, то и в расизме остается в качестве животворящего начала голос крови, национальный фанатизм в степени маниакальной агрессивности, национальный империализм. Однако, подобный же имеется и в фанатизме советском, который жаждет все человечество обратить в колхозное послушное стадо и не останавливается ни перед чем на путях своего агрессивного империализма. Оба — и расизм, и большевизм — с одинаковым безбожием хотят обратить человечество в колхозных гомункулов и различаются, помимо исторического своего возраста да унаследованной от предков мировой культурности, лишь флагом, но не методикой жизни. Поэтому мировое соперничество и военное столкновение расизма с большевизмом заложено в их природе, с аналогичной агрессивностью. Если в отношении к другим нациям оно сопровождается хищничеством, наступательным или оборонительным, то в столкновении между расизмом и большевизмом, помимо того, проявляется их собственная природа и внутреннее сродство. Здесь приложимо евангельское слово: «Если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его» (Мф. XII, 26; Мр. III, 24—26; Лк. 11, 18). И не будет ли порождением этого еще небывалого в истории столкновения неожиданная и недоступная предвидению историческая катастрофа, с преодолением и самого гомункулизма. Обе силы стремятся к покорению мира, хотя и с неизбежным соблюдением времен и сроков, исторических к тому возможностей. Некоторое предварительное между ними даже соглашение в начале теперешней войны, столь многих удивившее, объяснялось лишь необходимостью соблюдения его с обеих сторон, но оно должно было, конечно, разрешиться решительным столкновением на жизнь или на смерть, что мы теперь и наблюдаем. Происходит борьба не только двух сил, но и двух мировоззрений, которые, объединяясь в существе, однако, имеют различный исторический коэффициент. Оба они представляют собой разновидности одного и того же апокалиптического «зверя», имеющие сродные «зверства» вместе с одинаковым устремлением к взаимоуничтожению. Впрочем,

наряду с главными этими зверями к ним присоединяются еще и мелкие и второстепенные звереныши. Еще так недавно перед войной хор их припевал: «кто подобен зверю сему», воздавая ему почести и признание, теперь они объявляют свое присоединение к «крестовому» походу, как именуется с кощунственным лицемерием этот политический и исторический маскарад. Однако, это есть лишь защитная окраска, приспособление к тем, кому принадлежит здесь руководящая роль. Сам расизм в этом лицемерии уже не нуждается, хотя и тоже его в известных случаях применяет, по мере нужд. Впрочем, ни одно историческое явление в своей сложности не выступает в истории в чистом виде, свободное от известного исторического грима, который имеется и в данном случае.

РАСИЗМ И ЕВРЕЙСТВО

Однако, самоопределение расизма как антибольшевизма еще не является для него исчерпывающим, его, так сказать, онтологией. Скорее, оно является для него некоей случайностью, которой могло бы и не быть. Вернее, в этой случайности не случайно проявляется неслучайная историческая сила, с которой лицом к лицу и столкнулся расизм. Эта сила есть «международное» еврейство, отношение к которому явилось мистическим и историческим оселком для расизма. Можно сказать наперед, что сам расизм, в качестве самосознающего себя «северного германства», есть не что иное, как воинствующий антисемитизм, всех возможных оттенков, от мистического до погромного. Душа расизма, по крайней мере, в ее отрицательном, полемическом самоопределении, есть плохо скрытая, отчасти же бессознательная зависть и ненависть к еврейству и соперничество с ним, отсюда проистекающее. И это-то соперничество есть в нем самое значительное и характерное, в этом смысле можно даже сказать, самое онтологичное и интересное.

Начинается этот антисемитизм в области эмпирической как бытовое отталкивание и расовый инстинкт, который дает зрячесть относительно разных черт в духе и положении еврейства и определяет к ним соответственное отношение. В книге Гитлера *Mein Kampf* мы уже находим многие страницы с выражением такового обывательского антисемитизма, который питается еще чувством национальной ранености после первой мировой войны. Само по себе

такое чувство не является какой-либо новостью и для Германии, как об этом достаточно убедительно свидетельствует подбор соответствующих цитат из произведений германских (и, конечно, не одних лишь германских) корифеев — в частности, не одного только мрачного франкфуртского отшельника, философа Шопенгауэра, но и многих других, от которых этого можно было бы и не ожидать. Теперь и они охотно выставляются проповедниками антисемитизма и расизма. Изменение в атмосфере, свойственное нашему времени, выражается в том, что если прежде люди стеснялись в открытом выражении подобных чувств, то теперь они потеряли всякую застенчивость в травле еврейства выставками, плакатами, печатным словом, доходя до полного отсутствия стыда. То, что казалось естественным для некультурного варварства, теперь сделалось свойством стран высшей европейской культуры — подобного явления никогда не видел еще мир. Этот бытовой антисемитизм питается в настоящее время не только темными инстинктами крови, что было и всегда, на протяжении всех времен в судьбах еврейства, но и широчайшей, хотя, конечно, и в высшей степени тенденциозной, осведомленностью о судьбах и делах еврейства в жизни международной, в том своеобразном соединении международного, точнее, даже всенародного его распространения вместе с никогда не утрачиваемой национальной связью. Еврейство есть подлинная «ось» всемирной истории в том смысле, что оно в ней присутствует с самого ее начала до конца. Это есть единственный народ, удерживающий свое место в пестрой смене разных народов, в их исторической очереди. При этом его сила не ослабевает ни количественно, ни качественно. Таков основной факт в жизни «избранного народа», это предсказано и в пророческих книгах как свидетельство на то воли Божией. И это физическое сохранение и распространение Израиля сопровождается внедрением его в жизнь всех наций в разных сторонах его жизни — политической, экономической, культурной. Розенберг определяет это свойство как *Gegenrasse*. Этим он хочет выразить мысль, что еврейство остается всегда национально, в смысле своего проникновения в толщу жизни других народов, ее нервы и мозг, оставаясь при этом самим собой, как международно-сверхнародно-национальное единое в своей неразложимости. Это не устраняется даже смешением крови через смешанные браки, которое создает лишь для этого влияния новые возможности, более интим-

ные. Современное знание располагает для определения такого влияния несравненно большими и точнейшими средствами, нежели в предшествовавшие времена. Оно способно раскрывать этот «противорасово-расовый» характер еврейства если не исчерпывающе, то, во всяком случае, несравненно полнее и очевиднее, чем предшествующие эпохи. Все области хозяйственной, политической и культурной жизни открыты этому влиянию и ему подвержены: биржа, рынок, пресса, театр, наука, парламент, даже правительства. Все это факты слишком общеизвестные, чтобы можно было пытаться в какой-либо мере ослабить или отвергнуть их. К этому присоединяется еще сила международной концентрации еврейского влияния как национально-анонимной «противорасы», которое осуществляется в соответствующих организациях: сюда относится масонство, социал-демократия, большевизм как система правительственного террора и деспотизма. Конечно, никто не сможет утверждать, что все это подлинно суть еврейские организации, поскольку они действительно вмещают в себя различные национальные элементы. Однако, никто не может отрицать здесь активности еврейства в его особой, органической сплоченности, которая не свойственна в такой мере никакому другому народу. В отношении к масонству это проявляется, может быть, слабее, чем к социал-демократии, которую считают, хотя также преувеличенно, организацией, вдохновляемой еврейством, на том, все-таки недостаточном, основании, что К. Маркс и многие другие социал-демократические писатели были евреи. (Достаточно вообще помнить, что в среде социалистов христианские влияния и вообще были всегда относительно слабее даже и среди «арийских» элементов). Что касается большевизма, то историческая правда требует все-таки признать здесь роковой характер рокового влияния еврейства в верхушке коммунистической клики, невзирая даже на то, что огромное большинство русского государства принадлежит к разным народностям, и прежде всего русской. Может быть, менее всего количественная пропорция еврейской национальности наблюдается в Германской империи теперь, когда началось то гонение на нее, которое ныне достигло предельной исключительности. К этому надо присоединить и то еще, что в настоящее время антисемитское влияние завоевателей распространяется во многих странах (и прежде всего во Франции), так что можно спрашивать себя: если этому влиянию не будет положено какой-либо внеш-

ней препоны, то где на земном шаре вообще останется место для существования еврейского народа? Во всяком случае, приходится констатировать следующее: то, что у других народов, может быть, является порождением растерянности, слабости, морального упадка, духовного разложения, то в расистской Германии в настоящее время является выражением национального самоутверждения, внутренним самоопределением. В силу этого и должно сказать, что расизм есть антисемитизм, по крайней мере, в нравственном смысле является ему тождественным. Расизму свойственно вообще надмение и презрение по отношению ко всем нациям негерманским. Однако, именно антисемитский пафос есть тайна расизма, которая, может быть, вполне даже и не доходит до его сознания, но инстинктивно остается определяющей. Конечно, не нужно закрывать глаза, что существует и среди других народов европейских известный инстинктивный антисемитизм, отталкивание от еврейства, духовное, эстетическое всяческое, за редкими лишь исключениями. Сознательные и ответственные за свои чувства личности стремятся к преодолению этого инстинкта, у других он парализуется чувством слабости перед лицом сильнейших, потому что нельзя отрицать жизненной устойчивости еврейства, его силы в борьбе за существование, солидарности, сознательной и инстинктивной, — наряду с его сверхнациональным распространением в мире в качестве *Gegenrasse* (завистливое и ревнивое око расовой вражды прозирает здесь некую подлинную действительность). Еврейство как таковое есть сила, которая требует себе подчинения и фактически его добивается в самых разнообразных положениях, и слабейшие среди других народов этому не в силах противодействовать, хотя иногда и реагируют на это параксизмами бессильного бешенства разного рода, — погромами, вообще утратой гражданского и духовного джентльменства в отношении к евреям, при этом, однако, оказываясь невольно в положении виновных или как бы извиняющихся. Однако подлинное равенство и равноправие этим отнюдь не достигается. Пресловутый «интернациональный» характер еврейской «противорасы» делает ее гораздо сильнее и вооруженнее против всякого другого народа, пребывающего в ограниченных рамках национального существования. Самое существование Израиля в качестве подлинной «оси» истории, его самосохранение в веках, когда разрушение постигало царства, истреблялись и уничтожались народы,

способно возбуждать национально-историческую ревность. Царства египтян, персов, вавилонян, эллинов, греков с иными их современниками миновали в веках древней, средней и новой истории, и на фоне всего этого сохранение Израиля есть настоящее чудо истории, которого не хотят видеть только слепотствующие. Еврейство вместо того, чтобы давно уже исчезнуть с лица земли, вместе с многочисленными своими современниками, несмотря на свой исторический возраст и вопреки, казалось бы, неизбежной физической дегенерации, не только сохраняется, но и умножается, крепнет и побеждает в историческом соревновании народов. Его национальная сила, в соединении с его интернациональной сверх- или противорасовостью, действительно ставит и не может не ставить вопрос о взаимоотношении между ним и всяким другим народом, в среду которого оно вкраплено как численное меньшинство. Однако этому не отвечает его фактическая влияние и сила. Этого невозможно не видеть, хотя в известной степени и до известного времени и можно было еще не замечать. Однако теперь, при современных методах социологического наблюдения, стало навсегда невозможно. «Еврейский вопрос» уже занял место в центре мировой истории, и по отношению к нему является неизбежным ответственным самоопределением. Если бы он был разрешим на почве образования территориальной еврейской державы, которая бы втянула в свое население если не все, то во всяком случае значительное большинство еврейства, вопрос был бы действительно поставлен к мыслимому решению. Однако последнее не только оставалось до сих пор за пределами исторически достигаемого, но и вообще остается сомнительным в своей возможности.

Этому противоречит другая черта еврейства, также появившаяся с древнейших времен: его способность и даже особая склонность к ассимиляции, однако до известного предела. В разных местах своих исторических странствий, от Египта и Вавилона, Рима и Эллады, даже до наших дней, Израиль оставлял и оставляет своих национальных заложников, которые частью сохранились в изолированности «гетто», частью же ассимилировались, входя в культурно-политическое тело чужого народа, до полного внешнего слияния с ним, и, однако, через то не теряя своего собственного лица. И эта ассимиляция становилась тем легче и естественнее, что собственный религиозный его тип все более выветривался под влиянием поверхностного евро-

пейзма, но при этом тем ощутительнее проявлялись неистребимые временем расовые черты. Перед всем европейским человечеством (включая сюда и американское) встал жизненный вопрос о самоопределении и взаимоотношении между количественно незначительным, но качественно могучим еврейством, с одной стороны, и всем огромным численным большинством других народов, с другой стороны. Таково трагическое положение, в котором находится сейчас выветрившаяся в своем христианстве Европа, одержимая в то же время социальными страстями, в своем отношении к «все-расе», а вместе и «противо-расе» еврейства. К этому интернациональному отношению, наряду с соперничеством и борьбой, еще привходит влечение, своего рода эрос ассимиляции с особой гибкостью и упругостью. Можно подумать, что на этом пути, на котором некоторая ассимиляция постигает все народы, в общем историческом котле растворится без остатка и нерастворимое, то есть Израиль. Однако и это растворение есть только кажущееся, имеющее для себя известные пределы. Историческое чудо Израиля есть его неистребимость, и, так сказать, субстанциальная целость, как «всего Израиля», который не только вообще существует, но и «весь спасется», согласно пророчеству ап. Павла, и это божественно предустановлено. Такова о нем воля Божия, как в Ветхом, так и в Новом Завете, которая и исполняется на наших глазах со всей ее неотменностью и непреодолимостью. Израиль как ось истории есть вместе с тем и избранный народ Божий, которому вверены закон и пророки. Через него восприял свое человечество от Пречистой Девы Марии воплотившийся Сын Божий, и против этого антисемитам остается только отрицать самый этот факт, объявляя Христа «арийцем». Из среды его призваны апостолы, которые посланы Христом крестить и учить все народы, и исполнение этой заповеди, которое уже предполагает известную ассимиляцию, начинается с первых же веков существования церкви. Тогда — в известном смысле подобно, как и теперь — совершалась та «ассимиляция» вместе с интернационализмом, согласно которому в церкви Христовой «нет эллина или иудея, варвара и скифа», но во всех Христос. Однако, это воссоединение во Христе не только не отменяет мистической и исторической силы того факта, что Израиль соединен некими узами духовного брака со всем человечеством, но его утверждает. Перед лицом его он поставлен самим Христом, к тому избран и призван. И нельзя мыслить это избрание только как

временное и уже миновавшее за исполнением времен и сроков. Тому противоречит универсальный характер этого избрания и посланничества: «шедше научите все языки, крестяще их», эта заповедь и слово Божие, Ветхого и Нового Завета, также есть в человеческом смысле слово Израиля, прозвучавшее на его земле, частью на его языке, частью же не на его языке (на греческом, то есть уже в ассимиляции). Поэтому-то взаимоотношение, которое дано и задано в истории Израиля среди всех народов, свойственно природе и самого христианства, включено в его духовные судьбы. Поэтому есть и не может не быть, должно быть некое неизреченное и неисчерпаемое чувство благодарности от всех народов, по крайней мере, уже включенных в христианство (а далее, и в него пока не включенных, но еще имеющих включиться) по отношению к Израилю. Здесь он также противопоставит всему человечеству в единственности своего избрания и своего служения. Конечно, ныне, когда христиане перестают быть ими, внешне и внутренне раскрещиваются, а еврейство заражается от них, как и само в свою очередь их заражает своим безбожием и воинствующим антихристианством, как будто утрачивается и почва для неизменности этого соотношения, и все тонет в пустоте и бескрасочности европейского позитивизма, гуманизма, национализма и нигилизма. Теперь провозглашается, что еврейство есть не религиозное, но расовое единство. Эмпирически это может быть и так, по крайней мере в пределах Европы, однако мистически все остается без изменения, ибо неизменно определение Божие, и под покровом безбожного европеизма совершается тайна спасения «всего Израиля», с ней в связи и обращенность ко «всем языкам». Он остается неким подлежащим к мировой истории, которая является как бы его сказуемым. И это надо понять как в мистических корнях, так и в историческом свершении.

В этом контексте имеется одна черта в современном антисемитизме, которую следует понять в ее природе и проявлении на обеих сторонах, именно тот религиозный коэффициент, который остается и ему свойственен. В природе Израиля таинственно и как будто противоречиво соединяются две черты: ассимиляция и расовая, или племенная неистребимость, причем и то и другое делает его осью мировой истории. Самые крайние антисемиты, кричащие о всепроникающем влиянии Израиля, всюду отыскивающие его черты и всячески его обличающие, свидетельствуют тем самым одинаково как об его непобедимо-

сти и неотразимости, так и об его незаменимости в жизни народов. С одной стороны, «противораса»; плод ассимиляции есть в этом смысле всегда некоторая как бы подделка и двусмысленность в сопоставлении с расовыми аристократами в их национальной подлинности, есть нечто, так сказать, второсортное, — если и талантливое, то не гениальное. Оно не само себе творчески довлеет, но есть тревожная и суетливая подделка, паразитарный нарост на чужом дереве. Но в то же время эта ассимиляционная восприимчивость делает еврейство открытым и обращенным ко всей области культуры, оно всем интересуется, ко всему способно и является физически руководящим, и притом все в большей и большей мере. Этот факт — в ясновидении ненависти — всего больше констатируется именно антисемитами, которые собирают свидетельства того, что без евреев не может или, по крайней мере, не умеет обойтись европейская цивилизация, головка которой есть еврейская, хотя и всегда и неизменно в псевдорасовом облечении ассимиляции. В этом смысле всякая национальная культура, по крайней мере, начиная с известной эпохи господства интернационализма в жизни народов, есть подделка или, во всяком случае, смесь в смысле национальном. В этом состоит трагика еврейства в национальной жизни, взаимное притяжение и отталкивание, борьба и соперничество. Еврейство в ассимиляции как сторона наступающая одновременно не может не чувствовать притяжение и некоторую собственность на творчество чужой национальной культуры, но, вместе с тем, и непреодолимую ее чуждость и состояние борьбы с ней. В этом выражается динамизм ассимиляции, но вместе и ее граница и непреходимый предел. Народы же, осознавшие в своем национальном бытии чужеродное тело как нечто нерастворимое и неосвоимое, при всей напряженности ассимиляции чувствуют болезненно это его присутствие. С инстинктивной непримиримостью к этому, они находятся в состоянии самообороны, однако соединяющейся с непреодолимым к нему влечением. Израиль в рассеянии не имеет собственного национального лица, но неизменно сохраняет свое собственное национальное естество во всей его нерастворимости. Конечно, смешение, сложность есть удел всех национальностей и национальных культур во все времена, и теперь больше, чем когда-либо раньше. Однако, разные слагаемые в этом смешении сменяются в истории, и только одна ее ось, Израиль, остается неизменна на протяжении всей истории перед лицом всех народов.

Эта трагика не измышлена антисемитами, хотя бы даже они силу этого факта и преувеличивали. Она должна быть преодолеваема лишь в свете высшего идеала и, конечно, не на путях зоологического истребительства, которое ни к чему и не приводит. Однако, на протяжении многих веков этой борьбы были применяемы разные истребительные средства, как прямо погромного характера, так и изгнаний и ограничений в правах. Теперь они восстанавливаются в давно уже неслыханной и невиданной степени. Нельзя при этом отрицать и того, что на стороне обороняющейся, а вместе исторической и наступающей еврейской нации могла выработаться — в разные времена по-разному — и защитная идеология против «гоев», которая теперь с таким злорадством обнажается в антисемитской литературе, хотя она представляет собою теперь преимущественно исторический интерес, как уже не соответствующая действительности.

Все это противоборство, соединяющееся и с культурным сотрудничеством в разные времена, протекало на почве религиозной, взаимного неприятия иудейства и христианства. Это придавало ему религиозную глубину, однако вместе с безысходностью. Это была продолжающаяся борьба о вере, которая началась в Иудее еще за 19 веков до нашей эпохи и находится под знаком христианства и антихристианства. То была прикровенная или же откровенная и сознательная борьба о Христе: «За кого почитают люди Меня, Сына Человеческого?... А вы за кого почитаете Меня?» (Мф. XVI, 13—15). Она отражалась — не прямо, но косвенно, — в жизненных отношениях «христианских» народов к антихристианскому еврейству (впрочем, это же столкновение распространялось за пределы и нехристианского мира, в который также проникало — с неизменной неразстворимостью — еврейство). Однако в новейшие времена, в частности, и в наши дни, это противоборство все более перестает быть религиозным, оно приняло извне гуманитарные (хотя и не гуманные) образы. Религиозное самоопределение ныне, казалось, перестало быть существенным и решающим, уступая свое место чертам сравнительно второстепенным. В наибольшей мере это можно сказать относительно бывших христианских, а теперь уже полухристианских или просто нехристианских в своем самосознании народов. Как бы они не определялись теперь в отношении к еврейству, но, во всяком случае, не религия иудаизма является решающей. Поэтому с такой силой и

исключительностью выдвигается национализм зоологический, расовый, как и принадлежность к еврейству также определяется признаком не религиозным, но национальным. Однако, это не мешает признавать всю единственность этой расы, ее исключительный характер, борьба же с ней и одоление мыслится на почве расового противоборства. Очевидно, это предельно обедняет и уничижает характер этой борьбы даже сравнительно с «темным» средневековьем, которое по существу было гораздо более глубоко и право в сравнении с теперешним расовым варварством. Но так же ли это обстоит на стороне еврейской, по крайней мере, для интеллигенции, у которой тоже выдохлось под влиянием социализма, гуманизма, культуртрегерства религиозное сознание? Имеем ли мы здесь дело просто с отсутствием религии, пустотой религиозного сознания? Конечно, этого нельзя сказать о той небольшой части еврейства, которая остается исповедующей иудаизм, религию Моисея, «Ветхого» (для христиан) Завета и разрабатывает его богословие, насколько это оказывается возможно и осуществимо. Однако, не этим своим богословием оно влияет на мир, хотя это вместе со строительством синагог и выражает собой национальное сознание. Как религия, иудаизм и теперь естественно сознает себя в противопоставлении христианству. Однако не им определяется то, что можно назвать религиозным сознанием еврейства, насколько вообще можно о нем говорить. Но здесь оно выражается или отрицательно, как фактическое оставление всякой религиозной веры, или же как воинствующее безбожие, не останавливающееся перед прямым гонением на религию, фактически на христианство. Таковым оно явило себя на несчастной родине нашей. Здесь это гонение превзошло по свирепости и размерам все предыдущие, которые только знает история. Конечно, нельзя его всецело приписать еврейству, но нельзя его влияния здесь и умалять. То, что в истоках своих имело характер вызывающего и презрительного безбожия в смысле отсутствия религиозного сознания (у Маркса)¹, здесь приняло харак-

¹ См. мой очерк: «К. Маркс как религиозный тип», — точнее было бы сказать: аreligiousный, стоящий ниже и вне религиозной квалификации, на уровне предельного духовного мещанства, при всем своем «социализме». Маркс был вообще предельно прозаичен и недуховен, несмотря на то, что склонен был позировать в сторону мировых образов трагедии (Шекспира), но это не идет дальше щегольства литературными цитатами.

тер антирелигиозного варварства и организованного методического похода на веру. Конечно, советское безбожие психологически и исторически есть явление сложное. В нем соединяется русская интеллигентщина с ее воинствующим религиозным нигилизмом, в последний же входят влияния западного позитивизма, материализма и атеизма, начиная, по крайней мере, с шестидесятых годов, но фактически еще и раньше, начиная с влияния энциклопедистов. Сюда входит, конечно, влияние и еврейства, которое само по себе уже представляет собой готовую благоприятную почву для антихристианских влияний. Здесь надлежит со всей силой и искренностью констатировать тот факт, что вообще в еврействе, — не говоря уже об ортодоксальном иудаизме, но даже в самом поверхностно-безбожном — нет и не может быть равнодушия к христианству и, прежде всего, ко Христу, но есть враждебность. Я всегда это знал «шестым чувством». Однако, для того, чтобы это понять и почувствовать, вопреки всей поверхностной видимости обратного, надо оценить во всей силе религиозную природу еврейства, именно как избранного народа Божия, которому просто не дано быть религиозно равнодушным. То самоопределение отвергнувшего Христа еврейства, которое совершилось 19 веков тому назад в Иудее, в частности, в Иерусалиме, не было только преходящим эпизодом, касающимся лишь определенной эпохи и ее поколения. Оно имеет пребывающее значение и имеет силу в религиозных глубинах еврейства, сохраняя ее на все времена, одинаково в обоих своих противоположных полюсах: «распни Его», на одной стороне, и «благословен грядый во Имя Господне Царь Израилев», на другой. Таков здесь и голос крови, со всей силой его. В бешенстве расового антисемитизма это не уразумевается в своей религиозно-мистической значимости, поскольку здесь существует только слепая национальная страсть вражды и соперничества. Но ведение этого доступно для христианского чувства, которое открывает духовные очи, имеет орган духовного восприятия, мистическое чувствилище. И для него и через него всегда ведомо это фатальное, можно сказать, непобедимое и неизбежное неравнодушие еврейства к христианству, проистекающее именно из неравнодушия ко Христу. Это борьба, в нем самом, которая закончится, лишь себя исчерпав, тогда, когда наступит время обетованного апостолом Павлом «спасения всего Израиля». При наличии же этого неравнодушия к христианству, сознательной или даже бессозна-

тельной к нему враждебности, еврейство, конечно, представляет собой благоприятную среду, создает благоприятную атмосферу и для религиозного гонения на христианство. Сказать, что именно ему это гонение обязано своим происхождением, значит, конечно, утверждать заведомую неправду — такое гонение могло бы возникнуть, да и возникает в отдельных случаях и при полном отсутствии влияния еврейства. Антихрист и антихристианство есть явление универсальное, в котором соединяются разные национальные и духовные потенции. Так было уже во времена «великой» французской революции. Но наилучшим тому доказательством в наши дни является антихристианский расизм, который соединяется с самым ожесточенным антисемитизмом. И вообще в наши дни антисемитизм все более теряет религиозную природу и становится расовым, каковым себя и провозглашает. Религиозное лицо еврейства как таковое его все менее и менее интересует. Это совершенно откровенно и провозглашается в наши дни. Поэтому и «спасение всего Израиля» или явная победа христианства над еврейством, которой пока, разумеется, тоже не усматривается, для такого антисемитизма, как не имеющего характер религиозного антииудаизма, в сущности ничего не может изменить. Если же антисемиты с такой тщательностью и враждебностью собирают свидетельства о еврейской враждебности к христианам из религиозно окрашенных источников, то здесь их интересует все-таки не антихристианство как таковое, но национальный иудаизм, который с одинаковой готовностью находят как в Талмуде, так и у Маркса и всяческих вообще представителей социализма и большевизма. Вообще, социальный утопизм разных оттенков в наши дни является своеобразной дегенерацией древнего иудейского мессианизма¹, в котором мессия является социально-революционным вождем, имеющим осуществить земное царство, *Zukunftstaat*, своего рода «фюрер» национал-социализма на почве иудаизма. В этой последней роли и выступали в разные времена разные претенденты лжемессианства, например, Баркохба, а в наши дни... Маркс, который, впрочем, отличается от своих предшественников своей исключительной религиозной слепотой и духовной тупостью в сво-

¹ Характеристику его в таком именно смысле мне приходилось давать еще в начале этого века: см. очерк «Социализм и христианство» в сборнике «Два града», 1907, т. II-ой.

ем материализме¹. В этом смысле духовно он стои́г, конечно, неизмеримо ниже своих предшественников, невзирая на всю свою «научность», впрочем, тоже совершенно мнимую.

Но из всего этого неизбежно напрашивается неожиданное заключение следующего содержания: расизм как национал-социализм, в котором одновременно и с одинаковой силой подчеркиваются оба мотива — и социализм (каково бы ни было его особое здесь проявление), и национализм, представляет собой не что иное, как пародию и вместе повторение или, по крайней мере, вариант на темы иудейского мессианизма. При этом и расизм определяется в отношении к христианству или прямо язычески-враждебно, или же индифферентно, даже если и сохраняет некоторую умеренно-протестантскую окраску. Этой религиозной аморфностью своей он также приближается к революционному зелотизму революционно-мессианских движений. Последние же в религиозном отношении, конечно, далеко отходили не только от традиционного библейского учения, в частности, еврейских пророческих книг, но и были окрашены в цвета религиозного синкретизма. Однако, при этом пламенный социальный революционизм соединялся здесь с не менее пламенным национализмом, который питался враждебностью к римским завоевателям, покорителям земли обетованной. Конечно, все эти движения были пространственно весьма ограничены по сравнению с масштабом теперешних событий. Однако, в зерне духовном они содержали в наличности и самоопределение теперешнего расизма, как бы в проекции. Вообще, вся древняя история, как и само христианство, протекает в таких размерах, которые для нас кажутся теперь миниатюрными. Однако, они уже содержат в себе наличие духовных потенций, которые раскрываются в новейшей, и уже ставшей мировой, истории в наши дни.

Итак, еще раз повторяем: германский расизм воспроизводит собою иудейский мессианизм, который является противником и соперником христианства уже при самом его возникновении, он же является им — точнее, идеологически и духовно должен бы являться — в наши дни.

При этом от коммунистического интернационала он отличается своим национализмом, от национальных же движений, свойственных и нашей эпохе, — революционным своим социализмом. Фюрерство же как личное воплощение

¹ См.: «Карл Маркс как религиозный тип», в том же сборнике «Два града», как и в отдельном издании.

в «вожде» духовного движения в некоем цезаризме народных трибунов является как бы исторической акциденцией, которой как будто могло бы и не быть. Но его наличие довершает сходство и родство современного расизма и фашизма с иудейским мессианизмом. Место прежних «помазанников Божиих» на престоле «Божией милостью» заняли теперь вожди на трибуне волею народною: Гитлер, Муссолини, Сталин — одинаково, хотя и с различием оттенков. Их своеобразный мессианизм неудержимо приближается к абсолютизму и деспотизму партии, объявляющей свою волю волею народною, — *paris pro toto*. Таков большевизм и таков же расизм. И это соединяется с оборонительно-завоевательными тенденциями нового мессианства.

Неожиданность этого наблюдения, устанавливающего типологическую тождественность или, по меньшей мере, сродство расизма и иудейского мессианизма, конечно, не может не поражать, хотя она не представляет вообще чего-либо нового в истории, потому что социальный утопизм с чертами религиозного фанатизма и мессианизма вспыхивает то здесь, то там, в частности, в сектантских движениях в эпоху реформации (лолларды в Англии, гуситы в Чехии, Иоанн Мюнстерский в Германии, подобные же движения в Италии)¹. Однако, эти движения остаются миниатюрными и как бы случайными в сравнении с теперешними размерами национал- и интернационал-социалистических движений: расизма, фашизма, большевизма, неизменно жертвующих личной свободой во славу коммунистического или национал-социалистического истукана, который требует себе все новых жертв.

Однако, на фоне этого общего сопоставления мессианства и расизма в отношении их внутреннего сродства проистекает и дальнейшее наблюдение, еще более важное. Мы видели уже, какое место в духовном оборудовании расизма занимает вражда к иудаизму, страсть антисемитизма, переходящая в некое бешенство, давно невиданное в мире, если даже и вообще когда-либо существовавшее в такой мере. Ее мы наблюдаем на первых шагах параноика Гитлера, и она является *faculté maitresse* идеологии расизма с Розенбергом во главе. При этом, как мы убедились, это не есть религиозное отталкивание или борьба, но именно национальная страсть, некая идиосинкразия, доходящая до крайних пределов и выражающаяся в практической по-

¹ См. в моем «Очерке экономических учений», ч. I.

литике в ряде мер, которые нельзя назвать иначе как варварскими, и в особенности, со стороны культурнейшего из европейских народов, народа Гете и Шиллера, Канта и Шеллинга, Гегеля и Новалиса и проч., и проч. Правда, теперь отыскиваются антисемитические мотивы у многих там, где это казалось бы неожиданным (не говоря уже о мрачной злобе франкфуртского отшельника Шопенгауэра). Вырванные из контекста, эти речения берутся под микроскоп, разводятся новые культуры этих ядовитых грибов с чувством злорадства и ненависти, вообще происходит на глазах грандиозное национальное самоотравление. Такие настроения культивируются с утратой стыда и морального чувства, и национальными пророками являются расисты...

Но это означает не больше не меньше, как то, что весь расизм есть не что иное как антисемитизм, есть сублимированная зависть к еврейству и соревнование с ним, притом не в положительных, но отрицательных его чертах, влечение — род недуга. Такая психопатическая влюбленность, которая делает его центром дум и дел, имеет характер навязчивой идеи, проистекает из этой сосредоточенности мысли на одном еврействе, именно в зависти и проистекающей отсюда враждебности к нему. Конечно, это покупается лишь дорогой ценой, — именно утратой национального стыда, зверским национальным эгоизмом, с отречением от христианства и, в особенности, от Ветхого Завета. Такова тайна расизма, его источник. Гитлер и zelоты антисемитизма суть религиозные, точнее, антирелигиозные (что есть тоже религиозная квалификация) маньяки, причем эта маниакальность — у каждого по-своему — развивается в целую доктрину или мифологему, идеологическую или политическую страсть (Гитлер и иже с ним). Антисемитизм всегда становится страстью, такова уже природа иудаизма, как в притяжении, так и в отталкивании. Только там, где он является рефлексом, духовным заражением или послушностью поработенных народов (как мы это имеем теперь в областях германского поработенения), он теряет всякую трагику страсти и облекается мещанской пошлостью. Но в первоистоках своих антисемитизм есть, повторяем, явление религиозного, точнее, антирелигиозного характера. Если иные (и даже многие) видят в нем проявление христианских чувств, некоторое исповедание христианства наыворот, то такая оценка, конечно, возможна только по темноте и ожесточению. Напротив, по духу своему, как и в своем практическом

осуществлении, антисемитизм есть не только искушение, но и прямое противление христианскому духу. В антисемитском фанатизме нет ничего христианского, и теперь он освобождается от всякой мимикрии и не стесняясь, являет свою расовую природу, объявляя еврейство не религиозным исповеданием, но расой, безотносительно к религиозной вере. Однако, таков антисемитизм лишь в поверхностных своих слоях, соприкасающихся с обывательством и пошлостью, но не таков он в своих мистических глубинах, в душах своих «вождей». Здесь он есть личина или же сублимация прямого антихристианства, которое не может быть ничем иным, как сознательной или бессознательной враждой ко Христу. Она же питается — и приводит к личной (молчаливой или даже явной) вражде к Нему — соревнованием или завистью. И это мы можем в настоящее время наблюдать в идеологии и психологии вождей расизма. Так, до конца уже раскрылось антихристианство Розенберга, которое прикрывается притязанием исправить евангельский образ Христа, ему ненавистный. В Гитлере это выражается в систематическом замалчивании имени Христа и христианства, что особенно рельефно проявляется в его последних военных речах, где, вместо того, имеется лишь расчетливо холодное упоминание имени Божия. Гитлер в своем безумии не выносит никакого личного соперничества, которое, очевидно, все-таки видится ему во Христе, и потому молчит о Нем так, как будто Его ни когда и не было: но *sim tacent clamant*. Подобную же антипатию, имеющую источником зависть и личную манию величия, следует предполагать и вообще в расизме, насколько можно судить об этом по бешеному, небывалому и иначе необъяснимому успеху их сочинений, который свидетельствует о глубоком упадке духовного вкуса, не может быть объяснен и какими либо особыми достоинствами их сочинений, в общем стоящих на уровне памфлета, хотя бы объема толстых книг¹. Поэтому расизм религиозно представляет собой одно из

¹ Этому влиянию расистской идеологии соответствует небывалая и невероятная утрата чувства стыда и национального достоинства, которая наблюдается в настоящее время в практических мерах ограбления и всяческого насильничества, истязаний и прямого физического истребления еврейства. Особенно выразительная эта унижительная варваризация, как присущая народу вчера еще высшей европейской культуры, никогда еще не опускавшемуся так глубоко. Конечно, в сохраняющейся еще духовно части германства это должно вызывать чувство национального стыда и покаяния, для которого еще не пришло, но придет свое время.

проявлений той общеевропейской апостазии, отпадения от христианства, которое составляет одну из характерных черт «новой» истории, примерно, начиная с XVIII века, с «великой» французской революции, но и до нее. Но его нехристианство или антихристианство отличается исключительной напряженностью и активностью, в пафосе обязанности, которое наблюдается теперь в германском народе. Этот неогерманский паганизм связан с культивированием военного духа, с духовным пленением германства у солдатчины. Как мы говорили, эта последняя есть, с одной стороны, порождение естественной самообороны как проявления жизненной силы нации, поставленной перед лицом тяжелого испытания и национального унижения. Но, с другой стороны, поднявший свою голову милитаризм быстро и неожиданно привел страну в состояние настоящей воинской одержимости, опьянения достигнутыми успехами и варваризации. Будущее покажет, сколь далеко зашло его духовное вырождение. Однако, эта солдатчина лишь прикрывает вовне то, что совершается внутри в связи с отпадением от христианства. Характерно, что германский милитаризм свой поход против России (каково бы ни было ее теперешнее состояние в образе большевизма) объявляет «крестовым походом», чему вторят и льстивые его вассалы. Военная авантюра, направленная к уничтожению русской государственности и к превращению России в немецкую колонию, маскируется как освободительный поход. Общая и последняя цель германского милитаризма, всемирная супрематия, цезаризм «фюрерства», не терпит на своем пути существования России в о о б щ е, — а не большевизма. Последний и насаждался именно Германией, доставившей в Россию в запломбированном вагоне чумную бациллу большевизма — Ленина, — не будем забывать этого факта, который есть и исторический символ. И в начале теперешней войны состоялось соглашение большевиков и Гитлера. С вступлением же в войну Японии и Америки карты уже смешались и общая постановка вопроса безмерно еще усложнилась. Однако Провидению было угодно, чтобы судьбы мира и нашей родины были связаны с этим столкновением большевизма, под звериным ликом которого скрыта Россия, с германским империализмом, чтый да разумеет. Допустить же победу этого последнего означало бы не только упразднение России, что невозможно, — такова для нас историческая аксиома, — но и внутреннюю победу антихристианства в Германии, а далее и вне ее. Рассуждая

отвлеченно, самой по себе здесь нет невозможности, однако есть историческая маловероятность, которая основана как на общих религиозных соображениях о судьбах мира, так и относящихся к судьбе Германии. Может ли Германия победить, достигнув своих завоевательных целей, или же, напротив, будет с шумом повержена, и лопнет этот исторический пузырь с истерическим своим фюрером, и, главное, может ли победить отпавшая от христианства — в руководящей своей части — страна. Легче допустить (как это уже и имело место в русско-японской войне) победу нехристианского или, может быть, еще нехристианского язычества Японии, нежели победу христианской апостазии, в какие бы цвета крестоносцев она ни маскировалась, то есть страны, объятай духовной болезнью, расизмом, и потому духовно обреченной на вырождение. Расизм, как и все вообще антихристианское язычество, не имеет в себе творческого начала для органического развития. Отпадение от Христа не может пройти безнаказанно и остаться без последствий, каковы бы ни были чисто человеческие достижения, дисциплина и воля, оборудование и вся вообще техника жизни. Германия все-таки не Япония и никогда ею стать не может. Она в своем расизме обречена на катастрофу, и, несмотря на временные успехи, окончательно победить она не может, как и самый расизм неизбежно готовит разочарования, таит в себе вырождение. Вырождаются, конечно, все государства и народности, каждая в свое время и от разных причин: одни просто от естественного увядания и разложения, другие же, как Германия, от мании величия, которою она страдает в расизме, также имеющем свою меру. Никто сейчас (декабрь 1941 г.) не в состоянии определить, как и когда произойдет та германская катастрофа, но для нас несомненно, что она явится спасительной для Германии самой, поскольку будет освобождением от искушений расизма, духовным его извержением, именно признание величия и духовного здоровья Германии, которая преодолет и теперешнее свое духовное заболевание, порождает в нас эту уверенность. История германства не кончена, она имеет свое будущее, хотя и не нам дано определить его. Но, конечно, это будущее зависит от той внутренней победы, которую предстоит одержать Германии над самою собой на путях духовного возрождения с освобождением от расизма. И военное поражение для нее будет спасительной милостью Божией. Разумеется, судьбы германства духовно связаны с реформацией

и протестантизмом, о продолжении того еретичества, которое в них содержится¹. Однако, несмотря на него, даже и в протестантизме (не говоря уже о германском католицизме) содержится такое здоровое зерно евангельское, которое еще может прорасти. Но на пути к тому стоит все тот же роковой германский антисемитизм, зависть германства к еврейству как Богом избранному народу, и собственное его притязание на избранность. Внешне, эмпирически это выражается в национальном самомнении, которое является даже естественным, принимая во внимание все достижения германского народа в области культуры и цивилизации, к несчастью, в наши дни с такой быстротой утрачиваемые и уступающие свое место варваризации национализма. Однако, эта одаренность и культурные достижения обязывают и предостерегают от чрезмерностей этого, хотя бы даже и естественного, увлечения собой. Всякому народу присуще национальное самосознание, вера в себя, в свое призвание. Но на этой почве его подстерегает искушение национального самомнения, с признанием своей единственности и вообще всяческого превосходства над всеми народами. К сожалению, немецкий народ, по крайней мере, в лице своих духовных вождей, находится именно в таком маниакальном состоянии. И это есть не только недуг национально-душевный, но и духовный. Это есть притязание на избранность, которая дается только Богом. И Богом избранный народ есть еврейский, «дары и избрание Божие неотменны». Каков бы ни был этот народ, нравится он кому-либо или не нравится, человеку не дано проверять суды и избрание Божие. Бытовой антисемитизм, даже имеющий известное бытовое основание, не идет обычно дальше личных вкусов, национальной психологии. Но германский народ постигло большее искушение, и, насколько можно судить, в своем роде единственное в истории. Решив о себе самом — сознательно или полу- или даже бессознательно, — что избранность и единственность принадлежит именно ему, он вознедуговал соперничеством и завистью к еврейскому народу, обратившейся в настоящую национальную страсть антисемитизма, и этот последний вошел те-

¹ Не развивая здесь этой мысли, однако, отметим, что расизм есть одно из выражений недуга всего протестантизма, именно непочитания и нечувствия Пресвятой Богородицы. Тоталитарность солдатчины и расизм не-избранного народа, который притязает на избранность, связаны с этим ослеплением духовным, которое отражается решительно на всем жизненном самочувствии, историческом и космическом.

перь органически в национальное самоопределение германства. Можно сказать теперь, что оно есть антисемитизм. Последний является мрачной тенью еще более мрачного его недуга и греха, именно антихристианства, причем психологически трудно даже сказать, что и от чего происходит. Но оба недуга между собой связаны и неотделимы. Одним словом, немецкий антисемитизм есть патологическая зависть к еврейству, пародия на народ Божий, расизм же есть расовая претензия¹. Он не имеет в себе положительного духовного содержания и обречен на кризис, внешний и внутренний. Одинаково, как для блага самого германства, так и всего мира, чем скорее этот кризис совершится, тем лучше.

* * *

С этой онтологией расизма как антисемитизма извне сливается, но внутренне от него отличается антисемитизм эмпирический, бытовой, свойственный не только германству, но и всему миру, и, быть может, во все времена векового существования еврейства. Этот погромный расизм, с одной стороны, порождается подлинным обособлением, как естественным, так и искусственным (гетто) еврейства на путях истории. Частью же оно имеет для себя и более глубокие корни, заложенные в действительном противлении еврейства христианству, а через то и христианам, в том христорстве, которое свидетельствуется уже Евангелием. Вражда иудеев ко Христу начинается уже с первых Его выступлений на общественном служении, его сопровождает на всем его протяжении и, наконец, приводит к крестной смерти, к распятию Голгофскому. Она продолжается и донныне, с разной мерой сознательности и интенсивности. Дом еврейства остается и донныне «пуст», и за единичными пока исключениями в нем не раздаются покаянного и ликующего вопля: «благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних». Если со стороны еврейства существует сознательная или несознательная, инстинктивная вражда ко Христу и христианству, то и наоборот, со

¹ Как в отдельных случаях это обнаруживается с очевидностью. Как можно иначе понять, что современный расистский богослов, безусловно не лишенный остроты и знаний, может молча присвоить германскому народу водительство и образ архангела Михаила, ангела народа еврейского (Дан. X, 21; XII, 1).

стороны христиан как верующих, так и неверующих даже, существует ответное чувство самозащиты и соревнования. Между иудейством и христианством есть отношение взаимной обиды и непризнания, с проистекающей отсюда враждебностью. Она отражается и в памятниках иудейской письменности, которые тщательно собираются антисемитами, а глаза ненависти зорки и внимательны (тот же Розенберг, от которого странно было ожидать особого уважения и пристрастия к христианству, в ряде памфлетов собирает соответствующие свидетельства). Если со стороны гонимого, презираемого христианами еврейства это является даже естественным и понятным, то для христиан такое отношение противоречит проповедуемой Евангелием любви к врагам и добротворению ненавидящим. Этим навлекается по отношению к христианам особая вражда еврейства. Но евреи умеют быть благодарны за христианское отношение к себе, когда оно исходит от христиан. К прискорбию, взаимные отношения христианства и еврейства остаются большими, притом в большей мере и по-иному, нежели это имеет место для всех других религий, каковы ислам, буддизм, браманизм и другие. Это проистекает, конечно, не из дальности или взаимной чуждости, как в вышеназванных случаях, но именно из-за близости, сродства и вытекающего отсюда соревнования и борьбы. Иудаизм есть все-таки Ветхий Завет для христианства, а последнее хочет стать Новым Заветом для еврейства, его продолжением и исполнением. Поэтому напряженная ревность, доходящая до вражды, является здесь естественной, она даже достойнее, чем взаимное равнодушие и небрежение. Отсюда видно, насколько трудно осуществлять и сохранять христианское отношение к еврейству, которое здесь является стороной одновременно наступающей и обороняющейся, и оно больно христорством и отвержением христианства. Еврейство умеет враждовать, как оно способно и любить. Образы любви еврейской дает нам св. Евангелие, — в апостолах, мироносицах и во всем вообще окружении Христовом. И эта энергия любви не иссякла и не может иссякнуть даже доныне, но она не находит для себя взаимности. Христиане должны осуществлять христианское отношение к еврейству, даже и тогда, когда последствием того создается для еврейства господствующее положение в мире. И этого нельзя бояться христианам, потому что только таков есть путь преодоления еврейства, не извне, а изнутри. Вообще нет — и не может быть — более трагического и антиноми-

ческого вопроса, нежели отношение между христианством и еврейством. Он не разрешается погромным или угнетательским расизмом, то есть гонением на еврейство под предлогом христианства от христиан, быть таковыми переставших.

РОССИЯ И ЕВРЕИ

I

Довольно затруднительно упомянуть в заглавии о евреях и не встретиться с обвинением в антисемитизме, притом — сразу с двух сторон: со стороны евреев и со стороны русских. В самом деле, среди разорвавших или надорвавших свою связь с еврейством как религиозно-культурным целым евреев, среди евреев ассимилирующихся и ассимилируемых мы наталкиваемся на чрезвычайно обостренное и болезненное чувство стыда за свое еврейское происхождение. Конечно, они сами будут это решительно отвергать, но факта опровергнуть нельзя, хотя бы и не все хотели его видеть. Мне стыдно за стыдящихся своего еврейства евреев, как должно быть стыдно за них и всякому хорошему еврею: но тут ничего не поделаешь. Но человечеству надо войти в их положение, т. е. положение стыдящихся своего еврейского происхождения.

Они ассимилируются, хотя и не до конца, т. е. не сливаясь всецело с окружающей их национальной культурой и не становясь ее органическими клетками. Они оставляют и даже отвергают свою прежнюю еврейскую культуру ради культуры «общечеловеческой». Само собой разумеется, что есть евреи ассимилированные и вполне, т. е. *переродившиеся* из евреев во французов, немцев, русских всецело и до конца. Таких евреев нельзя уже и называть евреями, хотя бы они и носили еврейские фамилии и отличались еврейскими чертами своей внешности, и не о них я сейчас говорю. В применении к ним не может и не должно быть никакого «еврейского вопроса». Но этот тип сравнительно редок и существование его связано с большими трудностями*. Мы же говорим о другом *типе* (именно о *типе*,

* Одним из существенных признаков такого вполне ассимилированного еврея служит искреннее принятие им другой религии. С религиозной

а не о евреях-индивидуумах и не о какой-то совокупности их, ибо индивидуум всегда выражает тип «более или менее», может выражать в себе, разнообразно сливая их, разные типы и тип не может быть отождествляем с определенной внешне группой), о типе не до конца ассимилирующегося еврея, *ассимилирующегося, не ассимилированного*, о типе «еврея на перепутье».

Ассимилирующийся еврей должен более или менее отчетливо сознавать, что есть некоторое внутреннее противоречие в замене религиозно-национальной культуры еврейства какою-нибудь ограниченно-национальной культурой, которая чаще всего не обладает свойственной еврейству идеею универсализма, особой предызбранности, первенствующего положения среди народов мира, миссианства и мессианства. Он может обмануться и принять внешний размах и силу, империализм или капитализм данной национальной культуры за ее универсальное значение. Но по существу от остается чуждым всему частному и национально-ограниченному и отрицает все национальное именно как ограниченное и частное. Перестать быть евреем для того, чтобы стать французом, немцем или русским, значит для него променять, подобно Исаву, первородство на чечевичную похлебку. И как сочетать отказ от исключительного значения еврейского народа с признанием того, что пришел Мессия, который должен придти прежде всего для народа еврейского? Преодолеть родное еврейство и стать националистом в среде другого народа, отвергнуть еврейского Мессию и признать Мессию, пришедшего для других... да, это ужаснейшая, не находящая своего катарсиса (разрешения) трагедия. Уж лучше о ней не думать, лучше чем-нибудь ее заглушить! Она и действительно заглушает-

точки зрения для настоящего еврея принятие им христианства не может быть только индивидуальным. Ведь это значит, что пришел обетованный прежде всего еврейскому народу Мессия и что пришел он не для отдельных индивидуумов, а для всего еврейского народа. Потому обращающийся в христианство еврей должен остаться обращенным к своему народу, как к нему посылаемый Христом ученик и апостол. Он должен уповать на еврейскую христианскую церковь, а не растворяться в «эллинской» (Слова ап. Павла Гл. 3, 27, см. дальше — обычно толкуются неправильно: национально-культурных особенностей и ценности их ап. Павел не отвергал). Конечно, есть еще и евреи, лишь «случайно» рожденные в еврействе, а по существу природные христиане. Для них мыслим и естественен даже только индивидуальных переход.

Аналогичным образом надо понимать и чисто культурный переход еврея от еврейской культуры к одной из христианских.

ся, если еврейство променивается на «общечеловеческую» культуру и еврейская религия — на религию универсальную. К несчастью, понятия «общечеловеческого» и «универсального» в этом случае являются понятиями мнимыми и даже *не соответствующими* универсализму исконного, подлинного еврейства.

Вот почему ассимилирующийся и отрывающийся от своего народа еврей неизбежно становится абстрактным космополитом. Он не находит себе места ни в одном народе и остается в пространстве между нациями, интернационалист. Он исповедует не национальные идеалы, которые кажутся ему ограниченными и частными, но идеалы «общечеловеческие», которые вне своих национальных индивидуаций *абстрактны, безжизненны и вредоносны*. В политике он склоняется к идеям отвлеченного равенства и отвлеченной свободы, т. е. делается демократом; к тому же, по отсутствию связи с конкретной и потому всегда национальной действительностью и по свойству своего ума, *радикальным демократом*. В сфере проблем политико-социальных он превращается в социалиста, к тому же в наиболее бесстрашного по своей последовательности и наиболее систематического, т. е. в «научного» социалиста и в коммуниста. Только этим путем может он сохранить *остатки* своего национального еврейского универсализма и *своей* национальной универсалистической религии, хотя и не без существенного искажения того и другой. Нет ни малейших оснований понимать мою мысль так, будто ассимилирующийся еврей всегда и везде до конца осуществляет внутреннюю диалектику своей природы, будто он, например, обязательно делается явным и сознательным врагом всего национального. Он может допускать и признавать национальное, даже ревновать лаврам лорда Биконсфильда. Но, если он последователен, он приемлет национальное, как нечто вторичное, несущественное, как некоторую, может быть — и неизбежную, но не безусловно ценную акциденцию. Во всяком случае, он склонен понимать национальное в отрыве от религии, подставляя на ее место расу или секуляризованную культуру, государственность или что-нибудь подобное. Важно, что общечеловеческая культура преподносится ему как симфоническое единство частных и национальных культур. Ведь такое единство по необходимости иерархично и первое место в нем для всякого данного момента (да и вообще) должно принадлежать какой-нибудь одной национальной культуре. А легко ли ев-

рею отречься от веры в вечное первенство культуры еврейской? Недаром же даже разорвавшие с еврейским народом евреи с особенным вниманием относятся к успехам именно евреев, говорят, часто не без высокомерия, об одаренности еврейского народа; создают репутацию ученым, литераторам, художникам из евреев. В России приходилось за годы революции встречаться с такими фактами, что еврей-христианин, резко враждебный всякой революции и всякому социализму, не мог скрыть своего удовольствия при виде талантов и успехов еврея Троцкого. Говорю не в осуждение, тем более, что и сам считаю Троцкого человеком талантливым, а в объяснение, и не считаю нужным скрывать добросовестно и беспристрастно наблюдаемые мною факты.

Итак, ассимилирующийся еврей по существу своему интернационалистичен и абстрактен. В этом последняя связь его с еврейством, *которое само-то не интернационалистично и не абстрактно*. Порвав эту связь, он теряет свою специфичность и растворяется в мире чуждой ему культуры, иногда — становится ее живою клеточкою. Именно чужеродностью ассимилирующегося еврея всякой органической и потому национальной культуре объясняется тот факт, что в ней евреям принадлежат лишь вторые и третьи места. Ни в философии (за исключением *может быть*, Спинозы), ни в науке, ни в искусстве евреям руководящей роли не принадлежало. Это не свидетельство против одаренности еврейского народа, ибо из него выходили древние пророки, в его среде появилась Библия и его гений отразился в Каббале. Но еврей, как и человек всякой другой культуры, может создавать великое и оригинальное *только в сфере своей же культуры, а никак не в отрыве от нее*.

Интернационализм и абстрактность существенно противоречат духу всякой живой органической культуры. Они возможны, как страшные призраки, только на почве ее разложения. Они должны наталкиваться на сопротивление со стороны здоровых ее элементов тем более решительное, чем здоровее культура. (Прошу читателя не передергивать и не приписывать мне призывов к погромам). Да, ведь и сами ассимилирующиеся евреи должны быть после всего сказанного нами поняты как продукты *разлагающейся периферии еврейской культуры*. (Говорю не «еврейской культуры», а «ее периферии», ибо самое еврейскую культуру считаю живою и органичною и умею ценить ее не менее, чем ценят ее ассимилирующиеся). Вот эта-то вечная

взаимная борьба, иногда глухая, иногда явная, между здоровыми элементами культуры и ассимилирующимися евреями и объясняет, почему такие евреи чувствуют себя всегда обиженными, угнетенными, почему они всегда насторожены и болезненно чувствительны, почему волнуются только услышав слово «еврей». Не легче вечно оставаться на вторых местах и еще чувствовать объективную, но часто конкретно неуловимую, враждебность к себе со стороны «акциденций» общечеловеческой культуры. Тут и революционером сделаешься. А еврей ассимилирующийся и без того по самой природе своей — революционер. Ибо он — враг органической национальной культуры, которая ему мешает и его теснит, и естественный союзник разлагающих ее «революционных» процессов. Ибо он еще сохранил в себе пламенный, устремленный к последнему и абсолютному, ни перед чем не останавливающийся религиозный порыв еврейского народа, закованную в алмазные цепи тончайшей силлогистики расплавленную стихию. Принято объяснять революционность рассматриваемого типа евреев внешними условиями: гонениями, ограничениями, погромами и т. д. Но все это лишь следствия и внешние доказательства указываемого нами основного факта.

Начав с объяснения, почему заглавие нашей статьи подозрительно для многих евреев, мы не объяснили еще, почему оно подозрительно и для многих русских. Почему и им употребление слова «еврей» часто кажется признаком «антисемитизма»? почему и их оно, во всяком случае, настораживает?

Русский человек живет под ужасным гнетом впечатлений от активного, грубого и чревного антисемитизма, который нашел себе достаточно отвратительное выражение и в погромах, и в «кровавом навете», и в атмосфере мероприятий и в самих мероприятиях старого русского правительства. Правда, волна антисемитизма началась не в центре России, а в сфере, либо входившей в пределы католической Польши, либо католически-польским влияниями обусловленной. Но это — плохое утешение, тем более, что любители сошлутся на черту оседлости. Как бы то ни было, русский человек стеснен в свободе суждения, ибо он не в силах отделаться — и хорошо, что не в силах! — от чувства жгучего стыда за многое в нашем недавнем прошлом. Вместе с тем, более или менее смутно сознает, иногда даже в самом себе, враждебность его национальной русской стихии к еврею-космополиту, и к тому же не думает, что не

всякий еврей относится к этому типу. Он сознает далее второстепенное положение еврея (еврея-космополита) в развитии русской культуры, положение его, как «русского второго разряда». Чувство справедливости возмущается в нем, тем с большею силою, чем меньше он осмысляет факт. Это чувство делает его беззащитным перед «еврейским общественным мнением» и неспособным правильно поставить и разрешить еврейский вопрос или, вернее, еврейские вопросы.

2

Проведем прежде всего некоторые различия, выше уже намеченные. Мы различаем: 1) религиозно-национальное и религиозно-культурное еврейство, *еврейский народ*, который составляет одно и единое культурно-религиозное целое, несмотря на то, что рассеян и разделен по разным культурам и народам, и в пределах каждой или каждого из них образует или может образовывать частное и специфическое целое, и 2) *периферию еврейства*, которая, отрываясь от своего народа, своей религии и культуры, денационализируется и ассимилируется, а среди этой периферии — а) евреев, совершенно ассимилированных тою либо иною национальной культурою и ставших живыми и органическими ее индивидуациями, и б) евреев интернационалистов по существу и революционеров по природе.

Вот об этом последнем *типе* евреев (2б) мы до сих пор и говорили. В отношениях к нему один из источников современного антисемитизма; но признание того, что он существует, описание отличительных его черт и попытка раскрыть его внутреннюю диалектику, даже оценка его с точки зрения религиозных и культурных ценностей являются не антисемитизмом, а научно-философскими познавательными процессами. Научное познание не может быть запрещаемо и опорочиваемо на том основании, что приходит к выводам, для нервозных особ неприятным. Хотя это из всего сказанного и вполне ясно, я считаю нужным настоятельно указать, что, анализируя и оценивая указанный тип, говорю не о всех типах еврея, не о «еврее вообще» и не о всех евреях. Если оценка моя оказывается неблагоприятною и неприятною, я столь же не считаю себя врагом и хулителем евреев, сколь не считаю себя врагом и хулителем русских, когда осуждаю еврейские погромы и коммунистическую чека (конечно, и — всякую чека и комму-

низм: к сожалению, приемы «демократической» полемики вынуждают к подобным стилистическим и по существу излишним оговоркам). Ведь нельзя же, в самом деле, считать всех евреев святыми, мудрыми и духовно здоровыми.

Еще одно замечание. Говорю я об известном *социально-психологическом типе*. Такой тип всегда есть некоторый идеальный синтез реальных черт, выражающий и их самих и их реальную диалектическую связь, но эмпирически воплощающийся лишь в некоторых к нему приближениях. Таким образом, тип никогда не находит себе вполне адекватного выражения в каком-нибудь одном индивидууме; но одни индивидуумы более или менее ясно выражают его структуру и диалектику, другие — отдельные его черты. Кроме того, он сказывается и в общих, «коллективно-социальных» тенденциях развития. Эмпирически в одном и том же индивидууме часто происходит скрещение разных типов. И конечно, в жизни дан целый ряд неуловимых переходов от религиозного еврея как живой индивидуации еврейского народа, к еврею ассимилирующемуся и к еврею, переродившемуся в живую индивидуацию нееврейской национальной культуры. Но это не значит, что типа нет и что он не соответствует определенной социально-психологической группе¹.

Тип ассимилирующегося еврея определяется идеологией абстрактного космополитизма или *интернационализма*, индивидуалистическими тенденциями в сфере политических и социальных проблем (демократизмом, социализмом, коммунизмом), *активностью*, направленною на абстрактные и предельные идеалы и не знающего границ, т. е. *утопизмом* и *революционностью*, а потому нигилистическою разрушительностью. Все эти черты характерные, и даже часто в указанном сочетании характерные не только для еврея, у еврея *специфически окрашены и индивидуализированы* его «прошлым» — его происхождением и «*промежуточностью*». Ибо он уже не еврей, но еще и не «нееврей», а некое промежуточное существо, «культурная амфибия», почему его одинаково обижает и то, когда его называют евреем, и то, когда его евреем не считают. (Прежде чем придирается к этой характеристике и победоносно отвергать отличие евреев интернационалистов и ре-

¹ Тесретическое обоснование этого см. в моей «Философии истории», Берлин, 1923, а опыты исторического применения в моих исторических работах.

волюционеров от интернационалистов и революционеров нееврейского происхождения, советую читателю перечитать § 1, а еще лучше — дочитать статью до конца). В религиозности своей (а он не всегда явно и сознательно религиозен) ассимилирующийся еврей универсалистичен, сродствуя католичеству, и материалистичен, в материализм искажая конкретность еврейской религии. Этот тип является врагом всякой национальной органической культуры (в том числе и еврейской). Ему чужда и непонятна идея соборности, раскрываемая Православием, но укорененная в религиозном сознании еврейства («Израиль»), и ее-то он и искажает в идею абстрактного универсализма. Этот тип не опасен для здоровой культуры и в здоровой культуре не действителен. Но лишь только культура начинает заболеть или разлагаться, как он быстро просачивается в образующиеся трещины, сливается с продуктами ее распада и ферментами ее разложения, ускоряет темп процесса, специфически его окрашивает и становится уже реальной опасностью.

В XVIII веке европейская культура вступила в период индивидуалистического распада. Это сказалось, между прочим, в расцвете рационалистически-демократических идей (немного позже — капитализма) и утопического, сначала даже явно религиозного, социализма. Здесь именно и проявилась активность рассматриваемого нами типа. Отрываясь от еврейства, ассимилирующиеся евреи стали широкими волнами вливаться в европейскую культуру. Они сливались с европейским капиталистическим миром, его радикализируя, и, с другой стороны, с европейскими демократическими, а еще более — социалистическими течениями. Не они их вызывали к жизни, но они, в полном соответствии с тенденциями этих течений, способствовали тому, что эти течения становились все более радикальными, революционными, абстрактными и материалистическими (ибо это одно и то же, абстрактность и материализм). Так новая фаза европейского социализма связалась с еврейскими именами и еврейскими чертами. Он утратил прежнюю расплывчатость и прекрасноту, сделавшись сложной, талмудически разрабатываемой системой и незаконно монополизировав эпитет «научного», и, став боевой и революционной доктриной, превратился в интернациональное движение и универсалистическую абстрактную религию. Произошел космос продуктов распада двух культур: европейской и еврейской. Какова тут доля вредного

влияния со стороны каждого из элементов, сказать, разумеется, очень трудно и даже совсем невозможно без тщательных специальных изысканий. Но для них условия до сих пор крайне неблагоприятны, так как господствуют страсти и пристрастия: у одних стремление во всем обвинить евреев, у других — стремление их совершенно обелить. Мы ограничиваемся констатированием общего факта, напоминая, что наша задача не в лечении нервных больных.

Вполне понятно, что ассимилирующиеся евреи сыграли свою роль, хотя отнюдь не основоположную, и во вредном для русской культуры процессе чрезмерной европеизации. К тому же и европеизм XIX в. не свободен; как мы видели, от влияния этих евреев. Коммунизм — только зрелый плод марксизма, освоенный и переработанный исконно русской стихией большевизма. Интернационализм и материализм русской коммунистической революции, ее мировой размах, ее революционный пафос слишком созвучны и соприродны основным тенденциям денационализированных евреев, чтобы не сделаться для них центрами притяжения, призывными огнями, о которых и суждено им было обжечь себе крылья. Конечно, необходимо покончить с глупой сказкой (или с новым «кровавым наветом» — все меняет свои формы, даже клевета), будто евреи выдумали и осуществили русскую революцию. Надо быть очень необразованным исторически человеком и слишком презирать русский народ, чтобы думать, будто евреи могли разрушить русское государство. — Историческая философия, достойная атамана Краснова, и, кажется, позаимствованная им у Дюма-отца, который тоже обвинял в устройстве французской революции графа Калиостро! — Но денационализированные евреи участвовали в русской революции и участвовали в ней в силу самой природы их. Они стали отходить от нее (в лице оппозиции в обоих ее флангах) лишь теперь, вместе с переходом ее к национальной фазе.

И для Европы и для России суть дела, разумеется, не в каком-то фантастическом еврейском заговоре и не в факте участия евреев, а в *самых процессах разложения*, охвативших европейскую культуру и европеизованную русскую государственность. Евреи оказались лишь попутчиками, сошедшими со своего перепутья. Они влились в процесс. Может быть, они даже обострили его и ускорили его темп, но, во всяком случае, значение их безмерно преувеличено. Не будь процессов разложения, они ничего бы не могли сделать. И несчастье России совсем не в денационализиро-

ванном еврействе, а в тех условиях, благодаря которым и оно могло оказаться действенным. Потому так и страшны поднимающиеся в России волны нового антисемитизма, что не столько действительно вредные, сколько говорливые и суетливые попутчики революции могут оказаться искупительной жертвою. И не только они. — Разыгравшаяся стихия, поглотив их, обрушится и на еврейский народ, уже ни в чем не повинный, так же отрицающий отпавших от него, как и мы их отрицаем. И по нашему твердому убеждению, волны антисемитизма опасны не только для евреев. Они являются грозным испытанием для самого русского народа. Им надо противопоставить не только религиозно-нравственную и правовую идею, но и трезвый национальный интерес, ибо и преступление народа безнаказанным не остается.

Здесь, впрочем, мы заняты не этою практической проблемой, а вопросом более общим, хотя с нею теснейшим образом и связанным. Мы стоим на почве органического понимания культуры, признаем только реальные и конкретные культуры, а общечеловеческую понимаем как реально-конкретное и соборное единство (многоединство) частных. Поэтому денационализирующееся и ассимилирующееся еврейство — наш вечный враг, с которым мы должны бороться так же, как оно борется с нашими национально-культурными ценностями. Это — борьба *неустрашимая и необходимая*. Какие же наилучшие способы и формы борьбы?

Побеждает сильнейший; и первое условие победы — самоусиление и саморазвитие. Без этого условия не помогут никакие скорпионы; при выполнении его скорпионы не нужны. Проникнемся, действительно проникнемся сознанием абсолютной «православной» обоснованности нашей культуры, сознанием ее единства, ее цельности и органичности. Попробуем целостно ее осуществить. Тогда не будет в ней процессов внутреннего разложения, не будет распадов и трещин, точек приложения для чьей-либо разрушительной деятельности, сознательной или бессознательной. Тогда не опасны будут ни материализм, ни интернационализм, ни социализм, ни все прочие подрывные идеи и гипотезы. Их просто не будет, как действенных сил разложения, и у денационализованного еврейства окажется отнятою почва для *вредной* деятельности, вернее, — для *соучастия* во вредной деятельности.

Конечно, здоровая государственность предполагает ак-

тивную борьбу с культурно-вредными течениями. Такая борьба вестись должна, и она будет вестись. Но ведь мы установили, что губительные *потенции* ассимилирующегося еврейства становятся действительными, актуальными не сами по себе и из себя, а только при реальной наличности однородных им тенденций в самой культуре. В реальном вредном для культуры течении уже произошел осмос еврейского с национальным, и с ним, этим течением, приходится бороться как с целым. Оно не будет уничтожено тем, что доступ в него евреям будет закрыт, если бы даже такая фантастическая идея относилась к области осуществимого. Он этого оно не зачахнет, ибо не одними же евреями оно питается. Так, борьба с денационализированным еврейством может быть *только косвенною и опосредствованною*.

Но ведь «тип» все-таки вреден, хотя бы угрозой актуализации своих потенциалов, и *какая-то борьба с ним нужна*. Пускай культура здорова и вырабатывает против него здоровые реакции всего своего организма. Она всегда может заболеть, и тогда сразу же подвергнется усугубленной опасности. Разумеется, борьба, честная борьба, нужна. Но как она возможна? как бороться с потенциальными? и как бороться с «типом»? Эмпирически его нельзя отождествить ни с некоторою определенной категорией людей, ни, тем более, с конкретными индивидуумами. Он практически, как объект *прямого* воздействия, неуловим. (Прошу читателя не приписывать мне в данном случае чувств сожаления). Ни «черта оседлости», ни особое, хотя бы и самое детальное законодательство о евреях, ни самый неограниченный административный произвол здесь не помогут. Все это окажется сетью, чрез которую пройдут самые большие рыбы и в которой погибнут самые маленькие. С другой стороны, все это привьет самой государственности *опаснейший яд бесправия и произвола* и, в конце концов, доведет ее до гибели, ибо государство может длительно существовать только как государство справедливости и правды и не может быть таковым, действуя несправедливо. А какая уже тут справедливость, когда караются потенциалы, да еще предполагаемые, да еще определяемые по внешним признакам? Сделать же глубоким сердцеведом всякого лицеистского не в силах никакое государство. Какая там справедливость, когда, поневоле определяя врагов по признаку происхождения, делают своим врагом и преследуют не вредный тип, а весь еврейский народ, который и сам его своим законным ребенком не считает!

Остается, значит, *только косвенный и опосредствованный метод борьбы*. И он, на самом деле, существует. — Если правда, что сам еврейский народ вовсе не тождественен с продуктами распада своей периферии и сам не считает денационализированных евреев истинными евреями, если сожителство данной культуры с этим народом никакой опасности ее развитию не представляет, — а я лично во всем этом глубоко убежден, — есть простой и положительный выход. Именно, *надо помочь и еврейскому народу и его борьбе с разложением его периферии, помочь путем содействия его религиозно-культурному сохранению и развитию, не механически отсекая от него периферию (это невозможно), а ставя в благоприятные условия развитие подлинного его ядра*. Станным образом религиозная нетерпимость христианских государств мотивировала борьбу с религиозным еврейством, способствуя в нем процессам распада и делая его из союзника врагом, но питала действительного врага — еврейство, отрывающееся от своей религии и культуры. Но и сейчас еще этот враг — *общий враг и еврейства и христианства*.

3

Считая религиозно-культурный еврейский народ нашим естественным союзником в борьбе с его денационализирующей и ассимилирующей, разлагающейся периферией, я в то же самое время *не признаю возможным резкое их разграничение*. Грань проходит не между социально-культурными группами и даже не между отдельными людьми, хотя среди них и встречаются довольно яркие представители того либо иного типа, но — внутри всякого индивидуума. Разлагающееся еврейство не только «накожная болезнь» еврейского народа, но, в известной мере, и его внутренняя болезнь, в здоровом, но внешне не определимом ядре его им преодолеваемая. И если я признаю *существенным признаком еврейского народа его религиозность*, а наибольшую полноту ее усматриваю в том, что называется еврейской религиею в самом точном и строгом смысле слова, я не склонен и здесь проводить слишком резкую грань. Еврей, скептически и даже отрицательно относящийся к вере отцов, еврей, забывший ритуализм и весь быт еврейского народа, еврей, сознательно ни во что не верующий, — все же может быть по существу своему религиозным. Часто он извратит свою еврейскую религию

в плоскую религию человечества, если в не менее плоскую религию разума. С годами и в нем может заговорить еврейская душа, и окольными путями он направится к вере отцов, подойдет к ней и только не всегда ее узнает. А это значит, что и прежде не совсем угасал в его душе огонь веры, что он всегда был, хотя бы и сам того не сознавая, религиозным евреем. Да и еврейскую периферию можно понять, только поняв извращаемую ею, но еще не угасшую в ней религиозность.

Мы говорим о единстве, целостности, органичности и своеобразии еврейской культуры, именно ею определяя еврейский народ. Но как раз еврейская культура — и в этом величайшее ее достоинство и значение — *насквозь религиозна, от религии неотделима*. Значит, и она, культура, не исчезает вполне вместе с движением еврея от центра еврейства к его периферии, каким бы извращениям она ни подвергалась. Да это и само по себе ясно для всякого внимательного наблюдателя, много очевиднее, чем религиозность всякого еврея. «Солидарность» евреев, которая сохраняется, несмотря на тягчайшие испытания и которая устыжает или возмущает другие народы, является живым свидетельством в пользу единства еврейской культуры, и единства религиозного. Ведь надо же, наконец, понять, что это не простое единство единоплеменников, а единство детей Авраамовых, кровное единство народа, избранного Богом, носящего на теле своем знамение вечного завета с Богом. Это — Богом освященное и скрепленное кровное единство. Оно сильнее, чем всякое натуральное единство, и оно переживается евреем глубже, чем переживает единство всего «рода христианского» современный христианин; об этом единстве ныне почти забытый.

Так мы принципиально отказываемся от проведения *каких-либо резких разграничительных линий* и не считаем таковыми ни соблюдение закона, ни религиозность, ни паспорт. Но отсюда отнюдь не вытекает отказ от различий, от определения разных типов и от их оценки. Я различаю *периферию и ядро* еврейского народа и говорю об этом ядре, как о самом «еврейском народе» в его наибольшей эмпирической раскрытости и здравье. В недостаточном различении между ним и его периферией и коренится, на мой взгляд, одно из самых опасных зол всякого антисемитизма, вовсе, конечно, его не оправдывающее.

Еврейский народ наш естественный «союзник» в борьбе

с его «периферией». И действительно, *преодолевая, выправляя и всасывая* ее в себя во имя собственного своего религиозно-культурного идеала, еврейский народ избавляет нашу культуру от вечно предстоящей ей потенциальной опасности. С другой стороны, и мы, путем нашего саморазвития, не допуская того, чтобы эта периферия актуализировалась, помогаем еврейскому народу в его борьбе, а, всемерно содействуя его органическому и нормальному саморазвитию, уничтожаем эту опасность в самом ее корне.

Однако, еврейский народ не только наш союзник, но и наш противник. Еврейство и христианство противостоят друг другу как притязающие на единственную истинность своего учения, хотя христианство и уповает на то, что все народы (в том числе и евреи) обратятся ко Христу, а еврейский народ, отрицая явление Мессии, верит лишь в победу еврейства как в первенствующее его положение среди других *все же спасающих людей* религий, и чуждается прозелитизма. Еврейский народ противостоит христианским народам более, чем любая из иных религий. Еврейство связано с христианством одним Мессиею, который к евреям пришел и которого они отвергают Мы признаем Иисуса Христа, Мессию и Богочеловека, который по человечеству кровно связан с еврейским народом и который прежде всего пришел к чадам дома Израилева и который нас сделал новым Израилем, Израилем духовным (Гал. 3, 26 — 29; 6, 15 сл.; Рим. 2, 28 сл.). Как же Израиль по плоти отделен от Израиля по духу? Неужели же два Израиля? Нет: *или мы, христиане, избранный народ Божий, Израиль, или евреи*¹. Этот факт в современном европейском сознании затемнен тем, что западное

¹ Религиозное соперничество с евреями, будучи неправильно переносимым в сферу отношений к еврейской периферии, приводит к чудовищным выводам. — Исходя из религиозного (!) упования еврейского народа (!) на победу его веры, приписывают это упование ассимилирующемуся (т. е. отрекающемуся от еврейского народа!) еврейству; и, опознавая интернационализм и материализм второго, приписывают их (еще с меньшим основанием) религиозному еврейскому народу, как стремление к «власти над миром». Здесь, в этой элементарной ошибке, — главный источник бредовых идей о «еврейском заговоре», «сионских мудрецах», «жидомасонах» и т. п. Помогают же ошибке указанное нами религиозно-культурное единство евреев, отъединяющее и объединяющее их и способствующее «однородным реакциям», своеобразному автоматизму, и некоторые черты самой еврейской религии, особенно — ее конкретность и связанность со всею еврейскою культурою.

христианство отпало от Православия и распалось на ряд исповеданий и сект. Таким образом ослабело сознание единой истинной веры, «единого рода христианского», и вместе с ростом неверия, религий человечества и разных теософий и вместе с усиленным взаимообщением разных религий, — христианство стало восприниматься, как одна из них. Наступила эпоха релятивизма, внешне устранявшего, но не преодолевшего антисемитические тенденции, которые были ослаблены и тем, что ослабели органические силы культуры, а симптомы ее упадка принимались за ее идеалы¹. Тем не менее, *соперничество существует и должно, прежде всего, быть осознанным*. И заметим еще одно: западное христианство само интернационально и отвлеченно, а религиозно-культурное еврейство-конкретно-национально, этим одинаково отличаясь и от него и от своей собственной периферии.

Существенно по-иному должно, на мой взгляд, обстоять дело в России-Евразии. Православие *глубоко национально*, но и возвышается над ограниченностью всякой отдельной национальности, будучи *самым и единственным вселенским христианством*. Православная Церковь *есть соборное единство всех православных национальных церквей*, среди которых есть и первенствующая, уповаем — русская. Поэтому Православию одинаково чужды и западный интернационализм и *западный* (католический) прозелитизм. Оно не стремится к тому, чтобы римское католичество или германское протестантство вошли в одну из уже существующих православных церквей, но к тому, чтобы, отметая *только* свои заблуждения, они восстали, как римская и германская православные церкви, в соборном единстве Церкви Православной являя многообразную лепоту Тела Христова. Но, с другой стороны, Православие и не предоставляет, подобно еврейству, иные веры иные исповедания их собственной участи; активно, хотя путем любви, а не путем принуждения, оно стремится к тому, чтобы и они, *остава-*

¹ Мы считаем «антисемитизм» одним из самых отрицательных явлений. Но возьмем его как симптоматический факт. Тогда окажется, что ослабление его в современной Европе — признак не совершенствования, а упадка европейской культуры. Его наличие в России, наоборот, свидетельствует о здоровье русской культуры. Там же, где есть здоровье, есть возможность действительно преодолеть антисемитизм, а не просто о нем забыть. Вот примечание, очень благодарное для клеветников.

ясь собою, из себя самих свободно стали православными¹.

Так и в отношении к народу еврейскому. Он — исконный и вечный враг Православия. Но нам сказано: «любите врагов наших», и у нас нет и не должно быть другого средства борьбы с ним, кроме любви. А любовь не внутреннее чувство, не бездеятельное прекраснодушие, а вовне проявляющаяся действенная сила. Признак истинной любви в том, что она активна и плодоносна, в том, что она бескорыстно стремится к благу любимого. В чем же благо еврейского народа, как не в обращении его ко Христу? Православие и стремится к тому, чтобы *еврейский народ обратился в Православие, но свободно и себя сохраняя*. Идеалом Православия должен быть, по моему разумению, *еврейский народ, как православная еврейская церковь*, дабы отдельные, разрозненно ныне обращающиеся ко Христу евреи в Православной Церкви нашли, наконец, и эмпирически свой еврейский народ, от коего, ради Христа, они оторвались. Последняя цель не в обращении отдельных евреев, отнюдь не в том, чтобы свести такими обращениями на нет еврейский народ, но — в обращении самого ветхого Израиля. «Многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом» (Мф. 8, 11), и из камней может Бог создать чад Авраамовых, но — «Я послан, — сказал Иисус, — только к погибшим овцам дома Израилева» (М. 15, 24); учеников же Своих Он наставлял: «идите, наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 10, 6). Полагаем, что завет Христа и к нам относится и что «ожесточение произошло в Израиле отчасти», до времени (Рим. 11, 25), и, по слову апостола (Рим. 11, 26), надеемся, что «*весь Израиль спасется*», т. е. станет народом — особою церковью Божьею, церковью ап. Иакова, венчающею Православие. Знаем, что «все во Христа крестившиеся во Христа облеклись» и что в Церкви «нет ни иудея, ни язычника.., ибо все... — одно во Христе Иисусе» (Гал., 3, 27 с.). Но значит ли это, что в ней нищают и эллины и иудеи, что у эллинов отнимается его эллинство, а у иудея его иудейство? Нет, не значит, ибо эллинство и иудейство теряют в

¹ Указания на проявлявшиеся и у православных народов попытки насильственного в самом широком смысле этого слова обращения иноверных и инославных противоречат существу Православия и не являются актами Церкви, которая свята и к мерам внешнего принуждения не прибегает. Насилие всегда грех, грех же свойственен человеку, хотя бы и иерарху церковному, но не Церкви.

Церкви *только* свою ограниченность: они не уничтожаются, но преобразуются. И если Церковь осудила древних иудео-христиан, так не во имя абстрактного универсализма, но потому, что отвергала упорствование их в своей ограниченности.

Думаю, что должна быть церковь еврейская так же, как есть церкви русская, греческая, болгарская, сербская, румынская и как должна быть германская и должна снова быть римская, все — одна соборная и вселенская Православная Церковь. Мы не имеем религиозного права забывать о евреях и прикрывать свое нерадение лицемерными обвинениями. Ибо, если отцы их Христа распинали, так мы не в меньшей степени и теперь Его распинаем. Однако, обращение еврейского народа ко Христу может быть лишь его *свободным* обращением, ибо иначе оно не обращение, а принуждение, равно разлагающее и того, кто сдается на принуждение. Здесь, с нашей стороны, не может быть ни малейшего насилия, но — *только* любовь, которая «долго терпит, милосердствует... не превозносится, не гордится..., не ищет своего..., всему верит, на все надеется, все переносит» (1 Кор. 13, 4). Так и соперничество преобразуется любовью в твердую и долготерпеливую веру во спасение еврейского народа, без чего и мир не преобразится. Ибо, с религиозной точки зрения, судьбы мира связаны с обращением еврейства ко Христу.

В России Православие и еврейский народ резче противостоят друг другу, чем еврейский народ противостоит христианству на Западе. Но «столкновение» происходит в России на религиозной и общей почве. Еврейство родственнее и роднее Православию, чем западному христианству. Очертим еще раз эту общую почву. Как еврейский, так и русский народ *существенно религиозны и устремлены к торжеству каждый своей веры*. И если Православие хочет свободного обращения всех ко Христу, не насилуя индивидуально-национального, то еврейству, в общем, чужд дух прозелитизма. Православие соборно (кафолично), но идея соборности является христианским просветлением *еврейской* идеи Израильского народа (demos). Поэтому еврейство *существенно национально*, а Православие *сохраняет все национальное в соборном*. Поэтому же и Православие и еврейство *национально-конкретны*, стремясь пронизать религиозным всю жизнь. Здесь объяснение своеобразного сходства между еврейством и русским староверием, как и перехода русских людей в еврейскую веру (ересь жидовст-

вующих, «субботники» и жидовствующие на юго-востоке России, частью среди казачества). Конкретностью же религиозности объясняется значение и сила в Русской Истории социальных идеалов и нравственных идей, что прослеживается даже в крайних извращениях революции и, опять-таки, сближает нас с евреями. Само русское *миссианство* во многом родственно миссианству еврейскому. С другой стороны, в среде русского еврейства мы встречаемся со многими явлениями, родственными русской религиозности. Сюда относятся распространение хасидизма, «еврейские старцы» — цадики, увлечение русских евреев русской религиозною философией (славянофилами, Достоевским, к сожалению, и Вл. Соловьевым), своеобразное слияние этой философии с мистическими идеями Каббалы и многое другое.

Нельзя, мне кажется, считать историческою случайностью, давнюю, даже исконную связь русского народа с еврейским. Она началась с хазар (ср. легенду о крещении св. Владимира), усилилась вместе с расширением русского государства и поставила «еврейский вопрос» во всей его широте. Правда, сожителство русских с евреями было исключительно для евреев тяжким. *Онтологическое соперничество, неизбежное и должное, выродилось в грубый антисемитизм и еврейские погромы.* Но, во всяком случае, антисемитизм не был характерным явлением для русской интеллигенции и для русского, по крайней мере, для великорусского народа. Его преимущественная территория — юго-запад России, где, правда, сосредоточилась и главная масса евреев. И не следует смешивать с антисемитизмом дурную привычку русского человека позубоскалить над евреем или поругать «жидов». Конечно, есть в отношении русского к еврею оттенок некоторого превосходства; может быть, даже пренебрежения; но ведь и какой-нибудь местечковый еврей на своем языке (так называемом жаргоне) говорит об умершем христианине «околел»; ведь, хороший религиозный еврей тоже смотрит на христианина несколько свысока, в сознании своего превосходства. Таким образом, за взаимностью обид дело может быть прекращено. С обеих сторон все это вполне понятно, естественно и даже неизбежно, ибо православный и еврей — соперники, оба убежденные в единственном значении и превосходстве своей веры и своей культуры.

Выдвигая близость еврейской религиозности к Русскому Православию, я вовсе не хочу смягчать принципиальное их

различие и застилать их трагическое столкновение успокоительной идиллическою картинкою. Религиозный еврей (даже — что тоже маловероятно — если он признает Троичность Бога) не может признать воплощение Бога во Христе Иисусе, как в единичном человеке. Сама мысль об этом представляется еврею кощунственной. Для него недопустима та благодатная, но и страшная близость человека к Богу, которую исповедует Православие как основу знания жизни, и бытия. Бог для еврея трансцендентен, соединен с человеком только «заветом»; и даже имя Божие не может быть произнесено. Еврейская религия провозглашает абсолютное разделение человека и Бога и должна быть определена, как «абсолютный дуализм» (конечно, не в смысле двух богов, а в смысле признания как бы одинакового и самостоятельного существования *двоих*: Бога и человека). Но такой дуализм с неодолимою необходимостью должен приводить к отрицанию всякого знания о Боге и даже знания о том, есть ли вообще Бог и не существует ли *только* человек со своими *человеческими* представлениями и догадками о Боге. Неизбежными следствиями этого дуализма должны быть атеизм и религия человечества или самообожание человека, грех Адама. И поистине трагична судьба религиозного еврея, прирожденного Богоборца. Он должен, неумолимо разрушать всякие представления о Боге, всякое Богознание, дабы человеческим не осквернить Божьего, дабы не допустить Боговоплощения. Но, чтобы остаться верующим, он должен героическим и предельным напряжением всего своего существа утверждать бытие Божие, т. е. вечно восстанавливать вечно им же самим разрываемую связь с Богом. Говорят о скептическом, все разлагающем духе ассимилирующегося еврейства. Но все это — лишь слабый отблеск внутренней трагедии религиозной еврейской души. Не всегда она была такою, но отвержение Иисуса Христа такою ее сделало, ибо ее состояние и есть само отрицание Богочеловека. И потому не евреям, а нам раскрывается ныне *истинный* смысл псалмов и библейских пророков¹.

Конечно, еврейская религия — самый сильный и страшный враг христианства, не сравнимый с язычеством, единственный сильный враг. Ибо еврейство потрясает самое

¹ Основными чертами религиозности еврейской легко объяснима специфичность еврейства ассимилирующегося. К сожалению, здесь я на этом останавливаться не могу и вынужден предоставить развитие моей мысли читателю в качестве полезного диалектического упражнения.

веру пламенным порывом самой веры; ибо только оно посягает на само основание веры — на Христа Богочеловека. Но именно весь ужас религиозной трагедии еврейства и открывает бездны Богочеловеческой любви. Вот почему наша последняя цель и наше драгоценнейшее упование — в обращении еврейского народа ко Христу, в восстановлении православной еврейской церкви, как самого и всего еврейского народа. Наш религиозный долг в том, чтобы направить на осуществление этой цели все наши усилия. Однако, допуская только *свободное* обращение ко Христу и понимая это обращение лишь как *следствие свободного и нормального саморазвития*, мы считаем всякие, хотя бы и косвенные и малейшие, меры принуждения в самом существе ошибочными, не приводящими к цели, а уводящими от нее, т. е. непрактичными, и, во имя самой свободы Христовой, самым решительным образом их отвергаем. Единственной с христианской точки зрения допустимой, но и необходимой, единственно целесообразной и практичной борьбой с нашим извечным противником может быть только искреннее, *бескорыстное и активное содействие его свободному религиозно-культурному саморазвитию*. Мы, православные, в результатах такого содействия уверены и нашей уверенности ни от кого скрывать не хотим, радуясь тому, что оно облегчено и словно преуказано близостью к нам русского еврейства. Но мы знаем, что евреи смотрят на себя и на нас совсем иначе и что первым следствием нашего содействия будут подъем *еврейского* религиозно-культурного самосознания и как бы укрепление *евреев в их еврействе*. Мы готовы ждать, ибо умеем ценить и любить еврейский народ даже в его разномыслии с нами, а «любовь долготерпит». И мы полагаем, что упорство его в отрицании христианства обусловлено, прежде всего, теми трагическими условиями, в которые было до сих пор поставлено его развитие. Еврейского вопроса, более и первее всего религиозного, не удалось и никогда не удастся разрешить внешним насилием или лукавством. Его не удастся разрешить и на почве торжествующего в Европе релятивизма. *Но его можно разрешить на основе истинного христианства, на основе Православия.*

Только православный народ может разрешить проблему еврейства, ибо только в связи с ним может ее разрешить сам еврейский народ. А с точки зрения трезвой, практичной политики, самый подход к проблеме в указанном нами смысле оказывается чрезвычайно *выгодным и*

для культуры еврейской и для культуры русской. Ведь, рядом с нашим подходом возможны или отрицание религиозного смысла еврейской проблемы, или отказ от всяких попыток ее разрешить, или, наконец, религиозная вражда к еврейскому народу. От религиозно-культурного расцвета еврейства никаких опасностей мы не ждем и сознанию им своего первородства противопоставляем наше православное самосознание.

Религиозно-культурный расцвет еврейского народа прежде всего даст ему силы для *национальной концентрации*. Это неизбежно приведет к тому, что *периферия* его перестанет отставать от ядра, как апельсиновая корка, и срастется с ядром, *втянется* в него, вступит с ним в органическое взаимоотношение или — уже в окончательно отъединенной части своей — *нацело сольется* с окружающей культурой. Прекратится или до крайности *замедлится и ослабеет процесс ее образования*. Итак, сама собою исчезнет та потенциальная опасность, которую представляют для нашей культуры ассимилирующиеся евреи и которая иначе, по самой природе своей, непреодолима, ибо потенциальна и неуловима. Конечно, нам могут возразить, что упованием на обращение еврейского народа мы как бы снова открываем путь процессу ассимиляции со всеми вредными ее последствиями. Мне кажется, что это не так. Во-первых, устраняются ненормальные условия, в которых эта ассимиляция до сих пор протекала, что уже немаловажно. Во-вторых, упование — отнюдь не принуждение и не заманивание. Наконец, мы уповаем не на отдельные обращения, а на обращение народа.

Подозреваем, что недобросовестные критики назовут нашу точку зрения «идеологией черты оседлости» или «идеологией средневекового гетто». Хотя мы думаем, что гетто и черта оседлости сыграли в религиозно-национальной самобытности еврейского народа роль положительную, — ни о чем подобном мы, конечно, ни минуты не думаем. Мы полагаем, что русскому еврейству должна быть обеспечена *полная свобода религиозно-культурного, скажу даже политического самоопределения, самосохранения и саморазвития среди других народов Евразии*, и притом обеспечена *самым ясным и точным образом*. И это уже его дело, хочет ли он сохранять или видоизменять формы своего культурного бытия, которые, мне кажется, благодаря ненормальным условиям развития, нуждаются во многих изменениях. Еврейский народ должен стать *равноправ-*

ным членом евразийской федерации. Это отнюдь не требует создания для него особой территории, которой у него нет и к созданию которой он не склонен. Пересаживание евреев на землю столь же не соответствует духу современного еврейства, сколь не соответствует ему, по нашему мнению, современный еврейский сионизм, хотя он нас, как русских, пока и в предвидимое ближайшее время никак не касается. Проблема сионизма стала бы и русской проблемой лишь в том случае, если бы в Палестине создался живой и органический центр всего рассеянного по миру еврейства. Тогда бы нам нужна была свободная, а не находящаяся под чьим-либо протекторатом Палестина. Еврейский народ един не единством и целостностью своей территории, а своим исключительным религиозно-культурным единством, своим «Законом», и внешне его определяющим.

Но тут нас ожидает другое возражение. Подобное решение вопроса, скажут нам, угрожает притоком еврейства из других культур и стран в Россию и созданием в России новой Палестины. И как можно говорить о включении русского еврейства в сферу Евразии, раз оно — только часть рассеянного по миру единого еврейского народа? Ответим. Приток еврейства в Россию страшен лишь тем, кто считает еврейский народ уповательно подлежащим истреблению врагом рода человеческого и кто не знаком с историей и не знает ничего о положительной культурной роли, которую еврейский народ уже сыграл в экономическом, социальном и духовном развитии мира. С другой же стороны, я сомневаюсь в том, что наше решение еврейского вопроса действительно поведет к усиленному притоку евреев в Россию. Основания моего сомнения будут и ответом на формулированный во второй фразе этого абзаца вопрос.

Еврейский народ — единое и органическое целое. Но всякое органическое целое не однородно, а расчленено на соборно объединяющиеся частные целые. Так членится и еврейский народ, однако, — и в этом его своеобразие и его смысл в истории человечества — сообразно внутреннему сродству между частными его организмами и соответствующими культурами. Есть еврейство, природно родственное миру романской культуры, и есть еврейство, так же родственное миру культуры германской или миру культуры евразийско-русской. Таким образом, и получается, что русское еврейство, будучи индивидуализацией еврейства, является также индивидуализацией культуры евразийской. Эмпирически здесь установимо лишь некоторое «соответст-

вие», некоторая двуприродность русского еврейства. Теоретически это может быть объяснено двояко: или русское еврейство есть еврейство, перерождающееся в народ евразийской культуры, или оно является индивидуализацией в *еврействе* той религиозно-культурной общечеловеческой потенции, которая в христианской культуре индивидуируется, как единство евразийских народов. Я склоняюсь ко второму объяснению, ярче выражающему значение и религиозный смысл еврейства в общечеловеческом развитии и распространяемому мною, конечно, и на другие индивидуализации еврейской культуры. Оно, кроме того, позволяет резко подчеркнуть связь русских евреев со всем еврейским народом, т. е. охранить от всяких теоретических и практических посягательств само существо еврейской религиозной идеи. Практические затруднения, разумеется, будут, но не большие, а меньшие, чем при господствующих пониманиях еврейской проблемы; и лишь мономанам, подделывающим «протоколы сионских мудрецов» или верующим в их существование, эти затруднения покажутся непреодолимыми.

Не только со стороны русских интеллигентов, но и со стороны многих евреев можно ожидать довольно сильного возражения по существу. Именно, наши противники будут отрицать существование, или по крайней мере, жизненность, своеобразие и ценность самобытной еврейской культуры. То, что *кажется* ею, скажут нам, не что иное, как искусственный продукт ряда случайных, в конце концов, условий: средневекового гетто, черты оседлости, религиозной вражды к евреям и их вызываемого напором извне стремления сохранить себя через свой обрядовой закон. Ведь у евреев нет, скажут нам, общего им всем живого языка, а попытка снова сделать живым древнееврейский, во-первых, встречает сопротивление в самой же еврейской среде и, во-вторых, обречена, как искусственная и романтическая, на неудачу. Евреи всегда ассимилировались и всегда легко усваивали язык окружающего мира (испанский, французский, немецкий, русский и т. д.) для того, чтобы сохранить свой лишь в качестве священного. Судьба еврейства в полной его ассимиляции, в полном растворении его окружающими культурами. Этот процесс протекает болезненно, что и сказывается; частью, в отрицательных сторонах ассимилирующегося еврейства, и медлительно, может быть, — за последнее время он замедлился еще более (сионизм), но исход его ясен и неизбежен. Перенесенное в сферу проблематики религиозной, подобное возражение

принимает, примерно, следующий вид. Не может и не должно быть никакой «еврейской церкви», ибо смысл еврейской истории с религиозной точки зрения как раз в том и заключается, что еврей должен «оставить отца своего и мать», отречься от своего народа, от себя как еврея, и умерев как еврей, ожить как христианин. Еврейский народ обречен на рассеяние и гибель: в этом его судьба. Распяв Иисуса Христа, он распял своего собственного Мессию, себя самого предал на распятие. Он должен взойти на Голгофу и умереть как природное, натуральное тело Мессии, чтобы воскреснуть уже не еврейским народом, не народом. Поэтому и ныне еврейский народ не народ и не культура, а — призрак.

Если так, то и разрешение еврейской проблемы лежит на иных путях. Оно заключается в облегчении процесса ассимиляции. Конечно, такое облегчение предполагает решительный отказ от всяких насильственных мер, только задерживающих «обращение», но оно, вместе с тем, исключает ориентацию на религиозно-культурное еврейство. Его надо предоставить собственной его участи («естественной смерти»), не мешая ему, но ему никак и не содействуя, ибо зачем содействовать заведомо безнадежному? С другой стороны, воздействие на ассимилирующееся еврейство оказывается невозможным иначе, как в порядке саморазвития данной (в частности — русской) культуры и ее самозамыкания от еврейства. Это путь пассивного и недейственного ожидания. Правда, в России (разумея не Россию коммунистическую, а грядущую, евразийскую Россию), в отличие от Европы, для которой такая пассивная установка характерна, еврейству ротивостоит не секуляризованная и тем обесплощенная культура, а Православная Русская Церковь. В России еврейская проблема остается религиозною даже и с рассматриваемой точки зрения. Иначе говоря, и в этой постановке еврейская проблема может быть разрешена только Россиею, хотя бы интернациональное католичество и казалось евреям, на первый взгляд более привлекательным, чем национальное Православие. Тем не менее, и здесь приходится тогда отнестись к ассимилирующемуся еврейству, как к неустранимому и неизбежному испытанию. Его существование и даже его рост — тяжелый крест, который надо терпеливо нести и тяжесть которого можно лишь несколько облегчить тем, что ему будет ясно противопоставлен призыв религиозных евреев в лоно русского Православия.

Изложенную сейчас точку зрения считаю принципиально возможной. Она дает другое решение проблемы, согласующееся с традицией. И мне представляется даже, что только дальнейшее развитие может дать окончательные аргументы в пользу этого решения или в пользу решения, которое мне кажется более правильным и обоснованным. Укажу лишь на одно. Наше решение исключает пассивное воздержание, но требует активности, действенной любви к еврейскому народу, как таковому, а не только ко всякому еврею, как индивидууму. А там, где действенная любовь, там, наверное, и правда. Ибо дерево всегда по плодам познается.

Развиваемая нами точка зрения встретит, конечно, упреки в утопизме. Но мы уже давно привыкли к нападкам и непониманию со стороны наивных и даже научно отсталых идеологов единой общечеловеческой культуры и секуляризации. В том мы и видим свою заслугу, что решаем еврейский вопрос по существу и на почве религиозной. Что же касается обвинений в утопизме, то мы уже давно привыкли к нападкам и непониманию со стороны наивных и даже научно отсталых идеологов единой общечеловеческой культуры и секуляризации. В том мы и видим свою заслугу, что решаем еврейский вопрос по существу и на почве религиозной. Что же касается обвинений в утопизме, как мы ответим на это вопросами: — ведет ли наш «утопизм» к каким-нибудь абстрактным или конкретно неосуществимым мерам? Не оказывается ли он, наоборот, очень реальным и практичным в своих выводах? Исходя из истин Православия, мы нигде не искажаем действительности и не подчиняем ее никаким отвлеченным схемам. Нелегко, конечно, на деле преодолеть накопленные веками недоразумения и предрассудки. Но можно и должно настойчиво стремиться к их преодолению. Наш путь верен. Его интуитивно наметил и показал его конкретное значение Лесков в своем замечательном рассказе о митрополите Филарете (Владычный Суд). — Еврей, чтобы освободить своего единственного сына от рекрутчины, нанял на последние деньги заместителя ему, другого еврея. А тот, забрав плату, заявил о своем намерении креститься, чем аннулировался весь договор. По закону помочь старику-еврею было невозможно. Но владыка Филарет решил дело быстро и просто, признав обманщика «недостойным св. крещения». И что же? Через некоторое время крестился сам старик-еврей.

НА ТЕМЫ ИСТОРИОСОФИИ

Последние годы отмечены острой и настойчивой постановкой проблемы еврейства. Проблема эта вековая, но наше время внесло сюда особую страстность, доходящую нередко до подлинной маниакальности. Помимо жестоких гонений на евреев в Германии, своей бесчеловечностью смутивших немало даже закоренелых антисемитов, — сюда присоединилась проповедь нелепой теории расизма, проникающая, как зараза, в целый ряд стран. Все это резко выделяет еврейский вопрос из большого комплекса других трудных проблем, которыми обременено наше время. В известной мере сюда присоединяется и крах, или бессилие традиционной позиции либерализма, — не в том смысле, что эта позиция оказалась неверна, — но позиция либерализма в отношении к еврейскому вопросу обнаружила явную *недостаточность*, неумение охватить всю сложность темы о еврействе. Чисто правовой подход к этой теме не принес действительного разрешения вопроса, — очевидно корни антисемитизма, злая вражда к еврейству не могут быть парализованы извне, через одну правовую культуру. Конечно, система правопорядка, как это мы видим в Англии и Америке, в известном смысле «упраздняет» еврейский вопрос, по крайней мере, снимает его остроту, — но в то же время как раз при правовом подходе к теме еврейства, пожалуй, еще резче обнажается *загадочность* еврейской судьбы. Там, где тема о еврействе ставится в условиях бесправия и гонений, не до того, чтобы задумываться над этой загадочностью, там элементарное чувство человечности и логика правосознания повелительно требуют *борьбы* за прекращение преследований и переход к нормальному правопорядку, требуют отказа от системы ограничений и изоляции в отношении к евреям. Не только для христианина, но и просто для человека, не впавшего в ци-

низм или готтентотскую мораль, как-то неловко доказывать очевидную истину о равенстве всех людей, о недопустимости всякого расового гонения и антисемитизма, в частности. В порядке моральном тут просто нет «проблемы», тут нечего доказывать, — и настоящая статья написана не для раскрытия того, что было и остается моральной аксиомой для тех, для кого еще существует мораль. Нам кажется, однако, своевременным в этой бесспорной, но и скорбной теме коснуться другого, — подойти к ней *в плане историософии*. Было бы фатально, если бы в теме о еврействе мы ограничились протестом против антисемитизма и не почувствовали в ней загадочной глубины, если бы тайна еврейской судьбы, тайна обреченности еврейства возводилась просто к рецидивам варварства у народов, среди которых живет еврейство. Варварство это, конечно, является фактом, но остается странным и загадочным таинственное «избрание» еврейства в качестве вечного объекта для проявления варварства. В этом негативном смысле судьба еврейства явно оказывается связанной *с какими-то центральными процессами в истории*, — и система правопорядка, хотя и смягчает внешние проявления «теллурических сил», как игриво называет современное варварство Кайзерлинг*, но не в силах устранить самый исторический «фактум», выпадающий на долю еврейства. Ведь в системе правопорядка, увы, возможен глубокий и даже страстный антисемитизм, — по существу, может быть, даже более страшный, чем тот, к которому приучила нас история. В качестве иллюстрации этого сошлюсь на книгу знаменитого философа Эдуарда Гартманна под названием «*Judenfrage*», в которой мы находим проповедь и целую программу антисемитизма *в пределах системы правопорядка*. Гартманн исходил из мысли, что насилия только унижают коренное население и, сообщая еврейству ореол мученичества, морально его усиливают... Программа Гартманна не требует, впрочем, разбора уже по одному тому, что антисемитизм всегда и везде тяготеет к вульгаризации, к моральным и правовым насилиям. Я не хочу к тому же ослабить указанием на книгу Гартманна положительное значение правовой идеи, а отмечаю только то, что в правовом плане не все улавливается в теме о еврействе, — тайна еврейской судьбы здесь просто не замечается.

Само понятие «*исторической судьбы*» обыкновенно не

* См. его книгу «*La Révolution mondiale*».

принимается серьезно историками, — для них это вообще есть некая риторика, цветистое описание фактов. Я не берусь здесь обосновывать понятие «исторической судьбы», скажу лишь кратко, что как раз в теме о еврействе без этого понятия трудно обойтись; что только пользуясь им, мы подходим к более глубоким и существенным сторонам в проблеме еврейства. Нельзя ведь не остановиться с изумлением перед фактом, что еврейство, раздробленное и рассеянное в течение веков, осталось доныне единым. Еврейство не имеет ни территории, ни государственности, но имеет свою историю, — вообще, является *субъектом*, а не объектом исторического процесса. В исторических судьбах еврейства есть действительное внутреннее единство, внутренняя закономерность, свой «логос», и это и побуждает думать об особой «судьбе» еврейства. Сознание тайны еврейства не нужно возводить к «мистическому страху» перед ним (как это, напр., утверждал L. Blois в своей известной книге «Le salut par les Juifs»), — но всякий, кто захочет вдуматься в исторические судьбы еврейства, не может не почувствовать, что есть в этих судьбах действительно какая-то тайна. Если Ап. Павел говорил о Ветхом Завете, что он «закрит покрывалом» для тех, кто не принял Христа, — то и судьба еврейства после рассеяния закрыта еще плотнее и остается загадочной доныне. Что больше всего поражает в еврействе после рассеяния — это его единственная и исключительная живучесть как национального целого. Чем держится и определяется эта живучесть? Веками еврейство жило среди других народов, будучи при том раздробленным и распыленным, и все же не растворилось в этих народах, не растеряло самого себя. Если можно в истории найти несколько параллелей к устойчивости еврейства как национальности, то эти параллели всецело объясняются языковой и бытовой обособленностью. Между тем еврейство обычно очень легко и быстро ассимилируется в языковом отношении, крепко привязывается к тому культурному типу, с которым связано по месту жительства, — да и в быту, за вычетом религиозной обрядности, оно обычно срастается со средой. Тем не менее, мировое еврейство, при всей глубине культурных и иных различий между отдельными его частями, живущими в разных странах, остается единым в своем духовном складе, единым во внутренних императивах жизни, определяющих особую судьбу, особый путь еврейства. Может быть, это можно свести к расовой, т. е. этнически-биологической особенности еврейства? Но

понятие расы есть понятие историческое, а не чисто биологическое: расы возникают, растворяются, гибнут, возрождаются, вообще не являются непроницаемыми для биологических и духовных воздействий. С другой стороны, разнообразие условий, в которых жили и живут веками разные части еврейства, само уже является фактором, ослабляющим исконное единство и понижающим духовно биологическую сопротивляемость еврейства воздействиям среды. Очевидно, дело не в этнической биологии, а в каком-то факторе, не зависящем от биологии. Можно было бы сослаться на понятие «нации», чтобы объяснить историческую живучесть и поразительное единство еврейства, но тогда придется брать это понятие не в его историческом, а в ином — сверхисторическом смысле, ибо обычное понятие нации является сугубо историческим понятием. Если же нация таит в себе независимость от исторических воздействий, то это уже означает ее «сверхисторическую» сущность... Нет, поистине судьба еврейства единственна и непостижима, — для понимания ее безусловно нужно выйти за пределы обычных исторических понятий.

С большим мастерством развивает эту мысль Гершензон в его замечательном этюде «Судьбы еврейского народа». Хотя его книга написана, собственно, против сионизма, но историософская позиция Гершензона имеет значение далеко за пределами этой специальной темы. Гершензон решительно отвергает всякую попытку найти «рациональное» разрешение еврейского вопроса и отбрасывает историософский позитивизм, чтобы затем свести судьбу еврейства к несению особой *сверхисторической* миссии. Иначе говоря, Гершензон ищет ключ к теме о еврействе в его особой *мистической обреченности*, которая определяет и историческую неистребимость еврейства и его фатальную несливаемость с другими народами. Не смущаясь радикальностью своих формул, Гершензон прямо заявляет, что всякая попытка рационально разрешить тему еврейства, так сказать, уложить ее целиком в рамки исторической эмпирии, есть *измена* таинственной миссии еврейского народа. Это миссия и дает, по Гершензону, ключ к объяснению исторической силы еврейства, — для него не только национальная оболочка (еврейский язык, культура), но даже и религиозная скрепа его не объясняют этой силы, этой исторической устойчивости еврейства. Гершензон даже признает, что в еврействе с большой силой идет распад ре-

лигиозной основы его единства, идет процесс денационализации, — и все же еврейство остается и останется цельным, скрепленное сверхисторической миссией, врученной еврейскому народу.

Снимается ли этим покрывало с той загадочности, которую мы находим в судьбе еврейства? Едва ли, — ибо положительное раскрытие основного тезиса Гершензона о сверхисторической миссии еврейства расплывчато и неясно. На сколько силен Гершензон в его критике историософского позитивизма, настолько слаба его собственная конструкция. Вот несколько иллюстраций этого, существенных для попытки «снять покрывало». Предсказывая усиление процессов распада религиозной основы еврейства, Гершензон утверждает, что еврейство идет все к большей «духовной бездомности, как уже наступила для него бездомность мирская». Дальше он сам ставит вопрос, «куда ведет еврейство его народная воля (вдохновляемая сверхисторической миссией. В. З.) — кто скажет?». «Верно не без причины, — читаем у него же в другом месте, — еврейство отрывалось от всех якорей и теперь сбрасывает последний (религиозный. В. З.) Мы теперь можем с уверенностью предвидеть: человек в еврействе станет нищ духом, но не к этой ли цели стремится и все человечество? Разуверение началось не только для еврейства: тем же недоумением, той же нищетой разума и тоской заболевают ныне все горячие сердцем, чистые духом, — и эта зараза будет шириться между людьми»...

В эсхатологической картине, нарисованной Гершензоном, еврейству усваивается особая миссия — быть пионером в движении истории к некоей запредельной цели. Сама по себе мистичность такой историософской конструкции не отталкивает нас, ибо Гершензон прав, что «судьбы народов еще меньше подвержены власти случая, нежели судьба одного человека». Поскольку рационализм в историософии (типа Гегеля) потерпел крушение, поскольку формула того же Гегеля о тождестве действительного и рационального («все действительное — разумно») неверна, постольку приходится либо считать исторические судьбы какого-либо народа «импровизацией» истории (мысль Герцена), либо надо искать «смысла» истории в сверхрациональном и сверхисторическом начале. В этом порядке в размышлениях о тайне еврейской судьбы нам нечего заранее бояться того ухода в мистическую историософию, какой мы находим у Гершензона. Однако если мы присмот-

римся к тому, как толкует Гершензон таинственный логос истории вообще, то это, во всяком случае, вызывает сомнения. История движется, по Гершензону, к некоей *спиритуализации* исторического бытия, к отрыву истории от всего ее культурного и духовного содержания (к «нищете духовной»). Цель истории сводится здесь к тому, чтобы сбросить и развеять именно то, что накоплялось самой историей; такое «развоплощение» исторического бытия должно превратить его в итоге истории в онтологическое ничто... Недаром в одном месте Гершензон говорит, что в конце истории «все мирские ценности окажутся бутафорскими яствами». А вот другое странное место: «евреи больше всех народов были сыты своим Богом, оттого их голод будет всего жгуче». Значит ли это, что в конце истории религиозная жизнь умолкнет, настанет духовный голод и жизнь без Бога? Если да, то это значит, что центральная библейская идея спасения, идея мессианизма, питавшая еврейство искони, совершенно выветривается, а с ней выпадает, конечно, и та сверхисторическая миссия, о которой говорит Гершензон... Формально схема Гершензона дает свое объяснение судьбы еврейства, но ценой глубоких противоречий. Ветхозаветный Израиль и еврейство в рассеянии жили и живут духовно мессианскими чаяниями, в которых и заключена духовная скрепа еврейства. Если же эта скрепа, т. е. сверхисторическая миссия еврейства заключается в *разрушении* всех исторических ценностей, если пришло время для распада религиозной основы еврейства (что прямо и признает Гершензон), для окончательного торжества «духовной бездомности», «духовной нищеты», тогда нынешняя миссия еврейства есть прямое отрицание и отвержение того, что определяло раньше судьбу еврейства. Еврейскому духу в действительности всегда был и ныне остается чужд историософский спиритуализм, ведущий к «развоплощению» исторического бытия. Схема Гершензона, формально верная в том смысле, что она ищет разгадки судьбы еврейства в его особой миссии, во всяком случае в факторах сверхисторического порядка, — по содержанию своему не объясняет ни прошлого ни настоящего в жизни еврейства. У Гершензона чувствуется глубокое отчаяние, мучительное чувство нарастающей пустоты в еврейском духе, и он строит целую систему, напоминающую идею нирваны, в которой тонет и пропадает все, что накапливала история веками...

Я не собираюсь вести запоздалый спор с Гершензоном и остановился на его книге только потому, что в диалектике историософских конструкций его позиция является очень важным поворотным пунктом. Его критика историософского позитивизма и упрощенного рационализма очень сильна, его поворот в сторону мистицизма в историософии, т. е. в сторону внесения сверхисторических понятий (как понятие «сверхисторической миссии»), намечен убедительно. Неудача Гершензона в дальнейшем построении определяется, на наш взгляд, тем, что он стремится понять тайну еврейской судьбы, *изолируя* еврейство от всей истории, в частности, — толкуя судьбу еврейства *вне его отношения к христианству*. Если невозможно понять судьбу еврейства из него самого, — хотя история еврейства остается внутренне единой и цельной, — то это означает только то, что внутренняя завязка этой истории определяется отношением еврейства к *чему-то, находящемуся вне его*. И конечно, здесь не может быть сомнения в том, что такой определяющей для судеб еврейства сферой является христианство, которое было изначала огромным и потрясающим событием внутри самого Израиля. Совершенно невозможно рассматривать христианство как сферу, лишь внешне соприкасающуюся с еврейством, — наоборот, взаимоотношение еврейства и христианства имеет самое основное значение *как для еврейства, так и для христианства* и без преувеличения должно быть признано *центральной темой истории*. Такому религиозному подходу к истории всячески противится секуляризм, очень глубоко внедрившийся в наше сознание, но именно в еврействе его религиозный мир и его национальная судьба так неразрывно, так интимно связаны одно с другим, что чисто секулярное понимание еврейской судьбы прямо невозможно: она оказывается лишенной всякого глубокого смысла, предстает перед нами *как трагическое нарастание бессмыслицы*. Лишь связывая изнутри судьбы еврейства (в рассеянии) с христианством, то есть вдумываясь в диалектику религиозной судьбы еврейства, мы можем «снять покрывало» и разгадать тайну еврейской судьбы. Суть дела здесь не в том, что христианство, столь глубоко донныне связанное с Ветхим Заветом, слишком грандиозно, чтобы считать его второстепенным для судеб еврейства фактом (как это находим и у Гершензона, и у других еврейских писателей)*, а в

* См., напр., книгу И. М. Бикермана: „К самопознанию еврея“, где эта идея проводится очень ярко.

том, что христианство живет той же «сверхисторической миссией», какой жил Ветхий Завет, какой духовно держится еврейство доныне. Поэтому, либо логос истории, общая внутренняя ее смысловая определенность вообще не связаны с идеей спасения (которая и составляет содержание указанной «миссии»), либо логос всемирной истории изнутри определяется этой идеей, — и тогда он определяет исторические судьбы христианского мира, но он же действует таинственно и в судьбах еврейства. Иначе говоря — либо нельзя понять тайны еврейства после рассеяния, не связав его изнутри с христианством (и обратно, конечно!), либо мы должны обречь себя на историософский алогизм, на отрицание всякого «смысла» в истории и ограничиться простым описанием фактов, без надежды уяснить себе то, что стоит позади этих фактов и определяет их содержание...

В общей философии истории диалектика этого рассуждения всплывала не раз, например, в философии истории Герцена. Я очень высоко ценю историософские построения Герцена как раз за его острую и непримиримую критику историософского рационализма, того упрощенного подхода к философии истории, который просто отождествляет «логос» истории с фактическим движением истории. Раздвигая их, Герцен считается только с исторической эмпирией; ему так же чужд упрощенный рационализм в историософии, как и поспешный детерминизм, и он приходит к формуле, что история «импровизируется». Это значит, что смысловые связи в истории случайны, что в истории нет никакого внутреннего логоса, а есть просто *évolution créatrice* — однако без той «инстинктивной разумности», которую находит Бергсон в космическом процессе. Однако, отвергая упрощенный рационализм, склоняясь в сторону историософского алогизма, Герцен почти вплотную подводит к историософскому мистицизму, поскольку в «импровизациях» истории может неожиданно выступить явление, необъяснимое ни из слепой исторической необходимости (которую страстно отвергает Герцен), ни из чисто внешнего случайного сочетания фактов. Все своеобразие философии истории у Герцена заключается в трагическом противопоставлении творческой личности и слепой игры исторических сил: категория «смысла» всецело входит лишь в внутренний мир личности, а вне ее есть только слепая и потому бессмысленная игра стихии. Отсюда черта глубокого трагизма в историософии Герцена — он никогда

не может забыть о творческом и вдохновенном устремлении личности к свободе, к идеальным задачам, но сама личность есть какой-то «выродок» истории, непостижимая в ней случайность... Если нет вне личности ничего кроме *élan vitale*, а в самой личности откуда-то появляется *élan vitale spirituel* (как предлагает говорить Ad. Ferrière в своей интересной книге «*Le progrès spirituel*»)*, — то откуда эта добавочная духовная сила в человеке? Мы неизбежно становимся здесь перед дилеммой: либо духовная сила в человеке есть космическая и историческая случайность и тогда это усугубляет бессмыслицу бытия, — либо это не случайность, и тогда есть где-то метафизическая опора для этой духовности в человеке... Герцен со всей решительностью отбрасывает метафизику истории, построенную (у Гегеля, например) на учении об имманентном истории логосе, — но что же мешает нам связывать духовную силу в человеке с духовной инстанцией, стоящей вне мира, ему трансцендентной? Если не разделять детского страха перед метафизикой вообще, то нечего бояться и в историософии выходить за пределы имманентных истории сил, раз это нужно, чтобы уяснить себе смысл в сплетении исторических фактов. Уже античная идея «рока» была историософски нужна в свое время, чтобы связать воедино жизнь отдельного человека или целого народа: как раз эта идея рока впервые и ставила перед сознанием загадочный факт такого единства. Мы только не можем принять ни античной мифологии, выросшей вокруг этой идеи рока, ни самой «слепоты» этого рока — но самый принцип, то есть необходимость выйти за пределы истории, чтобы понять связующий события смысл, почему не можем мы принять, — особенно, если не побоимся дать прямое религиозное истолкование этого?

Возвращаясь к теме еврейства, мы должны признать, что эта тема повелительно требует такого историософского построения, при котором скорбная загадочность еврейской истории была бы освобождена от подозрения в пустой и трагической бессмыслице. Всякая попытка «снять покрывало» и истории еврейства имеет право на существование, и если это к перестройке застарелых историософских схем, почему этого бояться? Бесспорно единство «исторической судьбы» еврейства в рассеянии, непостижима, но тоже бесспорна историческая живучесть еврейства. Совершенно законно спросить: куда и что движет еврейство? Каков

* Paris, 1927.

«смысл» того рокового «избрания», которое пало на еврейство в рассеянии?

Это приводит нас вплотную к той философии истории, которая дана в христианстве. Правда, христианский рационализм в историософии — от блаж. Августина до Боссюета — потерпел в свое время такой же крах, как и последовавший за ним рационализм секулярной историософии, известный под именем «теории прогресса». Надо, конечно, признать, что и панлогизм Гегеля и богословский и философский рационализм в историософии надолго дискредитировали самый замысел разыскания «логоса» в истории. Христианская идея Промысла в истории, религиозно живая и ныне, богословски оказалась надолго отброшенной, не обещающей ничего для философии истории. Но крах упрощенного рационализма в историософии не означает бесплодности самой идеи Промысла в истории, т. е. не упраздняет права выходить за пределы исторической эмпирии и искать ключа к разгадке запутанных исторических тем в сверхисторической инстанции... Я не буду входить здесь в дальнейший анализ этой идеи, но утверждаю, что в историософской теме о еврействе мы имеем полное право, в качестве гипотезы, исходить и из христианской концепции истории. И если эта концепция поможет нам понять темную и таинственную судьбу еврейства, это лишь укрепит нашу позицию.

Тема еврейства освещена с исключительной и единственной глубиной ап. Павлом: величавая картина, нарисованная им, навсегда входит в наше сердце, если мы дадим себе труд вникнуть в нее*. Ап. Павел, как никто другой, был призван к тому, чтобы истолковать судьбу еврейства, — он был верным сыном своего народа, горячо и страстно любившим его, очень глубоко и болезненно переживавшим его страдания. Но как христианин, как «апостол языков», он с неменьшей болезненностью переживал религиозную драму еврейства, не принявшего Христа. Он сам пишет (послание к Римлянам): «великая печаль для меня и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти». Этот вопль, напоминающий страстные слова Моисея, свидетельствует о том, как болезненно переживал

* Из книг, посвященных анализу этих мест, особенно отмечу Erik Petersen: „Le mystère des Juifs et des Gentiles dans l’Eglise“ (trad. de l’allem.). Paris. См. также статья Влад. Соловьева.

ап. Павел религиозную драму еврейства, не узревшего во Христе Мессию. Вся душа, неустанные молитвы ап. Павла, направлены на вопрос о спасении Израиля, — его мучило то, что христианство с такой силой распространялось среди язычников, а большие массы еврейства оставались вне христианства. Но ап. Павел глубоко чувствует, что эта религиозная драма внутри еврейства *не разорвала связей еврейства с Богом*; он категорически говорит (Римл. II, I): «Бог не отверг Израиля». Этого мало: ап. Павел дальше пророчествует, что «весь Израиль спасется», — а ожесточение Израиля против Христа — только «до времени». Дальше находим еще более сильные и даже страшные, непостижимые слова: ожесточение еврейства против христианства оказывается фактом *провиденциальным*. Эта идея сразу кажется такой странной, что и сам ап. Павел, заканчивая эту главу, обращает внимание на неисповедимость для нас путей Божиих. «О, бездна богатства и премудрости видения Божия, восклицает он; как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!». «Не хочу оставить вас, братья, — пишет он, — в неведении о тайне сей — чтобы вы не мечтали о себе: ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени — *пока войдет полное число язычников*». В этих последних словах ап. Павла и дано указание на «провиденциальность» ожесточения Израиля; в свете его слов должны мы признать, что по христианской концепции истории, как она раскрыта у ап. Павла, Израиль *доныне* (хотя и негативно) *служит* таинственному делу спасения всего человечества. Чтобы подчеркнуть эту именно мысль, ап. Павел несколько раз выражает ее в различных формах. «В отношении к благовестию, — читаем тут же, — они (то есть Израиль) враги *ради вас* (то есть язычников)»; и дальше: «как и вы некогда были непослушны Богу (то есть впали в язычество), а ныне помилованы, *по непослушанию их* (то есть Израиля), так и они теперь непослушны *для помилования вас*». К этим словам ап. Павел добавляет таинственную общую мысль: «всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать».

Чтобы историсофски изъяснить идеи ап. Павла и показать, что здесь действительно снимается покрывало с тайны Израиля, для этого нужно в центре историсофии поставить понятие *спасения мира*, иначе говоря, связать весь исторический процесс с идеей грехопадения и перво-родного греха. Как известно, эта библейская идея не получила надлежащего развития в ветхозаветном богословии;

хотя библейский мессианизм в сущности непонятен без нее, но богословская обработка понятия первородного греха связана уже с христианством*. В этом своеобразии именно христианской философии истории, основным и центральным событием в которой является Боговоплощение. Вся теория искупления, столь существенная для христианского истолкования внутреннего логоса истории, немыслима без идеи первородного греха**, — а раскрытие последней идеи ведет к тому принципу, который был выдвинут уже ап. Павлом и до сих пор остается недостаточно богословски развит — принципу *единосущия человечества*. Здесь не место входить в изложение этой доктрины***, однако нам важно отметить, что только она делает понятным то положение, к которому смутно всегда стремилась историософия, — а именно то, что субъектом истории являются *не отдельные народы*, а человечество в целом — как в его эмпирическом единстве, так и сверхэмпирическом «единосущии». В исторической эмпирии человечество выступает скорее как чисто внешняя «сумма» отдельных народов, чем как единый субъект «всемирной» истории. И все же эта историософская конструкция, без которой невозможно понять основные идеи христианской философии истории, мыслима и может быть защищаема: только при принятии ее и можно истолковывать процесс всемирной истории как путь к спасению, только при этом и возможно связать с проблемами историософии дело Спасителя на земле, которое открыло путь спасения не только каждому отдельному человеку, но и всему человечеству — *и только потому и всякому человеку...*

В свете этих построений указания ап. Павла о судьбе Израиля приобретают исключительную значительность для историософии: снимая «покрывало» с тайны Израиля, они освещают тайну *всей* истории, ибо, по ап. Павлу, еврейство *и ныне* диалектически связано с совершающимся в истории и через историю спасением мира. Именно потому ап. Павел и предупреждает христиан не от Израиля, чтобы они «не превозносились», ибо «если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли Он тебя...» (Римл.

* См. об этом, напр., в книге N. P. Williams: "The ideas of the Fall and Original Sin".

** См. мою статью на эту тему в «Пути» № 56 („Зло в человеке“).

*** См. мой очерк антропологии в книге „Вопросы воспитания в свете христианской антропологии“.

II, 21). «Ожесточение» еврейства оказывается *провиденциальным*, — будучи допущено для «возбуждения ревности» у язычников, и потому оно не означает окончательного отвержения Израиля, о котором ап. Павел пророчествует, что «Израиль весь спасется». А это значит, что с точки зрения ап. Павла (очевидно обязательной для христианского сознания), историческая, точнее говоря, сверхисторическая миссия еврейства *еще не кончена*. По диалектике спасения мира, как ее строит ап. Павел, еврейство еще остается мистической закваской мировой истории, «пока не войдет полное число язычников»... Я хорошо знаю, как много есть христиан, которые никак не хотят принять прямых и ясных указаний ап. Павла. Они вновь закрывают для себя покрывалом тайну Израиля, не замечая того, что тем самым закрывают покрывалом и *тайну истории вообще и своего спасения в частности!* Из темной глубины сознания встает у многих христиан гневное противление указаниям ап. Павла, — а затем, по логике, которой подчинено все злое в человеке, из этого противления, из отвержения нашей мистической связи с еврейством вырастает отрицание священности для христиан Ветхого Завета или выдумка нелепых теорий об «арийстве» Спасителя. Еврейство же, уже по другим мотивам, тоже не хочет принять указаний ап. Павла и строит метафизику своей загадочной истории вне диалектического связывания судеб еврейства с делом Христа, с христианством. Образец этого мы видели в размышлениях Гершензона... Так покрывало над тайной Израиля и остается неснятым для *обеих* сторон, угасает трепет перед священной тайной, совершающейся в истории. Религиозное восприятие истории, проникновение в смысл исторических движений, скрытый за эмпирической оболочкой истории, и религиозное освещение этого смысла представляются ныне огромному большинству незаконным мистицизмом в историософии или смешной наивностью. Неудивительно, что в трактовании темы о еврействе и друзья и враги еврейства обычно не возвышаются над исторической эмпирией, не ощущают всей запредельной существенности этой темы. Схватки между друзьями и врагами еврейства не идут дальше сферы права и оттого и остаются бесплодными: победа одной или другой стороны одинаково не доходит до основного религиозного пласта, и история по-прежнему движется для них вне основного и единственного принципа, в свете которого раскрывается таинственная значительность еврейства

в истории. Не отрицая реальности исторической эмпирии, не ослабляя значения всего, что делается для регуляции отношений в пласте исторической эмпирии, мы должны осознать, что общий смысл истории непостижим вне темы спасения, вне мессианских чаяний, вне их осуществления в Спасителе, вне действия Церкви в мире. В том и заключается особая, в известном смысле единственная значительность темы о еврействе, что она представляет (вне указанного истолкования) неразрешенную загадку — и для историософского позитивизма и упрощенного рационализма, — и для того расплывчатого внехристианского мистицизма, который мы видели у Гершензона. Для раскрытия тайны еврейской судьбы нужно вспомнить забытое пророчество, забытые слова ап. Павла, — они одни только и дают освещение этой тайны, удовлетворяющее наше сознание. Тема о еврействе без преувеличения является *ex regimēto crucis* и в плане конкретной политики и в плане историософском. Видно, истории предстоит еще долго длиться, если не только для еврейства, но и для подавляющего большинства христиан указания ап. Павла остаются втуне: слова его забыты, покрывало остается неснятым, сердца наши остаются косными к пониманию того, что скрыто в письменах истории...

НОВОЕ НА СТАРУЮ ТЕМУ

(К современной постановке еврейского вопроса)

Мы живем в такой дичающий век (железный ли? каменный?), что самую постановку еврейской темы приходится оправдывать. Чувствительность притупляется и совесть сгорает: если не прожженная еще, то порядочно обуглившаяся. Самое разлитие зла служит защитным покровом против моральных реакций. В Германии и Франции десятки тысяч евреев томятся в концентрационных лагерях? — Но в России в лагерях миллионы — не евреев только, но всех народностей. Гитлер производит физическое истребление всего еврейского населения в Польше — а теперь, кажется, и на Украине? — Но другие народы, например, поляки, тоже истребляются сознательно и планомерно. — Такой отвод, обычный в наше время (большее зло оправдывает меньшее), — сам по себе свидетельствует о тяжелой пораженности морального чувства. Движимый инстинктом самосохранения, человек старается приглушить свою совесть: с волками жить — по-волчьи выть.

Но то правда, конечно, что еврейская беда, еврейские страдания сейчас вливаются в общее море крови и слез. Все рушится — самые основы нашей цивилизации, и под ее обломками одной из первых жертв оказывается еврейский народ.

Есть две причины, почему судьба этого народа сейчас больнее, чем судьба других, затрагивает нееврейский, а особенно христианский мир. Первая — это всеобщее распространение еврейской диаспоры и ее далеко зашедшая ассимиляция. Каждый христианин в любой стране имеет среди евреев друзей и близких. Через их личное горе он легко может ощутить национальную катастрофу еврейства, если, конечно, сам не принадлежит к его сознательным врагам. Вторая причина порядка религиозного. Для христианина евреи не просто народ среди прочих, но народ, отме-

ченный божественным избранием, народ Христа, Его породивший и Его отвергший: народ, судьба которого имеет особое, всемирно-историческое значение.

Не без колебаний предлагаем читателю несколько мыслей на эту вечную тему, заново поставленную перед нами историей. В этих мыслях мало нового, но повседневные суждения по этому вопросу так поверхностны, полны стольких предрассудков и страстей, что углубленное внимание к нему является общим долгом.

* * *

Одной из первых и самых распространенных ошибок — ошибок перспективы — является отождествление еврейского вопроса с немецким. Гитлер — вот главный, если не единственный, виновник зла. Гитлер, или национал-социализм, или стоящая за ним Германия. Эта привычка рассматривать еврейский вопрос в связи с Германией так распространена, что отношение к еврейству в большинстве случаев определяет отношение к Германии. Антисемит будет прогитлеровцем, друг евреев — врагом Германии. Эта аберрация зрения несет с собой один утешительный самообман. Если Гитлер (или Германия) единственный источник современного зверского антисемитизма, то с поражением его (ее) все приходит в порядок. Евреи, как и все человечество, могут вздохнуть свободно. Эта же аберрация, с другой стороны, чрезвычайно опасна для будущего всей европейской культуры, ибо она зачастую несет с собой ненависть к Германии как таковой, к ее «душе», к ее «вечному» содержанию. Практическим выводом из этой ненависти является не всегда высказываемое, но молча носимое убеждение в необходимости не победить только, но уничтожить Германию. Но это значит сделать невозможной Европу, уничтожить Европу, ибо Европа без Германии, как птица без одного крыла (Р. Роллан).

На самом деле, острая вспышка антисемитизма в Германии — явление, сопутствующее ее общему послевоенному заболеванию, и нисколько не вытекает из ее «вечной» традиции. Не углубляясь особенно в историю антисемитизма, нельзя же забывать о том, что антисемитизм есть явление всеобщее (т. е. связанное с самим фактом диаспоры), и что он принимает лишь разные формы и получает разную остроту в зависимости от местных условий.

До великой войны Германия занимала далеко не первое

место по линии антисемитизма. Россия была страной погромов, Франция во дни Дрейфуса — наши дни! — сделала из антисемитизма символ веры своего национального сознания. В Германии была антисемитская партия, но она играла очень скромную роль в политической жизни страны. Всего сильнее антисемитизм был в Польше и на Украине. И это объясняется не особенной злобностью польского или малорусского народов, а просто густотой еврейского населения на территории бывшей Речи Посполитой. Великороссы не знали антисемитизма, — но они не видели и евреев. Гоголь дал в «Тарасе Бульбе» ликующее описание еврейского погрома. Это свидетельствует, конечно, об известных провалах его нравственного чувства, но также о силе национальной или шовинистической традиции, которая за ним стояла. Стоит ли за Гитлером традиция подобной силы? Я в этом сильно сомневаюсь.

Германия больна острым национализмом давно, — но не дальше прошлого столетия. Эта болезнь, сопутствующая ее объединению, ее имперскому росту, — тоже не ее личная, а общеевропейская болезнь XIX века. В Германии национализм (а не антисемитизм) принял грубые милитаристические черты, которые делают ее более других ответственной за мировую войну. Антисемитизм пришел совсем недавно, как явление, связанное с экономической болезнью послевоенной Германии: инфляцией, широким приливом евреев из Восточной Европы и их быстро выросшим влиянием в некоторых отраслях хозяйства и культуры. Основное и здесь — болезненное развитие национального чувства, оскорбленного и ущемленного проигранной войной. Известно, что худшие тираны выходят из «униженных и оскорбленных»: Иван Грозный, Павел, русские большевики.

Я, разумеется, не хочу сказать, что война против Германии сейчас не имеет смысла. Когда психическая болезнь принимает буйные формы, опасные для окружающих, больного нужно связать прежде всего, а потом уже думать о лечении. Но никак нельзя забывать о том, что заболела сейчас половина мира, да и другая половина вовсе не защищена от психической заразы.

Германия сейчас, бесспорно, является мировым очагом антисемитизма. Отсюда он культивируется, подчас искусственно, подчас даже насильственно в других странах. Но нельзя не видеть, что очаги его имеются повсюду, и что достаточно политической катастрофы, обвала либерально-

демократического строя, чтобы он вырвался наружу. Можно сказать, что фашизм — явление не местное, а общеевропейское, естественно порождает антисемитизм как одного из своих спутников. Всякий, кто встречался с фашистски настроенными кружками молодежи любой нации, может в этом убедиться. Не трудно показать, почему антисемитизм логически вытекает из фашистского умонастроения.

Фашизм есть движение национальной и социальной революции, обращенное против всей культуры XIX века, особенно против его интеллектуализма и либерализма. Каждый из этих моментов несет угрозу еврейскому народу.

Национальное чувство, в его нормальном состоянии, совместимо с уважением и терпимостью к чужим нациям. Национализм, особенно тот горячечный пароксизм его, которым сейчас заражен мир, питает ненависть ко всем народам (кроме собственного), с которым приходит в соприкосновение. Можно сказать, что современный национализм, окончательно изживший средневековое культурное наследие, только в этой ненависти и находит себя. Стремясь к абсолютной однородности национального целого, не вынося ничего чужеродного, никаких автономизмов и своеобразий, он повсюду наталкивается на этот иррациональный, не растворяющийся, не перевариваемый остаток далекого, давно исчезнувшего восточного мира, каким является еврейство. Какими бы добрыми патриотами ни сознавали себя евреи в Германии, во Франции, в России, они не могут стать только немцами, только французами, только русскими. В этом их преступление. Даже утратив свою религию, забыв свой язык (или свои языки), они в своем устойчивом физическом типе, в своей психологии напоминают об ином, «неарийском» духовном мире, в котором некогда родились. К тому же естественная солидарность с евреями других стран нелегко разрушается. Подобно римскому католицизму, подобно (увы, столь хилому) культурному единству «республики ученых», еврейство было одной из немногих сил, которыми держалось единство европейской культуры. Когда какая-либо нация хочет насильственно оборвать все связи, которые соединяют ее с человечеством, она прежде всего находит евреев и мстит им.

Обвал капитализма является, быть может, одной из главных причин нашего кризиса. Все революционные силы эпохи, левые и правые, объединены в одном антикапиталистическом натиске. Но силой вещей и давней средневеко-

вой традиции еврейство оказывается ответственным за капитализм — по крайней мере, за финансовый капитализм. Некогда запертые в гетто, насильственно отрезанные ото всех или почти всех источников хозяйственной жизни, кроме торговли и ростовщичества, евреи выработали в себе веками тонкое и сложное искусство обращения с деньгами, этим самым таинственным из товаров, и когда капитал начал завоевывать мир, вчерашние менялы, превратившись в банкиров, оказались в чрезвычайно выгодных условиях конкуренции. У них не было феодальных поместий, не было военной знати, не было связей в светском обществе. Деньги открыли для них все или почти все двери. В XIX веке за деньги можно было купить баронство, породниться с княжескими династиями. Не удивительно, что евреи не спешили отказываться от тех профессий, которые обеспечивали им одно из первых мест в общественном строе. Но все это рушится с того момента, когда капитал снова становится предметом ненависти и презрения.

У евреев, конечно, были другие права на общественное уважение в XIX веке. В своем гетто они не только считали деньги или торговали восточными товарами. Они усердно изучали Тору и Талмуд. Вероятно, ни один народ не имел такой многочисленной интеллигенции и не уважал ее так, как они. Когда пришло время, тысячелетиями утонченный умственный аппарат оказался прекрасно приспособленным к современной аналитической и рациональной науке. Если средневековая схоластика была подготовительной школой научного мышления, то такой же школой был и Талмуд. Сыновья и внуки ученых раввинов становятся в первых рядах европейской науки. А тонкая нервная организация, тонкие пальцы, не изуродованные грубой работой, дают лучших музыкантов — скрипачей, пианистов, — наших дней. Воспитанное Библией и вековым притеснением острое чувство социальной справедливости, где современный социализм перекликается с древними пророками, создает вождей пролетариата, глашатаев социальной революции, деятелей Интернационала. Еврейская революционная интеллигенция подрывает тот самый капитализм, в котором так уютно чувствовала себя еврейская буржуазия.

Но все это обращается теперь против еврейства. «Чистая» наука, аналитическая направленность ума глубоко противны новым поколениям. В науке они признают ее служебную полезность, ее практическую направленность. Она должна стать служанкой политики или погибнуть.

Чувствительность, эмоциональность в искусстве тоже подлежит «преодолению». Новый век требует от искусства выражения мощи прежде всего: монументальности, единства, целостного восприятия жизни. Что коммунизм и капитализм отвечают друг за друга, это понятно без лишних слов.

* * *

Фашизм (как и коммунизм, который является его разновидностью) есть ложный ответ на подлинный вопрос, поставленный историей. Фашизм прав в основном ощущении порочности и безвыходности современной культуры. Но, видя зло, он бессилён преодолеть его, потому что сам носит в себе все яды умирающей цивилизации. Возмущаясь против ее механичности, он является самым механическим из ее общественных движений. Мечтая об органической силе жизни, он является жертвой и тираном самой мертвой техники, примененной к политике и воспитанию. В припадке бешенства он бьет направо и налево, не чувствуя, что носит врага в самом себе. Грубыми суррогатами пытается заменить недостающую веру, которой жаждет. Но, если он действительно услышал вопросы жизни, то в самых уродливых его достижениях мы вправе угадывать очертания культуры будущего. Пусть фашизм погибнет, и демократия, обновленная, будет строить, вместо него, «новый порядок» мира, — этот порядок будет совершенно отличен от прошлого. К «старым башням родного Содома» возврата нет. Новый мир, если только он будет построен, преодолет не только капитализм, но и рассудочный, разорванный духовный мир буржуазной Европы. Он должен обрести новую цельность, новую органичность жизни. Дай Бог, чтобы он мог сочетать с ней свободу личности. Но эта свобода уже не будет свободой безраличия. Вся та среда, в которой жило, в сравнительном благополучии, еврейство XIX века, погибла навсегда.

Какие проблемы ставит перед еврейством новый, в крови рождающийся мир?

Разрыв с капитализмом, конечно, особой драмы не представляет. Еврейство слишком богато ресурсами, чтобы не пережить гибели финансового капитала, как оно пережило много других экономических и политических режимов. Но самый вопрос о его «переживании», о его существовании — как он ставится теперь?

Еще недавно были возможны споры между еврейскими националистами и сторонниками ассимиляции. Они ведутся и теперь, но, по существу, возможны ли они? Фашизм показал, что никакая ассимиляция не спасает еврейства, не может укрыть его. Забвения религии, языка, трех денационализированных поколений недостаточно. Быть может, десять поколений могли бы изгладить все следы прошлого, замазать последние черты древней благородной расы, но история не дает этих десяти поколений. Выход из гетто начался лишь с XIX века, примерно с французской революции, а в России — много позже. Ассимилированное еврейство все еще еврейство, и враг сумеет распознать его. Ну, а в «новом мире» — придется ли и там прятаться от врагов?

Надеясь на лучшее, предполагая, что в этом мире не будет ни исключительных законов, ни травли «инородцев», трудно представить себе процесс ассимиляции столь легким, каким он был в прошлом столетии. Этот процесс протекал безболезненно в денационализированной, обезличенной среде. В XIX веке еврей, желавший забыть о своем еврействе, легко мог стать членом космополитического общества. Но ему уже было много труднее стать своим, скажем, в кругу русских славянофилов или во французском католическо-дворянском свете. Ему надо было носить маску или делать насилье над собой. Родиться заново в иную нацию не так легко. И, если грядущая культура будет более почвенна, будет религиозна и в духовном (может быть, не в политическом) смысле национальна, то еврейство может найти в ней место как особое исповедание, особый народ, равноправный среди других, но едва ли сможет раствориться в ней без остатка.

Да и желательно ли это? Не возмущает ли самая мысль о таком исходе? Даже с чисто позитивной точки зрения, исчезновение одного из самых одаренных народов, давшего миру столько гениев, если бы оно и было возможно, представляло бы тяжелую утрату для человечества. Нельзя утешаться тем, что евреи будут давать миру свой вклад, как они дают и сейчас, в чужих национальных общинах. Да, сейчас дают, потому что не истощены еще силы, накопленные в гетто, силы тысячелетней религиозной веры и мессианских упований, растрачиваемые теперь в «теориях относительности», в «психоанализах» и проч. Но потухнет этот костер, и его жар остынет, тепло рассеется в воздухе. Неизбежная «энтропия» сравнивает уровень еврейской и «арийской» духовной температуры.

Если же стоять на точке зрения религиозной, то гибель народа, давшего миру две мировые религии и сохраняющего доныне свой религиозный пламень, было бы прямо катастрофой. Слишком большие религиозные чаяния сопряжены с этим народом. Его судьба в христианском пророчестве связана с эсхатологическими судьбами мира. С этой точки зрения, он не только не должен, он не может погибнуть.

Ассимиляционизм осужден историей, и Гитлеру суждено было стать одним из виновников еврейского национального возрождения. Нам приходилось слышать евреев, которые так оценивали смысл гитлеровского гонения. Еврейский Бог всегда вел свой народ путем страданий, и в страданиях он обретал новую силу жизни. Вольная и покойная жизнь среди язычников разлагала. Вот и сейчас, на что в России жизнь невольна и непокойна, но в условиях полного равенства и денационализированной культуры миллионы евреев почти растворились в полумонгольском море. Русская революция, с одной стороны, удушившая национально-религиозную культуру еврейства, с другой, облегчившая его ассимиляцию, сделала больше для уничтожения народа, чем Гитлер со своими лагерями и палачами.

Если не ассимиляция, то что же? Национальное возрождение — но в каких формах?

Здесь возникает новый соблазн: перенять у врага его политическое сознание, бороться с ним его же оружием — если угодно, опять-таки ассимилируясь с ним, только не в дружбе, а в борьбе. Израилю предлагается осознать себя одним из народов земли — таким же, как все другие — и требовать для себя места под солнцем. Вчера еще это значило: подчинить все задачи еврейства одной цели — созданию и развитию национального государства в Палестине. Сегодня это звучит еще иначе: создать еврейский фашизм, покончить с гуманизмом и ответить криком крови и расы на крик крови и расы. Этот соблазн тем опаснее, что в самых древних страницах Священной Книги можно найти кажущееся оправдание для этой антигуманистической реакции. Гитлер вывернул Библию наизнанку. Теперь начинают выворачивать наизнанку Гитлера, — только что останется от Библии в результате этой двойной перелицовки?

Я ничего не хочу говорить здесь ни за, ни против сионизма, который в целом вызывает во мне сочувствие.

Но сионизм может быть оправдан лишь как частичное, подспорное решение задачи — сохранения еврейской национальности. Если для сохранения всемирного еврейства важно иметь национальный очаг в Палестине, пусть он будет. Но пусть борьба за него, работа в нем не заслоняет всей проблемы. Так папское государство в Италии могло и должно было стать опорой для универсальной политики католической церкви. Но как часто оно делалось помехой и соблазном для этой самой политики! Призвание Израиля универсально. Его Мессия обещан как освободитель и примиритель всех народов, и религиозный национализм был временной формой, скорлупой, охраняющей вселенскую идею Израиля. Отказ от этой идеи — это отказ от первородства, отказ от самого себя. Да и возможен ли он? То есть возможна ли узко-национальная еврейская политика?

И здесь уже история говорит свое предостерегающее слово. Насколько еврейство сильно своим культурным подвигом, своим нравственным упором в мировых пределах, настолько слабо и беззащитно оно в «своем» национальном государстве. Первый вихрь, налетевший из заиорданской пустыни, может смести его. Оно существует стечением благоприятных обстоятельств, политическим компромиссом Британской дипломатии. Стоит заколебаться Британской Империи, усилиться давлению арабского мира, политическое пробуждение которого является одним из новейших фактов мировой жизни, и что останется от Сиона? Останется диаспора, останутся огромные, но рассеянные энергии, вечный, неутолимый, духовный голод Израиля.

Если чисто политическое решение еврейского вопроса не дается, то как следует понимать его культурное решение? Что такое еврейская культура? Есть ли она, была ли она когда-нибудь? Нельзя же видеть эту культуру в пережитках пестрого происхождения фольклора, еще не везде разложившегося. А за вычетом их, оказывается, что все, что Израиль создал подлинно своего — для себя и для мира — была его религия. Он вечно жил в чужих культурных формах — вавилонских, эллинистических, испанских, немецких, русских, но вечно вынашивал в себе одну и ту же свою религиозную тему. Религия, а не культура, и спасла его самобытность, сохранила его от растворения в море чужих племен. Обрядовый закон ограждал его лучше, чем гетто, священный язык поддерживал единство во всех концах рассеяния. Отнимите их, и что останется? Ассимиляция началась немедленно с упадком веры. И национальное

возрождение в наши дни сопровождается возрождением религиозным.

Наше время, ощупью и медленно, но верно выходит на забытые религиозные пути. Это возрождение бесспорно в католичестве, православии, протестантизме. Бесспорно оно и в еврействе, хотя, может быть, и не столь явственно. Гитлер сумел заполнить молящимися еще не разрушенные синагоги, и в них влечет не одно национальное горе, но и подлинная религиозная боль. Да и не Гитлер породил Бубера, Когена, столько других. Речь идет, конечно, не о простой реставрации веры отцов, но о ее новой творческой интерпретации. Этому движению принадлежит будущее. Здесь проходит основное русло национально-культурного возрождения. И если нельзя верить насильно и преступно обращать веру в орудие политики, то законно и даже обязательно для всех пристальное внимание, изучение религиозных проблем.

Кто сказал, что еврей — это усталый скептик, тонкий, но бесплодный рационалист? Да, таким мы знали его часто в последние десятилетия. Но таким ли он был хотя бы два поколения назад, когда Гейне проводил свою знаменитую параллель между эллинизмом и иудейством? Утрата веры подорвала его жизнеутверждающие творческие силы. Но гений расы (то есть религии Израиля) есть сама жизнь, борьба за вечную жизнь. Израиль боролся с Богом тысячелетия. Нельзя поверить, что у него нет больше сил для этой трагической борьбы.

Но христианин, который со стороны созерцает ее, не может не думать своей думы. И, говоря откровенно на эту болезненную, кровью политую тему, нужно быть откровенным до конца. Для христианина не может быть другой истинной религии, кроме христианства. Он может сочувственно наблюдать возрождение религиозной жизни в чужих мирах — в Исламе, в Китае, в Индии, но при этом верит, что рано или поздно эти духовные потоки вольются в одно все-ленское море. По отношению к еврейству вопрос для него стоит еще несомненнее. Еврейство и христианство не две различные религии, но две фазы одной и той же истинной, родившейся в Иудее, но вселенской религии. Христианство относится к иудаизму как его завершение. Поэтому всякое движение в иудаизме, направленное не вспять, то есть не от пророчества к закону, а от закона к пророчеству, должно прийти и к Иешуа и поставить вопрос о его месте в религии Израиля. Чем вызван трагический разрыв между ев-

рейским народом и его пророком, который явился ему как Мессия раньше, чем открылся язычникам как Спаситель мира?

Едва ли этот вопрос получит жизненное разрешение для еврейства в нашем поколении. Но евреи задумываются над проблемой Иисуса, и эти мысли далеки от древней враждебности. Книги Монтефиоре, Клаузнера говорят о новом отношении к Иисусу. Пожалуй, еще более говорят об этом частые обращения в христианство чистых и духовно-жаждущих людей — новый тип конвертита. Эти обращения разрывают единство духовной жизни Израиля, и здесь заключена драма, личная и национальная, едва ли устранимая. По существу дела, древняя религия Израиля, взятая в отрыве от христианства, с трудом удовлетворяет современное религиозное сознание. Путь от современной, хотя бы обезбоженной культуры к религии закона представляется сужением сознания. Национализм может принести эту жертву. Но религиозная личность примет ли ее?

Ответ, конечно, будет звучать по-разному. Одни примут, другие не примут. Сейчас не время поднимать этот спор, который принадлежит будущему. Хотелось бы только указать на новый, совершенно неожиданный оборот, который история дает древней еврейско-христианской тяжбе. Когда-то евреи распяли еврея Иисуса. После того, скоро уже две тысячи лет, как Его ученики распинают евреев. Ныне Иисус возвращается своему народу, под улюлюкание и крики язычников: «Распни Его, Он жид!»

Но как не поражаться апориям, которые на всех путях встречает национальное движение еврейства. Точно кто-то незримый гонит Израиля, загоняет его в безвыходные тупики, не дает опомниться от боли и ран? Кто Он, этот неутомимый охотник? Не тот же ли Бог Израиля, ревнивый и любящий, гоняющийся по пустыне за своей возлюбленной, навеки обрученной с Ним кольцом завета?

ПРИЛОЖЕНИЕ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

А. З. ШТЕЙНБЕРГ

ОТВЕТ Л. П. КАРСАВИНУ

Дорогой Лев Платонович,

с благодарностью принимаю Ваше предложение откликнуться на мысли, высказанные Вами в статье «Россия и евреи», и прошу Вас передать редакции «Верст» мою живейшую признательность за оказываемое мне гостеприимство. Читая рукопись Вашей статьи, я невольно возвращался мысленно к тем беседам, которые мне пришлось неоднократно вести с Вами на ту же тему от лица к лицу, и возникавшие у меня сомнения и возражения естественно облекались в форму личного к Вам обращения. Эту форму мне хотелось бы сохранить и в моем предаваемом гласности ответе: к поднятому Вами вопросу, Вы знаете, я могу подходить только с противоположного его конца, а в таких случаях встреча возможна лишь тогда, когда люди, не оглядываясь в сторону, смотрят друг другу прямо в глаза.

Вопрос об отношении России к еврейству Вы ставите — и в этом, думается, самая большая заслуга Вашей статьи, — как вопрос религиозный, я бы сказал, как вопрос веротерпимости. Мне как еврею такая постановка вопроса кажется не только наиболее плодотворной, но и наиболее естественной. Так называемая «национальная нетерпимость» по отношению к евреям, и по моему глубокому убеждению, в последнем счете есть лишь измельчавшая, выродившаяся, загнанная внутрь форма нетерпимости религиозной; вот почему и преодоление ее возможно лишь на почве напряженно действенной терпимости к иной, чужой вере при полном осознании ее иноприродности и ее неистребимой самобытности. Такой чуждой по существу своему верой является для Вас вера еврейского народа, и именно поэтому Вы стараетесь как русский и христианин найти на путях любовного всепонимания наилучший, религиозно-оправданный способ устройства евреев в России. Посильное

содействие еврейской самобытности для чаемого соединения с Израилем в лоне православной и вселенской церкви — вот то последнее и завершающее решение, которое подсказывает Вам все Ваши решения частичные и даже злободневные.

Об этих частичных и на злобу дня откликающихся решениях разрешите мне сказать после. Отмечу сейчас лишь то, что и в них я усматриваю все то же Ваше основное стремление руководиться всецело началом веротерпимости. Чем иным объяснить последовательно проводимое Вами разграничение между ядром и шелухой — *sit venia verbo* — Израиля? Разделяющий меч или, как говорили еще недавно, хирургический нож анализа есть в Ваших руках лишь средство спасти, обезопасить ядро, хотя бы и ценою отказа от «корки». (Так и во отношениях частных мы иногда резко осуждаем отдельные поступки, чтобы с тем большею силою утвердить неразрывное существо человека). Однако, в том, как Вы оперируете логическим орудием дистинкции, сказывается, думается мне, некий недочет в самом определении конечной цели русско-еврейских отношений, некая схематичность Вашего изначально-го синтеза. Начну поэтому с того, чем Вы кончаете.

Правильно ли поступил тот священнослужитель, который в рассказе Лескова окрестил старика еврея? Думаю, что нет. Старик, попытавшийся сохранить своему сыну свободу путем покупки свободы другого человека, был, мне кажется, еще менее «достойн» крещения, нежели зло подшутивший над его отцовскими чувствами обманщик. Да и ко Христу ли он обратился? Вернее, что всего лишь — к христианам. Вы, впрочем, и сами против таких партикулярных решений еврейского вопроса, и во всяком случае — против того, чтобы обращающиеся ко Христу евреи отвращались от еврейства. Да и как бы иначе? Ведь, следуя апостолу Павлу, и Вы всецело уповаете на неминуемое спасение «всего» Израиля; это упование есть движущая сила всей Вашей деятельной, практической веротерпимости: в этой точке для Вас смыкается весь круг связанных с еврейством исторических и эсхатологических вопросов. Но именно этот пункт и является, как Вы знаете, основным пунктом нашего с Вами расхождения. Как мог бы я говорить о частностях, не сказав ничего о главном?

Скажу прямо: я не только не верю в обращение Израиля, но считаю, что и верующий в это обращение христианин обнаруживает тем самым лишь некоторую неполноту

собственной веры в Бога. Простите, Лев Платонович, что выражаю мою мысль столь резко. Но я, действительно, не могу иначе помыслить обращение Израиля ко Христу как отпадение от Отца, как измену Ему — как же может христианин пожелать такой измены, такого вероломства. Слыхали ли Вы когда-нибудь, чтобы не поколебавшийся и непоколебимый в своей вере еврей перешел в христианство? (Я говорю о «нашем» времени, то есть о том, которое и с христианской точки зрения лежит «между» пришествиями). Для того, чтобы обратиться ко Христу, еврей, следовательно, должен прежде всего потерять веру в Бога; для того, чтобы весь Израиль спасся, весь Израиль должен погибнуть. Остается, как будто, еще одна только последняя возможность: «Христос», к которому обратится Израиль, будет еврейством узнан как тот чаемый им от века «Помазанник», чье имя по-еврейски Мессия. Но разве в те времена второго для Вас, единственного для нас Пришествия, еще будет место для разных вер, для многих церквей, для «еврейского вопроса»? Поистине: «Не будут больше поучать друг друга: познайте Господа, ибо все будут знать Меня, от мала до велика», говорит Господь, «ибо прощу им грех их и прегрешений их не буду поминать больше» (Иер. 31, 33).

Как же быть христианину, осознавшему, что для евреев путь к купели ведет неизбежно через смертный грех, как быть ему, если он в то же время одушевлен «многоотерпящей» любовью к Израилю и стремлением во что бы то ни стало ужиться и устроиться с ним здесь и сейчас, и притом непременно на почве религии? Такой христианин с внутренней необходимостью придет к утверждению, что сама еврейская религия повинна в парадоксальности его положения, что в ней самой кроется порок противоречивости: напряженнейшее стремление к истинному Богу живых и вместе с тем — абсолютное отрицание. Это тот взгляд на сущность еврейства, который Вы, Лев Платонович, защищаете, взгляд, который я считаю совершенно ошибочным.

Диалектику христианской и Вашей личной веротерпимости по отношению к еврейству Вы превращаете во внутреннюю диалектику еврейского Богооткровения. Я понимаю всю трудность Вашего положения, и должен ли я повторять, что глубоко чту каждый из мотивов, приводящих Вас в это положение? Но факт остается: еврею легче относиться любовно к христианину, чем христианину к еврею. (Откуда не следует, что это всегда так бывает.)

Еврейство знает за христианством только эмпирические грехи и заблуждения. Христиане же вынуждены народ, обрученный Богу и одержимый Богом, винить в Богоубийстве и Богоотступничестве. Уже одно отрицание Богочеловечества, думаете Вы, неизбежно влечет за собой «дуализм», то есть извержение Бога из мира, разрыв между человеком и его Творцом; для еврейства, — говорите Вы, — «недопустима та благодатная, но страшная близость человека к Богу, которую исповедует Православие как основу знания, жизни и бытия», и вслед за бесконечной цепью римско-католических миссионеров Вы прибавляете, что «для еврейской души стали непонятными ее же Псалмы и ее же Пророки»... Нет, Лев Платонович, простите, тут Вы на ложном пути. Ваша «любовь к врагу» заходит слишком далеко: Вы покушаетесь отобрать у еврейства заодно Бога и Библию. Второе так же невозможно, как и первое. В главе о лжепророках Израиля Иеремия говорит: «Разве Я Бог лишь вблизи, — говорит Господь, — а вдали не Бог? Разве может человек укрыться так, чтобы Я его не увидел, — говорит Господь: — ведь небо и земля преисполнены Мною, говорит Господь» (Иер. 23, 23—24). Объясните же нам, Лев Платонович, если и впрямь наши Пророки нам уже непонятны больше, о какой тут близости идет речь и о какой полноте? Мы, евреи, всегда думали: о благодатной и о страшной, о той, которая есть «основа знания, жизни и бытия». Нет, дорогой Лев Платонович, мы не атеисты, не безбожники, и Библию многие наши школьники и теперь еще знают наизусть и свято берегут в своем сердце. Если христианство может мириться с еврейством только на основе таких экспроприаций — давайте лучше по старинке...

Я взволновался. Это и плохо, и хорошо. Плохо, потому что это мешает связному изложению мыслей, а у меня еще многое на душе, что хотелось бы Вам высказать со всей отчетливостью. Но это и хорошо, потому что моя реакция на Ваши слова слишком естественна, и было бы печально, если бы мы все сплошь стали равнодушны к нашим святыням. К тому же я пишу, хотя и непосредственно к Вам, но слова мои, как и Ваши, будут услышаны многими читающими по-русски христианами и евреями, и надо, чтобы мы все научились, наконец, принимать всерьез ни одни только разговоры об «антисемитизме» и о «равноправии», но о самой сущности еврейства и православия. Возражая Вам с такой горячностью, я, впрочем, ни на минуту не забываю, что Ваше отношение к еврейству несколько не исчерпыва-

ется приведенными в Вашей статье фразами. Я хочу лишь подчеркнуть, что еврейский вопрос как вопрос религиозный чреват великими трудностями и опасностями и что надо потратить еще немало усилий, чтоб найден был общий язык.

Только этими внутренними трудностями, присущими самой проблеме христианской веротерпимости по отношению к еврейству, я могу объяснить то обстоятельство, что при Вашем, с моей точки зрения, несомненно предвзятом и недостаточно обоснованном взгляде на еврейство как на религию Вы можете так высоко ценить еврейство как культуру. Ведь культура еврейская сплошь религиозна и, значит, целиком проникнута тем «пламенным порывом своей веры», тем «дуализмом», который, по Вашим словам, делает ее «самым сильным и страшным врагом христианства». — И тем не менее Вы хотите сохранить еврейский народ, и, следовательно, его культуру, как особую «православную еврейскую церковь»? Это мне непонятно. А с другой стороны, чем могла бы отличаться эта еврейская церковь в России от русской православной церкви, если бы все русские евреи стали православными? Не языком ли богослужения? — Очевидно тем, что православный русский еврей все же остался бы тем исконным и неизменным в культуре своей евреем, тем «богоборцем», каким сделал его избравший и отметивший его ветхий деньми Бог. Так, Ваша вера приводит Вас, насколько мне кажется, сразу к двум исключаящим одна другую возможностям. Или Вы будете оспаривать, что еврейская культура и еврейская религия — тождество? Это Вам было бы тем труднее, что Вы и в отпавших от «ядра» евреях видите проявление, хотя и в искаженном виде, все той же религиозной стихии еврейства. Но на этом пункте я хотел бы остановиться подробнее.

Я уже вскользь упомянул, что в Вашем анализе мне видна изнанка Вашего синтеза. Теперь я могу пояснить, что я хотел этим выразить. Истинная веротерпимость, как и терпимость вообще, думается мне, покоится на абсолютном утверждении и приятии бытия инородной для меня субстанции, а потому и ее акциденций, поскольку в них действительно само субстанциальное ядро. Вашим приятием ядра еврейской культуры и сердцевины еврейского народа Вы сами дает прекрасный пример такой всеобъемлющей и, я бы сказал, чисто русской свободы мироощущения; но Ваше отвержение еврейской религии заставляет Вас, как

бы задним числом, уничтожить все положительные результаты предшествующего анализа: само ядро оказывается вредоносным, и вдруг уясняется, почему и скорлупа еврейского народа для Вас тем более отбросы, чем больше в ней проступает ее былая сращенность с ядром. Так, ядро должно неизбежно последовать туда же, куда выбрасывается шелуха. Другими словами, во всем Вашем отношении к еврейству — некая неустраняемая двойственность, проистекающая, насколько я могу догадываться, из Вашего убеждения в неустраняемости антииудаистического настроения в христианстве. Иначе Вы бы и в «периферии» еврейства не могли видеть насквозь отрицательное явление современной культуры. По отношению к отдельным «ассимилированным» евреям, Вы, правда, готовы идти на уступки, но Вы беспощадны к еврейской ассимиляции в целом. Если бы Вы были верующим и национально настроенным евреем, а не православным, это было гораздо понятнее. Каждый из нас мог бы, кажется, составить обстоятельнейший обвинительный акт против наших отщепенцев, тем более, что и сами обвинители, по всей вероятности, попали бы при этом на скамью подсудимых. Но я бы, например, не мог не отметить попутно и целого ряда отчасти уравнивающих вину обстоятельств. Все, в чем я узнал бы действие подлинно религиозного духа еврейства, я счел бы нужным привести в защиту тех, которые этот дух на словах отвергают, а делами свидетельствуют. Вы же поступаете как раз наоборот. Европеизированное еврейство, чтобы остановиться только на одной подробности, явно причастно к развитию современного рабочего движения: говорит ли это против него? Думаю, наоборот, не против, а в его пользу, потому что мечта о справедливом устройении общественной жизни есть исконная идея еврейской культуры, и если отпавший от еврейского ядра еврей действительно всецело одушевлен идеей служения трудовому народу, он не так уж плох, а иногда даже и очень хорош. Вообще, еврейская ассимиляция и ее отношение к твердому, неразлагающемуся ядру еврейства плохо укладывается в аналогию: ядро — скорлупа. Я бы предпочел говорить в этой связи о радиоактивной субстанции еврейства, об излучаемой им энергии, о его вечном разложении как неотъемлемой стороне его неразложимой сущности. Еврейская ассимиляция так же стара, как и национально организованное бытие еврейства. Разрешите Вам напомнить, что апостол Павел для нас, причисляющих себя как-никак к ядру, есть типичный

представитель ассимилированного еврейства. Мы привыкли думать, что все крупные явления еврейской истории не могут быть окончательно лишены смысла; значит и ассимиляция для чего-то нужна. В этом же плане вселенской судьбы рисуется нам и тот изгиб нашего исторического пути, который привел нас в Россию.

Я сравнительно долго говорил о моих неизбежных с Вами разногласиях, Лев Платонович; позвольте же мне теперь, хотя бы вкратце, высказаться и по тем пунктам, в которых я с Вами совершенно согласен.

Да, русское еврейство представляет собою некое органическое единство, хотя и принадлежит одновременно к двум разным объемлющим его целым: к всенародной общине израильской и к России. У русских евреев есть задачи по отношению к всемирному еврейству и есть задачи по отношению к России. Исторические судьбы складываются, однако, насколько нам доступно судить об том, так благоприятно, что двойственность наших задач не породит для нас, русских евреев, никаких внутренних конфликтов, потому что, служа России, мы сумеем служить тем самым и нашему еврейскому призванию. Наше призвание указано нам нашими Пророками, и путь, указанный России ее провидцами и вождями, ведет в том же направлении. Россия держит курс на немеркнувший свет с Востока — нам по пути.

Не будем спорить о том, русские ли русские евреи или евреи. Я думаю, Лев Платонович, что тот друг Ваш, еврей, который возражал против того, чтобы его называли русским, возражал не «по деликатности» вовсе, но и не «по национальной гордости», а исключительно потому, что желал быть правдивым. Мы в России и среди русских, конечно же, нерусские, но вне России и даже среди заграничных евреев мы ощущаем, как много в нас русского, насколько свободны мы от всяких общественных предрассудков, от прикованности к материальным благам мира сего, насколько ближе к истинным источникам религиозной жизни, к последним глубинам человеческого сердца — и благодарны за все это судьбе, приведшей нас в Россию и давшей нам возможность узнать и полюбить русский народ. Ведь мы, поистине, единственные азиаты в Европе, но наши европейские братья боятся признаться в этом своим заносчивым полуостровитянам, — а между тем, как легко нам быть самим собою в России!

Отсюда вовсе не следует, что нам в России вообще легко. Я не говорю о нынешнем тяжелом миге и даже не о

прошлых веках: я говорю о будущем. Надо, чтобы русские, те, о которых нет сомнения, русские ли они или нерусские, прониклись сознанием, что еврейство не «враг», а союзник. Это для очень многих трудно, весьма трудно. Вы, Лев Платонович, знаете это не хуже меня. Недаром Вы в Вашей статье обращаетесь как-бы в полоборота к тем, для которых мы в организме России заноза. Вот почему я и позволяю себе смотреть на Вашу статью как на первый шаг по долгому и тернистому пути.

Искренно преданный Вам

А. З. Штейнберг

Берлин, 1927

СУДЬБЫ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

I

Образованный англичанин может прожить всю жизнь, ни разу не задумавшись об исторической судьбе своего народа и его назначении. Он знает непосредственным чувством, что его народ живет как целое и что путь его истории непрерывен. А куда ведет этот путь и верен ли он — как узнать? Ведь очевидно, что явления такого размера индивидуальный разум не в силах осмыслить. Лицо живого народа — как огнезарное солнце: оно всем видно, но его нельзя разглядеть. Только остывшие солнца, мертвые лики Египта, Эллады, Рима мы силимся обозреть в их целостности, да и то без большого успеха.

И все же нет ни одного культурного народа, который не пытался бы время от времени осознать себя разумом своих мыслителей. Из наблюдений над прошлым выводится как бы линейная схема, чертеж: философия национальной истории; и общество жадно ловит эти догадки, потому что они удовлетворяют неискоренимую потребность сознания — свести к умозрительному единству многообразие народных влечений и народной судьбы.

Если этому нетерпению поддаются и благоустроенные народы, то как устоять против искушения в особенности современному еврейству? Кто верит, тому не нужны рассудочные надежды: он целостным чувством почерпает утешение и надежду в идее благого Промысла. Когда же вера ослабела в еврействе, на смену ей неизбежно должна была явиться какая-нибудь рационалистическая философия истории. История евреев, во-первых, слишком странна своим разительным несходством с историей прочих народов и, во-вторых, в большей своей части так беспросветно печальна, что зритель невольно останавливается пораженный; мысль настойчиво ищет разгадать последовательность и смысл столь необычайного зрелища. Пред этой загадкой еврейской ис-

тории, мы знаем, останавливались и многие нееврейские умы; тем понятнее раздумье еврея. Человек так устроен, что своему счастью и покою он не ищет оснований, но принимает их как естественные явления, скорбь же свою он непременно должен возвести к причине, должен доказать себе логическую неизбежность своего страдания, иначе мир предстанет ему как бессмыслица, и он утонет в отчаянии. За что так тяжело наказан еврейский народ рассеянием и гонениями? Была ли в его прошлом какая-нибудь роковая вина, или в его характере такая врожденная особенность, откуда неизбежно развилась чудовищная вереница мучений? Это первый вопрос, естественно предстающий уму, — вопрос понимания. Он уже потому напрашивается, что в отличие от других живых народов еврейство имеет в своем Палестинском прошлом как бы свой собственный застывший лик, подобно тем мертвым ликам Египта, Греции и Рима, — законченный процесс, вызывающий на объяснение. Еще настойчивее второй вопрос, практически-важный. Прошлое народа складывалось стихийно, но будущность его, по крайней мере, ближайшая — неужели мы не можем подчинить ее нашей разумной воле? Будь еще еврейство благоустроено, потребность предвидения была бы не так остра. Но еврейство и сейчас несчастно, разорвано, бездомно; 14 миллионов людей, чувствующих себя одной семьей, разбросаны по 70 странам; народ, имевший свою культуру, внутренне распылен по двадцати инородным культурам; народ, забывший родную речь и говорящий на многих чужих языках, народ-хамелеон, народ — торгош, оторванный от природы, хиреющий в городах, всюду, если не гонимый, то едва терпимый, — такому народу — где исход? Старая вера не смела спрашивать о будущем, потому что самый этот вопрос есть уже вмешательство в замыслы Бога; напротив, безверие по своей природе обречено предвидеть и направлять. А так как предвидеть можно только из былого опыта, иначе предвидение будет химерой, то вопрос о будущем сводится опять-таки к вопросу о прошлом, и оба вместе могут быть решены только историко-философской гипотезой. Вот почему для современного еврея, утратившего веру отцов, нет искушения сильнее, нежели объяснительный и руководящий национальный миф. И нетрудно видеть, что все умственные движения, возникавшие среди евреев за последние 40—50 лет, были, по существу, ничем другим, как попытками такого мифотворчества. Сами деятели мог-

ли и не знать источников своего вдохновения и добросовестно считать свою программу чисто-практической: таковы были, например, ассимиляторы 80-х годов; в действительности, и здесь все доводы черпались из определенных исторических обобщений, только слабо сознанных и оттого не сведенных в систему.

Было бы в высшей степени любопытно вскрыть основы этих учений, вылущить из оболочек философское ядро каждого и затем составить весь этот ряд гипотез, объединенных как временем их зарождения, так и общностью цели. Я убежден, что внимательное исследование обнаружило бы в них много родственных черт наперекор их видимому несходству. Оно показало бы, что все они совпадают и отрицательно, имея общей исходной точкой безверие, исторический рационализм, и положительно, так как все без исключения представляют лишь копии с различных историко-философских теорий, какие выработала для собственных нужд европейская мысль XIX-го века.

Но я не займусь этим делом. Доктрина ассимиляторов, учения о религиозной или духовно-культурной миссии еврейского народа отжили свой короткий век и больше не привлекают сторонников. И всех победило могучее движение сионизма, нарастающее неудержимо вот уже четверть века и ныне достигшее апогея. Сионизм — уже не только академическая доктрина: он стал движущей силой в сознании сотен тысяч людей, он превратился в идею-чувство, идею-влечение. И если пока он только волнует умы и сердца, если еще не многое переместил в мире, то энтузиазм, возбуждаемый им, — порука, что при благоприятных условиях ему суждено коренным образом повлиять на судьбу еврейства. Не сегодня — завтра падет главная из внешних преград: Палестина будет отдана евреям, — и горсть восторженных мечтателей поднимет с мест и поведет за собою массу, чтобы ее трудом, ее лишениями проделать опыт национального возрождения. Такую ответственность берет на себя только тот, кто непоколебимо знает правду и силу своего замысла. Сионизм пламенно верит в свою мечту — откуда же эта уверенность? — Он черпает ее в своем мировоззрении, в своей философии истории. Его конкретные утверждения целиком выведены как логически обязательное следствие из некоторой общей идеи, и кто хочет понять сионизм, должен искать его смысл не в деловых постановлениях Базельского или Гельсингфорского съезда, а в той историко-философской теории, которая одушевляет

его и связывает отдельные части его программы в единство.

Между тем как раз эта важнейшая сторона сионизма наименее освещена. С сионизмом случилось то же, что можно наблюдать в истории всякой политической партии: программа совершенно затмила породившую ее идею и тем превратила эту идею в догмат. Об основных положениях сионизма никто не спорит, их только хранят, как золотой запас, и в нужных случаях предъявляют ad extra. С тех пор как лет 25 назад они были впервые формулированы, их никто не вздумал пересматривать, ни с целью проверки, ни даже ради обогащения и упрощения. Их повторяют в бесчисленных журнальных статьях, брошюрах, книгах, как непреложные аксиомы, в одном и том же составе, почти в тех же словах. Весь разум сионизма поглощен тактикой, все споры ведутся в границах программы; даже главный раскол в сионизме не коснулся его сердцевины, потому что и духовный сионизм Ахад-Гаама не спрашивает, верно ли определена конечная цель: он указывает лишь иной путь к той же цели, какую ставит себе политический сионизм. Это общее согласие столь торжественно, что голос критики может показаться среди него почти кощунством. Если я все же решаюсь высказать свою мысль, то смелость эту я почерпаю в моем уважении к сионизму, в моей уверенности, что не правоту свою любят сионисты, но больше ее дорожат истиной и благом еврейского народа. Мы — как семья на распутье; нашему дому грозит гибель: где выход из роковой тесноты? Вы, сионисты, придумали способ спасения, я же усмотрел ошибку в ваших расчетах, грозящую новой бедой; и так как я член той же семьи, то мое возражение не должно оскорбить вас; у нас одна любовь и одна забота.

II

Сионизм как историко-философское учение представляет ту особенность, что как раз о прошлом он прямо ничего не изрекает. Его цель — вовсе не осветить историю еврейского народа; его цель — устроить будущее народа, не похожую на его настоящее; поэтому он подробно анализирует современное положение еврейства и выводит отсюда директивы для будущего, а прошлое оставляет в стороне. Из прошлого он отмечает — и то без всякого анализа, — только два-три разрозненных эмпирических факта, которые ему нужны: неистребимость еврейского народа.

самосознание своего единства в нем и тысячелетнюю молитву евреев о возвращении в Сион. Но и в суждениях сионизма о настоящем, и в его мечтах о будущей судьбе еврейства ясно выступает его затаенная философия истории.

Сионизм всецело основан на идее национализма. Развитие человечества, по мысли сионистов, совершается исключительно в национальных формах; оно и есть не что иное, как общий итог национальных развитий. Нет другого творчества, кроме творчества национального; нация — единственная подлинная реальность мировой истории. Таков первый, основной догмат сионизма. Но понятие нации многомысленно; как же определяют его сионисты? — Они мыслят нацию на манер растения; их второй догмат гласит: неизменным условием национального существования являются единство и своеобразие быта. А так как быт есть результат коллективного приспособления к внешней среде, то, согласно третьему догмату сионизма, единство и своеобразие национального быта немислимы без территориального объединения нации. На этих трех понятиях, спаянных причинной связью, покоится весь сионизм: национальное творчество — быт — территория. Все остальное в сионизме есть лишь применение этой несложной доктрины к судьбе еврейского народа. Сионисты рассуждают так. Еврейство — несомненно единая нация; такую она сознает себя и такую обнаруживается в единстве своих судеб. Оно еще не изжило своих сил, как доказывает даровитость отдельных его сынов в века изгнанничества; между тем, как целое и в массе своей оно почти два тысячелетия остается бесплодным. Почему иссякло это национальное творчество? Только потому, что еврейство не живет нормальной национальной жизнью. Нормальная же национальная жизнь есть та, когда быт органически вырастает из недр народного духа. С тех пор как евреи рассеялись по земле, они вовсе не имеют своего быта. Законы, которым подчиняется народ, должны быть изъяснением его собственной воли: евреи, живя среди чужих им народов, всюду повинуются чужим законам. У них нет своего национального хозяйства — их экономическая жизнь определяется нуждами и вкусами народов, среди которых они живут. Они утратили свой язык, они с каждым днем растеривают последние остатки своего национального своеобразия: свою религию и культ, общинную организацию, систему воспитания; они питаются чужими литературами, подражают чужим модам, усваивают чужой образ жизни.

Еврейство как нация обезличивается до конца. Против этого обезличения есть только одно средство: надо хоть часть евреев собрать в пучок и прижать этот пучок к земле и держать прижатым до тех пор, пока он пустит корни в землю; тогда через корни станут подниматься из почвы живые соки, ствол оживет, опять расцветет в еврействе национальный быт, а из него родится и плод — национальное творчество. И хотя еще ни одна нация в мире не проделала такого опыта, сионизм твердо убежден, что стоит только посадить перекасти-поле корешком в землю, и он зацветет, как жезл Аарона. Опыт непременно удастся — в этом нет сомнения; оставалось только решить, какое место на земле наиболее пригодно для посадки. Тут, после некоторых колебаний, пришла на помощь романтическая мечта евреев о возвращении на древнюю родину. Эта мечта, разумеется, — сильный психологический стимул и, как таковой, может до известной степени содействовать успеху. Но ведь сна — только одно из слагаемых; а о том, что за две тысячи лет еврейство физиологически переродилось, что его организм давно приспособился к иным почвам, климатам и бытовым укладам, что старая родина остается его родиной лишь в том смысле, как для взрослого растения — парник, откуда оно было высажено, или для бабочки — кокон, — об этом сионизм не думает.

Но я и коснулся этой темы лишь мимоходом. Суть дела — в отвлеченной формуле сионизма. Нам нужно уяснить себе две вещи: во-первых, верен ли исторический закон, на котором базируется сионизм, и, во-вторых, та цель, которую он ставит пред еврейством, заслуживает ли быть возведенной в идеал. Я утверждаю, что и закон наблюден неверно, и цель избрана недостойная нас.

III

Нет никакого сомнения: нация не механическое сцепление личностей, а некая умопостигаемая индивидуальность, имеющая единую волю и свое особенное предназначение в мире. Мы не только смутно и, однако, уверенно чувствуем это в современности, но и вполне ясно видим в прошлом, где ожившие народы предстают нам в совершенной цельности своего существа и своей судьбы. Как река в вечной смене вод, как отдельный человек един и целостен в непрерывном обновлении своего телесного состава и душевных движений, так всякий народ есть в истории один

организм, одно лицо и одна судьба. Существует стихийная воля нации, и воля эта в своем неудержимом стремлении отлагает наружу как бы известковые образования — причудливые, строго-закономерные формы народного быта и народной судьбы. И как изнутри эти формы строятся, так непрерывным движением народного духа они изнутри и образуются, разрушаются, обновляются неустанно. Национальность — начало формообразующее, морфологическое. Не сущность исторического процесса она определяет, но только индивидуальные формы его существования и внешнего проявления. Национальное начало не творит существенно, — творят другие силы: оно только привходит во всякое творчество, как желчь непрерывно выделяется печенью и воздействует на пищеварение. И даже не самые формы определяет оно, потому что формы человеческого бытия тождественны по всей земле: национальность определяет только форму форм, то есть видовое своеобразие форм. Эстетическое чувство свойственно всем людям, но у греков оно развилось всего более; нос есть у всякого человека, а римляне отличались от других людей только особенной структурой носа. И действие этого пластического начала столь тонко, так глубоко органично и таинственно, что уследить его нам не по силам.

Но если так, если национальность, действительно, не творит бытия, ни даже его форм, а только видовые признаки форм, подобно той неведомой силе, которая листьям дуба придает форму дубового листа и носу слона — форму хобота, то очевидно, что овладеть этой тончайшей стихией, во-первых, невозможно, а, во-вторых, и незачем, потому что она никак не могла бы стать в наших руках орудием существенного творчества. Нас же должно интересовать только последнее; для нас жизненно-важна лишь та сфера, на которую простирается компетенция нашей разумной воли. На действие национального начала она не простирается, следовательно, о нем нам и нечего заботиться. Национальность — наш неизменный спутник; как мы неизменно воспринимаем явления в категориях пространства, времени и причинности, так и национальность определяет все наши восприятия и всякое наше целесообразное действие. Не нация, как утверждает сионизм, есть подлинно-реальное в истории, а личность, потому что только личность творит существенно и только ей до известной степени предоставлена свобода выбора. Национальное начало действует автоматически и не развивается самочинно; раз-

вивается личность, и только в ней, питаемая ее целостным развитием, национальность крепнет и очищается. Человеческий дух не составлен из кусков, он слитно-целен, и потому ничто природное не может быть изменено в нем частично по сознательному замыслу: всякое такое усилие исказит его в целом, но своей специальной цели не достигнет. Национальный элемент — только одна из природных данностей, и о нем, как об отдельном, надо забыть, хотя он есть и вечно будет. Нам надо каждый представший вопрос и каждую задачу решать на основании существенных соображений, практических и идеальных; нам надо стараться быть сильными, свободными, полными духа людьми, — тогда наш национализм, который бессознательно есть в каждом, будет высокого качества. Испанец должен просто жить, не стараясь жить по-испански: хочет он или не хочет, он все равно живет по-испански и на свою долю осуществляет «миссию» испанского народа; но если он живет хорошо, испанский элемент в нем как раз очищается от шлаков, и он, не думая о назначении своей нации, тем лучше служит ему, — я думаю даже, улучшает в меру своих сил, потому что, ежели в самом деле народу предначертывается траектория его пути, то это, конечно, не линия, а так называемый «пучок траекторий», то есть некоторый простор вверх и вниз, предоставляемый уже свободе человеческой воли.

Поэтому я говорю: национальное творчество не есть какой-либо особенный, высший вид коллективного творчества, но всякое творчество народа непременно, помимо воли его участников, окрашено национально и этой окраской объединено. Не старайтесь быть нацией: вы неизбежно нация, по самой природе вещей. И когда вы утверждаете одновременно, что еврейство есть нация, что, распыленное по земле, оно вследствие своей распыленности неспособно к национальному творчеству, — я отвечаю: если оно действительно нация, — а я так думаю вместе с вами, — то его раздробленное, коллективное творчество непременно в какой-то сфере, недоступной нашему зрению, образует национальное целое. Тучи встают не только из морей; каждый ручей и каждая лужа испаряют в воздухе влагу. Нация не должна непременно быть собранной на одной территории, чтобы ее творчество было национальным: она творит так во всяком случае и при всяких условиях. Все дело в том, что еврейское национальное творчество в целом незримо, хотя от этого не менее реально, вы же не

раньше хотите поверить в его реальность, нежели сумеете осязать его.

Повторяю: национальный элемент вне вашей власти. Известная группа людей есть нация до тех пор, пока она — нация, а перестает быть нацией помимо сознательной воли своих членов. Я полагаю, что евреи в своей совокупности, наперекор рассеянию, суть единая нация, творящая целостно. Что будет дальше с нашей национальностью? — Ее судьбой распоряжаемся не мы. Есть в ней живые силы — она уцелеет надолго; нет — она будет постепенно гаснуть, то есть будет замещаться в отдельных личностях другими национальными началами, французским, русским, немецким. Мы можем скорбеть об ее угасании, но помочь здесь нельзя; в делах такого размера фатализм неизбежен. В наших домах мы строим печи, чтобы бороться с зимним холодом, но кто же вздумает принимать меры против охлаждения солнца? Читая в сионистских брошюрах призывы создать еврейскую национальную школу, возродить в ней библейский язык или щадить жаргон не потому, что и то, и другое, и третье хороши сами по себе, но потому, что это — первостепенные средства в борьбе за сохранение еврейской национальности, — я думаю: эти люди не на шутку боятся, что солнце остынет, и селятся поддержать в нем жар.

IV

Первый, самый характерный признак сионизма — это безверие, его необузданный рационализм, мнящий себя призванным и способным управлять стихией. Наши предки умели мудро смиряться перед заповедными тайнами; современный разум не знает своих границ. Но тайны есть; если наша мысль разгадала секрет естественного отбора, если она сумела подчинить себе силу электромагнитных волн, — это еще не значит, что ей все подвластно. Сионизм посягает на запретное уму; в этом смысле он — плоть от плоти современного позитивизма, о чем, впрочем, и непосредственно свидетельствует его националистически-утилитарное отношение к религии.

И, задумав разгадать механизм национальности и взять его в свое ведение, он не бросил свою мысль, как птицу, чтобы свободно облететь века и земли, но робко оглянулся кругом и, увидев ближайшее, признал свое скудное знание непререкаемой истиной. Он оглянулся в Европе последней

четверти 19-го века: все мощные государства — либо цельные нации, либо стремятся вобрать в себя цельные нации, Слитность, сомкнутость, независимость нации признается высшим благом; чтобы добыть его, не жалеют никаких жертв. Что это стремление родилось из экономической борьбы и только освещает себя идеологией национализма; что оно чревато величайшими опасностями и неминуемо приведет к катастрофе, к мировой войне наших дней, этого никто не видел. Объединение Германий ослепило всех как апофеоз национализма. Какое спокойное могущество территориально и государственно объединенной нации! Вот идеал, вот норма исторического бытия! Увлеченные этим примером, встают балканские славяне, оживает младочешское движение. И сионизм соблазнился. Он смиренно повторил за своими учителями: «да, другого пути нет; только объединившись телесно в одном месте, только образовав снова территориальное государство, можем и мы, евреи, снова начать здоровую жизнь», — и написал эту формулу на своем знамени. Да полно, так ли? Правда ли, что сожителство однородных на одной территории есть единственная нормальная форма национального существования? Разве Англия, смешавшая воедино три народности, не создала одного из высших человеческих типов и не внесла богатого вклада в мировое дело? И разве не то же совершается на наших глазах в Америке? Почему я должен думать, что еврейство живет ненормально? Его жизнь только своеобразна, отлична от жизни большинства других наций, и столь же своеобразно его творчество. Ведь природа богата разнообразием форм. Сравнительно с большинством растений, прикрепленных к месту, растение, скитавшееся по морю, ненормально; сравнительно с большинством живых существ ненормальна бабочка, рождающаяся в виде гусеницы, которая обращается в неподвижный кокон и только под конец в бабочку, нимало не похожую на гусеницу и кокон; ненормален и полип, рождающий совершенно непохожую на него медузу, из яиц которой опять рождается полип, и так попеременно чередующий свое потомство. Человек, никогда не слышавший о слоне и кенгуру, назовет ненормальными зверя с мягким носом в сажень или с передними ногами втрое короче задних. Наш разум произвольно постулирует единообразие в природных делах, где оно сплошь и рядом отсутствует. Разум видит в мире то, что ему хочется, потому что единообразие легко понять и покорить.

Сионизм не вывел своего идеала из философского анализа еврейской истории; он не вынес его также из глубины просвещенного сознания как объективно-должное; он соорудил его из трех дурных предпосылок; из ошибочного представления, что судьба народов определяется их собственными сознательными решениями; из произвольного утверждения о ненормальности еврейской судьбы; и из ложного догмата о территориально-государственном объединении наций как средстве единospасающем. Все эти три предпосылки он готовыми принял от извращенной и грешной европейской идеологии конца 19-го столетия. Потому и считаю себя вправе сказать, что сионизм — не еврейское учение, а современно-европейское, всего более немецкое; он вполне подражателен, результат заразы.

Соблазниться сознательным национализмом, свирепствующим теперь в Европе, — какое плачевное заблуждение! Национальность нечувствительно определяет и окрашивает каждый акт нашей существующей деятельности, но горе, если она начинает творить акты из самой себя. Национальное чувство есть в природе то же, что чувство личности живой твари: оно благотворно, пока действует органически. Но точно так же, как чувство личности в человеке, действуя органически, ввне законным инстинктом самосохранения, а пропитавшись сознательностью, превращается в эгоизм, так рассудочная мысль искажает природу национального чувства, возводя его в мнительный, злой и корыстный национализм. Именно так исказилось здоровое национальное чувство в рационалистической Европе нашего времени. Рядом с существенным творчеством народы удручены еще отдельной заботой — об ограждении своей национальности; из элемента, сопричастующего во всяком творчестве, национальность сделалась началом самодовлеющим и почти господствующим, была признана особенной ценностью в числе других культурных ценностей. И эту небывалую ценность народы ревниво охраняют от невозможных посягательств, и чуть кто-нибудь, идя по своей надобности, пройдет мимо, они кидаются на него с оружием, а когда им хочется пограбить, они оправдывают свой грабеж мнимыми нуждами своего национального дела. Так призрак стал реальной силой, самой злой и губительной силой нашего века. Народы приносят ему в жертву подлинные ценности, творят его именем величайшие преступления. Разве не во имя сознательного национализма царская власть душила все малые народности России,

Пруссия — познанских поляков, Венгрия — славян? Разве не сознательный национализм превратил балканские государства за последние 10—15 лет в озверелую стаю собак, то грызущихся до полусмерти, то с рычанием замазывающих свои раны? Не этот ли признак повинен и в мировой войне, не тем, что он толкнул народы на кровопролитие, но тем, что освятил его своим престижем?

На протяжении всех веков национализм, поскольку он становился сознательным, был злейшим врагом еврейства, а в России — и последние годы в Польше — он был даже главной пружиной еврейского угнетения. Подобно эгоизму, сознательный национализм непременно жесток и бесчеловечен, потому что он терзаем мнительностью, страхом ущерба. Этим бессмысленным страхом было продиктовано все русское законодательство о евреях: не выпускать их за черту оседлости, не пускать в гимназии, университеты, в акционерные общества и в адвокатское сословие, чтобы господствующая народность не потерпела от них ущерба. «Еврейское засилие в литературе», кричали писатели «Нового Времени»; в Польше двухгрошовые публицисты громили жалчайшую еврейскую лавочку, охраняя интересы польской торговли; а в Германии еврей не мог быть офицером, и старый Берман Коген со слезами рассказывал, как его обидели, не пустив на его свободную кафедру его любимых учеников потому, что они — евреи. Таковы плоды сознательного национализма; они по природе вещей не могут быть другими, как яблоня может рождать только яблоки, а не другой плод. Этому-то кровожадному Молоху поклонился сионизм и сказал: «Ты пожирал моих сыновей, но вижу, ты — подлинно есть бог. Будь же и моим богом; хочу служить тебе». — Я обвиняю сионизм в том, что своим признанием он усиливает в мире злое, проклятое начало национализма, стоившее стольких слез человечеству и прежде всего евреям. В идеале сионизм стремится прибавить к существующим уже безжалостным национализмам еще один — еврейский, потому что, если подлинно когда-нибудь в Палестине возникнет тот специфически еврейский быт и строй, о котором мечтают сионисты, то и он непременно будет ревновать о своей чистоте, будет подозрительно смотреть кругом и строить рогатки. Вы скажете: этого не будет, я же отвечу: весь плод заключен в зародыше. Сознательный национализм не может быть иным, нежели какова его природа. Создавая еврейский национализм, вы умножаете царящее зло и приобщаете к нему

еврейство. До сих пор еврейству была присуща, как всякому народу, лишь имманентная исключительность, то есть исключительность своеобразной религии, своеобразных народов и тому подобное; ваша исключительность сознательна и активна, она помимо вашей воли будет стремиться выработать целесообразный план внешней обороны. Потому что Молох, признанный богом, тотчас требует себе культа, сообразно с его природой.

Мне тяжело думать, что мои слова могут быть неверно поняты. По моему личному чувству, я вовсе не враг сионизма, — напротив, он трогает меня своей искренностью, горячностью, этой беззаветной преданностью идеалу, которая стариков делает юношами, а юношей — сердцем человечества. Надо быть слепым, чтобы не видеть, какой болью за еврейский народ, каким нетерпением воскресить его для новой жизни вдохновлено это движение. Психологическую красоту сионизма чувствуют и посторонние; он вызвал всеобщую симпатию во всем цивилизованном мире. Но одобрение инородцев — опасный соблазн. Понятно, что новорожденный еврейский национализм им по душе: они сами погружены в суеверие национализма; они приветствуют в сионизме решение еврейского вопроса, заимствованное из их собственной мудрости. К тому же еврейская беда для них — чужая беда; мельком взглянуть, посочувствовать и, не углубляясь в подробности, авторитетно одобрить применяемое средство, которым они сами привыкли лечиться, — вот и все их участие к еврейству. Оттого энтузиазм сионистов их легко подкупает. Я не чужой, не зритель, и дело это слишком серьезно, чтобы отдавать его во власть увлечения.

V

Философия сионизма по смыслу близорука и самонадеянна, а по содержанию подражательна. Сионисты провозглашают: «Мы нашли средство против всех еврейских бед: мы досконально узнали, что надо сделать, чтобы еврейство снова стало сильным и счастливым». Завидная уверенность! Я не взялся бы определить условия совершенства даже для одного и хорошо известного мне человека, ни даже для самого себя: так непредвиденно сложны движения духа и сцепления случайностей, а они без малейшего колебания мысленно предвосхищают будущность целого народа. Но их смелость понятна; дело в том, что они чрезвычайно

упростили задачу: они хотят, чтобы еврейство было свободным и счастливым не по-своему, а как все другие народы; они желают для него не индивидуально высокой доли, а шаблонного благополучия. Сионизм мыслит дальнейшее существование еврейского народа не в тех своеобразных формах, какие могут выложиться наружу из недр его духа, а в формах банальных и общеизвестных. По необычности своего лица и своей судьбы, еврейство донныне — аристократ между народами; сионизм хочет сделать его мещанином, живущим, как все. Так отец увещевает сына: «Остепенись! Твои сверстники давно устроены. Мы нашли тебе хорошую девушку: женись и войди в отцовское дело». Но сын не должен послушаться родительского совета. Он живет бурно и бедно, терпит лишения и насмешки, — но он гений. Родители ничего не понимают в его искусстве; он пишет какие-то странные картинки, где дома висят в воздухе, а люди падают с крыш, и этих картин никто не покупает. Нет, еврейство не должно слушаться сионистов. Его дело пока непонятно миру, но, может быть, ему суждено озарить века своим творчеством. Пусть живет, повинуюсь тайным зовам своего духа, а не пошлым правилам здравого смысла. Поистине, счастье и даже свобода — не высшие блага на земле; есть блага ценнее их, хотя и не осязаемые.

Сионизм есть отречение от идеи избранничества и в этом смысле — измена историческому еврейству. Я не отдам избранничества за чечевичную похлебку территориально-государственного национализма, прежде всего потому, что не верю в ее целебность, как не верю вообще в существование народных панацей. Мой народ несчастен, гоним, рассеян: от этого он ведь не хуже других. Напротив, его судьба тем и прекрасна, что она такая особенная; и я стараюсь понять, каковы именно признаки ее особенности.

Глубокомысленный, сложнейший замысел — и элементарная ясность плана; основные линии так отчетливы, что их способен проследить ребенок, но каждая определена тончайшими соображениями и служит многообразным задачам целого: таковы создания гениальных художников — и так творила душа еврейского народа его внешнюю историю. В самом деле, последовательность еврейской истории изумительна. Кажется, будто какая-то личная воля осуществляет здесь дальновидный план, цель которого нам неизвестна.

Два склона: от темных низин до вершины, и за перева-

лом — снова вниз. Восход еврейского народа был обычен: в беспорядочном движении кишаших атомов возникает едва заметное ядро, вихревой центр, — дом Авраама, как гласит предание. Ядро разрастается, делясь в самом себе, и чем больше разрастается, тем сильнее в нем внутренняя сила сцепления. Постепенно намечаются органы, соподчиненные в общем строе; увеличивается вовне объем тела и крепнет внутри дифференцированное единство; проходят века в неуклонном росте, и вот образовался цельный и сложный организм. Так возникали из хаоса и все другие народы. Но если всмотреться поближе, в зачатках еврейства обнаруживаются странные черты. Обыкновенно народ формируется, как растение, на том самом месте, где он родился. Крылатый зародыш, носившийся по ветру, оседает на земле и пускает корень; дальнейший рост неразрывно связан с особенностями первоначальной родины. Физический склад народа, его быт и нравы, его учреждения и религия как бы вырастают из почвы, в полнейшей зависимости от местных условий, — от климата и устройства поверхности, от состава соседей и прочее. Еврейский народ твердо помнил из своего детства одно: что его религия и законы образовались не обычным путем, не в прочном укоренении оседлости, а на ходу, в движении. В Египте — еще не народ, а только возможность народа, народ же родился в бездомном скитании, в Синайской пустыне. Он создал этот миф потому, что тайно знал себя неоседлым и в своей позднейшей оседлости. Он ощущал в себе какую-то летучесть, неукореняемость в почве и, обдумывая свое духовное творчество, — свою веру и нравы, — чувствовал в них воплощение духа, отрешенного от какой-либо местной действительности. Оттого еще внутри неподвижного Соломонова храма высшей святыней оставался кочевой ковчег. Я думаю, что он был прав. Не всякий народ мог бы пройти путь еврейского народа; не всякая вера, не всякий моральный строй способны произрастать пересаженными на двадцать почв, в сущности — под любым небом, как еврейство. Бездомность ему врождена. Оно похоже на те растения, блуждающие в море, которых корни не врастают в дно.

Но словно для того, чтобы народ сплотился и окреп в своей духовной сущности, ему суждено было все-таки сесть и временно укорениться. Художник как бы не мог сразу осуществить свой замысел: он должен был подготовить свой материал. Он сажает еврейство на землю, чтобы оно приросло; он дает тому беспочвенному цветению налиться

земными соками и расцвести в плод. Евреи в Ханаане — как египтяне в Египте: оседлость, организованный строй, замкнутость нации. Вера и обычай, рожденные в скитании, мощно разрастаются в оседлом быту, достигают полной зрелости и отвердевают. Здесь все благоприятствует созреванию; кажется, все помехи устранены заботливой рукой. Нужно, чтобы народ оплотнел и исполнился духом своим, как зрелый плод, полный семян. Как быстро возрастает еврейское царство! Как пышно расцветает оно богатством, промыслами, религией, культом, моралью, поэзией! Изначально среди всех народов в еврействе зародилась идея единобожия как духовный стержень нации, и когда в Соломоновом храме эта идея получила видимое воплощение, народ был в общем готов, точно художник сжимал песчинки в горсти своей и вот — слепил их в твердый ком. Народ крепко спаянный, неразтворимый среди других народов.

Ощупал — твердо; и не медля поднял топор и рассек народ на две части: на Израильское и Иудейское царство. Ибо то, что людям казалось творческой работой — создание государства, — было лишь подготовкой материала, вероятно, скучной для художника; творчество же началось только теперь, как и плод, ценимый людьми, не есть цель природы, а нужно ей семя, которое люди выплевывают. И так торопился, что даже не дал еврейству по-человечески насладиться своим благоденствием. Всякий другой народ, достигнув зрелости, долгие века стоит в зените, еще пышней цветет, приносит еще сочнее плоды, — иногда целое тысячелетие; еврейский народ мгновенно перевалил через вершину: его зенитом было одно царствование Соломона. Потому что и объединение и земное могущество не были его назначением, а только условиями его другого, подлинного творчества. Он восходил не для того, чтобы дойти до вершины и там, устроившись прочно, в оседлом существовании создать ценности, которых зародыш был вложен в него: так исполнили свое призвание Египет, Греция, Рим. Еврейский народ, восходя, только готовился в далекий путь нисхождения.

Так непостижимый дух народа двигал его изнутри и определял его судьбы. Каждый отдельный еврей искал себе счастье, вожди еврейские строили державу и веру, но тайно руководила всеми народная воля, делавшая их трудом свое единое дело.

Это была страстная, нетерпеливая воля. Она рано сознавала себя и действовала с кипучей энергией. Сплотив из песчинок неразложимый народ, она тотчас изнутри расколола его и потом столетия дробила на части, все мельче, пока снова не распылила совсем. Но новые атомы должны были быть качественными, отличными от первоначальных: в каждом из них должна была действовать народная воля. Она должна была пропитать личную волю каждого индивидуума так, чтобы он, осуществляя свои эгоистические желания, самым характером своих желаний и способом их осуществления служил ее целям. Оттого через всю историю еврейского рассеяния проходит странная антиномия: чем более еврейство дробится физически, тем более оно внутренне сплавляется, и наоборот, за каждый крупным успехом внутреннего сплочения неизменно следует оглушительный удар извне и еще большее рассеяние.

Когда в конце 8-го века пало Израильское царство и десятки тысяч евреев, уведенные в плен, были расселены по отдельным провинциям ассирийского государства, они бесследно исчезли среди язычников, растворились в чужой среде, потому что еврейское начало было слабо в каждом из них: оно было еще недостаточно специфичным. Иудея улетела на сто лет, и она сделалась в эти годы как бы ретортой, где кипятилось и готовилось концентрированное еврейство. Сюда извне наливается сильнейший реактив — ассирийский культ в Соломоновом храме при Манассии, невольное идолопоклонство в народе, — и в ответ пламенные вспышки пророчества, где еврейское начало быстро крепнет и очищается в борьбе с язычеством. И все клокочет в реторте, потому что страх ассирийского завоевания — как огонь под нею; и, наконец, в 621 году, как результат этого бурного кипения, великая реформа Иосии, провозглашение «Второзакония», гениальной заповеди, в которой сущность еврейства впервые была воплощена в твердых, сжатых, удобоносимых догматах. Народ, пропитанный такой эссенцией, как «Второзаконие», уже не растворим; но еврейство еще и теперь знало себя неготовым. Оно ищет средств еще более сгустить свою народную сущность и для того рядом видимых ошибок, неосторожностей, безрассудств, добивается разгрома. Иерусалим разрушен, храм сожжен, народ уведен в изгнание, так надо. Эти изгнанники — второе поколение после реформ Иосии. Рефор-

ма выросла из глубочайших недр еврейства, как туча из вод земных, и теперь, излившись назад на еврейскую массу, была жадно впитана ею; эти изгнанники уже не растают среди язычников. Изгнание было нужно душе народной; она захотела оторваться от земли, исторгнуть свои корни. Вавилонский плен еще более упрочил еврейство. Здесь Езекииль молотом своего слова ковал еврейство, и здесь опять, в бездомном существовании, возник национальный кодекс еврейский — так называемое Моисеево законодательство. Когда затем народ вернулся в свою страну и Ездра с Неемией внедрили в него этот строгий, исключительный закон, еврейство сделалось как бы одним твердым телом, не плотски, — напротив, материальная целостность ему была уже не нужна, — но духовно, ибо все атомы его были теперь пропитаны одной волей. После этого оставалось доделать уже немного: надо было еще насквозь пропитать нацию ее чистой волей, разнести дух еврейства по волосным сосудам народного быта. Это была, задача психологическая; ее удобнее мог осуществить народ укорененный в родной земле, потому евреи остаются в Палестине еще шесть веков. Большая часть была уже рассеяна: для того дела было довольно оставшихся. Государство находилось в упадке, в вечной зависимости от чужеземцев: для того дела было так лучше. Наконец, и эта работа была кончена. Народ, державшийся в земле, — как куст, наполовину вырванный ветром, — немногими корневыми нитями, чтобы дать созреть своему плоду, теперь больше не нуждался в оседлости. Катастрофа 70-го года, окончательное крушение еврейского царства, не была внешним событием, но сама воля еврейства довольно и обдуманно произвела ее в вещественном мире своими духовными силами в срок, какой она сочла благовременным. Еврейское начало в мире кипятилось и процеживалось более тысячи лет; теперь оно было окончательно готово: крепчайший и чистый настой. Не было и нет другого народа, столь прочно спаянного внутренне, столь однородного духовно. На протяжении дальнейших веков еще несколько раз приходилось крепче затягивать срединный узел, чтобы еврейский ум не разложился в человечестве; таково было создание Мишны во 2-м и Талмуда в 5-м веке, таков же был раввинизм и кагалная система в Польше и Литве 16—17 веков. И эта внутренняя цельность вызывала во внешнем мире такое последствие, которое в свою очередь ограждало ее извне и тем благоприятствовало ей: ис-

ключительность еврейства в нравах и пище побуждала врагов усугублять ее созданием гетто в средние века и черты оседлости в России. Так дух еврейского народа внутренне и внешне строил его судьбу по какому-то определенному плану. Эта сплоченность в рассеянии была нужна не сама по себе: ее ценность чисто формальна. Она была, как сосуд, в котором собраны капли настоя, потому что только совокупно они сохраняют свое особенное свойство, а разбрызганные выдохлись бы. Внутреннее единство еврейского народа было нужно для того, чтобы в каждом еврее его личная воля была насыщена еврейским национальным началом.

VII

Чего же хочет еврейский народный дух? Какое дело он совершает в мире? Если детство и молодость народа ушли на то, чтобы их воля сознала себя и облеклась плотью, то вот уже два тысячелетия, как началась его положительная деятельность: достаточный срок для того, чтобы подвести ей итог. Сионизм просто зачеркивает эти двадцать веков рассеяния. Он говорит: деятельности не было вовсе, было болезненное прозябание, причиненное извне, вроде того оцепенения, в какое погружена рыба, вынутая из воды. Как? Значит, Иудейское царство пало потому, что Александр Македонский был гениальный полководец и Рим — могущественная держава? Но ведь возможно было и противоположное: несметные полчища Дария не одолели же Греции, и побежденные народы не раз освобождались. И рассеяние евреев по лицу земли объясняется привычкой древних завоевателей уводить побежденных в плен? Но почему евреи в плену не растаивали среди чужих племен, и почему, наоборот, они уживались на чужбине, а не тянулись на старую родину, как можно было бы ожидать, в особенности, от народа столь исключительного и так строго централизованного религиозно вокруг Иерусалимского храма? Почему они разбрелись по всей земле и толпами кочуют поныне, а не собрались в изгнании на одном месте? Нет, судьбы народов еще меньше подвержены власти случая, нежели судьба одного человека. Повторяю: еврейский народ, как и всякий, из глубины своего духа творил свою внешнюю участь, и в этом смысле это скитальчество так же нормально, как и его древняя оседлость. Он сам захотел рассеяться и потому дал себя изгнать и остался рассеянным

доныне. Вспомните: еще иудейское царство стояло, а уже большая часть евреев была рассеяна по всем странам Востока; еще второй храм красовался во всей славе, а на улицах и в домах Иерусалима уже не слышно было библейского языка: весь народ говорил по-сирийски или по-гречески. Рассеяние — такой же закономерный этап этого роста, как превращение неподвижной куколки в бабочку.

Мысль моя так странна, что я едва решаюсь высказывать ее: дано ли смертному познать истину в таких делах? Я вижу еврейство в его долгом скитании одержимым одной страстью: отрешаться от всего неизменного. Мне кажется: все другие народы накапливают сокровища для того, чтобы потом творческим использованием этих сокровищ осуществлять свое призвание; еврейский народ не менее жадно добивался национального единения, государственного могущества и духовной полноты, но лишь затем, чтобы во вторую половину своей жизни срывать с себя эти мирские оковы, — лишь затем, чтобы было что бросать. Он разрушил свое государство, как созревший птенец ломает скорлупу яйца; он оторвался от своей земли и пошел по миру, чтобы жить бездомно: больные отрывы, кровоточащие раны — но он так хотел неутолимым хотением. Он расторг свое единство и разметал себя далеко в обломках. Он захотел не иметь своих законов, и, значит, жить по чужим; он отказался потом и от драгоценнейшего достояния — от национального языка. Он как бы сознательно учился самоотречению: не надо дорожить народной независимостью, надо учиться жить без нее, под чужой властью; не надо быть прикрепленным ни к одному месту, ни к одному языку, ибо это рабство плотскому началу: разделись и странствуй! Пусть у тебя не будет ничего постоянного на земле, никаких дорогих сокровищ: человек не может обходиться без земных орудий, — пусть же все они у тебя временные; научись менять их, не прикрепляясь душой. Так хотела народная воля; и, пронизав весь народ как один организм, она изнутри отложила наружу твердую скорлупу, облекла народ невидимую в мире замкнутостью, исключительностью, упорством. Этой исключительностью народная воля притягивала извне и скопляла вокруг еврейства те особенные, с виду враждебные силы мира внешнего, которые, действуя на еврейство, помогали ему преобразиться в указанном смысле. Своей исключительностью, этим внешним символом единства, особенности и непреложности своей национальной воли, еврейство на всем пути рассея-

ния приманивало к себе самых строгих наставников, которые и учили его тому, чего последовательно требовал его внутренний голос. Они все были слугами его призвания, как цветок яркой окраской привлекает насекомых, которым предназначено разносить его семя. Он сам тайным зовом призвал Тита разрушить его царство, крестоносцев — избивать его сыновей и в Вормсе и Кельне, Филиппа — изгнать их из Испании, Кишиневскую чернь — громить их дома. Он хотел учиться и щедро платил своим учителям. Пусть скажет кто-нибудь, что выучка была unsuccessful. За две тысячи лет еврейство успело порвать крепчайшие цепи, какими человек привязан к земле. У него не осталось почти ничего постоянного; где ни живут евреи, у них все — временное: оседлость, язык, закон, одежда и пища, занятия, интересы и моды. Все не свое, а взятое напрокат, все равно у кого, и наскоро приспособленное для временного пользования. Не дом, а походная палатка, как если кто спешит к своей цели и пренебрегает удобством в пути.

Но как тяжка была участь отдельного еврея. Дух народный нудил его отрешиться, а слабое сердце жаждало как раз устойчивости, постоянства. Сердцу нежизнь уют, а уют — это могилы предков, свой дом, свой язык, непрерывная традиция, словом — обеспеченная оседлость тела и духа. Отдельный еврей, рожденный в изгнании, естественно хотел пустить корни в том месте, где родился, и обрасти прочным бытом. Так в его груди билось два сердца: одно влекло к земному устройению, другое гневно повелевало не прикрепляться ни к каким благам. Тот голос манил его смещаться с средою, — отсюда в еврействе неискоренимая тяга к ассимиляции даже с древних времен; этот — требовал больше жизни беречь свою национальную исключительность. Вся история рассеяния есть непрекращающийся спор двух волей в еврействе: человеческой и сверхчеловеческой, индивидуальной и народной. Чуть осев кучкой где-нибудь на пути, евреи тотчас начинают устраиваться прочно; если не навсегда, хоть надолго. Устроиться — значит войти в общение с местным населением, приноровиться к его потребностям и вкусам. Начинают робко, уступая житейской необходимости, потом входят во вкус уюта, и вот уже готов более или менее прочный дом. Знают, что грех, и, внемля голосу народной воли в себе, всячески блюдут свою исключительность, но и поминутно изменяют ей; одна рука, одетая в рукав местного покроя из местной ткани,

строит жилище, другая обнажена, обернута филактерией и бездействует. Сколько раз и на сколь несчетных местах за две тысячи лет евреи так лукаво пытались укорениться в земле! Случалось даже, вырабатывали себе целые культуры смешанного характера, наполовину из еврейских, наполовину из туземных элементов, рассчитанные на долгое употребление, и создавали себе временно постоянный язык. Так было, например, в Александрии, потом в Испании, позже в Польше и Литве. Народный дух как будто оставлял свою строгость, снисходя к брэнной плоти, чтобы она не сломилась под ее ярмом. Он давал человеку подкормиться оседлостью и окрепнуть, — но затем вдруг решал: довольно! корни крепнут, позже их будет трудно вырвать! Тогда он исключительностью еврейской, сохраненной и в оседлости, подзывал извне любого учителя, кто бы не проходил мимо, лишь бы с крепкими кулаками, — испанского Филиппа, или Гонту, или Янушкевича с солдатами в эту войну, и крушил их руками в щепы обжитой дом, долговременные привычки, весь налаженный строй, и сгонял евреев с насиженного места на чужбину, или же, как в средневековой Германии и у нас в России, довольствовался тем, что рукой иноверца сильно встряхивал еврейство на месте, либо отбрасывал его недалеко, — только бы не пустило корней. Потому же, я думаю, еврейский народ стал народом подвижных профессий, народом ремесел, торговли, обмена. Земледелие запрещено еврею его народным духом, ибо, внедряясь в землю, человек всего легче прирастает к месту и к устойчивым формам жизни.

А мир хочет как раз противоположного: он жаждет прочности почти столько же, как самих достижений. Все народы начали свое поприще бездомными и восходят все к большей устойчивости; постоянство есть неотъемлемый признак культуры. Еврейство, дойдя, как все, до вершины, внезапно пошло обратным путем, — снова к временному, непрочному, от крепких стен Иерусалима к передвижным шатрам. В этом смысле еврейство антикультурно; оно бродит между народами как жуткое напоминание и пророчество; из праха ты создан и в прах обратишься. Еврейская исключительность была для мира только внешней окраской, но ненавидел он в еврействе именно его субстанцию, которая вовне обнаруживалась той краской, — его волю к отрешению, к непостоянству. И не безделицей было еврейство для мира во все эти двадцать веков: народы с жгучим интересом следили за ним, и чем дальше смотрели, тем яр-

че их взор разгорался страхом и ненавистью. В том деле, которое делает еврей, есть какая-то вечная истина, но какая страшная. Зачем он напоминает мне о ней? Она убивает волю к земному строительству. И как он может жить с такой правдой в душе. Он — исчадие прошлого, он пугает наших детей, — бей его, гони, пусть исчезнет! — А воля еврейская только того и хотела, чтобы гнали евреев, чаще, чаще! Оттого была полная гармония между волей еврейского народа и его внешней судьбой. Мир думал, что он казнит еврейство, а на самом деле служил ему, как он служит всякой воле.

VIII

И вот, главное сделано. На всем пространстве рассеяния еврей живет временно, как путник на ночлеге, где прочнее, как в Средней и Восточной Европе, где просто в шатрах, как в Румынии и Америке, но всюду без собственного домоводства. Все главные корневища перерезаны; народный дух оставил ему только право сохранять или сызнова пускать в почву нитевидные корни, без которых уже невозможно питание и следовательно самая жизнь. И хотя в этом отношении, казалось бы, уже нечего опасаться рецидива, однако народный дух и теперь еще время от времени отрывает слишком приросшие к земле и слишком спаянные части еврейства и швыряет их, как бы в досаде, за море или через границы государства, иногда с такой силой, что глыба разбивается вдребезги. Так он оторвал, — все помощью обычного средства, воздействием еврейской исключительности на внешний мир, — и бросил за океан, в Америку, больше двух миллионов русских евреев в последние 35 лет; так в этой войне он оторвал и разметал по России миллион евреев, засидевшихся в Польше и Литве; и беспрестанно встряхивает еврейство русскими, румынскими, марокканскими и всякими другими погромами, чтобы не забывалось. Но в общем все-таки цель достигнута: еврейство не имеет земного града.

Но у него остается небесный град, где он тем увереннее чувствует себя дома, — точнее, земной образ небесного града. Ему осталась религия и с нею рожденное, ее надблго переживающее чувство национального единства: могучий стержень, исполняющий двойное назначение, потому что он внутренне объединяет еврейство в один ствол и вместе образует единый крепкий корень, которым еврейство

коренится в земле. Всякая внутренняя связь между людьми есть и внешнее совокупное их прикрепление. От всех земных устоев народный дух оторвал еврейство, не оторвал еще только от последнего и самого прочного, который уже на границе земли и неба. Этот остался дольше всех, потому что, только опираясь на него, еврейство могло психологически вынести боль всех меньших отрывов. Если бы не религия, не Тора и сознание общности своей, народ не прошел бы сомкнутым строем чрез такие муки. Те требования, которые национальная воля предъявляла к отдельной личности, были столь беспощадны, почти выше человеческих сил, что без великой надежды, общей для всех, еврей на каждом шагу впадал бы в отчаяние и соблазнялся бы отпасть от братьев и от странного, мучительного общего дела. Нужен был ослепительный общий идеал, который давал бы силу на совместное подвижничество; еврейство могло победить в себе персть только при незакатном и неподвижном солнце, как некогда воинство Иисуса Навина. Вот последняя неподвижность: для верующего еврея — незаменимая Тора и неразложимое еврейство, для неверующего — по крайней мере последнее.

Сказать ли мое предвидение? Но факты сами гласят, как открытая книга. Я вижу, что таинственная воля еврейства направлена к тому, чтобы разрушить и этот последний оплот. Он был лишь наиболее долговременным из временных орудий народного духа; теперь его черед. Что пользы освободиться от сладких привычек бытия, когда остается одна сладчайшая тех? Дух должен быть абсолютно свободен, потому что он есть движение, только движение, а свобода и движение — одно. Духовная стихия в человеке сама пожелала обуздать свой разрушительный поток, и потому сама воздвигала на своем пути неподвижные запруды, неволя себя к плавному течению; но она же и разрушает свои сооружения. Тора, национальное чувство евреев — последние, мощные плотины. Пока они стоят, еще нет свободы движению духа. Да не будет у тебя никаких незаменимых сокровищ, никакой прочной обители. Ты прилеплен к Торе? — оторвись; ты чувствуешь себя навеки оседлым в еврействе? — выйди из него; твой дух должен стать столь же бездомным, как твое тело. Ты был некогда во плоти гражданином Ханаанского царства, теперь ты гражданин вселенной; ты был в духе подданным Торы и гражданином еврейства, — будь ничьим подданным, гражданином духовной человечности. Я не оставляю

тебе ничего, кроме хлеба насущного и семейной любви, чтоб ты мог жить. — Тоскует и плачет в еврее бранный состав человека: «Мне ли, смертному, мне ль, изнуренному освобождением плоти, поднять такое бремя?» И крепко держится польский, литовский, галицийский еврей за Тору и Талмуд, строго блюдет ритуал и субботу, посылает сыновей в ешибот, а те, в ком погасла вера отцов, сионисты, селятся остановить духовное распадение еврейства внешними средствами: территориальным объединением его на старой родине, возрождением бывшего языка, прививкой сознательного национализма.

Но воля народная неукротима. Как не прижимай к груди туго свернутый свиток закона, он вырвется из объятий, развернется и улетит в небо, как змей, потому что объятие уже ослаблено без твоего ведома. И обручи не взойдут на распадающуюся громаду. Неудержимо гаснет вера в еврействе, еще быстрее с ее угасанием рушится на местах специфически еврейский быт: об этом без устали твердят сами сионисты. Но они заблуждаются, думая, что ассимиляция еврейства по существу случайный процесс. Они должны бы спросить себя; разве не странно, что ассимиляция необычно усилилась как раз в последние сто лет и ускоряется с каждым часом, хотя теперь, вследствие повсеместного уравнивания евреев в правах, соблазн отпадения несравненно уменьшился? Соблазн был еврею креститься в дни инквизиции, чтобы уцелеть; соблазн был надеть европейское платье, есть трэфное и ездить в субботу, когда этими уступками можно было купить безопасность и даже сытость. В наш просвещенный век внешняя исключительность всюду разрешена законом и в общежитии меньше колет глаза. Нет, — то не внешняя сила расщепляет еврейство; оно само распадается изнутри. Обветшал, истлел главный стержень — религиозное единство еврейской нации. Раньше народный дух удерживал отдельного еврея в составе еврейства религиозно-национальным чувством внутри, исключительностью снаружи; теперь он разлагает то чувство, а потому и внешняя исключительность выветривается сама собой. Зерно прорастает — шелуха должна лопнуть.

IX

Мне кажется, еврейство вступает ныне на последний стадий своего пути. Были поворотные пункты в его истории: завоевание Ханаана, возникновение царства, постро-

ка первого храма, потом вавилонское пленение и возвращение из плена, наконец, крушение царства и разрушение последнего храма; но ни один внешний факт еврейской истории, как бы он ни был значителен, не может сравниться с тем духовным событием, которого нам суждено быть участниками и зрителями. Разложение еврейской веры и пропитанного ею быта — величайший перелом в истории еврейского народа с тех времен, когда в нем окрепла идея единобожия. Этот перелом начался в единицах давно, теперь он захватывает уже и массу, и его ничто не остановит. Двадцать веков и больше еврейство училось плотскому рассеянию и научилось; теперь для него начался период духовного рассеяния и духовной бездомности; и эта выручка будет горше той. Самая разительная особенность ветхозаветного Бога заключается в том, что он возлюбил еврейский народ паче всех земных племен, но за грех карает до седьмого колена. И точно: нет участи величественнее той, какая выпала на долю еврейства, но и ни одна народная воля не требовала от отдельного члена нации такого подвижничества, как еврейская; она поистине беспощадна к личности. Бичами и скорпионами истязал еврейский Бог тело своего любимого сына, уча свободе чувственной, потому что чувственное освобождение совершается только через тело. Какие ужасы погромов, скитальчества, смертельного страха, унижения и нищеты! Какая боль бесчисленных сердец от Тиглат-Пилесера до Калуша и Тарнополя сегодня! Рвал крючьями тело, жег раскаленным железом, никого не жалел — ни старых, ни дев, ни бессловесных младенцев. Все отрывал, отрывал и гремел с небес: «А, сластолюбец, непокорный раб! Опять угрелся в логовище? Иди! Не прилепляйся сердцем ни к чему земному, странствуй сердцем!» Теперь сердце научилось жить временно и бездомно. Первая выучка кончена. Без нее была невозможна вторая, высшая — освобождение духа. Но тут нужны другие приемы: дух освобождается в самом себе, внутренним противоборством. Теперь тело не будет страдать, — напротив, поскольку сердце свыклось с бездомностью, тело может жить спокойно. Не бесправием, погромами и изгнанием будем мы обучаться последней свободе, вообще не внешним самовоздействием; еврея ждут иные страдания. Можно вытерпеть жесточайшие муки, пока дух имеет опору, пока в нем есть хоть одна неподвижная точка; но без заветной святыни самое счастье невыносимо. Сионисты думают, что ассимиляция грозит гибелью самой

сущности еврейства. О, маловеры! Еврейское начало неистребимо, неразборимо никакими реактивами. Еврейский народ может без остатка расплыться в мире — и я думаю, что так будет, — но дух еврейства от этого только окрепнет. Венский фельетонист-еврей, биржевой делец в Петербурге, еврей-купец, актер, профессор, что у них общего с еврейством, особенно в третьем или четвертом поколении отщепенства? Кажется, — они до мозга костей пропитаны космополитическим духом, или в лучшем случае, духом местной культуры: в то же верят, в то же не верят и то же любят, как другие. Но утешьтесь: они любят то же, да не так. Они берут на поддержание чужие верования, идеи, вкусы, во-первых потому, что надо же как-нибудь осмысливать жизнь, хотя бы обманывая себя мнимым смыслом; а во-вторых, начавшееся в них обнажение еврейского духа есть уродство для мира: надо чем-нибудь прикрыть свою духовную наготу. Они не обманщики, нет. Напротив, нельзя быть искреннее и усерднее в прозелитизме. Их действительно пожирает страстное желание уверовать в чужих богов с тою же беззаветностью, какую они видят в туземцах, потому что только такая вера, автоматически направляющая сознание, дает нужный упор для деятельности. Но вера — как дитя: кровно любит ее только та душа, которая родила ее из недр своих в муках; для всякой другой души она — ценность; то есть внешний предмет, неизбежно подлежащий оценке. Именно так живут евреи, духовно отпавшие от еврейства. Они силятся полюбить то, чем живет современный культурный мир: его позитивистическую веру, его философию, науку, эстетику, демократизм в политике и социализм; они делают вид, что уже любят, по настоящему любят, и сами себя убеждают в этом. Но то — лишь приемыши, не плоть от плоти их духа. Пусто в сердце и слишком ясно в уме. За их шумной деятельностью в чужой среде, за их самоуверенной и часто самодовольной внешностью таится глухая тревога; их кипучая энергия — не из душевной полноты, а из душевного голода; их гонят фурии — безотчетный страх пустоты. Эту жажду опьянения я вижу отчасти и в сионизме. Но самообмана хватит ненадолго. Может быть уже внуки нынешних культурных евреев ясно ощутят леденящий холод в душе, и с каждым новым поколением будет острее недоумение и ненасытнее тоска. Еврейский Бог жесток. Он дал своему любимцу накопить в кованном ковчеге величайшее духовное богатство — такую высокую и крепкую религию, та-

кую несокрушимую нравственность, каких не имел ни один народ. В те дни, как ни тяжка была жизнь, личность всегда оставалась в выигрыше, потому что народное богатство сторицей окупало всякий индивидуальный убыток. И в урочный час все отнял, — разбил ковчег и рассыпал, испепелил, обесценил сокровище. Была безотчетная вера в осмысленность жизни: бесценный вклад; ее не заменяет ни вера по Марксу и Геккелю, ни даже вера по Бергсону и Джемсу; было на земле благолепие быта: синагога и взаимное приветствие праздника, светлая чистота Пасхи, турбные звуки в Судный день и прежде всего, суббота; их вовеки не заменят театр и кинематограф, международная елка и обмирщенное воскресение. Будет пустота и безнадежность, подобно тому, как бесприютный странник вспоминает свое далекое счастливое детство; будет бездомность духовная, как уже давно для евреев наступила мирская бездомность. Я говорю: будет, потому что уже началось. Таков последний завет ветхозаветного Бога еврею: «стань так же нищ духом, как телом!» Для чего нужна была эта страшная выучка, и куда ведет еврейство его народная воля, — кто скажет? Ученый умеет рассказать нам, как гусеница превращается в кокон и кокон в бабочку, но бесполезно спрашивать у него, зачем нужна бабочка в мире. Нам дано видеть только отрицательное дело еврейства — путь его освобождения, потому что только это дело совершается во внешних формах, доступных наблюдению. Но свобода никогда не бывает целью сама по себе. Последовательное освобождение еврейского духа без сомнения сопровождалось в какой-то глубине, недостижимой для взора, положительным творчеством, для которого оно было только средством; но плоды этого творчества незримы. Верно не без причины еврейство отрывалось от всех якорей и теперь обрывает последний. Мы уже теперь можем с уверенностью предвидеть: человек в еврействе станет нищ духом; не к этой ли цели стремится и все человечество. Разуверение началось не только для еврейства: тем же недоумением, той же нищетой разума и тоской заболевают ныне все горячие сердцем, чистые духом; и эта зараза будет шириться между людьми. Я думаю, все человечество идет одним путем; от природной бедности к накоплению, и затем снова к иной, уже добровольной нищете. Еврейство проходило этот путь с особенной, я сказал бы: прообразной стремительностью, не задерживаясь. Евреи были больше всех народов сыты своим Богом, оттого их голод будет все-

го жгуче. Может быть, они первыми и войдут в царство духовной свободы; может быть, последняя воля еврейства сказалась в словах, прозвучавших некогда из его глубины: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». — Они насытятся пищей, которой мир еще не вкушал, ибо все мирские ценности — как бутофорские яства.

Так я читаю по страницам истории метафизическую судьбу еврейства. Верен ли мой пересказ, или нет, — он имеет одно достоинство: из него нельзя сделать никакого практического употребления. Эта философия истории не связывает личность, а оставляет ее свободной. Я говорю: национальность в человеке — имманентная, стихийная, Божья сила; поэтому мы можем спокойно забыть о ней: она сама за себя постоит. В нашей душе борются две воли — личная и родовая: будь же личностью. Та, родовая воля несокрушима, — будь и ты, как кремень; только так высекается огонь. Кто есть еврей. — В ком действует народная воля еврейства. Как это узнать. — Этого нельзя узнать; Бог видит в глубину сердец. Но как должен жить еврей. — Согласно своему целостному личному влечению и руководствуясь в каждом деле существенными соображениями; тогда он будет жить всей полнотой своей, а национальная воля, действующая в нем, сама уклонит его шаги на должный путь. Ты любишь библейский язык? — Учись ему, говори на нем. Тебя влечет в Палестину? — Иди один; но не желай и не думай тем возродить еврейское царство. Взрослый народ не пеленают и не кладут в колыбель. А еврейское царство — не от мира сего.

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях даны самые краткие сведения об авторах и о публикациях их произведений, вошедших в сборник.

Ф. М. Достоевский

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — всемирно известный прозаик, журналист, публицист, религиозный мыслитель.

Дневник писателя за 1877 г. Глава вторая. Печатается по: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 74—88.

Дневник писателя за 1877 г. Глава третья. Печатается по: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 88—92.

В. С. Соловьев

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ, поэт, публицист, религиозный мыслитель.

Еврейство и христианский вопрос. Печатается по: Соловьев В. С. Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1901—1907. Т. 4. С. 135—185. Впервые: Православное обозрение. М., 1884. Авг. С. 755—772; Сент. С. 76—114.

Новозаветный Израиль. Печатается по: Русь, 1885. № 24, С. 7—9; № 25, С. 6—7. Впервые: Там же.

Протест против антисемитического движения в печати. Печатается по: Письма Владимира Сергеевича Соловьева. СПб., 1908—1911. Т. 2. С. 160—161. Впервые: The Jews in Russia / (From an occasional correspondent) // Times. 1890. № 33191. P. 3.

Письмо В. С. Соловьева к автору (Вместо предисловия) <К книге Ф. Б. Геца «Слово подсудимому!» >. Печатается по: Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 296—304. Впервые: Гец Ф. Б. Слово подсудимому! С письмами графа Л. Н. Толстого, Б. Н. Чичерина, Владимира Сергеевича Соловьева и В. Г. Короленко/Ф. Г. — СПб., 1891. С. XV—XXVII.

В. В. Розанов

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — философ, публицист, эссеист.

Юдаизм. Печатается по: Новый путь. 1903. № 7—12. Впервые: Там же.

Иудейская тайнопись. Печатается по: Розанов В. В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб., 1914. С. I—II. Датировано: 1911 г.

Есть ли у евреев «тайны»? (Ответ на заявление 400 раввинов). Печатается по: Там же. С. 12—18. Датировано: 1911—1913 гг.

Еще об иудейской тайне (Ответ г. Переферковичу). Печатается по: Там же. С. 19—23. Датировано: 1911—1913 гг.

Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. Печатается по: Там же. С. 24—31. Датировано: 1911—1913 гг.

Кое-что «про себя». Печатается по: Там же. С. 148—151. Впервые: Там же.

В соседстве Содома (Истоки Израиля). Печатается по: Розанов В. В. В соседстве Содома (Истоки Израиля). СПб., 1914. 20 с.

Ангел Иеговы у евреев (Истоки Израиля). Печатается по: Розанов В. В. Ангел Иеговы у евреев (Истоки Израиля). СПб., 1914. 24 с.

Европа и евреи. Печатается по: Розанов В. В. Европа и евреи. СПб., 1914. 38 с.

Почему на самом деле евреям нельзя устраивать погромов? Печатается по: Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 417—423. Впервые: Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад, 1918. № 6—7.

Д. С. Мережковский

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1943) — философ, публицист, поэт, один из представителей «русского ренессанса» и «русского декаданса», теоретик и выразитель «нового религиозного сознания» и символизма.

Еврейский вопрос как русский. Печатается по: Щит. М., 1915. С. 136—138.

Вяч. И. Иванов

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, философ, переводчик, теоретик символизма.

К идеологии еврейского вопроса. Печатается по: Щит. М., 1915. С. 84—86. Датировано: Май, 1915.

Н. А. Бердяев

Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ, религиозный мыслитель, представитель «русского религиозного ренессанса».

Судьба еврейства. Печатается по: Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 68—83. Впервые: Бердяев Н. А. Смысл истории. Б., 1923. С. 68—83.

Христианство и антисемитизм. Печатается по: Путь. Париж, 1938. Май — июнь. Впервые: Там же.

С. Н. Булгаков

Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — философ, публицист, общественный деятель, православный богослов, священник.

Сион. Печатается по: Щит. М., 1915. С. 42—45. Датировано: 13 марта 1915 г.

Судьба Израиля как крест Богоматери. Печатается по: Булгаков С. Н. Христианство и еврейский вопрос. Paris, 1991. С. 13—18. Датировано: 15 августа 1941 г.

Расизм и христианство. Печатается по: Булгаков С. Н. Христианство и еврейский вопрос. Paris, 1991. С. 19—92. Датировано: зима 1941—1942 гг.

Л. П. Карсавин

Карсавин Лев Платонович (1882—1952) — историк-медиевист, философ, представитель «философии всеединства», публицист, примыкавший к «евразийцам».

Россия и евреи. Печатается по: Версты. Париж, 1928. № 3. С. 65—86. — Первая публикация.

В. В. Зеньковский

Зеньковский Василий Васильевич (1881—1962) — философ, религиозный мыслитель, православный священник.

На темы историософии. Печатается по: Современные записки. Париж, 1939. № 69. С. 280—293. — Первая публикация.

Г. П. Федотов

Федотов Георгий Петрович (1886—1951) — историк-медиевист, культуролог, публицист. С 1925 г. в эмиграции; преподаватель Богословского института в Париже (1926—1940), с 1946 г. — в Святоволадимирской семинарии в США.

Новое на старую тему (К современной постановке еврейского вопроса). Печатается по: Федотов Г. П. Новый Град. Нью-Йорк, 1954. С. 200—214. Впервые: Новый журнал. 1940. № 1. С. 14—20.

Приложение

Штейнберг А. З. Ответ Л. П. Карсавину. Печатается по: Версты. Париж, 1928. № 3. С. 87—93. Датировано: Берлин, 1927 г.

Гершензон М. О. Судьбы еврейского народа. Печатается по: Гершензон М. О. Судьбы еврейского народа. Берлин, 1927. 59 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ф.М. Достоевский	6
Дневник писателя за 1877 г. Глава вторая	7
Дневник писателя за 1877 г. Глава третья	23
Вл.С. Соловьев	30
Еврейство и христианский вопрос	31
Новозаветный Израиль	80
Протест против антисемитического движения в печати	94
Письмо В.С. Соловьева к автору (Вместо предисловия) < к книге Ф.Б. Геца «Слово подсудимому» >	95
В.В. Розанов	104
Юдаизм	105
Иудейская тайнопись	228
Есть ли у евреев «тайны»? (Ответ на заявление 400 раввинов)	234
Еще об иудейской тайне (Ответ г. Переферковичу)	238
Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови	241
Кое-что «про себя»	245
В соседстве Содома (Истоки Израиля)	247
«Ангел Иеговы» у евреев (Истоки Израиля)	257
Европа и евреи	269
Почему на самом деле евреям нельзя устраивать погромов?	290
Д.С. Мережковский	300
Еврейский вопрос как русский	301
Вяч.И. Иванов	304
К идеологии еврейского вопроса	305
Н.А. Бердяев	308
Судьба еврейства	309
Христианство и антисемитизм	325
С.Н. Булгаков	343
Сион	345
Судьба Израиля как крест Богоматери	348
Расизм и христианство	352
Л.П. Карсавин	406
Россия и евреи	407
В.В. Зеньковский	432
На темы историософии	433
Г.П. Федотов	447
Новое на старую тему (К современной постановке еврейского вопроса)	448
Приложение	459
А.З. Штейнберг. Ответ Л.П. Карсавину	460
М.О. Гершензон. Судьбы еврейского народа	468
Примечания	497